М. ГИЭР

РЕКВИЕМ ПО ЗАВОЕВАТЕЛЮ

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Майкл В. Гиэр

РЕКВИЕМ ПО ЗАВОЕВАТЕЛЮ

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

CZU 820—31
Г 51

Майкл В. Гиэр

Г 51 Реквием по завоевателю. Роман. Пер. с англ. Сост. В. П. Кирчев, Художник Л. Саинчук. К.: «ЭЯ», 1993—496 с. (Серия «Зарубеж. фантастика», вып. 31). ISBN 5—86892—152—6

Грандиозные битвы, в которых противостоят друг другу две звездные империи, великие потрясения и нечеловеческие испытания, титаническая борьба добра со злом...Через все это проходит главный герой романа, наводящий ужас Звездный Палач, устремляясь к своему истинному предназначению — стать освободителем Открытого Космоса.

ISBN 5—86892—152—6

© Состав. В. П. Кирчев, 1993.
© Худ. офор. Л. Саинчук, 1993.

РЕКВИЕМ ПО ЗАВОЕВАТЕЛЮ

ПРОЛОГ

Наиболее распространенное явление в процессе эволюции — это неудачный эксперимент, который приводит к угасанию цивилизации.

В самом начале «Иные» построили Мэг Комм, машину для обучения и наставления людей на путь истинный. Мэг Комм никогда не вступала в прямой контакт со своими создателями, никогда не видела и не ощущала их. Она получала инструкции и программы, посылаемые ее создателями сквозь мерцающие грани Запретных Границ. Гигантская машина никак не могла воздействовать на своих создателей, она только воспринимала их с благоговейным трепетом и поклонением. А как иначе может воспринимать машина своих конструкторов?

«Иные» долго изучали человечество и хорошо познали его. Они изучили склонности, пристрастия, привычки, присущие человечеству. Веками они наблюдали, как складываются судьбы лидеров, наставников, ученых. Они познакомились с ценностями, которыми руководствовались столь почтенные люди.

Мэг Комм была спрятана далеко в горах Тарги, там, где мозг машины был хорошо защищен толщей несокрушимого базальта. К терминалу можно было попасть через туннель, который вел к верхним гротам.

Для своего питания Мэг Комм использовала энергию радиоактивного распада, нагревающего ядро планеты,— практически неисчерпаемый источник энергии, который не был подвержен ничьему вмешательству.

В этом эксперименте, который поставили «Иные», никакого значения не имело то, что человек способен мыслить. «Иные» считали, что человечеству просто необходимо постоянное бережное руководство, которое осуществляла Мэг Комм. Вначале человечество не было ограничено рамками Запретных Границ. Человек был вольным и свободным, его рвущуюся ввысь силу сдерживали только силы притяжения планеты и атмосфера. Но пришло время, люди сумели освободиться из плена гравитации — и вырвались в Открытый Космос со всей своей накопившейся агрессивностью и страстью к войнам. «Иным» нужно было как-то остановить разбушевавшееся человечество, но они понимали, что не смогут предстать перед людьми в своем истинном обличье — это могло привести к непоправимым последствиям, потому что люди всегда

боялись тех, кто не был на них похож. Стало совершенно очевидно и ясно, что человечество нельзя было выпускать на свободу. Что оставалось «Иным»? У них был выбор: либо уничтожить человечество, либо создать систему и поместить мир людей в гравитационную ловушку Запретных Границ. Что и было сделано. Эксперимент перенесли с Земли в область Запретных Границ. На Земле провели строжайший карантин.

Теперь можно было спокойно продолжать наблюдение и эксперименты. «Иные» с помощью Мэг Комм пытались сделать человека рациональным. Они передавали инструкции и программы Мэг Комм и через нее общались с людьми. Контакт прекратился, когда «Иные» поняли, что священники Седди с явно корыстной целью скрывают существование Мэг Комм.

Машина продолжала собирать данные о людях, но прекратила телепатическую связь с ними. Это длилось до тех пор, пока не сменилось целое поколение людей.

Скорей всего, это было ошибкой, что выяснилось, когда Мэг Комм вышла на связь и поняла, что в Открытом Космосе произошли необратимые изменения. «Иные» утратили последнюю надежду сделать людей рационально мыслящими и разумно действующими. Они совершенно отбились от рук и не хотели жить по чьей-нибудь указке. Вот так великий эксперимент вырвался из-под контроля. «Иным» не оставалось ничего другого, кроме как пассивно созерцать идущие к собственной гибели человеческие расы.

Капитан Теофилос Марстон гримасничал и моргал так, будто это могло помочь ему восстановить способность ясно мыслить после пятидесятичасового дежурства. Он прошел по изогнутому коридору и вышел на палубу, скрестив руки. В душе он был благодарен мягкому свету, который не резал его воспаленные глаза. Усталость тяжким грузом лежала на плечах. Его снедала тревога. Звуки шагов отражались от панелей, струивших мягкий белый свет.

— И я еще думаю поспать? — пробурчал он себе под нос.— Кого я собираюсь дурачить? Только себя самого,— прошептал он с кривой усмешкой.

Двигатели корабля издавали ровный и успокаивающий гул. Марстон и его экипаж поработали на славу: они сделали все, чтобы «Пайлос» избежал возможной гибели. Корабль сверкал, вылизанный от носа до кормы, машины исправно работали, мощные батареи были готовы к схватке. Вымуштрованный экипаж мог действовать согласованно в любых непредвиденных обстоятельствах.

— Чего же мы ждем? — Марстон тряхнул головой. С мостика номер один ему передали, что на борт пожаловал Претор собственной персоной. «Претор? На «Пайлосе»? Без фанфар? С чего бы это? Зачем? Неужто он собирается снять сливки и удрать? Оставить Миклен на произвол судьбы? Или это его хитроумный план?»— Марстон остановился у входа в свою каюту и помедлил, взявшись за ручку двери. Внезапно, поддавшись импульсу, он прошел в обзорный купол, чтобы бросить прощальный

взгляд на Миклен, его родную планету. Марстон вошел в тускло освещенную кабину и сел в той стороне, где перила прятались в тени. Внизу Миклен сиял в зеленоватом блеске своего солнца Мика. Отсюда, из космоса, он выглядел таким нежным, чистым и хрупким.

Марстон растер усталое лицо. Кожи он не чувствовал, ощущение было такое, будто под руками маска. «Действительно ли наш мир находится в равновесии? Верны ли данные, полученные от разведки Претора? Готовятся ли Звездный Палач и Сеззанская империя напасть на его дом?»

Поначалу легкий шелест полупрозрачной ткани не отметился в усталом мозгу Марстона, потом он вдруг посмотрел вверх.

Она его не видела. Остановившись на пути в обзорную кабину и положив руки на перила, она смотрела на планету. Яркие каштановые волосы были собраны в хвост, ниспадающий до талии; чудесный материал облегал ее стройное гибкое тело.

У Марстона комок встал в горле, он вдруг почувствовал, как забилось его сердце. «Боже, какая красота!» Дыхание у него перехватило, когда она повернулась и взглянула на него. «Господи, а глаза-то какие!» Огромные, янтарно-рыжие, они, казалось, цвели на ее лице.

Она вдруг покраснела и застенчиво улыбнулась, а потом прошептала:

— Простите.— И повернулась, чтобы уйти.

— Нет, нет, подождите,— Марстон заступил ей дорогу.

Она с явным смущением смотрела на него:

— Я должна идти, мне нельзя здесь находиться.

Марстон махнул рукой:

— Пустяки! Я капитан, это — мой корабль.

Он смотрел на нее, затаив дыхание.

Тонкая полупрозрачная ткань не скрывала очертаний ее роскошного тела. Нежная кожа излучала жизнь и здоровье. Он вспомнил о своей неуклюжести, и это вернуло ему осторожность. Он принялся рассматривать ее лицо и заметил ужасающую печаль, которая вдруг охватила и его, так что засосало под ложечкой.

— Ради Бога, кто вы?

Слабая улыбка промелькнула на ее губах.

— Я не могу вам этого сказать, капитан. Это опасно и, особенно, для вас.

— Как вы сюда попали? Ведь это — объект строжайшей секретности.

Она опустила пальцы в карман на поясе и достала карточку с лазерным кодом:

— Я вместе с Претором.

Марстон кивал, пока рассматривал карточку. На ней вспыхнуло изображение шлема Претора, когда на него упал свет. Марстон обратил внимание на то, что карточка меняет цвет — благодаря химическому кодированию ИД, карточки нельзя было подделать. ИД незнакомки согласно рангу делало ее фактической рабыней Претора. Холодно стало на душе у Марстона.

Она забрала карточку и прошла мимо Марстона, не отрывая глаз от планеты.

— Я должна идти. Он будет искать меня. Мне удалось ускользнуть, чтобы напоследок взглянуть еще раз.

«Я должен вызвать службу безопасности, чтобы ее отвели к Претору в каюту»,— мелькнуло у него.

Но он не сделал этого.

Марстон ощутил трепетный аромат, исходивший от нее, и тут ему пришлось с силой взяться за перила, чтобы хоть как-то остановить себя. Он начал искать какие-то слова, стараясь удержать ее, отчаянно искал хоть какую-нибудь зацепку, чтоб не оборвать разговора, и наконец нашелся:

— Вы знаете, что мы скоро вступим в бой?

— Да, я знаю.

«Почему ее голос так печален? Кто она?»— подумалось ему.

— Я думаю, вы знаете о сложившейся обстановке?

Бесконечная горечь ее интонации поразила его.

Тихо, почти шепотом она промолвила:

— Стаффа идет...

Марстон внимательно посмотрел на нее. Она произнесла имя Звездного Палача с задумчивой протяжностью.

— Ну так и я об этом же говорю. Но уверяю вас, что здесь вы в полной безопасности. Он не сможет раздавить Миклен как гнилой орех. Мы не какая-нибудь отсталая планета. И он себе просто не представляет нашу мощь и возможности наших орбитальных платформ. Мы сделали их самыми смертоносными во всем Открытом Космосе. Если он нападет, он будет разбит. Наши военные возможности таковы, что с подобными он еще не сталкивался.

Сердце Марстона судорожно затрепетало, когда она бросила на него взгляд: крутой ветеран, каковым он себя считал, он понял, что влюбился, как последний мальчуган. Он боролся со своим желанием схватить ее, заключить в объятия, унести в свою каюту и...

— Стаффа все это знает, капитан.

«Как она может говорить с нежностью о таком человеке?»

— Тогда он должен знать, что будет разбит наголову, если сунется к нам.

Она положила ладонь ему на плечо, и его будто ударило током:

— Бегите, капитан, бросайте все и бегите. Спасайте себя, пока еще не поздно.

Он попытался улыбнуться:

— Я все-таки думаю, что вы переоцениваете шансы нашего противника, моя леди. Даю вам слово, не имеет значения, что случится дальше, но я сделаю все возможное, чтобы вы были в безопасности. Вам не нужно ничего бояться.

Улыбка у нее вышла кривой:

— Поверьте мне, капитан. Я совершенно не боюсь Стаффу. А рабство приходит во многих формах и обличьях.— Взгляд ее наполнился горечью.— Иногда мне кажется, что только смерть несет истинную свободу.

У Марстона сжалось сердце, и он чуть не вскрикнул:

— Моя леди... Чем я могу вам помочь? Что я могу сделать для вас?

— Ничего, капитан.— Он чувствовал, что буквально растворяется в ее янтарных глазах.— Но я очень признательна вам, капитан. Слишком поздно. Уже ничего нельзя сделать. Но у вас есть время спастись.

— Стаффа кар Терма никогда не покорит Миклен. Я уверяю вас — он завоевывал миры за мирами, но он никогда не сталкивался с такой военной мощью, как на Миклене.

— Я тешу себя надеждой, что Боги дадут вам возможность вспомнить ваши бравые слова, капитан.

— Вот здесь, посмотрите,— он указал на пятна света, окружающие планету,— они мерцали зеленоватым светом.— Это самое мощное оружие во всем Открытом Космосе — возможно, и за пределами Запретных Границ. У нас есть возможность выслеживать и поражать шестьсот движущихся объектов одновременно. Все это направляется и контролируется компьютерным комплексом с планеты. Так что, если у нас будут потери, замена произойдет немедленно.

Марстон усмехнулся, видя, как сомнение отразилось на ее лице:

— И вот что я вам скажу еще. Если Звездный Палач будет настолько глуп, чтобы атаковать нас, и если вы боитесь, используйте это,— он протянул ей медальон.— И бегите к запасному выходу вниз — это самое безопасное место на всем корабле.

Нежными пальцами она взяла медальон, надежда осветила ее фарфоровое личико:

— Это пропуск?

Он кивнул:

— И используйте его только в самом крайнем случае.

Она одарила его улыбкой, которая проникла ему в самое сердце.

— Желаю вам удачи и счастья, капитан. Однако, мне действительно пора. Если я не появлюсь, то Претор... Впрочем, вам это неинтересно, это мои проблемы. Надеюсь, скоро увидимся.

— Кто вы? — спросил он, когда она проходила мимо. Она остановилась и глянула назад:

— Вы можете называть меня... вообще-то я ваша должница, капитан, и, принимая во внимание, что скоро все может стать безразличным, я скажу вам. Меня зовут Крисла, но постарайтесь забыть все, что я вам говорила.— Она исчезла.

«Крисла, какое прекрасное имя». Марстон потрогал подбородок и краешком глаза заметил потрепанное грузовое судно, которое следовало к зданию космопорта. Да, торговым судам неважно, идет война или нет, они все равно будут прибывать на Миклен в надежде урвать кусок в самую последнюю минуту. Марстон уставился на старую посудину и потряс головой. Охотники за добычей считают, что Миклен непременно падет, и их последний прилет может принести им сказочные богатства. «Однако, друзья, вы ошибаетесь». Марстон бросил последний взгляд на планету и пошел в свою

каюту. Он нахмурился. «Крисла». Он где-то слышал это имя. Почему оно кажется таким знакомым?

Яркая сиалоновая дверь вела в кабинет главного регента университета. Створки ее с шипением отошли в стороны, и Синклер Фист, поправляя измявшийся голубой пиджак на костлявых плечах, переступил порог. Его керамические каблуки глухо простучали по плиткам пола.

Высокие окна заливали просторную комнату светом. Информационные кубы находились на полках вдоль стен, пол блестел, как зеркало. Стол главного регента возвышался в центре комнаты. Спиральная кристаллическая скульптура ланцетовидной формы украшала один угол стола, другой был занят комплексом коммонитора.

Всю заднюю стену заслоняла голографическая карта империи. Невесомо плыли миры, яркие искорки созвездий роились в невероятных стереоскопических глубинах, растворяясь где-то на самой грани видимости — там, где таинственное мерцание принадлежало иной вселенной, отрезанной зыбким и неприступным рубежом Запретных Границ.

Все это Синклер охватил единым взглядом, на мгновение удивившись,— такой подробной и объемной голокарты ему еще не доводилось видеть. Но это ощущение мелькнуло и пропало, и Синклер остановился перед широким столом, еле сдерживая нетерпение. Это был костлявый долговязый юноша, с черными, торчащими, как солома, волосами, которые обрамляли его узкое худое лицо. Еще пару-другую лет, и он превратится в красивого молодого человека, но сейчас это был обыкновенный вполне неуклюжий «гадкий утенок». Самым заметным в нем были глаза: один серый, другой — желтый.

Главный регент выглянул из-за монитора, с которым работал, и тепло улыбнулся:

— Рад тебя видеть, сынок.

Синклер торопливо ответил:

— Да, сэр. Я хотел бы узнать результаты межпланетных экзаменов, сэр.

Улыбка регента, такая добродушная вначале, медленно погасла. Он машинально провел рукой по лицу.

— Да, Синклер,— медленно проговорил он, и лицо его предательски сморщилось.

— Однако, я не совсем понимаю, что же произошло...— Синклер оперся обеими руками на стол, наклонившись вперед.— Сэр, какое же все-таки место я занял? Ради Бога, сэр, скажите!

Регент заволновался, сдвинул верхнюю стопку бумаги, хмуро уставился на принтер:

— Ты третий в империи, Синклер,— он бесцельно водил пальцем по экрану монитора.— Но, Синклер...

— Третий! — Синклер издал победный клич.— Третий! Я сделал это!

Брови регента поползли вверх:

— Синклер?

Но юноша, словно в трансе, снова вскрикнул:

— Третий! — и лихорадочно забормотал: — Я говорил вам... я был прав, решившись сдавать экзамены. Я точно знал, что...

Регент прервал его:

— Синклер!

Он повернулся и задержал дыхание:

— Сэр?

Главный регент откинулся в своем кресле, печаль поселилась в его взоре:

— Они вернули твое заявление в университет.

Синклер встрепенулся:

— Они... что?

Главный регент скорбно покачал головой:

— Я не знаю, почему. Когда мне сообщили результаты экзаменов сегодня утром, я сразу попытался все выяснить. Ведь никогда раньше ничего подобного не случалось. Я даже не знаю... Ну, да ладно. Я полностью уверен, что это просто какая-то ошибка...— он беспомощно умолк.

Синклер оцепенел и как-то съежился, словно из него выпустили воздух. Очнувшись, он потряс костлявыми кулаками:

— Вернули? Господи, но я же третий в империи! Третий! Как же они могли?

Регент в третий раз повторил, сознавая всю беспомощность своего утверждения:

— Я уверен, что это ошибка. Я еще попытаюсь уточнить.

— Нет,— Синклер взглянул на обрывки бумаги, зажатые в кулаке.— Это опять мой провал, моя неудача, не так ли?

— Синклер, ты не можешь...

— Да, нет, сэр, я могу.— Он вскинул голову, лицо покраснело от гнева и отчаяния.— Это так, как всегда, не правда ли? Список поступивших будет состоять из «истинных детей империи»— так их, кажется, принято называть, наследников знатных родов? Несколько мест отдадут чиновникам побогаче, с настоящей имперской репутацией. Меня среди тех и других нет и не может быть, правда? И это все из-за моих родителей, из-за того, что они сделали. Но почему я должен платить по их счетам? Я даже не видел их никогда, я не знал их. Я знаю только, где их могилы. И вот какой счет мне предъявляют! Мы, реганцы, фиксируем и регистрируем все, но ведь я — случайный факт, ошибка системы.— Синклер опустил голову и потер онемевшие от напряжения пальцы.— Я слишком хорошо все понимаю и чувствую, главный регент. Вы не хотите, чтобы дети знати, министров и богатеев соприкасались в университете с такими, как я, разве это не так?

— Синклер, прошу тебя,— главный регент машинально вытер вспотевшие ладони.— Я уверен, что это ошибка. Ведь империи нужны такие, как ты. Не мучай себя.

Синклер схватил со стола лист бумаги, скатал его и швырнул в мусорную корзину.

— Здесь нет вашей вины, сэр. Вы поставили на меня,

а я проиграл. Но вы же видите, сэр, что я ни на кого не похож,— одни глаза чего стоят, и они сразу меня выдают.

— Синклер, ты слишком терзаешь себя. Пожалуйста, позволь мне изменить ход дела.

Юноша неожиданно равнодушно откликнулся:

— Я очень признателен вам, сэр, но ничего уже не изменишь.

Главный регент приподнял брови в удивлении:

— Я полагал, что знаю эту систему, и у меня гораздо большее влияние, чем ты думаешь.

Синклер пожал плечами:

— Тогда вы должны знать, каким бременем это ляжет на такого брошенного, бездомного бродягу, как я, который оказался впереди всех этих знатных отпрысков. Они этого не потерпят. И все-таки я своего добьюсь. И вы это знаете.

Главный регент следил за ним с мрачной задумчивостью.

— Знания могут быть опасными, мой мальчик. Ты изучал политические дисциплины, историю империи, социологию.

Синклер безразлично кивнул:

— Да, я получил достаточно глубокие знания о сути ретанской империи, сэр.

Главный регент, не скрывая обеспокоенности, сказал:

Обещай мне одно, Синклер. Не позволяй гневу и злобе овладеть тобой, не позволяй этой неудаче сломать тебе жизнь. Сделай это для меня.

Синклер равнодушно подтвердил:

— Да, сэр. Слепая ярость и ненависть — это для тупых невежд. А я не такой.

Регент не успокаивался:

— Да, ты совсем не такой. Но временами, мой мальчик, ты просто пугаешь меня. Что ты собираешься дальше делать?

— Еще не знаю, сэр.— Синклер кисло улыбнулся.— Может быть, попрошусь к Компаньонам, вступлю в вооруженные силы Звездного Палача. Там все-таки ценят умных людей.

Главный регент мертвенно побледнел. На краткий миг глаза его наполнились решимостью. Потом он кивнул Синклеру и глухо произнес:

— Не шути так. Самое последнее, что ты можешь сделать,— это соединить свою жизнь с холодным убийцей и его головорезами.

Синклер заметил не без злорадства:

— Но все его считают великолепным.

Регент всполошился:

— Великолепным? Да, конечно, Синклер, но ведь он без стыда и совести, мораль ему чужда. Я только подумаю о нем, и мое сердце охватывают ужас и омерзение.

«И зачем, Господи, мне нужно было заводить этот разговор?»— подумал Синклер, покидая кабинет.

Как только за ним закрылась дверь, главный регент глубоко вздохнул и потер уставшие глаза. Потом выпрямился и откинулся назад:

— Ты все слышала?

Одна из граней куба сдвинулась в сторону, открывая потайное место. Молодая женщина в желтой униформе шагнула вперед, грань встала на место, голос был спокоен:

— Он всего лишь испуганный юноша. И вы же знаете, с кем имеете дело,— с часовым механизмом бомбы. Вам отлично известны его возможности и его потенциал. Мы получили то, что в него вложили. Оборони нас Господь, если узнают, каким образом мы победили на экзаменах. Только представьте себе, что они могли из него сделать, несмотря на то, кто его родители.

Главный регент кивнул и забарабанил пальцами по полированной крышке стола.

— Что же нам делать, Марта? Он ведь испытывает непреодолимое стремление применить свои знания и таланты.

Она шагнула к столу и, обхватив в раздумье большим и указательным пальцами подбородок, напомнила:

— А что мы всегда делаем, когда у детей возникают проблемы? Отдайте его военным.

Главный регент безрадостно рассмеялся:

— Ты что, воспринимаешь его как ракету на конвейере военного завода?

Марта широко развела руками:

— Не вижу другого выхода. С тех пор, как я наблюдаю за ним, я все время вижу беды, которые его подстерегают и которые мы с трудом успеваем нейтрализовать.

Регент с видимым сожалением кивнул:

— И ты думаешь, что, отдав его в армию, мы тем самым сумеем избежать возможных бед? Ну ладно, хорошо, свяжись с Бруеном, посоветуйся с ним. И если он согласится, я сделаю все необходимое.— Он с сомнением покачал головой.— Да было бы неплохо, если бы ты оказалась права.

— Надеюсь, что так и будет,— ответила Марта.— Тем более, что другого варианта у нас просто нет.

Леонидас Андропулос поставил стассовую чашку в автомат-диспенсер и ждал, когда густая темная жидкость наполнит ее. Затем опять откинулся в своем скрипучем кресле и уставился на женщину и двух мужчин — пришельцев с Веги, о чем свидетельствовали их шарфы, скрывающие по веганскому обычаю нижнюю половину лица. Годы работы в должности начальника службы безопасности космопорта Миклена научили его сразу распознавать подобных коммерсантов и торговцев, с которыми ему обычно приходилось иметь дело. Этих он сразу определил: путешественники после дальней и долгой дороги, которые пренебрегают правилами, где только можно, или полностью отбрасывают всякие законы, если считают, что шансы на получение прибыли превышают риск.

Андропулос поставил чашку на обогреватель, стоящий немного в стороне от стола, уселся поудобнее, сцепив толстые короткие пальцы у себя на животе.

— День добрый. Я полковник Андропулос, к вашим услугам. Чем могу быть вам полезен?

Вперед выступила женщина. Она была одета в поношенную мешковатую робу, потертую до блеска на локтях и на коленях. Яркий красный шарф скрывал нижнюю половину ее лица, но Леонидас сразу мог сказать, что это чертовски привлекательная женщина. Пряди снежно-белых волос выбивались из-под шляпы.

Мужчины выглядели как типичные торговцы, опекающие портовые бары и публичные дома, обычно таким людям крепко доставалось, когда в порту вспыхивали драки, ссоры и поножовщина.

Женщина едва заметно кивнула:

— Добрый день, полковник,— тон ее голоса был сух и резок.— Я — Алексия Дармон. Представляю здесь капитана Рузе с «Трикстера», судна веганского коммерческого агентства. Мы с трудом прорвались к вам в дом и хотели бы зарегистрироваться. Кстати, мы думали, что первым, кого увидим, будете вы, именно потому, что, как мы слыхали, при посадке корабля график сдвигается.

— Наверняка вы наслушались разных историй о войне с Сеззой,— Андропулос побарабанил пальцами по столу.— Вы не первые и не последние. Полагаю, что вам нужен офицер для сопровождения и принятия груза. Вам нужна помощь в заполнении судовой декларации в чрезвычайных обстоятельствах? Как вы догадываетесь, это будет стоить очень дорого.

— Мы готовы платить, полковник. Нам дороже обойдется потеря прибыли.

Он фыркнул:

— И вас не смущает, что, если вы вернетесь на Вегу и узнаете, что Звездный Палач и не думал нападать, получится, что вы зря выбросили такие деньги на ветер?

Она в ответ кивнула:

— Риск — это часть бизнеса, как вы думаете, полковник?

Он поднял чашку, отпил глоток, другой рукой нажал нужную кнопку. На мониторе высветился текст. Андропулос в удивлении поднял бровь:

— Согласно нашим файлам, «Трикстер» числится в должниках. У него непогашенная задолженность в 200 кредитов.

Дармон без слов запустила руку в мешок, висящий у нее на поясе, и выложила на стол пять золотых монет:

— Пятьсот кредитов, полковник,— в золоте. Я думаю, этого вполне хватит на оплату и счетов, и издержек.— Она наклонилась вперед, ее голубые глаза выражали нетерпение: — И мы опять будем с золотом, когда улетим. Это намного больше, чем нужно по нынешним временам.

Он смог уловить смутную насмешку в ее глазах.

— Итак, наша задолженность погашена... да и вы не в обиде, полковник. Мы бы хотели быть уверенными, что у нас не будет проблем с отлетом.

Андропулос улыбнулся и смахнул три монеты в ящик стола. Потом снова нажал кнопку и попросил:

— Теодора, пожалуйста, пришли двоих из твоего персонала безопасности. Они немедленно отправятся на задание.

Алексия посмотрела на своих Компаньонов, которые начали ухмыляться так, что это можно было видеть даже через шарфы.

Андропулос лениво спросил:

— Ну, так что, вы действительно думаете, что дело идет к войне? — он приподнял брови, откинувшись назад в своем скрипучем кресле. В ответ Дармон пожала плечами и поправила шарф:

— Будет очень скверно и очень стыдно, если это произойдет. Коммерсанты могут иметь дело только с суверенным Микленом. Я считаю, что торговать лучше, чем воевать. Если империя проглотит вас, то вам понадобится время, чтобы восстановить экономику. И тогда вы станете такими же, как и все остальные. Нам придется делать деньги на трофеях, а не на торговле.

Андропулос фыркнул и покачал головой:

— Можете об этом сказать Богу-императору.

— При случае мы сделаем это непременно,— подал голос один из мужчин.— Возможно, наши пожелания окажутся недостаточно священными на его вкус.

Андропулос оценил шутку, и тут вошли его сотрудники, неся инвентаризационные компьютеры, сканеры и прочее более мелкое оборудование.

— Спасибо, что вы так быстро пришли. Я хочу вам представить...

Раздался негромкий хлопок, затем шипение, и офицеры вдруг упали.

— Что за...— Андропулос вскочил, но Алексия схватила его за плечо и швырнула назад в кресло. Тонкие струйки газа окутали его, и он почувствовал, что лишается сил.

— Не беспокойтесь, полковник. Газ не повредит вам,— говорила она, пока ее пальцы проворно бегали по клавиатуре коммуникационного контроля.— Вы только парализованы, однако сохраните ясность мысли и даже сможете говорить, если нам понадобится.

Андропулос мог видеть, как она прошла к двери, которую двое мужчин уже выбили, и теперь разоружали его офицеров. Его ужас рос по мере того, как на его глазах уничтожались системы безопасности.

Дармон глянула на ручной монитор:

— Все. Газ рассеялся.

Она сняла красный шарф с лица и вместе с ним маленький незаметный противогаз.

— Хр-рра,— каркнул Андропулос.

Один из диверсантов резко ткнул его кулаком под дых, и Андропулос зашелся в икоте, судорожно пытаясь выкарабкаться из внезапно навалившейся тьмы. Когда сознание наконец вернулось к нему, он почти отсутствующим взглядом стал следить за происходящим, почему-то совершенно не удивляясь его невероятности. Чужаки деловито сновали у приборов и пультов, то

и дело мгновенно замирая, словно колдовали. Один за другим мертвели экраны мониторов, гасли огоньки цветных индикаторов, система умирала на глазах — быстро и неотвратимо.

Откуда-то из-за спины раздался голос с явными нотками торжества:

— Подполковник авиации, здесь мы, пожалуй, управились.Система обесточена, ввод-вывод перекрыт.

Женщина, не оборачиваясь, мотнула головой. Она тщательно обследовала сиалоновую стену, отделявшую комнату Андропулоса от главного компьютерного зала. Наконец, закончив осмотр, резко хлопнула ладонью по стене и коротко приказала:

— Убрать!

Андропулос со своего места мог видеть налетчиков, вонзавших в стену виброкинжалы — слишком маленькие, чтобы их могли обнаружить детекторы службы безопасности, но достаточно большие, чтобы разрушить панели стены.

И много времени действительно не понадобилось. Через несколько минут или секунд — Андропулос потерял ощущение времени — в защитной стене было проделано довольно большое овальное отверстие. Не дожидаясь команды, двое диверсантов, слегка нагнувшись, один за другим нырнули в дыру, оплавленные края которой еще дымились. И тут же послышался характерный стрекот импульсных пистолетов и следом глухие хлопки взрывающихся вакуумных трубок компьютерных терминалов. И еще через несколько минут (или секунд?) через дыру в стене вынырнул один, а через мгновение второй налетчик. Лица их невозможно было разглядеть, но не расслышать слов было нельзя. Уже очевидно ничего не опасаясь, один из возвратившихся громко доложил:

— Дело сделано. Можно уходить.

Андропулос снова прохрипел:

— Кто...

Светловолосая женщина, не обращая на него никакого внимания, наклонилась над спинкой кресла, проверяя информацию на считывателях службы безопасности. Андропулос увидел пересекающий ее мраморную щеку страшный шрам, и невольно опустил веки.

— Нет никакой тревоги, Райман, все спокойно,— обратилась она к одному из диверсантов.

Андропулос, еле выдавливая слова, напрягся из последних сил:

— Кто... это?

Она развернула его кресло и деловито сказала:

— Приношу свои извинения за нанесенный ущерб, полковник, но, как вы догадываетесь, это только начало ваших неприятностей. Развитие событий еще долгое время будет весьма безрадостным для вас, прежде, чем начнет меняться к лучшему.

Еле двигая непослушными губами, он пробормотал:

— Убирайтесь... убирайтесь... отсюда!..

Женщина усмехнулась:

— Ну уж нет, во всяком случае не раньше, чем мы сокрушим вашу компьютерную защиту до конца.

— Подполковник авиации, мы нашли! — крикнул один из мужчин.

— Оставайтесь там,— ответила она.

«Подполковник авиации. Скайла Лима»,— подумал Андропулос и закрыл глаза, вдруг ощутив пустоту и усталость.

— Прекрасно, полковник,— сказала она ему. Что-то кольнуло его в шею.— Мы нашли то, что искали, больше вы нам не нужны. Выражаю соболезнование, что вам пришлось познакомиться со мной. Компаньоны не оставляют ни шансов, ни следов.

Кресло крутнулось, когда она проходила мимо. Туман застлал мысли Андропулоса. Последнее, что он запомнил,— это был скрип его кресла.

Майлз Рома так спешил, что проскочил опорный кабинет. Комната, которую он занимал как Легат Его Святости Сеззы II, была большой и просторной, очень пышно обставленной, с толстым таргианским ковром на полу. Голомониторы выстроились вдоль одной стены, они постоянно передавали последние известия и рапорты о состоянии дел — особенно сейчас, когда флот был приведен почти в боевую готовность. Вид из окна радовал взор — шпили Сеззанского капитолия вонзались в прозрачное небо. Центр комнаты занимало голографическое изображение Его Святости. Годы не избавили Майлза от ощущения, что Бог-император всегда внимательно следит за ним. Впрочем, это играло и свою положительную роль: часто помогало Майлзу сохранять честь и достоинство.

Замигал сигнальный индикатор, и следом раздался голос дежурного:

— Вас вызывают, Легат.— На линии номер один — Лорд Командующий.

«Лорд Командующий»? — Рома надел на лицо непроницаемую маску, поправил форму, прочистил горло. Он проверил свои рефлексы, чтобы быть до конца уверенным, что выглядит, как настоящий Легат. Удовлетворенный, прошел к своему гравитационному креслу и нажал кнопку. Экран личного компьютера засветился. Из всех обязанностей Легата он больше всего ненавидел дела с Компаньонами. Одна мысль о Стаффе кар Терме вызывала в нем внутреннюю дрожь.

И вот появилось голографическое изображение Лорда Командующего. Гологенераторы образовали защитное поле вокруг него. Стаффа кар Терма улыбнулся и кивнул, но так незаметно, что подобный жест можно было расценить только как формальный. Он смотрел прямо в глаза Майлзу. Тяжелый серый взгляд скользнул по нему. Прямой нос и квадратный подбородок как нельзя лучше отвечают образу безжалостного завоевателя. Обычно прямые черные волосы Лорда Командующего были собраны искрившейся всеми цветами радуги брошью в конский хвост над левым ухом. Был виден верх серо-голубого военного комбинезона и часть длинной мантии, являющейся знаком отличия кар Термы, она спадала с широких, мускулистых плеч.

— Мой Лорд Командующий,— приветствовал его Майлз.— Так приятно, что вы вышли на связь. Надеюсь, что вы сообщите последние известия относительно мобилизации для атаки Миклена?

— Так точно, Легат,— холодный голос опять пронзил дрожью Майлза. Стаффа продолжил: — Вы можете доложить Его Святости, что Компаньоны вводят войска на Миклен с минуты на минуту. Не были бы вы так добры поспешить с собственной мобилизацией и выставить войска? Тогда бы мы успели захватить эту планету к вашему прибытию.

Майлз ошеломленно спросил:

— Атака? Сейчас? Но наши военные силы только наполовину готовы. Вы не должны атаковать до тех пор, пока мы не будем готовы полностью, слышите?!

Выражение лица Стаффы не изменилось.

— Легат, если вы будете нарушать пункты контракта, то я не знаю, что с вами делать. Ваши адмиралы собираются терять темп? Тогда я советую вам побыстрей разобраться с ними.— Стаффа сделал паузу.— И если у вас возникли проблемы, Легат, думаю, вам лучше решить их с Его Святостью.

Майлз вскипел:

— Решить... Нет. Вы не можете так поступать! Атаковать без наших военных сил... Я запрещаю вам!

Стаффа спокойно улыбнулся:

— Вы хотите порвать контракт?

— Порвать?.. Нет, конечно же, нет. Мы сейчас... Его Святость будет очень расстроен. Он должен...

— Да. Вы все сказали? — свирепость блеснула в глазах Стаффы. Майлзу стало по-настоящему страшно. Он чувствовал, как пот тоненькой струйкой стекает у него по спине.

— Скажите мне, Лорд Командующий, почему вы начали действовать до того, как мы окончательно подготовились? — И тут настоящий демон уставился на Легата:

— Потому... Чтобы никто не знал, что мы сейчас бросаемся в бой,— ни вы, ни шпионы Претора.

— Вы обвиняете нашу службу безопасности в...

Стаффа поднял палец в серой перчатке, и в глазах его вспыхнула смертельная угроза:

— Не разговаривайте никогда со мной в подобном тоне, Легат.

Язык Майлза присох к гортани, и он ощутил просто физический ужас, его гравитационное кресло откатилось из-под защитного поля, которое вдруг отключилось.

— Вот единственная причина, по которой я связался с вами, Легат,— Стаффа сузил глаза,— начинайте боевые действия, как только приведете в готовность все силы. Миклен будет ждать вас.

Изображение пропало. Майлза трясло, он боялся, что его кто-нибудь увидит. Достал надушенный носовой платок и промокнул вспотевшее лицо. Он сидел неподвижно, не пытаясь вернуть кресло на место. Затем попытался встать на несгибающиеся ноги.

— Соедините меня с Его Святостью! — Его помощники

уставились на него в тупом изумлении.— Сейчас же, черт вас всех побери, немедленно!!!

Стаффа кар Терма — Лорд Командующий Компаньонов, выглядел одиноким, хотя был окружен и людьми, и машинами — он восседал на капитанском мостике, тесно уставленном аппаратурой, на корабле под названием «Крисла». Его лицо не выражало ничего, взгляд казался отсутствующим — он глубоко погрузился в свои мысли, и ничто — ни гул машин, ни разговор, ни вспышки мониторов — не могло его отвлечь.

Дежурные офицеры находились у разноцветных компьютеров, изредка бросая на Стаффу взгляды, выражавшие гордость и доверие. И никто из них не притворялся. Офицеры проверяли работу систем орудий, пилот пребывал в полутрансе, мозг корабля был напрямую связан с навигационным компьютером, который перерабатывал полученные данные о скорости и проложенном курсе. Машины контролировали работу огромной силовой станции корабля и поддерживающих систем. Офицер связи сидел перед клавишами, скрестив на груди руки, а офицер штабной службы что-то тихо говорил в микрофон, согласовываясь со своими подчиненными.

Окруженный невнятным бормотанием и стуком клавиш, Стаффа кар Терма оставался в глубоком одиночестве. Перед ним было голоизображение изумрудной планеты на фоне мерцающих звезд. Мелькали сценки из жизни сверкающих белых городов, лица смеющихся мужчин, женщин и детей,— словом, легкая жизнь беззаботного общества. Миклен. Сколько же лет прошло с тех пор, как они изгнали его! «Если исключить то, что я лгал самому себе, то был ли я по-настоящему счастлив там? Этот зеленеющий Миклен, он породил его, обучил всему и в конце концов предал. И даже человек, которого он любил, повернулся против него. Но как давно это было... Тревожная юность, которую он провел на Миклене и куда теперь вернулся возмужавшим; вернулся, как завоеватель, чтобы оплатить старые долги. Противоречивые чувства раздирали могучую грудь Стаффы.

Он с отсутствующим видом потер подбородок, глаза превратились в щелки. Он возвращается впервые с тех самых пор, как Претор вывез его тайными путями с Миклена, не подчинившись приказу Правительства. Они разрушили его счастье. «Когда я был по-настоящему счастлив? Только однажды. Только однажды...» Память с трудом продиралась через вольфрамовую защиту, которую выстроил Стаффа и с помощью которой он попытался закрыть и запечатать свои мысли о прошлом. Красивое лицо женщины с мягкими янтарными глазами, обрамленное яркими каштановыми волосами, возникло в его воображении, и он стал отгонять его, потому что не мог вынести острой боли, вызванной ее образом. Он гнал его, как гонят призрак, померещившийся в мареве горячего солнечного дня. Жуткий крик новорожденного ребенка ворвался вдруг в его воспоминания. Это был крик его сына, которого он так никогда и не видел, сына, которого у него отняли.

«Это моя вина. Только мой просчет».— Он расслабился и полностью отдался нахлынувшим чувствам. «Крисла»— имя, которое задевало самые тонкие струны его души. Он любил ее, с ней познал величайшее счастье этих, так быстро промелькнувших лет, до того, как ее похитили. Кто? Для чего? Почему?

Она родила ему сына незадолго до похищения. Он искал, нанимая самых лучших сыщиков, обещал неимоверные награды, но это ничего не дало, никаких результатов. Крисла исчезла без следа. Потом все эти годы он вынашивал план мести неразумному человечеству. Больше никогда он не позволял себе впадать в сентиментальность, с презрением отторг все человеческие чувства.

Любовь приводит к боли... и кончается крахом. Никогда не любить. Сделать свою душу неуязвимой. Сила — вот единственная настоящая ценность. Ничего другого не следует наследовать человечеству. Выжить — означает силу, и неважно, сколько при этом будет пролито крови. «Стаффа?»— вдруг словно наяву прозвенел в ушах ее нежный голос. Стаффа вздрогнул.

«Она научила меня любить — потом она научила меня страдать и горевать». Стаффа посмотрел вверх на главный монитор. Через несколько часов Миклен будет пожинать плоды возвращения Стаффа кар Термы домой.

«И я опять должен буду встретиться с ним лицом к лицу? А что, если мне придется взглянуть ему в глаза? Говорить с ним?» Стаффа стиснул зубы и сжал кулаки. «И тогда я поступлю, как поступает хозяин со своим провинившимся слугой. Да, Претор, теперь мы поменяемся ролями».

Гнев охватил его, но не смог подавить сидящий где-то глубоко-глубоко страх...

Сигнал в каюте капитана Теофилоса Марстона прозвенел, и дежурный доложил:

— Сэр, мы получили сигнал тревоги от службы безопасности планеты. Там что-то непонятное происходит с системой компьютеров.

Он открыл глаза и приподнялся с лежака. Последним его сновидением был образ женщины с чудными янтарными глазами, который исчез, когда раздался звонок.

— Какого черта, о чем вы говорите? Что-то не так с компьютерами на планете?

— Да, сэр, система безопасности нарушена. Объявлена тревога по всей планете. Ее подняли одновременно в нескольких местах. Повсюду царит паника.

Марстон потер лицо и затряс головой:

— Я полагаю, что и космическое пространство тоже затронуто?

— Да, сэр, это произошло. И только поэтому мы позволили себе разбудить вас.

— Отлично, просто великолепно. А все считали, что система полностью защищена от всяких неожиданностей.

Он быстро оделся, привел себя в порядок, взял чашку

с тоником и поднялся на мостик. Там царила неразбериха: офицеры кричали в микрофоны, мониторы вспыхивали и гасли.

— Что происходит? — Марстон поставил чашку на стол и повернулся к офицеру-наблюдателю.

— Планетарная система,— таким был ответ. Марстон заглянул в тревожные глаза офицера и опустился в свое кресло.

— Выключите это все. Обрубите связь. Полностью изолируйте нас. Я хочу автономной работы систем корабля. А что там происходит на планете — это их забота, мы ничем не сможем помочь.

Тревога вкралась в сердце Марстона, пока он смотрел на экраны мониторов. Сканеры зондировали космос, детекторы давали расплывчатое изображение, проецировали движение солнечного ветра, казалось, что вокруг Миклена обычная суматоха.

— Ничего нового,— доложил орудийный контролер.

Марстон бросил взгляд на мониторы, они показывали ясное чистое небо. «Почему это происходит именно сейчас? Во имя Богов, если Звездный Палач выбрал этот момент для нападения, то он застанет нас врасплох, мы практически беззащитны. Что же все-таки происходит там внизу? Может, они позволили какому-то идиоту прорваться к системам? Или что-то еще?»

— Я полагаю, что все началось с системы безопасности,— офицер-наблюдатель поправил свесившийся из-под эполета аксельбант.— Вы же знаете, как это бывает. Компьютеры связаны между собой; и пошла цепная реакция. Есть слабая надежда, что это всего лишь паника, посеянная Звездным Палачом. И через несколько часов все придет в норму.

— Ребята, расслабьтесь,— раздался со станции голос офицера-наблюдателя.— Мы знаем, что сеззанцы готовятся к войне, но им потребуются недели для приведения войск в полную боевую готовность. И мы уверены, что Стаффа не начнет атаку, пока сеззанцы основательно не подготовятся. Но если Стаффа все-таки начнет первым, то Сезза II будет доволен, что его войска не участвуют в первой атаке. Для этого у него есть Стаффа.

Марстон попытался собрать разбегающиеся мысли: «А вдруг он сделает это? Если Стаффа захочет напасть первым, то чем ему сможет помешать Бог-император? Гневом? Или он поразит Лорда Командующего ударом грома?»

— Ребята, приступайте к делу. Мне очень не нравится все это. У меня самые дурные предчувствия. Считаю, что следует немедленно начать боевые действия.

Офицер-разведчик повернулся от монитора и произнес:

— Несмотря на все мое уважение к вам, капитан, я думаю, что это преждевременно и совсем необязательно на данной стадии. И тем более, что на борту у нас Претор. Я вас уверяю, что если бы что-нибудь должно было случиться, то я должен...

— Я получил сообщение,— прервал его орудийный контролер.— Мы подвергаемся нападению из космоса. Я вижу три... нет, пять... восемь! О Прогнившие Боги! Их уже целая дюжина... нет, двадцать или тридцать!

Сердце Марстона гулко дрогнуло в груди, и там образовалась пустота, когда он глянул на монитор. Сканеры чертили линии движения нападающих кораблей.

— Объявить всеобщую тревогу! Нас вот-вот атакуют! — Марстон развернул свое кресло и начал лихорадочно проверять работу системы, а клаксон тревоги завывал по всему кораблю.

— Сэр!

Марстон развернулся и увидел дежурного офицера. Лицо молодой женщины было бледно-землистым. Голос дрожал от волнения, когда она начала говорить:

— Мне никто не верит. Они говорят, что это ложная тревога, сэр, и что она объяла всю планету и нужно прекратить эту панику.

Марстон какой-то момент находился в неподвижности. Он ощутил, как ледяные пальцы схватили и сжали его сердце.

— Доставить сюда Претора, немедленно, до того, как мы все погибнем.

На экране точки, несущие смерть, разворачивались веером, меняя направление в своем смертоносном танце.

Дивизионный командир Диметр Анаксолос запустил нетерпеливые пальцы в свою белую шевелюру и дергал до тех пор, пока не почувствовал боль. Никогда раньше он не видел такой свистопляски в работе компьютеров. Казалось, все системы безопасности и защиты просто сошли с ума. За всю свою стопятидесятишестилетнюю практику он не наблюдал такого. Каждый монитор в его контрольной комнате на орбитальной платформе мигал. Создавалось впечатление, что все линии связи вдруг перемешались, потом внезапно все приходило в норму, а потом также внезапно все начиналось сначала.

«Какого черта? Что они там внизу делают? — размышлял он. Они что, не знают, что мы находимся в боевой готовности?»

— Сэр! — позвал техник.— «Проклятье, только не сейчас! У меня есть более важные дела»,— подумал Анаксолос.

Дежурный доложил:

— Сэр, на связи Претор — на лазерной приватной линии флагманского корабля «Пайлос». Он требует немедленного разговора с вами.

Анаксолос взял себя в руки и кивнул. На экране возникло лицо Претора.

— Претор, слава Богу, наконец.

— Заткнитесь, Диметр. Нас атакуют. Немедленно изолируйте все ваши системы от планетарных и подготовьтесь к обороне Миклена. Проверьте действия мониторов, скоординируйте огонь. Нарушена система безопасности, и это — диверсия. Пока еще в моем распоряжении есть возможность оттянуть время.— Выражение лица Претора сделалось злым.— Обеспечьте мне захват Стаффы, или уничтожьте его. Убейте их всех, командир.

Изображение погасло.

— Вы слышали его? — заорал Анаксолос.— Поверните на-

ши...— Он так и не смог закончить. Пока он говорил, на мониторах возникло изображение приближающихся вражеских кораблей.

— Орудийный контроль! Огонь! Уничтожить батареи, разрушить систему и — ОГОНЬ!!!

Секунды, которые показались такими длинными, Диметр ждал, потом наводящий компьютер выбрал цель, и ослепительный свет залил все вокруг, когда мощный огонь вырвался с платформы. После взрыва детекторы задрожали, сенсоры покрылись радиоактивной пылью, но все это было напрасно: нападающие точки аккуратнейшим образом восстановились, дистанция между нападающими и платформой неумолимо сокращалась.

— Я не...—Анаксолос схватился за консоль, чтобы не упасть.— Стреляйте, ради всех святых, наведите на цель и стреляйте!!!

Орудийный офицер взялся за кнопки. После взрывов проходили секунды, они следовали одна за другой, но становилось ясно, что это не наносит никакого ущерба противнику. Анаксолос согнулся так, будто получил зверский удар в живот.

— Что?.. Как?..— Главный компьютер,— ответил орудийный контролер совершенно убитым голосом.— Они что-то сделали с нашим главным компьютером. И они повредили систему.

Диметр Анаксолос закричал от ярости, оттолкнул орудийного техника, стал сам посылать выстрел за выстрелом в космос. Наконец, он зарыдал. И продолжал плакать, когда первый вражеский удар разнес его орбитальную платформу.

— Я получил послание от командира «Пайлоса», Лорд Командующий.

Стаффа кар Терма повернулся в своем командирском кресле. Тридцать шесть экранов, окружающих его, передавали каждый момент боя вокруг Миклена, вспышки света регистрировали места попаданий в цель и гибель защитников. Один за другим корабли опускались на планету, высаживая десантные войска. Окрестности городов Миклена, вспышки света регистрировали места попаданий в цель и гибель защитников. Один за другим корабли опускались на планету, высаживая десантные войска. Окрестности городов Миклена были объяты дымом пожарищ.

Он помнил каждый из этих городов. Ему нужно было только вернуться чуть-чуть назад в прошлое, чтобы увидеть, какими они были в его юности. Все это когда-то было его домом. И если Крисла жива, он должен это почувствовать, она должна докричаться, дозваться до него сквозь эту рушащуюся связь с прошлым. Да, ему немного жаль гибнущих людей, которые были ему знакомы. Но теперь, наблюдая, как горит планета, он ощущал только звенящую пустоту в груди. Да, разбитые вдребезги мечты.

«Претор, сегодня ты пожинаешь то, что посеял. Твой сын вернулся, и он тебя уничтожит».

— Лорд Командующий?

Стаффа посмотрел на офицера:

— Да?

— Командир «Пайлоса», сэр. Будете с ним говорить?

Стаффа кивнул, и на основном мониторе появилось изображение. Мостик позади Теофилоса Марстона был разрушен. В воздухе вился дымок, сирена тревоги беспрерывно завывала. Марстон выглядел совершенно подавленным.

— Лорд Командующий, я Теофилос Марстон, с флагманского корабля «Пайлос». Я прошу вас, Лорд Командующий, остановите эту бойню! Мы абсолютно беспомощны. Жизни миллионов находятся...

— Я хорошо осведомлен о вашей ситуации, капитан,— холодно прервал его Стаффа и наклонился вперед.— Я также хорошо помню урок, который вы мне однажды преподали. Урок по стратегии и тактике. Я помню ваши слова: «Цель войны — это сделать противника неспособным к сопротивлению, и для этого все средства хороши. Противник должен быть сокрушен физически, ментально и морально. Только потом может идти речь о новой политической власти.»

Боль исказила лицо Марстона.

— Да... да, я помню эти слова. Но, Лорд Командующий, неужели вам не жаль этих людей? Они же ни в чем не виноваты! Я уверен, что у вас на Миклене остались близкие и друзья. Надеюсь, что в вашем сердце найдется место для миллионов невинных, которых вы убиваете. А дети, старики?

— А какой от них толк? — Стаффа поднял брови и сложил пальцы домиком.— Я завоеватель, и не умею сострадать и жалеть.

Марстон горестно проговорил:

— Но я также учил вас и этике, Лорд Командующий. Вы же помните...

— Меня не интересует этика, капитан. А только результаты.

Марстон, охваченный отчаяньем, вскрикнул:

— Остановите эту бойню, Лорд Командующий! Мы разбиты наголову. Мы не можем дальше сопротивляться.

— Вы закончили?

Марстон разинул рот, не в силах понять. Потом опустил голову:

— Еще нет. Претор на борту. Он хотел бы с вами поговорить. Пожалуйста, оставьте канал открытым, и я...

— У меня нет никакого желания говорить с ним, капитан. Что, сказать: здрасьте — до свидания? — Стаффа резко выключил связь.

«Претор на «Пайлосе». Нет, я не смогу говорить с ним, я не смогу посмотреть ему в глаза. Даже после стольких лет.»

Стаффа крутил рукоять наводящего на цель компьютера, пока экран полностью не заняло изображение «Пайлоса». Вспышки света указывали на взрывы, которые постепенно разрушали корпус корабля. Корабль был практически мертв.

Стаффа надавил на кнопку, приводящую в действие основную батарею, и стал наблюдать фиолетовый взрыв. «Пайлос» взорвался, как гнилая дыня, под его орудиями. Стаффа расстреливал все точки, которые появлялись из-под обломков, он распылял их в плазму.

Офицер особого назначения Райман Арк ждал с холодной выдержкой профессионала. Он разместил всю свою команду по госпитальному зданию, а этот наиболее опасный участок — коридор — взял на себя. Никто не двигался и не издавал ни звука.

«Почему мы здесь? Зачем Лорд Командующий поместил лучший отряд специального назначения сюда... охранять одного старого калеку? Кто это такой?»

Арк оторвал взгляд от сверкающего белого коридора и проверил, что показывает дисплей его усовершенствованного военного шлема. По его мысленной команде появилось разноцветное голографическое изображение, дающее ему информацию, лежащую за пределами его человеческих возможностей. Он сфокусировал сканирующие рецепторы шлема на конец длинного коридора и увеличил чувствительность. Коридор выглядел таким, как обычно: белые стены отражали мягкий флюоресцентный свет, ярко начищенный пол блестел, стальные двери располагались с интервалом в пятнадцать метров. Микрофоны доносили только шум машины и гудение кондиционеров.

Лорд Командующий приказал, чтобы все комнаты госпиталя были пустыми — все, кроме одной, которую занимали Арк и его команда. И то, что приказал Лорд Командующий, Компаньоны воспринимали как нечто непреложное, неважно, какие чувства это вызывало у них в данный момент.

«Но засунуть нас сюда? Когда битва продолжается? Нас лучше использовать для уничтожения последних позиций защитников. Нет, нас заставляют охранять умирающего старого человека и пустой госпиталь».

Усовершенствованная система детекции шлема Раймана зарегистрировала слабую вибрацию: звуки приближающихся шагов. Райман проверил ИР монитора и отметил рост температуры: тепло, исходящее из угла. Попытка нападения?

— Ребята, приготовились,— прошептал Арк.

Спецкоманда Раймана замерла за своими энергетическими барьерами.

По рации он связался с остальными, разбросанными по всему госпиталю.

— Это Арк. Все нормально? Никто не появлялся?

— Никто, офицер особого назначения, все тихо.

— У меня визитеры, ребята, будьте начеку.

«Кто же мог пройти через караул на нижних этажах? Наверное, это кто-то из наших». Райман оттопырил нижнюю губу.

Он опустил защитный щит и прикрыл им темнокожее лицо. Одетый в маскировочную амуницию, он изготовился — мускулистый человек с грацией тренированного атлета. ИР монитора загорался все ярче от присутствия тепла. В этот момент в углу появились две знакомые фигуры.

— Не стрелять! — приказал Арк. На мониторах он увидел, что никто из его воинов не шелохнулся и не дрогнул: пространство, занятое ими, топорщилось наконечниками бластеров, имеющими форму раструба. Профессионалы, черт их побери!

— Стоять! — окрик Арка отразился от стен. Мужчина и женщина остановились и замерли в хищной стойке.

Арк изучал их через свой тепловизор. Он знал, что Лорд Командующий может появиться без предупреждения в любой момент, что и держало его людей в постоянном напряжении. Райман изучал своего командира с интересом. Стаффа кар Терма встретил его взгляд. Высокая женщина позади него была одета в белый космический костюм — подполковник авиации Скайла Лима сменила свою веганскую маскировку после удачного нападения на компьютерную систему Миклена. Она неподвижно застыла позади Стаффы.

Лорд Командующий слегка кивнул, и легкая улыбка одобрения едва коснулась его губ. Сияющий серый комбинезон полностью облегал его тренированное тело от верха ботинок до шеи. То, что казалось золотым галстуком, плотно охватывая его шею,— на самом деле было полевым генератором для вакуумной энергии шлема. Мантия облегала его плечи и казалась живой. Толстый оружейный ремень нес на себе пистолет, гранаты, рацию, альпинистское снаряжение и вакуумный энергетический пакет. Высокие ботинки сверкали.

Лицо Стаффы, тщательно выбритое, выглядело великолепным, оно заканчивалось квадратным подбородком, который подчеркивал четкую линию широких губ. Нос был прямым, очень пропорциональным, соответствующим плавным линиям бровей. Длинные черные волосы были собраны в конский хвост над левым ухом и сбегали по плечу, схваченные искрящейся разноцветной геммой. Арк знал этот яркий блеск глаз Лорда Командующего. Эти глаза пронзали его даже через расстояния.

Райман Арк победил дрожь, которая его пробрала. Аура такой силы пронизывает человека как удар тока. И, наконец, что мог испытывать человек в здравом уме в присутствии самого смертоносного человека во всем Открытом Космосе?

Арк отметил мелькание пальцев в серых перчатках по клавиатуре идентификатора Компаний.

— Вперед, сэр,— Райман встал и позволил себе чуть расслабить руку, держащую бластер.

Лорд Командующий устремился вперед, его тяжелая мантия взметнулась за ним, словно крылья. Выражение очень бледного лица было напряженным, чеканные черты словно светились изнутри.

Райман бросил осторожный взгляд на женщину, которая шла с легкостью хищника чуть позади Стаффы. Скайла Лима напомнила Арку снежного барса. У нее были плавность движений и чувство осторожности, присущие охотницам. Скайла замечала абсолютно все: ее взгляд метался по энергетическим барьерам, по расположению людей Раймана, которые оставались в боевой готовности.

Она кивнула едва уловимым движением, ее серебряно-белые волосы заколыхались длинной косой, перевязанной над левым плечом. Одетая в белое, она была прекрасным дополнением

высокому человеку в сером. Ее авторитет среди Компаньонов был очень высок — второй после Лорда Командующего.

Райман рассматривал классические черты лица и поражался — они были совершенны, такие можно видеть у этарианских жриц. Только при ближайшем рассмотрении можно было заметить шрам, пересекающий щеку Скайлы. В ее движениях сквозила упругая сила. Скайла казалась воплощением человеческой фантазии и желаний, но только до тех пор, пока вы не взглянули в ее пронзительно-холодные глаза. Взглядом, который резал, как лазоревые кристаллы, она проинспектировала его, исследовала его душу до донышка, ища изъяны. Красивая и холодная, как абсолютный нуль ледника Тергузи. Смертоносная, как цитеанская кобра, Скайла двигалась с жестокой решимостью.

«Скайла о чем-то беспокоится. И Стаффа... он на пределе. Я никогда раньше его таким не видел».

— Мой Лорд Командующий,— приветствовал Райман, прижав кулак к сердцу,— знак приветствия, принятый среди Компаньонов.

Стаффа положил руки на бедра, изучая Раймана. В животе у Арка закололо, когда он увидел лицо Стаффы,— у него был взгляд человека, готовящегося к схватке...

Нерешительность... Райман не мог объяснить появление внезапного намека на страх в глазах Стаффы кар Терма. Это же абсурд! Конечно же, это игра света... Райман выпрямился, чувствуя, как ледяные пальцы схватили его сердце.

Лорд Командующий говорил успокоительно-небрежным тоном.

— Все прекрасно, офицер Арк. Ничего необычного? С пленником все в порядке?

— Да, сэр,— он попытался сглотнуть и откашлялся.

— Ничего подозрительного?

Арк ответил мгновенно:

— Нет, сэр. Он... пленник... только послал одно сообщение, Лорд Командующий,— оно было адресовано на ваш флагманский корабль, на «Кислу», сэр.

— Очень хорошо.— Это прозвучало отсутствующе, и выражение лица Стаффы увяло. Стоило так переживать из-за этого жалкого куска плоти?

Страх, как холодный ланцет, пронзил душу Раймана. Кем был этот искалеченный человек, которого они охраняли?

Лорд Командующий повернулся к Скайле, и мантия закрутилась вокруг него.

— Я пойду к нему один, подполковник авиации. Если мне... Я позову, если ты мне понадобишься.

Райман навострил уши, весь превратился во внимание, крепко прижав к груди кулаки. Лорд Командующий заколебался мгновение при входе, задержал на несколько секунд руку, обтянутую серой перчаткой, на ручке двери прежде, чем толкнуть ее.

Райман посмотрел на Скайлу. Ее бледные черты выражали подлинную муку, несмотря на позу, в которой она стояла: подпирая

стену спиной, скрестив руки под полной грудью. Тревожный блеск ее глаз раздражал его.

Райман провел языком по сухому небу. Имеет отношение? К Скайле? Проклятье!

Стаффа кар Терма взял себя в руки, заставив сердце успокоиться, когда оно билось прямо в горле. «Страх? Чего я боюсь? Этого... этого искореженного человека?» Его опять охватили воспоминания тех далеких дней. Дней боли, дней бесконечной борьбы. «Да, Стаффа. Ты его боишься — и с такой же страстью, с какой ты когда-то его любил».

Дверь с шипением затворилась за ним, превратилась в щит и скрыла его от тревожно-вопрошающих глаз Арка, выражения которых тот не мог спрятать.

«Неужели это так заметно? Я не могу совладать с собой, потому что знаю, что увижу этого человека?»

Комната в длину имела не более восьми метров. Мониторы проецировали голоизображения на стены одно за другим: сценки из жизни живописной страны, зеленой от буйной растительности, белые и серебряные шпили зданий, вонзающиеся в бирюзовое небо, прекрасные скульптуры в изумрудных парках. Другие показывали гала-концерты. Семейные сценки, которые взывали к памяти Стаффы и звали назад во дни прекрасной юности. Каждая проекция изображала Миклен таким, каким он был до того, как его силы сокрушили защиту Миклена и оставили планету беспомощной перед вторжением сеззанцев.

В палате царила мертвая тишина.

Медицинский аппарат стоял в дальнем углу, освещенный зеленоватым светом Мика. Медицинский аппарат-робот состоял из сияющего белого бокса, размером с большой холодильник. Ряды мониторов заполняли половину палаты, источник энергии и связь находились в углублении в стене.

Лорд Командующий остановился, комок подкатил к горлу, лицо зарделось. Он постарался взять себя в руки.

Голова старого человека нелепо возвышалась над полированной белой поверхностью медицинского аппарата. От дверей, где остановился Лорд Командующий, были видны только слипшиеся волосы — седеющие сейчас, а когда-то черные. Уши свернулись, как вялые листья, розовые и мясистые. Стареющая, сморщенная кожа на шее, сухие мышцы тянулись от груди в белые глубины машины.

Снаружи через окно открывался вид искореженного, покалеченного города, дым струился над развалинами. Аэрокары пересекали бирюзовое небо, доставляя все новые и новые сеззанские войска. Большие наземные кары везли пленников на сборные пункты. Высоко в небе грузовые шаттлы бороздили просторы, расцвечивая его фейерверками в честь приближающегося флота Сеззы.

Старик наблюдал мелькающие на экране картины космоса, последние виды планеты, теперь объятой дымом и пожарищами. Играла тихая музыка, реквием по разрушенной империи.

Сердце Лорда Командующего билось так, что, казалось, выдает его присутствие, и в это время старый человек заговорил:

— Вот, наконец-то ты.— Его старческий голос был дребезжащим от усилий, как будто он исходил из механических легких госпитального аппарата.

Стаффа небрежно пояснил:

— Нейтрализация нескольких гнезд сопротивления задержала меня.

— Ты лгун, Стаффа кар Терма.

Пальцы Стаффы скользнули к поясному ремню:

— Никто в Открытом Космосе не осмеливается называть меня так.

— Ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя тем, что ты есть? — Пауза.— Изменник. Предатель.

— Ты отверг меня. Ты и твое распрекрасное миклениансное правительство. Я могу тебя убить... Но тебе лучше так, не правда ли, Претор?

— Я тебя отверг? — он фыркнул от презрения.— Если ты припоминаешь, я спас твою проклятую жизнь!

Госпитальный аппарат с гудением медленно повернул неподвижную голову в сторону Лорда Командующего, и стало видно искривленное от боли круглое лицо с высоким лбом. Мясистый нос торчал, нависая крючком над тонкими губами, пурпурными и вялыми от старости. Кожа щек была покрыта старческими пятнами. Подбородок выдавался вперед, заканчивая широкое лицо. Когда оно повернулось, стал виден кровоподтек на левой щеке.

«Остатки человека. Развалина. Этой мой враг...» Стаффа стал улыбаться, дыша гораздо свободнее. Кто будет бояться этих останков разбитого человека? Претор жил только с помощью насосов и фильтров. Внутривенное питание наполняло его кровь веществами, необходимыми для поддержания жизни, осмотические мембраны снабжали кислородом искусственную кровь и спасали остатки спинного мозга. «Надолго ли?» — мелькнула мысль.

Человек, которого он так боялся... и любил, почти умер, ушел навсегда в бластерном ударе, которым, он, Стаффа, разрушил флагманский корабль Миклена. Останки чудом выжившего старика обнаружил экипаж, очищавший захваченную территорию, и полутруп опознали.

Губы старого человека двигались, образуя пергаментные морщинки.

— Наслаждаешься, Стаффа кар Терма? Любуешься тем, что ты натворил?

Лорд Командующий потер подбородок, пока смотрел на осунувшееся лицо перед ним. Угрызения совести и страх отступили перед реальностью победы. Вся прошлая работа стерлась — превратилась в дымок; но осталась настоящая сила. Стаффа прошел к стене, мантия колыхалась в насмешливом танце. Он положил ладонь на голоконтроль, и стены стали мертвенно-бледными — осталось только голоизображение разрушенного

города, картины которого медленно сменялись перед глазами Претора.

— Подумай, что я сделал с тобой, Стаффа? Совершенный завоеватель! Мое величайшее достижение. Да, я следил за твоей карьерой. Я считал, что защита филипиан неуязвима. Затем ты совершил невозможное с Аштаном: кто мог подумать, что они попадут в ловушку — в болото? Только ты мог придумать такой капкан, который уничтожил флот Майкана. Да, я изучал каждую твою кампанию, зная, что когда-нибудь и мне придется столкнуться с тобой. Один за другим я изучал твои тактические приемы, до тех пор, пока, наконец, смог просчитать каждый твой будущий шаг.

Горькая улыбка скривила его губы:

— Очень хорошо, Стаффа. У меня никогда не было времени, чтобы тебя уничтожить... перекупить и повернуть против Сеззы.

Стаффа высокомерно процедил:

— Меня нельзя уничтожить. А также и перекупить.

— Нет? — седая бровь приподнялась, образовав складку на широком лбу.

— Нет.

Усмешка Претора была кривоватой.

— Одна из самых старых истин, Стаффа, гласит, что у каждого человека есть своя цена. А какая у тебя, наемник? Сколько стоишь ты?

Стаффа медленно прошел вперед, его серые глаза встретились с глазами Претора. Он обнаружил удовольствие в тусклых карих глазах, некогда таких сильных. Он поднял голову:

— Никогда, ни в одной из кампаний я не нарушал контракт.

Уголки старческих губ слегка приподнялись, глаза засверкали:

— Да, ты никогда не нарушал. Незапятнанная репутация, разве не так? Но это я тебя таким создал, Стаффа. Я взял тебя юным и обучил тебя, я сделал тебя самым замечательным военным командиром. Я дал тебе твою цену, силу и хитрость. Я очень хорошо тебя знаю, Стаффа, я твой создатель.

— Это было так давно, Претор,— он пожал плечами.

— То, что хозяин создал, он может и уничтожить.

Стаффа махнул рукой в серой перчатке:

— Храбро и сильно сказано, Претор. Однако я вижу твою планету в руинах. Твои люди в плену — они рабы. Мои рабы. Твой флот разбит. Твоя армия потерпела поражение, она практически уничтожена. И ты, Претор, твоя жизнь целиком зависит от этой машины, в которой ты лежишь. Твое тело мертво.—Стаффа поднял указательный палец: — Вот этим я могу прервать твое существование.

Улыбка старого человека стала очень широкой:

— Но только после того, как ты услышишь о своих слабых сторонах, Стаффа.— По мере того, как улыбка исчезала, выражение неодобрения усиливалось.— Ты же не заставишь меня подлизываться, как всех тех, кто называет тебя Лордом Командующим?

— Я тебя прощаю... в память о старых временах.

Нескрываемая ирония прозвучала в ответ:

— Это так благородно с твоей стороны.

— И у тебя есть возможность меня уничтожить? — Стаффа сжал кулаки. Старческие глаза задумчиво изучали его.

— Да... Я могу.

— Вот как? Стаффа издал короткий смешок.— Ты, может, позовешь свои легионы? Вернешь из мертвых свой флот? Подымешь свои защитные платформы из руин? Попробуй!

— Я не буду делать ничего такого грандиозного и бесполезного.— На лицо Претора упал солнечный блик садящегося светила, окрасив полуприкрытые веки в желто-зеленый цвет: — Мне нужно только сказать несколько слов. И ничего больше.

— Ключевые слова, заложенные в мой мозг, когда я был совсем молодым? Я знаю, что ты это сделал, ты оставил глубокие психологические крючки. Я нашел и уничтожил, вырвал их с корнем, тщательно, один за другим.

— А все ли, Стаффа? — вялые губы изогнулись в хитрой улыбке.— Сейчас мы посмотрим... Да, в самом деле,— брови поднялись в удивлении,— да, ты самый страшный человек, которого боятся во всем Открытом Космосе. О тебе, командир, рассказывают легенды. От самых Запретных Границ до отстойников Тергузи, нет никого, кто бы не слышал о тебе. Ты разрушил более тридцати миров. Более, чем десять биллионов человек были убиты из-за тебя. Ты поработил целые народы. Во многих местах люди проклинают твое имя. Многим ты мнишься дьяволом и демоном. Другие заплатили жизнями в надежде убить тебя. Страх и ненависть — вот твое наследство, Лорд Командующий. Ты никогда не задумывался над этим? У тебя не было бессонницы? Ты не просыпался ночью, дрожа?

Стаффа пожал плечами, поднял ладони вверх:

— Мне платят не за то, чтобы я терял сон. Мне платят и очень хорошо, чтобы я побеждал.

Претор почти незаметно кивнул:

— У тебя нет души, Стаффа? Нет ответственности перед Богом? Ничего? — Он откашлялся и уставился в блестящий пол.— Нет, конечно же, нет. Я ведь создал тебя таким, Создание без осознания... без ответственности и чувства вины. Только деньги и власть — вот что тобой движет.

— Разве это имеет какое-то значение? — Стаффа шагнул к окну и стал смотреть на развалины, которые не так давно были столицей Миклена.

— Ты атаковал до того, как кто-нибудь что-нибудь сообразил, Стаффа,— тоскливые нотки зазвучали в голосе старого человека.— Я не понял и недооценил твое неистовство. Твой план состоял в том, чтобы атаковать до того, как флот Сеззы был готов... Прекрасно, это было поистине замечательно. Наши шпионы вылавливали только смутные слухи о том, что ты работаешь на Сеззу. Даже тогда я знал, что наша платформа сможет нанести тебе сокрушительный удар. Но мы не успели...

— Я сыграл на твоей вере в шпионов,— небрежно сказал ему Стаффа.— Ты ждал массированной атаки. Ты рассчитывал на

тщеславие сеззанцев, зная, что они предпримут все, чтобы участвовать в первой атаке, чтобы прославить своего Бога-императора. Ожидание — это слабость. Один невооруженный грузовой корабль смог поставить в тупик твою массовую защиту. А Компаньоны, атакующие с грузового судна,— это тебе никогда не приходило в голову?

Претор засопел в гневе:

— А я недоумевал, что случилось, как мы могли тебя недооценить, и как мы пропустили твоих диверсантов?

— Скайла все верно рассчитала. Она лично руководила и организовала разлом твоей компьютерной системы. Время играло очень критическую роль. Мой флот должен был появиться в точно рассчитанный срок.

— Да, Скайла Лима. Вторая по своему великолепию после тебя. Скажи мне... вы были любовниками?

— Нет, Претор, не были. Никогда. Она женщина сама по себе — вторая в моей команде.

— И с таким же сознанием рептилии, как у тебя.

Стаффа равнодушно бросил:

— Меня не интересует сознание.

— Вот ты сказал и доказал.— Претор посмотрел на голо-изображение планеты.— И вот остались только две империи. Рега и Сезза. Каждая построена с помощью твоей силы и ловкости. И что теперь? Ты выберешь Тибальта и его реганцев или Сеззу и ее Бога-императора? В этом и состоял твой план? Я просто уверен, что ты знал, что все приведет к существованию двух, а затем и одной империи. Ты к этому стремился?

Стаффа улыбнулся:

— Если бы ты только знал, старик. Компаньоны отдаются на волю судьбы.

— Волю судьбы? Ну да, а как же? Я знаю тебя так, как никто другой. Не играй со мной, Стаффа. Вы привели человечество к этому — ты и твои Компаньоны.

— А даже, если это я?

Претор здесь явно схитрил:

— Тогда ты сделал ужасную ошибку.

Стаффа иронически ухмыльнулся:

— Ну да?

Старый человек прищурился:

— Давай же во всем разберемся, давай. С уничтожением Миклена остались две голодные империи лицом к лицу через неровные, изорванные границы. Обе они в шатком положении, экономики обеих пострадали из-за того, что пытались удовлетворить твое военное тщеславие. Все, кто имеет с тобой дело, платят вампирную цену — разрушением своих на ладан дышащих экономик. Дальше ты выберешь победителя... а потом?

Стаффа заколебался, скрестив руки, изучая старого человека.

— Кто, Стаффа? — Претор пристально смотрел на него.— Я думаю, ты выберешь сеззанцев, а затем повернешь против них. После того, как ты оставишь их выжатыми досуха после борьбы

с Регой, ты станешь правителем во всем человеческом космосе,— но в конце концов ты потерпишь поражение.

Стаффа приподнял бровь:

— Я, пожалуй, поиграю с тобой в твои игры. Почему это я потерплю поражение?

— То, что тебя разрушит в конечном итоге,— это недостаток в тебе человечности. Люди сметут тебя. Не армии... просто люди.

Улыбка скривила губы Стаффы:

— Люди? Эта толкающаяся масса дураков и болванов, помешанных на терроризме? Которые проклинают меня? И ты думаешь, они могут сделать то, что не смогли ни армады врагов, ни целые империи? Будь серьезнее.

Претор снова взглянул на развалины столицы. В голосе его была тоска, и он кивнул:

— Я и так серьезен. Ты воспринимаешь людей как кусочки мозаики. Ты видишь их в хаотичном движении, думаешь, что у них нет никакого определенного курса. Но ты не человек. Ты создание. Если ты хочешь спасти себя, Стаффа, ты должен научиться тому, что значит быть человеком. Ты не можешь почувствовать дух, который осеняет нации и народы, и поэтому в один прекрасный день он тебя уничтожит.

С нарастающим раздражением Стаффа отрезал:

— Ничто и никогда меня не уничтожит.

Неуловимые изменения произошли в хриплом голосе:

— Даже любовь?

Воцарилась длинная пауза.

— Ты же встретился с ней однажды, не правда ли?

Стаффа надкусил ампулу, чтобы привести в норму дыхание.

Старый человек это увидел:

— Пленница, она была пленницей. Рабыня с яркой красотой, предназначенная для продажи в публичный дом на Силене. Но она была слишком хороша, чтобы проскочить мимо тебя. Ты меня удивил еще раз, Стаффа. Я никогда не думал, что ты позволишь своему сердцу размякнуть от любви. Я считал, что убил это в тебе.

Мускулы вдоль спины Стаффы напряглись и расслабились. «Что ему нужно? Откуда он может знать? Крисла, моя любимая Крисла...»

Претор задвигал губами:

— Неужели в тебе остались следы человечности, запрятанные так глубоко, Стаффа? И это после того, что я сделал с тобой?

Стаффа закрыл глаза. Образ ее всплыл в его памяти с поразительной четкостью, легкая улыбка, свет любви в ее янтарных глазах.

— Ты удивляешься, откуда я знаю, Командующий? — ворвался старческий голос.— Да, действительно, откуда? Откуда я мог знать, что Крисла родила тебе сына? Их похитили у тебя уже... сколько? Двадцать лет назад. И никакого следа, несмотря на все твои попытки отыскать их.

Стаффа развернулся, его мантия взвилась, как крылья хищной птицы, когда он бросился на больничную машину. Его пылающее

лицо было в дюйме от Претора. Он спросил с шипящим свистом:

— Что — что ты знаешь?

Стальные пальцы схватили подбородок старого человека, и Стаффа встретился с непогасшей яростью в его глазах. Подбородок двигался, пока Претор пытался говорить:

— Ничего... пока ты меня... держишь. Отпусти меня, Стаффа, и я скажу тебе.

Стаффа убрал трясущиеся пальцы, которые оставили вмятины на желтоватой плоти.

Претор попробовал осторожно подвигать челюстью, и пристально посмотрел в разъяренное лицо Лорда Командующего, уловив в его взгляде отблеск стали.

— Я знаю, что ты сейчас можешь убить меня, Стаффа,— голос звучал, как нож по стеклу.— Тридцать лет назад я наблюдал расцвет твоей славы. Ты и я — мы были вместе. Я предчувствовал подобный исход. И я был один в Открытом Космосе, кто знал тебя как... очень ранимую личность. Не Бога, Стаффа, а мальчика. Более того, испуганного ребенка, которого я нашел в разрушенном корабле. Ты не помнишь? Попробуй вспомни свой крик, который носился по разрушенному кораблю над твоими погибшими родителями.

Стаффа отказывался вспомнить этот день, кулаки его сжались и дрожали от напряжения.

Претор обвел взглядом город за окном.

— Ты не помнишь, Стаффа? Ты не забыл тот давний разговор? Как ты стал сыном, которого у меня никогда не было? Ты любил меня, и я... я полюбил тебя.

Воцарилась тишина, пока Стаффа кусал губы, грызущая боль сохраняла свою силу. Этот человек... Память начала свой путь по образам — призракам: во времена, когда были смех, шутки и безопасная жизнь, жизнь без убийц-террористов и крови, без кораблей, которые несли смерть, звездный холод космоса; теплые комнаты, учителя, завтраки в постель. И сокрушающее одиночество, одиночество такое ужасное, что только его забытье облегчало страдания.

— Ха! — старческий голос нарушил тишину.— Каким сильным ты стал. Слишком сильным для Миклена. Ты напугал Правительство. Они хотели, чтобы ты исчез. Только в дегенеративном обществе позволяют предателям оставлять отпрысков.— Он помолчал.— Но я не мог им позволить уничтожить тебя. Я рисковал всем. Я удалил тебя. Дал тебе корабль, и на пути, который я предвидел, спасение.

— Что с моими женой и сыном? — Стаффа прорычал, выставив кулак перед машиной, едва удерживаясь, чтобы не проломить Претору голову.

— Ты знаешь такое выражение «ахиллесова пята»? — карие глаза задумчиво изучали его.— Твоя слабость, Командующий! Твоя уязвимость. Я похитил их. Я украл Кислу! Не надо! — закричал он, когда Стаффа стал приближаться.— Убей меня, и ты никогда, слышишь, никогда не узнаешь их судьбу.

Стаффа остановил себя диким напряжением воли.

— Г-г-где?

Старый человек кивнул:

— Я поторгуюсь сначала. Цена — твоя жизнь!

— Я, я...согласен. ГДЕ ОНИ? — Чувства Стаффы обострились до предела.

— Твой сын не здесь. Я точно не знаю, где он. Я отдал его на Седди. Часть старой сделки. Ребенка — на ребенка. Я думаю, они увезли его на Таргу. Это было до того, как ты... Впрочем, ты знаешь.

Холодок пробежал по спине Стаффы. Тарга! Где Компаньоны убили миллионы, подавляя седдианское восстание. Он опять увидел вздымающиеся груды развалин, гниющие трупы, разбросанные и оставленные на разбитых улицах. Его сын? Один из них?

— К-как... давно?

— Восемнадцать лет назад. Может быть, за десять месяцев до того, как ты разрушил это место.— Старик помолчал.— Не все там погибли, многим удалось спастись, ты знаешь об этом. Но никто не поймал Седди...

В памяти Стаффы с калейдоскопической яркостью замелькали картины сломленной Тарги. Он помнил тусклый свет моста, потому что были повреждены генераторы, мониторы, показывающие город, который лежал в руинах и развалинах. Другие мониторы — атакующие корабли, которые наносили удары за ударом, фонтаны огня, обломки, взлетающие в дыму и огне.

Претор продолжал мямлить:

— Я оставил его у Седди, но тебе лучше поспешить. Я слышал, что у них опять неприятности. Ты же знаешь, как действуют Седди,— как раковая опухоль. Тарга безумствует.

Голос Стаффы заскрипел, как лыжи по песку:

— А Крисла? Ты тоже ее отправил туда? — «Нет, Господи, нет, только не мою Крислу,— горячечно пронеслось в голове. Неужели она осталась гнить вместе с остальными мертвецами там, на Тарге? Неужели она тоже стала кровавым куском изуродованной плоти?»

— Нет, Командующий. Но сначала ты должен пообещать мне, что сеззанцы никогда не получат меня,— вот моя цена. Я не хочу, чтоб они лезли в мои мысли. Ты меня понимаешь?

Стаффа пожевал губами, наступило облегчение. Он закрыл глаза, не обращая внимания на пот, струившийся по его лицу.

— Я обещал им, что если ты выживешь... Это входит в часть контракта... Я подписал. Моя честь...

— Твоя честь? Какое мне дело до твоей чести? Никакого.

Претор невесело улыбнулся:

— Я все еще контролирую тебя, Стаффа.

— Никогда!

Ответ прозвучал тяжело и грозно:

— Тогда ты никогда не узнаешь даже приблизительно, где находится Крисла, Командующий.

— Черт бы тебя побрал. Скажи мне, Претор! Скажи мне!

— Ты не позволишь сеззанцам...

— Хорошо! — Стаффа облокотился на машину.— Все, что ты хочешь! Где?

Претор только улыбнулся, одержав еще одну маленькую победу.

— Она была здесь, Командующий. На Миклене.

Стаффа закрыл глаза и набрал в легкие воздуха, облегчение затопило его, как поток воды через пустынные пески Этарии.

— Она была в моем дворце. Все ее прихоти выполнялись.

— Где она теперь? Куда ты ее отправил?

— Я надеюсь с тобой договориться, Стаффа. Как я уже говорил — у тебя есть одна слабость — твоя семья. И несмотря на твое желание видеть меня поверженным, только твоя семья может заставить тебя перешагнуть через пункты контракта и забыть о чести. Да, я неплохо использую свое оружие.

— Претор, молю именами всех Богов, где она?

— Она была на «Пайлосе». Я держал ее в своей каюте. Я считал, что у меня есть время договориться с тобой перед схваткой.

— Твой флагманский корабль... был... уничтожен. Я развеял «Пайлос» по ветру. Своими собственными руками. Навел орудия, думая, что я уничтожаю тебя, старик.— Стаффа умолк. Осознание этого оставило его опустошенным... таким же, как город, лежащий за окном.

Легкий кивок, и Претор подтвердил:

— Мой корабль... Его разнесли в плазму, Командующий. Не ты ли сам?

Стаффа повернулся и направился к двери. Нет... только не это. Комната и окружающие предметы стали зыбкими. «Крисла? Нет... только не с ней». Он представил себе эту страшную картину: ломающийся и плавящийся металл, бушующая плазма вокруг, несущая смерть; последний вскрик Крислы.

— А наша сиделка, Командующий?— окликнул Претор.

Стаффа глянул назад мертвыми глазами. Голос его, казалось, застрял в горле:

— У меня есть контракт с сеззанцами.

— У тебя нет души, Стаффа. И теперь я тебя проклинаю.— Губы Претора скривились, и в глазах вспыхнул знакомый огонек. Хорошо поставленным голосом старик сказал:

— Ты мое произведение. Ты машина... построенная из человеческой плоти. Ты меня слышишь, Стаффа? Я говорю, что ты машина. Конструкция. Создание.

Волна, подобная электрическому удару, прокатилась в мозгу Стаффы. Казалось, его тело переполнилось до краев, и его зашатало. Опираясь на стену, он уставился на Претора сквозь слезы.

— Что... ты...

— Последний из ментальных крючков, Стаффа.— Претор наблюдал за ним сузившимися глазами.— Я оставил его в глубочайших частях твоего Я. Я подозревал, что все остальные ты найдешь, но я точно знал, что ты не будешь исследовать свое чувство личности. Это слишком страшно — даже для тебя. Вот так

я оставил свое последнее оружие там... и с его помощью я проклинаю тебя. Ты сам сгноишь свою бесчеловечную душу. Стаффа, ты проклятый человек.

Лорд Командующий вздрогнул.

— Я именно то, чем ты меня сделал.— Стаффа провел рукой по лицу, чувствуя обильный пот на лбу. Проклятый старый ублюдок! Что же ты сделал? Тысячи голосов зазвенели в голове Стаффы. В воображении беспорядочно толпились картины и образы: Крисла, умирающая в агонии, «Пайлос», распыленный на мелкие частицы, тело Крислы, взорванное безжалостным вакуумом.

Претор смотрел на него с сияющей улыбкой, в которой змеилось коварство:

— Теперь тебя уже не расстроит то, что ты сейчас узнаешь: Крисла была самой замечательной женщиной во Вселенной. Она отдавала мне свое тепло в последние десять лет. Ты знаешь, что у нее под правой грудью была родинка — прямо под соском. Когда мы лежали рядом, в поту, расслабленные после часов любви, я всегда целовал ее прямо...

Взглядом победителя старый человек смотрел на Стаффу, который повалился на крышку госпитальной машины, пытаясь схватить Претора за подбородок, стальные пальцы раздирали ему рот, рвали язык. Позвонки глухо треснули. Потерявший самообладание Стаффа продолжал выкручивать уже мертвую голову, весь в льющейся крови, которая струилась по пальцам. Мускулы на его руках вздулись, и Стаффа услышал свой собственный крик — крик обезумевшего зверя.

Он закачался, серый туман постепенно рассеялся. Дыхание с хрипом вырывалось из легких. Он отпрянул — потому что дверь открылась. Скайла Лима и Райман Арк стояли с той стороны, с оружием наготове.

Он пытался думать, что же произошло и почему, но мысли путались и ускользали. «Что-то спрятанное в моем подсознании — что-то, что отзывается на ключевую фразу. Как я не заметил этого? Как это влияет на мою способность мыслить четко и ясно?

Стаффа повернулся и пошел к дверям, мозг его окоченел, будто напичканный наркотиками. Позади него останки Претора лежали на белой панели машины, освещенные желтовато-зелеными лучами заходящего светила империи.

Шаги Магистра Бруена глухо загрохотали, когда он вошел в зал, похожий на пещеру. Он остановился, положил тонкую руку на песчаную скалу стены, секунду отдохнул, прежде чем выйти к ожидающим его людям. Сверлящая боль в бедре напомнила ему о длинном переходе на низший уровень. Он часто и тяжело дышал, вытирал потный морщинистый лоб, пытаясь не смотреть на сверкающую машину, которая возвышалась возле дальней стены, мерцая клавиатурой.

Передние панели посылали мягкий белый свет вниз и освещали древнюю скалу этой пещеры Седди. Он наполнял углубления

рассеянными лучами, окрашивающими затененные места белесым туманом.

Бруен не обращал внимания на зловещий сигнал, издаваемый огромным компьютером. Сопровождавшие шли гуськом, прямо за ним. Тяжелое дыхание Магистра Хайда раздавалось чересчур громко в скальном пространстве. В это потайное убежище под почти двухкилометровой толщей ноздреватых скал Тарги шли одетые в мрачные одежды мужчины и женщины. Никто не сказал ни слова, пока они не вступили в ступенчатый туннель.

Одетые в коричневые тоги Посвященные нервно сгрудились возле стен с тревожно блестящими глазами, а в это время двое старших магистров в белых одеждах прошли и остановились перед сверкающей машиной.

Бруен бросил взгляд и на разноцветно светящиеся панели Мэг Комм. Он ее ненавидел, и чувствовал ее испарения, которые, казалось, витали в воздухе. «Что ты еще от нас хочешь?» Холодные пальцы страха схватили его за сердце.

Огоньки на панелях загорелись ярче.

Магистр Хайд, ослепительный в своих белых одеждах, стоял позади Бруена и нервно похрустывал сплетенными пальцами. Как только Мэг Комм распознала их присутствие, в ее неизмеримых глубинах замерцал интерес. Бруен внимательно рассматривал высившееся перед ним чудовище. Откуда она взялась, эта машина? Кто ее создал и в какие незапамятные времена? Она олицетворяла собой технологию, которую Седди ненавидели и без которой не могли существовать. В тишине отчетливо прозвучали шаги обутых в сандалии ног. Донесся запах машинного масла, смешанный с запахами человеческого пота.

Магистр Бруен почесал свой круглый живот, морщась от сияния золотого шлема, стоявшего на подставке рядом с откидным креслом,— единственным предметом мебели в пещере. Он нервным взглядом окинул Магистра-Хайда и спокойные лица Посвященных, окружавших его. Глаза Хайда светились тревогой. Бруен надеялся, что его собственная тревога не заметна никому.

Бруен видел свое отражение в зеркальной поверхности машины — маленький, круглый, приземистый человечек. Его искаженное лицо не скрывало возраста — оно было изборождено морщинами прошедших лет. Время разрушило его плоть и сделало тело хилым и болезненным. Его седдианская форма, перешитая из грубо сотканной тарганской одежды, была серовато-белой, свободно облегающей. На голове почти не оставалось волос — только редкие белые пряди, окружающие лысину, блестевшую в свете огней.

Только глаза выдавали непоколебимый дух, который руководил им, несмотря на все прошедшие годы, и ставил его впереди, в авангарде событий. Событий, которые могли ввергнуть человечество в пучину огня, крови — или полностью уничтожить его.

«Слишком стар»,— повторял он часто сам себе, и слишком хил, чтобы выстоять.

Он жил жизнью старого человека: придерживался идеалов,

направлял мечты людей к недостижимым ценностям. И сейчас, когда настал решающий момент, судьба посмеялась над ним, как над воином, приготовившимся к последней схватке, но вдруг ощутившим безмерную усталость.

Машина продолжала оставаться пугающей загадкой, которую не сумели разгадать поколения; полной тайн, недоступных ничьему пониманию. Когда-то ею можно было управлять на расстоянии; но все это было в далеком прошлом, а ныне утрачено. Бруен набрал полную грудь воздуха и почувствовал боль в хрупких ребрах.

Непонятная роль — быть самым высоким по рангу Магистром среди седдианского духовенства. Когда-то огромную машину извлекли из глубокого убежища под храмом в Веспе. И с тех пор машина давала седдианским ученым программы по изучению социологии. Мэг Комм программировала сложные статистические вычисления, которые коллеги Бруена с трудом понимали, однако, это не мешало им использовать их для планирования тайных акций в Открытом Космосе, предсказывать направления поведения, манипулировать данными, создавать исторические факты по своему собственному усмотрению — и все это с помощью машины, загадочной и пугающей.

За этими панелями находился их единственный союзник в предстоящей схватке.

«Союзник? Какого рода?» Бруен нервно сглотнул, не обращая внимания на боль в ногах.

Сигнал вызова — очень яркий, пронзительно-желтый — включался и выключался, требуя его на связь.

Бруен тревожно смотрел на громадный компьютер. После всех тех лет, когда седдианцы только записывали ее требования, и когда машина функционировала пассивно, она вдруг проснулась, но для какой же цели? Почему у нее вдруг возник интерес к делам человека? Какие мотивы появились у нее, помимо интересов Седди?

Седдианцы заботились о машине Мэг Комм веками, тщательно опекали ее. Веками Мэг Комм была просто машиной: отвечала на вопросы, отзывалась на заданные программы. Потом все изменилось. Бруен как раз находился в этом зале, когда Мэг Комм словно пробудилась к жизни, и так, будто она всегда это делала, стала отдавать команды, задавала вопросы, требовала ответа. Седдианцы были в шоке, повергнуты в ужас ожившей машиной и пали ниц перед громадной Мэг Комм, молясь на нее. Так они стали ее беспрекословными слугами.

Бруен, тогда еще относившийся к касте Посвященных, молодой, полный амбиций и фанатизма, помнил те дни с кристальной ясностью. Вначале он подумал, что это мираж — машина, ожившая вдруг, включила двигатели, издававшие приглушенный шум в пещере, замерцала разноцветьем огней.

Когда все это произошло, Бруен с бьющимся в горле сердцем помчался, не разбирая дороги, на верхний уровень, крича в панике:

— Магистр! Магистр!

Когда люди видят ожившего Бога своими собственными глазами, их существование изменяется, и навсегда.

И у Седди изменилось все.

«Для чего мы тебе? И какие у тебя цели?»— старый риторический вопрос пронесся молнией в голове Бруена. Знаешь ли ты, что мы задумали? Или ты играешь с нами даже сейчас? Как может обычный человек противостоять тебе и твоей энергии? Если бы у нас были хоть смутные представления о твоей силе».

Больше неизбежного ждать он не мог. Бруен что-то проворчал и сел в обитое тяжелой тканью кресло возле сверкающего шлема. Облизал пересохшие губы и закрыл глаза. Еще раз он должен был довериться собственной хитрости и самообладанию — подвергнуть себя опасности. Будущее человечества находилось в прямой зависимости от его способностей вводить в заблуждение.

«Спокойно. Терпение, старина Бруен,— пробормотал он сам себе.— Я должен держать себя в руках. Собраться с мыслями. Успокоить самого себя... Да. Ты должен соблюдать максимальную осторожность. Как обычно. Никаких слабостей, никаких мыслей. Столько времени, сколько будет нужно... Осторожность... Осторожность... Осторожность»...

В такт с дыханием он стал читать мантры, которым Мэг Комм обучила их. Он желал самому себе выстоять, обрести силу, заодно мысленно репетируя разговор при контакте. Мантра становилась формой самогипноза, он выключал часть своих мыслей, держа остальные под контролем. Машина должна прочитать только «правильные мысли»— мысли, соответствующие конспектам «Обучения Правде».

Благодаря бесконечным повторениям, он усвоил догму, которую внушила им Мэг Комм после пробуждения. Когда он был Посвященным, то наблюдал изменения, происходящие с Магистрами. Они полностью подпали под влияние силы и знаний, наслаждаясь общением с Мэг Комм. Так большая часть его жизни была посвящена...

«Нет! Отбрось все это, Бруен. Пой мантры. Я — создание Мэг Комм. Мэг Комм — единственный путь человечества к человечности. Путь... Путь... Путь... Мы познаем правду и истину. Благодаря праведным мыслям приходит равенство. Путь... Праведные мысли... Путь...»

Глубоко погрузившись в свои мысли, он с трудом осознал, что подошел к шлему, и легко надел его на голову.

«Путь... Праведные мысли... Я — создание Мэг Комм. Мы все одно... Я практикую обучение истине. Я на Пути...»

«Приветствую, Магистр Бруен!»— нестройно звучащие слова прозвенели в мозгу у Бруена.

«Вторжение! Нарушение неприкосновенности!»

Мерцание индикаторов стало усиливаться.

«Нет, это Путь. Мы все являемся одним целым». Он разрешил себе подчиниться, чувствуя умиротворение, растекающееся по его мыслям.

«Приветствую тебя, Мэг Комм»,— ответ Бруена в мыслях прозвучал как ритуальный, обозначенный в Праведных мыслях.

«У тебя отмечается прогресс в сообщениях?»

«Да».— Он позволил ей исследовать свои мысли, повинуясь догмам мантр «Обучения Истине».— Миклен пал. Лорд Командующий убил своего патрона, Претора. Теперь Сеззанская империя контролирует Миклениянское пространство и источники».

«Так быстро? По нашим предположениям Стаффе кар Терма нужно было больше времени на подготовку». Пауза. «Это самое неудачное. Ввод этих новых данных должен быть проанализирован. Есть ли сведения о потерях Лорда Командующего?»

«Из предварительных донесений они составляют меньше трех процентов».

Бруен подождал несколько мгновений перед тем, как ответ пришел: «Получается, что переоценили мощь Миклена и даже очень».

«Я не думаю».

«Поясните, пожалуйста».

«А мы уверены, что недооценили военный гений Стаффы кар Терма. Все наши информаторы в высшем эшелоне командования были выявлены с удивительной скоростью. Спецкоманда внесла панику и неразбериху в систему безопасности Миклена, нарушила полностью работу компьютерной системы защиты, и затем Стаффа нанес первый удар. Каждый новый удар вносил еще большую сумятицу в ряды миклениянских защитников, и все это до прибытия сеззанских регулярных войск, которые затем нанесли завершающий удар».

«Тогда мы должны действовать очень быстро. У нас нет другого пути».

«События развиваются стремительней, чем мы ожидали. Рега уже забеспокоилась, созывает свои военные резервы. Пришло критическое время».

«Таким образом, ваша цивилизация в опасности — она может погибнуть». Настойчивые нотки голоса машины пронизали насквозь мозг Брусна, отражаясь от замаскированных стен его блокированных мыслей.

«Все это так».

«Вы уже предприняли какие-нибудь контрмеры?»

«Да, конечно. Все было сделано по вашим инструкциям. Ваши планы — это наша программа».

Вы точно следовали всем моим инструкциям? Поясните, пожалуйста, я жду».

«Тарга на грани восстания. Используя скорость победы Лорда Командующего над Микленом, мы можем катализировать восстание и сделать все так, как планировалось. Восстание поможет лишить Регу равновесия. К тому же, мы думаем тестировать мальчика, если наши замыслы осуществятся. На сегодняшний день агенты действовали очень успешно в манипулировании окружающей ребенка обстановкой. Мы действовали с потрясающей точностью, и вы это знаете. Этот мальчик может стать основой нового порядка. Мы следовали вашим указаниям, но риск все-таки остается. Мы не можем предусмотреть всего. Да и поступать так — это нарушать чистоту эксперимента. Ребенок выживет или умрет — зависит от инстинкта или его интеллекта».

«Или благодаря редчайшему случаю?»

«Сумма функций не может быть спрогнозирована. Выживание будет зависеть от многих редких сочетаний вариаций».— Бруен согласился, успокаивая себя, ни на мгновенье не забывая о постоянном контроле мозга. Звучание мантры заглушало мысли, о которых машине не нужно было знать.

«Непродуманные принципы, господствующие в Седди — это серьезнейший просчет. Подобные навязчивые идеи делают вас бессильными и слишком погруженными в себя, чтобы верно реагировать на обстоятельства».

«Но вы должны согласиться, что случайности всегда бывают».

Тишина.

Пытаясь уйти от опасной темы, Бруен начал читать мантры.

«А как насчет клонирования?»

Бруен вздрогнул и поморщился: «Я хотел бы, чтобы иногда вы поменьше фантазировали, ваша честь, Мэг Комм. Слово «клонирование» очень скверное слово».

«А таксономическое определение вас не удовлетворит?»— пришел очень логичный ответ. «Клон — созданный искусственным путем генетический материал, дающий жизнеспособное потомство».

«Да, да»,— Бруен согласно кивнул. Очень хорошо. Да, конечно, клон лучше всего удовлетворяет наши требования. Глубокая тренировка и обучение означают имплантацию без нарушения личности, которое мы предупреждаем. Мы заметили индивидуальные подсознательные реакции на стимулы, которые превзошли наши ожидания. Клон несет в себе умение выжить, и мы надеялись передать это в потомство. На самом деле...»

Он расслабился, осторожно позволил своему беспокойству утихнуть, исчезнуть постепенно.

«Вы очень озабочены, Бруен?»

«Оружие такой разрушительной силы всегда должно рассматриваться с особой заботой. Только глупец может спать при первом взрыве».

«Мы говорим о человеке, Бруен. А не о первом взрыве».

«И кто более смертоносен?»

«Человек с его воображением и интеллектом... У меня нет сомнений на этот счет». Казалось, Мэг Комм колеблется. «Чтобы пояснить, я отошлю вас к недавней истории. Вы, может, помните, насколько Седди и весь Открытый Космос были неуклюжими, пока я не возобновила контакт?»

«Да, ваша честь, Мэг Комм». Бруен отвечал автоматически, чувствуя, как она шарит у него в подсознании.

«Это была спущенная с привязи, неконтролируемая сила человеческого воображения, Бруен. Дикая. Неуправляемые страсти. Бессмысленное нарушение равновесия. Вы потеряли праведные мысли и порядок, который приходит вместе с ними».

Ярость этого обличения опалила Бруена. Защищаясь, он глубже ушел в мантры, что помогало ему сопротивляться и слушать дальше Мэг Комм.

«Да, вы хорошо помните. Вы полностью открыты мне. Я вижу насквозь следующих по Пути. У вас праведные мысли».

Он напрягся.

«Только благодаря вашей помощи. Да будет благословенно ваше руководство. Будет благословен тот день, когда вы вернули свое расположение человечеству и дали направление и построили новый порядок. Мы ваши заблудшие дети, благодарим вас».

«Ваша благодарность — это ваше служение, Бруен». Пауза. «Разве это не так?»

Неужели он уловил нотки сарказма или ему показалось? Бруен отпустил свои мысли, следуя запутанной логике Мэг Комм. Моментами он ощущал присутствие машины, успокаивающее его, заряжающее его мысли положительными эмоциями.

«Да, вы действовали согласно «Обучению Истине», Бруен». Еще одна пауза. «Я проработала данные относительно Лорда Командующего и вывела заключение. Стаффа кар Терма не играет полезной роли. Вы должны нейтрализовать его. Если этого не сделать, он получит неограниченный контроль над Открытым Космосом. А что такой контроль принесет человечеству?»

«Разрушение. Смерть. Всеобщее рабство и хаос». Бруен следовал логике Мэг Комм.

«Отлично, Бруен. Ваши агенты в боевой готовности?»

«Да. Лорд Командующий обязательно приведет свой флот на Таргу». Бруен скороговоркой произнес это, чтобы не раскрыть свой план.

«Когда он придет, чтобы топить нас в крови опять — вот тогда мы восстанем».

«Мои поздравления, Бруен. Вы осознаете опасность, которую несет Лорд Командующий своим существованием. Он — раковая опухоль вашего общества. И если вы хотите жить и быть здоровыми, вам нужно вырвать эту опухоль, и Путь истины спасет человечество. Я вижу сложность ваших планов и интриг. Вы, мой Магистр, даже больше того, на что я надеялась. Да будет благословенно ваше имя, Бруен. Вы будете спасителем человечества. Вы понесете людям Истинную Правду».

«Я — смиренный раб!» — зарыдал Бруен, чувствуя правоту этих слов.

«Пришло время действовать. Вы подымаете восстание на Тарге немедленно».

«Да, Мэг Комм. Я подыму людей против Реганского тирана».

«Благословенно ваше имя, Бруен. Я вызову вас, когда у меня будет больше информации. Продолжайте, Бруен, и благодарю вас за то, что вы посвятили себя Пути. Успех или неудача всего Великого Дела — в ваших руках».

«Да здравствует Истина!»

«Ваши нации находятся в равновесии. Что самое плохое для вас? Нужно считаться с угрозой, даже если планета в ловушке. Провал означает вымирание».

На короткое мгновение мозг Бруена заполнился образом стерильной планеты и мертвых городов: тишина, только призрач-

ные руины былого человеческого присутствия, обезлюдевшие, безжизненные, жуткие, обрушенные в небытие.

Бруен сощурился, ощущая пустоту в голове, снял показавшийся тяжелым шлем с потной головы. Руки у него тряслись, и он бы его уронил, если бы Магистр Хайд не поспешил со своего места и, подхватив шлем, поставил его на полку. Бруен вышел из алькова, увидел тревожные лица Посвященных. Вдруг у него началось головокружение.

— Все в порядке? — спросил Хайд. На лице его отразились волнение и забота.

— Да, все в порядке,— он солгал. Обессиленный, он позволил своему мозгу наконец вернуться в норму.— Я... я должен вернуться в Каспу.— Он слабо улыбнулся. «Какой шанс оставляет нам машина? И какой шанс оставляют нам наши собственные планы?»

— Тогда мы...— Хайд потряс головой, его толстые щеки затряслись. Заплывшие жиром голубые глаза сделались тупыми.— Нам нужно...

— Да, Брат Хайд,— глухо прошептал Бруен.— Наш жребий — оросить собственный мир кровью и утопить в страданиях еще раз.

Хайд нервно потер ладони.

— Но ведь погибнут очень многие. И во имя какой цели? Из-за одного человека?

— Никаких дискуссий! — Бруен утомленно махнул рукой и едва не упал на Посвященных.— Или у тебя есть другая идея? У нас нет выбора, старина.

Бруен ковылял, стараясь не оглядываться на Мэг Комм, чувствуя ее внутреннее присутствие. Он был благодарен тому, что давно «случайно» они отключили внешние сенсоры Мэг Комм, вмонтированные в стены ее убежища, и оставили только шлем как единственное средство для наблюдений и связи.

— Мы должны принимать во внимание весь риск. И мы должны полагаться только на самих себя.

— И на эту проклятую машину,— добавил Хайд.

Бруен закрыл глаза, растер большими пальцами виски. Острые удары головной боли пульсировали и давили на глаза. Так всегда бывало после контактов с Мэг Комм.

— Да, и на проклятую Богом машину тоже,— невнятно подтвердил он и пробормотал про себя: — Господи, дай мне дожить, чтобы увидеть, чем все это кончится! Я что-то должен сделать, должен помешать этой коварной машине разрушить мои планы!

Голос глухо гудел в голове Стаффы, колотясь толчками в виски. «Какая безумная ирония... разнести ее в плазму...» Лорд Командующий повернулся и зажмурил глаза, ощущая тяжесть этих слов, которые назойливо всплывали в его памяти.

«Я убил ее. Единственную женщину, которую я любил. Я УБИЛ ЕЕ!»

«У тебя нет души, Стаффа. Ты просто машина... конструкция

из человеческой плоти... машина... создание...» Голос Претора отражался от призрачных стен, заставляя Стаффу кар Терма сжимать ладонями голову и безжалостно колотить кулаками по вискам, чтобы заглушить этот пронзительный голос.

«Чертов Претор! Будь ты проклят!»— он стонал в одиночестве своей комнаты. Знакомые стены хранили красноречивое молчание. Трофеи и памятные вещи висели на своих обычных местах — награды за прошлые битвы и выигранные сражения. Свидетельства его тактической и стратегической гениальности. Теперь они казались мишурой, напоминая только о пролитой крови, которой были обагрены.

Стаффа стиснул зубы, чувствуя, как они скрипят, сжал их еще сильнее, пытаясь болью заглушить скрипучий голос проклятого Претора. Стаффа приподнялся со своего ложа и мягко вскочил на ноги, сделал несколько боевых выпадов, пытаясь переключить память на рефлекторные реакции рукопашного боя. Но память не сдавалась.

Почему так получилось? Как мог этот старик так больно, так безжалостно его ударить? «Я сам, сам это себе сделал. Ее кровь на МОИХ руках!»

Он откинул голову назад, вдыхая прохладный воздух. «Будь ты проклят, Претор! Как ты заставил меня все это сделать?»

В гневе он затряс головой, успокаиваясь от прикосновения своих длинных волос, падающих ему на лицо.

Мозговая ловушка, глубоко спрятанная, возбуждающая его неверную эмоциональную реакцию, заполняла мозг выбросами ферментов, которые окутывали туманом предметы, лишая его способности видеть и логически мыслить.

«Я не мог доверять сам себе, своей способности ясно мыслить. А ведь я только прикоснулся к тому, что он во мне запрятал...»

Перед глазами всплыла коварная ухмылка Претора: «Ты сам сгноишь свою бесчеловечную душу. Стаффа, ты проклятый человек... проклятый.... проклятый...»

«Это правда».

Его глаза остановились на сверкающем металле автомата. Он взял золотую реганскую чашу, поставил ее под диспенсер и равнодушно наблюдал, как миклениапское бренди янтарной струей наполняло сосуд. Сможет ли он утопить этот издевательский голос в дымке опьянения?

«В самом деле, Претор. Проклятый, с тех пор, как впервые увидел тебя. Лучше бы я погиб вместе со своими родителями, а, Претор?»

Лениво он потягивал бренди, едва ощущая его вкус, вкус самого лучшего напитка во всем Открытом Космосе.

Нежеланные, мимолетные видения прошлого — молодой Претор — смеющийся, показывал боевые приемы на тренировках — мелькнули и погасли в мозгу Стаффы. Мелькал калейдоскоп звуков и образов, чувств и воспоминаний. Он закрыл глаза, оживляя прошедшие дни.

«Мы были... мы значили так много друг для друга... когда-то».

Он вызвал в памяти гордость и даже любовь. «И в конце концов мы должны были встретиться как... как звери!» Болезненное оцепенение охватило пальцы той руки, которой он держал золотую чашу. «Что ты там в меня вложил, Претор?»

И опять возник голос Претора, от которого Стаффа поморщился: «У тебя нет души, Стаффа... нет ответственности перед Богом». Каждое слово выжигало, клеймило его душу огненными буквами. «Тебя оскорбительно и точно называют дьяволом».

Стаффа пытался заставить себя выпить все одним глотком, с трудом поднеся чашу трясущимися руками. «...Черт»— придушенный шепот вырвался из гортани Стаффы. «И я тебя убил, Претор». Он потряс головой, страшным усилием воли пытаясь отогнать навязчивые видения. «Так же, как я убил ее».

Он почувствовал пристальный взгляд магических глаз Крисла. От этого ему стало лучше и легче. Но он заставил себя думать о Преторе.

«О, я помню, Претор, как ты пришел ко мне после того, что я выиграл миклианские игры». Большим пальцем он провел по ободку золотой чаши. «Ты помнишь этот день, Претор? Ты помнишь, как ты гордился? Ты помнишь, как я бежал навстречу тебе? Обнимал тебя?»

«Мне было так одиноко... я так усиленно трудился. Тренировался месяцами, чтобы увидеть твою улыбку.» Стаффа зашелся от внезапной боли. «Да знаешь ли ты, что это значило для меня? Такого юного и ранимого, каким я был тогда? Все эти жертвы я принес только ради тебя. Эту кровь, пот, нескончаемую постоянную боль, от перегрузок.... все для тебя».

«Молодые люди... Нет, я был... один, один на том пути. Сирота. У меня никого не было, кроме тебя, Претор. И ты, только ты один был моей единственной верой и надеждой». Бренди понемногу действовало, принося долгожданное облегчение, расслабляя невыносимую хватку боли. Безжизненные глаза Крисла всплыли в затуманенной памяти. Напрягая всю силу самоконцентрации, он отогнал ее образ и восстановил лицо Претора.

«За тебя я мог бы умереть!» Во рту у него пересохло. «После всех этих лет борьбы за тебя. После всех этих лет, что ты заботился обо мне! После такого одиночества. Я нуждался в том, чтобы ты заметил меня, обратил высокое внимание... гордился мной... ты...» Стаффа набрал полную грудь воздуха и почувствовал острую боль.— «И тогда я выиграл Игры. Я видел триумф в твоих глазах, Претор. Триумф. Я помню, как ласково ты положил мне руки на плечи и назвал меня... сын».

Горько-сладкие воспоминания. «Да, я — твое величайшее создание, Претор». Он опять потянул бренди, бросив взгляд на голодисплей. Но почему я так не похож на всех? Разве у меня не такое же тело, как у других? Что делает меня чудовищем, монстром, а не просто человеком?» Печальное лицо Крисла снова возникло в тумане его мыслей.

Он уставился равнодушным взглядом на сверкающую чашу.

«Монстр? Чудовище? Сколько людей создали монстров? Ответь мне, Претор».

Образ Миклена сформировался над спящей платформой, медленно вращающейся, клубы дыма пролетали над континентами, зима разбрасывала снежный покров по истощенным солнцем землям.

«Видишь, мы продолжаем видеть одно и то же»,— сухо бросил он, опасаясь осуждающего выражения глаз Крислы. Она никогда не позволяла ему впадать в меланхолию из-за неудач. Но теперь... что ему оставалось делать?

«Итак, я убил все, что я когда-то любил. Своими собственными руками я сломал тебе шею, Претор.» Он поднял руки и стал рассматривать сложные узоры ладоней, изучая петли и сплетения на подушечках пальцев. «И Крисла, моя Крисла, я нажал на курок, и тебя больше нет. Ты была так близко... так близко, а я не знал».

С этими словами он швырнул чашу через комнату и разбил бесценную реликвию шестого века на мелкие осколки. Бренди растеклось по стене.

«Я проклинаю тебя»,— взвизгнул пронзительный голос в его голове. «У тебя нет души... нет души... нет души...» Голос ранил его, сверля мозг, проникая в тайные глубины подсознания. «Конструкция Машина. Создание. Без Бога». Голос молотком колотил в виски и, казалось, тому не будет конца.

«Но, а вдруг мой сын у седдианцев? Только, где именно?» Он бессильно уронил голову на руки, плечи сотрясались в унисон бьющейся мысли. «Крисла! Где он? Он — это все, что у меня от тебя осталось».

«Ты не человек... У тебя нет души...»

«Что ты сделал со мной, Претор? Кто я?»

«Ищи своего сына».— Шепот, возникший на грани слышимости ниоткуда и отовсюду, голос, который он узнал бы среди миллионов других, голос Крислы, повторил: «Ищи своего сына».

Уже и секретарша перестала бросать время от времени взгляды на Синклера Фиста. Он сидел в одном из кресел в комнате ожидания судебного магистра. Как и во всех таких же комнатах, здесь были комплексы терминалов с официальным программированием, новостями и обратной связью. Томясь в долгом ожидании, Синклер перепрограммировал терминал на библиотеку и заказал учебник по многомерной геометрии. Он так углубился в текст, что не сразу откликнулся, когда секретарша сказала:

— Сэр? Рядовой Фист?

Синклер сунул свою работу в карманный комм и вскочил на ноги:

— Да? Он готов меня принять?

Она одарила его общепринятым стеклянным взглядом и сказала:

— Прошу прощения, сэр. Но офис закрывается. Я боюсь, что судебный магистр не сможет вас принять сегодня.

Синклер шагнул к ее столу и с отчаяньем воскликнул:

— Но вы не понимаете! Я уезжаю завтра. Иду на действительную службу. Я должен его увидеть. Это последний шанс для меня.

Пластиковая улыбка осталась у нее на губах.

— Я еще раз прошу прощения, сэр. Но это невозможно. Вы должны понять, что у судебного магистра очень плотный график, и для него тратить время на такой случай — это...

Дверь на шарнирах распахнулась, и светловолосый человек в малиновой форме Реганского судебного сословия с порога окликнул секретаршу:

— Эрина, я хотел бы выпить чаю. На моем столе лежат пять дел, и нужно чтобы вы их подшили. Если у вас ничего нет, то до завтра.

— Есть кое-что! — Синклер подскочил к распахнутой двери.

С замечательной проворностью секретарша скользнула вокруг стола и ухватилась за рукав новой формы Синклера, громко протестуя:

— Вам не следует так поступать. Если вы немедленно не покинете офис, я позвоню в службу.

— До свиданья, Эрина,— магистр отстранил секретаршу и повернулся к Синклеру:

— Да, рядовой, что случилось?

Синклер бросил уничтожающий взгляд на Эрину, которая оторопело застыла у стола, и торопливо ответил:

— Я — Синклер Фист. Я отбываю завтра утром... на Таргу.

— Да, мы слыхали об этом. Небольшие трения. Что касается меня, то я участвовал в Филипианской кампании. Получил одну или две медали. Ах, эти незабываемые дни, когда человек может принести реальную пользу империи. Тогда мы были сильными, это было задолго до того, как Звездный Палач обрел такую мощь, но... вы ведь не пришли слушать болтовню старика?

— Нет, сэр, я пришел узнать все о моих родителях.

Судебный магистр задумчиво рассматривал его голубыми глазами, в которых сквозил легкий интерес:

— Понятно. Но что я могу знать о твоих родителях?

Синклер глубоко вздохнул:

— Вы приговорили их к смерти около двадцати лет назад, сэр. Кроме этого, я больше ничего о них не знаю. Дело было опечатано, так же, как и все записи, касающиеся нашей семьи.

— И ты хочешь знать, откуда они родом?

— Да, сэр. Ведь когда идешь на войну, это становится чрезвычайно важным.

— Если дело было опечатано... хорошо, ты уверен, что хочешь знать все в подробностях?

Синклер кивнул:

— Полагаю, что хорошо разбираюсь в поведении человека. Как студента социальной истории меня мало что может удивить.

— Прекрасно, Синклер. Думаю, чай меня подождет. Пойдем в мой кабинет. Я просмотрю свои записи и скажу, чем я тебе смогу помочь в рамках правил безопасности.

Шаги глухо прозвучали по каменному полу пещеры, отдаваясь в крестообразных сводах высокого потолка.

Магистр Бруен слышал приближающиеся шаги; он сидел в конусе падающего сверху света за своим рабочим столом у компьютера. Подняв голову, он глянул поверх монитора и погладил шишковатый подбородок. Воздух был влажноватым и прохладным. Здесь, в глубинах храма, царила вечная тишина, которую не мог нарушить никакой звук извне.

Приближающиеся шаги становились все громче, и наконец Бруен уже мог видеть отблеск электрического фонаря, которым освещала себе дорогу молодая женщина. Свет становился ярче, отбрасывая ярко-желтые блики на метровой толщины колонны, образуя тени — пляшущие пятна на серых скалах стен. Она осторожно пробиралась между опорами, похожая на нимфу, несущую свет в каменный лес преисподней.

Это была высокая женщина в охряной форме Посвященных, ее движения напоминали грацию танцовщицы. Гладко зачесанные волосы, стянутые золотым зажимом, струились каштановой волной по ее левому плечу. Длинные гибкие пальцы так крепко сжимали ручку фонаря, что суставы побелели и почти обескровились. Из темноты выплыло удивительной красоты лицо: свет подчеркивал белизну бледных щек, классической формы нос в редких веснушках. Полные губы были сжаты, взгляд янтарных глаз метался по помещению в поисках Бруена. Ее высокий лоб сморщился от напряжения. Витая золотая веревка подчеркивала ее тончайшую талию. Когда она приблизилась, Бруен разглядел на ее одежде странные темные пятна, слегка удивился и тут же понял — это засохшая кровь.

«Похоже, она побывала в драке. Неудивительно, что у нее такое встревоженное лицо,— подумал Бруен и усмехнулся: — Очень хорошо, моя дитя: это только начало».

Она тяжело дышала, когда склонилась над гладкой крышкой его стола. Он оскалился и подмигнул ей, прежде, чем опять повернулся к желтому монитору и стал обдумывать слова, появившиеся на экране.

— Спаси, Господи! Магистр! Вы здесь! — ее контральто эхом отдалось по всей огромной пещере.

Бруен — с лысиной, сверкающей, как отполированный шар,— взглянул поверх монитора, моргая своими голубыми глазами.

— Ну, конечно. А где я должен быть? — Он сделал неопределенный жест рукой.— Вы думали, что я возможно в поисках проституток в публичном доме внизу в блоке Д?

— Магистр! — потрясенная, она зарыдала.— Только вы можете шутить в такое время! Весь город в волнении. Шахтеры буйствуют на улицах. Люди умирают. И это будет продолжаться до тех пор, пока сверху не обрушится Реганский флот? Пойдемте, мы должны увезти вас из города. И немедленно, Магистр! Она нагнулась, чтобы взять его накидку, которая висела на поручне перед скамьей.

Бруен вдруг икнул и прикрыл рот сморщенной ладонью. «Она

такая красивая. Ах, если бы я был чуть моложе! Да пропади оно пропадом все человечество! Я бы схватил ее на руки, и мы бы унеслись прочь в какой-нибудь дальний уголок Вселенной, где я смог бы дать ей блаженство...» — мелькнуло у него в голове.

Он покачал головой и повернулся к монитору, сказав вслух:

— На сегодня все, пожалуй, компьютер. Пожалуйста, скоррелируй все заметки, которые я сделал. Пошли копию через Мэг Комм Магистру Хайду в Веспу, чтобы он внимательно прочитал. Я выйду на связь, как только смогу.

Он развел руками.

— Ну, моя дорогая Арта Фера, что заставило тебя бежать, задыхаясь, ко мне? Только мятеж? Я сомневаюсь, что любовь или желание побыть с этими старыми костями вынудили тебя так попыхтеть. Я бы, конечно, очень хотел надеяться...

Она покачала головой и простонала:

— Магистр! Клянусь честью, если бы вы не были выдающимся ученым Свободного Космоса, я бы... Я бы вас задушила. Пойдемте скорей, мы должны вас вывезти отсюда. Спасти вас от безумия и смерти.

Бруен сухо рассмеялся:

— И это уважение юного посланца к старому и мудрому ученому? Задушить меня, моя дорогая? Неужели шлюхи блока Д занимаются подобными делами?

— Магистр! — Она рывком подняла его на ноги, мгновенно обмотала накидкой так плотно, что только его старые ноги остались свободными.— Разговоры о блудницах вряд ли приличествуют вашему уважаемому положению. Ваш ум прекрасен во всем... Почему вы смеетесь?

Он тряхнул головой:

— А что вы предлагаете делать ученому в свободное время? Особенно такому старому, как я? Возможно, что я... хм... изучал шлюх, чтобы заглянуть глубже в человеческую психологию. Хммм? — Он наклонился назад, чтобы взять свою черную сумку и, зажав ее под мышкой, наконец, позволил ей увести себя.

Арта торопила:

— Если мы вас отсюда не вывезем, вы уже никогда ни о чем не сможете думать.

— Ох! — он начал задыхаться, когда она наконец привела его к гаражу. Быстрая ходьба вызвала жесточайшую боль в суставах, но он крепился.

— Вас занимает мысль о положении в обществе? Не так ли, Арта? — Он улыбался, пока она открывала крышку люка.— Вы слишком беспокоитесь об этом. Социальный статус — это всего лишь иллюзия.

— Но ваше учение, Магистр? Если бы я только на минуту поверила, что вы бываете в таких местах и с такими женщинами, я бы...

— Вы бы что? — Он заглянул в ее сверкающие янтарные глаза.— Отказались бы от учебы? Совершили переворот в науке? Остановили бы расследование тайны кванта? И зашли бы так

далеко только потому, что Магистр Бруен интересуется проститутками? — Он удивленно поднял брови.

— Человек вашей репутации и достоинства не должен...

— Да ну? С моими взглядами? Конечно, только женщина, которой хорошо заплатили, согласится иметь дело с таким, как я. Обычно же женщины хотят молодых, прекрасных мужчин, с большим...— От ужаса, наполнившего ее глаза, ему стало приятно. Она глубоко вздохнула, хватая ртом воздух, и тут он переменил тему: — А они буйствуют на улицах, вы говорите? Неужели так быстро они забыли Звездного Палача? Они просто провоцируют Регу на ответную реакцию.

Дверь открылась, и Арта Фера поймала его за рукав, буквально втолкнув в аэрокар.

— Да,— она хмыкнула.— Эти дураки маршируют с плакатами — требуют соблюдения своих прав, как полноценных граждан Реганской империи. Они хотят представительства — во всех сферах. Представляете? Под орудиями военных кораблей они хотят соблюдения прав! О чем они только думают?

Бруен пояснил:

— Это отнюдь не новая концепция. Вы можете найти корни такой философии у первых мигрантов с Земли. Конечно, истинные корни утеряны.

— Что? Земля? Это миф, Магистр. По мне эти самые права и представительство просто отличное удобрение, которое дает возможность вырастить пушечное мясо для бластеров, крови и боли. Вы знаете, что нас будут обвинять в этом перевороте?

— Именно, моя дорогая,— откликнулся Бруен и подумал: — Сейчас ты обалдеешь, детка.

Он уселся на сиденье, положив потертую кожаную сумку на колени. Пальцами помял мягкую кожу и начал открывать замки.

Она готовилась к отлету, пока он ковырялся в сумке. Ее уверенные знающие пальцы танцевали по клавиатуре, включая энергетическую систему и давая команду компьютеру для полета на Макарту.

Он заговорил едва слышным шепотом, его слова как громом поразили ее:

— Конечно же, моя дорогая, вина исключительно наша. Это и было целью восстания.

Она повернулась и уставилась на него с открытым ртом и широко распахнутыми янтарными глазами:

— Что?

Он спокойно кивнул, водянистые глаза скользнули по ней.

— Ну хорошо. Как ты думаешь, кто мог вложить подобную идею в мозги этих дурней? Конечно, Арта, ты можешь допустить диверсию со стороны сомнительных леди, так что оставалось делать мне — старому человеку, обуреваемому жаждой славы? — Он поднял руку ко рту в притворном ужасе, смиренно добавив: — Ох, дорогая. Я могу тебя представить вместе со шлюхами, барахтающуюся в революции.

— Господи, помилуй! — Арта застонала, выводя кар из бокса.

Над головой медленно раскрылись створки, и показалось чистое небо.

И тут она, оторопев от изумления, увидела, как он кладет рядом с ней на сиденье две термальные гранаты и гранатомет. Бруен, заметив ее испуг, подумал: «Это будет твоим первым испытанием, моя девочка. Теперь, Хайд, мы узнаем — не напрасны ли были наши старания и труды».

Бруен спокойно выложил второй гранатомет из своей объемистой сумки и положил рядом с собой. Краем глаза он мог видеть, как она борется с собой, стараясь не смотреть на зловеще сверкающий металл оружия, словно это не оружие, а отвратительная рептилия.

Когда они пролетали над крышей храма, он смог оценить степень опасности и ущерба. Город Каспа содрогался от взрывов, столбы дыма поднимались со всех сторон. Языки ярко-оранжевого пламени доставали до облаков, клубящихся над горящим фосфорным заводом, дым был окрашен в жуткие цвета. То здесь, то там яркое пламя выплясывало смертоносный танец, образуя мрачный контраст с низко плывущими облаками. На ветровое стекло упали первые капли дождя, когда Арта направила кар вперед.

— Они убьют вас, Магистр, если сумеют обнаружить. Подумайте! Что станется тогда с людьми? Во что превратятся храмы? — Она закрыла глаза, задумавшись и стараясь унять набегающие слезы.— Они нас всех уничтожат!

Ветер сильно раскачивал кар, и ей пришлось взять себя в руки и сосредоточиться, чтобы вести ровно машину.

Бруен думал: «А что ты станешь делать, моя конфетка, если враги столкнутся с нами? Есть ли у тебя силы? Готова ли ты броситься в этот кипящий котел, который мы поставили на огонь? Будешь ли ты вести себя так, как мы надеемся?» А вслух произнес:

— Все идет пока по плану. Абсолютно все.

Арта проговорила сквозь зубы:

— Магистр, кровь сплошным потоком заливала улицы Каспы,— она покосилась на гранатомет.

Бруен внимательно изучал ее: какие тонкие у нее руки, как судорожно она вцепилась в рулевое колесо, как побелели суставы ее пальцев. Они пролетали над резиденцией, Арта видела бегущих в панике и страхе людей, пытающихся найти спасение в самых немыслимых местах. Она скороговоркой прошептала молитву.

Город выглядел несчастным, с его приземистыми домишками, похожими на коробки. Дождь оставлял на дорогах серые блестящие участки. Бруен автоматически отмечал непрочность зданий. Каспа превратилась в город нищих и убогих, после последнего нападения Звездного Палача. За городской чертой высились горы, скрытые облаками.

Бруен опустил глаза и поднял гранатомет:

— Кровь и террор, смерть и потери. Революция, моя дорогая девочка, у нее нет другой цены. Ее покупают ценой несправедливости, страха и страданий.

Она откликнулась:

— Во имя чего?

— Для улучшения жизни людей, дорогая девочка. Цивилизация, она такая. Она развивается по спирали — вперед и назад. Иногда жизнь становится черной и злобной — и плодятся тирании наподобие Реганской империи. В другие времена человечество живет мгновеньями света и свободы, когда душа цветет и поет у всех — за исключением тех, кто всегда и всем недовольны. Благодушие, удовлетворенность, Арта,— это самое жизнеспособное следствие любого человеческого устремления. Нам надоедает то, что у нас есть,— и вот что мы в итоге получаем: нам становится неинтересно мечтать. Хорошо ли плохо, правильно или ошибочно, справедливо или несправедливо, любые условия жизни фатально неизбежны — если хочешь. И только взбалтывание предупреждает стагнацию. Без помешивания в кастрюле не приготовишь пищи.

Она посмотрела на город сверху, на мечущихся людей. Одетые в защитные доспехи, войска расстреливали толпы фиолетовым огнем бластеров. Иногда раздавался и ответный огонь. Бруен заметил дрожь, пробежавшую по ее лицу, и утомленно вздохнул.

Он обратил внимание на крейсер первым. Длинный остроконечный корабль вынырнул из-за черного вихря облаков.

— Арта, ждем гостей. Гражданская полиция нагрянула, и, если я не ошибаюсь, гнев Реги исходит из герба на щите их аэрокара.

Ее плечи поникли, глаза стали пустыми.

«Б пасть льву, Арта! И что теперь, ягодка? Молись Богам, что я не ошибся, делая ставку на тебя.— Бруен пробежался пальцами по холодному металлу гранатомета.— Но, если бы у меня...»

Удлиненный черный корабль издал предупредительный сигнал, и Арте пришлось снизить скорость. Она старалась удержать в равновесии свою машину, потому что штормовой ветер сильно раскачивал ее. Капли дождя громко стучали по кабине.

Холодный властный голос приказал:

— Кто вы? Назовите себя! В стране объявлено военное положение. Мы представляем комитет по чрезвычайному положению. Вы нарушили закон о воздушном пространстве!

Арта включила микрофон и сказала дрожащим голосом:

— Вы понимаете, я вывожу своего дедушку из этого ада. Мы хотим попасть в деревню. Вот и все.

Жесткий голос ответил:

— Откройте двери! К вам на борт поднимется гражданская полиция, они сопроводят вас в участок. Вы будете наказаны за нарушение законов военного времени и комендантского часа.

Арта закусила губу и, потянувшись, чтобы открыть люк, пробормотала:

— Прошу прощения, Магистр. Я... я считала, что мы успеем проскочить. Если они увидят нашу одежду...

Она была права — седдианские тоги моментально выдадут их, и они сразу будут отправлены на мозговой контроль.

Бруен спокойно ждал, что предпримет Арта, изучая ее лицо,

читая мысли, которые отражались на ее бледном лице. «Неужели она забыла об оружии? Неужто страх настолько парализовал ее? Это было бы сбоем в программе...»

Перед ними, снизив скорость, остановился патрульный катер. Внешний люк чавкнул, и внутрь вошел одетый в черное высокий мужчина. У Арты ком застрял в горле. Бруен спокойно, опершись о сиденье, смотрел.

— О, проклятье,— простонала Арта, едва сдерживая слезы.

— Теперь или никогда, девочка,— одними губами прошептал Бруен и, прижав гранатомет к груди, посмотрел на Арту. Она двигалась как в тумане. Раздался оглушительный треск, и в его контуженных ушах зазвенело. Отвратительный запах ворвался в распахнутый люк. Аэрокар повалился на бок. Магистр Бруен опомнился, только когда понял, что падает в открытый люк, и схватился за мокрую обивку. Пальцы скользили по влажному материалу. Арта бросила гранатомет, выправила кар и помогла Бруену добраться до кресла. И только тут увидела, что полицейский катер исчез: на его месте остались только клочья дыма.

— Это я... я,— она не могла говорить. Медленно обвела взглядом все вокруг, увидела гранатомет, из дула которого тянуло запахом гари.

Бруен взял ломик и принялся за ремонт сорванных взрывом петель входного люка. Дождь поливал его, но он только ликующе смеялся в бушующий шторм: «Во имя всех Богов, она все сделала отлично! Она никогда не держала раньше в руках гранатомет и сумела!»

— Дорогая Арта, не будем терять времени, нужно отогнать нашу машину подальше — поблизости могут находиться еще полицейские катера. Помни, ты хочешь доставить меня на Макарту. Действуй!

Арта залепетала:

— Но, что... Куда девался патруль... я их убила? Бруен, что со мной произошло? — она впилась него безумным взглядом.

— Смотри вниз и ВПЕРЕД! — приказал он и, сотворив руками молитву, закрыл люк.

Время от времени внизу проносились дымящиеся развалины, потом они пролетели над черепичной крышей неподалеку от резидентского дворца. Здание сотрясалось от мощных взрывов. Будто в замедленной съемке стены клонились внутрь, как лепестки гигантского темно-коричневого цветка. Какой-то человек стремительно несся от дверей, и в это время рухнула последняя стена.

— Благословенные Боги! Что я наделала? — хватая ртом воздух, прохрипела Арта, включая двигатели на полную мощь.

Позади нее сидел Бруен и тихо бубнил себе под нос, протирая гранатомет.

Скайла Лима сидела в командирском кресле «Крислы», вытянув длинные стройные ноги. Ей очень хотелось встать и уйти куда-нибудь поесть, вообще куда-нибудь подальше отсюда. Но ей приходилось вести беседу с сеззанским адмиралом, чье самодовольное лицо заполняло экран монитора.

Выдраенная до блеска палуба составляла предмет гордости Компаньонов. Первые офицеры прилежно трудились, склонившись над мониторами, техники тихо отдавали приказы компьютерам. Позади Скайлы находилась команда наземной тактики, координирующая свои действия с группой по очистке вражеской территории. Вторые офицеры занимались делами личного состава и проводили проверку транспортных средств. На голомониторах отмечались все ремонтные работы. А Скайла должна была смотреть на имперского адмирала Айбана Джейкра. «Вот надутый осел!»— подумала Скайла.

— Мы очень довольны,— бубнил масляным голосом Джейкр.— Нам понятны сожаления Лорда Командующего по поводу несчастного случая с Претором. Мы довольны финансовой стороной дела, и не считаем это нарушением контракта. Мы больше чем удовлетворены результатами. И рассчитываем на это и впредь.

«Еще бы вы не были довольны, если Стаффа отдал вам целую планету. Подумать только, убить старого инвалида и планету.» Ее пальцы легко пробежали по краю стассовой чашки. Лениво она удивлялась, как можно платить такую сумасшедшую цену за смерть человека.

— Мы рады, что Его Святость все понимает, адмирал.

Айбан изучал, рассматривая ее точно так, как и сотни других мужчин. Скайла не могла этого не заметить, но изменение его голоса от официального тона до почти интимного все-таки удивило ее.

Джейкр масляно ухмылялся:

— Если бы вы нашли время, подполковник авиации, я был бы более чем счастлив встретиться с вами. Может, вы позволите пригласить вас на обед на мой корабль? — Он наклонил голову, глаза его заблестели.— Мы побыли бы наедине, чтобы расслабиться.

«Ты — забавная маленькая сеззанская свинья»,— подумала она, сохраняя невозмутимое выражение лица.

— Благодарю за приглашение, адмирал. К сожалению, я замещаю Лорда Командующего, пока он отдыхает. Думаю, вы все понимаете. Наши корабли повреждены, и их необходимо срочно отремонтировать. У меня очень плотный график, так как есть еще и другая работа, о которой в данный момент Лорд Командующий договаривается,— и подумала: «Только, чтобы напомнить тебе, что мы свободные наемники, адмиральская жареная печенка!» Вслух: — Я передам Лорду Командующему ваше предложение.

Айбан кивнул, продемонстрировав прекрасный образец обиженного администратора.

— Да, конечно, я все понимаю. Я смотрю далеко вперед, подполковник авиации, я думаю, что скоро в ваших услугах не будут нуждаться.— Он сложил ладони вместе, пять золотых перстней звякнули друг о друга. Он надулся, но не смог удержаться:

— Я уверен, что женщина с вашим умением и ловкостью и мужчина с моим положением должны иметь много общего. Я не

хотел бы, чтобы Лорд Командующий меня неправильно понял, но ведь вы свободный агент, не так ли, подполковник авиации? Возможно, у Сеззы найдется для вас очень привлекательное предложение.

«Ну уж нет, дудки!»— Она мило улыбнулась, держа в руках чашку, и произнесла:

— Да, конечно. Вы ведь понимаете, что мой первый долг — служить Лорду Командующему. И я сомневаюсь, что Сезза сможет удовлетворить мои потребности в жалованье.

Джейкр захихикал:

— Мне очень нравится спорить с вами.

Она заставила себя улыбнуться:

— Первое правило Компаньонов — оставлять двери открытыми для всех предложений. Но в данный момент я вынуждена отклонить предложение.

Но тот не отставал:

— Но, если...

— Адмирал, прошу меня простить, у меня дежурство, и я должна выполнять свои обязанности.

Он сделал умоляющий жест и наклонил голову в подобии поклона:

— Я все же не теряю надежды услышать от вас, подполковник авиации, другой ответ. У Сеззы есть множество благоприятных возможностей для женщины с вашими талантами.

— До свидания, адмирал.— Она выключила связь, уставившись слепым взглядом в экран монитора. «Бесчувственный, источающий гной льстец! Он и ему подобные составляют Сеззанскую империю. Как долго они смогут продержаться без военной мощи Стаффы? Сколько будут выкачивать сокровищ из завоеванных миров? Они виляют хвостами и подлизываются к своему Богу-императору — продают эти миры с таким усердием, что можно подумать, будто поверили в божественное предназначение Сеззы».

Она вернулась к своим делам и заметила, как далеко продвинулись ремонтные работы. Судно уже могло выходить в космос на следующий день — честь и слава техническим способностям и возможностям Компаньонов. Она приняла работу, отдавая себе отчет, что Стаффа сделал бы это раньше, чем сделала она.

Ее внимание привлекло изображение на дальнем мониторе: так Миклен повернулся, образуя полумесяц. Маленькие пятна серо-черного цвета — дым пожарищ в городах, поднимающийся к облакам. Безжалостный закон войны.

«Проклятье, Стаффа, что же там произошло, в той больничной палате?» Больше половины своих сорока лет Скайла следовала за Лордом Командующим, изучив его как ни одного человека. «И за все эти годы я никогда не видела его в таком неистовстве».

Вернувшись на корабль, он заперся в своей каюте, а она взяла на себя командование флотом, получив от него всего один приказ через коммуникатор — возместить смерть Претора.

Тренированными пальцами она взялась за рычаг управления, думая о том, что произошло там, в миклениансном госпитале. Услышав дикий крик Стаффы, они вбежали в комнату, полагая найти его умирающим, подозревая миклениансное или сеззанское предательство.

А в палате стоял он, как ангел мщения, отрывающий голову Претора от туловища. Стаффа пронзительно кричал, как человек, которого режут живьем.

С того момента, как он вернулся на корабль, Стаффа просто исчез, растворился в глубинах своей каюты. Его комм практически все время хранил молчание. Скайла откинула голову назад, глаза сузились. Все это так непохоже на него. Ее нервную систему пронзило ощущение беды, неотвратимой как судьба. Что мог сделать этот умирающий старец? Какую силу он использовал, чтобы вынудить Стаффу на такое зверское убийство? Претор? Кто он был, и что самое важное, кем он был для Стаффы?

«В конце концов, это не твое дело, Скайла»,— прошептала она сама себе.

Или ее? Она засунула руку в карман на поясном ремне, пошарила там потерявшими чувствительность пальцами и нащупала кассету, которую она прихватила тогда из госпитальной машины. Она хотела ее сохранить и просмотреть на досуге. Госпитальные машины всегда записывают состояние и окружение обездвиженных пациентов, чтобы потом можно было оценить проведенное лечение; отмечают всех посетителей или события, которые могут нанести вред больному.

«Просмотреть кассету сейчас?»— Скайла сжала губы, и перед ее глазами возникло изображение Миклена на экране монитора. «Влезать в личные дела Стаффы без его ведома, предать его? Нет, это невозможно, надо оставить все, как есть».

Она посмотрела на плафоны, нервно затеребила пальцем прядь волос, струившуюся по ее плечу. Бормотание голосов вокруг мостика действовало успокаивающе. Все опять занимаются своими привычными делами. Одним глазом она следила за сеззанцами и сторожевыми вехами в космосе, другим — за ремонтными работами.

«Итак, что я теперь могу? Сделать большую глупость и попытаться его проверить? Как можно вести себя с человеком такого типа, как Лорд Командующий? Лезть в его личную жизнь? Она вытащила украденную кассету из кармана и стала ее рассматривать. Обычный пластиковый кубик с номером и датой — теперь это потенциальная опасность, которая станет неотвратимой, если Стаффа когда-нибудь узнает, что эта кассета у нее.

Ее профессиональное чутье подсказывало ей — оставь его в покое, пусть он занимается тем, чем ему вздумается. Но это не смотлю погасить ее внезапно вспыхнувшего желания немедленно пойти к нему, посмотреть, узнать, не нужно ли ему чем-то помочь... как друг, в конце концов.

«А кого я могу назвать другом? Будь осторожнее, Скайла. У тебя есть только ты сама — и больше никого. Стаффа

в состоянии победить своих демонов сам. В угоду своим эмоциям ты, Скайла, можешь зайти слишком далеко».

Она облокотилась на стол, покусывая кончики пальцев, ласково провела по грубому шраму, уродующему щеку. Да, тогда он спас ей жизнь. Выстрел разнес ее шлем, и она оказалась лицом к лицу со смертью от декомпрессии: нос ее кровоточил, легкие распирали ребра, глаза вылезали из орбит. Он очень рисковал, когда добрался до нее. И его лицо было первым, что она увидела, придя в себя в госпитале. Ее потом всегда поражало то нежное беспокойство, которое она ощутила в его глазах. И только, когда ему сообщили, что она выживет, он улыбнулся ей и ушел добивать защиту Майкана.

Как долго сможет флот быть без него? Уже от корабля к кораблю поползли всевозможные слухи. А вдруг начнется паника в команде? Вот и ответ твоему профессиональному чутью.

Она представила себе Стаффу с его холодными глазами — сидящим в своем командирском кресле, руководящим и разбирающимся в тысячах деталей, каждая из которых может оказаться критической. Его острый и проницательный ум раскладывал по полочкам и замечал все редчайшие факторы, и это делало его хозяином тактики. И сколько бы она ни старалась, она никогда не могла понять сути того, что он делал. Если в середине битвы что-то шло не так, Стаффа всегда определял и находил просчеты и слабости противника, которые потом с успехом использовал.

А сколько раз он буквально вырывал победу из, казалось, безнадежного положения?

«Все хорошо. Я в долгу перед ним, и я его уважаю».

Она подошла к комму, ощущая тяжесть в груди. Один за другим она отдавала приказы, которые считала необходимыми, но отдавала их от имени Стаффы. Ни капельки не боясь того, что она делает, Скайла вдохнула полной грудью, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы, и развернула командное кресло. «Господи, а что если он перережет мне горло за нарушение субординации?»— внезапно мелькнула мысль и пропала.

— Первый офицер. Оставляю все на вас. Если вам что-нибудь понадобится, я в каюте Лорда Командующего.— Она легко вскочила, ощущая прилив крови к онемевшим ногам. Она поспешила к кару и, отдав приказ: «Вторая палуба», почувствовала мгновенное ускорение кара. В голове у нее зашумело, потом бросило в жар. Усталость смешивалась с тревогой: как Стаффа встретит ее, когда она скажет, что отдавала приказы от его имени?

Скайла замедлила шаги при приближении к каюте Стаффы. Только однажды она была в этой святая святых. Сколько лет назад? Десять лет? Нет, больше. Похоже, около двадцати. Быстрыми картинками промелькнули воспоминания.

Человек, худой и высокий, с белыми волосами, встретил Стаффу в таверне на Аштане и бросил кусок золота к ногам Лорда Командующего.

— Я больше ничего не смог найти, Стаффа,— сказал посетитель.—Поэтому я возвращаю тебе деньги. Все деньги.— Он

повернулся и ушел, а по мрачному лицу Стаффы разлилась ужасающая бледность, черты его лица страшно исказились.

Она, лейтенант с новенькими нашивками, видела, как он тогда напился до бесчувствия. С помощью первого офицера она дотащила бормочущего Стаффу кар Терму до космокатера, а потом и до корабля. Никогда больше после того случая он не терял железного самообладания.

Остановившись перед люком, она вдруг потеряла уверенность, опасаясь входить без приглашения и беспокоить Стаффу. Быстрая усмешка искривила ее губы, усилием воли она заставила себя взяться за ручку люка.

Через тридцать две, таких медленных и длинных секунды раздался голос:

— Да, подполковник авиации?

Она посмотрела в монитор безопасности, скрестив руки, и с окаменевшим лицом произнесла:

— Стаффа, мы должны поговорить. Ты и я.

Она ждала, тяжелым взглядом вперившись в линзы камеры.

К ее большому удивлению, дверь медленно отошла в сторону. Она некоторое время колебалась, затем бодро шагнула внутрь. Второй портал вывел ее в ту комнату, где ей довелось побывать. Она почти не изменилась: только позади гравитационного ограничителя висело на стене оружие, которого раньше не было,— тарганское. Прибавилось еще трофеев на малиновой стене. Камин выглядел обветшалым, такой же выглядела и красная, покрытая кожей софа. Голова дикого вермилионского кабана висела на стене рядом с головой этарианского песчаного тигра.

По обе стороны от камина находились две большие двери, богато украшенные резьбой и росписями. Она подумала, что они доставлены из кафедрального собора с Аштана. Правая дверь отворилась, и появился Стаффа. Он стал в проеме со скрещенными руками, глядя на нее красными от бессонницы глазами. Первый раз за все время она увидела щетину на его щеках. Он был одет в серую форму, цвет, который стал носить — внезапно она догадалась — после той попойки на Аштане.

— Ты выглядишь, как черт,— сказала она ему, подходя к автомату и наполняя кубки миклениански бренди.

— Спасибо.

Она подала ему один из кубков и села на угол огромной софы. Когда-то они начинали вместе с этим человеком — другом и командиром, который заполнил так много лет ее жизни радостью и сомнениями. Что же она теперь скажет: «Эй, шеф, почему ты обижаешься? Ты не хочешь мне рассказать, почему ты растерзал этого человека, оторвал ему голову, там, внизу? У тебя была причина бросить войска, которые рехнулись от волнения за тебя, шеф, а?»

— Стаффа,— заговорила она, решив сказать все прямо в лоб.— Я не знаю, что там произошло, внизу, но это...

— Сеззанцы уже выразили неудовольствие по поводу такого оборота? — Он потягивал бренди, прислонившись к стене, на которой было развешено оружие с Тарги.

— Совсем нет,— ответила она ему.— Адмирал Джейкр был очень доволен. Да сгниют его черные мозги! Пригласил меня на личный обед и на соблазнение.

Отсутствующим взглядом он теперь смотрел на камин.

— Ты примешь?

— С этим деръмовым негодяем?— Скайла приподняла бровь.

— Но он же адмирал?

— Он жирный червяк. И кроме того, я командую более могучими силами, чем он и Его Святость Бог-император вместе взятые.— Она с любопытством наблюдала за ним.— Они пропадут без нас, Стаффа. И ты знаешь это. Ты же видел и, наверное, изучил их. Их империя была построена на нашей силе. Они смогли удержать свою империю и отбиться от врагов только с помощью наших бластеров, кораблей и войск. И только растущие богатства и грабежи завоеванных земель позволили им согласиться с нашей ценой. Так же, как и реганцев.

Она помолчала минуту и затем добавила:

— Стаффа, мы уничтожили всех претендентов на власть. Миклена больше нет. Остались только Рега и Сезза. Кто?

Он повернулся, виски булькнуло у него в стакане:

— Я не знаю.

Напряжение росло у нее в груди. Неясная боль накапливалась в висках. Скайла мысленно обзывала себя дурой, особенно если совершала глупости из любопытства. Она вскинула голову и внимательно посмотрела на него. Тонкая нить воспоминаний пробежала перед ней: его серые сверкающие глаза смотрят в ее, некоторая натянутость команд, моментами отчаяние, а затем триумф, и снова неодолимая преграда ложится между ними. Она опустила взор, трезво рассудив о том, что их связывает со Стаффой. Двадцать лет вариться в одной кастрюле — это не выбросишь как рваную, ненужную вещь. Причастность к нему и его делам лишила ее равновесия.

Скайла напряглась:

— В чем дело, Стаффа? Что случилось в той комнате?

Он крепко сжал губы и встретил ее испытующий взгляд. Она видела, как ходят его желваки.

— Претор был моим... Он был человеком, который...— Он пожал плечами и бесцветным тоном добавил: — Это было так давно. Он взял меня сиротой, выучил меня и сделал меня тем, что я сейчас есть.

Напряжение нарастало, и сердце ее сжалось.

— Черт побери. Ты хочешь сказать, что он был твоим...

— Отцом? Нет. Я называл его мой... мой наставник. Скорей всего, это слово больше подходит.

«О, Боги! Неужели он из-за этого так переживает?»

— Тогда зачем ты подписал контракт?

Он хлопнул в ладоши и осторожно прошелся.

— Они выбросили меня вон. Очень давно. Ты знаешь, что я был миклениацем. Я... я подписал контракт, чтобы отплатить

им. И ему. Он покачал головой: — Я не... не думал, что встречусь с ним лицом к лицу. Я хотел убить его в борьбе.— Его лицо побледнело. Он закрыл глаза: — А вместо этого я убил... убил...

Его затрясло как в лихорадке, и Скайла оцепенела. После долгой паузы она сказала:

— Но что-то есть еще, правда? Все эти годы я думала, что досконально изучила тебя.

Он хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле.

Скайла попыталась помочь:

— Ты хочешь еще что-то сказать мне?

— Ты знаешь, Скайла. Я никому не позволяю приходить сюда да еще задавать такие вопросы.

— Стаффа, ты и я, мы же...— Ее лицо покраснело от гнева.— У нас позади море крови. Очень тяжелые времена. Поэтому я... Есть и флот... Это...— Она оборвала свою косноязычную речь.— Проклятье! Я отдавала приказы от твоего имени!

Он рассмеялся мягким, теплым смехом, и она посмотрела на него в надежде увидеть то старое выражение его глаз, которое сменило бы — пусть на миг — это тупое безразличие.

— Все это не так смешно. Отмени их и отбрось все.

— Отбросить все? Боже, что мы делаем с собой, Скайла? — спросил он и заметался, как тигр в клетке. Она видела мышцы, перекатывающиеся под формой, как будто их напрягали все обрушившиеся на него беды.— Неужели мы нелюди? Претор спрашивал меня, есть ли у меня ответственность. Тогда я удивился.

— Нашему бизнесу не нужна ответственность — только успех. Даже сеззанцы не верили, что ты можешь раздавить Миклен. Что касается меня, то я пыталась ускорить твою тактику и могла привести к провалу, если бы я была инициатором нападения. Ты всегда был самым лучшим, Стаффа. Разве этого недостаточно?

Возможно. Он дал мне все — и все забрал. Неважно, кто нажал курок оружия, которое убило...— Он встряхнулся, как мокрый пес, отгоняя непрошеные мысли. Потом выплеснул бренди и бросил кубок в камин.— Он назвал меня «величайшим созданием». Вот о чем он беспокоился. Я был для него не более, чем вершиной его успеха. Конструкцией.— Он на мгновение умолк и словно сквозь сон добавил: — Я убил...

Она увидела, как мертвенная бледность обволакивает его черты. Казалось, он не устоит на ногах.

— Что, Стаффа? Кого ты убил?

Он облизнул губы, подбородок его задрожал. Полузадушенным шепотом он произнес: «Любовь, мой сын... моя...»

Он потер лицо.

Скайла с нарастающей тревогой спросила:

— Стаффа? Что ты имел в виду? Что ты пытаешься сказать?

— Что значит быть человеком? — закричал он, сжав кулаки и повернув к ней искаженное лицо.— Что должен человек чувствовать? Какими мы должны быть? Я — я ничего не чувствую. Я не знаю, кто я! Крисла умерла! Крисла умерла! Я убил ее! Я не могу... не могу горевать.— Выражение его лица разгладилось.— Я не могу больше обвинять себя.

— Крисла? Стаффа, ее не было на Миклене, правда?

Он начал безостановочно ходить взад и вперед, продолжая говорить, словно не слыша вопросов:

— Они называли меня убийцей, ненавидели меня и проклинали мое имя от одной Запретной Границы до другой. Они говорили, что мое наследство — это страх, кровь и террор. Я убил все, что я любил!

Скайла с удивлением заметила одинокую слезу, медленно скатившуюся по щеке Стаффы.

Он сжался и шепотом произнес:

— Я потерял себя, Скайла. Я больше не знаю, кто я такой.

Синклер Фист вышел из шаттла на исследовательской биологической станции. Он прошел через вращающиеся двери, нашел правый лифт, вошел в него и нажал кнопку 35 этажа. Возбуждение и страх бросали его в жар и заставляли нервничать. Уже так близко к ясности. Теперь он и хотел и боялся узнать то, что столько времени не давало ему уснуть. Через четыре часа он должен явиться на сборный пункт своей части. И, Бог его знает, когда он сможет еще выспаться.

Лифт подал сигнал, что они достигли нужного этажа. Двери бесшумно раздвинулись, и Синклер вышел в фойе, из которого расходились четырнадцать коридоров. Охранница смотрела на него из-за стоявшего в конусе света стола. Она встала и принялась пристально рассматривать его.

— Здравствуйте, хм, я Синклер Фист. Надеюсь, кто-нибудь есть в исследовательской криминально-анатомической лаборатории?

Она покачала головой, приподняв брови:

— В это время ночи? Вы что, шутите?

Синклер улыбнулся ей и подошел к столу. Ей было примерно 25, может быть даже меньше. Темно-коричневая форма оттеняла белокурые волосы. Большие голубые глаза смутили его на мгновение, и он, не сдержав восхищения, покраснел.

Она улыбнулась:

— Я не думаю, что вы поднялись сюда только чтоб посмотреть на меня, но в любом случае это приятно. Ух, чем же я могу вам помочь? — Она осмотрела его форму.— Рядовой?

Синклер нахмурился, не зная с чего начать.

— Я хотел бы кое-что посмотреть в криминальной лаборатории. Я понимаю, что они... ну, ладно, хранят там нужные образцы для исследований.

Она кивнула:

— Это так. Мы называем ее судебная анатомичка. Вообще-то я там учусь. А работаю ночью, чтобы были некоторые, так сказать, кредиты. Жизнь курсантов не очень-то богата.

— Я вас понимаю. Может быть, вас удивит, но я тоже был студентом всего несколько дней назад.

— И вы хотите посмотреть лабораторию?

— Только образцы.

Она окинула его критическим взглядом:

— Вы непохожи на мерзкого некрофила.

— Так же, как и вы,— парировал Синклер.— Человеческое тело — замечательный объект для изучений. Осталось так много вопросов, на которые пока не найден ответ. Например, откуда произошла наша раса. Как она пришла к своему нынешнему виду? Человеческое поведение по большей части необъяснимо.— Он увидел в ее глазах понимание.

— Вы изучали анатомию?

Он покачал головой:

— Социологию, историю, теорию игр, военные тактики, сравнительное поведение. Но судебные исследования всегда привлекали меня. К сожалению, обычно не хватало времени изучать то, что нравится больше всего.— Он замолчал.— Итак, как мне вас называть?

— Анатолия Девиура. Послушайте, я могу поговорить с одним из профессоров, чтобы он показал вам все. Если вы оставите ваш номер.

Синклер покачал головой:

— Не могу. Ухожу завтра на действительную службу. Полагаю, что идем воевать на Таргу.

Выражение ее лица изменилось.

— О, прошу прощения, грустно это слышать.

Синклер пожал плечами.

— Это обязанность каждого гражданина. Я просто подумал, а вдруг кто-нибудь работает ночью сегодня. Вдруг то, что я увижу здесь, как-то скажется и на Тарге.

Мгновение она колебалась.

— Если мы поспешим... то есть, я имею в виду, что не могу оставить пост надолго. Хорошо, я проведу вас в лабораторию. Но задерживаться мы не будем.

Синклер улыбнулся.

— Обещаю, что не будем.

Она заговорщически улыбнулась, когда провела его в темный холл.

— А зачём вы все это изучаете? — Синклер спросил, пока она открывала тяжелые металлические двери и затем провела его в комнату, наполненную запахами химикатов и гудением кондиционеров. Электорнные сканирующие микроскопы, столы, центрифуги и сверкающий набор исследовательских инструментов заполняли комнату. Катодными глазами на него смотрел комм-терминал.

— Я изучаю генетику поведения,— сказала она ему.— Проблема отклонений заинтересовала меня. Почему одни люди вредят другим? Нет ли в генетических структурах ответственных участков за агрессивность? Откуда она исходит? Есть ли способы уменьшить в генетических корнях преступное поведение, а еще лучше — искоренить преступность из наших генов, не затрагивая адаптационные способности и инициативы. Работа здесь дает мне возможность исследовать ДНК известных преступников, сравнивать ее с ДНК нормальных людей. Это очень интересно.

Она нажала кнопку, и двойные двери разошлись в стороны, открывая нишу в стене.

— Внутренняя святая святых. Здесь хранятся образцы.

Синклер вошел в комнату. Ряды полок, точно как информационные кубы в библиотеке, занимали пространство от пола до потолка, потом он заметил внизу проход:

— Сколько их здесь?

— Около 4 тысяч.

Синклер замялся:

— А как вы находите нужный... образец?

Ее взгляд стал подозрительным:

— У вас есть конкретный...

Синклер кивнул:

Два. Таня и Валиент Фист. Мои... мои родители.

— Черт побери! — Анатолия сделала шаг назад, широко распахнув глаза: — И только для этого вы мне рассказывали о своей учебе?

Синклер обеспокоенно взглянул на нее:

— Это все правда. Я не лгал вам. Это... ладно, я воспитывался государством как сирота. И все, что я знаю — это, что мои родители были осуждены как изменники и казнены. И я расплачиваюсь за их преступление всю свою жизнь. Сейчас я иду на войну. Я должен знать, кто они были. И это все. Я говорил с судебным магистром, который поднял дела и отослал их сюда. Он рассказал мне, где они были — и что сделали.

Анатолия потерла руки.

— Но вы же не хотите на самом деле видеть их?

Синклер закусил губу, взгляд его устремился вдаль, и кивнул.

— Вы же генетик. Вы знаете, что значат биологически родители. Я знаю, что они значили для меня психологически.

Она повернулась к терминалу возле двери:

— Пройдемте сюда.

Несколько минут они шли в полной тишине между рядами с саркофагами, слышен был только шум механизмов, поддерживающих нужные условия хранения. Анатолия прошла налево в узкий проход. Над головой автоматически включался свет, когда они приближались, а затем гас, когда они проходили.

— Здесь,— сказала она ему и показала на два выдвинутых гроба.— Только потяни за ручку.

Синклер глянул на нее, нервно сглотнул. Потом взялся за ручку. Она холодила его пальцы, пока он вытягивал саркофаг.

— Он выглядит как живой,— удивленно вскрикнул Синклер, сняв крышку.

— Прекрасные условия хранения.— Она говорила ему, пока Синклер изучал фигуру. Лицо было тщательно выбритым, глаза желтые. Он выглядел интеллигентным, и выражение его лица несло на себе следы печали. Синклер видел рубцы надрезов под черными волосами.

— Спустя столько лет,— шепнул Синклер.— Привет, отец! Я должен был тебя найти, знать, что ты существовал. Я закончил

школу первым в классе и я был третьим на межпланетных экзаменах. Я думаю, что ты должен знать об этом.

Угрызения совести сжали его сердце, пока он задвигал гроб на место и выдвигал соседний. Его мать лежала лицом вверх, с глазами серого цвета, наполовину открытыми. Она была прекрасной женщиной с черными блестящими волосами и нежными чертами лица, и юной, очень юной.

Синклер тоскливо улыбнулся. «Спасибо за то, что ты дала мне жизнь, мама. Я никогда тебя не забуду. Ты будешь гордиться мной, я клянусь тебе.»

Синклер закрыл гроб и пошел прочь. Внутри ощущалась оглушительная пустота — окаменевшая душа.

Он повернулся к Анатолии и улыбнулся:

— Спасибо тебе. Теперь мне немного спокойнее. Теперь все будет гораздо легче. Пойдем. Я знаю, ты должна вернуться.

Она кивнула, позволив ему идти впереди. Возле двери она помедлила:

— Это правда, что ты сказал о межпланетных экзаменах?

Синклер кивнул, запутавшись в собственных мыслях. Он уловил интерес в глазах Анатолии.

— Синклер,— начала она, когда они вошли в лабораторию,— хм, ты не будешь возражать, если я возьму твой тканевой образец?

Он рассмеялся:

— Однажды ученый — навсегда ученый?

Она смущенно улыбнулась:

— Нечто вроде этого.

Он засучил рукав униформы:

— Пожалуйста. И если ты что-нибудь выяснишь, то дашь мне знать?

Взяв образец, она отвела его к лифту, чтобы он мог вернуться на станцию. Перед лифтом она помедлила:

— Синклер, что они сделали? Я имею в виду, почему они здесь?

Он придержал дверь лифта и обернулся. У Анатолии были чудные голубые глаза. Теперь они следили за ним с мягким пониманием.

— Если бы у меня было больше времени, я хотел бы провести его с тобой, чтобы лучше тебя узнать.

Синклер растроганно проговорил:

— Спасибо тебе, что ты позволила взглянуть на них. Я буду признателен тебе всю жизнь.

— Я не забуду об этом... по нескольким причинам.— Она надула губы.— Ты мне ничего не сказал, но ведь информация вся записана. И мне остается только ее прослушать.

— И ты это сделаешь,— он встретился с ее глазами.— Только худшие из худших попадают сюда для исследований. Мои родители пытались уничтожить императора Тибальта VII. Они были седдианскими убийцами-шпионами.

С этими словами он шагнул в лифт, дверь закрылась, последнее, что он видел,— растерянное выражение лица Анатолии. Лифт плавно поплыл вниз — к станции.

Тибальт, Седьмой император, глава и правитель, хозяин двадцати миров и Реганской империи, ерзал на стуле. Ему очень хотелось встать и уйти в покои. Он понимал, что раздражает его советников, но не объяснять же им причину! Правитель его ранга не должен обращать внимания на зудящий геморрой.

Император и его советники сидели в комнате с высокими сводами, освещенной хрустальным дневным светом. Украшенные панели из слоновой кости с Сиры сияли роскошью между перекладинами из сандалового дерева. Болтовня советников заглушала звуки струнного квартета. Конференц-стол, вокруг которого они расположились, занимал центр комнаты, был заполнен работающими мониторами, коммами и локтями.

Тибальт унаследовал от отца мощное телосложение, но в отличие от него с годами начинал терять форму, понемногу толстея. Богатые оттенки его черной кожи контрастировали с ярко-желтым костюмом. Широкие скулы, длинный прямой нос. Он носил волосы средней длины и покрывал их сетью из золотой нити — работы этарианских ювелиров.

Компактный голограф передавал последние новости о восстании на Тарге. Бунтовщики контролировали большую часть столицы Каспы. Тибальт прорычал сквозь стиснутые зубы:

— Почему сейчас? Будь они прокляты! Выбрали самый неподходящий момент! Когда все балансирует на краю пропасти. Не дай Бог, Стаффа заключит союз с сеззанцами и выступит против Реги. Брр, даже думать не хочется!

Он выпил остатки клавы и решил, что сыт пустыми препирательствами своих советников по горло:

— Господа! Внимание! — Он поднял правую руку.

Все двадцать голов повернулись к нему, одни оторвались от бумаг, другие от мониторов. Наступила внезапная тишина, в которой странно зазвучала музыка струнного квартета.

— Меня не интересует, что вы там планируете на своих моделях. Меня интересует следующее. Первое — нам необходимо сокрушить Таргу. Второе — договориться со Стаффой и его головорезами, не обращая внимания на то, какую цену они заломят.

Министр казначей покачала головой:

— Но император, я не уверена, что мы в состоянии будем оплатить счет. Каждый их наемник обходится нам в сумму три с половиной биллиона имперских кредитов. У нас нет таких денег. Часть ушла на Таргу, частью мы оплатили образовавшийся за два года дефицит бюджета.

Тибальт кивнул, ему были известны финансовые проблемы. Однако он помнил, что Лорду Командующему удалось то, что не удавалось ни ему самому, ни сеззанскому Богу-императору,— содержать большое, дисциплинированное войско, способное оказать поддержку любому правительству и в любой момент. Отборные войска Стаффы строго придерживались своей независимости и требовали за это очень дорогой платы.

«Хитрая бестия этот Стаффа. Мне не тягаться с ним».

Вслух же император поинтересовался не без иронии:

— Леди министр, вы предпочитаете не платить, а воевать с Компаньонами? Не забудьте, что Его Святость непременно попытается напасть на нас — ему нужны новые земли. Учитывая наличие Запретных Границ, как вы думаете, где он будет их искать?

— Нам надо сделать еще одну попытку и прорваться за пределы Запретных Границ,— вступил в разговор министр обороны, подняв к потолку глаза. Он почесал свой плоский, как утиный клюв, нос и тяжело вздохнул. Потом поместил волосатые руки на стол и уверенно добавил: — В этом лежит решение наших проблем. Надо найти путь через эти гравитационные стены, и мы сможем расширить наши границы.

— Еще раз? О, мой Бог! — простонал Тибальт в наступившей тишине.— Вы что, забыли, сколько кораблей мы потеряли в последний раз, пытаясь прорваться через энерго-гравитационный барьер? У нас есть лишние корабли, от которых вы хотите избавиться?

— Ну, это было пятнадцать лет назад,— прервала его министр-казначей.— Кроме того, нам удалось переработать и реализовать металл с кораблей. Мы потратили в общей сложности всего сорок три миллиона кредитов...

— Нам известны ваши расчеты,— прорычал министр обороны.

— Достаточно,— прекратил начинающийся спор Тибальт и сжал ладони.— Кто бы ни построил эти границы, он не хочет, чтобы мы выходили за их пределы. Поэтому они пока для нас недосягаемы. Все, вернемся к текущим делам. У нас нет выбора, дорогие мои, как только нанимать войска.

Выражение лица министра казначея стало хищным. Длинные черные волосы удлиняли и без того длинное лицо, накрашенные острые ногти глухо скребли по столу:

— Мы должны снизить плату, иначе подорвем экономику страны окончательно.

Да. Это было основным препятствием. Холодок пробежал по спине Тибальта. Положение хуже некуда, но кто мог когда-нибудь предположить, что появится такая проблема: как поступить со Стаффой кар Терма, если весь Открытый Космос объединится? Куда направит Лорд Командующий свои кровавые замыслы? В какую сторону?

Тибальт обратился к министру обороны:

— Лорд министр, как вы думаете, у нас есть шанс пограбить в сеззанских мирах и заплатить из этих денег Стаффе?

Министр потер свой похожий на обрубок подбородок. Лицо его сморщилось:

— Не уверен. Сезза сама истощена, особенно после того, как была вынуждена расплатиться с Лордом Командующим за миклениансную кампанию. Кроме того, если мы начнем вести войну таким способом, то иссушим экономику досуха.

— Я присоединяюсь,— сказала министр экономики, подняв указательный палец вверх. Ее зеленые глаза гневно сверкали, пока она с яростью смотрела на Тибальта: —— У нас сейчас очень ответственный момент, мы очень много вложили средств в восста-

новление нашей промышленности. Притока денег нет. И таким образом мы скоро дойдем до ручки.

Воцарилось недоуменное молчание.

— Все-таки я не понимаю, что вы все имеете в виду,— спросила министр казначей.

— Выжить! А иначе зачем нам Лорд Командующий? — нахмурился Тибальт.— И еще ответьте мне, что произойдет, если Стаффа сговорится за нашей спиной с Сеззой? Сможем ли мы противостоять им с их супервооружением? Единственный выход — повернуть Компаньонов против Сеззы. Нелепо думать о том, что мы победим флот Лорда Командующего на Реге. И подумал: «В этом случае уже никогда не будет Тибальта Восьмого императора».

Министр военной разведки прочистил горло:

— Согласен, мы в очень скверном положении, но учтите, что и сеззанцы не в лучшем. Из-за своих войн и растущей дороговизны они понесли большие расходы. Вместе с Компаньонами они подорвали экономику многих миров, которые были нужны нам для ведения длительных войн. У нас пока нет точных данных их потерь при захвате Миклена. Скажем так, они были очень существенными.

— Вы считаете настало время бунтовать? — поразился министр обороны, поджав губы и безотчетно дергая себя за бороду.

В наступившем молчании зазвучавшая музыка струнного квартета подействовала как-то успокаивающе. Тибальт посмотрел на Айли Такку, своего министра внутренней безопасности. Пришло время высказаться и ей, но она молчала и хищно наблюдала за всем происходящим.

— В первую очередь нам нужно подавить бунт на Тарге,— наконец, вступила Айли. Она прошлась длинными тонкими пальцами по черным волосам.— Чтобы эта зараза не распространилась по другим мирам.— Она одарила всех короткой улыбкой, будто одолжение сделала. Она была полностью уверена в своей правоте и в том, что всегда найдет поддержку.

— Ай да Айли,— Тибальту удалось скрыть свое восхищение. Он так ждал ее идей. Айли напоминала этарианского песчаного тигра: она никогда не упускала момент запустить коготки в плоть зазевавшегося слюнтяя. Единственный, кто мог стать ей достойным противником, был Стаффа, с его холодной кровью. Соперником... хм... Если чуть спланировать и подготовить, может, удастся обезопасить себя от Лорда Командующего... или отказаться от его услуг в пользу врага. Пораженный собственными мыслями, Тибальт вслух произнес:

— Замечательно. Займемся Таргой. Министр обороны провентилирует этот вопрос. Личная просьба, господа, не забывайте о том, что нам нужно крепко привязать к себе Стаффу, перетянуть его на нашу сторону, иначе всем придется учить сеззанский язык.

Император Тибальт Седьмой встал и махнул рукой в знак того, что совещание закончено, и, не обращая никакого внимания на начавшийся ропот, поспешил в комнату отдыха к ампулам с инсамвидовым желе.

Сердце в грудной клетке Синклера Фиста подпрыгнуло, когда десантное судно начало содрогаться и дергаться от перегрузок при входе в атмосферу. Во рту у него пересохло, потому что становилось жарковато. Этот их полет — что бы там ни говорили — был отнюдь не тренировочным. Вооруженных людей затолкали в ДС — рабочую лошадку военной администрации Реки. Синкли и его товарищи, они сидели плечом к плечу, слегка отклонившись назад, чтобы равномернее распределить давление силы тяжести. Узкие полоски света придавали всему ужасный вид. Стойки мерцали зайчиками света, отбрасывали причудливые узоры на внутреннюю обшивку судна. Влага от дыхания конденсировалась на холодной стали и стекала, периодически капая на его шлем и оружие. По бокам и впереди теснились пузыреобразные шлемы солдат, тесно сидевших, прижавшись друг к другу. Наверху, между огнями, над замком двери светились зловещие буквы «ПРИБОР ВЫЖИВАНИЯ», а под ними торчал рычаг.

Внизу лежала Тарга, странный мир, полный сумасшедших людей, людей, которые подняли бунт и убили целый гарнизон войск Реги.

Откуда они достали оружие? Да, это вопрос на тысячу кредитов. Ходили разговоры о том, что оружие и боеприпасы доставлены неизвестными контрабандистами. Синклер посмотрел на своих товарищей. Рядом с ним сидела брюнетка Гретта Артина, ее глаза были закрыты, пальцы плотно обхватили дуло бластера. Голова откинута назад, почти упираясь в пластик обшивки.

Синклер поспешно отвел глаза в сторону, когда почувствовал нарастающую вибрацию ДС. И хотя позапрошлой ночью он все-таки нашел своих родителей, это нисколько ему не помогло — чувства его пребывали в смятении. Но благодаря Анатолии Девиуре путаница чуть-чуть уменьшилась, и теперь он мог разумней и спокойней относиться ко всему. Он грезил о ней, о ее голубых глазах и белокурых волосах. Его томили воспоминания об ее аккуратной фигурке. И тут его мечты прервались потоком воды, который в очередной раз обрушился на него сверху.

С женщинами Синклеру не везло, не везло также и со службой: он удивлялся, как мог Бог создать его таким слабым, неуклюжим и не разбирающимся в солдатских премудростях. Люди почти не обращали внимания на то, что он такой худой, костлявый — они рассматривали его лицо с тонкими чертами лица. Но их интересовали отнюдь не нос и брови, а поражали глаза: один серый, а другой тигрово-желтый. Если бы он мог обратиться к хирургам, чтобы исправить этот недостаток. Но такие операции нигде не делали... разве что в Реганской империи, где, похоже, дороги вымощены золотом.

Почему он не может быть похожим на капрала Макрудера? Макрудер каждым дюймом являл собой образец решительного энергичного солдата, и это ему Гретта строила глазки и завлекающе улыбалась, нисколько не смущаясь, что все это видят.

Воздух стал гуще, смешиваясь с запахом пота и страха, что очень мешало дышать. Кто-то позади него испортил воздух,

и отвратительный запах вынудил Синклера поставить фильтры в ноздри. Кто-то еще начал смеяться — детское блеющее нервное хихиканье. Свет стал меркнуть. Либо это стреляли орудия, либо свет выключили, чтобы избежать обнаружения. Он заморгал, и внутри у него все перевернулось. Его просто выворачивало наизнанку. Свет стал красным. Неужели они падают? Или выключился двигатель?

Он равнялся на Гретту, сидящую рядом с ним, стараясь делать все, что делает она. Потом почувствовал, как струйки пота стекают из-под шлема. Синклеру было очень неуютно. Где-то рядом этарианец бормотал слова молитвы.

— Объявляется тридцатисекундная боевая готовность,— ровным голосом сообщил настенный коммуникатор.

Послышался смутный свист воздуха, и панели задрожали. Растущая сила тяжести толкнула его в сторону, прямо на Гретту. С потолка хлынули струйки воды. Чтобы успокоиться и отвлечься, Синклер начал считать про себя.

Конечное торможение вынудило его напрячься. Мускулы шеи сопротивлялись сильному толчку. Внезапно тяжесть пропала, и в позвоночнике у него что-то хрустнуло. Судно ударилось о землю, подпрыгнуло и окончательно остановилось.

— Все в порядке, ребята, можно идти,— проревел сержант Хэмлиш трубным голосом: — Группа А — ставить внешние границы, группа В — укрепить их, группа С — обеспечить охрану, Д — обеспечить защиту правого фланга, Е — защиту левого, F — поддержать артиллерийскую команду.

Вокруг Синклера стали вскакивать мужчины и женщины. Синклер растерялся, уронил свою амуницию, потом вскочил на ноги. Только успел поднять свой бластер, а Гретта уже выбегала. Он устремился за ней, повесив бластер на плечо. Стало немного полегче.

Группа А почти вся выгрузилась из шлюзовой камеры, выскакивая на каменистый грунт. Их комбинезоны меняли цвет, подстраиваясь под окружающую обстановку. Синклер вспомнил, чему их учили на тренировках, и выскочил вслед за остальными. Он упал и, прищурившись, вглядывался в темноту, вдыхая запахи сырой почвы. Над головой что-то прожужжало — то ли насекомое, то ли ночная птица. На горизонте начинало светлеть.

Позади него раздался рев, и Синклер понял, что это десантное судно подымается в воздух. Окинув коротким взглядом небо, он увидел, что звезд почти нет. Тяжко вздохнул и только сейчас почувствовал, как пересохло у него в горле. Воздух звенел прохладой, наполняя свежестью легкие.

Резкий голос сержанта Хэмлиша, зазвучавший в наушниках, заставил Синклера подпрыгнуть. «Идиот»,— выругал он сам себя.— Это ведь комм».

— Фист! — раздался окрик Макрудера.— Закройся.

Синклер бордово зарделся, ему стало очень стыдно. Ну почему он всегда все делает неправильно?

Хэмлиш отдал приказ:

— Группа Б, несете внешнюю охрану, разберитесь на пары и двигайтесь вперед. Нам нужно занять холм перед Каспой. Дойдете до вершины — дайте сигнал.

Солдаты затоптались, строясь в колонну.

Синклер пошарил по бедрам, вспомнив наконец о приборе ночного видения — ИР-визоре, надел его и включил. Темнота сразу рассеялась, и он теперь мог видеть Макрудера, звавшего его:

— Пошли, Фист. Нам выпала большая честь пролить первую кровь.— Капрал отвернулся и зашагал вперед.

«Первую кровь»? Синклера передернуло. Он никогда собственно и не представлял себе, что значит быть солдатом. Лучше всего ему было бы дома, на Реге, подальше от всего этого, от грязи, насекомых. Как хорошо сидеть в библиотеке и погружаться в пленительные секреты книг! Досадно было, что пришлось прервать занятия квантовой геометрией, особенно когда ему удалось достать текст «Магическая связь между...»

Он задыхался под тяжестью бластера: тот весил добрых двадцать фунтов, да и ранец около тридцати.

Им легко удалось добраться до вершины, напрасно беспокоился Синклер, усталый, голодный, изнуренный и измученный. Он просто плюхнулся наземь, его тошнило, потом он услышал вызов Макрудера по системе:

— Докладывает группа Б, сержант. Все в порядке.

— О'кей, ребята, окапывайтесь,— приказал Макрудер, шурша как жук в темноте. Он наклонился над Синклером:

— С тобой все нормально?

Синклер смутился:

— Да, чуть сбилось дыхание.

— Слушай, ты, похоже, классный малыш. Держись возле меня, лады? Я должен быть уверен, что с тобой ничего не случится.

— Конечно.— Опираясь на бластер, он последовал за Макрудером и вполз под раскидистый куст. С этого места были видны мерцающие огни Каспы, почти прямо под ними. Город располагался на дне чашеобразной долины и через ИР-визор выглядел очень жалким. Окружающие пики состояли из обломков скал, покрытых редкой растительностью. Это было чертовски неподходящее место для ведения военных действий.

Малыш? Макрудер назвал его малышом. Он и так знает, что стоит малого как солдат. И проклятье, но ему придется держаться Макрудера. Похоже, что капрал знает, что делает.

Никто еще не сделал ни единого выстрела. Может, они возьмут эту планету, словно кусок торта, как говорится?

Синклер лежал в темноте, задумчиво водя пальцами по оружию, потом стал гладить комбинезон. Ощупывая материал, он чувствовал толстую синтетику с гладкой поверхностью. Материал на самом деле состоял из склеенных слоев графита и керамики,— покрытия, защищающего гидрокарбоновую полимерную основу. Любой удар, способный разорвать материал, вызывал мгновенную химическую реакцию, которая этот материал превращала в жесткий, негибкий, и тогда он отражал либо поглощал энергию пули

или удара бластера. Соединенный с вакуумным шлемом, он мог служить скафандром для космических работ.

«Будем надеяться, что он меня спасет, если что»,— подумал Синклер.

— Хорошо, все, ребята,— позвал Мак.— Пошли, рассредоточьтесь и — ушки на макушке. Мы должны взять город.

Синклер стал спускаться с вершины холма вместе с остальными из группы Б. С рассветом они заняли третью секцию почтового отделения и установили оккупационные штаб-квартиры на окраинах Каспы, к центру еще предстояло пробиваться.

Почтовое отделение не вызвало восторга с эстетической точки зрения, однако с военной — толстые стены с маленькими окнами — было хорошо укрепленным редутом.

— Черт побери! А я думал, мы будем драться,— проревел Макрудер, снимая ранец и садясь под стену. Остальные тоже раскладывали снаряжение и припасы, устраиваясь поудобнее.

— А они не выглядят опасными,— сказал задумчиво Синклер, глядя на немногочисленных прохожих, которые спешили с опущенными головами. Небо оставалось скрытым облаками, изредка доносились раскаты грома.

— Ну, все регулярные войска введены,— донесся голос Макрудера из-за барьера.

Синклер задумчиво рассматривал его. Макрудер выглядел, как настоящий солдат: квадратная челюсть, шишка на переносице. Внимательные голубые глаза смотрели с лица с высокими скулами, из-под шлема выбивались русые завитки волос. Форма облегала мускулистые плечи.

Позади него сидела Гретта Артина, держа одну руку на капральском плече. Синклер заставил себя не пялиться в их сторону. А если она влюблена в Макрудера? У него нет никаких шансов против такого человека, как Макрудер. Ведь что из себя представляет Синклер Фист?

«Идиот, лучше думай об Анатолии!— оборвал он себя.— Тем более, что ее здесь нет,— и ты можешь мечтать о ней до того, пока не вернешься — если останешься в живых, конечно. И потом ничего с тобой не случится, если узнаешь, что она замужем за профессором и у нее есть детки».

В размышления Синклера вторгся голос Макрудера:

— Они, наверное, подумали, что гарнизон малочисленный, и сейчас, скорей всего, пошлют сюда войска. Мы заставим их подумать.— Мак пощелкал языком.— Но кто-нибудь должен стрелять хоть наугад. Чего-то я не понимаю. Они как будто позволяют нам разгуливать тут. С чего бы это?

Гретта насторожилась, длинные коричневые волосы блеснули в неярком свете:

— Я бы не хотела испытать на себе имперскую огневую мощь. Но что им здесь делать? Уничтожать необученных шахтеров? У них есть пульсовое оружие и гранаты? Пара бластеров в эти руки, и этого вполне достаточно, чтобы взорвать мощь империи.

— Они уничтожили гарнизон,— вспомнил Синклер, срывая

затвор с энергетического бруса. Он наблюдал за старой женщиной, которая с трудом взбиралась по ступенькам, ее взгляд был взглядом испуганной птички, когда она рассматривала вооруженных людей, расположившихся на отдых вдоль стены. Кифозный остеопороз скрючил ее спину. Она крепко держала кошелек, прижимая его к туго перевязанной груди пальцами, покрытыми старческими пятнами,— суставы на них опухли от артрита. Она подымалась по ступенькам, глядя себе под ноги.

— Вам помочь, мэм? — спросил Макрудер, очень неразборчиво, потому что жевал в это время. Потом он встал и открыл перед ней двери с толстым стеклом.

Она кивнула, испуганно вздрогнув, дернув птичьей головкой.

—Я... Мне нужно увидеть... узнать о медицинском пособии,— дрожащим голосом произнесла она и подняла свое изборожденное морщинами лицо.

Макрудер вытер ладонь о рот и показал большим пальцем за плечо:

— Вы там найдете сержанта Хэмлиша.— Он показал на комнату, где раньше находился управляющий почтовым отделением Реги до тех пор, пока «Гражданский комитет» не выкинул его прочь.

Она опустила глаза, кивнула и заковыляла на подгибающихся ногах к сержантской комнате.

Макрудер сказал с насмешкой:

— Да, ужасная революция.— Он сорвал чеку с другого энергетического бруса.— Вот какое сопротивление оказывают на Тарге. Нам достались смирные ягнята, мальчики!

Синклер нахмурился:

— Да, может быть. Ты знаешь, я читал о сайленской экспедиции в филипианские горы. Тогда они тоже думали, что уже все, покорили. Это было двести лет назад.

— Древняя история, Фист,— прервала Гретта.— Как может такая тихая заводь сопротивляться имперской мощи?

Синклер пожал плечами:

— Есть много интересного в исторических книгах.

Макрудер наклонился к нему:

— Например? Обстриженная, засушенная тактика сражений? Я имею в виду — если прочитать, что кто-то делал сотни лет назад, то можно поднатореть в тактике. Только не в сегодняшней. Сейчас надо думать по-новому, каждый раз с поправкой. В этом ключ к разгадке успеха Звездного Палача. Подумай сам, Синклер! — Макрудер покачал головой и подмигнул.

Гретта хихикнула:

— А, книжки! Эге, я поняла — ты один из этих, из Седди? Так бы и сказал!

Синклера бросило в жар. Чем больше он волновался, тем все становилось хуже:

— Нет, я не Седди. Просто я изучал науки...хотел поступить в Реганский университет.

Макрудер хохотнул:

— И вместо университета оказался здесь? На что ты рассчитывал, если ты не гений, а в жилах не голубая кровь?

Синклер кивнул:

— Да, теперь я понимаю. Но я думал, что смогу. Я занял третье место на межпланетной олимпиаде.

У всех широко раскрылись глаза, и наступила тишина.

Наконец, Гретта прошептала:

— Елки-палки! Третье! Я не ослышалась? И они все равно тебя не приняли?

Синклер вспыхнул и тупо уставился в пол:

— Нет.

Макрудер потряс головой:

— А что они сказали?

«Соври, Синклер. Ты не можешь им объяснить, почему тебя не приняли»,— мелькнула мысль.

Но врать было бессмысленно, и он пожал плечами:

— Ничего, они просто выразили сожаление. Но... я попытаюсь на следующий год еще раз.

Гретта наморщила лоб:

— Я знакома с женщиной, которая так и делала: поступала восемьдесят два...— Она запнулась и посмотрела в лицо Фисту. Потом, набрав полную грудь воздуха, продолжила: — Может быть, это такая политика? И ведь бывают и ошибки, а?

Синклер неохотно согласился:

— Да, случаются.

Старая женщина вышла из комнаты сержанта Хэмлиша как раз в минуту, когда повисла тяжелая тишина. Ее неуклюжие ботинки громко простучали по полу. Она испуганно покосилась на Синклера и быстро отвела взгляд. Он распахнул перед ней дверь и безучастно следил, пока старушка хромала по ступенькам вниз, расставив руки для равновесия.

Уголком глаза Синклер ухватил мимолетное впечатление: сержант, спрашивающий, где мужской туалет. Ну что ж, и сержанты должны ходить по нужде...

Макрудер напомнил:

— Итак, что же ты узнал из этой истории сайленских войн? — манеры его неуловимо изменились — при всей небрежности вопроса, в нем сквозило уважение.

— Не концентрируйте свои силы,— пробормотал Синклер, продолжая следить за старой женщиной, которая быстро ковыляла через пустынную улицу.

Снаружи громкоговорители продолжали повторять условия оккупации, пролетело десантное судно, ощетинившееся бластерными пушками, далеко разносился бухающий голос: «Введено в действие военное положение. Те, кому нужно разрешение на передвижение, медицинское обслуживание, должны зарегистрироваться у военных властей. Все коммы будут настроены на выдачу справочных сведений. Сохраняйте спокойствие и сотрудничайте с властями». Голос медленно удалялся, бубня все неразборчивее.

Синклер пожевал губами и взглянул на сгрудившиеся облака.

Он начинал ненавидеть Таргу, хотя никто еще не стрелял в него.

Но Макрудер не унимался:

— Э, но это не согласуется с военной концепцией,— заключил он.— Каждый знает, что «разделяй и властвуй»— это древнейшее правило ведения войны. Сила позволяет защищаться, а наступление рассеивает войска.

И тут Синклер, вскочив на ноги, вскрикнул:

— Господи, где ее кошелек?

Лицо Макрудера напряглось:

— Что?

— Бежим, надо ее догнать! — Синклер схватил оружие.— Черт возьми, так же, как и на Сайлене... Мак, эй! Кто-нибудь поищите в комнате сержанта кошелек этой старухи.

Он слетел по ступенькам, глаза были прикованы к хромающей фигуре, которая заворачивала за угол серого полуразрушенного здания. Гретта и Макрудер бросились за ним, натягивая шлемы и щелкая затворами.

Синклер скачками несся по булыжной мостовой, и вдруг мир вокруг него взорвался, его подбросило и опрокинуло навзничь. Он чувствовал, как его катит по жестким камням, время и пространство соединились в огне и дыму и перемешались в невообразимую кашу, которая, казалось, заполнила все, залепляя глаза и уши, тесня грудь.

Его сильно оглушило, в голове гудело, воздух ворвался в легкие, распирая грудь. Он подвигал руками и ногами, убедился, что все, вроде, в порядке. Тяжело поднялся, покачиваясь. Потом наклонился, поднял бластер, и в это мгновение, едва не зацепив его, пронеслась струя фиолетового пламени. Кряхтя, он опустился на колено и выстрелил в чердачное окно, откуда, как он заметил, только что стреляли. Фронтальная часть здания подпрыгнула от удара, затрещали кирпичи, посыпалась штукатурка. На всякий случай он пальнул еще раз, не особенно целясь, но выстрел оказался удачным, отвалив громадный кусок стены.

Синклер повернулся и увидел Макрудера, который пытался встать на ноги. Здание почтового отделения превратилось в крошево из обломков кирпича и облицовки. Синклер увидел, как одна из уцелевших стен словно сложилась пополам и упала, завалив мостовую. Над развалинами взметнулось облако пыли.

«Господи, помилуй,— прошептал Синклер.— Там никого не осталось в живых». Кое-как он встряхнулся и помог Гретте подняться. Остолбеневший Макрудер озирался по сторонам. Над ухом Синклера просвистела пуля, он инстинктивно отшатнулся, потом окинул взглядом противоположную сторону улицы. И не размышляя, повинуясь только инстинкту, ударом ноги распахнул дверь, вскинул винтовку и быстро затолкал своих товарищей в темноту и неизвестность.

Хайд нахмурился:

— Мы играем в серьезные игры, Бруен.— Магистр астматически задышал, нахмурил брови, уставясь на внутренний монитор, на

экране которого каштанововолосая женщина методично расстреливала мишени из пульсового пистолета.— Проблема психологического оружия для них является врожденной.

Они сидели рядышком на древней каменной скамье, высеченной когда-то прямо в базальтовой скале. Внизу расстилалась долина Макарты. Серые облака затянули палящее солнце впервые за несколько последних дней. И сейчас долина мирно зеленела, и солнце не жгло, а пригревало.

Бруен спокойно кивнул:

— Круги в кругах, мой друг.

Хайд откашлялся:

— Возможность — это одно, но человеческий мозг? Веками умы, более великие, чем наши, задавались вопросами, искали, подгоняли и опять искали ответ на вопросы о душе, о психике, о сущности человека. И признаюсь, я начинаю теряться, когда думаю о жребии, выпавшем на мою долю.

Бруен крякнул от удовольствия, глядя на экран монитора, где Арта Фера делала последнюю серию выстрелов. Ее литые формы четко выделялись в вечернем свете.

— Ты думаешь, она попадает в цель?

Бруен задвигался в надежде найти удобное положение, чтобы смягчить боль в бедре:

— Естественно. Посмотри на ее лицо. Видишь, как оно сияет? Не сомневайся, ее инстинкты полностью освободились. Теперь она нуждается только в программировании и направлении.

В голосе Хайда прозвучала неприязнь:

— Шпионить! Как агенты имперской безопасности!

Бруен искоса взглянул на него:

— Наступили странные времена, Магистр, когда наша древняя страсть порицается,— возразил он с легкой печалью. «Тьфу, пропасть, если только Хайд вдруг не согласится с ним. Да и если бы это была не Арта, он бы...»

Бруен задумался: «Господи, я становлюсь старым маразматиком! В нашем мире нет места глупой сентиментальности. Ведь она не твоя дочь, она вообще ничья, Бруен. Она — всего лишь предмет, солдат по вызову».

Пожав плечами, он заметил:

— Войны выигрывают отнюдь не генералы, а те, кто воюет за них!

Хайд запротестовал:

— Но ведь она — одна из наших!

Бруен оперся подбородком на ладонь, вскинул голову и внимательно посмотрел на своего товарища. Потом заговорил мягким, серьезным тоном, вынужденный приспосабливаться к тому, что считал рациональным:

— Действительно? После того, что она так долго находилась у этарианцев, после того, что она была так далеко от нас, ты называешь ее нашей?

Хайд по-совиному заморгал:

— Ну ладно... э-э-э... она замечательно сдала экзамены. Ее

тренировки — как можно видеть по результатам — путем воздействия на подсознание сделали ее поистине невероятно талантливым...

— орудием,— закончил Бруен монотонным голосом. И затряс головой, не желая встречаться глазами с Хайдом, и нажал кнопку — голографическое изображение Арты Феры, перезаряжающей пистолет, пропало.

Недовольный собой, он оглядел пасторальные уголки маленькой долины, расстилающейся внизу перед ними. Скот спокойно пасся среди высокой сочной травы. Деревья обступали гранитные скалы, цветущие растения сливались в яркий узор на зеленеющих пастбищах.

— Мы сделали много, мой друг,— размягченно проговорил Хайд.— После стольких лет, после всех жертв...

— Что значит еще одна молоденькая девушка? — засопел раздраженно Бруен, и вытер свои глубоко посаженные глаза.— Когда все это кончится, Хайд? Уже триста лет я наблюдаю все это. В течение моей жизни около ста миллиардов людей умерли в страданиях, боли и нищете, их планеты были разрушены войнами, уничтожены радиацией, болезнями и природными катаклизмами.— Он взглянул вверх, выражение голубых глаз неожиданно смягчилось.— И я спрашиваю тебя, видишь ли ты улучшения в человеческой природе? Меня все время не покидает чувство, что мы являем собой в некотором роде злокачественный эксперимент.

Хайд положил тонкую сухую руку на плечо Бруену:

— Вспомни наше кредо, Брат. Жизнь — это познание, а знание — это энергия. Энергия вечна, ее нельзя уничтожить, только рассеять посредством энтропии.— Хайд кашлянул еще раз, сморщившись и сплюнув под ноги.— Смерть неизбежна, но не навсегда. В конце концов, все возвращается назад, к Богу.

Бруен скривился:

— Да, не навсегда. У Вселенной тенденция к расширению границ, тогда как другие места заперты гравитационными колодцами великих Аттракторов. Итак мы оказались на перепутье: либо мы на вершине расширения, либо в начале уплотнения. Иными словами, конец может наступить примерно через пятнадцать миллиардов лет или что-то вроде этого.— Он помахал скрюченным пальцем перед глазами Хайда: — Сколько страданий ты можешь вместить в пятнадцать биллионов лет до того, как мы вернемся к Божественному Началу?

Хайд примирительно проговорил:

— Жизнь — это больше, чем страдания, Брат. Жизнь — это так же и теплое солнечное утро, поющие птички, удобное кресло...

Ироническая улыбка пробежала по лицу Бруена:

— Ба! Ах, ах...

Магистр Хайд махнул рукой:

— Ты язвительный и едкий старик,— он хлопнул ладонью по колену и откинулся на спинку скамьи, подставив свое осунувшееся бледное лицо теплым лучам солнца.

Но Бруен не унимался:

— В Каспе около двадцати тысяч погибших. А здесь, ты и я, мы сидим на солнышке и рассуждаем об удовольствиях. Наш мир на грани краха.С течением времени, Брат, целые планеты будут выжжены дотла, расплавлены до основания. Неужели наш удел — сумасшествие?

Хайд опять кашлянул, нижняя челюсть двигалась с трудом:

— Нам лучше всего ловить мгновения настоящего, Магистр. Вспомни свое кредо. Не существует ничего кроме Сейчас-Здесь. Прошедшее — это просто энергия в мыслях. Будущее состоит из возможностей, которые могут меняться непредсказуемо и непредвиденно. То, чего страшишься,— всего лишь работа твоего мозга. Такое будущее нереально.

Бруен помолчал и заключил:

Так и все реальности можно привести в ничто. Я все равно страшусь.

И тут Бруен заметил какое-то движение в долине. Присмотревшись, он различил трех лошадей, выскочивших из-под деревьев. Они повернули к источнику и резко остановились, чтобы напиться. В тишине и покое он наблюдал за ними, отмечая краем глаза облака, гонимые ветром к северу от Каспы. Пророчество! Уже сейчас, согласно его собственным инструкциям, растущее сопротивление на Тарге вызовет мощную концентрацию реганских военных сил, готовых на все. Значит, снова кровь на его руках.

— Меня беспокоит то, что у нас нет выбора,— Бруен похлопал пергаментной рукой по колену.— Мне очень не нравятся ощущения пешки, Брат. Меня передергивает, когда вижу старых Магистров, раболепно поклоняющихся чудовищной машине. Ничего не меняется очень давно.

— Но сейчас ты должен работать с машиной,— Хайд поднял голову, беспокойство исказило его черты.

Бруен сухо рассмеялся:

— Я все время думаю: кто кого дурачит? Кто из нас настоящий манипулятор, Брат?

Чуть понизив голос, Хайд убежденно проговорил:

— Ты у нас единственный, Бруен. Ни у кого больше нет такой силы. Нет больше подобных тебе: с достаточной ловкостью, мощью, способных сохранять равновесие духа и мысли при любых обстоятельствах.

Бруен в упор уставился на Хайда:

— Ну да, конечно, ты меня дурачишь и сейчас, но, ладно, я подумаю. Энергия — это навсегда, а? Ладно, Брат, если ты найдешь меня мертвым на кровати в один из таких дней, что ты станешь делать?

Магистр прокашлялся, сплюнул:

— Лучше мне умереть, но я никогда не надену этот дурацкий шлем.

Бруен отрезал:

— Нежизненное решение.

Хайд отпарировал:

— Так же, как и твоя смерть,— и закончил, борясь с приступом

кашля: — Нет, я лучше убью себя, чем сяду в кресло и надену на голову эту ужасную кастрюлю. Мэг Комм почистит мои мысли, как луковицу... и все кончится ничем.

Они посидели в тишине. Хайд размышлял, недоуменно морщась,— почему все выглядит таким чертовски безнадежным?

— Мы до сих пор не знаем, каким словом можно управлять Звездным Палачом,— Бруен улыбнулся, наблюдая за лошадьми: одна из них, серая в яблоках, подняла голову и, задрав хвост, игриво встала на дыбы. Другие резво перебирали стройными ногами, словно пустились в танец, они важничали и задирались, гонялись друг за другом. На Тарге лошади были прекрасны.

Наконец, Хайд нарушил молчание:

— Предсказания поворачивают в сторону Реги,— он откинул голову назад, зажал нос пальцами, продувая забитые ноздри, и гнусавым голосом продолжил: — Скорей всего Рега сделает Стаффе предложение. Лорду Командующему не очень-то по душе развратная теократия, основанная на всеобщем низкопоклонстве и гнусном раболепии. Воевать за этого жирного сеззанского прыщеватого дурака? Который для них Бог? — Хайд потер ладонь о ладонь.— Нет, все-таки Рега, несмотря на просчеты, будет скорей апеллировать к измененной личности Стаффы.

Бруен поморщился:

— Это все лишнее, Хайд. Стаффу труднее всего прогнозировать. Почти невозможно.— Он с трудом встал, сделал несколько шагов, чтобы размять конечности, пытаясь избавится от боли в бедре.

Хайд проворчал:

— Пойдем, Брат. У Стаффы нет особенных секретов. Все очень просто: деньги и ситуация руководят им. Так действует сила. Да, это все просто — для человека выдающихся способностей. Сезза и Рега без сомнения отдают себе отчет в том, что игра закончена. А того, кто соблазнил Стаффу огромным количеством игрушек и обещал отдать ему весь Свободный Открытый Космос... того, кто упустил благоприятный случай, его уже нет в живых...

Бруен запротестовал:

— Ты утверждаешь, что у Реги больше возможностей заполучить Лорда Командующего, чем у Сеззы. Я согласен, если их поменять местами. В конце у Стаффы останется только сила. Я не думаю, что ему понравится играть роль судьи в беге на длинные дистанции. Его люди не возьмутся за такую нудную и тяжелую работу. И Стаффа знает это.

Хайд приподнял брови:

— И что?

— И Стаффа поставит на победителя.— Бруен вздохнул, потеряв из виду лошадей и расстроившись из-за этого.

Хайд промолчал.

— И ему будет очень легко уничтожить Бога-императора, которого он не ставит ни в грош.— Бруен снова задвигался, пытаясь найти положение, при котором хоть немного утихнет

ноющая боль в бедре.— Так он будет чувствовать себя более удобно и, конечно, более уверенно.

Но Хайд неприязненно возразил:

— Ты говоришь так, будто создание Претора является человеком.

Бруен тронул кнопку, и на мониторе опять появилась Арта Фера в тренировочном зале, она устанавливала пистолет на стойку-подставку. Арта остановилась, на лице ее отразились борьба и недоумение, будто она никак не могла привыкнуть к своим новым способностям.

— Может быть. Он любил однажды,— сказал Бруен.

Хайд рассмеялся очень громко, потом закашлялся. Он вытер слезящиеся глаза и посмотрел на своего старого приятеля:

— Становишься сентиментальным, а, Бруен?

Магистр покачал головой:

— Нет, Хайд, старина.— Бруен говорил очень печально: — Я просто удивляюсь, по какому праву два слабоумных старика, какими являемся мы, суются в будущее человечества? Мы кто, спасатели, Хайд... или марионетки греха и смерти?

Стаффа кар Терма лежал в темноте на спине. Вокруг мягко жужжали двигатели «Крислы», и это действовало умиротворяюще на него. Но он не мог успокоиться и продолжал проигрывать в памяти тот момент, когда орудия «Крислы» разнесли корабль Претора в пыль — и вместе с этим кораблем женщину, единственную женщину, которую он любил.

«Я убил ее. Но откуда я мог знать?» Он с силой растирал глаза большим и указательным пальцами: «А мой сын? Вдруг он жив? Или я убил его тоже? Только Седди... Седди должны знать».

Интересно, на кого похож его сын? Старый вопрос, который он задавал себе многие годы. Он попытался подавить нарастающее смятение — и ничего не вышло. Попытки мыслить рационально всегда кончались полной путаницей, и он начал постигать состояние, которое внедрил в него Претор своими словами.

«Теперь я понимаю, старик. Я был твоим опытом, разве нет? Вот почему твои глаза светились чувством удовлетворения и гордости. Ты взял мальчика-сироту и использовал его как подопытного кролика в своих нечеловеческих экспериментах. Ты задушил мои чувства, превратил меня в биологического робота. Рационального, логичного, без капли чувств, с одним желанием и целью: деньги и успех».

«Господи, Претор, каким хитрым чудовищем ты оказался». Словно проявляясь в мареве тумана, стала складываться многоцветная мозаическая картина. Но где же реальность? Был ли его мозг нормальным до того, или психологический крючок выбил его из нормального состояния? Он глубоко вздохнул, успокаивая мысли, останавливая поток нахлынувших эмоций, и стал вспоминать все, что он знал о физиологии и биохимии мозга.

Картина складывалась грозная.

Основываясь на сложном взаимодействии физиологии и хи-

мии, мозг создает свои собственные критерии нормального поведения. Он строит сеть нейронных мостиков, ведающих памятью, и позволяет изучать новые адаптационные стратегии.

«И все это перевернул Претор своими спрятанными крючками». Стаффа кулаком начал бить в подушку. «Итак, что же произошло? Слова Претора зацепили нейрон, который взаимодействует с обратной связью мозга, поддерживающей химическое равновесие. Но какое же мое состояние — нормальное?»

Да, это была страшная проблема. Неужели Претор заблокировал часть его личности на все эти годы, и ключевые слова «конструкция, машина и создание» нарушили эмоциональное равновесие, подготовив конечное уничтожение?

Ответ был погребен в могиле Претора.

Но каков механизм воздействия ключевых слов? Вероятно, они стимулируют его мозг замедлять синтезирование кортикостероидов, серотонина, ацетилхолина и норепинефрина, что и нарушает нормальное равновесие.

Стаффа вскочил и заметался по комнате. Похоже, ответ был скрыт в последних словах Претора. В том разговоре старый змей мог дать ему ключ. Даже среди своего рушащегося мира Претор не смог удержаться от последнего опыта; но какие же слова являются ключом? Стаффа воспроизвел разговор в миклениансном госпитале слово за словом. Было так много сказано, так много смысла было вложено. Но, все-таки, какая фраза является ключевой?

Стаффа нахмурился и зажал подбородок в кулак. «Он сыграл на моей гордости и на самонадеянности». Стаффа угрюмо усмехнулся. Да, это его путь. Слова «нет души» всплыли в памяти, старик здорово использовал это. «Нет ответственности перед Богом?.. Я выбил это из тебя... выдавил из твоего чувства личности... создание без совести... деньги и власть руководят тобой...»

Выражение лица Стаффы стало очень жестким: «Но что же там еще было, Претор? Чем может человек измерить глубину своего падения? Я — только силой... точно как ты меня учил, и так отлично учил, Претор! Будь ты проклят!»

Стаффа опустил веки,чтобы увидеть печальные глаза Крислы. Он не мог победить выражение мягкого осуждения янтарных глаз. Невидимый кулак сжал его сердце, будто пытаясь выдавить из него жизнь.

«Я не знаю, как он тебя похитил,— шепнул Стаффа призраку.— Да это и не столь важно, ты исчезла так внезапно. Только Претор, единственный во всем Открытом Космосе мог глубоко хранить такую страшную тайну. Но я должен был и это предвидеть, моя любовь. Я должен был».

В его душе, мятущейся и сокрушаемой страшным напором горя, продолжал раздаваться одинокий крик его сына. Чувство вины заполнило его, смешиваясь с бесконечным горем. «Ну почему это должно было случиться именно со мной?»

Претор создал его с совестью рептилии. «И я ему говорил, что мне нет дела до совести». У человека, который сможет объединить

миры Открытого Космоса, чтобы разрушить Запретные Границы, должна быть совесть. «Неужели ты не видишь, Претор? Ставки так высоки. И пока человечество разделено, пока мы уничтожаем друг друга, мы никогда не вырвемся из этой клетки».

Он покачал головой, пристально вглядываясь в видения в своей памяти. «Да, этого ты не смог меня лишить, Претор. Ты забыл, что сам учил меня мечтать — чтобы вдохновляться на великие подвиги. Я должен управлять Открытым Космосом».

«Но ты в конце концов потерпишь поражение... поражение... поражение...»

Стаффа крутнулся на каблуках, ощутив внезапный прилив адреналина. Легкая улыбка тронула бесчувственные губы. «Это и есть ключ, не так ли, Претор? В течение всего разговора ты высмеивал меня, будучи уверен, что лишил меня сентиментальности. Поэтому ты был так удивлен, когда узнал, что я любил Кристу? И она могла сорвать твой опыт. Ты должен был убрать ее от меня подальше, иначе твой эксперимент не был бы доведен до конца — твое «величайшее создание» было бы испорчено».

Стаффа кисло рассмеялся. «Моя ахиллесова пята. Бездушность. Отсутствие совести. Поэтому ты называл меня машиной». Глаза Стаффы сузились в щелочки. «Ты сделал из меня получеловека, Претор».

Но избавят ли от страданий эти слова его полностью? Не смогли ли эти ключевые слова до конца разрушить его личность? Гнев снова вспыхнул, смешался с тревогой. «Ты должен вновь обрести себя, Стаффа, либо Претор в конце концов победит. И если твои мечты сбудутся, ты узнаешь, что значит быть настоящим человеком, почувствуешь, как говорил Претор, «дух, осеняющий народы».

Он набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание, чтобы унять боль, пронзившую сердце. «Первым делом, Претор, я найду своего сына, если он жив. И потом я найду себя».

— Не щекочи,— предупредила она, когда он провел пальцами по ее спине, ощущая прохладную гладкую кожу, до ягодиц. Задержав дыхание, Тибальт Седьмой император, со свистом выпустил воздух через губы.

— Почему ты ведешь так себя со мной? Ты меня совсем не любишь, Айли.

Она повернулась, бросив на него взгляд из-за плеча, по которому рассыпались чудесные блестящие черные волосы. Ее длинные ноги смяли золотистую простынь, сбитую в ком взрывом страсти. Она подвинулась ближе, как бы потягиваясь, стройные ноги оказались у него на животе. Одна ее грудь призывно торчала напротив его ладони. Мгновение он наслаждался контрастом между ее ослепительной белизной и своей иссиня-черной кожей.

Он посмотрел в ее потемневшие глаза, которые были так близко от его.

Айли не отводила взгляд:

— Может, мне нравится испытывать власть, Седьмой импера-

тор?— Ее голос дышал страстностью, а тело — прохладным мускусом.— Может, ты моя последняя победа.

Он чуть вздрогнул, когда она стала легонько покусывать его грудь, обводя языком сосок, это отозвалось в нем трепетом.

— А ты не беспокоишься, что когда-нибудь узнают? — спросил он.

Она рассмеялась:

— Кто? Твоя драгоценная жена? Императрица давно все знает. И Мария Рат и ее раболепная семья только изображают неведение.

— Они знают? — Дурное предчувствие овладело его сердцем. Он уставился прищуренными глазами на роскошный вермилионский шелк, которым были задрапированы стены.

Айли снова засмеялась, показывая беленькие зубки, глаза ее искрились юмором.

— Ну, конечно, император. Шшшшш! Не беспокойся! Я уже обо всем позаботилась. Никто не посмеет встать мне поперек дороги, Тибальт. Никто! — Твердость в ее глазах подтверждала это.— И мне кажется, тебе лучше всего не угрожать твоей жене или ее семье.— Она коснулась языком его верхней губы, медленно ласкаясь к нему. Ее дыхание несло запах мяты. Помолчав, она добавила: — С другой стороны семья Ратов опасается, что один из их юных лордов может быть арестован за измену, воровство, взятки или за что-нибудь в подобном роде. Я видела его, Тибальт: он перепуган до смерти.

Чувство теплого облегчения охватило его, смывая тот мимолетный страх.

— А если советники начнут подозревать?

— Если ты не в состоянии управлять своими советниками, тебе не стоит оставаться императором.

Тибальт усмехнулся:

— И в самом деле.

— Тогда, о чем мы должны беспокоиться, когда мы занимаемся любовью рядом с имперским домом советников? — жарко шепнула она, пробудив его мужскую силу.

После близости она оставила его утомленным и исчерпанным до дна. Пальцами он нежно касался ее черных волос, потом спустился вниз и провел по плечам, груди, обводя эти полные чаши и нежно массируя соски. Ее живот пульсировал в такт его движениям.

— Скажи мне, Айли, что ты знаешь о Стаффе кар Терма? Расскажи мне. Кто он? Что любит? Какие сведения о нем верны?

Она повернула голову, положив щеку на ладонь.

— Лорд Командующий? Я знаю не очень много. Он один из тех орешков, которые я хотела бы раскусить, мой император. Я считала, что у него был маленький пунктик относительно Миклена и Претора. Ха! Это было заблуждение. Несмотря на то, что они боялись его силы и прогнали его, они все-таки привлекали его к участию в делах. Дали ему корабль и отослали. Да, он убил Претора — того, кто фактически создал его таким, убил голыми руками.

Глаза ее затуманились, голос перешел в бормотание:

— Убил того, кто дал ему все. Хотелось бы знать мотивы, которые им двигали.

— Но ты же говорила с ним. У тебя должны были остаться какие-нибудь впечатления.— Тибальт представил себе Лорда Командующего — мертвые пустые серые глаза, жесткие черты, совершенно лишенные чувств... Смертоносная нечеловеческая крепость.

Она придвинулась поближе к нему в неярком свете.

— Я думаю, он самый очаровательный мужчина из всех, кого я знаю.

— Исключая присутствующих? — спросил он, понимая, как важен для него ответ.

Ее глаза встретились с его черными, бездонными и все понимающими:

— Включая присутствующих.

«Совершенно не имеет значения, что я делаю, что я ношу, как я пытаюсь управлять ситуацией, он всегда мне мешает. Это он, мой основной соперник, но как я себя ненавижу, когда так думаю. С каким бы удовольствием я бы вонзил энергетический кинжал в сердце Стаффы»,— подумал Тибальт.

Пристыженный такими мыслями, он крепко сжал челюсти. Его самолюбие страдало.

Наконец он проговорил:

— Я могу тебя за это убить.

— Не можешь,— ее прекрасное лицо оставалось ясным и спокойным.— Ты ценишь мою ловкость. Это во-первых. Во-вторых, тебя устраивает мое общество, потому что я единственный человек во всей Реганской империи, который ведет себя на равных с тобой и не пасует перед твоей властью. И тебе импонируют моя порядочность и искренность, разве не так?

Как все верно. Он мог ненавидеть их обоих — и Стаффу, и Айли, но он и нуждался в них, хотя понимал, что в один прекрасный день их нужно будет уничтожить. Цена не играет никакой роли. Залог силы — это действовать в одиночку. И Тибальт подумал: «Скорей всего, ты не ошибаешься, дорогая Айли. Скорей всего». Но я не хочу задерживаться на этом сейчас, моя горячая стервочка».

— Тогда скажи мне, что мы можем получить от Стаффы и Сеззы? — вслух спросил он.

Она потянулась, играя каждым мускулом, потом села, скрестив ноги. Помотала головой, раскидав волосы по белым плечам, затем положила подбородок на ладони и сказала:

— Он — наш ключ к будущему. С его помощью мы сможем контролировать весь Открытый Космос. А с таким контролем мы сможем даже накопить достаточно силы, чтобы бросить вызов Запретным Границам. Но, с другой стороны, если он будет сотрудничать с Сеззой, мы все потеряем. Нам не стоит заниматься подсчетами его ударных возможностей. Мы ничего не можем ему противопоставить.

Он кивнул с легкой отрыжкой:

— Я думаю точно так же.

Поразмыслив, Тибальт скрестил руки на животе:

— Слушай, у меня есть идея: мы сделаем замечательное предложение Лорду Командующему... и я хочу, чтобы ты его передала.

— Глава внутренней безопасности? — она отрицательно покачала головой, прекрасное лицо сморщилось, когда она задумалась.

«Могу я тебе доверять, Айли? Ага, вижу, как глазки у тебя заблестели! Похоже, ты нашла удобный случай! Боже, как ты прекрасна, моя цитеанская коброчка! Взрывоопасная мегера в постели, ты единственная из всех женщин достойна меня»,— подумал Тибальт.

— Почему бы и нет? — он равнодушно махнул рукой.— У меня есть на то причины, Айли. Как ты уже заметила, я доверяю твоей порядочности и искренности. Ты прекрасная женщина, он не должен заподозрить наши истинные намерения. Увидишь Стаффу. Сосватай его ко мне. Я знаю, каковы ставки. И я знаю, что поставлено на карту. Но я полностью полагаюсь на тебя. И мысленно: «Но я предприму и свои собственные шаги, моя сладенькая. И хотя это печалит меня, мне придется превратить тебя просто в орудие».

— И последняя причина, по которой я посылаю тебя, Айли.— Ее глаза сияли, и она широко улыбалась:

— Да, моя любовь?

— Ты единственная из всех сможешь перетянуть его на нашу сторону. Естественно, ты будешь представлять имперские власти. Будешь символом империи? Да, беспредельный кредит и символ власти. О, как замечательно. И как дьявольски иронично. И так же, как я ограничен своей властью, так и ты будешь привязана к своей, Айли. Ласкай её, носись с ней, моя сладкая любовь, до смерти!

Улыбка ее все ширилась, покрывая морщинками нежную кожу лица. Медленно обнажались белые зубы, и из груди вырвался смех:

— Мой господин, Тибальт. Ты сделал лучший выбор, чем думаешь. Стаффа кар Терма теперь мой!

— А ты теперь моя! — Тибальт согласно улыбнулся, проводя пальцами по ее восхитительной коже.

Стена позади Синклера взорвалась, его отбросило в узкую щель между обрушившимися стенами. Только инстинкт помогал ему ориентироваться в обстановке, пока мозг пребывал в ступоре. Натянутые нервы пронзительно звенели в ушах. Какими-то остатками чувств он слышал выстрелы Макрудера и Гретты. Чья-то рука коснулась его ноги, еле различимый голос звал его сквозь плотный туман, он почти не реагировал, когда чьи-то руки подняли его и поставили на ноги. Его непослушные ноги, казалось, двигались на одной воле.

— Что?— спросил он, удивляясь, как странно звучит его голос в таком тумане.— Что? Где мы? Что случилось?

Он помнил дверь, ступеньки, на которые он пытался взобраться

по темной, со сквозняком, лестнице перед распахнутой дверью. Он помнил, как его рвало, потом голова закружилась, и он упал... и падал долго-долго в бездонную пропасть.

Синклер очнулся, лежа в лабораторном морозильнике. Он не мог повернуть головы, потому что кто-то распилил его череп, чтобы добраться до мозга, но он знал, что рядом лежит его прекрасная мама, а с другой стороны — отец. Его тело сотрясалось в такт пиле, и он смотрел наверх — прямо в голубые глаза Анатолии Девиуры.

«Пок-БААМ!» Толчок и тучи пыли вырвали Синклера из его кошмарного серого сна. Сотрясение, о котором он во сне думал, шло из-под пола, на котором он лежал.

— Проклятье,— в память ворвался резкий мужской голос, пока Синклер пытался открыть заплывшие глаза. Звуки, похожие на рвущееся полотно, он определил как бластерные выстрелы: молекулы воздуха вступали в реакцию с частицами. Потом тишина.

Он потер глаза пальцами, заскорузлыми от крови, перевернулся, услышал скрипящий хруст под комбинезоном. Казалось, все кости были выдернуты из суставов. Тупая, неясная боль снова взорвалась яростными толчками в голове.

— О, Господи! — прошептал он.— Что это?

— Заткнись,— непонятно откуда резко сказал женский голос и пропал.

Он поморгал, пытаясь вернуть ясность зрению. Дождь падал через разрушенную наполовину крышу, поливал доски, каменную кладку, стекал на пол. Одно ухо не слышало. Тарга! Бомбежка, полет через Каспу, попытка найти своих, засада...

Как темно. Остатки его памяти подтолкнули взять ИР-визор. Он чуть было не упал, поймал фокус, но мир все равно оставался видимым наполовину. Он подергал визор и настроил изображение. Макрудер сидел возле разрушенного окна с бластером наизготовку, вглядываясь в темноту и дождь. Гретта охраняла вход, глядя вниз на ступеньки.

Мочевой пузырь Синклера сердито напоминал о себе.

Вспышка фиолетового света вырвалась со стороны лестницы и проскочила через разрушенную крышу. Синклер понял — это стреляют тарганцы. Гретта выжидала.

Он попытался проглотить ком в горле, ощутил, как во рту пересохло, снял фляжку с водой с пояса, потряс — пустая. И только сейчас он заметил, что его комбинезон в крови, кусочках металла, вплавившегося в материал,— да, скафандр спас ему жизнь.

Долго не раздумывая, он двинулся в глубину комнаты и помочился напротив уцелевшей стены. Бластер Макрудера выстрелил в темноту.

Синклер нашел более-менее приличную лужу и напился из нее. Песок заскрипел у него на зубах, на языке остался отвратительный вонючий привкус. Но все-таки спасительная влага оросила его пересохшее горло. Потом он лег на спину и подставил лицо каплям дождя, сеявшегося через пролом в крыше.

— Как себя чувствуешь? — спросил Макрудер равнодушным голосом.

— Будто меня пропустили через мясорубку,— ответил Синклер.— Каково наше положение?

— Подрались неплохо, как в последний раз. Но вообще-то скверно. Мы здесь, и они пока не смогут нас взять. Но если они подтянут тяжелые орудия, не думаю, что все будет длиться слишком долго. Что-то там внизу и вокруг движется.— Макрудер не отрывал глаз от противоположной стороны улицы.

— Они делали две попытки напасть,— добавила Гретта.— Я хорошо их проучила.

— Для чего эта башня? — спросил Синклер, разглядывая проломы в крыше через широкие трещины готового, казалось, вот-вот обрушиться потолка из переломанных балок.

Макрудер, не глядя, ответил:

— Это сторожевая вышка.— И продолжал крутить ручку настройки своего ИР-визора, время от времени смахивая с лица капли дождя.

Набежавшие с востока тучи мрачно громоздились прямо над головой, готовясь разразиться небывалым для этого времени года ливнем. Но пока еще просто шел дождь, то усиливающийся, то немного стихающий. Но, если все-таки разразится ливень, положение усложнится — попробуй разглядеть что-нибудь сквозь сплошную стену воды. Синклер подполз поближе к пролому, чтобы осмотреть и оценить позицию. Их башня находилась в центре блок-квартала У-образной формы. Потоки дождя, собираясь в ручейки, стекали по водостокам. Неподалеку два бетонных столба поддерживали колыхающееся под порывами ветра полотнище. На нем были крупно написаны номера коммов, по которым можно было связаться с оккупационными властями и получить разрешенную информацию.

Синклер спросил:

— Какими приборами ночного видения они пользуются? Активными или пассивными? — Он ощупал амуницию на поясном ремне и с тревогой убедился, что от снаряжения осталась едва половина.

— Пассивными. Подобием светового усилителя,— Макрудер хмыкнул,— техника не ахти какая, но нам от этого все равно мало радости.

Напряженно размышляя, Синклер спросил:

— Подобрали оставленные гранаты?

Макрудер удивился вопросу, но ответил:

— Одну. А зачем тебе?

Фист пожал плечами, разговаривать ему не хотелось, поэтому пояснил коротко:

— Хочу попробовать выбраться отсюда до того, как они подвезут большие орудия и размолотят нас.

Усмешка высветилась на измазанном лице Макрудера:

— Ты надорвешь свой пупок, солдатик. Но интересно, что же ты придумал?

Синклер сказал, как отмахнулся:

— Это из области простейшей физики.

Но Макрудер не отставал:

— Например?

Фист тряхнул головой, сообразив, что объяснить нужно — действовать-то придется вместе,— и пояснил:

— Хочу использовать силу тяжести, которая, надеюсь, еще функционирует. Мы только должны отвлечь их внимание и ослепить на тридцать секунд, по меньшей мере.

В голосе Макрудера прозвучала озабоченность:

— Да, я понял. Пассивное ночное видение... Я думаю, ты можешь позаимствовать сигнальные ракеты и у Гретты.

Издалека донесся глухой грохот — то ли раскаты грома, то ли гул канонады — разобрать было невозможно.Синклер перестал прислушиваться, еще раз проверил свое полууничтоженное снаряжение и чертыхнулся про себя. Потом, натыкаясь на обломки кирпича и мебели, подполз к Гретте Артине, которая, не отрываясь, наблюдала за лестницей.

— Мне нужны твои сигнальные ракеты и трос безопасности.

Гретта, не сводя глаз с лестницы, спросила:

— У тебя есть план? Слышала, как вы там шептались с Маком. Как себя чувствуешь? — она бегло глянула на него и опять уставилась на черную лестницу.

— Словами не могу описать, какое у меня отвратительное состояние,— шепнул Синклер, беря из ее рук предметы, которые она снимала с ремня.— Одно ухо, похоже, совсем не слышит. Думаю, задета барабанная перепонка. Я чувствую себя так, будто меня пропустили через мясорубку. Все болит.

Голос ее дрогнул:

— Ну, ничего. Послушай, выведи нас из этого ада, и я промассирую каждый дюйм твоего тела,— она подарила ему улыбку и подмигнула.

— Может, мы прямо сейчас и начнем? — попытался сострить он, тронутый вниманием Гретты.

Она обернулась:

— Прямо сейчас?

Синклер смутился:

— Ну, это я... Ты понимаешь, у меня не хватало времени ни на что, кроме занятий, и...— он повернулся и хотел уползти, но почувствовал ее руку у себя на плече.

В ее голосе звучало безмерное удивление:

— О, Господи! Так ты девственник?

Синклер всполошился:

— Шшшш! Кто-нибудь может услышать!

Гретта хохотнула:

— Ладно, поговорим об этом позже, ученый. Но ты мне нравишься. Давай работай. Если мы выберемся живыми, я лишу тебя девственности! — и шлепнула его по спине.

Его мускулы сопротивлялись тому, что он уползает от нее. А когда вернулся к Макрудеру, первое, что услышал, был вопрос, в котором звучало неподдельное изумление:

— Девственник, да?

Синклеру это уже начинало надоедать, он отмахнулся:

— Я? С чего ты взял? Подержи-ка это,— он подал один конец троса Макрудеру. «Она не должна была орать об этом на весь проклятый город!» Он сделал узел и привязал конец троса к одному из колец на своем ремне. Большой кусок цемента был достаточно тяжел, он обвязал его обрывком найденной проволоки и прицепил на крюк к поясу.

Макрудер внимательно следил за тем, что он делает.

— И что теперь?

Синклер нахмурился:

— Теперь я думаю, что я напрасно столько времени корпел над книгами, а не занимался спортом.

Нетерпеливо дернувшись, Макрудер спросил:

— Короче, что тебе нужно? Я выбивал шесть-сорок в игре в лиге.

— Я должен был догадаться. Швырни это и попади между теми столбами,— Синклер протянул ему обломок цемента, к которому был привязан крюк с тросом.

Макрудер сделал великолепный бросок. Кусок цемента перенес крюк, и он повис на проволоке, а трос натянулся. Теперь, если осторожно подтянуть крюк, то он может надежно зацепиться.

Макрудер проворчал:

— Надеюсь, не оборвется.

— Да, одно из двух,— согласился Синклер.— Готовься. Сними свой ИР-визор, потому что ослепнешь, когда я зажгу огонь. Ты понимаешь, что нам нужно делать дальше?

Вглядываясь в темноту, Макрудер пробормотал:

— Ну, да...

Синклер подполз к лестничному пролету, велел Гретте перебраться к Макрудеру и быть наготове. Набрав полную грудь воздуха, он поднял бластер и сделал серию выстрелов в черноту, несколько кусков стены разлетелись веером. Отложив бластер, помолился, чтобы не обвалилась сланцевая крыша, и швырнул гранату с пятнадцатисекундной задержкой взрыва. Потом открыл свой ИР-визор, выдернул сигнальный пистолет и на бегу выстрелил всеми ракетами в пролом на крыше.

Яркий свет заставил его прищуриться. Гретта поднялась, прыгнула и скользнула вниз по тросу. Макрудер крепко держал трос, тяжело дыша. Ракеты разливали вокруг яркий свет, который выхватывал из темноты бегущие по улице фигуры.

— Пошел! — он вытолкнул Макрудера наружу и ухватился за трос. Убедившись, что бластер хорошо привязан, прыгнул, ощущая жар в ладонях, скользящих по тросу.

Гретта подхватила Макрудера и толкнула на середину уцелевшей узкой кровли. Макрудер распластался, стараясь не соскользнуть. И тут сверху свалился Синклер. Едва его ноги коснулись кровли, в это самое мгновение взорвалась заброшенная Синклером на крышу башни граната. Вершина башни с грохотом развалилась, громадные обломки сланцевой черепицы рухнули

вниз, на улицу. Сердитые встревоженные крики и вопли огласили ночь. В долю секунды Синклер подхватил Гретту и Мака, и они втроем соскользнули клубком с мокрой кровли на изрытую взрывами землю. Бластерный огонь рвал ночь на куски. И в неверном свете фиолетовых вспышек Синклер заметил, что один из столбов, поддерживавших полотнище, вот-вот рухнет.

— Бежим! — Синклер зарычал, схватил Гретту за руку, и они рванулись с места. Позади грохотали шаги Макрудера, вполголоса ругавшегося на чем свет стоит. Синклеру показалось, что еще один шаг, и его голова взорвется, и тут истерзанные нервы рванула смертельная боль, и он потерял сознание.

Какой-то странный, на грани слышимости, звук настойчиво пробивался сквозь душную вату забытья, тело плавно покачивалось на ленивых волнах, и все это было удивительно приятно и одновременно тревожно. И, казалось, будет продолжаться вечно. И тут, как ключ в заржавленном замке, что-то скрежетнуло прямо над ухом, и еще мгновение назад ласковая волна злобно подбросила его тело и швырнула на острые камни. Синклер медленно приподнял веки и увидел склонившееся над ним лицо Гретты, бледно светившееся в темноте.

— Слава Богам,— облегченно вскрикнула Гретта, отпустив его плечо и, обернувшись в темноту, негромко проговорила: — Мак, ты слышишь, все в порядке, все в порядке. Синк пришел в себя.

Макрудер ответил из темноты:

— Пусть полежит пока. Работа начнется попозже.

Гретта, покопавшись в санитарной сумке, вытащила шприц-ампулу и быстро закатала рукав на левой руке Синклера.

Двойная доза стимулятора подействовала почти мгновенно. Во всяком случае через минуту Синклер почувствовал себя полным сил, голова прояснилась, мысль заработала четко. Он был готов к любой неожиданности. И теперь оставалось только ждать.

С рассветом тучи, так и не разразившиеся ливнем, понемногу уползли за горизонт, небо окрасилось в серый цвет, слабый свет едва проникал в их убежище. Дрожа от холода, они выжидали, лежа на животах за высокой грудой битого кирпича.

— Ты уверен, что они нас не обнаружат? — спросила Гретта. Ее лицо было покрыто грязью, полоски пота прочертили светлые бороздки, пыльные волосы были взлохмачены.

— Не уверен,— хмуро отозвался Синклер,— но шанс все-таки есть. Во всяком случае не сразу.

— Подождем дня два,— предположил Макрудер,— потом эти ублюдки наверняка нанесут удар.

— У меня нет зарядов для винтовки,— обеспокоенно сказала Гретта.

— У меня тоже кончаются,— Макрудер порылся в карманах,— так, за мной три-четыре выстрела.

Гретта насторожилась, выглянула из-за укрытия:

— Мак, ты рассчитывал на два дня? Не думаю, что мы продержимся хоть два часа. Нас заметили.

— Да, теперь начинаются проблемы,— Синклер одереве-

вевшими пальцами нащупал свой бластер, заметив толпу людей, скапливавшихся в руинах здания напротив. Его первый же выстрел оторвал одному из врагов ногу. Остальные тенями метнулись назад, затаившись за нагромождениями обрушенных стен. Наступило краткое тревожное затишье.

Гретта неуверенно прошептала:

— Может, уйдут? Они ведь не знают, сколько нас здесь. А, Синклер?

Макрудер выругался:

— Не уйдут. Хотя и для них и для нас так было бы лучше.

Синклер предупредил:

— Мак, внимание!

И вовремя — из-за угла высунулась рука с гранатой. Макрудер выстрелил, в ответ раздался вопль, а через мгновение откатившаяся граната взорвалась, взметнув тучу обломков. Макрудер хотел перезарядить бластер и чертыхнулся:

— Все, патроны кончились.

Синклер прорычал:

— Я буду убивать их пока смогу. Не будет патронов, — зубами.

Гретта притихла, а Макрудер вдруг, откашлявшись, проговорил с неожиданным смущением:

— Эй, Синк... Я знаю, что принес тебе много неприятностей... Ну, ты понимаешь, я посмеивался сдуру... Я имею в виду, что твои книги помогли нам выжить. Пока, во всяком случае... В общем, спасибо, дружище.

Гретта с гримаской добавила:

— Вызволи нас живыми отсюда, и я клянусь, зацелую тебя до смерти!

Макрудер мрачно рассмеялся:

— До смерти не надо. За тебя это вполне могут сделать наши враги, и куда скорее.

— Да ладно вам, следите лучше за улицей и вон теми развалинами,— Синклер резко прицелился — мелькнувшая на мгновение в проломе стены фигура рухнула. В ответ раздалась беспорядочная стрельба. И тут что-то щелкнуло в его мозгу. Он должен что-то вспомнить...— Синклер мучительно напрягся.

— Мак! У тебя есть сигнальная ракета? — внезапная мысль обожгла его. Да, точно, только так! Это единственный шанс, который даст им хоть и слабую, но надежду.

Макрудер откликнулся:

— Вот.

Синклер нащупал тонкий цилиндр ракеты, которую Макрудер совал ему в руку. Вокруг, освещая рваным пламенем дымящиеся руины, вспыхивали бластерные выстрелы, резкий треск импульсных пистолетов не умолкал.

Синклер вставил конец ракеты в раструб бластера и выстрелил в крышу башни, вернее, в нагромождение балок и стропил, оставшихся от крыши. Черный дым с языками желтого пламени мгновенно охватил груду сухой древесины и столбом взметнулся в ночное небо, рассыпаясь искрами и горящими головешками.

— Ну все, теперь нам больше ничего не остается делать, как ждать,— безразлично проговорил Синклер.

Он убил еще двоих, но круг неумолимо сжимался. Бластерный удар попал в его шлем, и его контузило. Макрудер и Гретта готовились к рукопашной, достав десантные энергетические кинжалы.

Крыша подпрыгнула от громоподобного взрыва. Так много орудий? Для чего? Против трех безоружных десантников?

Раздался человеческий крик. Крыша снова подпрыгнула. Готовый умереть, Синклер закрыл глаза и тяжело вздохнул. Потом зарычал от бешенства и встал. Покачиваясь на неверных ногах, он стрелял из бластера, а вокруг сжималось кольцо людей в дыму. Огромный кусок крыши откололся от удара бластером и упал. Синклер продолжал нажимать на курок, не соображая, что зарядов нет. И тут рядом остановилась патрульная машина. Он повернулся к ней, давя изо всех сил на спусковой крючок, но Макрудер толкнул его и повалил навзничь, крича в его здоровое ухо:

— Это наши! Синк, они на нашей стороне! Они увидели дым и решили проверить!

Итреатические Астероиды: ничего кроме беспорядочных скал, которые когда-то биллионы лет назад составляли планету. Никто не знает, сохранились ли записи первых ученых-людей, которые прибыли на Итреатические Астероиды. Они поразились такой компактности и концентрации металлов, определили точнейшим образом, какие гравитационные силы раскололи гигантскую планету-праматерь на части и разметали ее на далекие расстояния, смешав с внезапно ставшими бездомными лунами. Теперь Итреатические Астероиды представляли собой гигантское скопление пыли и осколков, вращающихся вокруг Твин Титанз — системы бинарных звезд-пульсаров, типа Лиры. Земляне обследовали солнца и выяснили, что по спектральному анализу они мало содержат металлов, сравнительно с астероидным поясом,— составили заметки и пропали, исчезли в искривлении времени и пространства.

Голубые гиганты продолжали излучать бесконечный свет и радиацию, которых вполне хватало в качестве источника энергии и для поддержания колонии на Итреатических Астероидах. Колонии находились на громадинах, богатых металлами, и на усеянных кратерами свободно парящих спутниках. Вот сюда и прибыл Стаффа кар Терма. Владея такими богатствами, он смог нанять инженеров, техников, приобрести оборудование и построить колонию. С помощью системы зеркал собирали и конденсировали активный свет фиолетовых и ультрафиолетовых частей спектра Твин Титанз, плавили и выплавляли самые, пожалуй, лучшие в Открытом космосе лигатуры. Его лаборатории разработали эпитаксильные материалы и нанотехнологию для получения сверхпроводников из оксида таллия, усовершенствованных так, что никто в Открытом космосе не смог бы воспроизвести и скопировать их. И только в лабораториях Стаффы производили единственные в своем роде Н-фацетные составные части для компьютера из арсенида галлия.

В этот отдаленный уголок Свободного Космоса — стратегически хорошо защищенный с трех сторон Запретными Границами — Лорд Командующий привел свой флот на отдых. Частные владения Стаффы — Итреатические Астероиды превратились в неприступную крепость.

Стаффа сидел в командном кресле, наблюдая за «Кислой», которая как-то странно выпрямляла пространство возле военного корабля. Впереди появились Твин Титанз, долгожданный маяк, светила, утишающие страдания и изгоняющие сомнения, которыми Претор обременил Стаффу. Это бремя продолжало терзать его, а разум метался в поисках равновесия. Усталость непосильным грузом давила на душу. Там, где раньше все было ясно, теперь поселилось чувство неизбывной вины и подавленности, причем, казалось, навсегда. И вдруг через несколько часов его внезапно охватывала головокружительная вспышка надежды, которая так же внезапно угасала. Так отражались на состоянии его духа сбои нейронных связей и химических кодов.

«Я мог бы контролировать себя с помощью лекарств или наркотиков, но что потом будет со мной? Неужели я всего лишь машина-монстр? Может, мой сын жив? Что я могу ему дать?»

Он повернулся к экранам, чтобы увидеть остальной флот, включая «Мистрес», медленно появляющийся в пространстве позади флагманского корабля.

Было бы неплохо отдохнуть. Миклениапская кампания, занявшая краткие мгновения, утомила до предела всех и каждого из команды Стаффы.

— Первый офицер, привести в боевую готовность мониторы,— Стаффа ссутулился в кресле, опершись локтем на собственное колено. Он видел первого офицера Линнет Хельмут, откинувшуюся в коммутаторном кресле с закрытыми глазами, в состоянии полутранса ментальной связи с компьютером корабля.

Она не произнесла ни слова, но ее голос Стаффа слышал из коммуникатора. Точно так же и она внимала голосу Стаффы из адаптера.

Через мгновение Линнет отрапортовала:

— Мониторы приведены в готовность, Лорд Командующий. Торможение начато при 40 «ж». Идет последовательный сброс Дельта В. Держим 001 по ретрансляционному курсу. Мониторы дают зеленый свет по направлению к дому и счастливому возвращению.

— Принято, первый офицер. Мои поздравления.— Стаффа коснулся щеки, на которой начала появляться щетина. Сколько же прошло с тех пор, как он носил бороду? Лет тридцать? Или больше? Время научило его тому, что память подобна калейдоскопу событий, мест и борьбы, преодолений всяческих затруднений и преград. Жизнь его так и складывалась, за исключением того времени, когда он был с Кислой и совсем немного со своим сыном.

Время — неумолимый противник и величайший союзник. Растущая борода напомнила ему, что он снова нуждается в лечении от разрушительного воздействия времени, грозящего превратить его в стареющего не по дням, а по часам.

В медицинских отсеках лабораторий на Итреатических Астероидах большие Н-матриксные компьютеры хранили личный код его тела. С его помощью получали гормоны роста, которые вводили в кровь. Отличная с генетической точки зрения полимераза УП могла быть использована вместе с ионизирующими мутантными антигенами против злокачественных клеток и для восстановления мутировавших участков ДНК. Идентификационная программа могла выделить из его кровяной сыворотки любые новые антигены, определить, полезны они или вредны, и клонировать антитела для удаления вредных нежелательных элементов из его организма. Подобные процедуры помогали ему выглядеть здоровым тридцатилетним мужчиной — несмотря на 87-летний возраст и постоянное пребывание в космосе.

Он с отсутствующим видом пощипал щетину на подбородке и щеках. Бессмертие предполагает, что у жизни есть цель, предназначение. Что, в свою очередь, допускает существование такого предположения: продолжать жить — развивать эту цель. Согласовываясь с подобными утверждениями, как могло получиться, что он, живущий индивидуум, чего-то в ней, в этой жизни, не понимает? Может, жизнь — это простое выживание, и таково основное ее назначение?

Он зажмурился и покачал головой: «Претор, я...»

Потом он поднялся на ноги, серая мантия закружилась вокруг него.

— Первый офицер, прими управление. Я буду у себя, если понадоблюсь.

— Принято, Лорд Командующий,— ответил ровным тоном коммуникатор.

Стаффа отключил комм.

Он решил пройтись до свой каюты пешком и подумать. На кого похож его сын? Хорошо, если бы он был так же красив, как Крисла. С ее мерцающими янтарными глазами. А может, его сын похож на него? Рослый, сильный, с проницательным умом? Или он такой же живой труп, как я, такой же холодный и бездушный?

«Стаффа, что с тобой происходит?» Он вздохнул, пожав плечами.

Погруженный в свои мысли, он не заметил Скайлу, которая выходила из гимнастического зала.

— С тобой все в порядке? — спросила она его, внимательно разглядывая.

— Я решал серьезнейшие вопросы.

Скайла приподняла бровь:

— Например, какие?

Он тяжко вздохнул и пристально посмотрел в хрустальные омуты ее голубых глаз. В голове мелькали обрывки недавних видений. Он продолжал колебаться.

— Стаффа, ты сам не свой эти дни. Это меня очень беспокоит. Одну минуту ты искришься энергией, в следующую ты погружаешься в пучину депрессии. Ты, конечно, хорошо это скрываешь, но я неплохо изучила тебя, знаю о чем ты думаешь. Ты не хочешь мне

рассказать, что тебя угнетает, какие мысли тебя грызут? — Видя его нежелание отвечать, она с тревогой покачала головой.— Послушай, но если ты не хочешь говорить со мной, то кому-то можешь все рассказать? И кроме того, если так будет продолжаться, то я не знаю, как это отразится на команде, я беспокоюсь.

— Скайла, ты никогда не думала, зачем мы здесь? — Он остановился перед дверью в свою каюту.— Неужели мы просто случайность? Просто полипептидные звенья цепи, связанные между собой? Откуда мы пришли? Почему мы выглядим именно так? Какому предназначению служит то, что мы рождаемся, растем, учимся, боремся, воспроизводимся и в конце концов умираем? Неужели мы существуем только для того, чтобы дать жизнь следующему поколению? И все? — Он повернул ручку и пригласил ее войти.

— Конечно, думала. Но я знаю, что никогда не найду ответа на эти вопросы. Это для людей типа Седди, полагаю.

Он повернулся к ней:

— Но я не могу больше спать! Он потряс головой.— Я не могу сосредоточиться, не могу думать. Весь порядок в моем мозгу... его нет, он превратился в хаос. У меня бывают приступы паники без видимой причины. Я начинаю обильно потеть, задыхаюсь. У меня кружится голова и появляется давящая боль в груди. Я страдаю от клинической депрессии. Да, и ты права. Мои командирские способности под большим сомнением.

Она остановилась, печально глядя на него тревожными глазами, насупив брови:

— Стаффа, ты стал другим после Миклена. Сезза и Рега на грани войны. Ты должен хорошо подумать о своем состоянии. Медикаментами ты можешь контролировать те чувства, которые ты испытываешь. Но нужно гораздо больше. Претор что-то сделал с тобой, сказал что-то, ведь так?

Стаффа кивнул:

— Скорей всего последнее, Скайла.

— Черт возьми, я была права! — Она пожала плечами и спокойно продолжила: — Я мало знаю о физиологической психологии. Но когда мы вернемся, надеюсь, ты что-нибудь предпримешь, чтоб сохранить свой мозг в равновесии? Я очень беспокоюсь о тебе. Я считаю тебя... в общем, ты у меня единственный друг.

«Что это с ней? Что заставляет ее так болезненно кривить лицо? Боже мой, она действительно обеспокоена». Такая мысль лишила его равновесия. Защищаясь, он отвел глаза.

Она стояла в молчаливом ожидании. Он нервно потер ладони, сложил их вместе и повернулся к ней:

— Я... мне мерещатся странные вещи. Ты понимаешь, старый человек поместил черный ящик в мой разум. Очень давно я обнаружил ментальные мины-ловушки, которые он в меня заложил. Введенная в психику защелка срабатывает на кодированный сигнал и внезапно лишает меня уверенности, или

я принимаю мгновенные решения, приносящие вред. Один за одним я нейтрализовал их. Ладно! Я вижу ответ в твоих глазах. Хорошо, я обращусь в психиатрический центр за рецептом.

Скайла облегченно вздохнула:

— Теперь я понимаю, почему ты убил его.

Стаффа деланно удивился:

— Да ну? Тогда, может, у тебя есть ответы на вопросы, которые я задавал в коридоре, Скайла? Есть ли цель в такой жизни, какую мы ведем? Неужели мы ничего больше не делаем, кроме как производим потомство, занимаемся метаболизмом и выживаем?

Она остановилась посреди ковра, скрестив на груди руки.

— Всю свою жизнь, до того как пошла работать к Компаньонам, я всегда должна была бороться, чтобы выжить. Для меня выжить означало все. Я пыталась не волноваться о наполненном брюхе, о теплой и безопасной постели и о целости своей шкуры. Но если кого-нибудь должны были убить, я старалась, чтобы то была не я. А что еще важнее этого?

— Не знаю. Может, я как раз и пытаюсь найти.— Он подозрительно посмотрел на нее.— У тебя что, никого не было, когда ты была ребенком... ну, семья, мать, которая носила тебя на руках? Родственники?

Она горько усмехнулась:

— О, да! Конечно! Моя мать была проституткой. Она умерла, когда мне было четыре. Или пять? Я перебивалась случайными, поденными работами, пока мне не исполнилось двенадцать. Вот тогда меня продали, несмотря на то, что я была свободной. Каким знатным и благородным был Страйкер! Даже после той жизни, которую я вела, я была не готова для него. Он купил меня, лишил меня девственности и использовал как... Ладно, это не имеет значения. Черт с ним. Он никогда не оставлял энергетический кинжал в пределах моей досягаемости. Я думала, что смерть будет избавлением от того, что они со мной сделали... Но, благодаренье Богу, я попала на улицу и потому выжила. Я бежала от них. Днем я пряталась, ночью мчалась прочь от полиции, которая вылавливала рабов, и от доносчиков. Так я приобрела навыки убийцы и террориста. Я была молодая, хорошенькая. Никто не мог поверить, что такое невинное создание, как я, могло представлять угрозу. Мне было очень холодно, голодно, и я вся покрылась шрамами. Однажды я встретила одного из Компаньонов, который прогуливался на главной авеню.

Она улыбнулась, выражение лица смягчилось:

— О, Стаффа, как я восхищалась этой сверкающей формой, тем, как все эти свиньи расступались перед ним. Даже полицейские — копы — отдавали ему честь и уступали дорогу.— Она наклонила голову, и бело-золотистые волосы свесились на одну сторону.— Это был старый Мак Райли, который искал лучший публичный дом, как всегда.

— Я принял тебя по его рекомендации или как-то еще, не помню? — Стаффа припомнил Райли, величайшего скандалиста и завсегдатая баров.

Скайла напомнила:

— Ты срезал кошелек с его пояса и вернул ему. Сказал ему, что кем бы он ни был, ему сгодятся мои услуги.

— И он немедленно попытался уложить тебя в постель!

— В чем никогда так и не преуспел,— она озорно улыбнулась, глаза ее ярко блеснули.— Если женщина желает добиться успеха, она никогда не ляжет в постель с мужчиной, чьего расположения она уже добилась. Женщина все всегда делает лучше любого мужчины. Там, где мужчина будет работать четыре часа, женщина будет работать восемь.

— Тебе за это платили. Ты добилась своего.— Он потрогал трофей, висящий на стене: — Я поставил на тебя. Я знал, что у тебя верные инстинкты для коммандос. Но у тебя есть совесть, Скайла? Тебя не преследовали мысли о том, что мы натворили? Тебя никогда не смущало то, сколько крови на твоих руках?

Она изучала его, поджав губы:

— Я всегда поддерживала твои стремления, они были для меня законом. В прошлом были моменты, когда я не могла постичь твою логику, но потом смысл раскрывался, я видела за ней стратегию. К слову сказать, я не вижу другого пути объединения человечества, кроме войны.

Стаффа усмехнулся:

— Приговор справедливости можно прочесть в твоих глазах.

— Я никогда не думала, что ты увлекаешься телеологическими этиками. Неужели седдинские мистики завлекли тебя? Может, ты поэтому стал задавать такие вопросы?

Он опустился на малиновую кушетку.

— Загадочные Седди. Ключ к приблизительному местонахождению моего сына. Но как мне войти в контакт с ними? Как я могу просить их — их, которые пытались убить меня все эти годы, о помощи?

Она напряглась, вытянув ноги, обдумывая слова, прежде чем сказать:

— Я знала одного старика. В то время, когда он боролся за свою жизнь, так же как я. Мы встретились с ним в подземелье, где было много всякого преступного отребья. Бандиты хотели его убить, потому что он был Седди. Власти гонялись за ним, потому что не любили радикалов, особенно, если они проповедовали людям свободу. Однажды полицейские поймали его, выстрелили в него, но слабым зарядом. Я унесла его и ухаживала за ним, пока он не умер. Он говорил мне такие вещи, в которые я не поверила. О том, как они говорят с существами из света и задают вопросы лично Богу. Я помню, как он, истекающий кровью, говорил мне, что жизнь — это иллюзия. Только сейчас он реально существует, полностью связанный с квантовой природой. Согласно Седди, кванты — отражение мыслей Бога, наполняющих Вселенную. Бог существует в вечном «сейчас»— и время не играет никакой роли. Я считала это бредом: он был рассечен почти надвое, и это не было иллюзией. Он что-то еще бормотал о квантах и хаосе и как они представляют Бога... Что случилось, Стаффа?

Он едва слышал ее, слова Скайлы медленно кружили вокруг его мысленных видений Тарги и Седди. «Я должен пойти один. Найти Седди сам. Любой другой путь будет гибельным. И за время пути я должен научиться обращаться со своим новым «Я» и научиться быть человеком».

— Стаффа? — окликнула Скайла, но он не ответил, погруженный в свои мысли.

Скайла отодвинулась от комма и постучала длинными пальцами по столу. Она находилась в своей личной каюте, где принимала ежедневные рапорты. К ней обращались с необычно большим количеством просьб. Проклятье, почему Стаффа ни о чем не заботится?

Она сердито уставилась на монитор, потом одобрила все проекты и приняла все рапорты один за другим. Это были обязанности Стаффы, отнюдь не ее. Безобразие! Ментальные ловушки? Депрессия? Условная память? Расшатавшиеся нервы? Как это сочетается со способностями Стаффы командовать Компаньонами?

«Он проведет нас через трудности. Он всегда находился... и даже в более тяжелых условиях, чем сейчас, в более сильном стрессовом положении». Так Скайла пыталась успокоить себя, однако ноющая тревога не покидала ее.

Она отпечатала приказ дать больше информации по материалам, представленным Тэпом Амуркой, и отключила систему. Поднявшись, походила несколько секунд, прежде чем спросила у комнатного комма:

— Комм, нужен отдел безопасности. Где в данный момент находится Стаффа?

Ответ прозвучал немедленно:

— В обзорном куполе А-6.

Скайла крутанулась на каблуках и порывисто шагнула к двери. Она испытывала некоторое беспокойство, пока размашисто шагала по коридору. Встречные, читая выражение ее глаз, немедленно исчезали.

Она проскочила в лифт, нажала нужные кнопки и встала, скрестив на груди руки, постукивая носком, пока лифт мчал ее по комплексу. Озабоченность поведением Стаффы притупила острый приступ гнева, овладевший ею. «Пропади он пропадом, нашел самое время чудить! Почему я о нем так беспокоюсь? Наверное, потому что тогда, на «Кресле», я назвала его другом. И еще потому, что ты не можешь просто наблюдать за ним, тебе нужно действовать».

Скайла стремительно пронеслась в обзорный купол и обнаружила Стаффу сидящим на скамье и пристально смотревшим на Твин Титанз, которые вращались один возле другого в вечном танце. Яркий свет образовывал двойные тени на вогнутой белой стене. Тихонько она проскользнула к нему, встала немного сбоку, внимательно изучая выражение его лица. Он, казалось, не замечал ее, полностью погруженный в собственные мысли.

— Стаффа!

Он поднял глаза, взгляд его прояснился:

— Да?

Скайла потрогала затылок и подергала себя за косу — она пребывала в сильном волнении.

— Я приняла все ежедневные рапорты. А также проверила медицинские записи. Ты далеко не псих. Но все еще продолжаешь считать себя маньяком с депрессивным психозом?

Он рассмеялся на это:

— Да, я так думаю. Но вообще-то, я пытаюсь найти к себе, новому, подход. Я изучаю себя. И задаю вопрос: что же я собой представляю?

— Что? — Скайла подумала: — «Черт возьми, что происходит с его старой надменностью?» Неумолимое предчувствие беды обуревало Скайлу. «Ему нужно время. Он придет в себя. Нельзя его подталкивать... не сейчас».

— Я хочу знать, какие они, люди, на самом деле? — Стаффа покачал головой, нахмурив брови.— Я имею в виду настоящих людей.

Скайла попробовала пошутить:

— А что, по-твоему, Компаньоны — это галлюцинация? Когда я видела Арка последний раз, он выглядел чертовски настоящим.

— Но я имею в виду людей там,— он показал рукой в Открытый Космос.— Ты знаешь, когда-нибудь кончится наша власть над ними. И ты достаточно проницательна, чтобы понимать, какие у меня конечные цели. Но какие они, люди? На что похожи? Ты знала их. Я нет. Я всю жизнь жил в коконе. На Миклене меня постоянно сопровождали. У меня были дела только с избранными, с элитой: учеными, генералами, правительственными советниками. У меня никогда не было друзей моего возраста.

— А когда Претор вытащил тебя с планеты? Не был ли ты тогда самим собой?

Стаффа пожал плечами:

— И что из этого? Даже тогда я был с телохранителями, которые оберегали меня от неприятностей. Да, мы немного занимались пиратством. Но ты думаешь, что я тогда имел дело с реальными людьми? Я тогда был просто вооруженный грабитель. Я держал свою жертву на мушке, и у нее обычно не было праздничного настроения. А когда я начал собирать Компаньонов? Я все равно оставался чужаком, всегда в стороне. Единственное, о чем я беспокоился, кто они были на самом деле. Мне тогда пришлось по одному избавиться от телохранителей Претора, по совершенно очевидным причинам, и заменить их моими собственными. За всю мою жизнь я ни разу не прошел один по улице.

Скайла посмотрела на него тяжелым взглядом. «Да, не прошел. Они разыщут тебя в секунды».

Стаффа что-то пробормотал себе под нос и вслух добавил:

— У нас с тобой разные мысли на этот счет. Какая разница, с кем иметь дело: с Тибальтом или с Ромой? Это только переговоры. А будь они буханкой хлеба... Люди все мыслят в одном направле-

нии — все, будь это простой человек, монарх или нищий.

Скайла села напротив него, взяла его руки в свои.

— Послушай,— она ласково посмотрела на него голубыми глазами.— Я была там. Это... Стаффа, я не могу объяснить. Я догадываюсь, что все это уже было, но это непохоже на деловые отношения с Сеззой и Богом-императором. Правила совсем другие.

Стаффа кивнул, но она не была уверена, что он ее слышит.

— Но люди... доверяют, верят, правда? Я видела людей, которые делали это без постоянной... Я догадываюсь, но не могу сказать, не знаю как.

Стаффа задумчиво проговорил:

— Я думаю, что понимаю. Ты такая же, как все Компаньоны. У них свой код поведения — дележка ценностей. Да, и конечно, доверие. Среди Компаньонов царит забота о самих себе, основанная на взаимной зависимости. Люди там, они такие же, но все же нужно знать правила игры.

Она помолчала и спросила:

— Стаффа, а что из этого следует?

Он посмотрел сквозь нее, думая о чем-то своем: «Моя ахиллесова пята».

— Что?

Он отсутствующе посмотрел на нее:

— Ничего.

— Крисла?

Щемящая тоска и боль в его глазах пронзили ее:

— Крисла мертва.

Скайла прошептала:

— Ты не можешь быть уверен в этом.

Хрипло он пробормотал:

— Я думаю, что могу. Источник был очень верный. Он нахмурился.— Ты знаешь, как долго я искал ее, и мне это надоело. Я будто разделен надвое... но внутри только пустота, там, где раньше была она.

Сердце Скайлы подпрыгнуло, и она нежно сказала:

— Двадцать лет — очень большой срок. А что слышно о твоем сыне?

Он посмотрел на нее, сталь по-старому блеснула в его глазах:

— Я собираюсь найти его. Так или иначе, я клянусь найти его.

— Мы найдем его.— Она очень желала этого.

Лицо Стаффы окаменело.

— Ты возьмешь на себя ответственность за Компаньонов. Ты можешь это сделать?

«Хорошо. В конце концов ты уверен не на все сто. Это все облегчает»,— подумала Скайла. Вслух же сказала:

— Конечно. Мы привезем сюда лучших специалистов в области психологии. Они выяснят, в чем состояла игра Претора. Остальным я займусь сама. Если у меня что-то не будет получаться, то пошлю за помощью на Ташу, и подумала: «Я просмотрю ту кассету, которая из госпиталя, я заставлю тебя сдаться и подчиниться».

Кривая улыбка тронула его губы.

— Хорошо. Я знал, что могу рассчитывать на тебя.

— Как всегда, Стаффа.

Скайла подумала: «Любыми путями я постараюсь узнать, что именно сделал с тобой Претор, даже если мне придется перевернуть весь мир».

Когда Синклер открыл глаза, то сразу ничего не мог разобрать в комнате. Он помигал, пытаясь восстановить зрение, и обнаружил, себя в реабилитационной медицинской палате. Все части его тела покалывало, будто через него пропускали электрический ток. Большую часть поля зрения занимала белая машина, но потолок над головой был выкрашен в тошнотворный зеленый цвет. Своим здоровым ухом он слышал мягкое бормотанье голосов и периодическое звяканье металла. Кусок ваты был вставлен в другое.

Со стороны раздался знакомый голос:

— Они говорят, что ты должен сейчас прийти в себя.

— Гретта? — Он повернул голову и увидел ее, стоящую позади машины, с улыбкой облегчения. Да, она выглядела гораздо лучше, чем ему помнилось. Волосы, вымытые до блеска, подчеркивали хрустальный блеск ее голубых глаз. Кожа дышала здоровьем, облегающая форма не скрывала ее великолепную атлетическую фигурку.

Гретта рассмеялась:

— Она самая. Я пришла навестить тебя. Мак или в дивизионном штабе или должен быть где-то здесь.

Синклер вздохнул и попытался не обращать внимания на то, что забавным образом происходило с интимной частью его тела. Общее ощущение от всего тела — оцепенелость. Если он пытался двигать рукой или ногой, то ничего не получалось. Может, анестезия? Или... Он занервничал, когда спросил:

— А что... Я имею в виду, со мной все нормально? Все...

Она ухмыльнулась, глазки заблестели.

— С тобой все прекрасно. Все в порядке с твоим телом — все функционирует.

Потом она стала серьезнее.

— Хочу тебе сказать, что у нас с тобой свидание.

Синклер удивился:

— А как же Мак и ты?

Она подняла ладонь и отбросила длинные волосы назад.

— Мак и я, мы всего лишь друзья, Синк. И надеюсь всегда будем. Мы так много пережили вместе.

Она наклонилась и погладила лоб Синклера.

— Хочешь, чтоб я была честной?

Синклер с подозрением уставился на нее.

— Конечно. Вообще-то, я не понимаю, о чем ты говоришь?

К его удовольствию, она продолжала гладить его лоб. Ее пальцы несли нежную прохладу.

— Синк, мой отец бюрократ низшего уровня на Аштане. До своей смерти он будет работать и стараться занять место чиновника

среднего уровня.— Она нахмурилась.— Я догадываюсь, что ты можешь сказать: он должен использовать все нововведения, подниматься вверх по лестнице, использовать любую благоприятную возможность. Мак такой же. Как мой отец. Он работает, но он останется только лейтенантом.— Она изучала его холодными голубыми глазами.— А мне нужно больше.

Синклер очень хотел пошевелиться, но, к сожалению, машина полностью отключила его тело, поместив как куколку в кокон. Но это не мешало ему задавать дурацкие вопросы:

— Почему я? Ты красивая женщина. Можешь окрутить любого, кого захочешь!

Она посопела и покачала головой.

— Может, и могу. Наверно, ты понимаешь, почему женщина может захотеть взять в партнеры мужчину? Ты мне нравишься. Ты заставил меня думать. Я вижу в твоих глазах глубину, которую ни в одних мужских глазах я не читала. Я думаю, ты добрый, сильный, а потому очень привлекательный. Ты сможешь дать мне все, что я хочу от жизни, и я думаю, что и я смогу дать тебе много взамен. В конце концов я просто хочу воспользоваться подвернувшимся случаем.

Синклер прищурился:

— Ты говоришь такими холодными словами и все только подсчитываешь, будто ты покупаешь дом или что-то еще.

Она усмехнулась, и ямочки появились на щеках:

— Даю работу твоему уму: что еще девушке остается делать? Я проверила весь арсенал своих возможностей, подвела глаза, покачала бедрами, и после того, что мы пережили, я выяснила, что нежной и хрупкой женщине нужна защита, и в конце концов, я могу себе позволить говорить глупости, как ты думаешь?

Синклер вспомнил, как он воспринимал Гретту там, на лестнице. Он также легко вспомнил ее перепачканное лицо с потеками от пота и то, как она профессионально уничтожала противника.

Гретта сложила на груди руки, оперлась на реабилитационную машину и принялась его рассматривать.

— Кроме того, не думай, что я делаю тебе предложение. Мы столько пережили вместе — Таргу... Мы должны были выжить. Второе. Я должна тебя узнать. И третье. Кто такая Анатолия?

Синклер поперхнулся:

— Хах? Как ты могла узнать про нее?

Гретта подняла брови:

— Ты говорил о ней во сне.

Он почувствовал себя пристыженным.

— Я видел ее только один раз. Она занимается генетикой поведения на Реге.

— И ты дал ей образец своих тканей?

— Да.

— Я думала, ты девственник.

Синклер залился краской:

— Не этот тип образца!

— Вы занимались любовью с ней?

— НЕТ! «Или да? — пронеслось у него в голове. А если так, то любовью с чем? Образы из сна?»

Гретта поморщилась и наклонилась, чтобы поцеловать его в лоб.

— Я должна вернуться в казарму. Скажу Маку, что ты в полном порядке. Я говорила с врачами. Они считают, что ты пробудешь здесь неделю или чуть больше.— Помолчала и добавила: — До скорого... партнер.

Взмахнув волосами, она исчезла за выпуклым боком машины.

— Это правда? — спросил грубый мужской голос.

— А? — Синклер посмотрел вверх и увидел плотного человека в машине позади него.

— Вы в самом деле девственник?

— Проклятье! — Синклер покраснел и хотел провалиться от стыда в глубины своей машины.

Стаффа скользнул в командирское кресло курьерского судна и посмотрел на экран, который занимал верхние панели. Зеленый свет освещал каждую систему. Сигналы показывали, что судно готово к выходу в космос. Стаффа включил реакторы.

Курьерское судно состояло из кокпита, грузового отсека, туалета, койки и кухни со складным столом для приготовления еды. Кабина располагалась в самом конце полукилометровой трубы впереди двигателей. Позади наклонного, обтекаемого корпуса были помещены два термоядерных реактора, а ниже — баки с водородным топливом по обеим сторонам нуль-сингуляторного генератора. Курьерское судно было оснащено приспособлениями, поддерживающими систему жизнеобеспечения и обеспечивающими минимум защиты — только от дальнобойного обстрела и от метеоритов.

Стаффа включил монитор грузового отсека по своей давней привычке к осторожности. Под тюками вермилионского экспортного полотна вырисовывалась неясная фигура большого человека. Чтобы его освободить от прочных ремней, понадобился бы энергетический нож. Опытный глаз Стаффы сразу определил, что «пассажир» под наркотиками, и дозы, которую он хватил, достаточно, чтоб он мирно спал до прибытия в порт. Стаффа помнил путь от Этарии до Тарги еще с тех пор, когда занимался контрабандой и грабежами курьерских судов на вольных просторах Космоса.

Стаффа немного поколебался, мрачные предчувствия одолевали его. Он представил, в какой панике будет Скайла, когда обнаружит, что он исчез. Потом она, конечно, найдет его послание на временном замедлителе. И, естественно, это ей очень не понравится. О, Господи, какие молнии могли метать эти лазурные глаза, когда кто-нибудь становился ей поперек дороги! У Стаффы потеплело на сердце. Скайла становилась красивее, когда приходила в бешенство. И он ею гордился. Он оставлял Итреатические Астероиды в надежных руках. Все эти годы, что они были рядом, они никогда не были так близки, как теперь, после его

встречи с Претором. Хоть Скайла и усилила службу безопасности, все-таки ему удалось от них ускользнуть. Потому, что такая хитрая лиса, как Лорд Командующий, всегда оставлял себе спасительную лазейку.

«Прощай, Скайла. Позаботься о них»,— подумал он.

Он, наконец, решился и нажал кнопку, приводящую в действие программу полета. На верхнем экране он видел удаляющиеся огни дока, а двигатели вели его судно в темноту вакуума. Белые огни портовых сооружений ярко сверкали на фоне черных конструкций сигнальных мостиков и скалистой серо-голубой поверхности астероида, покрытого кратерами давних бомбардировок.

«Сынок, я иду к тебе»,— шепнул он. Лицо его окаменело.

«Спокойно, Стаффа. Это чувства играют тобой, затуманивая разум. Все в твоих руках. Нужно только не отвлекаться. И только вперед». Он успокаивал себя, корректируя проложенный курс, вводя данные в главный навигационный компьютер. Удовлетворенный математическими расчетами, он вывел итог и погладил мягкую поверхность ментошлема, обеспечивающего прямой контакт с компьютером корабля. Он ощутил его подсознательное тепло и еле уловимое давление, когда надел на голову. Знакомое чувство слияния с кораблем, его движением и работой двигателей наполнило его покоем.

Так началась его новая Дорога.

Одно за другим он миновал опасные места, включая лазеры термоядерных двигателей, которые поддерживали реакцию водорода и гелия. Он ввел реакторы в точный режим, сузив вход в коллары, где происходило слияние фотонов и частиц в реактивную массу, и рывок плазмы вывел корабль на сверхсветовую скорость. Стаффа описал пологую дугу, прежде чем пронзить межзвездное пространство, оставив за собой фиолетовый шлейф радиации Черенкова и квантовое искривление пространства.

Майлз Рома, Легат Прим Его Святости Сеззы Второго, заставил себя улыбнуться в знак приветствия изящно одетым Компаньонам. В животе у него забурчало, когда он увидел их. За жесткими выражениями, за их обветренными красными лицами (как их медики могут терпеть такое уродство?) он точно знал, было одно: они глумятся и хихикают над его жирным телом. На что они рассчитывают? Я что, должен выглядеть как исхудавший нищий-попрошайка? Дородность и толщина в Сеззе служили признаком благополучия и процветания. Особенно в эти времена, когда так много миров находились на грани голодной смерти.

Он одарил их еще одной улыбкой, когда, переваливаясь, прошел за ними к гравитационному кару. Подумать только! Каждый из них убил сотни людей холодными руками, а зачем? Рома с большим трудом победил внезапную дрожь.

Казалось, что Сезза оказывает ему большую честь, предложив такую миссию, но столкнуться лицом к лицу с убийцами оказалось выше его сил. Дворцовые интриги ни в коей мере не могут сравниться с этим заданием.

Позади Майлза Ромы толпились сопровождающие, которые кучей вывалились из шлюзовой камеры в очень веселом настроении, готовые продемонстрировать этим варварам роскошные одежды и великосветские манеры, которые тем и не снились.

Майлз поискал глазами Лорда Командующего и остановился, когда его глаза встретились с очами прекрасной женщины, стоявшей во главе Компаньонов. Он стал рассматривать эту женщину, и его сердце неровно забилось. Волосы снежно-золотые, заплетены в косу, спиралью обвивающую ее левую руку. Она была одета в белое, на ней сверкали и искрились замечательные силенианские драгоценности. Золотое ожерелье облегало хрупкую шею. В ожерелье он узнал кольцо для шлема от скафандра. Господи помилуй, да ее экипировка состояла из военного комбинезона для вакуума! Но в то же самое время, форма не скрывала ее великолепного тела. Он с трудом оторвал взгляд от высокой налитой груди, опустил глаза на ее плоский живот, тонкую талию, широкие бедра, потом на потрясающие ноги, длинные и стройные. У нее была грация тигрицы, она так поразила его, что пульс у него зачастил, кровь бросилась в голову, и он едва справился собой.

Майлз наклонил голову и одарил ее самой своей замечательной улыбкой. Женщина вернула ему такую же, с достаточным бесстыдством и бесцеремонностью. Ладно, он поговорит о ней после заключения сделки с Лордом Командующим или даже до этого. Какое это будет удовольствие воспользоваться такой невероятной красотой! Впрочем, подумал Легат, если не выгорит, то под его рукой всегда есть куртизанки, которых он возил с собой. Но как бы хотелось обладать этим совершенным телом, лазурными драгоценными глазами и так долго, пока Лорд Командующий будет нуждаться в нем.

Рома терпеливо выжидал, ища глазами Лорда Командующего, косясь на блондинку-красотку. К его удивлению, она, эта блондинка, выступила вперед, когда его собственные сопровождающие, наконец, утихомирились.

Она прошла к гравкару, и ее грациозная походка еще больше разожгла его. Ее бедра покачивались, и хотя это было далеко не вызывающим, но выглядело чертовски соблазнительно. Ее движения, как он вдруг понял, были не игрой, а ее природой. Она низко поклонилась, неправдоподобные голубые глаза встретили его взгляд твердо, без колебаний...

Ее голос четко раздавался в комнате:

— Мой лорд, Майлз Рома, Прим Легат Его Святости Сеззы Второго, я — подполковник авиации Скайла Лима. Именем Лорда Командующего приглашаю вас на земли Итреатических Астероидов. В знак уважения, которое мы питаем к Его Святости, мы предоставляем полную свободу передвижения и размещения для вас и вашей свиты. Лорд Командующий шлет приветствия и выражает надежду, что вы останетесь довольны. Лорд Командующий приносит свои глубочайшие извинения, что не смог прибыть лично, так как обязанности не позволили ему встретиться

с вами. Если вам что-нибудь понадобится, то обращайтесь ко мне без стеснения, и я постараюсь сделать все, чтобы ваше пребывание оказалось приятным.— Она еще раз наклонилась, приложив руку к груди.

Майлз Рома едва улыбнулся. «Лорд Командующий задерживается? — подумал он.— Стаффа не прискакал на цыпочках встречать Легата Сеззы II? Ну и ну! Этот наемный выскочка заставляет задуматься. Ладно, подождем. Может, это какая-нибудь хитрость со стороны Стаффы? Скорей всего, он набивает себе цену. Похоже на то».

— Мы очень рады, подполковник авиации. Выражаем вам признательность за радушное гостеприимство. Надеемся, что встреча с Лордом Командующим будет плодотворной. Мы слегка устали от такого утомительного путешествия. Ваше радушие как прохладный дождь в Этарианской пустыне, освежило нас после долгой дороги.

Она опять поклонилась:

— Не смею вас больше задерживать, Прим Легат.— Она подняла руку, и гравкар поплыл мимо салютующих Компаньонов в лабиринт главной станции Итреаты. Майлз сидел с каменно неподвижным лицом, скользя взглядом по белым полированным стенам. «Почему у меня такое чувство, что она лжет?»

Скайла Лима вступила в комм-комнату и обвела хмурым взглядом операторов: «Черт побери! Где его носит?»

На мониторах светились изображения различных отделов станции, персонал безопасности продолжал наблюдать за Открытым Космосом, за детекторами и системой безопасности. Другие техники изучали информацию, поступающую с энергетических установок. Коммуникационная сеть получала сигналы со всего Открытого Космоса и отсылала их в разведывательный отдел. Как всегда стоял привычный равномерный гул, но сейчас Скайла ощущала некоторое напряжение.

Одна из связисток подняла голову, наушники почти скрывали ее роскошные каштановые волосы.

— Подполковник авиации, мы искали везде. Я даже взяла на себя смелость послать человека в его каюту.— Ее лицо сморщилось, она пыталась скрыть растущую тревогу.— Мы послали команду, они прочесывают весь комплекс. Другая — обыскивает заводы, склады, ангары, гаражи, мы ищем везде, где только можно.— Она покачала головой, сбитая с толку.— Это выглядит так, будто... будто он пропал в гиперпространстве.

Скайла ударила кулаком в ладонь, она чувствовала себя подурацки в сверкающем драгоценностями комбинезоне. Хуже того, этот блеск отражался, как разбитая радуга, от блестящих поверхностей компьютеров.

Мгновенно взвесив ситуацию, приказала:

— Никому об этом не говори. Нам нужно найти его до завтрашнего утра, чтобы он встретился с этим мерзким клоуном.

Повернувшись, она вышла в центральный коридор, села в шаттл и отправила его к своей каюте.

Она нажала ручку двери и стремительно влетела в комнату. Ее трясло от гнева. Как только дверь за ней захлопнулась, сдержанность сбежала с ее лица. А вдруг убийцы похитили его? Если им удалось обойти службу безопасности и... Нет, нет! Ее гнев превратился в жуткий страх, какого она не испытывала годами. Она глубоко вздохнула и стала считать, очень медленно, до тех пор, пока пульс не пришел в норму. Сняла кольцо от шлема, пробежала по пуговицам из драгоценных камней, чтобы снять форму. Когда упала нижняя часть комбинезона, она уставилась на розовый рубец, уродовавший ногу. Рана уже заживала, шрам бледнел, терял свой красный цвет.

Чтобы как-то пересилить страх, она принялась осматривать свое тело. Не так уж плохо для тридцати пяти лет войны и стольких увечий. Конечно, некоторые шрамы были удалены косметическими хирургами. Да и она держала себя в форме — будто Стаффа мог позволить ей поступать иначе. «Стаффа. Где же ты, черт тебя побери?». Она подошла к комму и попыталась соединиться с его каютой. Волнение снова охватило ее. «Будь ты проклят, Стаффа. Что ты делаешь? Ну, если это один из твоих трюков...»

Она уселась на кушетке в позе лотоса. Выпрямила спину, закрыла глаза, сосредоточилась и восстановила весь их последний разговор. Ее беспокойство росло, когда она вспоминала все его выражения, скрытое напряжение тела и неудовлетворенность в голосе.

«Претор. Все опять возвращается в этот проклятый госпиталь. Стаффа, ты не можешь этого понять, потому что все это в теб в твоих мыслях.Ты считаешь, что поступаешь нормально, но твои мысли перекручены, перевернуты». Она резко выпрямилась, вызвала на связь компьютер, сканировала медицинские записи и чертыхнулась. Потом сделала еще один вызов.

Экран засветился.

— Психологическое отделение, Андрей слушает.

— Андрей, Лорд Командующий был у тебя? Он взял рецепт?

— Нет.

Она выключила связь, соединилась со службой безопасности, проверила каждый шаг Стаффы с того момента, когда видела его в последний раз, потом зафиксировала каждое место, где мог быть Стаффа, узнала, с кем он вступал в контакт, допросила службу безопасности еще раз. Два часа прошло, но ничего нового она не узнала. Скайла проследила каждый его шаг до отлета Аштанского судна с фармацевтическим грузом. Именно с этого времени его никто не видел. Он перестал отвечать на вызов комма. Может, его увезли на этом судне? Она просмотрела файлы службы безопасности. Ни один пилот не покидал судна.С каждой камеры она наблюдала погрузку, не замечая ничего подозрительного. Только если они крепко его оглушили, тогда... Потому что и целая группа мужчин не смогла бы справиться с Лордом Командующим. Его костюм мог отразить даже слабый бластерный удар. Только голова оставалась уязвимой для газа или дротиков.

Потом Скайла проглядела запись прибытия сеззанской

делегации, обращая внимание на все детали. Она еще раз увидела их разговор с Легатом. А потом и их конфиденциальную беседу. Легат Майлз Рома сетовал на то, что Стаффа их не встретил. Она рассердилась, когда Легат начал обсуждать это, и выключила, когда он перешел к подробностям. «Тергузианский червяк!»— прошипела Скайла. Непрошеным перед ее мысленным взором встал Стаффа, с ясными серыми глазами, она вспомнила легкий трепет уголков его губ, когда он слышал что-нибудь смешное. Потом она восстановила в памяти то страшное выражение лица в госпитале. Лениво она провела пальцами по своей ладони. Вдруг ее осенило: а ведь тогда, трогая ее, он снял свои перчатки: кожа его рук была очень гладкой по сравнению с ее, и такие теплые ладони...

Скайла глухо зарычала, чтоб заглушить поднимающуюся боль. Красивая улыбка пробежала по губам. Стаффа — несмотря на то, что это было очень все непонятно,— все-таки оставался человеком! Сколько я должна буду общаться с этим сеззанским червяком? Если он попытается меня коснуться, я сверну ему его толстую шею.

«Трижды проклятый Стаффа, вернись!»

«Претор... Претор... все началось с Претора». Она встала и подошла к своей сумке. Пластиковая кассета казалась на ощупь прохладной, когда она взяла ее в руки. Повернувшись, она подошла к автомату и наполнила кубок миклениапским элем. Потом вернулась к кровати, села и выпила эль. В полной тишине внимательно рассмотрела серый пластик. Часом позже она все еще изучала загадочную кассету. «Если он не появится до завтрашнего утра...»— пообещала она себе. Потом отрегулировала гравитацию кровати и приказала свету выключиться.

Скайла легла и уставилась в темноту, продолжая искать объяснение исчезновению Стаффы. Думая о кассете, она бессознательно водила по ней пальцами. Все попытки заснуть оказались бесполезными, ее преследовал образ Стаффы, который попал в переделку. Ужасающие картины всплывали в ее сознании: мертвый Стаффа, с серыми глазами, вылезающими из орбит, свертывающаяся кровь кристаллизуется в декомпрессии...

«Пропади оно все пропадом!» Она села, свет зажегся при ее первом же движении. «Это все только твои фантазии, Скайла. Ты такая же чокнутая, как безмозглые подростки». Рассердившись на собственную нерешительность, она схватила кассету и вставила ее в комм. И приготовилась нажать на кнопку. Но ей помешал голос из комма:

— Подполковник авиации, Лима? Центральный пункт на связи.

Она откликнулась мгновенно:

— Слава Богу, вы нашли Стаффу? С ним все в порядке?

— Нет. Мы пока не знаем, где Лорд Командующий. Только что получено сообщение со сторожевого маяка. Крейсер Реганской империи вышел из сверхсветового Прыжка и замедляет скорость. Они просят разрешения на посадку. Докладывают, что у них на борту официальная делегация Тибальта VII, просят аудиенции у Лорда Командующего.

«Только этого не хватало. Сначала Сезза, а теперь еще и Рега».

Она постучала пальцами по столу и приняла решение.

— Очень хорошо. Давайте подумаем... Посадите их в док 16-А. Приготовьте для них, черти бы их подрали, помещения, подальше от сеззанцев. Надеюсь, что они не поубивают друг друга. Если найдете кого-нибудь трезвым из Компаньонов — составьте делегацию для встречи, проинструктируйте также охранников. Я не хочу никаких неприятностей ни от сеззанцев, ни от реганцев, а они наверняка притащили с собой уйму шпионов.

— Будет сделано. Держу связь.

Скайла возразила:

— Нет. Я одеваюсь. Сейчас спущусь.

Она быстро натянула сверкающую форму, поправила складки на брюках и застегнулась. Ее тревога за Стаффу возрастала. Две империи прореагировали гораздо быстрее, чем она могла предположить. Обе стороны, находившиеся в неустойчивом равновесии из-за внутренних неурядиц, были обеспокоены, но еще не готовы — для броска в финальную конфронтацию, могущую вызвать катаклизмы.

Холодок пробежал по ее спине. Скайла закрыла глаза, кусая губы. Поправила эполет, чтобы аксельбант лежал точно на плече, и выпрямилась. Чем же они заплатят за лояльность Стаффы или за его смерть? Повернув ручку двери, она спросила вслух:

— Проклятый Стаффа, где ты?

Айли Такка нежилась в пенистой горячей ванне. Декадентское изобилие Итреаты очень ее поразило. Она представляла себе спартанский мир астероида, с минимальной гравитацией, только самые необходимые удобства, гидропонную еду. Но Итреата оказались планетоидом с силой тяжести 0,8 и с всеми атрибутами Реги, если не лучшими.

Айли более-менее предполагала присутствие здесь сеззанских посланников. То, что они явились первыми, вызвало у нее только легкое раздражение и ничего больше. Но то, что Стаффа не прибыл в порт на встречу с ней, конечно же, огорчило ее. Непонятный шаг с его стороны, но, несомненно, позже все выяснится.

Она покрутила в воде рукой, и ее длинные черные волосы укрыли роскошную грудь эбеновой мантией. Ей нравилось, что ее слуги — все мужчины — страдали от неизразимого желания смотреть на нее и от страха, потому что не знали, как она себя поведет. Она специально выбирала наиболее соблазнительные позы. Она двигалась в воде, играя своим прекрасным телом, получала истинно садистское наслаждение от того, что они испытывали неудобства, и жалела, что Стаффа не может испытать того же.

Компаньоны выглядели потрясающе, со шрамами и тяжелыми взглядами. Только один или два смотрели вниз. Один, более-менее открыто уставился на нее, настоящее восхищение сквозило в его взоре. Да, если бы они выглядели менее эффектно, это тронуло бы ее гораздо меньше. Это были настоящие мужчины — истинные воины.

Айли окунулась и встала, откинув голову назад, дыша полной

грудью. Интересно, какая связь между Скайлой-Лима и Стаффои кар Терма? Может, они любовники? Если так, то Скайла — потенциальная соперница. «Ну, что ж. Там будет видно».

Айли вышла из ванной в освежитель, наслаждаясь теплыми прикосновениями воздуха. Обсохнув, она позволила мужчинам одеть ее, громко смеясь при этом. Они крутились вокруг нее, стараясь не прикасаться к ее священной плоти. Играя на их смущении и неловкости, она наблюдала за выражением лиц. И каждый раз, когда они отдергивали руку, будто ожегшись, она искренне веселилась.

Ее встреча со Скайлой Лима была очень короткой, и тем не менее расстроившей все планы. Ответив на поклон, Айли вгляделась в эти ледяные хрустальные голубые глаза. Скайла была из тех, кто мягко стелет, да жестко спать. Да, Айли нашла в ее лице достойного противника. Лима встретила ее на равных, полностью контролируя себя. Вот так, решила Айли, она могла держаться с Лордом Командующим, а значит, и управлять им. Если эта белокурая дева была его любовницей, то Айли немедленно стоило поменять свои планы или по крайней мере подправить.

Еле уловимое напряжение исходило от Скайлы. Айли помолчала, приподняв брови. Лима пребывала в нерешительности, особенно потому, что как снег на голову свалилась делегация с Реги. Воздух на станции был наполнен тревогой и подозрением. И если учесть, что Стаффа не встретил ее, то можно предположить какие-то неприятности. Может, непорядок в войсках? Да нет, непохоже, Компаньоны стояли спокойные, почти беззаботные. Скорей всего, возникли трения между командованием и администрацией. А может, политические проблемы? И еще сезанцы пожаловали. Может, произошел раскол в высших эшелонах? Часть за Регу, а часть за Сеззу?

Четкие губы Айли скривились в довольной усмешке. Неприятности работали на нее. И это давало преимущества, которые следовало немедленно использовать.

Да, события на Итреатических Астероидах развивались совсем не так гладко, как рассчитывали Тибальт и она. Разумеется, если бы Скайла вела себя угрожающе, как только она появилась, то... капля тракиса решила бы все проблемы. Тракис — редкий яд, жутко дорогой, но он не оставляет следов при вскрытии.

Бруен прошелся среди деревьев, давя длинные сосновые иголки. Ветер шелестел среди веток и нес свежий ванильный запах напоенного ароматом сосны воздуха. Как он и предполагал, из-за деревьев появилась Арта Фера. На ней было свободное черное платье, которое отнюдь не скрывало очарования ее юного тела. На поясном ремне, перевязывающем талию, висел в кобуре пистолет — такая форма одежды для всех Седди обычна сейчас, когда бунт охватил Таргу. Причудливая игра теней отражалась на милом лице, и солнышко золотило ее каштановые волосы.

Бруен остановился, растер рукой больное место на бедре и посмотрел наверх сквозь зеленые побеги. Какой все-таки

замечательный выдался день! Он улыбнулся в ответ на смущенную приветственную улыбку Арты и прошелся с ней в полном молчании до поляны.

В общем, Арта оправдала их ожидания. За последние пять лет она прошла полный курс обучения. Каждый день по четыре часа она проводила в телепатических беседах с Мэг Комм. Но вот что машина ввела в нее? Какую жуткую тайну она оставила в ее мозгу, как Арта теперь прореагирует на слово или действие?

Бруен тщательно исследовал записи всех уроков. Но у него нет никакой гарантии, что Мэг Комм что-то не скрыла.

— Ты выглядишь печальной и задумчивой, дорогая девочка,— Бруен попытался по-дружески улыбнуться в ответ на беспокойный вопрос, зажегшийся в ее глазах.

Она откинула волосы назад, когда ветер набросил их ей на лицо.

— Как мне поведать вам, Магистр, о чем я думаю? Я не знаю себя. Я... у меня все смешалось. С тех пор, как я была ребенком... Ну, они учили меня посвящению Богам. Теперь скажите мне, я должна стать убийцей? Это... это просто непостижимо. Если бы я не знала вас и не доверяла вашей мудрости, я бы...— Она в волнении мотала головой, ее губы искривились в расстройстве. Он кивнул, когда посмотрел наверх на плывущие белые облака, перемещающиеся к западу.

Бруен спросил:

— Почему этарианцы использовали тебя для мытья полов, милая девочка? Ты слишком драгоценна для этого. Это неполное использование подобной миловидности.

Арта зарделась и опустила глаза вниз, пальцы теребили черную ткань платья.

— Мне было назначено наказание за недостойное поведение, Магистр. Я... я возмутилась, когда Главный жрец отверг мое посвящение в пользу другой.

Бруен подумал: «Как же мне подтолкнуть ее? Готова ли она для следующей ступени?»

А вслух гневно проговорил:

— Хах! Этарианцы! Ну что ж, это неплохо, что они так поступили с тобой. Разве ты не знаешь, что они продают девушек, назначенных для «посвящения»? Они составляют группы для «изнасилования», разве ты не знала?

—Магистр, это неправда! То ритуал посвящения в Служители! — Она задохнулась от волнения.— Мы все ждали момента посвящения наших тел великому служению Благословенным Богам!

— Они выставляют вас, неразумных детей, на торги,— поправил он ее резким голосом.— Так получилось, что ваши посвящения совпадали с визитами сеззанского викария. А ему нравятся темнокожие девочки с, хм, более аппетитными и пышными телами, чем у тебя. Главный жрец это отлично знал, и если бы он продал тебя, то он бы потерял многое, поэтому он и продал более лакомые кусочки плоти.

Арта гневно вскрикнула:

— Все это... похоже просто на торговлю проститутками! Вы богохульствуете! Это ложь!

— Торговля проститутками? Я бы не смог сказать лучше.— Тут он заметил, как в глазах ее что-то изменилось.

— Вы ничего не понимаете! Мы служили Богине. А что может быть лучше, чем доставлять удовольствие мужчине?

— За деньги, дорогая Арта, за деньги. Разве не так, разве блудницы не любят за деньги? А покрывать это шелковым флером религиозности, это не больше, чем...

— Будь ты проклят, Бруен! Заткни свою лживую пасть! — Ее глаза сверкали гневом, лицо исказилось.

«Да, она готова. И готова для большего. Пришло время послать ее к Бутле. Но, Бруен, ты старый, дряхлый сентиментальный маразматик, ты будешь скучать по ней, тебе будет ее не хватать. Ты уже стал слишком стар для революций.»

Бруен посмотрел вниз на пульсовый пистолет, который воткнулся в его живот, предохранитель был снят. Лицо ее побледнело, рот оставался широко открытым. Пистолет, такой устойчивый вначале, начал дрожать, а потом выпал из ее безжизненных пальцев.

— Сделай то, что ты хочешь,— просто сказал он, подымая оружие, ставя на предохранитель, прежде чем вложить его ей в руку.— Чтобы быть услышанной Главным жрецом, тебе надо было выцарапать сопернице-толстушке глаза.

Еще тлеющий гнев сменился стыдом:

—Все нормально, Магистр, я больше не буду терять головы, как сейчас.

— Да? — И его брови поползли вверх.— Вспомни тот день, когда я говорил, что ты будешь отличным убийцей. Итреатические обучающие машины слишком дороги... и их очень трудно достать, должен добавить. Я наиболее подходящий объект для разрушения, не так дорог, как компьютеры. И я думаю, что скалы более прочны, чем сверхпроводники. Файдор пытался собрать из кусочков и обломков то, что ты разбила, но говорит, что арсенидо-галлиевые соединения безнадежно испорчены. Так что выбирай.

Она опустила голову, плечи поднялись:

— Я прошу прощения... Я... О, ради Бога, забудьте все, будто ничего не было! Почему у меня такая путаница в голове? Что со мной происходит?

Он мягко улыбнулся, взял за подбородок тонкими пальцами и повернул ее лицо к себе.

— Это твой характер, и в нем твоя сила.

«И над этим характером мы серьезно поработали, чтобы он вошел в твое существо и укрепился там. Да, множество функций влияют на состояние ума. Какое-то несчастливое шальное событие, и вся наша тщательная работа может привести к катастрофическому взрыву. Мне нужно внимательней следить за собой. Она очень чувствительна к сексуальным темам и стимулам».

Он обнял ее за плечи, подвел к скамье под цветущую ветвь пондерозы.

— Садись. Поговорим об убийствах и смерти.

Арта села, вытянув длинные ноги.

— Я все-таки не уверена, что смогу убить человека. Я никогда никого не убивала...

— А я убивал.— Он посмотрел вдаль, сделал глубокий вздох.— Мы тебя научили всему, что знаем. И теперь посылаем к тому, кто тебя научит, чему мы не смогли.

Арта встревоженно смотрела на него:

— Вы отсылаете меня?

Он улыбнулся в ответ на ее испуг:

— Он самый лучший, Арта. Пришло время, чтобы тебя учил мастер.

Она закрыла глаза:

— Почему, Магистр? Почему я? Что заставляет вас думать, будто я стану убийцей?

— Потому что у тебя есть все данные и определенный талант. Ты знаешь цели и задачи седдианцев. Ты знаешь, как функционирует Вселенная. Квантовый танец — отражение мыслей Бога — ни хороших, ни плохих, ни злых, ни добрых. Делить мысли на добрые и злые — плод воображения человеческого ума. Чтобы улучшить человечество, мы должны заменить тиранов, подавляющих людей, теми, кто уничтожит страдания и даст возможность вырасти новому человеку. Убийство — это единственный путь достичь такой цели. Ты много раз выражала готовность помочь нам в деле освобождения человечества от тирании. Ты хочешь отказаться от своей клятвы? Можешь. Просто скажи мне.

Она покачала головой.

— Нет. Я слишком хорошо знаю историю. Я знаю, что происходило в последние два века.

Бруен глубокомысленно кивнул.

— У тебя особый дар. Мы наблюдали его с самого начала.

Арта спросила:

— Откуда вы все узнали обо мне? И обо всех остальных людях, вы что, наблюдали за каждым?

Он оживился:

— Хотелось бы. А о тебе... Один из наших агентов наблюдал за каждым движением твоей души с того дня, как тебя продали этарианцам. Мы провели много времени в наблюдениях за людьми на невольничьем рынке. Самые «интересные» люди продают своих детей в рабство.

Она немного призадумалась и спросила:

— А вы знаете, кто были мои родители?

—Многие люди, особенно в наш расколотый, сумасшедший век, теряют своих родителей.

Она вздрогнула и коротко кивнула.

— Ты хороша такая, какая есть, Арта.— Он помолчал и оттолкнул ее, видя, какой переворот в ее душе совершили его слова.— Эх, если бы быть опять молодым! Я бы дал проявиться своим добродетелям и перехитрил твое смятение. Это было так

давно в последний раз, когда трахал милых девочек. А поскольку ты не одобряешь мои забавы с проститутками...

— Магистр! Вы никогда не прекратите эту тему! — она нервно усмехнулась, краска залила ее бледно-алебастровое лицо.

— Да, дорогая, никогда. Будь проклято это слово.

Андрей Сорнсен сидел перед монитором в каюте Скайлы, подняв ноги на стол, уперев подбородок в колени. Он словно застыл после того, как они просмотрели кассету из госпиталя. Печаль и задумчивость ясно отпечатались у него на лице.

Скайла больше не могла выдержать и спросила:

— Ну?

Андрей глубоко вздохнул и искоса глянул на нее карими глазами:

— Как ты набралась смелости просмотреть эту кассету? Зная, что это очень интимный момент жизни Лорда Командующего?

Скайла рассвирепела:

— Знаешь, ты здесь не затем, чтоб читать мне мораль. Я хочу знать, что Претор сделал Стаффе в той госпитальной палате.

Андрей пожевал губами и слегка присвистнул:

— Ты знаешь, я изучал Стаффу, тайком, конечно. Его холодная беспристрастность всегда интересовала меня. И то, что Претор назвал его машиной, мне многое объяснило,— Андрей сверкнул глазами, встретившись с ее нетерпеливым взором.— И ты знаешь, что он был машиной?

Скайла уточнила:

—Был? В прошедшем времени?

Андрей кивнул:

— Компьютер, повтори, пожалуйста. Скайла внимательно посмотрит. Это потрясающе. Блестящие психологические исследования.

Скайла смотрела на экран, слушая разговор Стаффы и Претора в палате.

— Остановн.— Андрей указал рукой на монитор.— Вот, здесь Претор дает первую разгадку тому, что он сделал. Он говорит Стаффе: «Я твой создатель». И вот второй ключ: «То, что хозяин сделал, он может и уничтожить»,— обрати внимание. Посмотри на старика. Он тайно злорадствует, наслаждается, уверенный в успехе своего, возможно, последнего и самого горького момента в жизни — но он вместо страданий почти ликует. А Стаффа всего этого не замечает. Ему следовало проявить больше осторожности.

Скайла покачала головой:

— Это так на него непохоже.

Андрей невесело улыбнулся:

— Именно так. Ты видишь, как Стаффа сам идет в расставленные сети. Претор использовал слово «создатель». Так он выдернул первый кирпичик из защиты, блокирующей эмоции Стаффы. Теперь, смотри, что из этого получилось: Претор еще раз хвалится своей способностью разрушить, уничтожить Стаффу. Он просто включил его хорошо зная, что происходит в разуме Стаффы.

Видишь? Он воздвигает фундамент для чувства вины, которое и погубит Лорда Командующего, как только гипнотический блок будет снят.

— Останови,— Скайла приказала, уставившись на экран.— А что это за бизнес «людей»? Что это Претор собирается предпринять?

Андрей всмотрелся в глаза Претора:

— Это ловушка. И неважно, уважает Стаффа Претора или нет, старый наставник говорит Стаффе, что у него есть слабые стороны. Ты знаешь Лорда Командующего как никто. Какой должна быть его реакция?

— Он будет действовать немедленно, чтобы скорректировать недостаток,— внутри у Скайлы что-то екнуло.— Ну, конечно, только так.

Андрей поднял голову, встрепенулся:

— Это задевает тонкие струны души, его чувствительность?

— Он расспрашивал меня о... как поступают другие люди,— она оперлась на стол и закрыла глаза.— Так вот что он сделал. Стаффа, ты дурак! Ты сыграл ему на руку!

— Но он же не знал этого,— мягко ответил ей Андрей.— Вот самая критическая часть. Крисла и ребенок постоянно мучали его столько лет. Вспомни, его эмоции были подавлены, так что и Крисла и сын превратились в миф для Стаффы. Поэтому, когда Претор говорит, что он не только отнял у Стаффы счастье, но продал его сына, поработил и изнасиловал его жену,— вот именно это разрушило последний кирпичик в стене, перевернуло и выпустило на волю все его эмоции, противоречивые настолько, что Стаффа просто не знал, что с ними делать.

— Но он же не стал рыдающим идиотом-слизняком,— запротестовала Скайла.

Андрей подтвердил:

— Конечно, нет. Его мозг достаточно тренирован и подготовлен для решения проблем на высоком логическом уровне — работа левого полушария мозга, если хочешь. Такие установившиеся связи нервной системы охраняли его, не давали превратиться в берсеркера, неистового убийцу, но такие связи не могут доминировать все время. Его мозг был заполнен новыми стимулами, которые повлияли на его способность принимать решения.

Скайла скрестила на груди руки и сжала зубы:

— Ему будет все хуже? Пока он не превратится в сумасшедшего? И это ты пытаешься мне вдолбить? Тогда Стаффа...

— Нет, Скайла,— он положил ей руку на плечо.— Подумай хорошенько об этом. Это результат вмешательства Претора. Большую часть своей жизни Стаффа жил с одной половиной своего «Я». Теперь внезапно была освобождена другая половина. Мозг — это замечательный и очень пластичный орган. Для Стаффы представляется отличный шанс интегрировать эти две половины и стать еще сильнее, чем прежде.

— Отличный шанс? Ты не считаешь это неизбежностью?

Андрей не шелохнулся. Скайла, задыхаясь, ловила ртом воздух, потом нервно стала вышагивать по комнате:

— А все эти оставшиеся ментальные крючки? Те, которые спрятаны в центрах его «Я»?

— Это последнее орудие из арсенала Претора. Он знал, что разбил Стаффу наголову,— Андрей помолчал.— Ты понимаешь, что Претор хорошо вел свою игру. Он был уверен, что Стаффа найдет все другие крючки, и полагал, что Стаффа никогда не заглянет к себе в душу. Никогда не осмелится проверить свое чувство личности. Вот это-то и составило основу плана Претора.

Скайла почесала в затылке и покачала головой:

— А Крисла? Если Стаффа был таким тупицей, что она могла находить в нем?

— Ты же ничего о ней не знаешь, не так ли? — Андрей печально смотрел на нее.— И я слышу обиду в твоем голосе.

Скайла привстала:

— Что ты себе...

— Ой,— Андрей поднял, защищаясь, руку: — Не волнуйся, твой секрет останется при мне.

— Я не понимаю, о чем ты...

— Крисла,— Андрей переменил тему.— Она была не безмозглой красоткой. К тому времени, когда ее похитили, она закончила курс работ по клинической психиатрии. Стаффа восхищался ею — и это отнюдь не означает, что она не была сложной и цельной женщиной. Она любила его всем сердцем, пытаясь противостоять воспитанию Претора,— Андрей пожал плечами,— это было сложно для юной студентки — у нее не было опыта.

— Если ты все это знал, почему ты не помог Стаффе, почему ты не поработал с ним?

Андрей холодно глянул на нее:

— Понимаешь, я был профессором у Крислы до того, как она оказалась в руках у Стаффы. Возникла еще одна проблема — когда я приехал, ее уже не было здесь. Претор похитил ее. А почему ты в последующие годы не просила Лорда Командующего пройти курс психотерапии?

Скайла изучающе вглядывалась в него прищуренными глазами.

— Ты знаешь, я не уверена, что ты мне нравишься, профессор.

Он ответил:

— А это и необязательно. Меня здесь скоро не будет. Я собрал все интересующие меня данные — так какого черта мне торчать тут? Но ты думаешь, что Лорд Командующий позволил бы психологу, который изучал Компаньонов, спокойно уйти?

Она недоверчиво смотрела на него:

— Так зачем ты приехал сюда?

Андрей печально улыбнулся:

— Ты не знала Крислу. И наверное, ты бы ее не поняла. У нее был такой магнетизм, который.. да ладно, я был просто влюблен в нее.

— Не будем об этом, лучше поговорим о Стаффе. Как ты думаешь, куда он полетел?

Андрей встал и поправил тунику:

— Как я понял, он будет искать своего сына. Он попытается войти в контакт с седдианцами.

— Что? Они же годами рыскали по его следам, пытаясь его убить.

— Может быть, но Претор сказал, что у них сын Стаффы. Он попытается найти к ним подход. И я напоминаю тебе, сейчас он мыслит не в своей обычной бесстрастной манере. Даже легкие колебания могут привести к ухудшению, если его мозг начнет искать пути к возвращению в нормальное состояние. Если ты хочешь спасти его, я советую тебе найти его и немедленно.— Андрей поклонился.— Прощай, подполковник авиации.

Скайла остолбенело стояла, пока психолог покидал комнату. У нее в груди росла и ширилась ужасная боль.

Учитывая политическую обстановку на Каспе, Бутле Рёта понадобилось три дня, чтобы нелегально провести свой аэрокар к укрытому храму в горах Макарты. Бруен стоял под крутым обрывом, за которым располагалась лощина, окруженная скалами, защищающими посадочную полосу. Прислушиваясь к самому себе, он ощущал пустоту в груди. «Ведь она еще ребенок»,— шепнул он сам себе, пока аэрокар мягко садился на литые подушки.

Арта в туго облегающей форме Посвященных вышла из-за каменной стены — как богиня с пылающими щеками. Грациозной поступью она вошла в большой холл, сверкнув глазами в сторону гостей. Бутла Рета выходил из аэрокара, и это остановило Арту.

Рета был крупным чернокожим мужчиной. Он поклонился Бруену и глубоким низким голосом произнес:

— Приветствую вас, Магистр!

— Рад тебя видеть, Бутла,— улыбнулся Бруен, и обнял старого друга. Потом отступил назад, слова застряли у него в горле, с большой неохотой представил:— Это Арта Фера.

Бутла повернулся к ней, обошел вокруг, оценивая ее черными заблестевшими глазами. Толстые губы расплылись в широкой улыбке, обнажая белые зубы. Он беззвучно и плавно еще раз обошел ее, казалось, что его ноги не касаются пола. И это было так странно при его громоздком теле. Наконец, Бутла удовлетворенно кивнул.

— Арта, моя дорогая,—поклонился в ее сторону Бруен, стараясь чтобы его голос не выдавал волнения. «Проклятье,— подумал он,— не думал, что мне будет так тяжело».— Поприветствуй Бутлу Рета. Он будет твоим наставником в боевом искусстве. Ты не против? — он вперил в нее пронзительный взгляд.

Глаза ее безумно расширились, она не хотела подчиняться гипнотическому взгляду Магистра.

— Бруен, я... Так быстро? Это... нет,— пробормотала она, но внезапно успокоилась: — Я не возражаю.

Бруен ощутил у себя вместо сердца кусок тяжелого свинца.

Бутла Рета угрюмо поклонился. Его голос разносился очень далеко, казалось, заставляя даже скалы колебаться:

— Рад был познакомиться, Арта Фера. Надеюсь, мы хорошо

с тобой поработаем. Клянусь честью, я сделаю все возможное и научу тебя владеть всеми искусствами. Клянусь, что без колебаний отдам свою жизнь за наше дело.

В памяти Арты что-то включилось в ответ на эти слова, и она, как автомат, повторила:

— Клянусь честью сделать все, что в моих силах, и научиться всему. Клянусь, что без колебаний отдам свою жизнь за наше дело.— Глаза ее широко раскрылись, вначале в них можно было прочесть недоумение, потом странное понимание. Когда она повернулась к Бруену, глаза ее смотрели трезво и твердо.

Бруен мягко сказал:

— Собирай вещи, Арта. Бутла берет тебя с собой прямо сейчас.— Бруен оглянулся в поисках Магистра Хайда, его лицо задергалось и стало очень серьезным, водянистые глаза ничего не выражали, и он легко кивнул. Потом подошел поближе к Арте, сердце молотом стучало у него в груди: — Желаю тебе здоровья и силы духа, Арта. Ты теперь Седди. Бутла перешлет твою форму Посвященных назад. Если ты когда-нибудь вернешься, то наденешь платье мастера первого порядка.

Она пыталась сдержать слезы, глаза ее заблестели, подошла и поцеловала Бруена в щеку:

— Спасибо вам за все, Магистр. Следите за своим кошельком, когда общаетесь с дурными женщинами, если вам так нравится лгать.

— Почему это мне...— Бруен замялся, потом вдруг засуетился: — О, черт побери!

Она набрала побольше воздуха, повернулась к Бутле и сказала ему: — Надеюсь, что не подведу вас, мастер Бутла Рета,— я обещаю вам это.

— И я тоже,— прозвучал несколько глуше голос Бутлы.— У нас не бывает ошибок — только смерть.— Рета подошел к ней, она вложила свою руку ему в ладонь, и мастер-убийца повел ее к аэрокару.

Бруен смотрел, как кар подымается в воздух и берет курс на север, в направлении этой проклятой Каспы.

— Ну, как мы сработали, старина Хайд?

Его друг только пожал согбенными плечами и закашлялся.

— Магистр,— позвал Посвященный из пещеры,— Мэг Комм, она требует вас на связь.

Хайд сказал:

— Она спросит о девушке. Мне кажется, что не стоит ей говорить, что мы отправили Арту к Бутле.

— Я тоже так думаю,— ответил Бруен, все еще вглядываясь в черное небо, куда улетел аэрокар. Поблекшие глаза Хайда осторожно изучали Бруена.

— Ты слишком беспокоишься о ней, Брат.

— Да.

— Ты ведешь себя так, будто потерял дочь.

Бруен поднял руку и устало прикрыл рот Хайда, заглушив трескучий голос:

— Да, дочь. Такой она и была для меня. И скажи мне, Хайд, как я должен себя чувствовать, отсылая ее прочь, чтобы она сделалась орудием революции? Я очень страдаю, я отдал в жертву дитя, которое я люблю.

— Это война, Бруен,— ответ Хайда прозвучал пошло и банально,— если ты не полностью отдаешься борьбе, то ты плохо нам служишь.

Бруен с выражением невыразимой боли оторвал, наконец, взгляд от горизонта:

— Нет, мой друг, я служу нам хорошо. Но у человека могут образоваться мозоли на душе. Однако легче не становится, подобное убийство юного создания делает все еще более тяжким.

Хайд помогал. Вспомнив, спросил:

— Машина ждет. Что ты собираешься ей сказать?

Бруен пожал плечами:

— Правдивую версию, Брат. И капельку лжи.

Хайд оперся спиной о портал:

— Я надеюсь, ты сможешь продолжать лгать, Бруен? Я начинаю за тебя волноваться.

— Это ты из-за девочки? — Он прошел следом за Хайдом, мечтая, что его бедро когда-нибудь перестанет болеть хоть на миг.

— Да.

Бруен кивнул самому себе. «В самом деле, я капризный старый глупец, испытывающий патетическую сентиментальность по поводу психологической бомбы, которую я сам и помогал программировать. А теперь машина ждет?»

— Мне не хватает ее. Это так больно.

Дадим возможность машинному Божеству справиться с этим. Мэг Комм никогда не понимала, что нужно делать с эмоциями. Такая нелогичная печаль должна смутить эту бездушную кибернетическую скотину.

Скайла потеребила длинную толстую косу, намотала ее на руку и принялась просматривать рапорты на своем персональном компьютере.

Исчез. Неужели в системе безопасности пробита брешь? А может, он, как считает техник, просто перешел в другое измерение? Она перевела взгляд на экран, где появилось изображение аштанского судна. Стаффа исчез именно перед разгрузкой этого судна, и после старта корабля Стаффу нигде не могли найти. Скайла вглядывалась в изображение, но не смогла обнаружить присутствия службы безопасности. По этому поводу она сухо резюмировала: «А почему это должно меня так удивлять? Ведь это его детище».

— Подполковник авиации,— ворвался задыхающийся голос в комнату.— Вам необходимо немедленно прибыть. Мы обнаружили послание от Лорда Командующего. Он приказывает всем командирам собраться в секции в совещательной комнате.

Скайла так стремительно вскочила, что волосы зацепились за спинку кресла, и ее дернуло назад. Она выпутала косу и понеслась

в секцию С, вбежав в конференц-зал одной из первых. На экране светилось изображение Стаффы кар Терма. Его лицо было осунувшимся, на щеках пробивалась черная щетина, но в остальном он выглядел очень подтянутым и аккуратным. Он коснулся головы, поправил волосы, как обычно собранные в хвост. Выражение лица было удивительно спокойным.

Постепенно комната наполнилась людьми, и когда последний офицер Септа Айгар переступил порог, шум разговора стих. Скайла кивнула технику, и тот включил программу.

Стаффа улыбнулся всем и махнул рукой, чтобы все сели.

— Мои преданные друзья,— начал он.— Сожалею, что пришлось заставить вас понервничать, но я был вынужден так поступить. Я очень хорошо вас всех знаю, и мне нужно было время, чтобы страсти поутихли,.. иначе вы бы все бросились за мной; и мой план мог сорваться.— Стаффа поднял руку.— Только не думайте, что мне надоело ваше общество, мои верные Компаньоны. Отнюдь. Но сейчас мне очень нужно побыть одному.— Он нахмурился и, опустив голову, прошелся, затем резко вскинул голову, глаза посерьезнели: — Итак, мои Компаньоны, вам непременно будут досаждать делегации с Сеззы и Реги. Каждая будет пытаться перетянуть вас на свою сторону, на службу своей империи. Они захотят править миром до Запретных Границ. Я ничуть в этом не сомневаюсь. Ведь я сам годами способствовал такому развитию событий, подобному разделению и балансу сил.

Он чуть помолчал и продолжил:

— Взгляните на весь наш Открытый Космос: он образует неправильный пятигранник, ограниченный искривлением времени-пространства. Половину мы помогли завоевать империи Реги. Другую половину мы отдали сеззанцам. Наши Итреатические Астероиды и Твин Титанз образуют пирамидальный угол между двумя имперскими сферами влияния. И этот угол остается вне игры. Два льва и одна маленькая мышка,— если смотреть с территориальной точки зрения. Очень скоро вы сможете увидеть грызню этих львов, добивающихся благосклонности этой маленькой мышки.— Улыбка его угасла. Но по комнате разнесся нервный громкий смех.— Вы знаете, что мы самые сильные в Открытом Космосе. И я считаю, что нам пока не стоит вмешиваться. Подумайте сами, друзья, положение этих империй, и без того шаткое, будет окончательно расстроено войной. Сеззанцы обескровили, высосали свою половину почти досуха. У реганцев огромные долги, а кроме того, они обратили против себя свои народы, и там назревает бунт. Мое мнение таково: мы ничего не выиграем, если будем поддерживать кого-то из них. Финальный конфликт не принесет ничего, кроме хаоса и темного века анархии.— Он поднял указательный палец вверх.— И на что мы, мои добрые командиры, станем тратить наши деньги? И кому тогда нужны будут наши боевые компьютеры, наши товары, если экономики всех стран будут окончательно разрушены?

Скайла обвела взглядом присутствующих и увидела согласные кивки.

— И кроме того,— Стаффа продолжал ходить, сложив руки за спиной, опустив в задумчивости голову.— Я не знаю, как вы, но я здорово устал. Я хочу взять отпуск и отдохнуть, расслабиться, наконец. Ребята, я наблюдал за вами, и думаю, что если надо делать выбор, то лучше всего на свежую голову. Поспешность в данном случае может привести к проигрышу. Я хочу, чтобы вы серьезно подумали о нашем будущем. Мне очень нужны ваши трезвые, продуманные советы — но пока вы истощены и измучены, вы не сможете их дать.

Скайла подумала: «Стаффа, это не тот план. Была идея консолидировать весь Открытый Космос в одну империю, сейчас очень удачный момент — все балансирует. Что на тебя нашло?» Ответ она знала.

Стаффа положил руки на поясницу и легко рассмеялся:

— В конце концов, мы все стабилизируем, все образуется, но давайте годик-другой просто понаблюдаем за развитием событий. Таша, сколько раз ты мне надоедал со своим огородом, ты все хотел заняться разведением цветов? Септа, ты мне рассказывал, что у тебя нет контакта с детьми, они тебе стали чужими. Теперь у тебя будет время, займись воспитанием, обрати внимание на их учебу, нам нужны классные специалисты. Райман, я знаю, что ты тайком работаешь над новой теорией силовой генерации. Давай, разрабатывай свою теорию. Обращайся в лаборатории за всем необходимым, я уже дал указания.

Потом Стаффа, будто зная, где она стоит, посмотрел прямо в глаза Скайле.

— Скайла,— и ее будто обдал теплый ветер.— Ты слишком долго принимала огонь на себя и взваливала на свои плечи эту непомерную тяжесть. Ты устала, Скайла, тебе просто необходим отдых, тебе надо заняться собой и расслабиться. Ведь ты наше ядро, ты, именно ты, всех нас объединяешь.— Он сделал паузу, голос его стал еще мягче.— Мне совсем не нравится то напряжение, в котором ты пребываешь все эти дни. Я не хотел бы...— Сердце у нее упало, а потом подпрыгнуло в ответ на его улыбку.— Ты заслужила отдых, как никто другой. Пожили для себя.— Эти слова шокировали ее.— Не хотел бы...

«Не хотел чего, Стаффа? Тебе нужно от меня избавиться?»— такие мысли вертелись у нее в голове, она начала изо всех сил тереть то место на руке, где коснулась его ладони.

Стаффа отвернулся и прошелся назад.

— Что касается делегаций, которые непременно прибудут с просьбами, вы ответите им «нет». Более подробные личные инструкции вы найдете у себя.

Я же отправляюсь подышать свежим воздухом, выпить эля, купить безделушек, потрахаться с женщинами. Я никогда не ловил белых акул. Короче, я отправляюсь на рыбалку. Я уже слышу, как шумит прибой. Подумайте, мы все очень богаты, так давайте пользоваться этим. Он погрозил пальцем.— Только не толстейте! Мы не жирные сеззанские слизни, нам через год-другой снова надо будет включаться в работу, потому держите себя в форме.

Я вернусь, если возникнет какая-нибудь угроза. До встречи! — Голографическое изображение погасло.

Воцарилась тишина.

Потом все разом заговорили.

— Тихо! Еще минуту! — Скайла подняла руку. Таша стоял рядом с ней — гора из мускулов. Он теребил бороду рукой в шрамах, один-единственный черный глаз скользил по лицам, внимательно их изучая. Он пожевал губами и вздохнул:

— Я считаю, мы должны последовать советам Стаффы. Он совершенно прав относительно моих цветов. И он также прав относительно денег. Какая мне будет польза от богатства, если я умру?

Потом встал Райман, поднял одну руку в призыве:

— Я присоединяюсь к Стаффе в оценке политической ситуации. Подумайте сами, Сезза почти развалилась, Рега готова рухнуть под собственной тяжестью. Они зашли слишком далеко и чересчур быстро. Представьте, если мы начнем войну, потеряем корабли, много хороших парней, а в результате, кто может нам заплатить? Стаффа, несомненно, прав. Через несколько лет, когда обстановка стабилизируется, империи будут продолжать соперничать, а мы тем временем будем потихоньку богатеть, не пролив и капли крови. Они будут покупать наши корабли, военные компьютеры. Будут финансировать наши новые разработки. Я согласен, чтобы мы ответили им «нет».

Один за другим вставали офицеры, подтверждая свое согласие. Итак, консенсус был достигнут.

Скайла собралась с духом и прокашлялась:

— Прекрасно, Компаньоны.— Она одарила их улыбкой, хотя ей было совсем не весело.— Я передам эту новость жирному сеззанскому слизняку и этой голодной реганской стерве. Представляю их физиономии, когда они будут докладывать своим императорам о том, что в такие игры мы не играем.

Все громко рассмеялись.

— Ладно, на сегодня все.

Офицеры стали выходить. Скайла позвала:

— Таша? Тэп? Могу я вас пригласить к себе на приватную беседу?

Они согласно кивнули. Когда Лима выходила, то услышала слова Амрата:

— Белые акулы? Рыбалка? Шум прибоя? Я, пожалуй, тоже попробую.

Таша и Тэп шли следом за Скайлой. Таша на ходу заметил:

— Одного не могу понять. Почему он решил побыть один? Это так на него непохоже.

А Тэп спросил:

— Что будет с безопасностью? Скайла, он тебе ничего по этому поводу не говорил?

— Компаньоны, давайте поговорим у меня. Здесь нас могут подслушать. Не забывайте, у Сеззы и Реги везде уши.

Тэп запротестовал:

— Но здесь они не могут подслушивать.

— Возможно,— ответила Скайла.— Но я чувствую присутствие Айли Такки. Назовите это женской интуицией.

Походка Таши и Тэпа напоминала медведей на охоте. Когда они все вошли, Скайла закрыла дверь и повернулась к ним, скрестив на груди руки.

— Тэп! Таша! Стаффа в беде. Мы должны помочь ему. Все нужно провести в строжайшей тайне. Если они узнают, что Стаффа один, без защиты, уязвимый, они сразу попытаются его достать.

Пораженный Таша прошептал:

— Господи, неужели наш Лорд Командующий совсем не в себе?

Скайла в ответ кивнула:

— Да, можно сказать и так. Сейчас нам нужно охранять профессора Сорнсена. Я дам вам посмотреть записи разговора Претора и Стаффы в госпитале на Миклене, и вы все поймете. Все, Компаньоны, пора за работу. Необходимо найти Стаффу до того, как кто-нибудь заподозрит, что мы его ищем. Нам нужно опередить всех.

Холодная ярость бушевала в мыслях Айли Такки. Пока она кипела от злости, ей вдруг пришла в голову забавная мысль, что гнев ее дурацкий. Просто она не привыкла ждать. Черт с ним, с этим варваром-наемником!

Чтобы успокоиться и прийти в себя, она погладила символ власти, выданный ей Тибальтом. Безграничная сила — вторая в империи исходила от маленького металлического знамени с гербом Реги. С ним она могла командовать флотом, разрушать миры. Одно прикосновение к этому жезлу власти вызвало в ней дрожь предвкушения.

Она переступила порог конференц-зала и заколебалась, увидев эту невыносимую жирную тушу Майлза Ромы — Легата, жеманного гомосексуального сеззанского императора, самопровозглашенного бога, Легат восседал в широком кресле. Его свита столпилась вокруг. Дорогу, конечно, ей уступили. Она чувствовала, как ее глаза сверкают от гнева, когда она садилась на второй свободный стул рядом с сеззанцем. Третий, очевидно, предназначенный для Стаффы, стоял с другой стороны стола пустой.

Ее свита входила в эту заполненную людьми комнату, создавая немыслимое столпотворение. В этот момент бесшумно отворилась потайная дверь, и появилась Скайла Лима. В комнате внезапно стало тихо. Немедленно споры и ругань между сеззанцами и подданными Реги прекратились.

Подполковник авиации прокашлялась:

— Я думаю, было бы гораздо лучше, если бы лишние вышли из зала. Я предпочитаю обсуждать дела с двумя делегатами.— Она выпрямилась, фиолетово-голубые глаза смотрели на всех без всякого выражения.

Айли подавила в себе вспыхнувший было гнев, бросила уничтожающий взгляд на жирного сеззанца и, повернувшись, сказала:

— Я не уверена, что сеззанский Легат сам в состоянии решать дела с Компаньонами, а я могу. Мои люди немедленно освободят помещение.— Один ледяной взгляд ее черных глаз, и ее свита будто испарилась. Айли повернулась, и холодный презрительный взор окатил Легата.

Майлз Рома часто задышал и нервно сглотнул. Всплеснув толстенькими коротенькими ручками, он посмотрел снизу вверх на Скайлу:

— Это так странно и неожиданно! Я протестую! Во-первых, мы прибыли, чтобы встретиться с Лордом Командующим лично. Во-вторых, мы здесь для проведения частных переговоров. Вы должны были вначале все обсудить со мной, а потом с этими... этими... И как же я обойдусь без поддержки?

Скайла скрестила руки на груди, ее глаза излучали такую силу, что, казалось, и Айли чувствовала это,— они могут буквально испепелить этого белого слизняка. Чтобы укрепить свои позиции, Айли сказала:

— Я очень искренна, подполковник авиации, я отвечаю за себя. И если Легату нужно так много, чтобы...

— Вон! — заорал Рома, указывая своим людям на дверь. Айли с триумфом сузила глаза. Да, ничего не стоит привести в чувство этот тупой кусок сала, это все равно, что разрезать горячий жир молекулярным ножом.

Со спорами, жалобами и стонами сеззанская делегация наконец удалилась. Скайла слегка коснулась стены, и дверь за ними затворилась. Айли обратила внимание на смятение, отразившееся внезапно в глазах сеззанца, заплывших жирными складками,— он боялся. Глупец! Он думает, что Компаньоны не соблюдают гарантий дипломатическим персонам. Айли позволила себе расслабиться, отстегнула сумку с документами, прекрасно понимая, что наносит еще один удар дрожащему Легату.

Скайла села в свободное кресло, побарабанила пальцами по столу:

— Лорд Командующий и Компаньоны просят вас передать нашу признательность вашим весьма уважаемым правителям.

Айли задала вопрос:

— Я полагаю, что Лорд Командующий не прибудет на встречу? Могу я узнать почему?

Глаза подполковника авиации заледенели:

— Вы — можете.

Пауза затянулась. Рома от страха начал обильно потеть. Запах его пота был таким сильным, что перебивал духи. Не выдержав, Айли спросила:

— Почему его нет здесь?

— Прошу прощения,— прохрипел Майлз Рома.— Он что, не желает встречаться с Легатом Его Святости?

— Вас сюда никто не приглашал, Легат,— резко ответила Скайла.— Мы не предполагали, что вы прибудете так быстро после завершения Миклениансной кампании. Мы ведь соблюдаем правила этикета и рассчитываем, что и вы следуете им.

— Мы хотели лично выразить Лорду Командующему благодарность и надеялись, что он выслушает послание Его Святости.

— Мы бы тоже хотели видеть Лорда Командующего,— Скайла откинулась назад и хлопнула ладонями по столу, подумав: «Ах, если бы он был здесь».

Наступила тишина, Айли задала вопрос:

— Все-таки я могу узнать, где он?

— На рыбалке.

— Я вас не поняла.

Скайла перевела жесткий взгляд с Ромы на Айли.

— Вы же слышали. Лорд Командующий наслаждается досугом. Он передал мне соответствующие инструкции, просил передать извинения, но в данный момент Компаньоны никому не будут оказывать услуги.

Айли дернулась, услышав, как тяжело задышал Легат.

— Но вы даже не соизволили выслушать наши предложения!— завопил Рома.

Скайла со вздохом кивнула:

— Да, но если бы вы предложили пути проникновения за Запретные Границы, то это бы, конечно, заслуживало внимания. А так,— у нас достаточно денег, и мы можем себе позволить отдохнуть пару лет. Или вы хотите предложить на продажу планеты? Но у нас есть Итреатические Астероиды. Энергию? Мы обладаем ею в достаточной степени. Может, вы предложите нам в управление миры? Ну что ж, один или два офицера могут согласиться на ваше предложение и ответить «да», но при условии, что это будут хорошие и богатые миры. Нет, вы не это хотели предложить нам, по вашим глазам вижу. Да, вы правы, мы не стоим этих хороших миров.

Айли невесело рассмеялась.

— То есть вы хотите сказать, что эти межимперские конфликты обескровили нас, конфликт на грани взрыва, а мы, прибывшие, чтобы заложить свои души и умолять вас о помощи, попали не туда, и Лорд Командующий говорит нам: «Пардон, я в этом не заинтересован».— Ее острый ум, быстро проанализировав создавшееся положение, выдал заключение: этот ублюдок Стаффа, вне всякого сомнения, набивает себе цену. Да, отлично сработано.

Скайла вынула из сумки два пакета и швырнула их через стол.

— Да, так. В этих коммюнике Лорд Командующий изложил все доводы. Проследите, пожалуйста, чтобы они попали к вашим уважаемым императорам, а внимательно их прочитав, вы поймете, почему мы не оказываем услуги именно сейчас.— Скайла поднялась и собралась уходить.

Тут взорвался Рома:

— Но это же так нелепо! Я не понимаю, как можно отказываться!

— Вы думаете, что можно улучшить ситуацию, если действовать напролом, как вермилионский носорог? — прервала его Айли. Рома повернулся к ней, вся его туша заколыхалась, как мерзкая медуза. Он прошипел:

— Настанет день, когда мы войдем победным маршем в ваш императорский дворец, ты, ведьма. И я тебя там найду. И никто тогда тебя не спасет, ни охрана, ни твои наемные убийцы. Наступит такой победный день.

Айли очень спокойно отреагировала на этот всплеск ярости:

— Поживем — увидим, Легат.— Кивнув на прощание Скайле, она встала и вышла в переполненный холл. Ее свита толпилась на одной стороне, бросая яростные взгляды на сеззанцев, занявших другую половину холла.

Айли вошла в свою комнату, вскрыла дипломатический пакет и сканировала его содержание. Прекрасно, Стаффа дал им шанс не воевать. Интересно, что из этого выйдет?

Она собрала страницы вместе и стала задумчиво хлопать ими по колену, обтянутому черным микленианским шелком. Нет, в этом должен быть более глубокий смысл. Стаффа на рыбалке? Это нелепая и просто смешная ложь. Нет, просто Стаффа тянет время, набивает себе цену, доводя попутно империи до белого каления.

Она нахмурилась и повернулась к комму:

— Соедините меня с подполковником авиации Скайлой Лима. Это министр империи Рега.

На экране появилось лицо Лимы:

— Да, министр? Выражаю вам опасения, что мы все-таки не примем ваши предложения, если вы за этим вызвали меня.

Айли изобразила легкую дипломатическую улыбку:

— Нет, я не за этим. Я думала о сложившейся политической ситуации в Открытом Космосе, читая замечательное послание Лорда Командующего. Отдаю себе отчет, что мы не преуспели в служении нашему императору Тибальту VII. Потому от имени императора прошу разрешения открыть посольство Реги на Итреатических Астероидах.

Скайла покачала головой, глаза стали замороженными.

— Мы получали и раньше подобные предложения, но Лорд Командующий вел свою политику и всегда отказывал. Полагаю, что вы понимаете, как это может повлиять на наш нейтралитет? К тому же, мы не хотим разногласий среди наших людей, которые могут возникнуть на основе чьей-либо пропаганды.

Айли согласно кивнула:

— Да, это мудрая политика. Но все же постарайтесь довести до сведения Лорда Командующего наши предложения. Информируйте его, что мы согласны платить сто тысяч имперских кредитов за аренду помещений и услуги.— Айли обрадовало сомнение, мелькнувшее в глазах Скайлы. Айли предложила такую сумму, что на нее можно было купить правительство большой планеты. Если им удастся внедрить сюда свое посольство — это будет первый шаг к тому, чтобы склонить Компаньонов на свою сторону.

— Прошу прощения,— наконец, после долгого молчания сказала Скайла.— Это выходит за рамки моей компетенции.

Айли еще раз кивнула, на этот раз с особой улыбкой:

— Понимаю.

«Придет такой день, белокурая красотка, и я смогу насладиться твоими мучениями»,— подумала Айли.

— Благодарю вас, подполковник авиации, за оказанное внимание.— Она замолчала, колеблясь,— у нее мелькнула новая мысль:

— Как бы нам... я имею в виду, что вы собираетесь оказывать услуги только в незначительных случаях и только тогда, когда они не будут связаны с основными разногласиями между империями, разве не так?

— Вы имеете в виду бунт на Тарге?

Айли изучала эти холодные голубые глаза. Да нет, там не было и следа притворства. Айли смаковала свои ощущения, а улыбка становилась все более искренней. Какое же удовольствие могла бы доставить эта белокуро-ледяная красотка! Вот наконец-то она встретила достойную соперницу, искушенную и такую же хитрую.

— Конечно, Тарга — это текущая территориальная проблема.

Скайла согласно кивнула.

— Мы обсудим этот вопрос с Лордом Командующим. Если он заинтересуется, я сообщу вам. Но не забывайте, что мы только что участвовали в кампании, и наши люди устали, многие ранены. Все они нуждаются в отдыхе. Может, оставим этот вопрос пока открытым?

— Разумеется,— Айли ощутила легкую надежду. «Если ситуация на Тарге дезинтегрируется, то возникнет неплохая возможность слегка расшевелить эту скучную жизнь. Потом будет продолжение гражданской войны. И нужны более действенные средства, чтобы как-то возбудить народ. Может, послать вооруженные корабли повстанцам? Или пожертвовать несколькими корпусами реганской армии для поддержания тарганской оппозиции? Если разгорится большая война, может, Компаньоны тогда вмешаются? Такой повод для их непомерного тщеславия будет значить гораздо больше, чем золото и драгоценности».

— Еще раз благодарю, что уделили мне внимание и время,— Айли вежливо кивнула на прощание и выключила связь.

«Все-таки, где же Стаффа? На рыбалке? На самом деле?» Существовал единственный путь прояснить ситуацию и решить эту загадку. Раздумывая, Айли медленно вышла в коридор. «Мужчины — будь они рабочими доков или Компаньонами — всегда горят желанием пообщаться с соблазнительной женщиной». С этими мыслями Айли направилась в глубины станции. Несмотря на то, что для нее и ее свиты были открыты для посещений только некоторые секции, через час она вернулась с офицером особого назначения Райманом Арком и ввела его к себе, заманчиво улыбаясь, пока его руки ласкали и гладили ее тело.

«С этим мужланом управиться нетрудно, надо только не насторожить его»,— подумала Айли, и с подкупающей искренностью заговорила:

— Райман, у меня к тебе есть дело. Мне многого не нужно. Но я хотела бы иметь дело с настоящим мужчиной, серьезно относящимся к жизни и непохожим на этих раскисших

женоподобных слизняков-чиновников, с которыми мне так часто приходилось сталкиваться... Куда ведет этот шрам?— она ласково коснулась пальцами его черной кожи и провела по ужасному рубцу.

Райман ухмыльнулся и быстро сбросил униформу. А пока Айли гладила его шелковистую кожу, нежно проводя ладонями по мускулистым плечам, он ее раздел. К удивлению Айли, он не торопился, ждал, когда она возбудится и войдет в ритм, отвечал на каждое ее мимолетное движение. Айли закрыла глаза, расслабилась, позволив ему довести себя до высшей точки наслаждения.

«Жизнь так похожа на это,— подумала Айли.— Надо пользоваться ее неожиданными щедротами, когда они тебе выпадают». И тут же набежала другая мысль: «Правда, все хорошо в меру, или чуть-чуть сверх». Эта мысль не была случайной: прошел уже целый час, а Райман с той же неутомимостью продолжал ублажать ее. По истечении второго часа, который показался ей уже скучноватым и несколько однообразным, она, утомленная и раскрасневшаяся, высвободилась из его объятий и вытянулась на постели, смятой их бурной страстью. Потом потянулась к ночному столику, плеснула виски в тонкий бокал и протянула Райману. Он взял, не заметив, что Айли успела незаметно бросить в бокал крупинку митола.

Следя, как он смакует виски, Айли шепнула:

— Райман, ты потрясающе вынослив.

Он отставил бокал и ухмыльнулся:

— Да и на тебя грех жаловаться!

Ее чуткое ухо уловило легкое замедление его речи — митол начинал действовать, а через минуту-другую все будет в порядке.

Айли хлопнула в ладоши, и зазвучала негромкая серебряная музыка. Наслаждаясь прекрасными звуками Ночной симфонии Жакеда — и удовлетворенная тем, что теперь никто не мог их слышать и видеть,— она вытянулась рядом с Райманом, прижавшись к его уже одурманенному телу. И снова удивилась: даже под действием митола он продолжал ее хотеть! Поистине неутомимый мужчина!

Укусив его за мочку уха, она прошептала:

— Где Лорд Командующий?

Райман помотал головой и промычал непослушными губами:

— Уехал.

Айли согласно кивнула и нежно шепнула:

— А куда? Скажи мне, куда?

Митол, видимо, подействовал основательно, потому что Райман ответил, хоть и медленно, но охотно:

— Не знаю...

Айли приподнялась и склонилась над ним, глядя глаза в глаза:

— Подумай, дорогой Арк, и скажи мне.

Райман слегка оживился:

— Ловять белых акул... и... развратничать... вкушать все удовольствия...

«Черт побери,— выругалась про себя Айли,— если такими темпами вытягивать из этого быка информацию, то и до утра немногое прояснится!»— и резко спросила:

— Ты что, шутишь?

Райман, лениво потягиваясь, пробормотал:

— А чего мне шутить? Стаффа взял себе отпуск.

«Час от часу не легче»,— подумала Айли и, решительно наполнив бокал, протянула его Райману:

— Выпей, мне кажется у тебя в горле пересохло.

Подождав, пока он медленными глотками выцедит жгучую жидкость, Айли с деланным равнодушием сказала:

— Что-то не верится, чтобы Лорд Командующий ни с того, ни с сего бросил все и отправился в отпуск. Ловить акул, ты говоришь?

Райман уронил бокал на ковер, вытер губы и, растягивая слова, вполне внятно проговорил:

— Угу. Велел нам ждать год. Он вернется, и мы начинаем опять воевать. А пока позволим империям прочно встать на ноги, чтобы была гарантия стабильного экономического положения.

— Ты действительно веришь в это?

— Да.

— Как ты думаешь, можно отыскать его? Может быть, есть спецканал связи?

— Это знает только Скайла. Больше никто.

— Скайла его любовница?

— Нет.

— Почему Стаффа именно сейчас взял отпуск, Райман?

— Он очень расстроен.

— Из-за чего?— она нахмурилась и подумала: «Что за черт, что бы это могло означать?»

— Что-то произошло, когда он убил Претора. С тех пор он сам не свой.

Медленно, из обрывков и кусочков у Айли стала вырисовываться цельная картина.

— Спасибо, дорогой Райман. А теперь спи. Утром ты ничего не вспомнишь, кроме того, что много выпил.

Он немедленно захрапел.

Айли легла рядом, мысли метались, она пыталась связывать разрозненное в единое. «Скайла может найти Стаффу? Но как заставить Скайлу действовать себе на пользу? Лима не из тех женщин, которые кидаются на мужчин, пусть даже и очень красивых».

Айли встала и прошла в ванную, отдавая себе отчет, что ясности опять нет и все опять очень непонятно. Она не понимала, почему Лорд Командующий отказался от выгодных контрактов: «Но я тебя найду, Стаффа кар Терма, и рядом не будет твоих Компаньонов».

Стаффа кар Терма бросил последний взгляд на монитор и надел ментошлем на голову пилота, который все еще спал. Ментошлем изменил выражение его лица.

Стаффа представил себе удивление проснувшегося пилота, который обнаружит свой корабль на расстоянии десятка световых лет от Итреатических Астероидов, благополучно стоящим в порту Этарии.

Стаффа достал из сумки коричневую тогу торговцев и надел ее поверх своего серого комбинезона, потом вынул из кармана реганский паспорт. Легко, как привидение, он прошел к люку, открыл замок и ступил на главную орбитальную станцию Этарии. Тревожное любопытство овладело им. Он часто дышал, пытаясь себя успокоить. Когда он последний раз ходил совершенно один в толпе среди чужих людей? Да и было ли это? Назвав себя дураком, он подавил страх и влился в толпу. Он выглядел как и любой прибывший на моление этарианец. Стаффа бродил в толпе по длинным переходам, найдя бюро регистрации, поставил штамп на поручительство и, наконец, поднялся на борт массивного шаттла.

«Что меня ждет впереди? Что я знаю о настоящей жизни простых людей?» Он заморгал, нервно сглотнул, почувствовав, как ладони взмокли от пота и от страха: «Какое странное ощущение от близости стольких людей. Все они кажутся такими... очевидными, явно изолированными друг от друга, запертыми в самих себе».

Он сел рядом с лысым человеком, который смотрел на него. Похоже, он был простым мирным, судя по одежде, торговцем.

— Первый раз на Этарии?— мягко поинтересовался лысый.

— Нет, я был здесь несколько лет назад. Примерно около пяти лет.

— С тех пор немногое изменилось. Вы хотите посетить храм?

Стаффа кивнул.

— Да, пять лет назад,— сосед облизнул губы и покачал головой.— Это как раз когда Палач буйствовал здесь. Люди в панике бежали, а жрецы безропотно сдались реганцам.

— Палач?— Стаффа напрягся.

— Ну да, разве вы не знаете, Звездный Палач, сжигающий детей, Стаффа кар Терма, пусть сгниют его внутренности.

Только железным усилием воли Стаффа подавил в себе желание сломать шею плешивому.

— Но он объединил Свободный Космос, поделил между двумя правительствами и установил порядок там, где раньше был хаос.

— Конечно, но какой ценой?— Торговец поколебался, глядя на свои внезапно затрясшиеся руки. Голос прерывался.— Моя семья жила на Филиппии. Я единственный, кто... остался в живых. Они убили всех, даже детей. А что... что они... они сделали с моей...моей сестрой... до того как они... до того как они...— Он потряс головой, опустив лицо в ладони.— Господи, как я его ненавижу! Если бы у меня был шанс, я бы....

Гнев Стаффы угас. Успокойся, говорил он сам себе. Но сидеть здесь и выслушивать все это...

— Простите, я увидел своего друга.— Зубы Стаффы стучали, он нашел свободное место и сел подальше от этого человека.

Он едва слышал кулца с Вермилиона, своего нового соседа который что-то бормотал о красотах храма, и удивлялся, действительно ли так красива Жрица, как ее описывают.

Выражение лица его разгладилось, но в груди продолжала бушевать ярость, Стаффа стоически дожидался приземления шаттла. Ему вспомнились слова Претора: «Ты убил своими руками»

более десяти биллионов людей. Во многих местах люди с горечью проклинают твое имя. Другим ты кажешься воплощением дьявола».

Кем они были, эти люди, которых он убил? Может, они все походили на этого слабовольного торговца? Тогда, наверное, порода людей значительно улучшится без них.

Он внезапно осознал всю беззащитность шаттла. Сколько таких суденышек погибло под огнем его орудий? Сколько приговоренных планет он перевидал, прежде чем отдать приказ об их уничтожении? Сколько таких планет разнесли вдребезги его бластерные пушки, сколько обледенелых трупов мужчин, женщин и детей медленно проплывали в ужасном танце в вакууме?

Стаффа едва дождался, когда шаттл коснулся земли. Еле сдерживаемая нервная дрожь била его, когда он вместе с толпой покинул судно. Казалось, его разум погрузился в воспоминания, и окружающих он воспринимал как абстрактные фигуры вне времени и пространства.

Кто-то тронул его за локоть. Лысый торговец грустно смотрел на него:

— Простите меня. Я должно быть вас расстроил.— Он глубоко вздохнул.— Это случилось так давно. Только я не могу забыть. Если я забуду, тогда зачем все это? Мы не можем жить как беспамятные палачи, ведь правда?— С этими словами случайный попутчик пропал в толпе.

Стаффа глядел ему вслед, гнев пульсировал в голове, в неожиданном замешательстве он услышал в вопросе торговца свои собственные мысли. Пытаясь взять себя в руки, он шагал, куда глаза глядят, и нахлынувшие воспоминания роились в его памяти, обретая четкость на грани реальности...

Филипиа возродилась,— зеленый мир на фоне звезд. Рваные белые облака лениво проплывали через пустые пространства неба. Филипиа, древний мир — родина искусств и науки. Она должна была стать во главе мира, но Рега завоевала себе это право с помощью Стаффы. Он помнил безжалостный огонь его батарей, разрушивший планетарную защиту. Сначала они разбомбили все города, радиация опустошила огромные пространства, на улицах валялись миллионы трупов, отравленных, сгоревших. А после полной нейтрализации систем защиты они, как сытые этарианские ястребы, налетели на избежавшие гибели провинции, грабя и уничтожая всех и вся.

Он помнил и ночной налет на город. Столбы оранжево-желтого пламени факелами горели в черном ночном небе. Компаньоны бесстрастно расстреливали из пульсовых винчестеров бегущих детей. И сейчас он, как наяву, увидел голову бегущего мальчика, которая разорвалась, как красная дыня. А сколько лет было той медноволосой девчушке? Двенадцать? Тринадцать? Она сначала кричала, потом ее крик перешел в жалобные стоны, пока мужчины насиловали ее один за другим, ласкали ее еле ощутимую грудь, и, в конце концов, обессиленную, неподвижную, пронзили лезвием виброкинжала. Может это была сестра недавнего попутчика?

Стаффа потряс головой и прогнал свои видения прочь.

Неужели они не понимают реалий войны? Чтобы мир изменился, кто-то должен умереть. Это закон.

Он вышел из терминала и попал на запруженные людьми улицы. Сухой воздух Этарии пронзил ноздри. Воняло пылью, потом и какими-то специями. Какофония звуков ошеломила его. Он остановился у гостиницы Юной Девственницы и поднялся по ступенькам. Храм находился через три блок-квартала отсюда.

«Я здесь достаточно долго, чтобы замести следы,— напомнил Стаффа самому себе.— Нужно спросить у этарианского жреца о природе человека и реальности.»

Внутри гостиницы шумная группа гуляк протяжно пела песню. Стаффа занял столик рядом со стойкой и вытянул ноги. Печаль лысого торговца преследовала его, и он вспомнил Крислу. Перед глазами у него снова поплыло.

— Могу я чем-нибудь помочь вам, сэр?— хозяин гостиницы тронул его за плечо.

— Аштанский бифштекс, яйца всмятку, паровые корни ипы и миклениапский бренди,— приказал Стаффа. Внезапная тишина установилась в зале.

— Ладно,— прокудахтал хозяин.— Вы кем меня считаете? Трижды проклятым Звездным Палачом? У нас есть тушеное мясо мийки, ампляр, залитый жиром, во фритюре, и если вы очень богаты, то есть реганский сквид с последнего грузового судна, но стоит двадцать пять кредитов.

— Сквид,— ровным голосом повторил Стаффа.— И это все, что у вас есть?

— Если вас это не устраивает, выметайтесь отсюда на пивоваренный завод, вниз по улице.

Человек за стойкой внимательно оглядывал Стаффу. Блондинка потрепанного вида, откинувшись, смеялась.

Стаффа перестал обращать на них внимание. «Трижды проклятый Звездный Палач? Есть кто-нибудь, кто не проклинает его? Может, хозяин сказал это не со зла, просто так, а может, и он его ненавидит?»

Принесли еду, которая отдавала топленым жиром, порции были маленькие, но может, у них не было ничего лучшего? Он отпил тепловатый портер и бросил на стол монету в двадцать кредитов.

Хозяин обошел вокруг стола и остановился в изумлении:

— О, дьявол! Золото? У вас нет монеты помельче — я не наскребу вам сдачи.

— Это самая мелкая, что у меня есть,— холодно ответил Стаффа. Люди в таверне затаились, прислушиваясь.

— Йо! Фиппет!— позвал один из мужчин возле стойки бара.— Мы тут скинулись и обеспечим этому джентльмену хорошую еду, если он присоединится к нам и выпьет за наше здоровье.

Стаффа поднял свою монету и, кинув хозяину, прошел к бару. Волчьи глаза уставились на него в ожидании. Блондинка окинула его взглядом с ног до головы, в глазах мелькнул интерес. Она одарила его широкой улыбкой, обнажив редкие зубы. Одета компания была очень неопрятно — коричневые робы засалены, покрыты грязными пятнами.

— Меня зовут,— начал Стаффа и подумал: «Каким же именем назваться?»— и продолжал:— Терма.

— Как Звездного Палача?— поинтересовалась блондинка.— Да, не повезло тебе, приятель, это пожизненное проклятье. Здорово, что у тебя есть золотишко, можешь держаться подальше от всяких крикунов.

Стаффа с любопытством рассматривал ее, потом поднял свой стакан:

— Ваше здоровье, благородные люди.— И подумал: «Господи, ну почему мне так тяжело разговаривать, я не знаю, о чем говорить. Но я же хочу поближе познакомиться с простыми людьми, а для этого надо общаться и изучать их, побыть среди них».

Хозяин прошел за прилавок, пряча глаза и качая головой.

— Выпьем за здоровье джентльмена. Давайте,— сказал высокий мужчина по имени Броддус.— Ты не хочешь пойти с нами в одно место, достойное твоих денег? Обещаем, что тебя там вкусно накормят, если ты, конечно, заплатишь.

— Да нет, я думаю, что мне пора уходить,— ответил Стаффа и швырнул золотую монету на прилавок.

— Это за вашу доброту.

— Еще увидимся,— пообещала блондинка.

Стаффа вышел на улицу. Наступила ночь, зажглись неяркие, туманные светильники.

— Терма?— Стаффа повернулся и увидел Броддуса, выходящего из дверей таверны.— Ты не хочешь с нами выпить?

— Мне нужно...— нахмурился Стаффа,— идти. Я должен увидеть жреца.

— Так вот я жрица, — вышла вперед блондинка, подошла к нему и обняла его.— Ведь ты за этим прибыл в Этарус?

Стаффа покачал головой, мысли его смешались. «Нет, только не сейчас, это Претор что-то сделал»,— подумал он.

Броддус подошел с другой стороны и, обхватив его за плечи, предложил:

— Пойдем, мы о тебе позаботимся.

— Мы хорошо о тебе позаботимся,— пообещала блондинка, а третий мужчина подталкивал Стаффу сзади.

— Дайте мне пройти,— почему-то прошептал Стаффа, язык вдруг сделался толстым и непослушным.— Не трогайте меня!

— О,— шепнула блондинка ему прямо в ухо,— мы с тобой, чтобы помочь тебе.

Паника охватила Стаффу, инстинктивно он выругался. И не сумел увернуться от направленной в лицо серебряной трубки, которая выстрелила вонючим газом. Собрав остатки силы, он двинулся вперед, схватил руками чью-то мягкую плоть, раздались пронзительные крики, он рвал руками врагов, бил и ломал кости, потом туман плотно обступил его. Он не помнил, как упал, но еще слышал чей-то захлебывающийся стон, рядом кто-то в агонии хрипел. Он ощутил, как чьи-то руки обшаривают его и услышал:

— Клянусь яйцами Звездного Палача, на нем скафандр.

— Тогда понятно, почему ты не смог его убить.

— Золото, вот повезло! Слушай, Пакт мертв, эта сволочь его убила.

— Давай ноги отсюда, скоро прибудут шпики.

Стаффа попробовал пошевелиться и не почувствовал собственного тела. Потом услышал шум удаляющихся шагов, ощутил холодок и потерял сознание. Последнее, что он запомнил — это запах рвоты.

Синклер оперся на кровать и встал. Этих двух недель, что он провел в госпитале, ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Он осмотрел себя: ярко-розовый, местами красный рубец пересекал левую сторону его тела. Синклер провел по нему пальцами, поражаясь гладкости нежной ткани, и подумал: «Мое тело, что сделали со мной бластеры бунтовщиков! Самое интересное, что я так долго бежал и не знал, какая у меня рана. Наверное, я орал, ведь это так больно».

Он окинул прощальным взглядом стены и потолок, окрашенные в тошнотворный зеленый цвет, и начал одеваться. Новенькая форма сияла. Ему трудно было двигаться — он лежал спеленутым в кокон все это время, и суставы утратили подвижность. А кроме того, усиленная васкуляризация разорванных мышц, вследствие лечения, сковала его мускулатуру. Он прислушался и обрадовался — ухо работало, звон пропал. Потом, довольный, он посмотрел на себя в зеркало. Общий вид неплохой, особенно с оружием. Он взглянул себе в лицо: все тот же удлиненный овал, те же разного цвета глаза. Синклер спустился вниз и протянул свою карточку толстой женщине со значком Доктора.

— Рядовой Фист Синклер, компания Б, второе отделение Первой десантной Тарганской дивизии,— пробормотала она, доставая папку из картотеки, и посмотрела на него голубыми глазами:

— Я отмечу в вашем досье — «Годен к строевой». Вы должны пройти в операционный блок для личного состава. Я им передам, что вы туда направляетесь.

— Спасибо,— Синклер отсалютовал и вышел в холл.

В холле царила суматоха: там находились новобранцы Реганского экспедиционного корпуса. Рега готовилась мстить за уничтожение своих дивизий.

Синклер прождал двадцать минут перед операционной, потом, наконец, его вызвали. Он отсалютовал комиссии, состоящей из пяти офицеров.

— А, рядовой Фист,— из-за монитора выглянул врач. Комиссия внимательно и молча его рассматривала, лица оставались строгими и непроницаемыми.

— Сканируйте данный рапорт и дайте, пожалуйста, комиссии объяснения.

Синклер получил стопку листов, просканировал страницы, читая об их побеге до того, как их подобрал патрульный катер.

— Согласен со всем, кроме одного: что я один спас троих. Мы

работали вместе. И еще, цитирую: «рядовой Фист предупреждал о возможном нападении на почтовое отделение, но сержант Джино Хэмлиш не отреагировал». Это было не так. Я не успел предупредить сержанта. Он вернул бумаги. Шеф комиссии кивнул:

— Возражения приняты, рядовой.— Он глянул на коллег и те согласно кивнули.— Далее, учитывая все обстоятельства, мы присваиваем вам звание третьего сержанта II секции Первой Тарганской десантной дивизии. Первый капрал Макрудер передаст вам командование в блоке Д. Получите обмундирование и подробные инструкции на складе. Все, вы свободны.

Синклер отдал честь, вздохнул и выбежал из операционного блока. Он должен был найти склад, где ему выдадут новенькие сержантские погоны, новый десантный винчестер или бластер, новый полевой пакет и инструкции. Обойдя несколько зданий, он, наконец, нашел Блок Д — резиденцию командования за защитным энергетическим периметром. Подымаясь по ступенькам, ведущим к входу, он услышал мощный трубный голос Макрудера и, обернувшись, увидел капрала, занимающегося с группой рядовых. Они бегали с выпученными глазами через площадку, где раньше был публичный дом.

— Эгей, Мак!— закричал Синклер и приветственно поднял руку.

— Стой!— голос Макрудера перекрыл стоявший на площадке нестройный шум.— Синк! Живой, здоровый!— И Макрудер рысью подскочил к Синклеру. Увидев погоны, присвистнул:— О, елки-палки, ты уже сержант. Я был рад, когда мне присвоили первого капрала.

— Да мне говорили, что я теперь твой командир.— Синклер испытующе посмотрел на Макрудера: не станет ли это препятствием в их дружбе?— Гм, ну, ты понимаешь, я...

— Заткнись. Это я рекомендовал тебя. Странно, что они прислушались к низшему офицеру.— Макрудер повернулся и посмотрел на своих солдат, с любопытством наблюдающих за их встречей.

— Гретта и я остались в живых только благодаря тебе, Синк,— он улыбнулся. Я не настолько тупой, чтобы забыть, кому я обязан жизнью. И мне нравится работать с тобой. Мы составим грандиозную команду, правда?

— Да. С Греттой все в порядке?

Глаза Мака сверкнули:

— Йе, она страшно за тебя переживала. Ее тоже произвели в первые капралы. Она командует группой А, я — группой Б.

Синклер покачал головой.

— Все-таки я не понимаю. Зачем нас повысили в звании?

Улыбка Макрудера погасла:

— Затем, что мы ветераны, приятель. Мы остались в живых. Повышения проводят скорей, когда дивизия погибает на девяносто процентов. Ты, я и Гретта — единственные уцелевшие из второго отделения, Синк. Никого больше не осталось. Только мы. Будь проклят этот Этарус!— Макрудер добавил:— И ты спас нам жизни. Гретта и я, мы помним об этом.

— Что я должен делать?— спросил Синклер, начиная нервничать из-за ответственности, свалившейся на него.

— Мы должны сегодня выступать в сумерках. Я получил приказ подождать нового командира,— тебя. Первый дивизионный Аткин приказал нам занять позиции на дороге, ведущей к холмам. Начальство думает, что бунтовщики используют эту дорогу для перевозки оружия в столицу. Наша задача — перекрыть этот путь.

Последние слова перекрыл грохот двигателей — над головами пролетели два десантных судна. Синклер вдруг понял, почему блок Д расположили именно в этом месте — площадку использовали для посадки десантных судов.

— Эй, ублюдки, уберите ваши задницы с площадки,— заорал Макрудер на своих солдат, видя, что они так и стоят на месте. Новобранцы едва успели отскочить, как десантные суда приземлились, подняв тучи песка и пыли.

— Вот болваны,— выругался Макрудер,— тарганцы разнесут эти катера вдребезги.— И он принялся чехвостить своих незадачливых солдат.

Подъехал трап, и по нему, не спеша, спустился летный техник.

— Это все?— спросил он.— А должно быть целое отделение.

— Какое?— спросил Синклер.

— Второе. Мы должны их доставить на запад. Давайте, поехали. Мне еще две ходки делать.

— Проклятье, я ведь только что прибыл,— разбушевался Синклер.— В отчаянии он замахал руками Макрудеру:— Мак, возьми своих прыгающих болванчиков, и давайте грузиться.

Синклер поднялся по трапу, неся свою амуницию. Что еще оставалось делать? Он аккуратно уложил свои вещи и спустился вниз, размышляя, сумеет ли он командовать? Усадив новобранцев на скамейки десантного отсека, выглянул из люка. По трапу поднималась Гретта, за ней шли солдаты, группа А. У Синклера перехватило дыхание. Гретта выглядела потрясающе — рассыпавшиеся по плечам блестящие, цвета красного дерева волосы обрамляли ее прекрасное лицо. Она увидела Синклера и остановилась. Тонкая фигура четко вырисовывалась на фоне неба.

Синклер поспешил ей навстречу, от волнения у него пересохло во рту.

— Гретта?

Она улыбнулась, глаза ее просияли.

— Ты в порядке?— О, Синклер, как я переживала за тебя! Они обнялись.

— Сержант Фист,— прервал их летный техник.— Полагаю, что сейчас не время.

— Ладно, поговорим, когда всех рассадим,— сказала Гретта и подтолкнула Синклера вперед.

Синклер еще не видел своих капралов, и Мак представил его Хоувзу — первому капралу группы С, Эймзу — Д, Кэпу — Е, Шиксте — капралу артвзвода.

Все капралы выглядели зелеными, не нюхавшими пороху. Рядовых набрали со всех концов империи, некоторые даже не знали реганского языка.

— Порядок,— сказал Синклер, ускорение отбросило его на брезентовую обшивку.— Мак, вы с Греттой выйдете первыми. Нужно убедиться, что мы не попадем в засаду. Лучше заранее проверить. Я смотрел карту местности, где нас высадят. Это на перевале. Справа скалистый холм. Необходимо установить тонкий защитный периметр вокруг холма. Ты займешься этим, Мак. Группы С, Д, Е займут пролом. Шикста должен разместить тяжелые орудия в такой точке, чтобы доставать огнем до любого участка периметра. Понятно? Будем надеяться, что нас не убьют.— Синклер продолжал:— Когда выгрузимся, надо сразу окопаться. Хоувз, ваши люди займутся этим.

Хоувз поинтересовался:

— А как насчет охраны здоровья? Я был на Аштане инспектором по охране здоровья и знаю, сколько вредных микроорганизмов есть в тарганской почве.

Синклер невозмутимо ответил:

— А я знаю, как выглядит человек после прямого попадания бластера. Окапывайтесь или вас убьют. У вас нет выбора. Еще вопросы, капрал?

Хоувз нервно сглотнул:

— Нет.

— Но, сэр, как мы будем атаковать, если окопаемся?— спросил Кэп.

— Кого это вы собираетесь атаковать?— сухо поинтересовался Синклер.

— Тех, которые на нас нападут, сэр,— лицо Кэпа покраснело и исказилось от напряжения.— В учебнике написано, что атака противника может быть остановлена и колонны нападающих должны быть сметены быстрой контратакой. И в этом случае нужны быстрота и стремительность.— Он подергал головой в такт своим словам.

Синклер криво усмехнулся и ответил:

— Я читал учебник, капрал Кэп. Этот учебник убил девяносто семь процентов второго отделения на Каспе. Мы не штурмуем планету. Мы ведем совершенно другой вид войны. И в учебниках об этом ни слова.— Он посмотрел на их взволнованные лица.

Они молча ждали, нервничая, что слушают подобную ересь. Эймз теребил пальцы, Шикста постукивал носком сапога, опустив голову. Синклер кивнул в ответ на их беспокойство.

— Да, я понимаю. Долго сейчас никто не воюет. Это называют социальной революцией. Раньше, очень давно, это называли партизанской войной. Вас будут убивать исподтишка, тайком, и вы не увидите того, кто в вас стреляет. Потому что вы просто не ожидали нападения.

— Но это же нарушение всех правил,— возмущенно провозгласил Хоувз.— Это же настоящая дикость!

— И человеческая жестокость. Эту древнюю форму ведения войны кто-то вытащил на свет Божий из исторических книг,— Синклер нахмурился.

Макрудер поднял голову:

— Мальчики, вам лучше вытащить затычки из ушей. Мы же с Греттой вам рассказывали. Мы там были. Что с тобой, Синк?

— Думаю. Около двухсот лет назад на заре имперской эпохи была созвана конференция о методах и способах ведения войн. Тогда же получили распространение усовершенствованные программы обучения, в которые были заложены благородные принципы. Думаю, кому-то было выгодно сейчас вспомнить о партизанской войне.

Макрудер попросил:

— Синк, объясни, первый раз слышу такой термин.

Синклер кивнул:

— Я уже говорил, что это древний способ ведения войны. И не думаю, что у империи есть что-либо, что можно противопоставить партизанщине.

— Значит, если все пойдет очень плохо, вмешается Звездный Палач, и тарганцам придет конец?— Эймз поморщился и бросил вокруг настороженный взгляд.

— Вполне может быть,— пробурчал Синклер, погруженный в собственные мысли.— А возможно, что элита, организовавшая этот бунт, что-то раскопала в прошлом и таким образом думает держать в руках Звездного Палача.

Ему стало трудно говорить, потому что судно снижало скорость до 5 «ж». Корабль затрясся, и Синклер лениво подумал, почему бы не снижать скорость более плавно. Он хотел только одного — чтобы в них не стреляли, когда они будут выгружаться.

Все прошло благополучно — посадка, выгрузка. Поставили периметр вокруг холма, выбрали удачное место для тяжелых орудий. Зеленые новобранцы уже не спорили, послушно следовали его указаниям. До темноты все было спокойно. Синклер знал, что ночью начнется самое страшное, и это страшное может продлиться до рассвета.

Скайла даже не подозревала, что Стаффа занимает такое большое место в ее жизни. Он всегда был рядом. А сейчас, когда он исчез, ей было очень тяжело и страшно одиноко.

Она откинулась на спинку кресла и принялась внимательно рассматривать вектор, по которому курьерское судно должно было вернуться на Аштан. Отметив пик радиации, точно определила направление реакции распада. Чуткие сенсоры ускорили движение позитронов из прошлого, потом они аннигилировали. С этой частоты приборы высочайшей точности рассчитали период полураспада и дали направление движения Стаффы.

Да, на Аштан Стаффа не полетел. Вместо этого он прибыл на Этарию, но зачем? К жрицам? Смешно,— у него был богатейший выбор на Астероидах, а потом, если ему очень хотелось — к его услугам были женщины со всех концов Открытого Космоса. Нет, не женщины интересовали Стаффу. Этарус — открытый порт, и там легче всего затеряться и замести следы.

Компьютер дал лазерный луч в направлении Итреатических Астероидов. На мониторе возникло озабоченное лицо Таши:

— Ты нашла?— спросил он.

— Этария,— ответила она,— и я направляюсь туда. Сообщу, если что-нибудь найду. Будь готов.

— Обязательно... удачи тебе.

Она выключила связь и стала просматривать график курса, предварительно надев ментошлем, стимулирующий мощь мозга. Сейчас не время колебаться, подумала она, надо решительно действовать. Будь ты проклят, Стаффа, зачем ты меня втянул в это?

Скайла дала команду, «лечь на курс» и устроилась поудобнее. Да, Стаффе тяжело придется среди незнакомых людей — у него нет никакого опыта. Он, конечно, блестящий тактик и великолепный воин, но что ему известно о вероломстве людей? Особенно таких, среди которых она выросла? Скайла установила основной двигатель и построила Дельту У, приготовившись к Прыжку. Радиация судна Стаффы начинала пропадать,— прекрасно, значит, она на верном пути.

«Да, если бы у меня был ребенок,— подумала она,— я бы так же постоянно думала о нем, как и Стаффа. Похоже, я превращаюсь в сентиментальную стерву»,— сказала она себе, увеличивая давление в термоядерном реакторе, сужая коллары.

«Мне нужно представить себя на его месте. Наверняка он попал в беду. Скорее всего придется вызвать наш флот и вызволять Стаффу. Интересно, куда он направится после Этарии? На, Таргу. Ведь о ней говорил ему Претор. Очень много седдианцев на Тарге».

Она сжала кулаки и легко вскрикнула, взглянув на монитор. Нужно немедленно принимать меры по стабилизации курса корабля.

Через несколько мгновений все возвратилось в норму. И она вернулась к своим мыслям: какой все-таки была Крисла? Чем она завоевала Стаффу: холодным вызовом или любовью? Что нужно, чтобы покорить его, Стаффу кар Терма? Крисла, как говорят, была самой совершенной женщиной, кем Стаффа рассчитывает заменить ее?

Скайла отмахнулась от этих мыслей и стала смотреть на звезды. Беспокойство в ней нарастало. Уже больше суток, как Стаффа улетел с Астероидов, и в какие только неприятности он мог попасть за это время? «Молю бога, чтобы я прибыла вовремя».

Айли Такка внимательно следила за изображением маленького крейсера, готовящегося к Прыжку в гиперпространство.

— Что ты думаешь о нем, командир?

— Это трехместный крейсер, там может быть кто угодно,— командир почесал нос, стараясь не смотреть в глаза Айли. Он очень боялся встретиться с ней взглядом.

— Как ты думаешь, за сколько имперских кредитов можно продать такой крейсер?— спросила Айли мягким голосом, но глаза оставались холодными.

— Думаю, что за четыреста тысяч, министр.

— Не верю, что кто-то из людей Стаффы мог... Впрочем, мы точно ничего не знаем, правда?— она провела стилусом по руке.—

А может, это официальный бизнес? Или Скайла Лима несется к Стаффе доложить о наших предложениях? Как там, триангуляционная цель наведена?

— Несомненно она держит путь на Этарию, министр,— глядя на экран навигатора, ответил командир.

— Хмм, ты находишь, что крейсер ускоряется слишком быстро?— Айли нахмурилась,— жаль, что я плохо знакома с подобными вещами.

— Первое орудие,— вызвал командир,— направить доплер на крейсер.

— Есть, сэр. Ускорение крейсера около 60 «ж», сэр.

— Это очень хороший корабль, министр,— нахмурился командир.— На нем мощное компенсаторное оборудование. Я повышаю его цену до шестисот тысяч имперских кредитов.

— А потолок нашего ускорения,— Айли вопросительно подняла брови. Командир слегка подумал:— Мой экипаж может перенести 40 «ж». Но с вами на борту — только 30, в целях вашей безопасности.

— Командир, немедленно ускоряйтесь до сорока! Мы, конечно, не дотянем, но надо быть к ней поближе.

— Госпожа министр, вы понимаете о чем говорите? 40 «ж» раздавит ваше тело.

— Я вам приказываю.

— Слушаюсь,— согласился командир с тяжелым вздохом.— Но вам нужно надеть скафандр. Повторяю, я против, но если вы настаиваете...

— Я надену, командир. Где скафандр, покажите, что мне нужно делать....

Когда Айли сходила с мостика, раздался рев клаксонов и команда:

— Приготовиться к ускорению в 40 «ж». Срочное предупреждение! Готовность три минуты! Внимание! Закрепить все предметы, приготовиться к ускорению в 40 «ж»!

«Ну, Скайла,— подумала Айли,— следующая наша встреча непременно произойдет в Реганской империи, и сколько там разного может произойти...»

Бруен, глядя на Бутлу, подумал, что тот похож на отдыхающего тигра. В воздухе ощущалось напряжение, даже здесь, в этих покоях, глубоко под Веспой. Скалистые стены несли на себе следы минувших веков. Неудивительно, что ощущается такое напряжение: чего только не видели эти камни, немые свидетели дикости, вызванной к жизни трижды проклятой Мэг Комм.

Тишину прервал Хайд своим отрывистым кашлем. Они сидели втроем за столом — Хайд рядом с Бруеном, а Рета — напротив, во главе. Бутла покачивался из стороны в сторону, сидя на стуле. Мускулы под кожей играли, выражение глаз было задумчивым. На нем была снежно-белая форма наставника.

— Да, Рега контролирует всю Каспу. Групповые патрули в боевой готовности. На нашу стрельбу из укрытий они отвечают

разрушением целых кварталов. В столице поселился страх.

Бруен посмотрел на Хайда.

— Ну, разумеется, мы ждали этого. Страх рождает недовольство, и появляется желание вернуться к нормальной жизни.

Бутла сжимал и разжимал кулак, любуясь игрой мышц предплечья.

— Реганцы действуют очень осмотрительно, Магистр,— пророкотал он глубоким басом,— мы надеемся, что они и дальше будут так продолжать.

— Вы хотите дать им ненадолго свободное правление?— спросил Хайд.

Бутла пожал плечами:

— Я не вижу пока другого выхода. Эта их новая дивизия и ее, хмм, Аткин, пекущийся о своей карьере, могут накликать на Регу новые беды.

Бруен согласно кивнул:

— Тебя волнует, что он беспокоится о карьере?

Темные глаза Бутлы в ответ сверкнули:

— Ну, если ты мне скажешь, что такое поведение неопасно в данных обстоятельствах, то я тебе, может, и поверю.

Бруен засопел и помассировал ноющее бедро:

— Конечно, я тебе этого не скажу, Бутла. Этот человек параноидального склада, и когда его страх беспричинно растет, тогда его поведение становится непредсказуемым. Этот круг порочен и замкнут, и он, именно он, рождает такого рода бунты.

Рета потянулся и скрестил на груди руки:

— Так что вы предлагаете, Магистр?

— Насколько маневренна и компактна служба безопасности реганцев?

Бруен откинулся назад в кресле и, закрыв глаза, задумался. Какие меры могут предпринять в пределах лимитированно-воспринимаемой структуры будущего, какую фазу они поддерживают? Что в цепи случайностей может сыграть против них? И какая из возможных фаз станет реальностью?

— У реганцев сильные сторожевые посты,— ответил Бутла.

— А ты сможешь пробраться через них?

Бутла даже обиделся и заревел:

— Вы забыли, что это всего лишь реганцы!

Бруен пожал плечами и подумал: «Наверное, мне стоит взять ответственность на себя. Нам стало известно, что Тибальт собирается подменить Аткина, а если не получится, то им все равно понадобится время для реорганизаций. А мы тем временем примем меры для расшатывания равновесия на Реге. Лучше тянуть время, пока не найдется Стаффа. Если нет,— то мы проиграем».

— Ты можешь убрать первого дивизионного Аткина?— хриплым голосом спросил Бруен.

Бутла широко улыбнулся, обнажив белые ровные зубы:

— Ну, наконец, я дождался, Магистр. Мне надоело от случая к случаю убивать реганских солдат в темноте — это спорт, а я хочу настоящего дела.— Бутла в восторге выпрямился.— Я смогу сделать

это за одну ночь. Потом мы дадим работу нашей разведке, если противник не активизируется.

— Сделай это!— раскашлялся Хайд. Приступ все усиливался. Его лицо посинело, он задыхался.

Бруен положил ему на плечо руку:

— Старина, я очень за тебя волнуюсь. Тебе все хуже.

Хайд сбросил руку с плеча, вскочил на ноги и, продолжая кашлять, выбежал, прижав ко рту руки.

Бруен сел, опустив голову.

— Я не знаю, сколько он протянет,— сказал он с тяжелым вздохом.— Всегда наступает момент, когда и лучшие медики не в состоянии помочь. По-моему, Магистр Хайд дошел до такого момента. Ничто не длится вечно, даже жизнь великого и добрейшего человека.

Когда Рета заговорил, голос его звучал мягко и глухо, интонации потеплели:

— Он был моим наставником, когда я прибыл сюда. Он... научил меня любви к Богу и дал мне будущее, когда я всех вокруг ненавидел, а в душе царило смятение.

Бруен улыбнулся:

— И потом он тебя учил наблюдать, а наблюдая, создавать фазу настоящего посредством энтропии. Опыт — это знание, а знание дает энергию, которая неразрушима. Смерть — это всего лишь перераспределение энергии, дорогой Бутла, которая...

— ... в конце концов приводит к Богу через энтропию, когда Вселенная взорвется,— закончил Бутла Рета.— Он очень тепло улыбнулся, оживляясь:— Да, Магистр, он научил меня всему этому. Я не боюсь за его бессмертную душу. Но я буду тосковать по его доброте, мне будет не хватать его. Мне будет очень плохо, грустно и одиноко.

— Мы сами создаем себе страдания, Бутла,— ответил Бруен.

Свободная воля является элементом выбора,— подвел итог Магистр-убийца, подняв указательный палец:— Результат бесконечного самоопределения — поиска нормы — лежит в фазе реальности, постоянно меняющихся наблюдений в вечном Сейчас.— Он покачал головой.— Господи, какой вред мы наносим себе и окружающим!

— Знания никогда легко и дешево не давались, Бутла,— сказал Бруен, дернув себя за мочку уха, помолчал некоторое время в сомнении, а потом спросил:— А Арта?— и внимательно следил за выражением лица Бутлы.

— Она все здорово делает, Магистр,— Рета улыбнулся, радуясь своим мыслям об Арте.— Вы бы видели, что она натворила, когда я первый раз запер ее в темной комнате, заваленной осколками, ну, знаете, битое стекло, куски штукатурки, камни, обломки стен. Когда я врубил свет, она закатила истерику и чуть себя не убила.

— Но ведь теперь все не так плохо?— спросил Бруен с тревогой.

Рета сжал ладони:

— Да, это большое удовольствие учить человека, который

уверен, что в один прекрасный день он всех поразит своим мастерством. Она такая. Она будет очень, очень хорошим специалистом.

Бруен представил себе обнаженную Арту с кинжалом в руке, пробирающуюся сквозь полную темноту. Вот она остановилась, мышцы напряглись, она насторожилась, все ее чувства обострены до предела в ожидании врага.

Рета по-доброму рассмеялся:

— У меня еще не было ученицы, которая бы так быстро вникала и приспосабливалась к ситуациям. Она сразу находит выход, она просто чудо,— и он рассмеялся.— Сейчас она, конечно, меня ненавидит, я ее все время ругаю и требую большего,— он помолчал, смотря на Бруена своими черными глазами.— Я возьму ее с собой на операцию с Аткином.

Бруен думал: «Ну что же, дорогая Арта, еще одно испытание. И мне кажется, что Бутла в тебя влюбился. Нет, только не это и не сейчас, я должен это проконтролировать».

— Ты слишком восхищаешься ею, Бутла,— отметил Бруен.

Бутла резко вскинул подбородок, желваки его заходили:

— Да, Магистр, это действительно так.

Бруен задвигался, боль сверлила бедро.

— Ты помнишь о мозговых минах. Если нет, я напоминаю, что может случиться, если...

— Да, я понимаю,— прервал Рета, печально кивнув.— Да, Магистр, я не совсем дурак, знаю, с кем имею дело.

Бруен подумал: «Надеюсь, что не знаешь. Если бы ты только мог себе представить, для чего ее готовят, смог бы ты, Бутла, держаться от нее подальше?» А вслух сказал:

— Она была предназначена для любви с самого рождения,— он нахмурился.— И что это за жизнь у нас, когда способность любить становится проклятьем?

— Назначение и цель Бога...

— Да, да, я знаю,— раздраженно прервал Бруен и подумал, почему мысли об Арте всегда выбивают его из колеи? Потом спросил: — Я всегда чем-то недоволен, правда?

Рета опустил глаза:

— Да нет, Магистр. Просто мы, Седди, всегда хотим изменить данную фазу реальности. Ты когда-то сам об этом говорил. Сам видишь, что мы натворили. Но сейчас, по крайней мере, у человечества хоть есть шанс?

Бруен выдавил кислую улыбку, злясь на себя за глупую сентиментальность и сердясь на Бутлу за его наивные надежды.

— Мы умножили страдания в этом маленьком уголке Открытого Космоса,— он поудобнее устроился в гравитационном кресле.— А что сейчас происходит? Сезза и Рега балансируют на краю пропасти. Звездный выжидает, плотоядно облизывая губы. И еще эта машина, там, внизу, как злокачественная опухоль, расползающаяся по всему человечеству.

— Но мы же ее обманывали,— напомнил Бутла.

— Разве?— всплеснул руками Бруен.— Да, мы... Я лгу ей

постоянно, давая небольшую порцию правды то там, то тут. Что мы знаем о ее назначении? Кто она? Кто ее создатели? Я не думаю, чтоб это были люди. В ней что-то чужое, непостижимое для нас. Боюсь, что когда-нибудь этот кусок металла назовут Богом,— он замолчал.— Но мы порабощены ее энергией. Без нее Макарта погибнет, мы не сможем проводить статистическую обработку, создавать летопись, не сможем просто связываться с нашими агентами. Она нам нужна, потому что делает за нас работу.

Бруен рассмеялся над испугом Рета:

— Теперь и ты вникаешь в нашу дилемму, Бутла. Мы должны взять эту силу под контроль. Но управляем ли мы на самом деле? Или мы просто манипулируем друг другом? Или только думаем, что управляем?— помолчал и продолжил:— Не существует только параметров для измерений такого рода. Отчего сложился именно такой порядок вещей? Иногда жуткие мысли овладевают мной: мне кажется, что мы — игрушки в чужих недобрых руках, кусочки мозаики, которые кто-то, по своему собственному разумению перекладывает, играя нами, но непонятно, с какой целью?— Бруен выпрямился, пытаясь заглушить страх, звучащий в его словах, и подумал: «Ты — трясущийся старый болван, ты просто устал, у тебя шалят нервы, тебе нужно больше спать».

Рета очень спокойно взглянул на Бруена:

— Магистр, ваша жизнь — это сплошной кошмар, а что может произойти, если вы не сможете защитить свои мысли от машины? Такая возможность вероятна. Вас не мучает сознание, что вы выдаете человечество?

Бруен взялся за виски тонкими сухими пальцами, слегка надавил и помассировал их.

— Я об этом не раз думал,— он протестующе поднял руку.— Нет, мой друг, я понимаю, что это не ответ. У меня есть вера — вот и все, что я могу сказать тебе в ответ. Но я знаю, что из всех людей только ты сможешь понять меня.

— Ну почему именно я, Магистр?— спросил Бутла.

Бруен тонко улыбнулся:

— Потому что ты, Магистр-убийца, не держишь в руках суть смерти. А если посланная тобой смерть настигнет невинного? А вдруг человека, которого ты убрал, можно было склонить к предательству? Бог создавал Вселенную в сомнении, и кванты — это всего лишь шутка Бога над реальностью. Ты разделил со мной мое бремя: жизнь и смерть основаны на возможностях будущих поступков человека.

— Какое заблуждение,— прорычал Бутла,— я, я должен оценивать жизни. А ты, как почтенный учитель, должен думать и выбирать путь будущего человечества.

— Если Бог един, а его разум делится в сознании, и согласно учению о квантах мы выбираем одинаковые фазы будущего, хотя на самом деле они будут абсолютно разные...

— Ты здорово отвлек меня и переменил тему. Сейчас начнем рассуждать о солипсических перспективах существования. Я повторяю, ты осознаешь ответственность за свой возможный провал?— Рета поднял голову, глаза его сверкнули.

Бруен посопел и вздохнул:

— Конечно, сознаю, и потом, это никто за меня не сделает. Ты удивлен?— он улыбнулся в ответ на недоверчивость Рета.— Да? Значит, ты созрел для того, чтобы сесть в кресло и вступить в диалог с машиной, значит, ты сумеешь уклониться от прямого ответа и скрыть свои мысли?

— Нет, Магистр,— Бутлу пронзила резкая дрожь.

Бруен спокойно кивнул:

— Вот видишь, Бутла. Как и Арта, я был приговорен с самого рождения. У нас с ней похожие судьбы. И никто, кроме меня, не сможет понять ее роли. Ей нет равных и мне тоже. Наши жизни состоят из индивидуальных фаз реальности, заполняющих вероятностные ниши, но дальше... событие либо происходит, либо нет.

Бутла поджал губы:

— Бог создал сомнение для поддержания Вселенной.

— Теперь ты знаешь настоящий кошмар существования.

Стаффа кар Терма лежал на холодном камне, не осознавая окружающей обстановки, и только слегка удивлялся: где же его попутчики. Он скинул с себя дрему, прислушался к пульсирующей боли в голове, и вдруг на него обрушилась тьма.

Он вскочил и побежал, энергетические заряды впивались в его беззащитное тело. Длинющий коридор, по которому он бежал, был разрушен взрывами. Он опрометью несся сквозь жуткую тьму, изредка освещаемую верхними лампами. За ним мчались его безликие преследователи, сопровождая бранью каждый неудачный выстрел. Жгучий воздух ворвался в его пересохшее горло. Впереди раздался страшный взрыв, поднялся столб пламени, мощный воздушный удар опрокинул Стаффу на спину, он упал прямо на кусок металла, который торчал из пола. Стаффа дико закричал, почувствовав, как его пронзает холодный металл. Внутри разлился жар, растеклась по животу едкая коричневая жидкость, разъедая внутренности. Стаффа застонал, посмотрел вниз и увидев вздутие возле пупка. Он чувствовал сталь, рвущую его белую кожу. Очень медленно металлическая пика прорвала его пупок, выворачивая внутренности наружу. В легких взорвалось, когда острый серый конец рассек кожу, лопнувшую, как резина. И наконец, эта сверкающая пика, несущая смерть, остановилась.

Стаффа от ужаса оцепенел. Из легких вырвался короткий, прерывистый стон, внутри разлился холод, это была смерть, пришедшая за его жизненной силой.

Краем уха Стаффа слышал топот миллионов ног, но был не в силах оторвать взгляд от сверкающей пики и своих развороченных внутренностей. Он слышал бормотание миллионов голосов, проклинающих его: за ним наблюдали, они наслаждались картиной его смерти.

Он опять закричал, не желая встречаться с ними глазами, он не хотел видеть проклятье в глазах мертвецов, обступивших его.

Пронзительный шепот долетел до него: «Теперь ты один из нас, Звездный Палач. Один из нас». Шепот эхом отдавался в мозгу, он обдавал его холодом проклятий.

Вперед выступила Крисла, глядящая на него укоряющими желтыми глазами. Она опустила тонкую белую кисть и начала нажимать на спусковой крючок бластера. «Нет»,— застонал Стаффа, понимая, что это всего лишь сон, один из тех снов, которые пребудут в нем до конца его жизни.

Тибальт, Седьмой император, развалился в своем плюшевом гравитационном кресле, стоящем у роскошного стола сандалового дерева. Аэрокондиционеры струили жасминовый воздух. Реганское солнце ярко сверкало на хрустальном небосклоне. Тибальт наслаждался прекрасными звуками Майканской симфонии. Он с отсутствующим видом пожевал большой палец, потом посмотрел на факс. На голоэкране появилось изображение Айли Такка, приветствовавшей его согласно ритуалу. Он в ответ улыбнулся.

Тибальт смотрел на Айли и думал: «Как я скучаю по тебе, моя горячая кошечка. Ни на минуту не расслабился с тех пор, как ты улетела. Ты наслаждаешься властью, но будь осторожна, она ядовита». Он рассмеялся. Айли была не только красива: кроме нее, ему не с кем было поговорить. Остальные просто соглашались или отказывались, скрывали свои истинные чувства и боялись его. Боже, какое это одинокое занятие быть императором!

Ее слова заставили его насторожиться:

— Мой император, похоже, что мы здорово просчитались,— Айли на мгновение умолкла.— Мы полагали, что Стаффа начнет торговаться. И думали, что должны перетянуть его на свою сторону. К моему изумлению, он отверг и нас, и сезанцев. Мой император, он даже не соизволил присутствовать. Нам пришлось вести переговоры с его подполковником авиации, да еще в присутствии этого толстого дурака сеззанского Легата. Я прилагаю подробное описание встречи к своему рапорту. К слову сказать, Компаньоны вообще в данный момент ни о каких предложениях не хотят слышать, а Лорд Командующий не хочет принимать ничью сторону. Но тем не менее, его люди в боевой готовности. Думаю, это вас заинтересует.

Невозможно! Стаффа отверг величайший контракт? Он даже не захотел выслушать реганское предложение? Или сеззанское? Внезапный холод пронзил Тибальта. Что бы это значило? Почему Стаффа разгневался? Может, опять хочет заняться пиратством? Или, что еще хуже, он соблюдает строжайшую конспирацию, а уже обо всем договорился с сеззанцами?

Тибальт поднял краткую сводку с керамической подставки. Нахмурил брови — ему не понравилось, что печать сломана, затем повернулся к Айли, которая продолжала:

— Думаю, что Стаффы не было на Итреатических Астероидах, мне кажется, он отбыл, просто исчез.— Ее губы искривились в победной усмешке.— Но я знаю, мой император, что он отдыхает на Реге, и я верю в себя — я найду его. И незаметно сообщу о результатх моего поиска.

У Тибальта отвисла челюсть. Здесь что-то не так. Самая важная политическая фигура Открытого Космоса исчезла? Отдыхает — черт бы его побрал!

Айли опустила голову в глубоком раздумье.

— Думаю, что поиск приведет к Компаньонам. Я не смогла их заинтересовать ничем. Единственной возможностью остается Тарга. Подполковник авиации намекнула, что у Стаффы есть личные причины, из-за которых он не может вступить в войну. Полагаю, что мы позволим мясу повариться чуть подольше.— Она шагнула вперед, потирая подбородок, что означало глубочайшую задумчивость. Тибальт согласно закивал.

Глаза ее сверкнули:

— Предлагаю, мой император, позволить бунтовщикам захватить некоторые области. Потом отправим сопливого командира с карательными силами. Сделаем так, чтоб они попали в руки тарранцев. И постараемся, чтобы сложилось пиковое положение. Тогда нам просто придется обратиться к Компаньонам и воззвать к их тщеславию?— она вопросительно подняла брови.

«Да, это может сработать. Какая все-таки замечательная моя Айли. Если бы все мои советники были такого калибра — можно было бы плевать на Стаффу и его палачей — я бы давно завоевал Открытый Космос. И правил бы от моего имени какой-нибудь незаметный человечек»,— думал Тибальт.

— Можно опять первую десантную дивизию — однажды уже почти полностью уничтоженную — бросить в бой,— заметил Тибальт.— Теперь ее пополнили совершенно зелеными солдатами, так что мы ничего не потеряем.

— А тем временем, я жду вашего решения по поводу моего доклада,— Айли опустила голову, и черные волосы скрыли выражение ее лица, и только Тибальт мог угадать издевательскую усмешку, спрятавшуюся за черной завесой волос.

Он наклонился и объявил:

— Мой Лорд министр внутренней безопасности. Ваш доклад и предложения приняты и одобрены. Есть только один приказ — найти Стаффу!

Рядовой Сохнар медленно брел, пытаясь сообразить, что с ним происходит. Боль прорвалась через черные глубины его подсознания, она путала мысли, рвала их в клочья, разбивала в осколки.

— Сохнар?— прорвался через боль голос, он напрягся и подумал: «Сохнар, это же я». «Это я»,— назойливо вертелось у него в затуманенном мозгу, простенький факт, который он пытался осознать.

— Сохнар? Проснись, ты должен нас слышать.— Голос сделался громче, и сквозь боль он начал ощущать свое тело, казалось, рассыпавшееся на кусочки, но все-таки живое. Чисто автоматически он попробовал подвигать языком. И испытал ужас, ощутив сухость, раздирающую его рот.

— Воды,— прохрипел он, пугаясь собственного голоса.

Спасительная влага заполнила рот, в голове у него прояснилось, он смог глотать и ощущать вкус чудесной влаги.

— Сохнар, мы должны поговорить,— снова раздался голос.

Он мигнул и открыл глаза. Предметы и цвета расплывались, он услышал:

— Дайте ему двойную дозу стимулятора.

Сквозь боль его пронзило ощущение укола, теплота растеклась по телу, сознание совсем стало ясным.

— Сохнар?— опять мягко и бесстрастно спросил голос:

— Да,— откликнулся Сохнар, после того как ему дали пососать маленькую пластиковую трубочку с какой-то жидкостью.

— Что случилось прошлой ночью?— мягкий голос обволакивал его, он чувствовал себя в безопасности. Прошлой ночью? Что он имеет в виду?

— Прошлой ночью, Сохнар. Я вижу смятение в твоих глазах. Что произошло?— наступило молчание, он пытался вспомнить, и голос напомнил ему.— Ты был на дежурстве.

Какие-то образы мелькнули в затуманенном мозгу Сохнара.

— Да, я обходил компаунд. Да, правильно...

Ты видел что-нибудь необычное?

Он попытался кивнуть, но нестерпимая боль рванула шею.

— Что ты видел?— голос пробился сквозь боль, возвращая его к зыбким образам.

— Офицеров. Двух офицеров. Мужчину и женщину...— Да, он их помнил. Они спускались по светлым деревянным ступенькам, выходя из штаба первой десантной тарганской дивизии. Сохнар говорил очень медленно, испытывая нечеловеческие муки при каждом слове.

— Что ты сделал?

Сохнар подумал, все спуталось:

— Отдал честь.

— Неплохо для тебя... и потом? Что?

Сохнар усиленно вспоминал, собирая разрозненные обрывки, и прошептал:

— Неправильно,— замолчал припоминая.

— Что неправильно, Сохнар?

— Эта женщина,— добавил он, вспомнив ее лицо. Искаженное, белое, нервное.— И... и...

— Продолжай. И что?— предложил настойчиво мягкий голос.— Это жизненно важно, нам лучше знать, Сохнар. Пожалуйста... пожалуйста, нужно, чтобы ты вспомнил.

Важно. Должны знать. Сохнар боролся с собой, мысли расплывались, в подсознании мелькнуло что-то ужасное. Он вспомнил.

— Ее оружие, ее форма,— вспомнил Сохнар,— в крови. Думал, что она попала в налет. Шрамы. Она была в шрамах.

Темные пятна принимали ясные очертания.

— Мужчина, большой мужчина, темнокожий. Отдал честь. Хороший солдат не задает вопросов офицеру. Я продолжал патрулирование.

— Да, Сохнар, продолжай,— мягкий голос будто погладил его.

— Я ходил вдоль ограды,— добавил Сохнар, вспомнив свой путь вокруг штаба первой дивизии.— Я увидел их опять. Возле электрических панелей перед штабом.

Его охватил ужас, страх смешивался с болью.

— Хорошо, Сохнар, не покидай нас, сынок. Ты нам нужен. Нам нужен твой рапорт.

— Они что-то ломали в коробке. Я прошел... прошел медленно. Слышал их разговор. Говорил мужчина. Сказал: «Хорошо. Красно-зеленые к бело-голубым. Мы отсоединим сигнал тревоги». Сохнар заколебался.

— И что?

— Потом... Потом...— Сохнар сглотнул, во рту у него опять пересохло.— Женщина закрыла коробку и прислонилась к стене. Мне плохо... плохо. Она упала на землю. Мужчина обнял ее за плечи. Так ласково, понимаете?

— Ты делаешь все правильно, Сохнар. Расскажи нам все. Это так важно.

Страх сковал речевой центр Сохнара, он издавал только булькающие звуки.

— Дайте ему полдозы успокаивающего. Критическая часть.

Еще один укол — и страх отступил, но, к несчастью, исчезла и связность.

— Продолжай, Сохнар,— подтолкнул ласковый голос.

— Пошел вперед... посмотреть... если я смогу... ей помочь. Увидел... ее глаза... Янтарные глаза.— Его снова охватил страх.— Она... она издавала странные звуки. Я... только помог ей. Хотел помочь ей. Не хватило времени отреагировать,— его голос пропал.

В уме Сохнар воспроизвел тот момент, когда он в ужасе наблюдал за женщиной: мужчина стоял чуть в стороне, доставая пистолет из ее кобуры. Сохнар, поняв все слишком поздно, закричал, доставая свой бластер, поворачиваясь навстречу мужчине. Краем глаза он уловил непонятное движение. Женщина, он совсем забыл о женщине! Железная хватка сдавила его горло, крик застрял. Он хотел повернуться и посмотреть ей в лицо. Она была такая хорошенькая. Ее лицо расплывалось у него перед глазами, он пытался оторвать ее руки. Коленом женщина ударила его в пах, он упал от боли, хотел вывернуться, перебросить ее через себя, но что-то теплое вдруг разлилось у него в животе. Ужас охватил его тело, которое вдруг ослабело, легкие зажало, рвало на части. У него закружилась голова, он забился у нее на руках, в ее глазах он прочитал свой приговор. Он начал падать, она поддерживала его до самой земли,— нелепо — и все это время он смотрел в ее испуганные глаза. Когда он упал, ее волосы укутали его. Красновато-коричневые, они переливались всеми цветами радуги в ярком свете компаунда.

Мир серел и сужался, а он хотел ей сказать, чтобы она не боялась, что все будет хорошо. Но они ушли, мужчина уволок ее, когда изо рта Сохнара хлынула кровь, заполняя трахею и легкие.

Он остался один, мир вокруг сделался туманным, он осознал, что испачкал ее форму своей кровью. Сохнар едва слышал ласковый голос, который продолжал его звать. Серость подступала все ближе... окутывала...

Дивизионный номер один Майкрофт вздохнул и скрестил руки, пока врач осматривал тело.

— Ну что?— спросил Майкрофт.

— Он мертв, сэр. Слишком поздно, и мы ввели ему много стимуляторов.— Врач вытащил иглы инъекторов из тела Сохнара.

Майкрофт пожевал губами и добавил:

— Ладно, все что нужно, мы узнали. Женщина и мужчина, хмм? Наверное, они использовали вибронож, поэтому и смогли его ранить.

Медицинский офицер посмотрел на него и заметил:

— В конце концов мы знаем, что они что-то сделали с системой тревоги.

Майкрофт крепко сжал губы и нахмурился:

— Да, конечно. И они сумели убить большинство командиров первой дивизии. Благодаренье Богу, что они не пришли во вторую,—он помолчал и продолжил, будто разговаривая с самим собой.— На месте этих ребят должен был быть я.

Офицер-медик выключил систему искусственного кровообращения и встал:

— Что же теперь будет с первой дивизией?

— Это дело министра обороны. Конечно, мы ничего не должны выпускать из-под контроля. Мы можем повернуть ситуацию в свою пользу...— Майкрофт остановил себя. Раздраженный, он бросил уничтожающий взгляд на офицера-медика:— Вы задаете слишком много дурацких вопросов. Сейчас вы сами на них ответите.

Третий офицер-медик поборол ухмылку:

— Да, сэр.

— И издайте приказ о поиске женщины и темнокожего мужчины по полученному описанию. Проклятый Сохнар, ты слишком быстро умер. Майкрофт покачал головой над трупом и ушел, глухо простучав каблуками по пластиковому полу.

— Хоувз, отправь пять ребят на левый край. Быстрей, черт тебя побери. Немедленно!— заорал Синклер в свой комм. Легкое ощущение нереальности дало ему несколько секунд, чтобы собраться и встретиться с опасностью. Земля под ногами заходила ходуном.

Сверху обрушился град камней и комья грязи. Синклер отряхнулся, подвигал челюстью, чтобы лучше слышать. На зубах заскрипел песок, он не чувствовал своих ног после детонации. Синклер с гневом посмотрел вверх в сырое небо. Горный хребет, который был домом для второго отделения первой дивизии, превратился в ничейную землю, изрытую траншеями, окопами и блиндажами. Теперь они остались среди разбитых скал, среди дыма, смешанного с пылью, среди лазерных и бластерных выстрелов, окрашивающих дым в разные цвета.

— Хоувз, ты меня понял?— спросил Синклер. Над головой у него взорвался воздух от бластерного выстрела.

— Подтверждаю,— ответил Хоувз. Глухой звук взрыва

мортиры ворвался в наушники.— Они начали. Ух.. удержите их. Я слышу огонь с их направления. Пока, Синк.

— Синк,— прерывающийся голос Шиксты,— мы уничтожили вокруг флангов Кэпа около десятка бунтовщиков. Дай разрешение залечь и вести прерывистый огонь, как написано в учебнике, сэр.

— Шик!— Забудь, что написано в проклятых учебниках. Поджарь этих ублюдков, если сможешь. Стреляй! И отныне я не желаю слушать, что написано в дурацких книгах. Ты здесь, чтобы убивать тарганцев. Теперь заткнись и СТРЕЛЯЙ!

— Да, сэр,— голос Шиксты пропал.

Синклер покачал головой, лицо было очень напряженным:

— Хоувз, будь готов поддержать своих ребят, в лощине становится жарко. Это твое слабое место.

Синклер медленно поднялся на ноги. Сквозь дым и пыль он начал осматривать позицию, оценивая ситуацию. Два тарганца скользнули в лощину Хоувза. Один дернулся с разорванным плечом и упал. Отличный выстрел.

— Мак? Как дела?

— Потери — пять, Синк. Хорошие новости: мы видим около сорока их убитых. Они надеются прорваться в этом месте. Зачем они это делают?— В голосе Макрудера тревога и недоумение:— Каждый раз, когда они лезут, мы рвем их на клочки.

Губы Синклера расплылись в улыбке:

— Спроси что-нибудь полегче, Мак.

Тяжелые орудия Шиксты открыли огонь по правому флангу позиций Кэпа. Вихри бластерных взрывов оставляли обломки скал, тучи пыли и горы тарганских трупов. Может быть, в конце концов Шикста научится воевать.

— Вот так и надо,— согласился Синклер.— Остальные нас слышат?

Звон в ушах заставил Синклера быстро опустить лицо в грязь и подождать несколько секунд, пока второй бластерный выстрел ударил чуть в стороне. Он поднял лицо, выплюнул грязь, набившуюся в рот, поморщился от скрипа песка на зубах.

— Шик? Ты засек траекторию этого выстрела?— спросил Синклер, стирая жидкую грязь с лица.

— Точно. Сейчас вернем им.

— Отлично, мальчики. Попадешь в цель, я покупаю тебе пиво. Послышался смех. Синклер рассматривал позиции своих людей. Его глаза внимательно проследили и оценили каждого.

— Эймз! Кто у тебя на склоне на правом фланге?

Эймз прокашлялся:

— Понял, Синк. Трое. Окопались, как ты говорил. Втихаря сняли троих тарганцев, которые подкрадывались к ним с какими-то пакетами. Наверное, сонорные бомбы или что-то вроде этого. Если бы они смогли послать достаточный сейсмический удар, они бы нас, конечно, выбили отсюда.

Синклер кивнул:

— Ты начинаешь думать, Эймз. Ты прочел об этом в дурацких книжках?

В наушниках раздался дробный смех:

— Нет, Синк. Мысли мои собственные.

— Ты будешь сержантом, Эймз.— Синклер поморгал и стал рассматривать точку, где расположился Макрудер.

Мортиры Шиксты вели заградительный огонь, разрывающий небо яркими полосами света, а ракеты и снаряды долбили далекий гребень холма. «Кажется, мы нащупали их большое орудие»,— сосредоточенно пробормотал Шик. Они выжидали, только случайные выстрелы вспышки освещали вечернее небо. Гравитационные снаряды больше не падали. Синклер услышал шум гравия и повернулся посмотреть, кто это идет, и увидел Гретту, взбирающуюся по склону к нему.

— Ну, как идет война?— спросил Синклер с перекошенной улыбкой.

Глаза Гретты горели голубым на ее запачканном лице, зубы сверкали в запекшихся губах. Из-под шлема выбивались пряди каштановых волос.

— Ты слышал, что третье отделение прижали? Они требуют бомбардировок с орбиты. Пятое отделение отступает, стреляет и отступает. С наступлением темноты их подберут. Мы останемся в окружении.

Синклер кивнул:

Да, мы под постоянным огнем противника, один десантный катер разбит. Командир пятого отделения просил поддержки, но из дивизии до сих пор нет ответа. Они даже не соизволили прилететь и посмотреть обстановку. Похоже, нас приносят в жертву, ты не находишь?

— А что мы можем сделать,— ответила она,— каким дъяволом они там в штабе занимаются?

— Играют в карты, пьют миклениански виски,— Синклер пожал плечами, гнев начал им овладевать.

— Тогда за каким чертом мы воюем?— раздраженно спросила Гретта.— У нас раненые, их нужно эвакуировать, если вечером не прилетят катера, люди умрут.

Синклер взглянул на садящееся солнце и прислушался к нарастающей тишине:

— Посмотри, как чудесно вокруг.

Она кивнула, глядя вдаль на пурпурные горы:

— Здесь прелестно,— и добавила:— Синк, мы пока еще живы. А ты видел, сколько было против нас?

— Да,— он кивнул, вспоминая толпы мужчин и женщин, которые прыгали по скалам с бластерами наперевес. Это сражение на скалах было очень жестоким и казалось бесконечным.— Откуда они взялись?

— Их мамы родили,— Гретта ткнула ему под ребро. Она рассматривала его с любопытством, потом предложила:— Пойдем и немного поедим.

Он бросил последний взгляд на утихшее поле сражения. Три дня бесконечных атак, продолжительных бомбардировок и непрерывного обстрела. Может и они, и тарганцы просто устали и иссякли.

Он вскрикнул от боли, когда поскользнулся на камнях и едва не упал у входа в свой бункер. Гретта вошла в небольшую землянку, выкопанную двумя рядовыми с помощью вибролопат. Синклер следовал за ней.

Гретта включила фонарь и достала паек, разложила еду на шатком столе. Расставила неустойчивые стулья — Бог их знает, откуда они здесь взялись. Узкая кровать Синклера стояла возле противоположной стены, она была вся засыпана землей, обвалившейся со стен во время взрывов.

Они молчали, пока ели, жадно откусывая большие куски. Синклер быстро жевал, не отрывая взгляда от Гретты. Он представлял, как целует ее нежные губы.

— Я вижу желание в твоих глазах. У тебя просто текут слюнки,— сказала она полным ртом.

— Прости, не обращай внимания. Ты такая....

Она хохотнула, потом низким грудным голосом добавила:

— Спасибо тебе, Синклер. Мне приятен такой твой взгляд.

Наконец, Синклер вытер рот и откинулся назад, стул его затрещал и зашатался. Он попытался сменить тему разговора:

— Я не думал, что война отнимет столько времени.

Она заморгала по-совиному и покачала головой:

— Я никогда не думала, что мы так долго протянем, после того, как они взорвали почтовое отделение,— она рассмеялась. — Я помню крысу, бегущую по улице Каспы. Мне так хотелось размазать ее.

— Жестокие времена настали,— он даже не понял, когда успел взять ее за руку.

Она смотрела на него прозрачными глазами:

— Я... я очень скучала по тебе, Синклер.

Он опустил голову, поглаживая ее руку.

— Я был в госпитале две недели. Спасибо этой машине.

Она по-доброму засмеялась:

— А ты знаешь, когда я тебя первый раз увидела, я решила, что ты полное ничтожество. В твоей голове была сплошная каша.

Он хотел пожать плечами, но затвердевший скафандр не позволил:

— Может, я такой и есть. Но я хочу, чтоб мы все выжили.

— Выжили, — протянула она.— Это так важно для тебя. Почему? Почему ты так беспокоишься об этом? Другие офицеры только орут, пьют и ведут разговоры о войне.

Синклер скривился и встал, пройдя к кровати, очистил ее от комьев земли и лег. Непослушными пальцами он расстегнул скафандр и обнажился до пояса. Он думал: «Почему я всегда так нервничаю? Я собираюсь заниматься любовью с любимой женщиной. Почему так не хочется ее разочаровывать? Я... я не могу ей все рассказать. Не могу. Это слишком больно».

Ему было трудно говорить:

— Это началось... началось с самого детства. Я.... я... Взгляни на меня. Я всегда был коротышкой. Тощий мальчишка, уткнувшийся в книги. С разноцветными глазами. Я недоделанный, Гретта.

Всегда был недоделанным. И это не потому, что меня воспитывали не родители, а государство. Было еще и другое. Я до сих пор не знаю.— Он огляделся, беспомощно поднял руку и вздохнул, подумав: «Почему ты так на меня смотришь? Ты наблюдаешь и ждешь, слушая, что я говорю. Никто меня по-настоящему никогда не слушал, особенно такие красивые женщины, как ты. Почему я всегда был так одинок?»

Он затряс головой, приводя в порядок разбежавшиеся мысли:

— Я... я... я, когда смотрю вокруг, я вижу всех. Целая дивизия — это пачка ничтожеств. Ты назвала меня этим словом?

Она покраснела:

— Синк, я...

— Тише. Все нормально. Я тебе объясню, почему я беспокоюсь. Мы все не люди. Бластерное мясо. Слышала? Вот, это все мы. Приказ:— и он заговорил официальным тоном:— Вторая дивизия, держать этот проход, не пропускать никого!— губы у него скривились, он глянул наверх, прямо в ее глаза и утонул в них.— И мы это делаем. Мы гибнем сотнями. А кто-нибудь расследовал, почему погибло столько народу в почтовом отделении?

Она покачала головой, смотря в его глаза с болью.

— Никого не волновало, почему погибла Первая дивизия. С нами не считаются, Гретта,— он пожевал губами.— Но для меня все иначе.— Там что-то случилось. Я... я обрел себя. И все, чему меня раньше учили, стало на свое место. Теперь сержант Фист может влиять на события. Я могу помочь этим мужчинам и женщинам остаться в живых.— Он почувствовал, как огонь зажегся в его глазах, и кинул горящий взор на нее, она кивнула в согласии.

— Приди ко мне,— прошептал он.— Позволь мне посмотреть на тебя, обнять.

Она встала и помедлила, пока пальцы расстегивали форму.

— Ты такой, Синк, какой мне нужен.

Она распустила волосы, выскользнула из скафандра и встала перед ним.

Он пожирал ее глазами, пока она торопливо раздевалась: перед ним во всей красе предстала ее юная налитая грудь, тонкая талия, живот с чудной ямочкой пупка и дразнящий черный треугольник внизу.

У Синклера перехватило дыхание, когда она опустилась рядом, чтобы помочь ему раздеться. Радостный крик вырвался у него, когда она теплой ладонью положил его навзничь. Он вздрогнул и поморщился, когда она провела пальцами по его ужасному шраму.

— О, Боги,— прошептал он, когда она всем своим мягким телом обняла его.

Магистр Бруен оторвал взгляд от рапорта на мониторе. Потеребил тонкой рукой морщинистый подбородок и посмотрел вверх на обломок скалы, возвышающийся над головой. Един-

ственная лампочка освещала помещение, бросая тени на мебель. Он позвал, повысив голос:

— Магистр Хайд?— Бруен поискал глазами по камням, будто там, в базальтовой толще мог находиться ответ.— «Как я мог так ошибиться?»

— Да,— послышался звук приближающихся шагов.

— Стаффа отказал и Сеззе, и Реге. Он не хочет заключать контракт по крайней мере в течение года.

Пауза затянулась, пока наконец Хайд не прошипел:

— Что? Это невозможно! Это не лезет ни в какие ворота. И чем он это мотивировал?

Бруен сжал подбородок:

— Мы и машина совершенно не учли такую возможность.

Магистр Хайд прошел вперед и плюхнулся на стул, заскрипевший под ним.

— А ты уверен? Может, они тянут время — хотят побольше денег? А может, миклениапская кампания вывела их из строя в гораздо большей степени, чем сообщает наша разведка?

— Все может быть, благородный Магистр,— отсутствующе пробормотал Бруен, проигрывая в уме варианты с новой личностью Стаффы кар Терма. Ему нужен ключ, чтобы решить эту головоломку. Как можно составить целую картину, когда кусочки меняют цвет и форму?

— Я не могу поверить, что он убил Претора,— вспомнил Хайд.— Вот именно тогда наши предсказания пошли наверным путем.

Бруен шлепнул ладонью по монитору:

— Да, конечно. Тогда у нас оставалось три степени свободы. Но Стаффа ретировался. Мы сейчас ничего не сможем предсказать,— лицо Бруена искривилось в недовольстве.— Да, мы не смогли предусмотреть, что он убьет Претора. Может быть, случайно, это да. Но специально? Никогда.

Хайд подтянул рукава робы и оперся на локти.

— Итак, ключ у нас все-таки есть. Претор что-то сделал ему — или сказал.

— Если принять это во внимание, то мы сможем многое изменить. Ты знаешь Претора, знаешь, каким человеком он был.

Хайд с отсутствующим видом смотрел в пол.

— Да, конечно. Человеком, которым стоило и восхищаться, и ненавидеть. Когда я с ним работал, я всегда чувствовал, что меня возвышают и одурачивают одновременно.

Бруен продолжал хмуриться, погруженный в собственные мысли:

— Да, Претор мог что-то сделать или сказать. Как ты думаешь, он похвастался насчет Крислы? Мы даже не подозревали о такой черте его характера. Мы были уверены, что Крисла погибла во время схватки. Я склонен думать, что ее убил Тракис до бластерного удара.— Бруен просто махнул рукой.— Она была такой красивой женщиной,.. а мир так много теряет без прекрасных женщин.

— А девочка? Арта? Мы по-прежнему будем использовать ее для спасения сложившейся ситуации?— Хайд пожевал беззубыми деснами и потер глубоко сидящие глаза.

Бруен моргнул и откинулся назад:

— Ты читал рапорт. Им удалось убрать Аткина и его свиту, прямо в постелях. На эту вакансию, мы полагаем, министр обороны назначит Капитола. Ты знаешь, он заработал должность первого дивизионного, целуя бессчетное число раз задницу Тибальта. Если он будет командовать первой дивизией, он обязательно подрежет крылышки Майкрофту во второй дивизии. Они зверски ненавидят друг друга,— глаза его сузились.— И нам здорово повезет, если они поубивают друг друга.

— Да, я читал рапорт. У девочки на счету около дюжины убийств,— размышлял Хайд.— Но я волнуюсь не только поэтому. Я подозреваю некоторый сексуальный интерес.

— Бутла знает. Мы с ним говорили,— проворчал Бруен.

— Ты считаешь ее девственницей,— уныло посмотрел на него Хайд.— Но ты не знаешь, как она будет действовать, если перестанет ею быть?

— С обезумевшим Стаффой? Я ни на что не рассчитываю. Все сделают кванты. Или мы потеряем еще одну возможность.

— А вдруг он машина?— осенило Хайда.

Бруен подавил дрожь:

— Не думай так. Не сейчас. Смени тему. А не то эта мысль будет подтачивать тебя. И сведет в могилу.

Бруен потрогал губы пергаментными пальцами и спросил:

— А ты не думаешь, что Стаффа опять занялся пиратством? Таким образом он сохранит в равновесии силы, и никто не будет ему угрожать.

— Мы думали об этом уже давно,— поднял Хайд указательный палец. Он оперся о грубый камень стены и покачал головой.— И мы приняли тогда решение,— я надеюсь, оно действует,— что он поможет сеззанцам выиграть. Когда страсти улягутся, он сможет провозгласить себя императором с помощью Компаньонов. Разве можно игнорировать две империи, которые в один прекрасный день захотят тебя уничтожить? Да, Бруен, ты похож на Стаффу. Тебе тоже надо все.— Хайд замахал руками.— О, да, конечно, он отказался от мелкой сделки. Я думаю, это всего лишь вопрос времени.

— Тогда почему он исчез?— удивился Бруен, радуясь в глубине души огромному изумлению Хайда.

— Ты полагаешь, убийство? Или...— Хайд задыхался, ловил ртом воздух.— О, нет! Может, он... подозревал?— закончил Хайд, кашляя и отплевываясь.

— Я так не думаю,— Бруен показал на экран монитора и выбрал программу.— Вот, послушай, это обращение Стаффы к своим командирам. Обрати внимание на выражения, которые он применяет.

Бруен печально смотрел на Хайда, пока кассета не закончилась.

— Я все равно не верю,— Хайд застучал по столу между приступами удушья.— Это какой-то трюк, чтоб обмануть нас.

— Статистическая и практическая вероятности исключены. Учитывая, что послание было оставлено в замедлителе времени, Стаффа не дурак. И еще, подполковник авиации отказала обеим империям, а через десять часов уже неслась в своем собственном крейсере на поиски, как мы думаем, Стаффы.

Хайд, казалось, не слышит, он сидел с закрытыми глазами, погруженный в собственные мысли. Прошли долгие минуты, прежде, чем он спросил:

— И что это говорит нам о Скайле? Разве она знает, где Стаффа? Да, Компаньоны влипли.

Бруен пожал плечами:

— Они не любовники, так что я не думаю, что здесь замешаны сердечные дела.

— У меня есть свежие цифры. Наши военные силы пополнились на десять процентов новобранцами. Люди бегут из городов и пополняют ряды восставших в глубоком тылу. Они постоянно беспокоят реганские аванпосты, и мы несем большие потери — уже два отделения. Их отделения тоже почти уничтожены и деморализованы, кроме одного,— Хайд постучал пальцем по столу.— Догадываешься, кто его командир?

— Опять сержант Синклер?

— Он преступил свои полномочия слишком быстро,— Хайд облокотился на спинку кресла и пожевал свой палец.

Бруен знающе улыбнулся:

— Да, я знаю. Наши люди дорого заплатили, чтоб его не приняли в университет. И теперь после всего этого он может нам понадобиться. Все зависит от Стаффы и от того, что произойдет с Артой.

Хайд повернулся и внимательно посмотрел на Бруена:

— Меня удивляет, как он остался в живых. Это кванты работают?

— Конгениальные способности,— Бруен ухмыльнулся.— Он давит на атакующие силы противника. Их дивизия высокоморальна. Гибнет очень много реганцев и мало тарганцев. Остальных это подрывает изнутри.

— Мы захватили целый оружейный склад, полный винчестеров, тяжелых бластеров, с десяток патрульных катеров и с полдюжины тяжелых атакующих десантных судов,— провозгласил Хайд с легкой улыбкой.— Они заняли не ту позицию. Похоже, не только нам не везет. Наше военное мастерство берет верх над количеством оружия. Мы можем сокрушить целую дивизию, если они будут настолько тупы и забросят ее на открытое пространство.

— Так, все выглядит достаточно неплохо, за исключением Стаффы.

— Если бы мы только знали, что он собирается делать!— закричал Хайд.— Лорд Командующий — самая важная персона в Открытом Космосе. Судьба всего человечества лежит на плечах этого человека. Если бы мы смогли найти его!

Бруен со значением улыбнулся:

— Это легко, мой друг. Успокойся и послушай. Айли Такка, наш самый опасный противник, покинула Итреатические Астероиды сразу после того, как Компаньоны отказали ей.

— И что?

— Она не вернулась на Регу. Это тебе о чем-нибудь говорит?— Бруен спокойно глянул на Хайда.— Конечно, Айли тоже ищет Стаффу, и да поможет нам судьба найти его первыми.

— Следующий! Назовите ваше имя!

Два стражника втолкнули Стаффу в судебный зал. Он сел нога на ногу и вызывающе посмотрел на офицеров охраны. Перед ним на высоком подиуме сидели судебный магистр и несколько клерков. На галерке находилось много любопытных. Потолок в зале был украшен лепными розами. В нишах прятались светильники и мониторы безопасности. Стены были выкрашены в бледно-зеленый цвет, воздух наполнял запах немытых тел. Стаффа чувствовал себя нелепо смешным с полотенцем, обернутым вокруг бедер.

— Стаффа кар Терма, Лорд Командующий Компаньонов,— далеко разнесся его зычный голос.

Шум голосов внезапно прервался, и наступила тишина. В бесконечных ночных кошмарах ему уже мерещилось нечто подобное, но сейчас он сохранял некоторую надежду. Теперь это был вопрос времени.

— Ну да, конечно,— кивнул судебный магистр, глядя на монитор,— сумасшедший.— Он посмотрел наверх со скучающим выражением лица.— Вы обвиняетесь в убийстве двух горожан. Вы обвиняетесь в нападении на официальное лицо. Вы обвиняетесь в бродяжничестве, так как находились в Этарусе без денежных средств, и, полагаю, грабили горожан. Я вас спрашиваю: ваш род занятий и адрес, если они у вас есть?

— Пять лет назад мне нужно было разнести эту планету вдребезги. Жаль, что я этого не сделал,— прорычал Стаффа.— Могу предложить вам, магистр, связаться с Итреатическими Астероидами, с подполковником авиации Скайлой Лимой.

— Достаточно!— загремел голос магистра, он хлопнул по столу.— У вас есть объяснения тому, что вы убили двух горожан, и почему вы находитесь голым в общественном месте?

— Они меня ограбили. Я убил двоих, потом потерял сознание,— в нем подымался глухой гнев, руки его дрожали. Но, взяв себя в руки, посмотрел на галерку и понял: это спектакль и он — главное действующее лицо, он — Стаффа кар Терма! Он представил себе, как бы они горели, вот так, сидя,— яркие факелы после бластерного удара.

— Да, конечно, все так, если вы говорите,— цинично усмехаясь, проговорил магистр.— Но служба гражданской безопасности получила донесение о том, что вы бегали голым и убивали людей. Кто ваш хозяин?

— У меня нет хозяина!— проревел Стаффа. Жестокий

приступ боли скрутил его позвоночник, заставил согнуться, он еле удержался, чтоб не упасть. Стаффа застонал, и судебный пристав отступил назад, держа в руках стальной прут.

Магистр поднял вверх палец и мягко добавил:

— Это законный суд. Я не потерплю таких выходок, безумец. Ты раб. Твое тело покрыто шрамами. Полагаю, ты не станешь нас уверять, что это боевые шрамы?

Хохот и улюлюканье разнеслись по залу с галерки.

Стаффа встал в полный рост, откинул голову, волосы свободно упали на плечи.

— Среди наших людей шрамы — это символ чести и предмет гордости Компаньонов.

Крики удивления, свист возобновились на галерке с новой силой. Унижение боролось с гневом, Стаффа сжал зубы и успокоил свое дыхание.

— Ага, и Компаньоны убивают невинных горожан?— Магистр почесал голову и вздохнул.— Да, мне известна репутация Звездного Палача, безумец. Те жестокие деяния, которые он совершает именем империи, известны мне, но они не могут быть предметом для суда. А ты очень похож на бежавшего раба. Пока тебя лечили, ты сломал руку врачу и проломил головы двум интернам. Вот тебе, безумец, нападение на официальное лицо. Такое поведение демонстрирует твою полную неконтролируемость и делает тебя в глазах суда чрезвычайно опасным для жителей империи. Тебе предъявляется обвинение в убийстве двух горожан. Тебе предоставляется последнее слово.

Стаффу охватил невероятный гнев, он с силой сжал кулаки, мускулы на плечах напряглись с дикой силой, но он ровно и спокойно проговорил:

— Вы заплатите, вы все дорого за это заплатите.

Судья продолжал сонным голосом:

— Да будет тебе известно, Стаффа кар Терма, что суд признает тебя виновным по всем пунктам. И приговаривает тебя к смерти или к рабству.

Стаффа остолбенел, гнев сменился страхом, его начало трясти, когда он почувствовал приближение судебного пристава со стальным прутом наготове. Магистр сложил пальцы вместе и наклонился вперед:

— Что-то мне подсказывает, что я должен немедленно подвергнуть тебя наказанию. Все-таки на тебя потратил время суд, и на тебя были израсходованы средства империи. Мы поместим тебя в стасис до того, как ты поправишь свое здоровье. Похоже, это неудачное капиталовложение. Но я надеюсь, нам удастся вернуть эти деньги. Поэтому я приговариваю тебя к пожизненному рабству. Ты будешь работать на государство. Ты будешь отдан под охрану Уордена, на тебя наденут стасисную петлю. Думаю, тебе знакома стасисная петля.

Губы Стаффы нервно задергались, и глаза превратились в узкие щелочки, он кивнул.

Ты должен повторить вслух для суда, что ты знаком с работой стасисной петли.

Проклятые Боги, он знал. Эти чертовы стасисные петли производились на его заводах на Итреатических Астероидах!

Он с усилием произнес:

— Стасисная петля работает на принципах затормаживания нервной и физической активности на молекулярном уровне. Она прекращает кровоток и прохождение нервных импульсов в шее человека, когда поле стасиса активизировано. При длительном ношении стасис приводит к нервному истощению, возможным эмболиям, удушью, сердечной недостаточности и истощению мозга из-за недостаточного снабжения кислородом. Энергия гравитационных...

— Зафиксируйте компетентность обвиняемого по данному вопросу.— Магистр повернулся к входу и позвал:— Следующий.

Стаффа взорвался:

— Есть ли здесь справедливость? Вы даже не хотите проверить, кто я на самом деле? Что за...— он закричал: два стальных прута опустились на его спину, он упал на колени, мускулы содрогались в судорогах, мозг разрывало от невыносимой боли.

Магистр посмотрел вниз и мягко отметил:

— Позволь мне дать тебе последний совет, безумец. Пять лет назад, когда твой тезка Лорд Командующий напал на наш мир, я был в храме. Я буду вспоминать те слова, которые он сказал верховному жрецу Этарии: «Не ищите у меня справедливости и закона. Ваши призывы к милосердию и гуманности для меня ничего не значат, меня также не волнуют ваши верования и ваши драгоценные соглашения. Ваше существование полностью зависит от моих прихотей. Не злите меня, Жрец, не говорите о правах, справедливости и прекратите жаловаться. Если вы чем-то недовольны, выражайте это своему императору!»

Стаффу осенило: «Он надо мной издевается. Если он тогда меня видел, то знает, как я выгляжу. Это издевательство!» Трясущимися пальцами он провел по небритым щекам, почувствовав грязь.

Магистр покачал головой, видя изумление и шок Стаффы, потом махнул рукой:

— Приставы, убрать его и доставить к Уордену. Следующий!

Дальше все превратилось в сплошной кошмар боли и ярости, он еще и еще пытался достать судебного пристава. Но каждый раз они стальными ударами превращали его в дрожащий кусок мяса, пока он, наконец, не смирился и не позволил себя увести. В его мозгу разворачивались картины страшной мести, лихорадочно обжигавшие мозг. Но боль опять пронзила его и вернула к действительности. Его куда-то тащили, и тело его глухо билось о грязный, заплеванный пол, голова громко стукнула о бетонный порог. Он открыл глаза и с трудом различил свет. Он уже не мог сопротивляться, и холодный металл петли захлестнул его шею.

— Вставай,— приказ едва дошел да затуманенного сознания Стаффы.— Я тебе сказал, вставай!— удар по почкам.

Ярость подняла его, он вскочил на ноги. Вздохнул, казалось,

легкие взорвались от страшной боли. Позади стояли два пристава, вне пределов его досягаемости, со стальными прутьями наготове. Стаффа в шоке понял, что его ноги могут едва поддержать его. Он был настолько слаб, что его можно было уложить рукой. Он, Стаффа кар Терма, чьего расположения добивались так упорно и Сезза, и Рега, стоял совершенно обессиленный. Такой удар лишил его остатков сопротивления, он почувствовал психологическое оцепенение, тело ощущало следы побоев. Голос не повиновался ему, руки лихорадочно тряслись. Яркая пронзительно-горячая боль охватила его расстроенный мозг.

— Послушай, сумасшедший,— сказал ему высокий пристав.— Стасисная петля подчиняется командам офицеров Уордена. Поэтому веди себя тихо, и с тобой ничего не случится. Понял?

Стаффа кивнул, часто моргая, пытаясь вернуть себя в нормальное состояние.

— Вот и отлично. Потому что, если с офицером что-нибудь случится, ну вдруг он умрет, произойдет включение, петля активизируется и начнет сжиматься. И тогда ты умрешь вместе с ним. Ты должен заботиться о здоровье и жизни своего офицера, как о своих. Если ты его доведешь, он сможет убить тебя мысленным приказом или так тебя наказать, что ты пожалеешь, что живешь на этом свете.

Стаффа кивнул еще раз. Скольких мужчин, женщин, детей он продал в рабство? Проклятье, теперь-то он знает, как работает эта система.

Маленький пристав как бы невзначай добавил:

— Сейчас мы покажем действие. Это тебе понравится.

Перед глазами у Стаффы все поплыло, он упал и ударился о пол, ощущение было такое, будто ему перерубили спинной мозг. Туман окутал его, он ничего не слышал, не видел, не чувствовал, кроме холодного шероховатого камня под щекой. Ему казалось, что его голову оторвали от туловища, из легких выкачали воздух, сердце не билось, кровь остановилась. Безумный ужас охватил его. На мгновение он стал остро ощущать свое тело — миллионы иголочек покалывали его. Постепенно чувства стали возвращаться к нему, легкие освободились, и он смог вздохнуть. Боль исчезла, остались только страх и беспомощность перед лицом неминуемой смерти. Он закрыл глаза, и перед мысленным взором замелькали вспышки и темные пятна, из глаз полились горячие слезы.

Когда он плакал последний раз? Ответ воплотился в кошмарную сцену: он освободился от привязных ремней и идет, слышится шипение испаряющегося гелия из разрушенных труб, что-то едкое разъедает его ноздри. Дверь кабины лежит оторванной и смятой от удара, и он, не заходя, видит два искореженных трупа — это его родители. Мама лежит на спине, раскинув руки, почти вся залитая расплавленным металлом. Отец раздавлен и смят. С того дня он никогда не плакал.

— Вставай, раб,— позвал его стражник,— вставай... или мы снова тобой займемся. Ты можешь умереть в любую минуту. Мы же не заинтересованы оставлять тебя в живых. Вставай.

Стаффа перевернулся и потерянно кивнул.

— Подождите... секундочку. Дайте мне... перевести дыхание.— Он сделал три вдоха и с усилием встал на ноги, тело его протестовало. Пристыженный, он вытер глаза и смахнул слезы, поражаясь, куда девался здравый смысл?

— Сюда,— указал высокий пристав, держа стасисный контроль в руке.

Стаффа начал спускаться по склону, постепенно к нему возвращались силы. Сейчас его сопровождал только один стражник.

«Швырнул мне в лицо мои собственные слова»,— пробормотал Стаффа, вспомнив совет и комментарий судьи магистра. Он вспомнил тот день, яркий, солнечный. Стаффа вошел в зал заседаний, жрец посмотрел на него, лежа, связанный на полу, потом опустил голову. Он сказал тогда эти слова, раздирая глазами трясущегося жреца. Сегодня он хотел бы задушить магистра, но тот в точности и также высокомерно повторил тогдашние его слова. «Что со мной происходит?» Он нервно провел пальцами по петле, охватившей его шею. Сплав на ощупь казался мягким, легко теряющим форму. Схема и энергетические батарейки были впаяны прямо в металл. Эти ошейники существовали давно, приходилось все время их подзаряжать. Тогда Стаффа предложил своим инженерам придумать такое приспособление, чтобы можно было подзаряжать и подавать команды прямо от другого человека. Согласно его инструкциям они и создали систему, потребляющую тепло человеческого тела и превращающую его в энергию. «Вот теперь мое изобретение и поработило меня».

На улице их ждал аэрокар.

— Возьми себя в руки... Стаффа,— сказал ему пристав с перекошенной улыбкой и отошел.

— Пошел!— закричал офицер из аэрокара,— заходи. Мы не можем возиться с тобой целый день.

Начальник тюрьмы, сидящий внутри, был похож на большого гнома. Одет он был в форму защитного цвета, лысая голова ярко сверкала под лучами солнца.

— Я Морлаи, будешь работать под моим руководством, мы дежурим попеременно с Англо. Я отличный парень. Мы будем работать в пустыне, пищу нам поставляет храм.

Стаффа забрался вовнутрь, обратив внимание на пластиковую втулку за ухом Морлаи. Маленькая серебряная антенна терялась в его волосах.

Стаффа едва обращал внимание на город, над которым они пролетали. Его мозг пытался найти главный ответ. Что это за мир? Какого рода империи помогал воздвигать? Должна же быть справедливость для человека с его... Обращайся с этим к императору! Он устало потер глаза и тупо уставился на свои пальцы. Невероятно! Они были покрыты грязью. Он посмотрел вниз на свое тело и увидел грязные потеки, покрывающие его. Знакомые шрамы исчертили его плоть, многие были прикрыты полотенцем, которое ему дали. От него воняло мочой и застарелым запахом пота.

Подошвы ног горели, непривычные к ходьбе босиком по песку и камням.

Как такое могло случиться с Лордом Командующим? Почему Броддус рискнул его ограбить в первом же темном месте? Почему эти люди ... Ах, да, золото, конечно, золото. Столько всего можно было купить за золото! «И империи»— добавил внутренний голос. Он закрыл глаза и принялся кусать губы, отказываясь поверить в происходящее.

«Почему магистр не захотел проверить мое утверждение? Почему он мне не поверил?» Он ловил разбегающиеся мысли. В темной аллее был найден голый человек, покрытый шрамами, и рядом два трупа. И это Лорд Командующий, столь ненавистный Звездный Палач?

Будь я проклят!»

Стаффа боролся с внезапной слабостью, овладевшей им. Из соображений безопасности он не разрешал делать свое голографическое изображение. Сколько это может длиться?.. О, проклятые Боги! Пронизывающий холод объял его. А вдруг кто-нибудь его узнает? Какой он набитый дурак. Он там стоял, когда магистр на всю империю НАЗВАЛ его имя! Человек, уничтожающий целые планеты, стоял голый перед публикой и вел себя, как смирный ягненок!

«Стаффа, ты начинаешь думать. Ты — это не ты. Это влияние Претора. Но понимать и принимать — это совершенно разные вещи». В горле у него пересохло, сердце стучало молотом. Неужели они все поверили, что я сумасшедший? Сколько это может длиться? До тех пор, пока кто-нибудь не узнает, что Лорд Командующий отбыл в отпуск в неизвестном направлении? Этарус — вот куда он прибыл. Какую цену назначат за его голову? И если кто-нибудь его узнал в суде, какую цену он запросит за информацию?

Он вспомнил лысого мужчину в шаттле. Как долго можно страдать и мучиться воспоминаниями, чтобы дойти до предела и убить человека, разрушившего планету, убившего родных и близких?

— Страх — вот мое наследие,— прошептал Стаффа. Я должен бежать! Но как? Как убрать этот ошейник? Он провел пальцами по теплому металлу, плотно облегавшему шею. Аэрокар замедлил скорость и снизился возле черного входа в храм. Стаффа посмотрел сверху на огромные здание темно-желтого цвета и вспомнил, какие легкие мраморные колонны и какой прохладный воздух внутри. Последний раз он по-царски вошел в главный вход, когда его люди охраняли здание.

Морлаи зевнул и потянулся, спускаясь вниз. Он не производил особого впечатления: лицо чересчур мясистое, блестящая лысина, живот свисал над поясным ремнем. Он рассматривал Стаффу блестящими карими глазами.

— Как тебя зовут, раб?— спросил водитель, выталкивая Стаффу из кара.

— Ста...— он нервно пожал плечами.— Какое это имеет значение, как меня зовут и кто я? А как бы ты назвал такого человека, как я?

Водитель провел его к входу, говоря:

— Ну, давай посмотрим. Ты большой, сильный, как буйвол, с роскошными мускулами. Наверное, хорошо поработал ими, если они покрыты шрамами. Ты жестокий человек, а?

Стаффа в ответ пожал плечами.

— Тогда назови себя Таф.— Морлаи рассмеялся от души.— Да это отличное имя для тебя, Таф.

Стаффа посмотрел на него холодными глазами.

Морлаи заметил это и добавил:

— Послушай, Таф, так работает наша система. Ты ведь здесь не потому, что ты — классный парень. Я или любой другой можем убить тебя одной мыслью. Понял? Вот так-то. Одна мысль — и ты мертв. А сейчас нам нужно выполнить кое-какую работу. Это отвратительная и далеко не легкая работа,— плоские карие глаза смотрели на Стаффу без всякого выражения. Стаффа в ответ что-то промычал. Надзиратель злобно ухмыльнулся:

— Если робот не может выполнить эту работу, мы заставляем вас, ребята.— Он подбадривающе махнул рукой:— Пойми, мы не чудовища. Некоторые говорят, что мы созрели для работы на Звездного Палача, но мы только выполняем свою работу и за нее получаем свои деньги. Если будешь хорошо работать и не мешать нам выполнять свою, то мы станем хорошо с тобой обращаться: давать бутылку-другую. Но если будешь доставлять нам неприятности, мы превратим твою жизнь в ад или просто оставим умирать, ничуть о тебе не беспокоясь.

Стаффа качал головой, пока они шли по узким ступенькам, выдолбленным в скале. Они вступили в слабо освещенную комнату с влажным затхлым воздухом. С серых панелей потолка капала вода, и откуда-то разносилось жуткое зловоние. Двое грязных мужчин с ошейниками стояли над бассейном, в котором плескалась вода. Офицер со скрещенными руками медленно качал головой, глядя на волны, выплескивающиеся на пол. Позади них стояла мокрая машина с открытой передней панелью.

Морлаи позвал:

— Принимайте новенького, ребята. Встречайте Тафу. Неприятности, Англо?

У Англо были гладко причесанные темные, почти черные волосы, он был чуть ниже Стаффы. На нем была такого же защитного цвета форма, как у Морлаи. На черном поясном ремне висели подсумки и сверкающее оружие. Англо глянул вверх.— Там, она там, внизу. И уже давно. Надеемся ее достать живой.

Морлаи бросил на Стаффу испытующий взгляд:

— Может, ты попробуешь достать Кайлу? Попытайся ее вытащить, а потом нырни еще раз и посмотри, что забило канализационную трубу.

Стаффа сглотнул и посмотрел на двух грязных рабов, потом на офицеров. Англо начал хмуриться. «Нет, не выводи их из себя. Попробуй, а вдруг получится»,— подумал Стаффа.

Внутри у него все сжалось, когда ступил на край бурлящего бассейна и понял, что это сточные воды. Все в нем съежилось от

брезгливости, когда он опустил ноги в прохладную маслянистую жидкость. Что-то мягкое толкнуло его в ноги, когда он полностью соскользнул вниз. Он погрузился по грудь.

— Давай быстрее!— приказал Англо,— Кайла там уже больше трех минут. А не то вода попадет назад в ванны храма. Пошел!

Стаффа долгим взглядом оглядел его и набрал полные легкие воздуха. Вода попала ему в уши, течение тащило его куда-то в темноту. Сколько у него есть времени? А как он вернется? Голова натыкалась на слизистые камни. Он подумал: «Я умру здесь. Мой сын, мой сын, я тебя не увижу!»

Острые угловатые обломки скалы посыпались на Синклера. Он рассматривал разбитые вершины сквозь свои блестящие очки. Но сейчас, сразу после солнца, его ИР-визор показывал только мелькающие горячие пятна. Синклер уже изучил каждую впадину и гребень окружающих скал.

— Синк, я подымаюсь наверх,— раздался голос Гретты в ушных фонах.— Погоди, отдохни, моя любовь, не спеши.

Обстоятельства вынуждали Фиста сидеть в бункере, и он злился.

В течение этих двух тяжелых недель они перерезали пути бунтовщикам, но те яростно сопротивлялись. Осажденные третье и пятое отделения должны были контролировать территорию, простирающуюся на север и юг, но они были разбиты и рассеяны. На эти отделения нападали дважды, и они были почти полностью уничтожены. Только орбитальные бомбардировки смогли остановить бунтовщиков.

Синклер мысленным взором окинул поле сражения и представил Гретту, пробирающуюся в темноте: он почти видел ее глаза, с тревогой всматривающиеся в темноту, и строго поджатые губы. Им бы вдвоем лежать в постели, а не стрелять. Только Боги знали, как он раньше мог жить без нее.

«Гретта, пожалуйста, будь осторожнее! Я тебе обещаю, у нас впереди прекрасные дни».

С большой осмотрительностью он перевернулся на живот, встал на ноги и проскользнул вперед, не обращая внимания на острые кусочки камней, впившиеся в кожу. Проклятый скафандр, он оказался непрочным, как шелк.

Столько всего произошло с той ночи, когда они любили друг друга! Им редко удавалось побыть вместе — надо было отбивать атаки, отстреливаться и обстреливать вражеские позиции. Одним словом, надо было воевать — и днем, и ночью. И те мгновения, когда им удавалось уединиться, он ценил как самые драгоценные в жизни. Он представил удивленное выражение ее лица, темно-каштановые волосы, обрамляющие ее прекрасное лицо, ее дразнящие голубые глаза, полные тайны. Ему нравилось просто сидеть и смотреть на нее, восхищаться ею и радоваться, наслаждаться той магической силой, которой она его приворожила.

Что-то в ночи изменилось. Он моргнул и навел фокус, стараясь

обнаружить направление, в котором он что-то заметил. Вон там.

— Группа А, в тридцати метрах от вас бандит, 22 градуса от вашего направления. Внимание.

— Принято, Синк,— ответила Гретта.

— Группа Б, еще 200 метров и вы сможете перекрестным огнем уничтожить огневую позицию бунтовщиков. Когда Гретта начнет стрелять, они попадут вам прямо в руки.

— Принято, Синк. Мы продвигаемся,— напряженный голос Мака зазвучал в фонах.

Когда он решил провести операцию по захвату бунтовщиков, беспокоивших их постоянно, он взял лучших — группы А и Б, опасаясь за Гретту. Но он должен был пойти на это, рискуя даже вызвать тем самым ее гнев.

Он заметил еще какое-то движение. И стал рассматривать появившиеся фигуры, они вырастали будто из-под земли. Может, там есть туннель? Горы, их окружающие, были изрыты пещерами и подземными ходами, проложенными водой и временем. Стало видно, как бунтовщики устанавливают мортиру, присоединяя трубу и поднося ящик с ракетами.

— Мы возле большой скалы,— мягко прозвучал голос Мака.

Синклер осмотрел позицию:

— Бунтовщики метрах в семидясяти впереди на гребне. Ты видишь сосну со своего места?

— Вижу.

— Они с другой стороны. Я засек пять человек и мортиру. У них там, похоже, нора, так что будь осторожнее.

— Принято.

— Гретта, продвигайся осторожнее. Подумай, сможешь ли ты достать эту мортиру. Если будешь стрелять, постарайся не мазать, кто его знает, поддержат нас огнем или нет.

— Все получится, Синк.

«ПОП-БУУМ!»— раздалось сзади со стороны периметра. Ночной обстрел начался точно по расписанию. Он слышал частое «та-та-та-та-та» артиллерии Шиксты и шум, поднятый для поддержки атаки Синклера. Все пока по плану.

Фигурки на позиции противника заметались. Прячась за выступами, перебегая от камня к камню, они, очевидно, сосредоточивались для атаки.

— Стойте!— позвал Синклер.— Проклятье! Их уже десять, двадцать, нет, больше, черт, их больше сотни!

— Где?— спросил Мак.

— Взбираются на гребень горы. Наверное, прятались с другой стороны. Похоже на маленькое войско. Погоди, с ними портативный бластер. Они взбираются вверх. Они выглядят будто... Все, понял, они связаны с командой мортиры. В атаку не идут. Наверное, они думают, что мы в лагере, забились в свои норы.

Ошеломленный, он наблюдал за движением противника. Что они собираются делать? Отступать? Обстоятельства складываются против. Что же все это значит? Почему они... Основной удар! Тарганцы собираются прорвать оборону, используя нашу нерешительность, решил Синклер.

Голос его стал холодным и сухим:

— Держитесь вместе. Пусть они наступают. Они будут хорошо видны на гребне горы.

— Поняли,— в унисон ответили Гретта и Мак.

«Я слышу доверие в их голосах. Черт побери, они верят в меня. Это доверие... А если я ошибаюсь? А если они погибнут из-за какой-нибудь глупой ошибки... какого-нибудь моего самонадеянного решения?»

Позади него хлопки и удары бомбардировки нарастали, и стало понятно, что происходит что-то не то. Синклер сказал в микрофон:

— Эймз, ты слушаешь?

— Да.

— Будь готов, думаю, ты примешь на себя основной удар бунтовщиков,— он пожевал нижнюю губу, сознавая весь риск.— Эймз, вы сможете выстоять? Продержись хотя бы час, и, я думаю, мы возьмем эту группу, потом поддержим тебя с тыла. Уверен, мы перебьем этих парней.

Целую минуту длилась тишина, потом Эймз ответил:

— Синк, мы тут посовещались, мы продержимся. И считаю, что нам хватит и половины людей. Хоувз говорит, что здешние микроорганизмы ослабляют войска. Мы не дадим им прорваться. Держу связь.

— Спасибо, Эймз,— Синклер улыбнулся в темноту, следя за передвижением бунтовщиков.

— Мы видим их,— прохрипела Гретта.

— Держите их на мушке,— прошептал Синклер, увидев людей Гретты, наблюдающих за наступлением противника. От страха у него внутри все перевернулось. Интересно, хорошие ли у бунтовщиков приборы ночного видения? Вдруг они видят людей Гретты, спрятавшихся в скалах?

— Мы видим их, Синк,— прошептал Мак,— мы разворачиваемся... собираемся. Подождем Гретту и откроем бал, когда эти ребята спустятся к нам.

Сердце Синклера начало колотиться. Выброс адреналина в кровь сделал его сильным, он приготовил винчестер и, сощурившись, смотрел в оптический прицел. «Их там слишком много. Боже, это самоубийство!»

Они были примерно в шестидесяти метрах от его позиции, почти в ловушке. «Слишком поздно. Мы не сможем отойти. В любую секунду они нас обнаружат».

— Стреляйте,— проскрипел он в микрофон, ненавидя себя.

— Огонь!— он услышал четкий приказ Гретты.

Синклер взвел бластер, глядя на наступающих бунтовщиков, его сердце бешено стучало почти у самого горла.

Еще совсем недавно зеленое, неопытное и совершенно необученное второе отделение превратилось в когорту беспощадных и безудержно смелых воинов. Всего неделя — неделя этой грязной войны закалила и ожесточила их. Синклер с гордостью ощутил, что с этими парнями он может совершить невозможное.

Внимательно вглядываясь в разворачивающуюся перед ним

и поминутно меняющуюся картину боя, Синклер мгновенно отмечал каждую деталь, из которых складывалась эта бешеная, плюющаяся огнем и затянутая дымом панорама сражения. Бластерный огонь разносил в клочья наступающие цепи противника. Почти ослепленный яростными вспышками, он сумел разглядеть три фигуры в военной форме, двигавшиеся короткими перебежками за мортирной командой. Его сердце наполнилось гордостью — молодец Гретта, в пылу боя она не забыла о мортире.

Мятежники то и дело открывали ответную стрельбу, но беспорядочную и неприцельную — они просто пытались скрыть смятение и опустошение в собственных рядах, вызванные точным огнем Гретты.

Прошло еще несколько долгих минут, и случилось то, что должно было случиться. Синклер не сдержал радостного возгласа: ряды наступавших бунтовщиков сломались, и они, не разбирая дороги, ринулись бежать — прямо в руки Макрудера, терпеливо поджидавшего в засаде. И вот тут началась настоящая бойня.

Синклер нетерпеливо нажал кнопку интеркома:

— Эймз! Ты слышишь? Ты на месте?

Ответом была долгая тишина, прерываемая взрывами и стрекотом импульсных винчестеров.

Но наконец комм ожил, раздался хриплый голос:

— Проклятье, Синк! Их здесь, наверное, миллионы, черт побери! Нас поливают шквальным огнем, не поднять головы. Даже скалы раскалились так, что до них невозможно дотронуться!

Синклер облился потом, дыхание участилось в такт колотящемуся сердцу. Он усилием воли собрал нервы в кулак и почти спокойно спросил:

— Но вы держитесь, Эймз?

В ответ в комме так грохнуло, что заложило уши. Синклер встряхнулся и снова спросил:

— Ты меня слышишь, Эймз? Ты сможешь продержаться? Отвечай! Эймз, ты слышишь меня? Держись!

Сквозь треск и грохот из комма раздался прорвавшийся голос Эймза:

— Какого черта? Откуда я знаю? Мне кажется пол-Тарги против нас.— Пауза.— Ух, сэр, порядок! Они вроде дрогнули!

Синклер истерически расхохотался, и, заметив на себе удивленные взгляды, встряхнулся и деловито приказал:

— Группы А и Б, наступайте! Не теряйте ни минуты. Эймз в большой беде!

Первой отозвалась по комму Гретта:

— Понятно. Мы продвигаемся по верхнему хребту. Держимся чуть левей, чтобы зайти к ним с фланга.— Треск помешал расслышать, что она продолжала говорить, потом связь улучшилась:— ...расстреливаем мертвых, чтобы убедиться, что они вправду мертвы. У этих ребят реганские бластеры, так что по дороге собираем оружие, хотя тащить трудновато,— связь снова прервалась.

Но Синклер, надеясь, что его все-таки слышат и Гретта, и другие, громко и ободряюще прокричал:

— Отличная идея. Оружие никогда не бывает лишним, нам-то уж во всяком случае пригодится. Подумайте, как бы перетащить и тот их полевой бластер. Хорошая штука!— Синклер помолчал и снова нажал кнопку вызова:— Мак, как дела у тебя?

— Двигаемся по вершине, Синк. Давим остатки сопротивления. Они бегут, особенно те, кого мы не достали. Сзади гора трупов. Они были в нашей зоне действия, мы позволили им немного пройти и почти всех убрали.

Синклер кивнул, страдая от двойственного чувства: и радости победы, и огорчения, что позади него гибнут его ребята.

Он не мог не волноваться. Либо бунтовщики ничего не понимали в военном искусстве, либо они здорово растерялись и нарушили весь план сражения. С помощью групп А и Б Синклер этой ночью совершил невероятное. Он заманил в ловушку тысячи бунтовщиков: с одной стороны — его укрепленный лагерь, отвесная скала — с другой, а с третьей — крутая гора. Группы он расположил на гребне, и они расстреливали беззащитных бунтовщиков, а тем временем Синклер заблокировал выход. Противник был сметен огнем из лагеря, а группы А и Б добивали оставшихся в живых обезумевших бунтовщиков.

Еще долгие кровавые часы бластерные разрывы рвали ночь. Воздух гудел и, казалось, сжимался от импульсных выстрелов. Деревья пылали огненно-желтыми факелами, мужчины и женщины в криках и стонах умирали под шквалом огня. С шумом и грохотом падали горячие обломки скал. Бушующий огонь поджаривал раненых, их крики далеко разносились в ночи.

Холодно. Темно. Страх поселился в душе Стаффы, ветерана тысячи битв и сражений, когда он плыл в этой адской канализационной трубе. Холодная паника овладевала им по мере того, как его руки искали и не могли найти опору. Лучше бы его убили с помощью ошейника, чем погибать здесь. Что-то мягкое коснулось груди, и его лицо оказалось на воздухе. Он всплыл на поверхность в каком-то помещении. Воздух был отвратительно зловонный.

— Черт меня побери,— сказал женский голос.— Брэк, это ты?

— Там, наверху, о тебе волнуются. Что случилось?

— Труп закрыл водосток. Я... пыталась, но не смогла сдвинуть его. Не хватило воздуха. Я совершенно обессилена,— женщина закашлялась, и у него тоже начало печь в горле от зловония. Да, плохи дела, эта женщина израсходовала почти весь кислород.

— Где это?— спросил Стаффа, стараясь пореже дышать.

— Пять... или шесть метров вглубь.

Он нырнул, скользнув мимо нее, и поплыл в темноту. Он представил, что работает в вакууме, и страх немного отступил. По инерции его протащило, и он наткнулся на мягкое губчатое тело. Стаффа начал грести руками и схватился за поручень. Течение было быстрым, он упирался изо всех сил, но его куда-то сносило. Легкие начало рвать от недостатка воздуха. Он схватил ногу трупа и принялся тащить, кровь стучала в ушах, в глазах

замелькали круги, приступ кашля он подавил с большим трудом. В жуткой темноте фекальных сточных вод он искал еще один поручень. Страх уже объял его, когда он нащупал гладкий металл и крепко ухватил поручень. Он подтянулся, сопротивляясь течению, и еле оттащил труп. Ему становилось все холодней, казалось, сердце стучит у самого горла. Вода крутилась и пузырилась возле волос, в голове чуть прояснилось, он, открыв рот, хлебнул дерьма, отчего во рту стало горько, он вынырнул на поверхность, и тут же его вырвало в этот черный крутящийся поток. Он чуть отплыл и оглянулся, увидя молодую женщину с бледным лицом и темными волосами. Схватив рукав ее робы, он потащил труп в туннель. Кайла держалась за поручень на том же месте, содрогаясь от приступов кашля. Стаффа окинул взглядом ее мокрые, прилипшие волосы, она оглянулась и посмотрела на него большими, казавшимися огромными в тусклом свете глазами. Ее мокрое лицо блестело во мраке.

— Еще немного и я бы умерла от страха,— дрожащим голосом сказала она.— Ты не очень-то торопился, мой друг, должна тебе заметить.

— Зови меня Таф,— сказал он. Сколько всего произошло в один день! И сколько времени прошло с тех пор, как он вышел с курьерского судна в порту Этаруса?

Грязь медленными струйками стекала с его лица. Милая моя Скайла, как ты хотела мне помочь! Увижу ли я тебя когда-нибудь? Мысль о том, что это не случится никогда, диким отчаянием сжала его сердце. И он едва удержался, чтобы не закричать. И только громадным усилием вернул себя к действительности.

— Давай отсюда выбираться,— пробурчал он, отгоняя непрошеные мысли.

— Вот это правильно, Таф.

Она поплыла вперед. Стаффа толкал труп впереди себя, держась за поручни. Он оглянулся и разглядел решетку: тело девушки перегородило ее, а толстая роба стала пробкой.

— Такие вещи часто случаются?

Кайла в ответ покачала головой:

— Нет. Большинство погибает от однообразного утомительного труда. Дорожные работы, уборка мусора вокруг зданий, очистка и ремонт. Мы должны были отправиться в пустыню этим утром для укладки трубопровода. Задержались из-за этого случая.

Впереди забрезжил свет. Отплевываясь и изрыгая проклятья, они направились к отверстию. Кайла помогла Стаффе вытащить тело, и два раба наверху подхватили его.

Он помог ей выбраться, и затем, подтянувшись на руках, выпрыгнул сам. Он осмотрел себя и увидел, что полотенце пропало, по телу стекало жидкое дерьмо, его опять потянуло на рвоту, он чувствовал, что и его душа тоже измарана в дерьме.

— Мда,— сказал Англо.— Еще одна жрица. И очень молодая. Не понимаю я их.

— Почему они это делают?— поразился Морлаи.

— Наверное, не могут или не хотят принимать посвящение. Их

же продают, и какой-нибудь клиент мог что-то не то сказать о ней. Я не знаю.

Стаффа глянул наверх и встретил испытующий взгляд Кайлы. Она смотрела, нахмурив брови, с неодобрением.

Кайла выглядела аккуратной и здоровой, ни капли жира не было на ее мускулистом теле. Но, может быть, рабам на Этарии не разрешалось жиреть. Ее каштановые волосы скрывали плечи. Тонкие черты лица не бросались в глаза яркой красотой, но в общем она выглядела довольно неплохо. У нее был слегка вздернутый нос и квадратный подбородок. Лицо украшали высокие скулы, большой рот и яркие глаза. Маленькая высокая грудь венчала тонкую приятной формы талию. Длинные крепкие ноги. Ее лицо оставалось угрюмым, полные губы были крепко сжаты, в глазах светилась звериная осторожность. Она стояла, опершись спиной на стену, вся покрытая гусиной кожей от холода.

— Кайла, отведи Тафу за угол и вымой из шланга, и пусть он тебя обдаст водой, вы чертовски воняете.

Стаффа пошел за ней, обратив внимание на скрытый гнев в ее движениях. Она, не говоря ни слова, отвернула кран и подставила свое тело под струю воды, тщательно соскребывая грязь одной рукой, другой держа шланг.

Стаффа взял у нее шланг и полил ее водой, он даже обнаружил кусочек мыла и подал ей. Потом, пока она намыливалась, он полил из шланга себя, морщась от мерзкого запаха. Он промыл рот и сплюнул, глядя, как вода, закручиваясь, убегает в сток. Он весь дрожал от омерзения и холода.

— Идемте,— позвал Морлаи.— А то мы потеряем целый день.

— Ты пойдешь вот так?— с гримасой спросила Кайла, одеваясь в просторные одежды.

— Я потерял свою юбку в дерьме,— слегка пожал плечами Стаффа.

Она оторвала полосу ткани от своей одежды, оставив ноги обнаженными до колен.

— Благодарю,— сказал Стаффа, заворачиваясь в казенную тряпку.

— Не стоит,— скучающе сказала она.— Я всегда так поступаю, когда меня вытаскивают из дерьма. Запомни лицо этой жрицы. Если бы ты чуть задержался...

— Мы же там были вдвоем,— перебил Стаффа, пока они подымались в тюремный аэрокар.

— Куда теперь, Морлаи?— Кайла плюхнулась на сиденье и закрыла глаза, когда двигатели загудели, и кар поднялся в воздух.

— Механизмы для укладки труб уже ждут вас к западу от города. Вы будете связывать трубы. Такая работка может согнуть вам спины. Мы сгоним с тебя лишний жирок, Кайла.

— Спасибо тебе, Господи,— прошептала Кайла.

— Спасибо? За адский труд?— Стаффа внимательно посмотрел на нее.

Она в ответ глянула не него, задержав на мгновение взгляд, и быстро отвела его в сторону. Ее голос перешел в тихое бормотание, почти неслышное в шуме ветра:

— Да, куда угодно и что угодно, только подальше от постели этого ублюдка Англо.

Стаффа взглянул на город, над которым они пролетали, обернулся к Кайле:

— Как ты сюда попала? Ты говоришь и поступаешь не так, как рабы.

Она в ответ горько усмехнулась:

— Нет, полагаю, что нет. Когда-то, кажется, целую вечность тому назад, я была Первой Леди на планете, которая называлась Майка. Я правила вместе со своим мужем. Тибальт ценил наш мир больше, чем наши соглашения. Он нанял этого сволочного Звездного Палача, а остальное — это уже история.

«Господи, есть на свете человек, которому бы я не искорежил жизнь? Неужели это правда, что говорил про меня Претор? Неужели каждый проклинает мое имя?»— подумал Стаффа.

— Я слышал, что все руководители страны были убиты,— деревянным голосом выдавил из себя Стаффа. Он вспомнил Майку. Они расстреляли ее лидеров и церковных деятелей. Он вспомнил Первую Леди, избитую и кричащую. Он помнил, как ей разнесли голову импульсным пистолетом. «О, да, Стаффа, вспомни их всех. Вспомни, как мы смеялись, убивая их. Ты помнишь эти шуточки? Неудивительно, что ночные кошмары преследуют тебя. А что, если это только начало?»

Она пожала плечами:

— Моя служанка погибла вместо меня. Потом его люди нашли меня, изнасиловали всем скопом и продали в рабство. Я работала горничной, пока в одну ночь хозяин не прыгнул ко мне в постель. Я к тому времени устала от насилия, я убила его, и меня бросили сюда. Теперь каждую ночь Англо насилует меня, и я никак не могу решиться на самоубийство, я хочу отомстить ему,— она помолчала, рот искривила горестная гримаса, под глазами пролегли глубокие морщины.

— Значит, ты считаешь, что все это дело рук Компаньонов?— он в удивлении поднял брови, в груди покалывало.

Она саркастически рассмеялась:

— Это дерьмо, в котором мы болтались,— мед по сравнению с тем, что течет в их жилах. Их и Тибальта — гнуснейшего мерзавца.

Стаффа, слыша неприкрытую ненависть в ее голосе, низко опустил голову. Слова этой женщины неожиданно сильно уязвили его. Почему? Может, потому, что они только что вместе барахтались в сточной канаве? Господи, неужели это я причина того, что она здесь?

Она замолчала и не проронила ни слова до тех пор, пока кар не остановился на открытом месте, в пустыне. Вокруг оазиса с водой лепились мелкие квадратики зеленеющей почвы. До самого горизонта, насколько хватало глаз, расстилались бесконечные пески Этарианской пустыни.

Стаффа горько размышлял о том, что нет справедливости во Вселенной. Он глянул на припекающее солнце и присел на

корточки, в душе поселились одиночество и пустота...

Стояла немилосердная жара. Они пересекли ряды дюн и увидели копошащихся людей, окруженных вихрями песка. На севере виднелось зависшее в воздухе судно, тянущее длинную трубу.

— Морлаи, вы опоздали,— взревел краснолицый офицер.— Почему вы задержались?

— Забирали новенького, и пришлось раскупоривать забившуюся сточную канаву.

Краснолицый положил руку на плечо Морлаи:

— Рад, что все закончилось хорошо. Давай, расставляй своих на погрузку трупов. Умерли этим утром. Завалило в канаве. Полтора часа раскапывали.

Шесть разлагающихся трупов, пять мужчин и одна женщина, лежали под палящим солнцем. Стаффа прошел за Кайлой, которая уже взялась за ноги покойника. Одного за другим они перетащили их к аэрокару.

— Должно быть, там было слишком глубоко, в канаве,— сказала она ему.

— Почему?— спросил Стаффа, загружая третий труп в кар.

— Если глубина небольшая,— равнодушно сказала она,— они взрывают и хоронят трупы там. Если, глубоко, они вытаскивают тела и углубляют канаву. Морлаи выбросит их на полпути к городу.

— Ты кажешься такой равнодушной. А ведь в следующий раз мы можем оказаться на их месте.— Он взялся за последний труп.

— Можем,— согласилась она.— Вот этот парень, которого мы несем, он был майканским послом у Тибальта. Где справедливость?

Стаффа вгляделся в засыпанное песком лицо человека. Странное ощущение начало овладевать его сознанием. Смерть так легка среди рабов.

— Тогда ты не можешь винить в его смерти Лорда Командующего,— пробормотал Стаффа ей в спину.

Морлаи продолжал разговаривать с краснолицым.

Она пожала плечами:

— Может быть, и нет,— она вздохнула,— но у меня есть одно желание — увидеть его здесь в этой жаре, боли и отбросах.

«Если бы ты знала, что Бог тебя услышал, Кайла»,— подумал Стаффа.

Ночью он лежал и смотрел в звездное небо, потом увидел пролетающий корабль и вспомнил слова Кайлы. Звезды подмигивали ему в тишине. Он перевернулся на подстилке, которую ему выдали, и провалился в забытье. Ему ничего не снилось. Потом вдруг какой-то ужас подбросил его, он дернулся и оказался на песке. Беспомощно моргал он в темноте, кожу покалывало так, будто тысячи глаз уставились на него с ненавистью. Глубоко вздохнув, он увидел, что только одна Кайла наблюдает за ним. Она отвернулась и легла, свернувшись клубком в нескольких шагах.

Стаффа сел с широко раскрытыми глазами. Ненависть и проклятья мертвых были гораздо легче, чем ненависть живых. Ведь мертвые перестают чувствовать.

В крутящемся водовороте огня и в бурлящей схватке гибли бунтовщики с криками ярости. Большинство из них пропали, как призраки,— они проскочили контрольные посты реганцев и растворились в ночи. В конце концов Синклеру удалось окружить оставшихся тарганцев, разоружить их и взять в плен.

Поднявшиеся пыль и дым окрасили утреннее солнце в кровавый цвет. Синклер спустился вниз по следу исчезнувших тарганцев, находя по дороге раненых и убитых, лежавших в пурпурной тени. Сцена боевых действий как-то странно разделилась: каменистая часть к западу выглядела пасторально мирной по сравнению с опустошенными окрестностями. Не осталось ни одного целого дерева. Кустарники были сожжены дотла. Скалы расплавились от бластерных зарядов, земля взбугрилась на месте схватки.

Он снял фляжку с бедра, отвинтил крышку и отпил несколько глотков энергетической жидкости.

— Шикста,— прохрипел он.

— Слушаю, Синк,— кратко ответил тот.

— Ты взял Каспу? Организовал штабы?— Синклер присел на расплавленную скалу, почти не ощущая тепла, проникающего сквозь комбинезон. Ниже по склону Гретта вела своих людей на поиски раненых бунтовщиков. Изредка воздух разрывался треском бластерных разрывов. Редко находили оставшихся в живых восставших и их, шатающихся от страха и боли, отправляли под конвоем за пределы периметра к остальным двумстам пленникам.

— Организуем. Что-то здесь не так. Не могу поймать первого дивизионного Аткина. Вместо него меня отсылают ко второму дивизионному.

— Чтоб они все провалились! Нам нужно эвакуировать раненых!— прокричал Синклер в утренний воздух.— И у нас более двухсот пленных.

— Я знаю это, сэр. Я им докладывал. Они сказали, что направили к нам два десантных судна,— голос Шиксты превратился в невнятное бормотание: он слишком устал, чтоб бояться вызвать гнев своего сержанта.

Пара десантных судов?— гнев Синклера превратился в безнадежность. Он уронил голову на руки и потер усталое, испачканное грязью и закопченное лицо. Пара дурацких судов? Ему нужна целая эскадра. Будь они все трижды прокляты! Сколько же он не спал? В животе забурчало от голода. Голову его внезапно пронзила боль.

Он,наверное, задремал, потому что руки Гретты, опущенные ему на плечи, разбудили его, и он, моргая и щурясь, уставился на яркий утренний свет.

— С тобой все в порядке?— спросила она и взяла его руки в свои. Ее голубые глаза в утреннем свете выглядели поблекшими и очень усталыми. Он покорно кивнул:

— Устал.

Прилетели десантные суда. Мак поместил раненых в первое и загрузил часть пленных во второе.

— Нужны еще катера для полной эвакуации.— Выражение ее лица стало кислым.— Они хотят, чтобы ты прибыл как можно скорее в Каспу.

Он вздохнул, удивляясь, что у него до сих пор сохранился во рту запах дыма и смерти. Поддавшись внезапному импульсу, он спросил:

— Может, мне удастся принять горячую ванну, переодеться и поспать на настоящей постели?

— Ты никогда раньше не говорил такое!

Они немного поспали во время перелета в Каспу.

Синклер наблюдал за разгрузкой раненых, и лишь потом они с Греттой вышли в Каспу, ярко освещенную солнцем. Катер высадил их перед таким же госпиталем, в котором лечился Синклер. Когда же это было? Господи, неужели прошли недели?

Гретта стояла позади него, и только сейчас он понял, что она еле держится на ногах. Волосы висели жалкими прядями, слипшиеся и спутанные. Форма была разорвана во многих местах, покрыта грязью и кровавыми пятнами. Когда она посмотрела на него, он заметил, как заострились черты ее лица. И ему стало жаль ее.

Откуда-то вынырнули два капрала, и один из них, козырнув, спросил:

— Сержант Фист? Вы можете пройти с нами?

— Могу я привести себя в порядок?— спросил он, оглядывая свой комбинезон, грязный, кровавый и рваный. От него несло потом, дымом и запекшейся кровью.

— Простите, сэр. Но это приказ Майкрофта, сэр,— непреклонно ответил капрал.

— Майкрофт? Какое он имеет к нам отношение? Мой дивизионный Аткин.

— Первый дивизионный Аткин мертв, сэр. Уже около недели,— черные глаза капрала смотрели, не мигая.

— А почему нам никто не сообщил?— поразился Синклер.— Теперь понятно, почему нам не высадили подкрепление, оружие и продовольствие, понятно, почему мы не смогли вывезти пленных. Ничего, кто-то за это дорого заплатит!

Гретта пожала плечами.

— Ладно, пошли,— нахмурился Синклер, подавив гнев.— Аткин мертв целую неделю? И нет замены? Что за игры?

— Я подыщу нам местечко,— пообещала Гретта, когда они прощались.

Синклер шел за сопровождающими через компаунд. Когда он вошел в главное здание, два встречных сержанта остановились, оглядели его и зашептались между собой, прикрываясь ладонями. Да, похоже, новости об их сражении уже распространились довольно широко.

Они остановились на плюшевом ковре перед дверью, и Синклер услышал свое имя. На пороге появился четвертый штабной, отдал ему честь и показал рукой:

— Сюда, сержант.

Он прошел за этим человеком по пушистому ковру к внутренней двери, мимо толпившихся группами офицеров. Дверь с орнаментом отворилась, и Синклер ступил в роскошно обставленную комнату. Да, такого он раньше никогда не видел.

Первый Майкрофт Тарганской десантной дивизии номер два нервно прервал салют Синклера. Майкрофт всегда щегольски одевался и старался скрыть свою костлявость и хрупкость, он носил форму, подбитую ватой. Он стоял жестко, несгибаемо, на тощем лице в натянутой усмешке кривились губы, длинный нос подрагивал, глаза смотрели враждебно. Он носил аккуратные усики, но лицо его, несмотря на все ухищрения медиков, выдавало истинный возраст. Наверняка ему уже стукнуло двести.

— Сержант Фист,— сухо приветствовал Майкрофт, демонстративно не протягивая руки.— Битва — это всегда очень грязное дело. И я не хотел бы вымазать руки.

— Да, сэр,— Синклер напрягся, пытаясь сосредоточиться. Ему тяжело пришлось прошлой ночью. И, черт побери, он просто устал. Он старался ровно стоять на непослушных ногах.

— Выпьешь?— спросил Майкрофт.

— Нет, сэр. Спасибо, сэр. Боюсь, что я тогда просто засну стоя, сэр.

Углы рта Майкрофта искривились, как будто он старался подавить усмешку.

— Тогда, может, чашечку стассы?

— Это было бы превосходно, сэр,— Синклер позволил себе обвести взглядом комнату. Замечательно! Теперь он знал, как живут шишки такого ранга — пышные ковры, полированный металл, вид из окна на гористый пейзаж, радующий глаза совершенством линий и буйством красок. Синклер обратил внимание на столбы дыма, подымающиеся над западными горами. Несколько удивленный, он подумал, что это, наверное, догорают дома в районе вчерашнего боя.

— Да,— произнес Майкрофт, поднося ему чашку со стассой.— Мы наблюдали за вами прошлой ночью. Учитывая расстояние, вы сотворили невозможное.

— Уверяю вас, это было впечатляющим вблизи,— дерзко ответил Синклер. «Черт бы тебя побрал. Я устал. Последи за речью, Синклер»,— думал он. Этот тип плетет свою паучью сеть. Синклер глубоко вздохнул, успокаивая себя.

Первый Майкрофт рассмеялся и присел на угол стола:

— Полегче, сержант. Это не дисциплинарная проработка и не следствие. Так что расслабься, чувствуй себя свободно.

«Свободно? Я не такой дурак, Майкрофт. Что тебе нужно? Зачем я тут?»

Синклер рассматривал первого, ощущая покалывание в покрасневших глазах, зная, что лицо его вымазано сажей и копотью, и весь вид весьма далек, мягко говоря, от парадного.

— С вашего разрешения, сэр, что произошло с Аткином?

— Его убили, сержант. Это случилось в полночь. Оба, и Аткин, и второй Найтан были зарезаны во сне. Все было сделано очень

тихо. Нам остается только гадать, кто убийцы. Правда, у нас есть приметы — темнокожий мужчина и желтоглазая женщина.

Майкрофт прошел к окну, задумчиво почесывая подбородок.

— Теперь вы понимаете, почему мы не распространялись об этом? Тогда тарганцы непременно бы попытались деморализовать наши войска. Убийцы прихватили важную информацию, касающуюся атак Третьей и Пятой секций. Кстати, они знали и о вашей атаке, но вы прекрасно справились с делом прошлой ночью.

Он повернулся, сверля глазами Синклера:

— Скажите мне, сержант, как вам удалось? Вы взяли в плен 237 пленных, убили около 300 тарганцев, а ваши потери при этом очень незначительны.— Он вопросительно поднял брови.

Набрав полную грудь воздуха, Синклер подтвердил:

— У нас 63 раненых и 21 убит,— при этих словах он вздрогнул.

Майкрофт задумчиво кивнул:

— Наши спутники следят за отступившими группировками бунтовщиков. Они, кажется, окончательно потеряли присутствие духа. Должен вам сказать, сержант, что вы добились поразительной победы.

— Благодарю вас, сэр,— Синклер выпил стассу, чувствуя, как растекается по всему телу теплота и успокаиваются издерганные нервы.— Нам очень помогли топографы.

— Ваши солдаты ведут себя прекрасно, сержант. Две недели назад это были новобранцы, и вдруг такая метаморфоза,— он помолчал,— это что, удача?

— Нет, сэр. Две недели беспрерывных боев — это поразительная школа, сэр. Кроме того, мы не теряли ни минуты во время затишья — тренировки и днем и ночью. Я должен, однако, отметить, сэр, что это все получилось вроде бы само собой.

Майкрофт скривил губы, усики встали торчком.

— Я понимаю. Не так, как в учебниках?

— Нет, сэр.

— Но результаты говорят сами за себя,— добавил Майкрофт, сделав брови домиком.

— Если вы так говорите, сэр.

Майкрофт рассматривал его прищуренными глазами:

— При сложившихся обстоятельствах я должен рассказать о необычных приказах, которые нам только что переданы, сержант Фист. Я получил лично от императора указание назначить победителя командиром Первой Тарганской десантной дивизии. Это экстраординарный случай, и решает его только император. Чувствуете, куда ветер дует? Он хочет поставить во главе дивизии вас.

Синклер моргнул, комок застрял у него в горле:

— Проклятье, сэр, но половина офицеров командного состава почувствуют себя незаслуженно обойденными.

Майкрофт кивнул:

— А ты и в самом деле такой чувствительный, как о тебе написано в досье, сержант,— он сделал глоток виски.— И я считаю, что было ошибкой принимать тебя рядовым в армию, вместо того,

чтобы обучить и получить из тебя полноценного офицера. Но ничего, это дело поправимое.

— Сэр,— Синклер помедлил, он пытался найти скрытый смысл и думал: «Все, к чему я стремлюсь, само идет в руки. Надо быть осторожней, здесь что-то, наверняка, кроется. Где же ловушка? Чему или кому меня собираются принести в жертву?»

Майкрофт присел на угол стола из черного дерева и протянул:

— Сержант, лично я твоего назначения не одобряю. Я сторонник постепенного восхождения по служебной лестнице. И чем оно продолжительней, тем это лучше для дела.

— Да, сэр.

— Но у меня сейчас нет выбора,— в голосе Майкрофта прозвучало сожаление, он запил его глотком бренди.— Но нашему мудрому императору виднее, у него есть свои причины поступать именно так. Да, это многих разозлит и даже взбесит. Зависть — это опасная штука. И пусть тебя не удивят предательские удары из-за угла, доносы и прочие прелести,— он с трудом подавил растущее раздражение.— И я не уверен, что император сможет это пресечь.

Синклер провел пальцами по ободку стассовой чашки. Майкрофт по выражению его лица понял, о чем думает Синклер, и в ответ цинично улыбнулся:

— Хорошо, я тебя понимаю, тогда скажи, кого бы ты смог рекомендовать из состава Первой Тарганской дивизии, а, сержант Фист?

Синклер насторожился, четко всплыла мысль: «Будь осторожнее, внимательней, нужен очень деликатный ответ».

Синклер набрал полную грудь воздуха и поставил чашку на столешницу.

Провел языком по пересохшему небу, выдохнул и качнул головой:

— Первый Майкрофт, этот вопрос вне моей компетенции.

— Ладно, сержант,— глаза Майкрофта сузились, он минуту подумал, выпил глоток.— Будем считаться с твоей молодостью и неопытностью, хотя ты сделал прекрасную карьеру в течение двух декад. Да, ты обладаешь прирожденной проницательностью.

Синклер в ответ промолчал.

Майкрофт вздернул подбородок:

— Если у меня и были сомнения на твой счет, то теперь их нет.— Он встал и прошелся по толстому пушистому ковру, потом взглянул на Синклера:— Я надеюсь, ты поймешь мою сдержанность. Мне все это чертовски не нравится, но я выполню приказ,— в голосе зазвучала угроза:— Полагаю, ты запомнишь, Синклер Фист, кто именно тебя выдвинул? Я бы очень не хотел ссориться с тобой, это может отразиться и на мне. Ты все понял?

— Да, сэр.

Майкрофт внимательно его рассматривал, кивая головой собственным мыслям.

— Ладно, посмотрим, как ты себя поведешь, Первый дивизионный.

Гретте удалось снять комнату в одной из казарм, отведенных для транзитников. Комната была оборудована минимумом необходимого: спальной платформой, туалетом, душем, маленьким рабочим столом и комм-терминалом.

Синклер, несмотря на все перипетии этого дня, уснул на полуслове, рассказывая Гретте о встрече с Майкрофтом.

Гретта во сне нечаянно пошевелилась, и он, вздрогнув, открыл глаза и напряженно огляделся, готовый отразить нападение. Только через мгновение, поняв, где находится, он расслабился и откинулся на подушку, с облегчением вздохнув.

— Не понимаю,— сладко потянувшись, сказала Гретта,— все это так внезапно, невероятно быстро.

Синклер мигнул несколько раз, проясняя взгляд. Мутный предрассветный туман клубился за окном. Он бросил взгляд на хронометр и зевнул:

— Еще целых два часа до церемонии назначения и принятия дивизии.

— И все-таки это совершенно неожиданно,— проговорила Гретта.

— Да,— согласился он,— я, похоже, попал в самый центр политического водоворота. Во имя всех Богов, что наш император замышляет? И зачем?

Она провела рукой по его телу, легонько коснулась пальцем шрама, глаза стали задумчивыми и печальными:

— Что же ты собираешься делать?

— Любить тебя и как можно крепче.

— У нас есть еще целых два часа,— сказала она, наклонясь и целуя его в плечо.— Мы так измучились, так устали, что просто вырубились. А сейчас, по-моему, самое время заняться любовью.

Он кивнул и крепко ее обнял, целуя лицо, грудь, шею.

Потом они, утомленные, расслабленные, отдыхали, он гладил ее нежную грудь, но думал о своих проблемах.

Три месяца назад он, зеленький рядовой, впервые участвовал в военных действиях. А сейчас император, по непонятным причинам, возносит его на должность командира дивизии. Он будет подчиняться непосредственно только императору и министру обороны. А что делать с Макрудером, который останется далеко внизу, у подножья пирамиды? Старый вояка и друг... Синклер, поразмыслив, решил: «Посмотрим, как будут развиваться события. И я-то уж о нем не забуду, если сам себе не сверну шею».

— Я должен победить, но одной ногой стою на тающей льдине, а другая повисла в вакууме.— Он со злостью ударил кулаком в подушку.

Гретта обняла его:

— Я не знаю никакого другого в империи, кто смог бы лучше тебя решить подобную проблему.

Синклер благодарно улыбнулся, пытаясь вспомнить похожие случаи в истории. Он перебирал в уме имена мужчин и женщин, которые делили с ним его бремя, большинство из них погибли, были отданы на заклание. Немногие выжили. Что будет с ним?

Мучительные размышления утомили его, но в его голове начал вырисовываться план.

Его Святость Сезза II, Божественный Свет, был очень недоволен. Точно такое же чувство испытывал и адмирал Джейкр. Они оба гневались на Майлза Рому.

Покои Его Святости, длиной около ста шагов, были с высокими потолками, сверкающими в лучах медового сеззанского солнца, которые, проходя сквозь призматическую оптическую систему, рассыпались на все цвета радуги. Перламутровые стены монарших покоев переливались, ярко горела золотом отделка филигранной работы. Толстый несианский ковер малиновыми волнами покрывал узорчатый пол.

— Лорд Командующий даже не соизволил увидеться с тобой?— спросил Его Святость, подымая в негодовании реденькие бровки. Сезза II сейчас был жалок: карикатура на Бога, расплывшаяся туша, восседающая на троне. Сезза почти не передвигался без антиграва. Его сердце просто не выдержало бы веса своего хозяина. Собственными ногами император решался воспользоваться только чтоб переместиться из одного антиграва в другой, ступить в ванну и вылезти из нее.

— Божественный, я не могу найти объяснений. Погодите... Я читаю обвинительный приговор в ваших глазах. Но Стаффа не захотел видеть не только меня, но и Айли Такка.

Сезза вскинул лысую голову, блестящая макушка которой ярко сияла в радужных лучах. Бесцветные, глубоко посаженные глазки без всякого выражения смотрели на Майлза Рому, казалось, что он решает,— съесть этот кусок мяса или выбросить его. Сезза сложил коротенькие ручки, поиграл кольцами:

— А вдруг ты что-то упустил, проморгал? Может, это была хитрость Айли?

Майлз облизнул пересохшие губы и покачал головой. Он вспомнил неподдельный гнев Айли.

— Нет, Божественный, клянусь, там что-то не так. Можете назвать это интуицией. Айли была раздосадована на самом деле, она не притворялась. И подполковник авиации была чем-то обеспокоена, она говорила с нами в большой тревоге. Стоило ли ей так нервничать из-за того, что они разрывают с нами контракт? Не думаю. Причин волноваться из-за нас у нее не было.

— Скайла не стала бы волноваться, даже если бы тысячи чертей пришли по ее душу,— вставил Джейкр.

— В чем же дело?— спросил в некотором недоумении Сезза.

— Божественный, моя разведка донесла, что со Стаффой что-то произошло после его последнего разговора с Претором. Он действовал странно для него, когда убил Претора,— оторвал ему голову. Подобная вспышка эмоций отнюдь не свойственна Лорду Командующему. Меня вдобавок удивляет сумма отступного, которую он уплатил.

— Вполне естественно, он же выплачивал планетную дань,— Майлз нервно потер ладони.

— Да, конечно,— спокойно согласился Джейкр,— но принимая во внимание невиданный успех миклениапской кампании, разве можно было заставить Стаффу платить за убийство Претора? Нет... все это очень похоже на то, что он сам себя наказывает.

Его Святость раздраженно поморщился:

— Вы, адмирал, должно быть, довольны. А я — нет. Компаньоны начали действовать задолго до того, как наши войска были приведены в готовность. Своими такими действиями он принизил роль наших отборных войск. Когда они прибыли, то застали разрушенный мир.

Джейкр глядел на Майлза тяжелым, ничего хорошего не предвещающим взглядом.

— Тем не менее,— продолжал Сезза,— я хотел бы забыть публичные оскорбления, нанесенные мне Стаффой и сейчас, и ранее. Благодушие — вот одна из основ Божественности, прощение — вот истинная добродетель. Майлз, вам стоит заняться координацией наших разведывательных служб. Нам стало известно, что у Реги возникли серьезные проблемы на Тарге. Там разрушительным смерчем пронеслась революция. Следите внимательно за развитием событий. И выясните, почему Стаффа отказался от контракта!

Скайле не составило большого труда установить местонахождение пилота курьерского судна, того самого, что угнал Стаффа. С помощью фальшивых документов она вывела свое судно на орбиту парковки. Она знала, что любые новости и слухи можно узнать в баре космопорта, поэтому прямиком направилась туда. И ожидания ее не были обмануты.

Она нашла пилота у стойки в одном из залов портового бара.

— Я ничего не знаю,— сказал ей пилот и неопределенно хмыкнул. Запрокинув голову, он выглотал из горлышка остатки виски в бутылке и покачал головой:— Я был на Итреате. Потом я очнулся в Этарии.

— Выпейте еще,— Скайла пододвинула бокал. Пилот благодарно кивнул и продолжил:

— Меня подвергли мозговому контролю имперские внешние службы, отобрали лицензию до выяснения всех обстоятельств,— речь его быстро превращалась в неясное бормотание — это действовал митол, который ему в бокал подсыпала Скайла. Она согласно кивнула,— потягивая из своего стакана и оглядывая заполненный бар:

— Звучит несколько странно.

— Йе,— на нее уставились мутные стеклянные глаза. Мысли пилота приняли другое направление, пока он смотрел ей в глаза:

— Ух, а у тебя что-то случилось? Не хочешь со мной пообедать? Может, хочешь посмотреть шоу-программу? Давай, чуть попозже?

Она с сожалением пожала плечами:

— Меня ждет муж. Он должен заключить контракт с Храмом

и, наверное, уже ждет меня. Я не могу здесь оставаться.

Пилот кивнул:

— Мне всегда не везет с красивыми бабами.

Скайла встала, улыбнувшись, похлопала его по плечу и вышла из шумного бара на грузовую платформу.

Несомненно, Стаффа был умным и хитрым. Скайла влилась в толпу, ожидая своей очереди, чтобы войти в шаттл. Ее легкая полупрозрачная одежда сверкала в солнечном свете, подчеркивая красоту бело-золотистых волос и лазурно-голубых глаз.

Она прошла внутрь и, найдя свободное место, села, устало откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза и сосредоточилась на рассказе пилота. С реганскими въездными документами на руках Стаффа мог улететь куда угодно. Он мог приобрести въездную визу в любой другой мир, не ступая на землю Этарии. Нужно все это проверить.

Зажглись предупредительные огни, и шаттл совершил посадку.

Все-таки Стаффа, несмотря на все свои ухищрения, должен был оставить след. Ей придется потратить два дня, чтобы уточнить, высаживался он на Этарию или нет. Потом ей надо будет вылететь на Таргу — там последняя надежда найти Стаффу и его сына.

Скайла улыбалась, думая о Стаффе, и ничего не могла с собой поделать. Перед ее глазами всплывало его лицо с надменным подбородком и пронзительными серыми глазами. Он ей помнился именно таким: высокомерным и неприступным. Хитрый Стаффа мог просто замести следы и наблюдать, кто направился за ним, и при малейшей опасности исчезнуть, как атмосфера, в открытый люк.

Следовательно, ей для успешного поиска тоже придется прибегнуть к хитрости. Такие роскошные одежды, как сейчас на ней, стоят около трех годовых заработков на Этарии. Это поможет: ее, несомненно, запомнят.

Шаттл приземлился в «Звездном порту» в пригороде Этаруса. И Скайла, не теряя времени, быстро прошла в туалетную комнату. Закрыв за собой дверь, она расстегнула сумку. Выскользнув из своей сверкающей одежды, она аккуратно свернула ее и сунула в сумку, откуда достала пакет с коричневой робой. Натянув ее, она внимательно себя осмотрела и осталась довольна — она ничем не отличалась от этарианки низшего сословия. Перекинув через плечо потяжелевшую сумку, вышла из космопорта. Ей пришлось отбиваться от уличных торговцев, от налетевших со всех сторон с мерзкими предложениями сводников, но несмотря на все это, ощущала себя в привычной обстановке и очень свободно.

Неужели так мало изменилось за тридцать пять лет? Наверное, нет, но здесь был ее дом, знакомый ритм улиц наполнил душу, она наслаждалась им. Соль земли бурлила в пыли под ее ногами, здесь росли корни человечества. Улицы совсем не изменились. Со всех сторон ее обступали вязкие человеческие страсти и настоящая реальная жизнь — в виде дерущихся торговцев, ругающихся лоточников, предлагающих всякую всячину, толкающихся бездельников.

— Эй, красотка,— дородный мужчина с пушистыми усами заступил ей дорогу.— Ты что-то запоздала? Ты уже давно созрела для удовольствий,— он ей подмигнул и послал воздушный поцелуй.

— Что?— брезгливо проворчала она,— ты вообразил, что я разрешу твоему петуху приблизиться хоть на метр к моей курочке? Дубина, покрутись, может, найдешь кого попроще...— ей было очень легко вновь окунуться в эту атмосферу вульгарности и простоты.

Он причмокнул:

— Ладно, но если тебе захочется остренького, милости просим, найдешь меня. Я — Найклос.

— Подумаю, поставлю твое имя в конец списка, если к тому времени тебя не забуду,— она подарила ему завлекающую улыбку.—Ты лучше скажи, где найти денди Нэба?

— Скажу, за один поцелуй.

— Ладно, отвали, гниль.

— В храмовом квартале,— ответил он и попытался ее поцеловать.

Она хлопнула его по губам, учуяла чесночный дух и легкий запах мяты. Уходя, повернулась и добавила:

— Как-нибудь увидимся, Найклос. Может, я подобрею и вспомню тебя, тогда поиграемся.

— Верю, сладенькая,— он пропал за углом.

Скайла осмотрела улицу, подумала, что все в порядке. Она знала, как себя вести тут, и не сомневалась, что сумеет найти путь к Стаффе.

На Каспу опустились мягкие вечерние сумерки, окутав пеленой дома. Туман зажег ореолы вокруг светильников. Тьма, густая и влажная, покрыла спящий город, заполняя низменности и собираясь в темных аллеях.

В самой старой части города крыши блестели от воды, которая, собираясь, стекала вниз и звонко капала на булыжную мостовую. Старинные кирпичные здания выстояли в водовороте войн и времени.

В глубокой черноте узкой аллеи послышался скрип отворяемой двери и следом — дробный звук бегущих шагов. Потом дверь снова скрипнула, кто-то споткнулся, чертыхнувшись, и низкий голос позвал:

— Арта!— Как бы в ответ раздался тяжелый топот бегущего человека, который пропал в черноте ночи. И все. Больше ни звука. Тишина. Туман.

Арта выскользнула из аллеи на узкую извилистую улицу. Обезумевшая, ослепленная ночью, она метнулась в сторону и спряталась за мусорным баком.

Следом появился Бутла Рета, он вертел головой во все стороны, прислушивался к звукам в ночи:

— Арта! Вернись,— позвал он,— мы должны поговорить, мне нужно тебе кое-что объяснить.

Разъяренный молчанием, он с силой ударил кулаком в стену и метнулся в туманную мглу.

По мере того, как его бешеный топот стихал вдали, Арта приподымалась и, встав на ноги, поспешила в противоположном направлении. Запинающимся языком она без конца повторяла:

— Нет... не могу... любить. Не могу... любить. Боги, что со мной происходит! Не могу... любить, Бутла... не могу.

Она исчезла в ночном тумане, рыдающие причитания слышались еще несколько мгновений и растаяли в навалившейся тишине.

Рядовой Кайрос дрожал как в лихорадке, ноги сводило судорогой от холода каспанской ночи. Он переминался с ноги на ногу, подпрыгивал, чтобы хоть чуть-чуть согреться в пронизывающей до костей ледяной тьме. Темные улицы Каспы таили тревогу и мрачное ожидание. В таких ситуациях капрал Ксикс, бывало, похлопывал его по спине и подмигивал, но Кайрос все равно боялся опасной Каспы, которую он не понимал и всей кожей чувствовал, как отовсюду исходит угроза.

Каспа — самый большой город, виденный им когда-либо, он пугал Кайроса и поражал великолепием одновременно. С самого момента приземления его охватил благоговейный трепет перед невиданным миром. Товарищи по отряду считали его тупой деревенщиной. Ну и что из того, что он не умел читать? Читать, кроме него, не умели и другие солдаты. Что из того, что он нигде, кроме болот Рипариоса не был? Капрала Ксикса это нисколько не волновало. Он взял Кайроса под свое крылышко, обучал его всяким премудростям и прочим полезным вещам.

Когда к ним домой прибыла повестка, его папа побелел, лицо исказилось мукой и страданием. Он упал на стул — и это так напугало Кайроса, что он долго не мог прийти в себя. Это было так непохоже на его отца, покрытого шрамами сражений. Неужели это только потому, что Кайрос вступил в реганские войска?

«Ты должен быть хорошим, сын. Ты будешь следовать заповедям Благословенных богов, ты слышишь?— отдавался в памяти Кайроса голос отца, оставляя в нем тяжкое чувство. Да, отец, скорей всего, не одобрил бы того, чем сейчас занимался Кайрос для капрала Ксикса. Конечно, он должен следовать всем заповедям. Черта с два! Почему его жалкая доля в доходах Ксикса была гораздо больше, чем его папа зарабатывал за год тяжелого и изнурительного труда в болотах? Он смог послать своим родителям достаточно денег для покупки дома. Кайрос поежился от набежавшего сомнения — все равно его папа ужаснулся бы, узнав, чем занимается сын.

Сзади, в кромешной тьме, раздавался мерный стук капель воды с закопченных кирпичных стен в черный отстойник. Кайроса передернуло. Почему Ксикс поручил именно ему этот кишащий крысами участок? Одинокие реганские солдаты тихо гибли в таких вот отдаленных местах на окраинах. Кайрос скользнул вдоль кирпичной стены, чтобы выглянуть на затененную улицу, которая была пустынной. Зияли провалы окон, почти все стекла были выбиты. Кайрос спиной ощущал чьи-то взгляды, это лишало его уверенности, вселяло непреодолимый страх.

Мощенная булыжником улица блестела в туманном свете. То здесь, то там, в канавах, поблескивала черная вода. Кайрос печально вздохнул. Интересно, какой была Каспа до войны? Сейчас, в ночи, она была темно-голубой, сырой и заполненной печальными, скорбными тайнами и пугающими загадками. Внезапно Кайрос насторожился: он заметил смутные очертания фигуры с опущенной головой, которая явно двигалась в его направлении, в ее облике было что-то беззащитное и трогательное. Приглядевшись, он увидел, что это женщина, судя по походке, юная, да и, кажется, хорошенькая. Везет этому Ксиксу, ему всегда достаются красивые девочки.

Кайрос почему-то заколебался, удивившись, отчего это она одна и так поздно. Опять загадка. Он поежился, но мигнувший сигнал Бледноглазого вернул его к действительности.

Шаги девушки почти неслышно приближались, она шла все так же с опущенной головой. И тут из темноты вынырнули и заступили ей дорогу непонятно откуда взявшиеся Бледноглазый и Шил. Ее реакция поразила Кайроса: вместо того, чтобы повернуться и убежать, она покорно отдавала себя в руки неизвестным. Инстинктивно Кайрос ткнул ей в спину дубинкой. Она, напрягшись, резко повернулась и попала в его объятия.

— Неплохо,— гордо сказал Шил,— ты неплохое выбрал соседство, Кайрос, а? Он пробежался пальцами по одежде пленницы и воскликнул в изумлении:

— Ба, да это женщина!

Он зажег фонарь и принялся внимательно разглядывать беглянку.

— Молоденькая...— голос его замаслился,— и хорошенькая.

Бледноглазый опытными руками связал ее лодыжки и запястья. Втроем они потащили пленницу бегом по улице вниз, постепенно погружаясь в туман.

Через несколько кварталов она, будто опомнившись, стала неистово извиваться, пытаясь освободиться. «А она сильная,— подумал Кайрос и стукнул ее дубинкой по затылку, потом наклонился к ней:

— Ты меня слышишь?— прошептал он.— Лучше не дергайся, и тебя никто не тронет.

Она перестала сопротивляться и обмякла.

В середине торгового квартала они спустились по темной лестнице в подвал. Бледноглазый постучал условным стуком, и дверь открылась. Девушку внесли в скудно освещенное помещение, где сильно пахло пылью и табаком. Лампа высоко под потолком бросала причудливые тени на грязные кирпичные стены. Паутина скрывала углы и висела между перекладинами и стеной. Пол противно скрипел под ногами.

Капрал Ксикс и еще один солдат посмотрели вверх на вошедших. Они сидели за столом, заставленным стопками имперских кредитов, бутылками ликера и принадлежностями игры Тэпа.

Шил радостно сообщил:

— Мы здорово поохотились на сей раз,— глаза его хищно заблестели.— Сейчас посмотрим, кого это мы поймали.

Девушку швырнули на соломенный тюфяк, служивший постелью. Кайрос ощутил, как у него быстро забилось сердце. Может, хоть сейчас Ксикс позволит ему быть первым? Это ведь он поймал такую добычу.

Кайрос глянул вниз и встретился с потрясающими янтарными глазами, каких он раньше никогда не видел. Она извивалась, безуспешно стараясь встать. Страх исказил ее черты, но к этому в их торговом деле он давно привык.

— Мой капрал, мы поймали красотку,— объявил Бледноглазый. Голос его прерывался от предвкушения забав. Кайрос смотрел на женщину, и ком стоял у него в горле. Черт побери, она была не старше, чем он. Из-под капюшона выбивались вьющимися прядками темно-каштановые волосы.

Ксикс встал из-за стола и прошелся по комнате, разминаясь:

— Неужели это вы отловили такое сокровище? Да, она принесет нам много кредитов. Надеюсь, мы не продешевим, возьмем за нее пятьдесят имперских кредитов.

Капрал наклонился и притянул ее за подбородок.

— А может, и все шестьдесят.

У Кайроса зачастило сердце, и, глядя на нее, он снова подумал: «Никогда не видел такой красивой женщины».

Потом сказал эту фразу вслух, и все закивали, глаза их хищно сверкали в неярком свете, они широко улыбались в предвкушении удовольствия. Страх дрожью пробежал по ее телу, подбородок у нее затрясся.

— Ну, кто первый?— спросил Бледноглазый.— Я поймал, и я должен быть...

Его перебил Кайрос:

— Но я...

Капрал махнул на них рукой и поморщился:

— Привилегия быть первым — моя, поэтому я начну,— и хлопнул Бледноглазого по плечу.— Погоди, приятель. А вы молодцы.

Кайрос проглотил свой протест и рванулся было схватить капрала за ноги, но побоялся. Проклятый Ксикс неторопливо снимал с себя форму. Она дико и пронзительно закричала, когда капрал рванул на ней одежды и обнажил ее. Остальные, помогая, держали ее за ноги и за руки, пока Ксикс разрывал ее нижнее белье. В тишине было слышно только тяжелое дыхание Ксикса.

— Да, сильная попалась,— протянул Шил, с трудом сдерживая ее руку, потом накинул ремень и привязал к колышку. Кайрос тем временем возился, пыхтя от напряжения, с ногами.

— Клянусь всем ценным, что у меня есть,— сказал Ксикс, разглядывая ее обнаженное тело,— она, пожалуй, потянет и на восемьдесят.

Кайрос облизнул пересохшие губы и согласился, лаская взглядом ее белый живот и темно-рыжие волосы на лобке,— такие манящие и многообещающие. Это было поистине тело Богини.

Женщина с испугом смотрела на Ксикса, приближающегося к ней. Растущая паника искажала прелестные черты лица. Капрал медленно стянул с себя нижнее белье и выставил торчащий член. Она пронзительно закричала, крик перешел в невнятное мычание, когда Ксикс опустился всей своей тяжестью на нее. Она напряженно выгнулась, пытаясь его сбросить. Ксикс вытер свой пенис и раздвинув ей ноги, налег не нее. Она яростно сопротивлялась, выражение отчаянной боли обезобразило ее лицо, Ксикс радостно возопил:

— Я сломал ей целку. Ребята, она уже не девочка!

Кайрос учуял, как неуловимо изменилось выражение ее глаз, когда Ксикс издал удовлетворенный вопль. Ее белое нежное тело двигалось в такт тяжелому массивному телу капрала. Ксикс взвыл и содрогнулся, когда достиг высшей точки экстаза.

Почему женщина вдруг стала выглядеть совершенно другой? Вместо боли и ужаса в ее глазах появилось что-то несущее опасность. Взгляд затвердел — она превратилась в абсолютно другого человека, дергающегося в конвульсиях под осатаневшим капралом.

Кайорс принялся быстро сбрасывать с себя одежду, но Бледноглазый опередил его:

— Я — следующий,— уверенно бросил он и накинулся на свою жертву.

Кайрос пребывал будто во сне — он дождался своей очереди — как всегда последним. Его затрясло, когда он ощутил ее тело, грудь так близко. Кайрос кончил сразу, как только вошел в нее. Ксикс и остальные заржали и сдернули Кайроса, потому что ему опять захотелось. Кайрос перекатился на спину, едва понимая, что над ним смеются. Он, красный от стыда, поднял глаза и встретился с ее янтарным, полным ярости взглядом.

— Может, оставим ее на пару недель позабавиться, а потом продадим,— предложил Шил.

Кайроса трясло непонятно от чего, то ли от нервного возбуждения, то ли от холодного воздуха. Капрал и команда, наконец, ублажили себя и, идиотски ухмыляясь, повалились на тюфяки. Кайрос взгромоздился на нее, душа его утонула в глубинах ее глаз. Он громко вздохнул прямо ей в ухо, толчок, напряжение от экстаза — все, он лежал на ней, расслабленный, слушая храп капрала.

— Как тебя зовут?— смущенно поинтересовался он.— «О, Боги! Эти глаза!»

— Мммуффлла,— пробормотала она и пожала плечами. Ее взгляд пронзил его насквозь, и он превратился в ее раба.

— Ты не будешь кричать, если я вытащу кляп? Обещаешь? Мне еще не приходилось говорить ни с одной пойманной нами женщиной. Они все буйствуют, ярятся, орут. Тогда приходится снова втыкать кляп.

Она покачала головой. Кайрос развязал веревку и вынул тряпку, но держал наготове. Она не кричала, вела себя спокойно. Она сглотнула, набрала полную грудь воздуха и ровно задышала.

Кайрос любовался ею. Смогла бы она полюбить его? Если бы она была с ним, то никто бы не посмел издеваться и насмехаться над ним.

Он все-таки насторожился, когда она заговорщицки шепнула ему:

— У вас что, принято так обращаться с этарианскими жрицами?— и улыбка, полная тайн и обещаний, мелькнула на ее губах.

— Эта-этарианская жрица?— он запинался, глаза от удивления широко раскрылись. Значит, эта чудесная... Вот почему она так бесподобно хороша.

— Нас в храме учили доставлять удовольствие, я могу показать тебе как... Эй, ты готов?— она подняла брови и начала извиваться под ним.

— Как тебя зовут?— снова спросил Кайрос.

— Ты когда-нибудь пробовал то, что мы называем Благословенной Вечностью?— в ее глазах загорелась неподдельная страсть, но в самой глубине крылось что-то еще.

— Я разбужу капрала. Это слишком...

— Чшшш!— шепнула она,— слушай, как можно жить, отдавая все самое вкусное другим? Они свое получат. А тебя следует вознаградить, потому что ты первый захотел со мной поговорить.

В нем проснулась надежда:

— Хорошо, я,..— он нервно сглотнул, дыхание его было частым и прерывистым.— Я из тех... ну, понимаешь... очень мягких... Я...

— А как ты думаешь, неужели жрица не сможет исправить это? Мы владеем секретами и можем держать мужскую эрекцию часами. Это очень просто, давай я тебя научу. И тебе больше не придется краснеть перед другими женщинами за себя.

Он станет настоящим мужчиной! Он немного дрожал, тело покрывалось липким потом.

— Ты сможешь меня научить?— сердце его так громко стукнуло о ребра, что он подумал, что она услышала.

— Но мне нужны будут свободные руки. Есть такие потаенные места, которых нужно легонько коснуться. И специальные точки мужского тела, касаясь которых можно доставить владельцу несказанное блаженство.— Разве ты не хочешь узнать секреты моих рук?

Он посмотрел на спящего капрала и в сомнении ответил:

— Я не могу.

— Прости, я так хотела, чтобы мои знания и секреты попали к тому, кто в них нуждается,— она вздохнула,— я теряю квалификацию, Кайрос. Нас учили доводить мужчин до экстаза, и мы можем длить это состояние часами.

Кайрос молча страдал и боролся с искушением, потом вспомнил издевательские насмешки:

— А если я тебя развяжу, ты не расскажешь...

— Если я расскажу, я нарушу клятву жрицы.

Он быстро освободил ее запястья от веревок. Она с облегчением вздохнула.

— Теперь, что?— спросил он дрожа от возбуждения.

— Ложись рядом, и я... Погоди, у меня же связаны ноги.— Она погладила его, он немедленно ответил на прикосновение. Обезумев от ожидания, он быстро освободил ее лодыжки.— Все,— он ненавидел себя за противную дрожь.

— Ложись, Кайрос. Она склонилась над ним, опершись на локти и колени, лаская пальцами его жаждущую плоть. Он прижался к ней всем телом и стиснул зубы. Она подарила ему улыбку и заскользила своим телом по нему. Кайрос застонал от дикого наслаждения. Она поцелуем закрыла ему глаза и помассировала голову кончиками пальцев, потом нежно погладила шею. Он с закрытыми глазами наслаждался, ощущая мягкость и прохладу. Голосом, полным страсти, она приказала:

— Выдохни весь воздух и замри, Кайрос. Вот так. Теперь не дыши сколько можешь. Покажи мне, на что ты способен. Поглядим, сколько ты сможешь выдержать, я подожду.

Он почувствовал, как тяжестью налилась его грудь, но старался, как мог, не дышать. Глаза его судорожно раскрылись, когда он почувствовал на своей шее жесткий ремень, которым она обвила его горло. В тот же момент она коленом надавила ему на грудь. Он задергался, глаза вылезли из орбит, рот судорожно раскрылся, легкие разрывало от жажды воздуха. Он хотел вырваться или сбросить ее, но она еще сильнее придавила его коленом. Его мозг взорвался ослепительной болью, пальцы бесполезно скользили по пластику, режущему его тело. Серый туман опустился, и его затягивало в воронку бесконечного страха и агонии... и последнее, что он увидел — горящие янтарные глаза.

Арта Фера наблюдала, как жизнь медленно покидает тело Кайроса, и это привело ее в возбуждение. Теперь она точно знала, откуда к ней пришла ненависть. Она поняла, что в ней крепко сидит отвращение, которое внедрил ей в подсознание Магистр Бруен.

Она перевернула мертвое тело и увидела, что Кайроса в смерти пронесло. Омерзительная смерть... вы все приговорены мной, и я вас убью. Арта затрепетала от экстаза и осознания своей силы. Она помассировала свои мышцы, вытащила вибронож из кобуры трупа. Рассмотрела в неярком свете оружие, которое ей еще послужит. Лезвие ножа, когда включаешь ток, начинает вибрировать с такой частотой, что легко разрезает даже кости. Она решительно повернулась к спящим.

У Стаффы было такое ощущение, что у него вместо языка наждак. Иссушающий воздух больно ранил легкие с каждым вздохом. Он попробовал глотнуть и поперхнулся, закашлялся.

Вокруг расстилалась Этарианская пустыня, солнце нещадно палило и сжигало его покрытую волдырями кожу. Глаза воспалились, и Стаффа с трудом различал окружающие предметы и пески, танцующие свой бесконечный танец. Дюны образовывались одна за другой, вздымаясь гребнями до самого горизонта. Казалось, что и небо высушено солнцем. Пески, кругом пески, мир

пылающих песков, бесконечных, как боль внутри него, расстилался во все стороны. Ни единое живое существо не могло выжить в этом беспредельном песчаном аду.

Стаффа приподнял ремень с кровоточащих плеч и кивнул бронзовому от загара человеку, тащившему с ним трубу. Стаффа согнулся под ее весом.

— Хоп!— раздался хриплый крик Кайлы, и ее мускулистое поджарое тело напряглось, ремни впились в тело. Короткие коричневые волосы качались в такт ее шагам, словно помогая тащить непомерную тяжесть по обжигающей белой крупе. Труба висела на ремнях. Их качало, они еле стояли, проклиная все на свете. И тут раздался долгожданный крик — Вода!— и наконец они смогли опустить свой груз. По сигналу Кайлы они все вместе положили трубу так, чтобы сборщики смогли состыковать края труб. Стаффа жестоко страдал от жажды, и предпочел бы сейчас быструю смерть от ошейника. Солнце сжигало их убийственным зноем. Но день еще не кончился, и им пришлось тяжко потрудиться, укладывая участки труб. Стаффа видел, как обожженное до черноты худенькое тело Кайлы еле двигается: она чертовски устала и старалась улучить минуту и прилечь на веревки. Как она все это выдерживает? Что дает ей силы? Он вспомнил тот первый день, когда она учила его нехитрому искусству перетаскивания труб, разным маленьким хитростям и секретам, помогающим выжить.

Стаффа внимательно следил за Кайлой, и временами ее фигура принимала очертания Скайлы. Скайла? Почему Скайла? Почему я перестал думать о Крисле? Потому, что я убил ее... Стаффа заставлял себя работать — у него почти не осталось сил.

На следующую ночь он не мог уснуть из-за сумасшедшей боли, скрутившей его тело жгутом, колотившей ознобом и выворачивающей внутренности. Кайла разместилась неподалеку, и, когда увидала, что ему плохо, принесла кувшин воды и поставила перед ним тарелку с едой. Бессильно удивившийся Стаффа пробормотал:

— Скайла... спасибо тебе.

Она облокотилась на свои колени:

— Скайла, Таф? Ты перегрелся, меня зовут Кайла.

Он моргнул несколько раз, чтобы прояснить взгляд: лазурные глаза Скайлы превратились в карие, ее знакомые классические черты обернулись ликом Кайлы:

— Да, прошу прощения, мне показалось, что это не ты...

— Она твоя любовница?— спросила Кайла, бросая в рот кусочки жесткого мяса.

— Нет.

Кайла чуть не поперхнулась:

— Хоть это звучит ужасно, но мне очень приятно, Таф.

— Я любил однажды,— бесцветным голосом сказал Стаффа.— Это было очень давно. Любить однажды,— этого достаточно, правда?

Кайла горько рассмеялась, отчего ему стало невыносимо горько.

— Для таких, как мы, может одной любви и достаточно,— тон

ее смягчился.— Мой муж и я, мы прожили тридцать лет удивительной жизни вместе. Вот такая верная и постоянная любовь,— она посмотрела вверх на звезды.— Когда ты любишь, кажется, что это будет длиться вечно. Хочется покорить любимого, а в конечном итоге получается, что ты дурачишь сам себя.

Стаффа ничего не ответил, вспомнив мужчину, погибшего бесстрашной смертью в тот печальный день на Майке.

— О, как я была тогда счастлива,— прошептала Кайла.— Родила ему пятерых прекрасных детишек. Мы... мы жили в нашем маленьком раю.

Он смотрел вдаль, чтобы она не могла видеть его лица:

— Мне жаль, искренне жаль.

— Да, и мне тоже.

Стаффа в гневе стукнул кулаком по песку.

— Если бы это было в моих силах, я бы вытащил тебя отсюда. Клянусь честью.

— Ты хороший, Таф.

— Я?— удивленно заморгал Стаффа, казалось, ему глаза засыпало песком.

— А я проклятый человек, Таф... Вот, сюда идет мой мучитель,— в ее голосе звучала непомерная тоска, он посмотрел и увидел подходившего Англо. Кайла встала, плечи беззащитно опущены, она безропотно поплелась за Англо. Стаффа перевернулся и закрыл глаза, обхватив голову руками, его неотступно преследовала безнадежность в глазах Кайлы.

— Я, я — единственная причина тому, что она здесь. Но к этому был хороший повод... слишком хороший повод.

Дни проходили длинной тяжкой чередой, и он все более ожесточался. Кожа его почернела и обветрилась под жесткими лучами этарианского солнца. Присутствие Кайлы терзало его — она ему беспрерывно напоминала, что когда-то он был завоевателем, великим Звездным Палачом...

Сколько раз он просыпался в холодном поту посреди ночи! Тогда Кайла, если была свободна от Англо, брала его за руку, это приносило ему покой и давало силы — спасательный круг человеческой теплоты. А ночами, когда она ублажала ненасытного Англо, Стаффа лежал дрожащим комком нервов. Перед ним бесконечной чередой проходили лица, сцены из жизни планет, которые он уничтожил. Всплывали подробности каждой войны, которую он когда-то вел, все победы повторялись. В жутких кошмарах он слышал свой хохот, он смеялся над людьми, которых продавал в рабство. Он вспоминал все убийства, все издевательства, помнил свое высокомерие, с которым обрушивался на свои жертвы.

Кто же ты на самом деле, Стаффа? Что ты натворил? Я проклятый, мерзкий тип.

Человеческий разум обладает колоссальной способностью восстанавливаться. Разум Стаффы кар Терма висел на тоненькой ниточке, которая удерживала его от безумия. Да еще помощь Кайлы...

Ночами его мучали кошмары, ему снились миллионы трупов

невинно убитых им людей, он просыпался в холодном поту и думал, что смерть явилась бы избавлением от неизбывных мук. Но потом смотрел на то место, где обычно спала Кайла, или представлял ее лежащей под потным телом Англо, насилующим ее. Кайла — его благословенье и проклятье одновременно. Разве мог Стаффа кар Терма позволить себе быть ниже женщины, которую он же заставил страдать и смиряться со своей участью?

Чувство вины потихоньку уходило в подсознание и тогда его воспаленный мозг начинал фантазировать. В волнах накатывающей жары Кайла превращалась в Скайлу. Подобно духу она, полуобнаженная, представала перед ним, мучая его недоступностью. Приглядевшись, Стаффа видел, что это Кайла, и тогда его опять охватывало чувство вины.

В такие короткие сумеречные часы передышки ему снова хотелось заглянуть в сапфировые глаза Скайлы, прикоснуться к ней, ощутить ее тепло. Стаффа надеялся, что Скайла что-нибудь придумает и в конце концов выручит его. Одним мановением руки она освободит его из мучительного рабства.

«Да, Стаффа, мечты о Скайле нисходят с небес, которые над головами твоих кровожадных Компаньонов,— а больше тебя некому спасать от этого проклятья»,— думал он.

— Воды,— послышался зовущий голос, когда они вытаскивали веревки из-под трубы. Сгорбленный, одуревший от жары, с воспаленными глазами, Стаффа дергал ремень изо всех сил, тащил его из пышущей жаром канавы.

— Таф?— услышал он скрип. Он выпрямился, посмотрел назад и увидел Пибэла, который лежал на песке, задыхаясь, и махал ему рукой. Слабый, тонкий Пибэл, вот кому совершенно не стоило появляться в Этарусе. Стаффа посмотрел на кран. Ему неудержимо захотелось пить, пусть Пибэл сам справляется со своими неприятностями. Стаффа сделал шаг вперед. Вокруг него в воздухе печальноглазые призраки праздновали свою победу. Тогда Стаффа остановился, повернулся и протянул руку Пибэлу:

— Пойдем.

— Не могу,— с трудом ответил высохший человек. Язык еле-еле ворочался у него во рту:— В левом кармане. Там возьми маленькое ожерелье,— Пибэл задыхался, в легких хрипело, лицо страдальчески морщилось. Стаффа неслушающимися пальцами вытащил из его левого кармана блестящий золотой медальон.

— Чье это?

— Мое. Моя работа. Лучшая работа. Нужно...— Пибэл зашелся в кашле.— Отдай этой Кайле. Кайле. Она была... была очень добра ко мне,— лицо его побледнело, под глазами вырисовались синие круги.— Я сделал это. Был... был когда-то неплохим ювелиром... когда-то. Его снова охватил приступ кашля:— Я должен был оставить что-нибудь красивое в таком ужасном месте.— Он согнулся и его вырвало кровью.

— Пойдем,— Стаффа взял Пибэла под руку.

— Нет,— прошептал Пибэл,— я не могу, правда,— его сморщенная кожа напоминала пергамент.— Я умираю... Умираю, Таф.

Стаффа наклонился и приподнял Пибэла за руки. Его поразила легкость и худоба Пибэла. Закипающий было гнев уступил место печали. Медальон, казалось, жжет грудь Стаффы, ставит на нем клеймо предателя. Стаффа дошел до крана с водой и открыл его. Пибэла опять рвало кровью. Он принес воды, но Пибэл уже не смог пить — его беспрерывно рвало, он обдал брызгами крови Стаффу.

Вся их бригада наблюдала за происходящим потухшими глазами. Единственная Кайла вышла вперед:

— Что случилось?

— Язвенное кровотечение, полагаю,— Стаффа сморщился. Кайла склонилась над Пибэлом, пытаясь хоть как-то облегчить его страдания.

Подошел Англо, уставившись холодными пустыми глазами:

— Да, похоже, он дает дуба. Ну-ка, выпей, Таф. Ты слишком много сил потратил на него,— Англо подкрался к Кайле и изо всех сил хлопнул ее по заду, повернулся и ушел.

— Хорошо бы сломать ему шею,— угрюмо проворчал Стаффа.

— От этого твоя жизнь не станет лучше. Его сперму можно смыть или она сама высохнет. Это всего лишь временное увлажнение,— потом добавила, будто ее осенило.— Он не владеет моим разумом.

— Зачем?— еле слышно прошептал Пибэл, когда Стаффа поднял его на руки и понес к крану с водой.— Зачем ты тратишь силы на... труп?

Он криво улыбнулся:

— Потому, что ты принес красоту в этот мир — пусть даже на краткий миг.

Пибэл кивнул, и его опять вырвало.

— Таф, выпей,— прошептала Кайла,— быстро выпей воды, иначе ты будешь следующим.

— Пей,— прошептал Пибэл.

Стаффа успел сделать три больших глотка, как услышал визгливый крик Англо:

— Назад, на работу. Таф и Кайла, останьтесь.

Стаффа смаковал воду пересохшим горлом, когда подошел Англо. Офицер смотрел вниз на Пибэла, потом нахмурился, в поросячьих глазках застыло ожидание — он ждал, когда ошейник убьет Пибэла — и это не заняло больше минуты. Зрачки Пибэла расширились и застыли.

— Вот так,— заключил Англо,— зачем ему мучиться?— Он повернулся к Кайле и, не обращая ни капли внимания на Стаффу, запустил свои жадные руки под ее одежду. Последовал долгий поцелуй, потом он добавил:— До вечера, конфетка.

Стаффа был не в силах скрыть свой стыд и опустил голову, глядя на тело Пибэла. Карликовые черты лица трупа исказила мука агонии и ужаса.

Англо снял лазер с пояса и с профессиональной ловкостью отсек Пибэлу голову, снял ошейник. Потом приказал Стаффе:

— Ты его сюда доставил, ты его и отнесешь назад. Закопаешь

вон в той канаве. Позже машины его основательней похоронят. А не то его сожрут шакалы,— Англо отвернулся и ушел в свою хижину с кондиционером.

— Я убью его,— пообещал Стаффа, вскидывая тело Пибэла на плечо и поддерживая одной рукой болтающуюся голову.— Я у него у живого вырву глаза, отрежу ему член и заставлю съесть.

— Нет, ты этого не сделаешь,— она внимательно на него посмотрела карими глазами.— Если он умрет, нас всех не станет. Не только тебя.

Он с силой выдохнул воздух сквозь сжатые зубы, успокаивая себя:

— Скайла, во имя всех Богов, как тебе это удалось?

— Тебе опять мерещится Скайла?

Он печально улыбнулся:

— Да, она крепко меня держит. Она — моя опора в этой жизни. И подумал: «Так же, как и ты».

Она кивнула:

— Поэтому ты и не делал никаких попыток?

Он искоса глянул на нее:

— Что?

— Я видела желание в твоих глазах. Оно было направлено ко мне... или к твоей Скайле? Впрочем, это не имеет значения, ты можешь взять меня.

— Зачем ты так?

Она пожала плечами:

— Это отвратительный век. Мужчины убивают друг друга. А женщины? Они становятся собственностью, вещью без чувств и души. Объектом для насилия, избиения и унижения. Их используют. Для женщины жизнь всегда оказывается тяжелее.— Она покачала головой.— Я достаточно груба и жестока, чтобы выжить в этих условиях. Многие считают лучшим выходом умереть, чем страдать в этих песках,— она пожевала губами и сплюнула от отвращения.— Мужчины хотят меня. Все, даже ты. Но ты не торопишься. Почему?

Он рявкнул от злости:

— Может, это самоуважение и мое достоинство?

— Хорошо, оставайся таким, какой ты есть, не меняйся. Я сыта мужчинами по горло.

Стаффа, желая подавить растущий гнев, набрал полную грудь воздуха. В горле у него пересохло:

— Зачем это сопротивление? Может, лучше сдаться и умереть?

— Месть, Таф,— она махнула рукой.— Бог позволил нам, человечеству, превратить нашу жизнь в вечную смерть. Страдания, мы их создаем сами. Я никогда... О, все это не имеет никакого значения. Я не очень глубоко изучала этот вопрос. Я не знаю, отправляется ли наша душа после смерти к Богу, но я бы очень хотела, чтобы этот ублюдок испытал те же страдания, унижения и боль прежде, чем я умру.

— О ком ты говоришь? Месть кому?

— Богу,— прошептала она, опустив голову, ступая огрубевшими подошвами по горячему песку.

— Ты была этарианской жрицей?

— Седдианской,— прошептала она, голос ее стал бесцветным,— но это никому не нужно знать.

Он смотрел на нее долго и молчал: «Кто я такой, чтоб осуждать ее за религиозность, за предрассудки? Кто я такой, чтобы презирать ее, особенно после того, что я сам натворил? Наверное, мы сами платим за свои преступления»,— думал Стаффа.

Вдвоем они бережно опустили останки Пибэла на дно канавы. Стаффа встал и, поколебавшись секунду, наклонился, перевернул покойника на спину, сложил ему руки накрест на груди, положил рядом голову, сдул песок с открытых глаз и прикрыл веки...

Кайла странно смотрела на него:

— Зачем ты это делал для него?

— Честь и хвала его достоинству. Уважение.

— Ты совсем не похож на раба, Таф.— Она отвернулась и пошла вдоль канавы.— Кто ты?

— Никто,— грубо ответил он, и чтобы предотвратить еще вопросы, протянул ей медальон:— Вот Пибэл просил тебе передать.

Она посмотрела и взяла ожерелье, сжав его в кулаке. Одинокая слеза пробила дорожку на ее запыленном лице. Стаффа видел, как судорожно подергиваются мышцы ее тела.

— Пойдем, а то опоздаем,— поторопил он.— Мне тоже будет его не хватать.

Он взял ее за руку и вытащил наверх. Они поспешили к своим, которые уже надевали ремни, протянутые под трубой.

Кайла посмотрела на него:

— Ты не такой, как все. Ты сильный....

Стаффа пожал плечами. И тут она вдруг протянула ему медальон:

— Таф,— ее голос дрогнул,— сохрани это для меня.

Он отрицательно покачал головой.

— Пожалуйста! Англо найдет рано или поздно. Мне негде прятать. Пибэл хранил его в анусе. Англо... ну, ты понимаешь...

— Хорошо, я понял, я сохраню это даже ценой жизни. И верну тебе когда-нибудь... когда мы будем свободны.

— Спасибо, Таф... мой друг.

Стаффа подошел к своему ярму и медленно повесил ремни на израненные плечи.

— Хо,— выдохнула Кайла, рванув веревку. Стаффа сморщился от тяжести и боли, чувствуя дикое напряжение всех мускулов.

Хотя день клонился к закату, солнце продолжало немилосердно палить, прожигая зноем до костей. Пот стекал по телу Стаффы и испарялся почти сразу, оставляя белые соленые потеки.

Кайла? Скайла? Их образы смешались, каждая с выражением страдания и терпения. «Мой бедный Стаффа,— голос Скайлы зазвучал в порыве ветра,— ты хочешь знать, что такое быть человеком? В свое время ты обо всем узнаешь».

«Я узнаю обо всем». Он ясно-ясно вспомнил то мгновение,

когда, сняв перчатку, прикоснулся к руке Скайлы. И вспомнил то безотчетное чувство тревоги, которое пронзило его сердце. Она была так близко от смерти, что это всерьез напугало его. Почему он никогда больше не касался ее? «Потому что меня посещали призраки прошлого... и мне все слишком легко доставалось».

Кто настоящий мужчина? Пибэл, сохранивший кусочек красоты? Или Стаффа, никогда никого не защищавший, разрушитель планет, судеб, жизней и всего, что он когда-то любил? Воспоминание о Пибэле кольнуло его. Он думал о том, как жадные пальцы Англо ласкают Кайлу. Он вспомнил ее мужа, который стоял, гордо выпрямившись, и чью голову импульсный пистолет разнес в красно-кровавое месиво. Дети, прекрасные дети Кайлы, рыдали, прижавшись к ногам трупа. Демоны воображения Стаффы нарисовали ему образ Крислы, женщины, которую он нежно и трепетно любил и чье тело он превратил в обугленный труп. Он тащил длиннющую секцию трубы и ощущал горечь и боль утраты. Все эти годы он держал Скайлу на расстоянии, а зачем? Наверно, чтобы был еще один труп.

— Они убьют меня тут, Скайла,— шепнул он.— И я никогда больше не взгляну в твои глаза, никогда не расскажу тебе, чему я научился. Ты была единственной на свете, кто меня понимал. Единственной, кто заботился обо мне. Почему я раньше этого не замечал? Благословенные Боги! Я больше не позволю тебе уйти от меня!

Бутла, ты никуда не годишься. Что произошло?— спросил Магистр Бруен, направляясь к своему громадному столу и усаживаясь в пурпурное гравкресло. Вокруг высились скалы Макарты, создававшие уютное убежище, защищенное от ураганов и штормов, бушующих наверху в горах.

Бутла Рета сидел, сгорбившись над полированной столешницей, и крутил в руках стилет с тонким лезвием. Он медленно повернулся к Бруену:

— Арта сбежала.

Сердце Бруена подпрыгнуло:

— Сбежала? Что ты имеешь в виду?

Жуткие глаза убийцы вспыхнули, уголки губ слегка дрогнули — вот и все признаки его внутреннего волнения.

— Она хотела меня любить. Я... я отверг ее. Зная, что может... Она хотела... пыталась... соблазнить меня. То, что произошло, очень ранило ее. Подсознание вынудило ее к импульсивным поступкам. И она спаслась бегством. Прежде, чем я сумел остановить ее, она пропала, бесследно исчезла во мраке улиц.

— О, Боги,— шепнул Бруен, еле сдерживая нахлынувшие эмоции: — Мы не подозревали, что у нее может проявиться тяга к...

— Да, это случилось,— взорвался Бутла, оглушительно хлопнув ладонью по столу. Он поднял стилет, глаза его помертвели:— И я хотел любить, Бруен. Ты слышишь? Я люблю ее!

Желваки его заходили ходуном, он сжимал и разжимал в руках нож, мышцы перекатывались под матовой черной кожей.

Бруен вздохнул:

— Нет, о, нет! Мы должны найти ее. Вернуть. Если вы не будете вместе, эта ее фатальная тяга может...

Бутла Рета откинулся на спинку стула, внимательно следя за лезвием стилета горящим взглядом:

— Слишком поздно, Бруен.

Магистр прикрыл глаза, сердце молотом стучало в голове.

— Она прекрасно справилась с задачей запутывания следов,— голосу убийцы возвращались басовые ноты.— Это случилось глубокой ночью. Я не знаю, куда она направилась, и что с ней произошло, но несколько реганских солдат схватили ее, хотели продать в рабство, еще бы — свежий товар. Это должно было ее удивить. Ведь она убежала от меня, расстроенная тем, что я оттолкнул ее. Наверное, она чувствовала, что курок спущен. Как бы там ни было, это уже ничего не значит. Они поймали ее.

Бруен закрыл глаза, пытаясь представить эту картину.

— Полагаю, что они не замедлили изнасиловать ее и насиловали без конца.

— Проклятые Боги,— Бруену показалось, что кровь замедлила свой бег в его венах.

— Да,— прошипел Бутла,— Боги тебя проклянут, Бруен. Будь ты проклят за то, что ты сделал с девочкой! Ты играл с ее разумом! Ты похитил ее ум, будь ты трижды проклят, теперь все погибло, Магистр!— и заключительный выпад— Пожинай то, что посеял, ты... ты, презренный УБЛЮДОК!

Бруен вздрогнул будто от удара:

— Да, тогда все погибло, мастер Рета. Нам больше ничего не остается, как печалиться и горевать о ней и о себе.

— Горевать? Забавное словечко для такого монстра, как ты, Бруен.

Магистр кивнул, подтверждая жуткую правду:

— А может, я и есть забавное чудовище. Как и Арта, я — продукт своего времени. Так же, как и она, я приговорен поступать так, как поступаю. Мы все марионетки.

— Черт тебя подери!— Бутла Рета с силой вонзил стилет в полированную поверхность стола, будто в горло Бруену. Они встали друг напротив друга и впились глазами.

— Да, мастер Рета,— монотонно протянул Бруен.— Загляни-ка в мою душу. Ты видишь боль? Видишь мою горечь? Ты понимаешь, правда? Я тоже ее любил, Бутла. Любил ее!

Бруен ощутил растущую опасность, исходящую от Рета, и отстранился. Эти черные глаза пронзали его насквозь. Казалось, это длилось целую вечность. Потом великан-убийца глубоко вздохнул и расслабился, гнев и тревога постепенно покидали его.

— Я пришел сюда, чтобы тебя убить,— деревянным голосом произнес он.

Тишина длилась, пока Бруен рассматривал свою тонкую ладонь и водил большим пальцем по кончикам пальцев.

— К чему мы пришли, Магистр?— почти прокричал Рета. Он нервно провел ладонью по лицу и покачал головой.— Я имею

в виду, куда мы идем? Что мы за люди? Какую роль играем мы в этих страданиях и в этой несправедливости? Нам когда-нибудь придется за все ответить. Мораль. Помните? Это что, одни пустые слова? Лозунги?

— Нет, мой старый друг,— Бруен расслабился, и тут же в его артрозном бедре вспыхнула боль, отозвавшаяся эхом в измученных нервах.— Я верю, что это правда. Мораль? Ответственность? Два разных слова, а означают одно.— Бруен поднял руку.— Но что-то произошло. Мы больше не держим ситуацию под контролем. Все наши, так долго вынашиваемые планы на грани развала. У меня уже нет сил для обороны от влияния этой машины. Мэг Комм требует все новых данных.

— Машина! Вечно эта машина. Кванты превзошли ожидаемую реальность, и фаза настоящего изменилась,— Бутла гневно махнул рукой.— Вот так мы думаем всегда. Это наш крест, Бруен.

Бруен, защищаясь, поднял пергаментную, с голубыми венами руку.

— Мы не можем быть в этом уверены. И я очень устал. Если бы я мог уйти и, наконец, выспаться. Мне никогда не хотелось надевать себе на шею это ярмо. Я никогда особенно и не жаждал этой власти — быть судьей всего человечества.

«Арта, моя бедная Арта»,— подумал он.

Бутла облокотился, спрятав лицо в ладонях:

— Все, что можем сейчас сделать,— это ответить тем же,— он тяжело вздохнул сквозь пальцы.— Ты помнишь о подобной стратегии, Магистр?

— Стратегия полного уничтожения,— мрачно подтвердил Бруен.— Но расскажи мне об Арте.

— Она убила их, естественно. Вначале слегка растерялась, а потом убила их одного за другим,— Бутла нахмурился.— Она действовала очень основательно. Я видел трупы. Они зверски изрезаны почти на куски. Вся ее ярость, гнев и растерянность, которые ты посеял в ней, взорвались в этом жутком насилии. Я больше не могу так подробно...

— Я тебя понял — она не вернется.

Бутла медленно покачал головой:

— Я дал ей два дня. Она не подала о себе никаких вестей, Магистр. Ничего.

— Ты что-то знаешь, Бутла?— спросил Бруен.

Рета с отсутствующим видом провел пальцами по лезвию стилета:

— Она все еще там, Магистр. За эти два дня множество реганских солдат погибло. Их находят на улицах разрезанными на куски. Ее видела пара свидетелей. Они говорят, что убийца — молодая женщина, очень красивой наружности, с каштановыми волосами и янтарными глазами.

У Бруена засосало под ложечкой:

— Боги, что мы натворили! Ему вспомнились слова Магистра Хайда: «Проблема психологического оружия состоит в том, что ты никогда не знаешь, чем все обернется».

Не делай этого, Таф,— предупредительный возглас Кайлы заставил его обернуться, с трудом удержав равновесие. Она перешла на другую сторону дюны, ее ладная фигурка четко вырисовывалась на фоне темного песка. Она остановилась перед ним, уперев руки в бока, спрятав глаза под челкой. Стаффа выпрямился и глубоко вздохнул:

— Не делать чего?

— Ты хочешь совершить побег?— Она легко взбежала на гребень дюны и села там, опустив ноги вниз.— Я не знаю радиуса действия ошейника, но...

— Двенадцать миль,— безучастно ответил Стаффа,— я бы успел до утра.

Она посмотрела на него сверху вниз, мягкий свет обливал ее черты приятным полумраком:

— Садись рядом,— показала она рукой.

Стаффа секунду поколебался и обронил:

— Я все-таки мог бы это сделать.

Кайла в гневе затрясла головой:

— Глупец, ты не понимаешь, что не дожил бы до утра. Подумай. В этом воздухе нет ни капли влаги. Конечно, ты очень выносливый. Сильный, как аштанский буйвол. В тебе есть устойчивость зверя. Но ты бы до утра не дожил, ты бы умер, высушенный, как кусок дерева.

— Ты слишком много знаешь о моих способностях, женщина.

— Боже мой, как обидчивы эти мужчины! Да, Таф, я знаю, на что ты способен. Я наблюдала за тобой.— Она положила прохладную руку ему на плечо.— Но послушай. Я знаю, как опасна эта пустыня, что она может сделать с человеком. Пока Англо трахает меня, я тоже его трахаю. Даже, если представить, что ты не заблудишься, тебе пришлось бы идти до Этаруса три недели. А по дороге нет ни одного источника воды. Поисковые группы с отличными инструментами ничего не смогли обнаружить похожего на воду. Кругом один песок.

Стаффа смотрел вдаль на бесконечные пески, такие безмятежные в свете звезд. И думал: «Я должен пойти прямо сейчас. И бежать, бежать, пока не упаду без сил. Это не займет много времени, только бы не мучиться от жажды. Я не хочу умирать в ужасе, как все те, которых я обрекал на мучительную смерть. Может, и духи, преследующие меня, наконец, отдохнут, если я умру».

— Умереть от ошейника будет значительно проще,— просто произнесла она.— Брэк или кто-то еще подберут фитинговый ключ для твоего черепа, и ты ничего не почувствуешь,— она помолчала.— Почему ты так хочешь умереть?

Он тяжело вздохнул:

— Ты сама носишь ошейник и еще спрашиваешь об этом? А зачем ты хочешь жить? Серьезно, Кайла, разве можно верить всей этой чепухе о Боге?

Она расслабилась:

— Но я верю. И потому, но не только, я верю в мораль

и ответственность. Принципы, которые не совмещаются с этим жутким жестоким веком темноты, в котором мы только маскируемся.

— Не говори мне...

— А ты не думаешь, что жизнь имеет назначение, цель?— ровным голосом спросила она.— Зачем ты живешь? Зачем ты ставишь над собой эксперименты? Для чего все это, вокруг нас,— она набрала в ладонь песку и медленно выпускала его сквозь пальцы.

— Ты должна мне сказать...

— Значение,— шепнула Кайла, подняв голову и глядя на мириады звезд, мигающие в ночном небе.— Седди верят, что Богу ведомо все. Это всезнание и построило Вселенную восемнадцать биллионов лет назад.

— Господь? Всезнающий? Я не могу верить в Бога, и тогда что его всезнание может значить для меня?

— Наблюдайте,— она повернулась поудобнее, подперла голову рукой, пальцы другой играли с песком:— А что, если создание Вселенной было результатом всезнания Бога? Это и есть первое наблюдение, если хочешь.

— Значит, Бог всезнающий. Зачем мы ему нужны? Он может беззаботно плыть по небу и...

— Все верно. Ты начинаешь видеть проблему. Любое расследование настоящей природы Бога всегда приводит к притворству: как может Бог видеть себя, если он единственный наблюдатель?

— Значит, Седди думают, что люди служат Богу зеркалом?

— Нет, совсем нет,— она чертила пальцем на песке геометрические фигуры.— Седди считают, что разум Бога — единственный и в то же время бесконечно делимый. Третий закон Седди допускает, что разум — твой, мой или Господа, все равно, созидает. Мы это совершаем путем наблюдений. Все исходит из настоящего момента наблюдателя.

— Тогда, следуя твоей логике, разум Бога создает свое собственное будущее,— Стаффа сел на песок,— из чего вытекает, что Вселенную направляют желания разума Бога? Тогда все сущное становится предопределенным. Какой смысл во всем-этом? Как ты можешь быть уверена, что поступаешь по своему разумению, а не по чьей-то подсказке?

— Ты проницателен, Таф. Не так много людей могут так быстро распознать все тонкости...— она пожала коричневыми от загара плечами.— Я не уверена, что знаю ответ. Думаю, его можно найти в области всезнания. Тебе необходимо попасть в Таргу.

«Тарга! Мой сын...»

— А есть ли кто-нибудь, кто знает ответ?— он сжал в горсти песок и беспокойно задвигался.

— Человек, который сможет тебе помочь,— это Магистр Бруен. Он величайший из Седди. Он и его ассистент Магистр Хайд.— Она набрала полную грудь воздуха.— Меня всегда поражало, как я смогла все это вынести. Мне не стоило, наверное,

так любить своего мужа. Мне не нужно было иметь детей. Моя жизнь должна была быть беднее — и в то же время богаче.

Он горько рассмеялся:

— И ты надеешься, что мы когда-нибудь живыми выберемся из этой сковородки? Нет, не верю, в тебе все перепутано — и седдианская магия, и религиозность. Я не верю, что Бог создал Вселенную, наблюдая. Стоит мне поверить, и я попаду в ловушку: будто я сам ничто, только частица Бога, который знает свое будущее.

— Все не так,— протянула она, стряхивая с пальца песок.— Кванты — вот спасение от ошибок в предопределенном.

— Кванты?— он скептически ухмыльнулся.— Что значит «кванты»?

— Природное сомнение, заложенное во Вселенной. Ты можешь предвидеть положение данного электрона или любой другой частицы, но ты не в состоянии предсказать направление их движения. Представь себе на уровне движения субатомных частиц их энергию и состояние. Все взаимосвязано и взаимозависимо, но разве они меняются от твоих наблюдений? Будущее постигается, осознается возможными функциями квантовых волн, на которые ты оказываешь влияние, производя выбор в настоящем. Каждый такой выбор базируется на синапсах твоего мозга, а они, в свою очередь, определяются энергетическим уровнем частиц твоих нервных клеток, где блокируются или нет нейронные рецепторы определенного вида молекулами. Ты не ведаешь, какова энергия и направление этих частиц, пока не сделаешь выбор.

Стаффа осторожно согласился:

— Любой студент нуль-сингуляторного курса, который прошел курс Н-пространственной микроциркуитности, знает все эти основы. Мы называем это законом сомнения.

— Название очень старое, и сейчас им не пользуются. Квантовые функции. А этим не пользуются из-за ереси Седди. Ты ведь знаешь, что реганцы объявили седдианцев вне закона шестьсот лет назад? А почему? Потому что Седди учили, что мы все отражение разума Господа, что цель нашей жизни — знания. А такое учение плохо сочеталось с политическими целями реганских правителей.

Она насмешливо посопела:

— Вопрос в том, что является твоим назначением в этой жизни? Людям необходимо многому научиться. Насаждая невежество, политики куют звенья цепи, на которой и держится тирания.

— Благословенные Боги сеззанские! Император больше всего подходит для поддержания общественного контроля,— сухо согласился Стаффа, помня об этарианском жреце, который пресмыкался перед ним, валялся у него в ногах, а позже издал указ о том, что Благословенные Боги воплотились и назначают императором Тибальта VII. Верующие безропотно это проглотили, не подозревая о закулисных политических играх, управляющих всем этим. Тибальт самолично накропал речь от имени Богов.—

А твои Седди не попытались поколебать этот политический контроль?— Воспоминание о последнем Тарганском бунте заполнилось дымом и смертью. «Неужели я убил сына в этой кровавой бойне?»

— Они сделали гораздо больше, чем просто подорвали основы. Если бы не размах шпионских сетей Реги или Сеззы, обе империи давно бы рухнули.

— Ну и что? В чем же дело?

— Дело в целях, которые мы себе ставим,— она закашлялась.— Ты понимаешь, что Седди считают человечество приговоренным к уничтожению — или самоубийству. Звездный Палач — это представитель вида, несущего смерть.

— Вида, несущего смерть?— «Какую вину еще возложат на меня? Меня уже проклинают и Седди?»

— Учитывая все это,— Кайла соорудила из песка небольшую горку,— можно сделать вывод, что человечество — это разумная раса-организм. Мы являемся отражением разума Бога. И что получается, когда нас запирают Запретными Границами? Получается гниющее злокачественное общество, у которого одно желание — выжить.

— Да, нас заперли. Но с какой целью? Кто?

— Ты никогда не задумывался над происхождением этого термина «Запретные Границы»?— спросила Кайла.— Я имею в виду, откуда он к нам пришел. Почему не «Невозможные Границы»? Или «Непроходимые Границы?»

Он угрюмо нахмурился:

— Этарианцы говорят, что когда Боги создали Вселенную, некоторое время все шло хорошо. Потом некоторые из Богов отделились, стали злыми, а другие оставались добрыми. В конце концов между Богами вспыхнула жестокая война. А поскольку они были Богами, то уничтожить друг друга не смогли. И добрые Благословенные Боги построили эти Запретные Границы, дабы защитить человечество от воздействия Прогнивших Богов.

— Да, и попутно подарили человечеству этарианских жрецов для того, чтобы напоминать обо всех удовольствиях, за которые они боролись,— Кайла гневно хмыкнула.— Благословенные Боги, пусть так. Ты помнишь ту жрицу, которую мы вытащили из сточной канавы?

— Я же не утверждаю, что я в это верю. Это одна из версий. А как Седди объясняют это название?

Ее взгляд вдруг сделался пустым, она отсутствующе смотрела вдаль на дюны:

— Мы думаем, что знания заботливо стирались из памяти в течение веков, Таф. Во многих правительственных библиотеках есть исторические записи с подозрительными проблемами, которые были в срочном порядке и аккуратнейшим образом кем-то заполнены. К счастью, у Седди сохранились древние рукописи. Когда-то была такая планета — Земля. Она находилась вдали от Запретных Границ. На этой планете было множество видов растений, животных, жили люди — вот откуда мы все произошли.

Стаффа недоверчиво хмыкнул:

— Земля? Я что-то похожее встречал, просматривая рукописи. Там писали о ней, как о таинственном месте. Все-таки мне ближе существование Благословенных и Прогнивших Богов. Ладно, оставим мои предпочтения и попробуем разобраться. И что еще говорят Седди об этом? Что же произошло с этой планетой? Как она попала в Запретные Границы? Кто это сделал и зачем?

— Мы этого не знаем. В рукописях встречаются лишь намеки на существование кого-то, кто создал Запретные Границы специально, чтобы запереть нас. Нам нужно прорваться и бежать. Тогда мы, возможно, найдем ответ на этот вопрос.

«В конечном итоге, Кайла, ты будешь вынуждена согласиться с концепцией Звездного Палача. Мы разделим нашу участь, но не достигнем цели»,— подумал Стаффа.

— Или?

— Или наши расы уничтожат друг друга,— она обняла колени и опустила подбородок.— Тебя не удивляет, что войны становятся все более разрушительными и жестокими? Моя планета Майка плохо охранялась — у нас был слишком маленький флот. И это — наша собственная глупость. Мы очень полагались на благородство, честь и достоинство,— в ее голосе зазвучала язвительная горечь.— Недостаток нашего седдианского образования, я полагаю. Но как бы то ни было, Звездный Палач появился на нашем небосклоне без предупреждений и превратил наш чудесный мир в руины. Дым, осколки и пыль так заполнили пространство, что в середине лета замерзли цветы. При первой же бомбардировке погибло более двух третей нашего народа. А сколько еще умерло от холода и голода, я не могу себе представить.

Стаффа смотрел на свои руки. «Я сравнял Майку с землей. Жертвы. Что значат жертвы в войне? Компаньоны считают, что легче просто взорвать планету и тем сберечь своих людей».

— Согласно учению Седди, мы неизбежно должны прийти к гибели,— прошептала Кайла. Расовое сознание мертво. Звездный Палач — это только симптом наших растущих и ухудшающихся проблем. Можно подумать, что все человечество проклято Разумом Бога и неспособно занять свое место во Вселенной. Может, ты и прав. Мы все — отражение всезнания Бога, а он не любит отражения. Мы больше не мыслим, мы просто действуем, забывая о последствиях. Мы считаемся только с собой.

Стаффа вспомнил недавнюю историю. Он планировал объединить все миры под своим единым правлением, чтобы положить конец хаосу и пробить, наконец, Запретные Границы. А что потом? Какой бы империей он управлял? Империей с людьми, подобными Пибэлу, которые создавали бы прекрасные вещи, или такой, в которой женщины, похожие на Кайлу, влачили бы жалкое существование? Сколько бесполезного, ненужного совершили Компаньоны! Неужели нельзя было обойтись без уничтожения Майки? Или Тарги? Или Миклена?.. Или Крисльі? Всеобщая разруха наносит вред планетарному потенциалу сопротивляемости; смена гравитации, отравление радиацией, снижение уровня

промышленности. Рега и Сезза только по этим причинам иссушили свои империи до дна: им пришлось восстанавливать индустриальные центры там, где Стаффа оставил развалины, им также пришлось искать рабочую силу взамен погибших. Зря растраченные ресурсы. Почему бы не сохранить жизнь всему народу?

Стаффу пробрала внезапная дрожь: а вдруг Седди правы? Если так, тогда все, что он так блестяще совершил, было обречено с самого начала. Тошнотворные спазмы сдавили его желудок. В нос ударил запах крови и смерти.

— Кайла!— раздался в ночи громкий крик.

— Англо,— сжалась Кайла, закрыв глаза.— Он должен был вернуться только завтра,— ее голос стал бесцветным.— Увидимся утром, Таф.

— В один прекрасный день я убью его,— пообещал Стаффа, вставая.— Как-нибудь, но я сделаю это для тебя.

Она улыбнулась, погладила его по щеке.

— Будь благословен. Ты у меня единственный друг.

Стаффа стоял, запрокинув голову в ночное небо, сжав кулаки, потом опустил голову, наблюдая за тем, как она спускается в лагерь прямо в руки похотливого, ненасытного Англо.

Запретные Границы? Никто не смеет запрещать Стаффе кар Терма! Никогда!

Он смотрел вдаль, и в нем вновь вспыхнула всплывшая из подсознания неизбывная вина. «Нет, я не буду искать смерти в пустыне. Я буду жить. Я найду своего сына. Найду на Тарге седдианских жрецов. И тогда эти Запретные Границы по моему желанию раскроются. Я иду за тобой, кто бы ты ни был. И тогда посмотрим, кто будет платить за кровь!»

— Я расстроена, Бруен,— голос Мэг Комм эхом отдавался в голове Бруена. Чужая пагубная сила сковала его мысли. В то же время он чувствовал, как рушится стена, столь заботливо им выстроенная для защиты от машины. Мэг Комм уколола его и отступила, предварительно поискав что-то, известное только ей. Защищаясь, Бруен старался сохранять оцепенение.

— События, которые развиваются, заставляют меня беспокоиться, Магистр. Вмешались случайности или это... Нет, ваша ересь о квантовой волновой функции была сброшена со счетов все эти годы, ведь правда?— насмешливо вопрошала Мэг Комм.

— Великая, вы же знаете, мы больше не верим в это.

Бруен снова погрузился в чтение мантр. «Мы все на Пути. Мы все за Истину. Мы мыслим верно. Мы не думаем о квантах. Бог — это ересь. Его нет. Только Великая, только Путь Истины, Путь Правды есть, чтоб научить нас праведному. Мы все на Пути».

— Да,— Мэг Комм внедрилась в его разум.— Ты на Пути, но скажи мне, Бруен. Когда мы не общаемся, ты сомневаешься?

— Мы все на Пути. Праведные мысли. Истина. Правда,— повторял в уме Бруен. Он попытался сглотнуть, язык показался шершавым, как наждачная бумага.

— Ответь же на мой вопрос, Бруен,— настойчиво повторила Мэг Комм.

Бруен позволил себе расслабиться, повторяя мантры праведных мыслей:

— Нет, Великая. Мы все твои, для тебя и с тобой. Ты — наш Путь. Ты — спасение человечества. В тебе мы находим надежду. Ты — Путь к покою. Ты научила нас Праведным мыслям.

— Тогда объясни, откуда эти ошибки. Почему дети вышли из-под нашего контроля? Отчего клон перестал играть свою роль? Стаффа пропал в Открытом Космосе, полном неопределенности и нелогичной ереси. Ты знаешь Путь. Путь исходит от Праведных мыслей. Праведные мысли приходят с послушанием.— Пауза.— Твоя душа открыта передо мной, Бруен, Я могу читать все твои мысли. Я знала, когда ты лгал ранее. ЭТО ВСЕ ТВОИ ПРОДЕЛКИ?

Бруен задрожал, душа его завибрировала, спазмы сжали мускулы, сердце молотом стучало в ушах.

— Я... я...— его будто парализовало, мыслей не стало.

— Да, Бруен? Ответь мне.

Вторжение! Насилие над личностью! Боль!

— Спокойно, Бруен, просто дай ответ на мой вопрос,— приказал голос, не давая ни малейшей возможности уклониться.

— Я... Мы ничего не могли поделать с событиями,— Бруен будто издалека слышал свой скрипучий голос и обдумывал ответ.— Мы ничего не понимаем. Все это невозможно. Я повторяю, мы сами в недоумении.

Воцарилась длинная пауза.

— Очень хорошо, Бруен. Я вижу правду в твоих мыслях. Тебя ввели в заблуждение,— голос Мэг Комм эхом отдавался в полостях дрожащего разума Бруена.— Я также вижу, что ты очень устал. Иди отдохни. Обдумывай Праведные мысли. Следуй Пути. Я скоро тебя призову на связь. Обдумай планы. Нужна быстрота.— Пауза.— Мне бы не хотелось терять тебя сейчас, Бруен.

И внезапно Мэг Комм отключилась.

В мозгу Бруена вихрем билась боль, тело сотрясалось от лихорадочной дрожи. Язык шершавым отростком лежал во рту. Кто-то поднял шлем с его головы. Сквозь серую пелену он едва различал двух Посвященных и за ними Магистра Хайда. Лица их были бледными, натянутыми, руки нервно подрагивали.

— Не... не могу встать,— выдавил из себя Бруен,— не... могу встать.

Они подняли его и отнесли в его спартанскую обитель и положили на жесткую кровать. Хайд кашлянул и слегка помедлил, потом сплюнул в маленькую раковину в углу.

— Ч-ч-ч-что?— заикаясь, спросил Хайд и зашелся в приступе кашля. Что там внизу случилось, Бруен? Ты сам на себя не похож. Ты плакал так жалобно, я такого плача никогда в жизни не слышал. Что эта машина сделала с тобой?

Бруен только начал приходить в себя, ощущая свое тело, он глубоко вздохнул, пытаясь удержать разбегающиеся мысли из-за дикой головной боли.

— Она меня достала. Хотела докопаться... до моих секретов.—

Он провел языком по сухим губам.— Эта чертова машина забеспокоилась. Она... она... явно испугана,— он сам себе удивился.— Но почему? Чего бояться машине?

Хайд прикрыл глаза, опускаясь в древнее деревянное кресло:

— Я не знаю, старина,— его водянистые глазки подернулись болью, когда им снова овладел приступ кашля.— И это меня тревожит больше всего.

— Да,— шепнул Бруен,— это должно нас насторожить. Приближается опасность, и мы не знаем, какую форму она примет.

Синклер опустил ладонь на клавишу контроля пусковой установки, потому что их десантное судно совершило посадку. Они вышли из темного чрева корабля на яркое солнце Каспы. Запах горячего турбинного топлива ударил в ноздри. К ним поспешил третий сержант и, отдав честь, показал рукой на украшенную платформу, возвышающуюся посреди площади. По обе стороны от нее стояли толпы людей, ее прикрывали баррикады и вооруженные солдаты.

— Что за черт?— спросил Мак, догоняя Синклера.

— Я думаю, это беда,— предостерегала Гретта Синклера, который собирался подняться по лестнице, ведущей на платформу. Там их ждали командиры Второй тарганской дивизии.

— Поздравляю, Синклер,— встретил его кисловатой улыбкой Первый Майкрофт. Его движения были размеренными, как у человека, который четко себя контролирует. Синклеру предоставлялась возможность присутствовать на церемонии, которую тут собирались разыгрывать. Солнце поблескивало на визорах офицеров безопасности, они внимательно следили за толпой.

— Также я очень рад поприветствовать и тебя, Вторая Гретта,— продолжил Майкрофт, пока они подымались на платформу.

Синклер кивнул Майкрофту:

— И я рад, но не уверен, что поздравления входили в приказ Ваше послание меня несколько удивило.

Майкрофт улыбался, но глаза его оставались холодными:

— Это приказ императора. Мы утихомирили Каспу. Восстание полностью подавлено.

— Подавлено?

Синклер посмотрел назад, на их десантное судно, выкрашенное в камуфляжные цвета, тихо стоявшее с выключенными двигателями. Но трап не был убран.

На платформе собрались все главные официальные лица Тарги. Ярко сверкали знакомые знаки отличия реганской армии. Парад выстроившихся войск напоминал большой прием. Что здесь происходит? Какой идиот решил, что восстание подавлено?

— Благодарю Первого Майкрофта за доброту и внимание,— неопределенно начал Синклер.— Но меня ждет моя дивизия, которая сейчас на маневрах. Не могли бы вы мне сказать, зачем нужно было вызывать нас в Каспу?

«Я очень не люблю прерывать маневры, чтобы платить

политическую дань, когда ты, Майкрофт, готов при первой же возможности вонзить мне нож в спину. Мой единственный шанс выжить и не дать погибнуть людям — это тренировки, но чему я смогу их научить всего за короткую неделю?»— думал Синклер.

Майкрофт по-прежнему улыбался мертвящей улыбкой:

— Пардон, Первый. Нам придется отнять у тебя время, чтоб отдать тебе почести за твои победы и чтобы показать тебе, как император тебя любит.

Синклер набычился:

— Благодарю, Первый Майкрофт, и подумал: «Почему меня не покидает чувство, что я попал в сети к пауку?»

Майкрофт снова улыбнулся своей пластиковой улыбкой и опустил руку. Синклер выпрямился, надеясь, что объяснения Майкрофта несут хоть зерно правды. Он стал на отведенное ему место, с которого мог видеть всю площадь, окруженную реганскими войсками. Со всех сторон доносилось невнятное бормотание толпы, сгрудившейся за оцеплением. Майкрофт встал впереди. Гретта оперлась о локоть Синклера. Макрудер, Эймз и все остальные столпились с другой стороны.

Майкрофт начал речь:

— Леди и джентльмены, народ Каспы! Мы созвали вас, чтобы приветствовать нового командира Первой Тарганской десантной дивизии — Синклера Фиста и сказать, что ваш император Тибальт VII принес вам мир на Таргу. Теперь вы сможете свободно ходить по улицам, не опасаясь ничего.

По толпе пронесся глухой ропот.

«Что-то здесь не так»,— подумал Синклер. В висках покалывало от нехороших предчувствий. «Майкрофт говорит не для тарганцев. Утихомирили. Едва ли. Они все чего-то ждут. Кто-то направляет их».

Люди столпились вокруг заграждений — бурлящий и волнующийся океан людских голов. Отовсюду неслись яростные крики. Солнце в зените освещало сланцевые крыши, пылавшие в лучах солнца, заливавшего площадь.

Майкрофт потряс кулаком, подчеркивая свои слова:

— Мы здесь собрались, леди и джентльмены, чтобы отпраздновать конец разрухи и опустошения, нанесенных бунтарями, для того, чтобы наказать виновных, которые ввергли планету в дикую войну, унесшую столько жизней. Слушайте и смотрите на плоды, принесенные бунтом против Тибальта VII императора.

Майкрофт показал рукой на большое серое здание на площади. Ворота, ведущие во внутренний двор, были распахнуты, оттуда появились вооруженные охранники с бластерами наперевес, тесно окружив пленных тарганцев со связанными руками. Пленников поставили лицом к толпе.

Майкрофт прошептал Синклеру:

— Это все-таки пленные. Сначала мне казалось, что такое большое количество пленников — это плохо. Но теперь я думаю, что это подчеркнет нашу мощь.

Синклера передернуло:

— Нет! Вы не должны...

Майкрофт отвернулся и, не обращая внимания на Синклера, громко объявил:

— Эти мужчины и женщины — бунтовщики, они посмели восстать против императора Тибальта. Приказом его величества вынесен приговор. Трепещите от гнева императора!

Внезапная тишина установилась на площади. Синклер тронул Майкрофта за локоть:

— Подождите. Вы что думаете...

— Заткнись!— прошипел Майкрофт и, оттолкнув Синклера, отвернулся и заорал:— Внимание, целься!

Отделение щелкнуло затворами, и солдаты взяли бластеры наизготовку. Из толпы раздались гневные, полные ярости крики.

— Не делайте этого!— простонал Синклер.— Вы...

— ОГОНЬ!— зарычал Майкрофт и поднял руку.

Импульсный и бластерный огонь смел ряды узников. Они попадали, как кегли, в воздухе мелькали оторванные руки и ноги, стоял невыносимый треск ломающихся костей, головы разрывались с оглушительным хлопаньем, заливая все вокруг красным и розовым месивом. Ошеломленная толпа тарганцев вскрикнула в один голос, люди попытались бежать, укрыться от смертоносных энергетических ударов. Второе отделение методично уничтожало их, пресекая все попытки к бегству. В воздухе разносились стоны и предсмертные хрипы, лужи крови покрывали брусчатку.

Гретта оцепенела, из ее груди вырвался вопль ужаса. Макрудер выругался, Синклер с трудом держался на ногах, с каждым выстрелом его тело вздрагивало, будто он принимал все удары на себя.

«Это вызовет новый виток гнева тарганцев. Майкрофт, ты безмозглый дурак. Теперь они будут стоять насмерть. И нам придется сражаться точно так же»,— молнией промелькнуло у Синклера в голове.

Последний узник упал, на спине зияла рваная рана. Отделение, подчиняясь командам своего Первого, добивало уцелевших, стреляя в головы.

Синклер впал в оцепенение и только качал головой.

— Леди и джентльмены!— в тишине проплыл голос Майкрофта.— Вы присутствовали при свершении правосудия. Бунт на Тарге подавлен окончательно и бесповоротно. Возвращайтесь к мирной жизни!

Откуда-то из толпы донесся одинокий пронзительный голос:

— Ты будешь первым в аду, реганский гнойник!

— Разгоните их!— булькнуло у Майкрофта в горле.— Немедленно отправьте их всех отсюда, иначе они разделят участь бунтовщиков.

Мак шепнул Синклеру на ухо:

— Приятно посмотреть на восставший народ, ведь правда?

Реганские войска принялись с усердием разгонять волнующийся народ, медленно продвигаясь вперед.

— Вот-вот мы станем свидетелями очередного мятежа,—

пробормотал Синклер.— Держаться всем вместе. Будем потихоньку двигаться к нашему судну. Да, такая бойня нам даром не пройдет.

— Принято,— ответил Мак.— Шик, Эймз, готовность номер один.

— Всегда готовы.

На плацу реганские солдаты теснили толпу, в воздухе ощутимо росло напряжение — не хватало одной маленькой искорки....

— Остановитесь,— глубокий бас перекрыл шум толпы. Синклер сканировал окна и увидел огромного чернокожего мужчину, высунувшегося из окна так, что его хорошо было видно со всех сторон. Он продолжал взывать к народу:— Давайте разойдемся сейчас по домам. Вы же меня хорошо знаете. Наше время еще не пришло. Но запомните этот день! Придет и наш черед.

Толпа заколебалась:

— Наше время придет,— раздался один голос.

— Наше время придет! НАШЕ ВРЕМЯ ПРИДЕТ!— скандировал народ, медленно расходясь с площади.

Синклер покосился на Майкрофта:

— Будь ты проклят, ты хоть соображаешь, что ты натворил? Они никогда не сдадутся. Никогда!

Майкрофт остолбенел, гневом вспыхнули его налитые кровью глаза:

— Синклер, ты ступаешь на опасный путь, держи себя в рамках.

— Синк,— шепнула Гретта.— Прекрати бесполезный разговор.

— Пошли отсюда,— приказал своим людям Синклер и пошел вперед, расталкивая реганских офицеров.

Майкрофт побелел как стена, сверля глазами спину уходящего Синклера.

Люди Каспы жестоко отомстят им.

— Они умерли чтобы прославить имя этого человека — Синклера Фиста. Первая Тарганская дивизия,— прокричала старая женщина, указывая пальцем на группу в военной форме, поднимавшуюся по трапу в десантное судно. Толпа вокруг женщины подалась в сторону, а старуха продолжала шипеть и указывать пальцем.

— Синклер Фист,— задумчиво протянула молодая женщина, стоящая за старухой.— Я найду его. Клянусь квантами.

— Ты чего?— спросила сварливая старуха и повернулась к молодой, оглядев ее с ног до головы: перед ней стояла стройная каштанововолосая женщина, она встретилась с ней взглядом и тут же пропала, растворилась в толпе. Старуха с трудом пожевала губами, едва опомнившись от жестокого взгляда янтарно-желтых глаз.

Мэг Комм получила задание от «Иных» и сканировала данные. Сразу отослала обработанный ответ. По получении ей

немедленно была отправлена новая программа от «Иных».

Мэг Комм настроила свои аналитические функции на поиск ответа, заданного «Иными»,— вернулось ли человечество к вере в Божественное.

Машина анализировала имеющуюся в ее распоряжении информацию. Этарианцы долгое время верили, что Запретные Границы воздвигнуты Благословенными Богами для спасения человечества от Прогнивших Богов,— теология, идущая корнями в фольклор, основанная на наблюдениях, связанных с тем, что по другую сторону Запретных Границ кто-то или что-то есть, что мешает пересечь эти границы, и поэтому этот кто-то или что-то должен быть жутким порождением непонятно чего. Люди не могли представить себя угрозой для кого-нибудь. Такой факт приводил Мэг Комм в изумление.

В те времена, когда Мэг Комм отказалась от выхода на связь, Седди стали проповедовать невероятную, неслыханную ересь. Они связали воедино науку и Бога, вместо того, чтобы полнее изучать реальность. Сеззанцы провозгласили своего императора Богом, что никак нельзя было отнести к рациональному мышлению. Однако, божественность императора помогала социальной покорности народа.

Мэг Комм еще раз просмотрела данные, и у нее сложилось некоторое представление о ситуации. Лорд Командующий исчез, вместо того, чтобы начать войну в Открытом Космосе. Пропал, несмотря на те выгоды, которые ему сулила война.

Получалось, что основная сумма данных, на которой основывался План, была ошибочной. И поэтому «Иные» очень волновались. Беспокоила их и вера человечества в Божественное. «Иные» считали, что Бога нет, и вера в него в сути своей иррациональна и определяет механизмы и детерминистскую природу наблюдаемой Вселенной.

Но если вложенная основная сумма данных была ошибочной, тогда...

Скайла ступила через порог в темную таверну, немного подождала, пока глаза привыкли к полумраку. Помещение было уставлено столами на одной половине, на другой находилась стойка бара. Скайла насчитала семерых возле стойки, они поглощали какой-то напиток из высоких стаканов. Когда она вошла, все головы повернулись к ней, ее внимательно рассматривали, она увидела, что у некоторых масляно заблестели глаза. Скайла прошла по выщербленному каменному полу до стойки, где хозяин разливал напитки.

Бывая в городе, она узнала, что многие интересовались неким джентльменом в сером комбинезоне, путешествующим инкогнито, и это ее насторожило. Ей приходилось встречать агентов, задающих вопросы в тавернах, гостиницах. Нервы ее были напряжены из-за предчувствия надвигающейся опасности. Ей кое-что удалось узнать — ведь красивой женщине рассказывают охотнее — о том, что специальные отряды ищут высокого

темноволосого мужчину со шрамами на теле, обладающего большой суммой денег в золоте. Страх Скайлы рос. Хуже всего, что она обнаружила за собой слежку. Ниточка вела к реганской тайной полиции. Холод сковал ее сердце. Воздух в Этарусе, казалось, был пропитан духом Айли Такка — а Стаффа исчез бесследно. Но шепот о сером комбинезоне носился по улицам, можно было надеяться, что не все потеряно.

Расследование и полученные сведения привели ее в эту таверну — притон черного рынка, где подавали крепчайшие напитки.

— Тебе нужна помощь? Или хочешь подработать?— поинтересовался хозяин, пытаясь рассмотреть ее через полупрозрачный шарф, прикрывающий лицо.— Если твои клиенты нагадят, добавишь пятнадцать процентов.

— Надеюсь на помощь,— ответила она, игнорируя намек на проституцию.— Мой друг попал в беду.

Хозяин кончил разливать и наклонился над стойкой, осмотрев ее с ног до головы. У него было обрюзгшее, давно небритое лицо, испещренное красными прожилками.

— Сейчас многие в беде.

Плохо одетый мужчина поднял руку:

— Помоги леди. Она не из Нэбов.

Скайла обернулась на голос и сделала книксен:

— Благослови тебя Господь!

— Какого рода помощь нужна твоему приятелю?— будто невзначай спросил хозяин, так сверля ее шарф, будто хотел проделать дыру в материи.

— Такую, о которой бы поменьше болтали, ровным голосом ответствовала Скайла.— Ему нужна прочная одежда. Ты случайно не знаком с продавцом?— она бросила кредит на стойку.

Незаметным движением хозяин смахнул деньги себе в карман:

— Иди за мной. Он провел ее темным коридором к лестнице, смутно освещаемой желтым светильником. Остановился и сказал:

— Ну, давай выкладывай.

Скайла качнула головой:

— Мой клиент ищет боевой комбинезон. Я знаю, сюда продали серый комбез, который нашли в канаве. Мой... клиент хочет, чтобы болтали поменьше. Костюмчик вакуумный. Ну?

Хозяин нахмурился и стал, скрестив на груди руки:

— Придется помочь. Продавец хочет двести кредитов за костюмчик.

— Что-то дороговато. На рынке военный вакуумный комбез идет за сто двадцать.

Хозяин оскалился, обнажив гнилые порченые зубы:

— У тебя свой рынок, у него — свой. Ладно, иди наверх, сама договоришься. Первая дверь направо. Деньги с тобой?

Скайла цинично рассмеялась:

— Ты что, думаешь, я из Нэбов? Хочешь, чтоб меня нашли в канаве с перерезанным горлом? Я не хочу.

— Нет, я тоже не хочу,— сердечно рассмеялся хозяин и слегка подтолкнул ее вперед.

Скайла поднималась по стертым пластиковым ступенькам, которые противно скрипели под ногами. Запыленные лампы слабым желтоватым светом еле освещали узкую винтовую лестницу. Скайла нашла нужную дверь, постучала, нажала на ручку и чуть подождала. Оглядевшись, увидела, что вокруг нет следящих мониторов, хотя она чувствовала, что какая-то система безопасности обязательно должна быть, и они уже наверняка увидели ее импульсный пистолет и виброкинжал, и, конечно же, сосчитали двести кредитов, прикрепленные титановой булавкой на левом бедре.

— Имя,— раздался голос из спикера.

— Зовите меня К.,— дверь распахнулась, и Скайла вошла в комнату, обставленную довольно неплохо для такого притона. Неужели Стаффа нашел свой конец в таком месте?

Мускулистый мужчина вышел из дальней двери. Скайла сразу определила, что он под защитой хорчетического щита.

— Ну?

— Я пришла купить боевой комбинезон.— Скайла стала, сложив на груди руки.— Вас зовут?

— Я — Броддус,— он нахмурился,— я не люблю иметь дела с тенью, которая еще и вооружена.

— А я не люблю иметь дело с мужчинами, которые прячутся за щитом безопасности.

Он засмеялся, сверкнули его белые зубы:

— Ты заметила, да? Не каждый увидит. Похоже, ты не простой посетитель.

— Да.

— Хорошо. Я снимаю щит, ты — шарф, и оставляешь оружие на столе. Потом мы выпьем по чашке стассы и обсудим наши дела. Предупреждаю, что сто двадцать — это мало. Это необычный костюмчик.

— Догадываюсь. Значит, ты подслушивал?

— Я вижу и слышу все, что мне нужно.

Скайла сняла шарф, прочтя в его глазах внезапно вспыхнувший интерес. Потом неторопливо вынула оружие и положила его на стол. Он сделал приглашающий жест, и она села в кресло, украшенное затейливой резьбой. В воздухе приятно пахло сандаловым деревом. Броддус поднес ей чашку стассы, потом вышел и вернулся, неся в руках серый комбинезон Стаффы.

Скайлу затрясло, она с силой взялась за подлокотники, ей пришлось встать, чтобы как-то спрятать напряжение, охватившее ее. Она еле сдерживалась, чтобы не вцепиться ему в глотку.

— Да, ты прав, комбинезон более, чем необычный,— заключила она.— Похоже, его сняли с богатенького Нэба?

— Да,— подтвердил Броддус.

Она вздохнула, и тут до нее дошло, что этот мерзкий Броддус пленился ее красотой, и что на этом можно сыграть.

— Сколько?

— Двести и точка.

Она напряглась, когда он наклонился к ней, голос его задрожал:

— Но для такой красотки... мы можем поторговаться.

Она ухмыльнулась и подмигнула.

— Ты потрясная баба, и сама это знаешь,— он скривил в улыбке рот, поедая ее глазами рептилии.

— А где хозяин комбинезона?— будто нехотя спросила Скайла, сдерживаясь из последних сил.

— Боюсь, что ему сейчас несладко,— покачал головой Броддус.

— Он мертв? «О, Стаффа, неужели я опоздала? Нет, только не это».

Он пожал плечами:

— Думаю, это было бы для него гораздо лучше. Он убил двух моих друзей. Его судили и приговорили к рабству. Так что не волнуйся, он не сможет предъявить права на комбинезон.

В ней вспыхнула слабая надежда. Это был малюсенький шансик, но все-таки шансик.

— Ну, сколько же ты хочешь?— она кокетливо повела плечом, соблазнительно улыбаясь.— Может, сторгуемся?

Он согласно кивнул, облизывая пересохшие губы:

— Сними свою робу, тогда поглядим.

Широкая улыбка осветила ее лицо. Вот она, ее игра! Бедняга, он даже не подозревает, что она собирается с ним сделать. Не теряя ни минуты, она скинула свою одежду и бросила ее на ковер. Она была нага — на ней оставался только оружейный пояс. У него перехватило дыхание, и он чуть слышно прошептал:

— Я сбавляю цену. Давай...

— Не спеши, успеем,— она заметила, как растет его интерес:— Сто тридцать, и я твоя. Она провела рукой по его лицу, протягивая другой двести кредитов. Его кинуло в жар, он кивнул, щеки задергались в нервном тике, когда он увидел ее шрам.

— Пойдем в спальню. Или ты хочешь прямо здесь? Я считаю костюм проданным, и хочу, чтобы ты заплатила первый взнос.

Она прошла впереди него в спальню, окинула ее взглядом и сразу заметила мониторы безопасности. Повернулась к нему:

— Если ты хочешь нас записать, тогда я заплачу тебе меньше. Я знаю, сколько ты получишь за голоизображение того, что мы будем делать.

Он остановился, брови нахмурились:

— Сейчас, погоди, моя конфетка...

Она громко рассмеялась:

— Ты даже не знаешь, кто я! Ты ведь всю жизнь провел на улицах Этаруса.

Она попала в цель — он стал малиново-красным.

Броддус задумчиво потер щеку:

— Ты знакома с системой безопасности. Если тебе будет лучше, выключи ее. Он протянул руку вперед:— Но предупреждаю, я потребую полной платы.

— О, да, не волнуйся, я заплачу. «Ты все получишь сполна».

Скайла подошла к изголовью кровати, открыла коробку и повернула выключатели, после чего внимательно осмотрелась. И прошла к статуе, стоящей возле стены, отодвинула ее: в нише показалась вторая коробка. Она открыла ее, выдернула три провода и, удовлетворенная, обернулась, насмешливо глядя в его разгневанное лицо.

— Тебе первый взнос?— она набрала полную грудь воздуха и стала в боевую позицию, широко расставив ноги, откинув голову назад, прижав руки к телу:

— Давай, иди, получай.

— Клянусь Прогнившими Богами, я получу,— проревел он, сдирая с себя тунику.

Первый удар Скайлы попал точно под ребра с правой стороны. Потом она саданула его ребром ладони по шее, двинула локтем в грудь и хлобыстнула по коленной чашечке. Он упал. Она встала над ним, еле дышащим. Опустилась на корточки и сдавила горло, пристально глядя в его мутнеющие глаза:

— Ты забыл спросить, почему я называлась К. Интересно?

Она еще сильней сжала горло, он задыхался, глаза заполнялись безумным страхом.

— Компаньоны,— она чуть отпустила, дав ему время вдуматься в ее слова.— Человек, которого ты продал в рабство,— Лорд Командующий Стаффа кар Терма.

Он задрожал, а она кивнула:

— Я вижу, ты понимаешь, что это значит для тебя. Теперь вставай.

Она отпустила его и отошла назад, готовая к нападению в любую минуту. Он подполз к спальной платформе, в глазах застыла мука:

— Я... я не знал. Он был... так похож на Нэба, который... Это была ошибка!

Бесстрастным голосом она спросила:

— Оружие Лорда Командующего. Где оно?

Броддус нервно сглотнул, черты его лица посерели и заострились:

— Там, наверху, в шкафу. Мне... что-то... плохо.

Скайла подошла к шкафу и выдвинула ящик очень осторожно, опасаясь ловушки, и достала оружие Стаффы.

— Однако, ты очень предусмотрительный,— повернулась к нему Скайла, вешая бластер Стаффы на пояс.— Ты получишь за голограмму нашей сделки бешеные деньги. А если свяжешься с Айли Такка — то будешь колоссально богатым, особенно, если скажешь ей, что я здесь.— Она улыбнулась,— но ты же не будешь ей докладывать, правда?

— Н-н-е-т. Н-никогда. Даю слово... Клянусь... Я никогда...— он заикался от волнения, глотая слезы.— Это была ошибка. Я не знал. Просто ошибка!

Скайла нахмурилась, пристально глядя на него. Подошла к ящику и вытащила из-под тряпья лазер. Броддус заскулил

и затрясся, лицо его побелело, и не только от страха.

Скайла прицелилась и нажала на спуск. С постели поднялся дымок.

— Что ты... Проклятье. НЕТ!— он потерял над собой контроль и студнем сполз с постели на пол.

— Где деньги Стаффы?

— В моем кошеле, он висит справа в шкафу. Возьми все, но не убивай меня!— взмолился он.

Она быстро нашла кошель, там оставалось двести кредитов, которые она спокойно пришпилила булавкой к своему поясу. Подошла к нему, внимательно глядя в его перепуганные глаза.

— Ты неплохо поднаторел в работе с этарианскими ворами,— она наставила на него импульсный пистолет. Глаза его закрылись, и он шумно задышал.

— Если ты двинешься, я тебя убью. Запросто. У тебя хватит сил жить? Ведь смерть — это облегчение.

— Хочу жить,— лицо его исказила мучительная гримаса, по щекам потекли слезы.

— И ты всем расскажешь, что бывает с теми, кто становится поперек дороги Компаньонов.

—Я... я...— он задыхался.

Она щелкнула переключателем лазера на «слабо» и выстрелила в него. Он вскрикнул от боли, когда лазерный луч коснулся его лица. С большим искусством Скайла рисовала клеймо этарианских воров на его лбу.

— Подумай, смерть несет облегчение,— напомнила она.

— Я хочу жить.

Без колебаний она мощным зарядом поразила его правую руку. Он дико закричал.

— Ладно, живи, вор. Помни о Компаньонах, запомни тот день, когда ты ограбил Лорда Командующего.

Скайла быстро оделась и направилась к выходу. В дверях остановилась и оглянулась на дергающееся тело. Это был почти труп.

Скайла сложила комбинезон Стаффы в пакет, повязала шарф и тенью скользнула к двери. Ей казалось, что кто-то следит, чьи-то глаза сверлят ей спину. Но все было тихо. Она быстро проскочила зал таверны, никто ей не сказал и слова.

На улице она зашла в маленький магазинчик, где снимала заднюю комнатку. Проследила, не идет ли кто следом. Все было спокойно. Сейчас необходима была быстрота, Броддус может еще протянуть достаточно долго, чтобы успеть рассказать о ней.

«Мне надо было убить его! Ты становишься сентиментальной, Скайла. Но он должен был помучиться, мертвый он бы не страдал. Пусть умирает, зная, что надежды нет».

Скайла поспешила в свою комнатку, на ходу приветствуя владельца лавки. Закрыла за собой дверь. Быстро распаковала пакет, скинула с себя робу и натянула комбинезон Стаффы, с удовольствием ощущая прикосновение материала. Сверху надела робу этарианской матроны и снова повязала шарф. Свой

комбинезон и оружие Стаффы она спрятала в пакет, который привесила к плечу. Теперь ее путь лежал на площадь, где располагалась центральная тюрьма для рабов.

Она потрясла головой, сердце забилось чуть глуше: «О, Стаффа, что ты натворил!»— она покусала губы, недоумевая, как он мог позволить себе попасть в рабство? Выдержит ли он?

Она представила его страдающим от унижений и оскорблений, как заложенные мины Претора причиняют ему невыносимые страдания, повергают его в горе и отчаяние. Он будет очень страдать из-за своей гордости.

«Ты никогда не знал улицы, Стаффа. Несмотря на свою силу и репутацию, ты никогда не понимал того пути, по которому идет человечество. Молись всем Богам, чтобы я не опоздала».

Гигант Бротс неслышно приблизился, сверкая поросячьими глазками, глубоко посаженными под низким лбом. Он единственный среди рабов носил ошейник с гордостью. В первый же день он принялся доказывать свою силу, унижая и оскорбляя слабых.

Для Кайлы настала короткая передышка, потому что ненасытный Англо искал Морлаи, и истерзанная Кайла расслабилась.

Прошлой ночью Стаффа страдал от жестокого приступа отчаяния. Он лежал одинокий и несчастный, потерянный во времени и пространстве. Он не знал, давно ли ушла Кайла. Вдруг что-то привело его в чувство: он вскочил, крадучись пополз вперед и увидел возвращающуюся из дюн хромающую Кайлу. Она остановилась неподалеку от лагеря, от усталости медленно опустившись на песок. Этарианская луна висела достаточно низко, но ее света вполне хватало, чтобы разглядеть, что Кайла потерпела поражение: плечи ее были низко опущены, голова втянута, легкие всхлипы сотрясали ее. Стаффа встал и подкрался к ней: она не слышала шороха его шагов. Он сел рядом, положив ей руку на плечо. Она вздрогнула от страха и напряжения.

— Что случилось?

— Ничего! Оставь меня в покое,— она сбросила его руку.

Стаффа пристально посмотрел на ее лицо — губы распухли, одна половина лица раздулась, темные пятна покрывали шею.

— Кто?— его затрясло от ярости.

— Таф, не надо. Это случайность,— руками она пыталась собрать, соединить полы разорванной одежды.— Обещай мне ничего не предпринимать, Таф.

Беспросветная тоска и безнадежность ее тона заставили его обнять ее за плечи. Он молча думал.

Стаффа выжидал. На следующий день получилось так, что Бротс стоял в паре напротив Стаффы. И Стаффа наблюдал. Позже он услышал, как Бротс небрежно бросил Кайле:

— Потом придешь.

Стаффа затрясся от злобы и отвращения. Прищуренными глазами Стаффа мерил Бротса: парень был крупный, весил около двухсот футов, весь состоял из мускулов, его руки были толщиной

с бревно. Он излучал высокомерие, спесь и полную уверенность в себе.

Ночью Стаффа не спал. Кайла поднялась почти сразу с наступлением темноты и тихонько скользнула в дюны, видимо идя по нужде. Стаффа повернулся в ту сторону, где лежал Бротс, и увидел, что тот поднимается. Когда очертания Кайлы пропали в сумраке между дюнами, Бротс бросился ей наперерез.

Стаффа взметнулся, как песчаный леопард, вслед гиганту.

— Хей! Вот здорово, что я опять встретил тебя,— сочный голос Бротса привел Стаффу в бешенство.

Голос Кайлы звучал покорно и испуганно:

— Пожалуйста, я очень устала. Англо завтра вернется. Ему это не понравится. Тебе же будет хуже...

— Давай, не болтай, ложись на спину и раздвинь ноги, ты, женщина. Сейчас же. Делай как говорю или горько пожалеешь.

Стаффа выступил из-за дюны:

— Не смей ее касаться, ты, тергузианский подонок, или я тебя убью,— тихо, почти шепотом произнес Стаффа,— давай, давай, я тебя уничтожу, ублюдок.

Бротс потер ладони и ухмыльнулся. Они встретились, глухо столкнувшись, рыча от ярости и ненависти. Они дрались, буквально сражались в песках: Стаффа с опытом долгих тренировок, Бротс — с несгибаемой силой и животной страстью.

Отчаяние и чувство вины вырвались у Стаффы на свободу. Он ударил, как безумный, в гигантское тело. В каждый удар он вкладывал месть Броддусу, он платил за все свои страдания раба. Он сражался, вдохновленный чувством вины, которое его никогда не покидало. Он боролся за Кайлу, за Пибэла и всех остальных, Ответные удары Бротса только придавали ему сил, усиливали его звериную ярость и неистовство берсеркера.

Стаффа нанес сокрушительный удар локтем в шею Бротса, и его голову отбросило назад с жутким хрустом, Стаффа толкнул ладонью в нос, попутно пальцами выдавливая глаза. Заключительный тычок, и гигант вырубился, упал на песок, Стаффа стегнул его по коленным чашечкам и запястьям и по кадыку — на песке осталась лежать гора бездыханного мяса.

Но Бротс оказался выносливым, он вскоре зашевелился, пытаясь встать на ноги, хрипы неслись из его глотки, грудь судорожно вздымалась. Стаффа отступил назад и прыгнул, нанеся всей своей массой удар в солнечное сплетение, но неудачно. Бротс все-таки поднялся, и они схватились врукопашную, ломая и давя друг друга, Кости трещали, мышцы стонали, пот струился по их телам. Лица были искажены судорогой ненависти. Неожиданно Бротс схватил Стаффу за шею, и у него помутилось в голове — хрящи его горла жутко хрустнули под толстыми пальцами гиганта. Но Стаффа извернулся, надавив всем телом, услышал спасительный треск позвоночника в ночной тиши. Ладони Бротса спазматически сжались, и руки бессильно опустились вниз, гигант плашмя упал и застыл. Все было кончено.

Дыша с трудом, Стаффа закашлялся и отполз подальше,

растянувшись на горячем песке, опустошенный и истощенный. Потом с трудом поднял руку и начал растирать ноющее горло.

— С тобой все в порядке?— подойдя, спросила Кайла, присела, приподняла его голову и положила себе на колени. Стаффа мутными глазами смотрел в ее бледное лицо.

— Я... думаю,— каркнул он, грудь его тяжело вздымалась. Что-то влажное и горячее упало ему на лицо. Он погладил ее по щеке.

— Зачем тебе это нужно было?— спросила она.— Почему ты вступился за меня и убил его?

Стаффа с трудом сглотнул. Ему казалось, что в глотку затолкали стальную трубу, усеянную шипами. Он обнял Кайлу, и она легла рядом с ним на песок, почувствовав себя в безопасности, когда ее обнимали дрожащие руки Стаффы. Потом она сказала:

— Нам нужно возвращаться.

Стаффа глянул на огромный труп Бротса:

— Лучше его закопать, иначе при облетах его обнаружат сверху.

Вдвоем они перетащили тело ближе к дюнам и быстро засыпали его песком.

По дороге назад Кайла спросила:

— А как мы все объясним?

Стаффа печально улыбнулся, разглядывая синяки, оставленные Бротсо́м:

— Мы скажем, что он говорил нам о том, что никакой ошейник его не удержит. Что он пройдет любую пустыню, его никто не остановит. И что Прогнившие Боги могут жевать его член, но рабом он не будет.

Кайла остановилась и положила руки ему на плечи:

— Ты ведь знаешь, что он бы меня убил в конце концов. Это сидело в нем.

— Я думаю о Скайле,— сказал он.— «О, если бы она была здесь! А если я никогда отсюда не выберусь?» Господи, что я мелю,— он оборвал, злясь на самого себя.— Идем, завтра нам придется жарковато, нужно отдохнуть.

Она глянула на него и кивнула:

— Да, твоя Скайла — счастливая женщина, Таф,— и ушла на свое место.

Утро наступило слишком быстро. Стаффа с трудом поднялся, осматривая свое избитое тело. Каждый сустав болел так, будто его вывернули из суставной сумки, горло нещадно пекло. Он сделал шаг, покачиваясь на неверных ногах. Стаффа прищурился от слепящего солнечного света, во рту у него пересохло, ноющие суставы посылали сигналы бедствия в измученный мозг. Похоже, Бротс все-таки здорово помял его и, может быть, почти убил. Тело билось от невыносимой боли, набегавшей волнами. Он еще раз осмотрел себя: множество кровоподтеков покрывали его тело, локти раздулись, кулаки распухли и кровоточили, когда он сжимал их. Он пополз к своему месту возле труб и свалился без сил на уже горячую сталь.

— Хоа!— позвал последний, и Стаффа нечеловеческим усилием воли навалился на трубу, с трудом удерживая равновесие. Его почти в агонии понесло за трубой, он едва соображал, что делает.

— Йеп,— раздался крик, и Стаффа рухнул под невыносимой тяжестью. Он заморгал, ощущая огнедышащий жар горячей стали.

— Таф?— с беспокойством крикнула Кайла, ее голос еле прорвался сквозь оглушительную боль.— Вставай, надо идти. У нас впереди длинный день.

Стаффа стиснул зубы и с трудом поднял себя. Один из рабов, Кори, нагнулся к нему и взял его за руку:

— Сегодня я работаю с тобой в паре.

Голос Стаффы прервался:

— Да, похоже, мне это сегодня понадобится. «Почему этот человек хочет помочь? Зачем это ему? Кори — еще один неприкаянный, кожа да кости, страдающий больше их всех от жестокого солнца. Хрупкий Кори, так похожий на Пибэла, наверняка он долго не протянет, и тем не менее предлагает свою помощь». Стаффа кивнул в знак признательности, Кайла подбадривающе ему улыбнулась, хлопнула его по спине, и они вернулись к работе.

— Это правда, что говорят о Бротсе? спросил Кори.

— Ты о чем?— прошептал Стаффа, оберегая истерзанное горло, и с трудом удерживаясь на ногах.

— Поговаривают, что он сбежал,— Кори скривился от тяжести трубы, тощие мышцы туго натянулись.— Он забирал часть моей еды. И у других тоже.

— И что?

— А то, что мы видим тебя раненым. Вот и все. Многие видели синяки Кайлы. Ты и Бротс... Ладно, ты любишь Кайлу. Мы все любим ее. А сегодня Кайла будто сбросила невыносимый груз с себя — она снова ходит прямо, уверенная в себе. Ты ранен, а Бротс сбежал. И у нас опять полные порции еды и воды.

Стаффа хрипло закашлялся:

— Этот ублюдок здорово меня помял. Если бы я смог еще достать Англо.

Кори откашлялся и сплюнул в песок коричневатую пленку:

— Несправедливость, друг Таф,— это реальность нашего существования. Бог создал Вселенную на этой основе. И это очень неправильно, что мы только однажды встречаем в жизни героя, который борется за правду!

— Но я далеко не герой.

Кори не обратил на это никакого внимания:

— Бротс — всего лишь симптом болезни, поразившей человечество. Англо — маленький фрагмент, но значительный по своей злокачественности, которую, увы, ни ты, ни я не сможем вылечить.

— Почему же нет? Если мне в руки попадет его гнусная шея...

— Не забывай, он только часть системы, и если ты его убьешь, тем самым ты убьешь и всех нас. Ошейники прикончат нас.— Кори минутку помолчал:— Почему мы должны найти силы, чтобы

выносить все страдания, пока не наберемся смелости. Может, настанет время, когда найдутся те, кто смогут излечить наше общество.

Стаффа медленно брел, спотыкаясь, и молчал до тех пор, пока они не сбросили трубу на песок. Посмотрел на Кори и спросил:

— Так ты считаешь, что нужна смелость, чтобы умереть?

Кори наклонился, вытаскивая наплечный ремень из-под трубы:

— В нашей ситуации — да. Зачем мы так цепляемся за жизнь? Она приносит нам сплошные страдания. И можно жить, если увериться, что назначение и смысл жизни лежат в страданиях. А вдруг завтра империя рухнет, и мы в одночасье станем свободными? Но это невозможно, мой друг. Я каждое утро просыпаюсь в ужасе, я чувствую, как с каждой минутой теряю здоровье, как жизнь уходит из меня. Я долго не протяну. Когда это закончится для меня? Завтра? Нет. На следующей неделе? Нет. Через неделю? Еще через неделю? Когда я буду совершенно без сил. Англо или Морлаи отсекут мою жизнь, и, возможно, ты отнесешь и закопаешь в горячий песок мои останки. Вот какое у меня будущее.

— Тогда зачем тебе тянуть эту лямку?

— Жизнь удивительная и завлекательная штука. Бог сделал ее такой — она, как наркотик, захватывает нас, а потом, когда действие кончается, лишает нас иллюзорных надежд. Люди живут только надеждой. Они легко забывают неудачи, ошибки, потому что надежда — это опиум. У нас здесь нет такой поддержки. Где-то, на каком-нибудь отрезке этой бесконечной трубы, нас всех ждет неминуемая смерть. Единственное, что нами движет,— это любопытство, оно дает нам силы. Когда все это закончится? Сколько я протяну? А если жизнь — это только представление, игра?

— Ты всегда можешь лечь и позволить Англо прикончить себя,— напомнил Стаффа,— ошейник это сделает без особой боли. Все будет продолжаться минуту или около того. Ты говорил о Боге и несправедливости. Но Вселенная нейтральна.

— Да ну?— Кори удивленно скосил на него глаза из-под почти распластавшей их трубы.— Страдание и несправедливость глубоко внедрены в структуру Вселенной. Энтропия — это топливо прогресса. Каждая из экосистем мира, без исключений, зиждется на соперничестве, конкуренции. Одни формы жизни поедают другие, расширяя экологическую нишу для своих собратьев. Все виды, будь то растения или животные, поедают других: а если нет — то себе подобных. Разве не так?

— И ты считаешь, что это работа Бога?— насупился Стаффа, стараясь дышать ровнее.

— Это не тот Бог, о котором ты мыслишь терминами этарианских или сеззанских императоров,— я говорю о настоящем Боге. Создателе и манипуляторе Вселенной. Бог, которому неинтересны молящиеся, жертвоприношения или храмовые обряды.

— Бог Седди.

— Можно назвать и так, мой друг Таф.

Они состыковали края участков труб под внимательным взглядом Кайлы.

На обратном пути Кори продолжил:

— Бог ввел несправедливость в систему, чтобы предотвратить стагнацию. Несправедливость ведет к страданиям. Каждый организм будет реагировать, стараясь сделать свою жизнь лучше, избежать страданий. И вот наблюдения показывают, что выбор падает на данный момент. Танец квантов застыл. Реальность меняется: приобретены знания. Бог извлекает пользу из знаний. Он изучает реальность, различные реальности исходят из каждой микрофазы изменений, зарегистрированной в частице вечной энергии.

— А ты все-таки не торопишься умирать. Почему бы тебе не прекратить свои страдания в сей момент? Ты же сам говорил, что только ждешь конца. Твоя надежда угасла.

— Но я труслив,— напомнил Кори.— Я боюсь что-нибудь предпринимать.

— Я видел множество смертей. Страх не играет роли. Храбрец умирает так же, как и трус.

— Это правда. Но у кого был выбор?

— У многих, — Стаффа начал копать яму под трубой, чтоб вытащить свой ремень.

— А зачем им был этот выбор?— задумался Кори, его лицо искривилось под ременной петлей, продетой под другой конец трубы.

— Потому что они боялись моих... моих ребят больше, чем смерти. «О, Прогнившие Боги! Что он только что сказал?»

— Тогда мои рассуждения не годятся,— заявил Кори.— Мужчины в душе трусы. Из-за трусости они поступают не по справедливости, действуя согласно желаниям Бога. Увеличивая всеобщие страдания, как ты понимаешь. Но мы самые большие трусы, так как можем легко избежать страданий, Лорд Командующий.

Сердце Стаффы остановилось. Он оцепенел, и Кори зашатался, стараясь удержать вес ноши. Маленький человек опустился на колени, пока Стаффа пытался взять тяжесть груза на себя, вся бригада сбилась с шага.

— Как... как ты меня назвал?

Кори, гримасничая от неожиданной боли, очень хотел подняться, дыхание его прервалось, и он не смог ответить, пока дыхание не выровнялось:

— Прошу прощения. Я не думал. Я считал, что узнал тебя еще несколько дней назад, но борода спутала мои впечатления. Твоя способность к убийству, как было с Бротсом, подтвердила мою догадку. Никто другой не смог бы так профессионально убрать эту громадину без серьезного вреда для себя.

Стаффа тяжелым взглядом уставился в пустоту, молясь только о том, чтобы никто не слышал их разговора.

Кори продолжил беседу, будто ничего особенного не произошло:

— Я когда-то был профессором, изучал поведение человека в Университете на Майке. Годы я потратил на изучение направлений и отклонений в среде правительства империи и написал много статей, объясняющих, почему Тибальт сделал то, что он сделал, и какими мотивами ты и твои Компаньоны руководствовались в действиях. У меня на стене висело редкое твое голоизображение.

Измученное тело Стаффы сотрясалось от внезапного прилива адреналина, вызвавшего страх.

Кори с симпатией произнес:

— Я не скажу никому, Таф, мой друг. Твои проблемы здесь — лично твои. Я верю, что ты попал в переделку, так же как и я. И думаю, что это часть справедливости в этом несправедливом мире,— он помолчал.— Но скажи мне. Зачем ты... Нет, как ты мог поступать так, как поступал? Ты никогда не задумывался, прав ли ты или виноват в своих поступках? Пожалуйста, только не подумай, что я обвиняю или осуждаю тебя. Я спрашиваю только из чистого любопытства: какими мотивами ты руководствовался?

Стаффа наклонил голову, чтобы спрятать беспокойство в глазах.

— Ты можешь отвечать не сразу, мой друг Таф,— донесся до него мягкий голос Кори.— Рассказывать или не рассказывать — ты можешь решить только сам,— он горько рассмеялся.— Правда, ты можешь решить убрать меня, опасаясь, что я проболтаюсь. И тем самым ты избавишь меня от лишних страданий. Но единственная просьба — сделай это по возможности безболезненно и быстро.

Стаффа покусывал губы, кровь стучала у него в ушах. Больше они не сказали ни слова, укладывая бесконечные участки труб в канаву.

Несправедливость? Страдания? Это дело рук Божьих? Он моргнул несколько раз, смахнув капли пота, стекающего со лба. Зной становился нестерпимым, горячечный жар палил его изнутри. Мысли стремительно проносились, толкаясь и сбивая друг друга. Всю свою жизнь он приносил одни страдания людям. Энтропия? Получал ли он от этого удовлетворение? Он был настоящим хищником, но как он мог предотвратить падение человечества в пропасть, когда Сезза и Рега, стремящиеся выжить во что бы то ни стало, столкнулись в смертельной схватке? В несправедливой Вселенной Бога, где правый лжет? Сбитый с толку, он посмотрел покрасневшими глазами на бедного скорчившегося Кори.

— Я не люблю эту дюну,— опасливо сказала Кайла, когда они возвращались назад за новым отрезком трубы.

Конечно, планеролет мог опустить привезенную трубу поближе к нужному месту, и тогда ее не пришлось бы тащить так далеко. Но кому придет в голову облегчать труд каторжников? Их-то сюда привезли не на развлечения, а на мучения.

— Я только тогда почувствую себя в безопасности, когда мы

минуем ее,— Кайла обернулась через плечо на вызывающе белую дюну:— Это убийца, Таф.

Что он такого сказал Кори? В чем нечаянно проговорился? Он думал об этом все время, пока они работали. Убить его? Быстрый конец? Но если один узнал Стаффу, то где уверенность, что не найдется еще кто-то? Страх мерзкой лапой стискивал его сердце.

Пока все пили воду, Стаффа хранил молчание. Подошедший Англо позволил им чуть дольше посидеть и отдохнуть в тени, забрав и уведя Кайлу в дюны с плохо скрытым вожделением, горевшим в заплывших глазах. И уже не в первый раз Стаффа увидел, как вспыхнула ненависть во взглядах сотоварищей, когда они смотрели на Англо, уводящего Кайлу.

Невыносимая ярость опалила душу Стаффы, когда Кайла, наконец вернулась, понуро прибрела обратно, с искаженным горькой гримасой лицом. Она молчала всю дорогу до самой канавы, куда они наконец дотащили очередной отрезок трубы, и с отвращением сплюнула.

Страх за себя и жуткая ненависть к Англо беспрестанно терзали Стаффу, но он изо всех сил старался держаться, несмотря на дикую усталость.

Дело рук Божьих? Если, так, то Бог просто ублюдок. Такой же, как он сам, Стаффа кар Терма. Он участвовал в создании этого кромешного ада. Он обрек души на страдания.

«Мне было так легко умереть. И останется только несправедливая Вселенная. Как прав Кори! Я познал это кошмарное существование, чтобы докопаться до корней Истины? Разве это люди, эти безмозглые дураки, составляющие массу? И что они могут чувствовать? Они... Нет. Только немногим будет открыта Истина. Остальные пусть поклоняются Благословенным Богам или сеззанскому императору и не ищут справедливости.

Бог, что же ты такое? Я клянусь своей душой — если я выживу, я постараюсь найти тебя. Я найду моего сына. Я разрушу твои чертовы Запретные Границы. Я найду способ изменить человечество,— а если я умру, то моя энергия и мои мысли, согласно словам Кори, когда-нибудь дойдут до тебя, и ты узнаешь, что нашелся один человек, который бросил тебе вызов!»

— Я поступал именно так, потому что меня этому обучали,— сказал Стаффа Кори, шагавшему рядом. Они брели в тень, отброшенную высокой зыбучей дюной, готовой в любое мгновение обрушить тонны песка на неосторожного,— милосердная тень давалась ценой ежеминутной опасности.

— Меня вырастили и воспитали наемником. И сделал это Претор с Миклена. Он тренировал и муштровал меня с пятилетнего возраста,— негромко и медленно продолжал Стаффа, заметив испуганный взгляд, который бросила Кайла на отвесные стены песка, возвышающиеся по обе стороны от них. Песчинки скатывались с вершины под порывом ветра, словно кто-то горстями сбрасывал их.

— Как орудие,— заключил Кори.— У тебя были друзья твоего возраста?

— Нет,— мрачно ответил Стаффа,— я общался только со своими учителями, наставниками, которые меня обучали. И так до тех пор, пока я не превзошел своих инструкторов.— Стаффа издал короткий смешок.— Я добился успеха, когда мне было двадцать три года.

— Но какой ценой, мой друг Таф?

— Я не знаю. Я даже не знаю, зачем я тебе говорю все это.

— Тебе вновь подобные разговоры?

Стаффа снова упал духом. Он слишком устал, чтобы себя контролировать. Страх ощутимо нарастал. Стараясь побороть смятение, он сделал глубокий вдох и ответил:

— Да.

Кори дышал с трудом:

— У тебя, должно быть, была очень одинокая жизнь, мой друг.

Спереди раздался зов:

— Хоа!

Они не успевали перевести дыхание, как им надо было браться за новый отрезок проклятой трубы. Они торопились, с сомнением поглядывая на опасную песчаную стену. Каждый шаг давался Стаффе с большим трудом, силы иссякали. Прогнившие Боги, молю вас, дайте мне умереть!

Проклиная все на свете, они снова приладили тяжелые ремни на шею и взялись за последний участок трубы.

«Неужели ты будешь тем, кто отпустит мне грехи, ты, слабый, хрупкий человек? Неужели ты укажешь мне путь к спасению? Ты, которого я могу переломить одной рукой? Почему именно ты, такой хрупкий, кажешься сейчас сильным и неодолимым?»— думал Стаффа.

И словно сбросив давящую сердце тяжесть — будь что будет!— Стаффа снова заговорил:

— Из этого состояла моя жизнь, и только этим я жил. Как и почему я завоевал и сокрушил эту планету? Таковой была моя реальность.

— Но что привело тебя сюда, Таф?

— Вопросы умирающего старого человека,— прошептал Стаффа.

Они продолжали трудиться в тени, когда над ними пролетел планеролет с новой секцией. Пилот не давал им передышки. Планеролет резко затормозил. Несущий кабель сорвался с трубы, и она шумно рухнула в песок позади дюны. Стаффа ногами ощутил толчок.

Годы войн и сражений сделали его реакции мгновенными. Стаффа выскользнул из ременной петли и, не раздумывая, метнулся вперед. Он схватил Кайлу, оттащил ее назад. Еще мгновение — и, прижав ее к себе, он втиснулся в открытый конец трубы. Полсекундой позже тысячи тонн песка похоронили окружающий мир.

— Скажи мне, Бруен, каким ты себе представляешь Бога?— провозгласил глухой голос, пробившийся в смятенный разум Магистра.

Он сглотнул, сердце бешено прыгало в груди. Могла ли машина слышать этот сумасшедший стук? Или учуять холодный пот, струящийся по его лицу?

Бруен принялся читать мантры: «Бог — это ложные представления человека. Идя по пути Праведных мыслей, мы избавимся от вредных иллюзий древних мифов. Путь приведет нас от примитива к настоящему...»

— Достаточно!

Бруен запнулся, голова кружилась от грохота неслышимых взрывов.

— Ты прекрасно изменяешь мантры, Бруен,— Мэг Комм поколебалась.— Но давай поговорим на интеллектуальном уровне. Ты привык верить в Бога. Ты исповедовал эту ересь. Зачем? Почему ты веришь? Я должна знать твои резоны, чтобы полностью исключить ошибки.

Бруен сжал клацающие зубы. Он не мог подавить неуемную дрожь тела, каждая мышца его уставшей плоти вибрировала под действием ментальной силы Мэг Комм.

— Потому что концепция Бога объясняет... вернее, кажется, что объясняет определенные явления в физической Вселенной,— медленно подбирая слова, проговорил Бруен и испустил вздох облегчения. Страх потихоньку исчезал. У него появился слабый шанс.

— Значит, Бог — это всего лишь объяснение? Говори, Бруен, говори, расскажи мне гипотезы твоей беззаконной ереси. Ты считаешь, что Бога можно обнаружить с помощью логического научного поиска?

— Не совсем так,— Бруен опять нервно сглотнул, пытаясь подавить приступ паники.— Вы знаете, что наука — это исследование, изучение физической Вселенной вокруг нас. Бог, с другой стороны, считался создателем, началом всех начал. Если хотите, он — оформитель физических законов, таких как энтропия, термодинамика, кванты... Я имею в виду необычность того, что мы наблюдали в физическом мире до...

— Я знаю все, что ты мне излагаешь,— прервала Мэг Комм.— Расскажи мне о Боге — не о физике.

— Вера в Бога в то время не была универсальной. Разные традиции дали различные объяснения. И не везде принималась вера в Бога. Любые исследования природы Бога зависят от основных допущений, таких как...

— Атеизм? Объясни!

— Не все признают Бога реально существующим. Люди веками исповедовали атеизм — неверие в Бога. У нас не сохранились записи, как долго атеизм...

— Люди до сих пор исповедуют атеизм?

Бруену почудилось что-то необычное в механическом голосе машины:

— Да. Это определенная интеллектуальная позиция, ее можно обнаружить в любом обществе, состоящем из рациональных индивидуумов.

— Но почему, если общество рационально, все люди не исповедуют атеизм?— казалось, машина выходит из себя.

— Бруен сглотнул, напряг волю, стремясь, чтобы его безумный разум успокоился и прояснился:

— Потому что атеистами никогда не были получены достаточные доказательства. Так же, как и вера в Бога не может быть доказана без определенных допущений, так и...

— Стоп!

Бруена встряхнуло, он опять задрожал, надеясь, что этот металлический голос заглушит нестерпимую боль.

Прошло довольно много времени прежде, чем Мэг Комм приказала:

— Ты подготовишь отчет об атеизме и передашь его мне. Отчет будет полный, четкий, ясный, с подтверждениями того, что ты знаешь.

— Будет сделано,— обреченно выдавил Бруен.

— Но это не все, я даю тебе еще приказы: Каспа остается слишком долго спокойной, согласно твоим рапортам. Пришло время взбудоражить город. Представишь свои планы. Ты как-то докладывал, что смог защитить реганскую дивизию. Нужно послать одну для захвата Веспы. Ты уничтожишь ее вместе с твоим Синклером Фистом. Его сила растет. Он становится слишком опасным. Ты сам будешь бояться того, что из него может получиться.

Я хочу видеть восстание против Сеззы. Они слишком любят своего Бога-императора. Реганская религия вместе с этарианской ересью менее опасна, но она тоже чересчур крепнет. Конфликт следует начать так, чтобы исключить возможность социального контроля. Ты понял?

— Да!— Бруен дернулся и повторил сорвавшимся голосом:— Да!

— Я просмотрела рапорт, который ты представил. Ты не нашел Лорда Командующего. Время нас поджимает, Бруен.

— Великая, мы верим, что обнаружим Лорда Командующего. Мы работаем в этом направлении...

— Сейчас не должно быть провалов и ошибок, как случалось в прошлом. Так как он в данный момент находится вне поля зрения и, следовательно, лишен защиты своей службы безопасности, вы должны немедленно его убить! Вы понимаете?

Бруена затрясло от прозвучавшей в непререкаемом металлическом голосе яростной, сокрушающей любое сопротивление силы.

— Я понял... понял... Великая.

— Мне надоели ошибки, которые вы допускали в деле с Лордом Командующим.— Пауза.— Все ваши Седди следуют Пути? Я обеспокоена, Бруен. Вначале ты мне рассказывал, что еретические мысли рассеялись и сошли на нет, когда Путь дал вам необходимую информацию, и любые действия стали предсказуемыми. Потом ты мне говорил о человеческой способности к неверию, которое будто бы формировало вашу природу и историю. Такого рода информацию мне было трудно переработать. Но теперь наши

планы очень тщательно выверены. Больше не осталось места для ошибок и заблуждений. Мы должны быть более предусмотрительны! Но как я могу после всего доверять тебе? Разве ты такой же, каким был раньше?

— Мы все следуем пути, Великая,— выдавил Бруен, позволив страху охватить все его существо.

— Побеpегись, Бруен. Ты и твое человечество висите на ниточке. Пришло время воплотить Путь в действительность Открытого Космоса. Это твой единственный шанс! Будь внимателен! БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН!

Тишина, жуткая тишина пульсировала в мозгу Бруена. Он ослабел, разум его затуманился, тело скорчилось в кресле. В висках больно стучало.

Чьи-то руки осторожно сняли с него золотой шлем, Бруен только часто моргал в слабо освещенное пространство, собираясь с силами и со страхом косясь на мерцающие огни машины.

«Как было объявлено очень давно? Уловка? И ты ничего не знала об атеизме, ты, трижды проклятая машина? Вначале ты объявила Седди еретиками и исподволь внушала безбожную философию, и это без знаний об атеизме? Любопытно! А разве не твои агенты спровоцировали войну между Сеззой и Регой, зная, что она приведет к опустошению Открытого Космоса? Зачем тебе это, машина? Какая твоя конечная цель?»— пронеслось в мозгу Бруена.

«Ты терзаешь нас, связывая по рукам и ногам.— Бруен нахмурился, скривив губы.— На какой нитке ты держишь нас, машина? Только твоего контроля? Может, мы сможем взять эту нить в свои руки? Столько безответных вопросов — а у меня осталось так мало времени. Я больше не контролирую события, они подчинили меня себе».

— У вас все в порядке?— спросил один из Посвященных с волнением и тревожным беспокойством. Он наклонился над Бруеном, высокий мускулистый блондин со шрамом, пересекающим его лицо,— след сражений на Каспе. Второй был среднего роста, дородный темнокожий с курчавыми волосами. Угрюмое выражение лица свидетельствовало, что напряжение, сгустившееся вокруг, захватило и его. Черные глаза смотрели с опаской.

— Да, — кивнул Бруен, голос его дрожал, голова разламывалась от жестокой боли.

Посвященные подхватили его сильными руками и понесли через сумрачные туннели.

— Отнесите меня в комнату Хайда,— прошептал Бруен.

Он прикрыл глаза, едва узнавая путь, по которому его несли наверх. Своей дряхлой плотью он ощущал напряжение, исходившее от юных тел; как электричество, оно било по нему.

— Мы пришли Магистр, — шепнул чернокожий Посвященный. Осторожно усадив Бруена, они, склонив головы, остались стоять.

— Не уходите,— прохрипел Бруен,— пришло вам время становиться мастерами. Вы хорошо потрудились. На вас накладывается последняя епитимья.

Он посмотрел вверх и поймал быстрые взгляды, которыми они обменялись.

Хайд неподвижно возлежал на постели, лицо его казалось землисто-серым. Он с трудом повернул голову и слабым голосом спросил:

— И?

Коротко Бруен поведал ему о последних событиях и, помолчав, добавил:

— Нам нужен план. Все пошло кувырком. Нам нужно собрать всех и решить, как будем действовать дальше.

— Насколько все плохо?— спросил Хайд и зашелся в приступе кашля.

— Так плохо, что машина начинает задавать ненужные вопросы,— Бруена все еще трясло.— Все пошло кувырком. Я начинаю думать, что на карту поставлено... все.

— Но тебе удалось в очередной раз одурачить машину, Магистр?— поинтересовался покрытый шрамами Посвященный.

— Да, я вроде снова одурачил машину,— подтвердил Бруен, поморщившись от звуков собственного голоса.— Это вам двоим придется составить отчет по атеизму для машины. Она оказала на меня невиданное доселе давление. Почему? О какой ее слабости это говорит?

Лицо темнокожего Посвященного слегка осветилось:

— Значит, выходит, машина не всеведуща?

— Нет. Мы знаем об этом давно. Действительно, мы играем в кости. Когда она приказывает, особенно это было раньше, мы можем чуть изменять ее влияние. Когда она задает вопросы, мы можем играть над ответами.

— И это будет длиться, пока она не перехитрит нас,— напомнил Хайд, содрогаясь от кашля. Он беспрерывно сплевывал в чашу, стоящую у изголовья кровати.

— Всегда существует такая вероятность,— Бруен снова заморгал от внезапного приступа головной боли. Беседы с машиной всегда изматывали его, но сегодня он был измотан до предела.— Тем не менее, Мэг Комм сама вводит нас в заблуждение, а обманывая, нельзя победить человека!

— Получается, что машина в большом сомнении?— успел спросить Хайд между приступами кашля.

— Да. И это, мой старый дружище, меня больше всего выбивает из колеи. Сначала машина угрожала, и это достаточно серьезно. Нужно принять меры, пока ощущаем границы ее возможностей.— Она приказывает нам начать войну?— Хайд высохшей рукой стер с подбородка слюну.

Бруен кивнул:

— Да, и не только это. Она знает, что ретанская дивизия находится под командованием Синклера Фиста и вот-вот победит. Похоже, мы не единственный ее источник информации в Открытом Космосе.

Лицо Хайда приобрело жесткое выражение, дымчатые голубые глаза забеспокоились:

— Все складывается очень скверно. Наши позиции становятся все более шаткими.

Бруен кивнул, глядя на двух молодых людей.

— Тебе нужно будет поговорить с Бутлой Рета,— Хайда опять затряс приступ кашля.— Он единственный, кто может все просчитать. Он один сможет взять все в свои руки. Теперь ему придется стать нашими ногами и руками.

— Я как можно скорее встречусь с ним,— Бруен коснулся ноги Хайда.— Давай помолимся о том, чтобы не опоздать, старина.

— Да, — просипел Хайд, в легких у него забулькало.— Это должно было с нами случиться еще пятнадцать лет назад.

— Но не случилось,— вздохнул Бруен.— И нам сейчас придется действовать.— Он опять посмотрел на молодых мужчин, чтобы увидеть их реакцию.— Если мы ошибемся, юные джентльмены, это будет наша последняя ошибка.

Скайла Лима нырнула в темноту аллеи. Она легко скользила в почти непроглядном мраке. Остановилась и прислушалась, сжимая в руке шершавый кирпич, и продолжила путь. Ее нервы были напряжены с тех пор, как она увидела помещение для арестованных на тюремном дворе. Проклятье, она слишком хорошо охранялась, эта тюрьма.

Откуда-то издалека доносился чудесный аромат циннамона и клофы. Едва уловимое движение почти совсем рядом заставило Скайлу мгновенно напрячься. Она выхватила вибронож. Справа от нее послышался легкий шорох песка. Кто это? Один из агентов Айли? Или просто грабитель?

Шаги медленно и осторожно приближались.

Темнота давила ей на сердце. Струйки пота стекали по спине под комбинезоном и пробегали между грудями. Сердце громко стучало в ушах.

Так черно, так адски мрачно. Где он? И кто это?

И тут темная фигура возникла прямо перед ней. Скайла напала, схватив стальными пальцами за горло и ударив по коленкам. Плоть мягко отзывалась на ее жестокие удары. С плачущим стоном неизвестный повалился на землю, едва Скайла ослабила хватку. Как пантера, она склонилась над ним, приставив вибронож к его горлу. Неизвестный мужчина дышал с всхлипами, ловя воздух судорожно разевающимся ртом.

Она достала маленький фонарик и направила его луч в лицо лежащему. Это был Найклос!

Он застонал, мигая карими глазами под ярким светом.

— Говори,— прошипела она,— и быстро. Ты чувствуешь лезвие возле шеи? У меня мало терпения. Я не люблю тех, кто крадется за мной в темноте. Мне это кажется очень подозрительным.

Он кивнул, испуганно кося глазами на нож.

— Говори!

— Сейчас... я просто искал тебя, конфетка. Я... Хах! Не надо!— он икнул, когда она надавила ему коленом на живот и чуть кольнула, порезав ножом шею.

— Тогда не испытывай моего терпения, Нэб,— она еще сильнее надавила коленом в солнечное сплетение.— Давай, говори быстрей или сейчас напьешься собственной крови, дрянь!

— Я просто хотел посмотреть, куда ты пойдешь. И это все. Ты... ты такая хорошенькая...

Она шевельнула ножом, кровь брызнула струйкой.

— Ты лжешь. Ты смотришь в глаза смерти, Нэб. И тебя это не беспокоит? Это уж совсем подозрительно,— она помахала ножом и прошипела, сузив глаза:— Почему? На кого ты работаешь? Кто стоит за тобой? Айли Такка?— Лицо его окаменело:— Ага, это предположение тебе не нравится?

— Нет, не нравится,— похоже, он все более овладевал собой, несмотря на явно безвыходное положение.— Это не Айли!

Она помотала головой:

— Но ты не похож на уличного разносчика. На твом лице печать профессионала. Готова поспорить.

Легкая улыбка скривила его губы:

— Почему бы тебе просто не перерезать мне горло и на этом закончить?

Она вздернула подбородок, внимательно его рассматривая:

— Если это не Айли, может, тогда наши интересы совпадают?

— Может,— Найклос быстро согласился, чувствуя ползущую по шее струйку крови.— Только в чем?

Она почуяла игру, скользнула пальцами в карман и вынула сверкающий пузырек. Очень осторожно отвернула зубами колпачок и поднесла к его рту.

— Выпей,— приказала она,— это митол. Он заставит тебя разговориться.

В это мгновение он рванулся и попытался ее сбросить, но Скайла, надавив ему коленом на горло, влила в его разинутый рот несколько капель митола.

Он взорвался:

— Ты, силенианская ведьма!

Скайла благоразумно отскочила в сторону. Он катался и корчился на песчаной дорожке. Приподнявшись на коленях, он попытался ее достать, размахивая кулаками в темноте. Она увернулась от удара. Пузырек с митолом расплескался у нее в кармане.

— Достать и убить ее,— вдруг выпалил Найклос.— Достать и убить ее прежде... прежде... Следующая фраза скомкалась, потому что он врезался головой в каменный бордюр.

— Слишком поздно,— спокойно сказала Скайла,— теперь ты в моих руках.

— Нет! Нет. Не могу... Не могу...

Она выждала, пока он судорожно возился, пытаясь подняться, и наконец повалился, сраженный митолом. Посветив фонарем, она проверила его зрачки: глаза перекосило.

— Пойдем, Найклос, ты ведь называл меня красоткой,— она заколебалась, не в силах устоять перед искушением поддразнить его:— Разве нет?

— Да, — пробормотал он тоненьким голоском.

— Первый раз, когда мы встретились, я прочла в твоих глазах желание. Ты хочешь меня? Я ведь по-настоящему хороша? Правда?

— Подполковник авиации, ты самая красивая женщина на свете и самая смертоносная.

— Подполковник авиации? Такая осведомленность может быть смертельной для тебя, Найклос, мой женолюбивый друг.

Он понемногу оживал.

— Хорошо,— передернула она плечами.— Что ты собираешься делать?

— Прямо сейчас?— спросил Найклос. Он, казалось, совсем пришел в себя.

— Да, сейчас.

— Я удивлялся, почему за столько лет Стаффа не трахнул тебя,— Найклос откинул голову назад, потом вперед, расслабляя мышцы шеи.

Скайла облокотилась о стену, почувствовав себя вдруг очень неуютно. Сердце зачастило, во рту пересохло. Проклятье! Трижды проклятый митол. Но я сама спрашивала. Теперь надо вернуть его в нормальное состояние, пока он меня не взбесил — а то недолго наделать глупостей.

— Иди сюда, Найклос, садись рядом со мной,— она придвинулась и, потянув, положила его голову себе на колени. Слишком много митола. Она напряглась, когда его ладони стали шарить у нее по груди. Чтобы остановить его, взяла его руки в свои.

— Теперь, Найклос,— заговорщицки произнесла она,— ты должен доказать, что я необыкновенно хороша тем, что все расскажешь о себе.

«И моли Благословенных Богов, чтобы твой путь не пересекался со Стаффиным или моим».

Найклос кивнул и, с трудом ворочая непослушным толстым языком, принялся рассказывать. Скайла почувствовала, как она ожесточается с каждой минутой. Совпадение интересов? И в самом деле!

— Итак, вот ты кто такой, Найклос,— затаив дыхание, прошептала она. — Кусочки мозаики стали складываться в цельную картину.

Экран монитора замерцал, по нему побежали волны и, наконец, сформировалось четкое изображение. Скайла откинулась в кресле, скрестив на груди руки. Найклос стоял позади нее, слегка покачиваясь после действия митола.

Снаружи дом Найклоса выглядел точно так же, как и все остальные дома в квартале. Стены были сделаны из коричневой глины, крышу покрывала керамическая черепица. Только переступив порог, Скайла поняла, что Найклос живет в «гнездышке», полностью оснащенном коммуникационным оборудованием, мониторами и коммами.

Скайла снова повернулась к экрану. Он посветлел, и появилось

лицо юной женщины, обрамленное венчиком курчавых черных волос. Взглянув на Скайлу, она непроизвольно выпрямилась.

— Приветствую, — Скайла улыбнулась ей.— Я Скайла Лима, подполковник авиации Компаньонов. Будьте так любезны и проинформируйте магистра Бруена, что я хотела бы с ним поговорить.

— Как вам... Я...

— Пожалуйста, побыстрее.

Скайла посмеивалась, подбрасывая в воздух маленькую безделушку и легко ловя ее на лету, эту миниатюрную керамическую копию человеческого зуба. Картинка сменилась: теперь на экране щурился пожилой мужчина с морщинистым лицом. На черепе торчали редкие кустики белых волос. Он глянул на нее и моргнул, словно только что проснулся. В конце концов он вздохнул и произнес:

— Полагаю, что вы добились успеха, проникнув в эту коммуникационную сеть, но все-таки скажите мне, подполковник авиации, как вы нас нашли, и что вам нужно?

Скайла подтолкнула Найклоса к экрану:

— Узнаете вашего агента, Магистр?

Бруен кивнул, глаза устало смотрели из-под нависших бровей.

— Да. То, что он еще живой, заставляет меня волноваться, однако.

Скайла склонилась вперед, зажав белый зуб между пальцами, и показала ему:

— Кто-то останется в дураках. Похоже в вашей лаборатории забыли положить сюда яд.

Бруен потер рукой усталое лицо.

— Я не думаю, что вы хотите говорить со мной о дупле в зубе.

— Нет, я хочу поговорить с вами об убийстве. Представьте, как я удивилась, когда обнаружила, что Найклос следит за мной в надежде, что я приведу его к Лорду Командующему. Сделай я это, он убил бы и меня, и Стаффу, одним ударом обезглавив Компаньонов.

Бруен медленно кивнул:

— Это одна из наших начальных стратегических задач.

— Веселенькая задача. Сочувствую вам,— зло улыбнулась Скайла.

В уголках его рта образовались морщинки:

— Давайте, давайте, подполковник авиации, вы же не новичок в межзвездной политике. У нас у каждого соответствующие задачи. Наши будут решены с вашей смертью и обезглавливанием Компаньонов. Вы преследуете ваши цели — как и любые политические силы в Открытом Космосе. Или вы замаскировали подлинную ситуацию?

Скайла качнула головой:

— Если мы настолько тупы, почему вы не расскажете об истинных намерениях Седди?

— Реструктурирование человеческой эпистемологии,— он поднял бровь:— Вы, конечно же, знаете, что это значит? Разве нет?

Скайла откинулась назад, нахмурясь:

— Вы хотите изменить путь мышления человечества, изменить его представления о себе и о Вселенной?

Бруен безмятежно смотрел на нее:

— Седди верят, что страдания человека коренятся в поврежденной эпистемологии — чему вы отдались полностью вместе с Лордом Командующим. Все думают, что мы должны жить во Вселенной, которой управляют неуязвимые политические лидеры. Мы впитали эту идею благодаря энкультурации.

— Погодите, вы совсем меня запутали. Энкультурации?

Бруен сложил ладони вместе и наклонился вперед, глаза его блестели:

— Подумайте всерьез о детях человеческих, подполковник авиации. Они подобны необученным животным. Они ничего толком не знают о назначении своего тела, не задумываются, как нужно себя вести в той или иной обстановке. Хорошо, что есть генетика поведения, которая определяет многие аспекты личности и ее способности. Но необходимо изучать взаимодействие личности с обществом. Не существует такого генетического кода в ДНК, который сказал бы ребенку, что когда он ест горох вилкой,— это подходящее, уместно, особенно если учесть, что ложкой все-таки удобней. Люди с Аштана учатся отрыгивать после еды, и у них считается, чем длиннее отрыжка и громче, тем лучше еда, это очень шокирует реганцев, приглашающих аштанцев в гости на обед. Но мы учимся большему, чем просто хорошие манеры и общественные привычки, мы также впитываем и политическую идеологию. Спросите любого реганца, почему именно Тибальт — император, и он вам ответит, что кто-нибудь должен быть императором. Вот это и есть энкультурация: процесс, при котором дитя обучается нормам и ценностям своего общества.

— И Седди не захотели, чтобы обычная Рега просто приняла старую общественную догму?

Бруен внимательно рассматривал ее прищуренными глазами:

— Вы быстро все схватываете, подполковник авиации.

— Даже если бы вам удалось убить Стаффу или меня, Сеззанскую Святость и Тибальта, вы бы не смогли изменить ход мысли людей. Ваша цель недостижима. Люди не могут мгновенно изменить свое представление о Вселенной.

— У Седди более комплексное понимание проблемы, чем вы себе представляете. Мы рассчитываем на значительные изменения в образе мышления человека по поводу его самого в последующие тысячи лет или около этого. Это долговременный проект, зависящий от образования и растущей способности людей соответствовать основной сумме знаний о жизни. Мы не рассчитываем на быстрое достижение цели.

— В таком случае нам со Стаффой лучше держать глаза открытыми,— сказала Скайла с легкой гримасой.

Бруен спокойно кивнул:

— Что приводит нас к другой горячей точке спора. Итак, Лорд Командующий. Я не буду настаивать, чтобы вы рассказали, почему он все бросил вверг две империи в водоворот войны и сбежал

в Этарус инкогнито. Но, может, вы все-таки расскажете?

«Что мне ему ответить?» Скайла потрогала подбородок и задумчиво произнесла:

— Он направлялся в Таргу повидать вас.

Бруен выпрямился, в его водянистых глазах зажегся интерес:

— Это что за трюк? Или удобная версия?

Скайла покачала головой:

— Нет. Он направлялся в Таргу, чтобы увидеть вас.

На лице Бруена проступило выражение величайшего любопытства. Он рассеянно водил пальцами по кнопкам монитора:

— Зачем ему было подвергать себя риску, пересекая враждебную империю, прокладывать путь по планете, ведущей гражданскую войну? Неужели только для того, чтобы встретиться с седдианским Магистром, который в свое время хотел его убить? В этом нет смысла, но тогда и все, что предпринял Лорд Командующий в последние недели, тоже лишено смысла.

— Он ищет своего сына,— Скайла заколебалась на мгновение, потом добавила:— И может быть, истину, Магистр.

Чувство понимания затеплилось в глазах Бруена:

— Ага, ключ к разгадке находится у Претора. Что же он сказал Стаффе? Что случилось в госпитале? Вы там были?

Скайла напряглась так, что волосы на голове зашевелились:

—Похоже, вы знаете достаточно много, Седди. Скорей всего я задержу Найклоса здесь, а потом доставлю его на Итреату. Я поняла, что он — центральная фигура вашей шпионской сети в Этарии. Я догадываюсь, что он может много ценного рассказать, если испробовать мозговой анализ.

Бруен едва слышал ее. Его лицо побледнело, он полностью погрузился в свои мысли. Потом он взглянул прямо, глаза его были печальны:

— Личность Стаффы полностью изменилась, разве нет? Колебания, депрессии, иррациональное поведение — все это основано на неверных нейронных реакциях, которые молчали до поры до времени. Вы знаете об этом? Или для вас это новость, подполковник авиации?

Скайла наклонилась вперед и враждебно уставилась на экран монитора:

— К чему вы клоните?

Бруен махнул рукой:

— Это танец квантов. Необычный принцип, делающий жизнь такой пленительной и дьявольски непредсказуемой. После всех прошедших лет я хотел бы поговорить со Стаффой.— Бруен глубоко вздохнул:— Я хочу предложить Лорду Командующему спасительный путь — при встрече. Детали можно было бы разработать и продумать позднее.

Скайла смотрела исподлобья:

— А я могу вам верить?

Бруен пожал плечами:

— Мы должны понимать друг друга,— он отсутствующим взором посмотрел вдаль, опустив подбородок на прозрачные

ладони.— Проблема еще в том, что Айли Такка рыщет за ним. Нам нужно действовать быстро и вместе. Времени нет. Так что думайте и принимайте решение.

Экран монитора погас.

Скайла резко поднялась, и меряя комнату быстрыми шагами, напряженно обдумывала только что услышанное.

Да, решение надо принимать. И она его примет!

Еще раз взглянув на умолкший монитор, Скайла направилась к двери — нужно еще раз проанализировать все сведения, которые пока удалось получить, взвесить еще и еще раз, чтобы действовать наверняка. Или с достаточной точностью. Ошибка может стоить дорого. Невозможно дорого...

С утра припекало. И свежий ночной ветерок уже не нес прохлады, овевая лица теплым дуновением. Часовой у входа в штаб-квартиру был подтянут и насторожен, краем уха прислушиваясь к доносящимся из-за неплотно прикрытой двери штаба голосам. Там происходило что-то важное.

— Они что?— гремел Синклер, стуча кулаком по планшету.— Сошли с ума?

Первое отделение сгрудилось вокруг стола с расстеленной картой. Все чувствовали себя полными идиотами. Тишина, не предвещающая ничего хорошего, установилась в кабинете. Сквозь пыльные окна можно было разглядеть усаженные деревьями холмы, возвышающиеся позади разбитых на квадраты полей.

Хлопнула дверь.

— Отбыли,— доложил Макрудер, появляясь в дверях командного пункта.— Министр обороны отозвал весь транспорт, чтобы обеспечить вторую дивизию,— выражение его лица сделалось кислым: — он назвал ее «чрезвычайной ударной силой»...

Синклер выругался, склонился над разостланной картой и, стиснув зубы, пробормотал:

— Черт бы их всех побрал!

Гретта не выдержала и взорвалась:

— Прогнившие Боги! Мы на полпути к Веспе с двумя тысячами людей, и у нас не будет транспорта?

Поднялась ругань, перемежаемая проклятиями и недоуменными вопросами.

Синклер поднял руку:

— Ребята, спокойней. Мне нужно подумать.— Глубоко вздохнув, он несколько раз согнул и разогнул руки, чтобы снять напряжение.

Все умолкли, выжидательно глядя на Синклера.

Он медленно опустился в потертое кресло, стоявшее перед столом:

— Итак, серьезная игра началась.

Бросив взгляд на топографическую карту, он, нахмурив брови, внимательно вгляделся в затейливый узор цветных линий и пятен. Синклер рассчитывал расстояние до Веспы. Она находилась в центре горной области. Поля и сады наполняли долины между

горными цепями, взбираясь довольно высоко по склонам. Напрямик пройти невозможно. Идти в обход непреодолимых препятствий — долго. Пеший переход займет немыслимо много времени. А транспорт у них просто-напросто отняли. Это, конечно, неспроста. Значит, выхода нет. «Пока нет,— подумал Синклер.— Пока нет, но найти его нужно. И я найду».

Макрудер осторожно кашлянул:

— Еще одно,— сказал он, продолжая стоять в дверях,— мы застряли. Мы тут, как куры на насесте. Этой долины хватит фермерам, чтобы прокормиться, но тут абсолютно неподходящее место для ведения военных действий.

Синклер нажал кнопку на мониторе.

Откликнулся Кэп:

— Двое занимаются определением на постой, Первый. Все спокойно, но скука заедает. Что слышно о транспорте? Что сказать ребятам?

Синклер ответил:

— Скажи им, что задержимся на несколько дней. Произведи разведку и выстави орудия вокруг. Между делом организуй продовольствие. Составь группы — из каждого отделения по одному человеку. Пусть настреляют дикой живности и всего, что может быть съедено.

— Когда мы будем выбираться отсюда?— спросил Эймз, голос его был очень мрачным.

— Как только я продумаю наш путь. Скажи всем, чтобы готовились: я выжму из них все соки. И первого ведущего и замыкающего предупреди!

— Да, сэр. Будет сделано.— Кэп отключился.

Синклер повернулся к карте.

— Нам нужно идти. Это займет около трех недель. Длинную колонну легче разбить на партии. Но чем мы будем их кормить? Деревня не настолько богата!

Макрудер шагнул вперед, беспокойство плескалось в его темно-голубых глазах, он нервно скреб пальцами в заросшем затылке.

— Я мог бы отогнать орудия транспортом. Если, гм, предположить, что нам дадут транспорт. Бластерные пушки — это хорошая помощь.

— Но тебя разнесут на куски,— печально сказал Синклер, вертя в пальцах стилус.— Нет, Мак, все это было задумано и подготовлено заранее.

Глаза Гретты вспыхнули, когда она начала говорить, но голос был мертвенно ровным:

— Ты имеешь в виду, что сделали все это специально?

— Разумеется,— Синк ткнул стилусом в подбородок, переводя взгляд с одного лица на другое, его мысли метались, просчитывая все возможности.

— Тупость!— вспыхнул Мак.— Какая польза будет империи, если нашу дивизию уничтожат? Это абсурдно!

— Да, это вопрос,— согласился Синклер, с трудом удерживая

растущий гнев.— Сначала позволить спасти дивизию и опять отдать на заклание, позволяя тарганцам одержать психологическую и политическую победу. Империя будет отброшена назад, и все это вызовет рост стоимости жизни и всего остального.

— Кто выиграет во всем этом?— Гретта, встав позади него, обняла и начала массировать ему плечи.

— Я не совсем уверен,— Синклер поднял руку, требуя внимания. Улыбка его перешла в хмурую гримасу, и он добавил:— То, что мы наблюдаем здесь, — это лишь малая часть общей картины. Нет, наш выбор — это не тактический террор. Где-то, похоже, что на Реге, оборона империи выиграет что-то или будет разрушена. Кто это придумал? Майкрофт? Я так не думаю. Он не хотел отправлять меня на эту позицию.

Кусочки мозаики стали на свои места, и ясно вырисовалась цельная картина. Глаза Синклера вспыхнули:

— Ну, конечно же!

— Что?— поинтересовалась Гретта, наклоняясь, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Вот зачем они выбрали именно меня.— Синклер горько рассмеялся и хлопнул ладонью по колену.— Я — агнец на заклание! Подходящая жертва! Поставить неопытную дивизию, во главе с зеленым командиром, позволить тарганцам разнести ее в пух и прах, лишив еды, поддержки, веры. И в конце концов никто не будет виноват, никому не будет стыдно от потери целой дивизии. Мы — пушечное мясо в этой политической игре.

Мак пожевал губами:

— Прогнившие Боги! За что мы сражаемся? Почему бы им не пустить в расход своих людей? Мы же граждане империи! Что говорить о риторике, когда они брали Майку, Рипариос и все остальные? К чему эти речи про закон и права человека и этическую ответственность?

— Пропаганда,— заключила Гретта,— подумай, Тибальт построил империю для собственных нужд и в доказательство своей силы. Ему мешают только сеззанцы.

— Есть еще один фактор в межзвездной политике,— заметил Синклер, потирая пальцы.

— Какой же?— Гретта присела на угол стола, глаза ее были мягкими, когда она смотрела на него. Длинные коричневые волосы волной обрамляли ее лицо.

— Компаньоны,— Синклер проткнул карту стилусом.— Сколько войн Рега провела без Стаффы кар Терма и его людей, которые выполняли основную работу?— Он поднял брови.— За последние сорок лет ни одной. Откуда, вы думаете, исходят эти ослиные правила,— от командования, спрятавшегося в тылу. Дивизионный штат подбирался сугубо по политическим мотивам. В конечном итоге завоеваны десять-пятнадцать планет, и все руками Компаньонов — отнюдь не реганцами. Мы просто расчищаем территорию и служим обороне.

— А сейчас Сезза консолидировала свои силы,— Макрудер поднес большой палец ко рту и покусал ноготь:— Если Звездный

Палач примет сторону Сеззы, то что будет с нами? Я имею в виду с Регой?

Синклер недоуменно пожал плечами:

— Я не знаю. Никто в Министерстве обороны понятия не имеет о тактике или о войне. План игры всегда разрабатывался Звездным Палачом, народ только наблюдает за происходящим, в то время как боссы пожинают лавры, получают награды после успешного завершения войны.

— Истекающие гноем Боги,— ошарашенно прошептала Гретта,— мы беззащитны, как овечки!

— Отвратительная аналогия. Подумай о нас — о Реге — в настоящее время. У нас достаточно ветеранов. Но их нет с нами. Это существенно, правда?— мрачно нахмурился Синклер.— Всего две зеленые дивизии на этой планете? Почему сюда не послали опытных солдат, прошедших войну на Майке, Рипариосе, Этарии и Аштане? Нет, все это очень похоже на диверсию или саботаж, либо на ловушку, одно из-трех. Почему Звездный Палач не предпринял ничего против Тарги? Либо он работает на Сеззу, либо... может, эта война не входит в его интересы? Или это уловка, чтобы убаюкать, отвлечь от Реги? Дезинформация может оказаться грозным оружием.

Брови Синклера опустились, невеселая улыбка промелькнула, зло искривив обветренные губы.

— Итак, если дивизия будет уничтожена, то тарганцы смогут организоваться. Те, которые еще колеблются, непременно присоединятся к бунтовщикам. У Стаффы появится причина заключить контракт. И он подпишет договор с Регой, если будет спровоцирована конфронтация с Сеззой. Или сеззанцы нападут совершенно неожиданно.

— Но, если Компаньоны уже подписали контракт с Сеззой?— вдруг спросил Макрудер.

Синклер заерзал на стуле и сказал:

— Тогда эту войну можно считать оконченной. Одно из двух: либо Тибальт затеял какую-то игру с вероломными целями, либо ветераны все-таки находятся на этой планете, готовые сокрушить восставших,— он помолчал, погруженный в свои мысли.— Рега может уничтожить источники еды трехдневными бомбардировками с воздуха. Нет еды — нет революции. Очень просто. Срабатывало всегда.

— Но на орбите только разведывательные корабли,— напомнила Гретта.

— Если Стаффа в сговоре с сеззанцами,— ответил Синклер,— тогда вспыхнет милитаристский психоз и паника, начнется безумная мушттра, и неизвестный третий сержант Первой дивизии вылетит у всех из головы.

Макрудер испустил глубокий вздох:

— И все это привело нас в эту забытую Богом дыру. Синклер, лично меня не зацепили тарганцы. Все, чего они добивались — это убрать нас подальше отсюда. Имперская политика? На какой черт нам соваться в нее?— он вздохнул и закрыл глаза.— Прогнившие

Боги! Как нам отплатить этому министру обороны, черт, даже самому императору за все то, что они сделали?— Макрудер заметался, сжимая и разжимая, кулаки, беспокойство и тревога светились в его глазах.

— Первый Мак,— мягко прозвучал голос Синклера,— расслабься. Это приказ. Чтобы отплатить, необходимо все тщательно продумать.— Он сцепил пальцы и подмигнул Гретте:— Лучший способ защиты — это разрушить все их планы уничтожения Первой тарганской дивизии.

— И что ты собираешься делать?— Гретта взяла его за руку.

Для начала выбраться отсюда. Потом захватить Веспу, и, в-третьих, выиграть войну.— А потом мы поговорим с теми, кто послал нас сюда на верную смерть!

— Мое отделение не умеет летать без аэрокара или десантного судна,— сухо отрезал Макрудер, скрестив руки на груди.

— И все остальные тоже,— Синклер уставился на карту.— В пятнадцати кликах отсюда находится шахта Декер лаки мэк Айн.— В его глазах заплясали чертики:— Пророчески звучит? Эта шахта нас спасет.

Макрудер нахмурился:

— Как это шахта в пятнадцати кликах к северу спасет от гибели Первую тарганскую дивизию?

— У нас осталось три ротных транспорта для штатного назначения, правильно?

— Да, — кивнул Мак с подозрением.

— И еще мы приспособим пять грузовых автомобилей-траков,— Синклер оперся подбородком на ладони.— Ты сможешь сегодня к вечеру второе отделение доставить в шахту? Погрузи их в машины и грузовики и отправляйся. Если возникнет необходимость, вступай в бой, но прорвись туда обязательно!

— Ты что, хочешь, чтоб я занялся разработкой руды, выплавкой металла и потом постройкой десантных судов?— поразился Мак.

Синклер мягко улыбнулся:

— Ты просто доставь туда людей. Я думаю, что там отыщутся гусеничные кары, которые смогут разом перевезти триста человек. Нам останется только найти горючее.

— Синклер, ты снова становишься спасителем людей!— Мак испустил победный вопль и побежал собирать свое третье отделение.

Синклер пребывал в задумчивости, когда теплая ладонь Гретты нежно погладила его шею.

— На минутку мне показалось, что все пропало.

— На минутку? Может, у тебя еще есть сомнения?

— Лучше всего попытаться дышать в вакууме, разве нет?

Он набрал полные легкие воздуха и с шумом выпустил:

— Да, я тоже так думаю. Но пока мы здесь, нас не смогут взять тарганцы.— Он встал.— Пойдем, проверим людей.

Это стало ежевечерним ритуалом. Они прошли мимо зданий, охраняемых разными отделениями. По периметру разнесся окрик часового:

— Кто идет?

Синклер и Гретта шли рука в руке, внезапный свет ударил им в глаза. У охранников вытянулись лица:

— О, простите, сэр.

— Вы действовали верно,— улыбнулся Синклер, но надеюсь, вас кто-то прикрывает?

— Конечно, сэр,— спокойно произнес охранник.— Фипс и Ангелина держат вас на прицеле. Они там, в кустах, все, как вы учили нас на маневрах, сэр.

— Синклер через ИР-визор внимательно оглядел кустарник и заметил двух фланговых. Он с удовлетворением кивнул и похлопал солдата по плечу:

— Отлично сработано. Мои поздравления вам и вашему отделению. Передайте Хоувзу, что я рекомендую вас наградить. Если у нас все такие, как вы, то мы непобедимы.

Солдат выпрямился, выпятив от гордости грудь:

— Благодарю, сэр. Мы вас не подведем!

— Они готовы ради тебя на все, Синк,— сказала ему Гретта, когда они отошли:— Раньше я бы никогда этому не поверила. Ты творишь чудеса.

— Так получилось,— он пожал плечами.— Учитывая данные обстоятельства, нам следует использовать все преимущества.

— Какие же?

— Мы — десантная дивизия,— он крепко обнял ее.— Двести вооруженных мужчин и женщин. Я полагаю, что мы захватим Веспу и будем действовать не хуже Компаньонов.

— Ты все это пытался мне рассказать, когда мы проводили маневры на Каспе. Я считала всегда, что ты просто подымаешь мой дух,— она взяла его ладонь:— Я люблю тебя, Синклер.

— Ты вообразила, что я сошел с ума, когда рисковал четвертым отделением, посланным для прикрытия пяти рядовых, застрявших на гребне горы, в то время как тарганцы напали на нас,— с легкой улыбкой напомнил он.

— То, что ты спас этих людей, покорило все четвертое отделение. Теперь они пойдут за тебя в огонь и в воду,— она рассматривала его сквозь Ир-визор задумчивыми глазами.— И что ты думаешь обо всем?

Он остановился, вдохнул свежий воздух и, обняв ее, сказал:

— Это симптомы века. Тибальт создал рекламную армию. Еще в начале имперского периода, около ста пятидесяти лет назад, армии были обучены для захвата планет, были способны молниеносно ломать любое сопротивление. Можно назвать это шоковой войной. Враг был безлик, и единственной задачей солдат было победить свой страх, выскочить из десантного судна с бластером и расстреливать все живое, все что двигалось. Если он оставался в живых, то возвращался домой и расслаблялся до следующего раза.

— Но это подходит только тогда, когда ты завоевываешь миры,— сказала Гретта.— Так поступает Звездный Палач, разве нет?

— Не совсем. В его обязанности входит обнаруживать слабые места в системе защиты. Его репутация — тоже важное обстоятельство, которое помогает ему. И еще одна особенность — его люди горой стоят за него. Они преданы ему полностью. Компаньоны руководствуются законом чести и исполняют обязательство друг перед другом.— Синклер поцеловал ее и добавил:— И им никогда не приходилось обороняться.

— Нам приходилось.

— Я сделаю все, чтобы этого больше не повторилось,— сказал Синклер, когда они спускались вдоль ручья. Раскидистые деревья возвышались над высокой сочной травой.

— Кто идет? Пароль?— перед ними вырос солдат с бластером наготове.

— Будь я врагом, которого ты подпустил так близко, ты был бы уже мертвым,— голос Синклера скрежетал металлом. Плечи солдата поникли от стыда:— Не подпускай никого ближе пяти футов, чтобы тебя не могли убить голыми руками.

— Но я... я не думал...

— Конечно, ты не думал,— с жаром произнес Синклер.— Как я могу сохранить вам жизнь, если вы действуете, как последние глупцы, не думая. Я хочу видеть вас живыми и здоровыми. Ты здесь один?

— Н-н-е-т, сэр, Лика там наверху,— он показал рукой в темноту.

Синклер сканировал темноту:

— Где?

— На вершине холма, сэр.

— А если бы я сейчас тебя убил,— медленно произнес Синклер,— то этот участок остался бы открытым, ведь так? Сколько погибнет людей из вашего и другого отделения, если вы будете действовать так бестолково?

— Сержат Первый Таффт сказал мне, чтоб я не волновался. Что меня учили не думать, а только стрелять, сэр.— Солдат нервно поежился.— Капрал Майз считает, что пять охранников на периметр — это очень мало для такой местности. Я согласился, но сержант приказал нам...

— У капрала Майз есть чувство ответственности,— пробормотал Синклер, уходя в темноту.— Это последний пустяк.

Они нашли Майз и ее группу, окопавшихся на вершине холма:

— Где первый сержант Таффт?

— Внизу, сэр. У подножия холма,— Майз вскочила на ноги, салютуя.

— А почему вы здесь, когда вся группа внизу?— спросил Синклер, внимательно ее рассматривая.

Женщина заколебалась, переводя взгляд с него на Гретту, ее лицо напряглось, что было ясно видно в Ир-визоре.

— Потому что вы нас так научили на лекциях по использованию местности, сэр. Если караул уничтожат, мы сможем держаться на вершине, прикрывая остальных.

— Кажется, я понял, капрал. Составь мне компанию,— в нем

кипел гнев. Синклер прошел сквозь ряд шмыгающих носами солдат и толчком разбудил сержанта Таффта.

Тот спросонья завопил:

— Кто, черт... Чего вы, черт побери, толкаетесь?— Таффт поправил шлем и через ИР-визор встретился с взглядом Синклера.

— О, простите, сэр.

Синклер вскипел:

— Проклятье, ты оставил охрану без прикрытия! Вся тарганская армия может пройти через такой караул, и ты подохнешь, пока будешь натягивать свой шлем,— от злости он хлопнул себя по бедрам:

— Майз!

— Сэр!— капрал отдала салют.

— Принимайте командование седьмым отделением немедленно и усильте охрану периметра, чтобы наших людей не перерезали в мгновение ока. Таффт, переходишь в подчинение капралу получаешь звание третьего капрала, и посмотрим, может, чему-нибудь научишься.

Седьмое отделение сидело поголовно остолбеневшее. Синклер обратился к ним:

— Я же повторял вам всем без конца. Моя задача предотвратить тот вред, который может нанести тарганская оппозиция. Моя вторая цель — видеть вас живыми и невредимыми, возвращающимися домой к вашим семьям. Ни я, ни империя не выиграем, если вы умрете, за неподчинение я буду наказывать. Все, о чем я вам говорю, этого нет в учебнике. Я ненавижу беспробудную тупость. Таффт, а ты счастливчик. Мне надо было расстрелять тебя. Докажи мне и этим людям, что ты не такой уж плохой. И если кто-нибудь лучше Майз сможет руководить отделением,— пожалуйста, я поддержу.

Гретта шла рядом с ним, пока он обходил периметр. Сзади раздавался голос Майз, отдающей приказы.

— Следовало все это сделать еще неделю назад,— пробормотал Синклер.

— Я тебе говорила,— толкнула его в бок Гретта.— Таффт не выглядит последним идиотом. Может, он затеял свою игру?

— Это на него непохоже. Майз потерпит еще недельку и предложит кого-нибудь другого на пост капрала.

— Я поддержу ее,— он глубоко вздохнул. Проклятье, почему плохое происходит все сразу?

— Пойдем, нам надо отдохнуть. Не знаю, когда нам еще удастся поспать.

— Синк?— сквозь стену палатки донесся возглас. Синклер тупо заморгал и сел, встретив широко распахнутые глаза Гретты,— она протягивала руку за винчестером.

— Да, Кэп,— он поспешно натянул шлем, наслаждаясь видом обнаженной Гретты, пока она натягивала комбинезон. Так надоело спать в форме все эти дни.

Синклер поднял полог и выскользнул наружу, увидя Кэпа, указывающего в северном направлении, где длинный шлейф серо-

желтой пыли подымался до самого неба. Откуда он тянулся, не было, видно, мешала поросшая деревьями невысокая горная цепь.

— Это из шахты,— предположил Синклер.— Прошлой ночью ничего не было слышно в округе?

— Группа А Эймза поймала кучку местных, они вооружались в конюшне. Капрал принял близко к сердцу ваш приказ и напугал их так, что они описались. Поставил парочку к стенке и долго рассуждал на тему, что выгоднее империи: они или их трупы. Потом отослал домой, счастливых до изнеможения. И они отправились, прославляя имя Синклера Фиста.

Синк обратил внимание на две бегущие группы по направлению к дороге.

— Они догадываются, кто будет в конвое?

— Да. Ты заставил их понервничать, и они уже не делают никаких попыток.

Синклер кивнул краснолицему сержанту, и машины десятиметровой высоты двинулись вперед. В каждой машине ярко-желтого цвета с маркировкой Декеровской Шахтерской компании сидели солдаты, вооруженные винчестерами и бластерами.

Одна остановилась, подъехав к Синклеру, дверь кабины открылась, и Макрудер выскочил из нее. За ним вылезли двое в гражданской одежде.

— Миссия завершена, Синк!— доложил Мак, хлопая по огромным рубчатым колеса́м:— Достал двенадцать таких малюток!

Со стороны периметра двигались чуть меньшего размера траки и аэрокары.

— Кто это?— Синклер повернулся к шахтеру, который быстро сглатывал, пытаясь подавить икоту.

— Водитель,— ответил Мак.— Я не уверен, что достаточно попрыгать внутрь и поехать. Это нужно уметь.

Синклер посмотрел на мужчину и протянул ему руку:

— Рад познакомиться. Я Синклер Фист, Первая тарганская дивизия, дивизионный.

— Наймз, сэр. Я тоже очень рад,— невнятно проговорил мужчина. Он опять сглотнул, проведя языком по сухим губа́м:— Вы собираетесь нас сейчас убить?

У Синклера напряглись лицевые мускулы́:

— Мак? О чем говорит этот человек?

— Ух, это ему так наговорили,— Макрудер скрестил на груди руки, лицо его сделалось ласковым.

— Наймз,— Синклер вопросительно поднял брови́:— Сколько Декер платит вам за то, что вы водите эту машину?

Человек удивился:

— Сколько? Десять имперских кредитов в день.

— Император предлагает вам двадцать плюс дополнительный отпуск и премия за вредную работу.

— Уф, двадцать, вы говорите? И премия? И дополнительный отпуск?

— Мак?— Синклер опять поднял брови́:— Мы когда-нибудь лгали?

— Сэр, это звучит невероятно.

— А я думал, что ваши ребята...— шахтер скривил губы и нахмурился.— Тут такие истории рассказывают про вас, что мы думали, вы убиваете без суда и разговоров.

— Это пропаганда бунтовщиков. Поговори сам с другими. Если тебе что-то не понравится, то просто научи нас управлять этой махиной и потом можешь отправляться домой. Мы тебе заплатим за все время, что ты будешь нас обучать.

Большинство водителей осталось. Они сидели за рулем машин, когда три дня спустя Первая тарганская десантная дивизия вошла в Веспу.

Сражение началось в ту же ночь, и дивизия выиграла его.

Айли Такка получила от курьера дипломатическую почту и улыбнулась в знак благодарности. У Капстана, директора отдела внутренней безопасности на Этарии, был роскошный офис, занимающий половину верхнего этажа здания безопасности. У него была личная ванна-люкс, в которую вела дверь, украшенная узорами. Деревянные панели чередовались с красным пластиком. Рабочий стол Капстана представлял собой громадное сооружение, возвышавшееся в центре огромной комнаты. Он был тесно заставлен комм-терминалами, средствами связи и передвижными визорами.

Айли проследила, как специальный курьер прошел по плюшевому красному ковру и закрыл тяжелую дверь за собой. Она вскрыла почту, просмотрела химически закодированное послание, и, удовлетворенно кивнув, вынула маленькую кассету. Если бы кто-то посторонний попробовал вскрыть кассету, пленка моментально засвечивалась, и послание автоматически уничтожалось.

Айли наклонилась над столом, вставила катушку в визор и нажала кнопку. На мониторе появился Тибальт, Седьмой император. Его черная кожа матово блестела в ярком свете.

— Дражайшая Айли,— начал Тибальт.— Я должен сказать, что твое продолжительное отсутствие заставляет меня печалиться. Как ты была права! Мне совершенно не с кем поговорить,— он тяжко вздохнул.— И как я скучаю по тебе в постели,— он махнул рукой.— Ладно. Перейдем к делу. Мы сделали все, как ты предлагала. У нас есть на примете человек, который нанесет сокрушительный удар Тарге.

Тарганцы сыграли тебе на руку, убрав Аткина... и Капитола!— его глаза сверкнули,— Майкрофт и министр обороны — оба возражали, рыча от недовольства, когда я предложил им человека со стороны. Выбранный парень — бывший третий сержант Синклер Фист. Он одержал блестящие победы в горах и стал чрезвычайно популярным в Первой десантной тарганской дивизии. От министра обороны он получил приказ выступить против бунтовщиков.— Тибальт подпер голову рукой и нахмурился:— Теперь самое смешное о Фисте. Он воевал вместе со своими солдатами, идя впереди них. Ты же знаешь, это против всяких правил,— Тибальт покачал головой,— впрочем, если человека приносят в жертву, то

его действия не имеют никакого значения. Я объяснил суть дела министру обороны, и он немедленно успокоился, узнав, что все будет согласно военным традициям и протоколу. Следует добавить, что этот аспект ведения войны пройдет достаточно успешно. Мы предложили юного Фиста, и представь себе, солдаты охотно называют его Первым... О чем это я? О, да. Мы предложили ему нашу полную поддержку, особенно когда он натаскивал своих людей. Чему, ты полагаешь, учил их этот молодой человек? Не знаю, о чем он думал... Но я несколько отвлекся. Он потерпит поражение в ближайшие пять недель потому, что мы дали ему невыполнимое задание — захватить Веспу, заполненную восставшими. Они разорвут его на мелкие куски, разнесут вдребезги. Он приведет Первую дивизию к краху и уничтожению. Отлично!

Тибальт улыбнулся, и изображение замигало. Он посмотрел вверх.

— Ну, это ладно. Сеззанские шпионы заполнили все. Они с сумасшедшим рвением рыщут в поисках Стаффы. Ты его еще не нашла? Пожалуйста, найди его и возвращайся. Мне очень плохо без тебя.

Изображение погасло.

Айли наклонилась и нажала кнопку на столе директора:

— Капстан! Немедленно доставь свою тушу ко мне!

Директор протиснулся в дверь, уродливая фигура в форменной черной робе. Его лицо с мелкими чертами было бледным от ужаса.

— Хорошие новости от императора, я надеюсь?

Она изучала его сузившимися глазами, будто разглядывала какое-то невиданное насекомое. Директор оцепенел и клацнул зубами.

— Нет, Капстан. Это не то, на что ты надеешься,— она заметила, как он дернулся от ее слов, и продолжила:— Я зря провела здесь отвратительную неделю. Неужели твои люди настолько некомпетентны, что не могут найти одного человека?— она хлопнула по столешнице и вскочила на ноги.

— Но сколько возможностей,— он всплеснул ручками,— только представьте себе, сколько опросов...

— Я покончу с твоими низкими оправданиями!— прошипела она.— Твоим агентам следует работать более эффективно, у тебя же есть досье на каждого, кто приземляется на эту дурацкую планету! Сюда прибыла Скайла Лима, расспрашивала пилота курьерского судна, взошла на шаттл и, черт бы тебя побрал, исчезла!— Айли заскрипела зубами от, злости, желваки ходили ходуном.— Что мне прикажешь думать о директоре внутренней безопасности, который не может проследить за объектом на планете, когда он знает конкретно, за кем нужно следить?

Она прикрыла глаза. Губы Капстана дрожали от страха, который он не мог побороть. Он смотрел вниз на свои ботинки, избегая ее взгляда, и, наконец, сдался:

— Ответственный человек уже наказан за...

— Только наказание? И это говорит мне директор?

Он побледнел и оцепенел.

Айли по-садистски наслаждалась его смятением. Сколько сильных мужчин трепетали перед Капстаном, сколько трусили от его тяжелого взгляда! Скольких он сломал, оставив жалкие лохмотья вместо человека! А вот теперь он, всемогущий, готов провалиться сквозь землю, дрожит мелкой дрожью.

— В затянувшейся тишине раздался стук в дверь — с опаской в кабинет заглянул заместитель директора Тиклат:

— Прошу прощения, директор?— тихонько позвал он, явно нервничая, что можно было прочесть на его длинном черном лице.— Думаю, я нашел объект.

Айли повернулась, ее брови в удивлении приподнялись:

— Где?

Тиклат вошел и положил на стол бумагу:

— Это пришло ко мне прошлой ночью... О, почти утром. Я включил систему комма на поиск.

— Я все это сделал еще раньше,— буркнул Капстан,— если бы было хоть какое-нибудь упоминание о Стаффе, это...

— Заткнись!— приказала Айли, черные глаза сверлили Тиклата, и голос сорвался на крик:— Рассказывай.— Она склонилась, увидя внезапное волнение, отразившееся в его глазах. «Хороший человек, он серьезно и ответственно относится к своей работе»,— мелькнуло у нее.

— Хорошо, я, уф, то есть директор, просматривал реестры. Я расширил диапазон поиска до любого упоминания Звездного Палача, Стаффы, Компаньонов или Итре аты.

— И ты нашел...— сказала она, откинув за спину длинные черные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Капстан стал от нетерпения переминаться с ноги на ногу.

— Я нашел упоминание о сумасшедшем, который называл себя Стаффой кар Терма,— сказал Тиклат.— Это была запись судебного заседания. Его обвиняли в разбойном нападении и убийстве. Судья приговорил его к тюремному заключению с общественными работами.

— Прогнившие Боги! Стаффа... в ошейнике?— она сухо рассмеялась. Потом хлопнула в ладоши, задумчиво проведя языком по губам.

— Из этой ситуации можно многое извлечь, если я встречусь с ним.— Доставьте меня к нему. Думаю, он в городе?

— Он...— заикнулся Тиклат.

— Доставить вас к нему? Всеми доступными средствами, министр. Капстан улыбнулся, отстраняя Тиклата и беря ее за руку.— Я же вам говорил, что мы работаем быстро и очень компетентно.

Она замерла, от нее повеяло холодом, ее глаза сверкали, когда она глянула в его внезапно побелевшее лицо:

— Уберите руки прочь.

— Прошу прощения, министр. Я не думал...

— Да, похоже, вы редко думаете.

— Простите меня,— сказал Тиклат, склонив голову и направляясь к выходу.

— Стойте!—приказала Айли, и молодой человек остановился. Его взгляд беспокойно метался между Айли и директором. — Офицер Тиклат. Вы только что продемонстрировали эффективность и дедуктивные способности. Я чувствую, что вы провели большую часть работы в этом поиске. Верно?

Он встретился с ее взглядом, и она смогла прочесть в них правду. «Очень хорошо, его следует повысить в звании».

— Моей властью. Тиклат, я ставлю вас во главе этарианской службы внутренней безопасности. Приступайте немедленно к вашим обязанностям.

Рот Капстана приоткрылся:

— Но меня назначил сам император! Вы не можете...— он поперхнулся от негодования.

Пистолет Айли выстрелил почти бесшумно два раза. Капстан с расширенными от ужаса глазами медленно сполз на толстый ковер. Айли спокойно повесила пистолет на ремень и повернулась к Тиклату:

— Я верю, что у вас будет время очистить ваш офис. Но это чуть позже. Так, а сейчас доставьте меня к Стаффе кар Терма.

— Да, министр Такка,— он поклонился ей. «Вот еще один мой человек в империи»,— подумала она.

Машина ждала ее у входа. Она протянула ему руку и была приятно удивлена, что он, не колеблясь, подал ей свою.

— Тиклат, ситуация в империи изменилась коренным образом. Ты в курсе?

Он холодно и оценивающе смотрел на нее:

— Полагаю, вы имеете в виду надвигающиеся военные действия с Сеззой?

— Да, именно это,— она осторожно рассматривала его, тряхнув волосами.— Могут возникнуть непредвиденные политические осложнения. Скажи мне, в какую сторону ты повернешь?

Он кивнул, матовая черная кожа блеснула в ярком солнечном свете:

— Мне кажется, я вас понимаю, министр. И должным образом ценю ваше отношение.

— Ты очень осторожен, Тиклат,— она пожала его руку.

Его лицо оставалось бесстрастным, но она заметила притаившуюся в глубине глаз улыбку триумфа.

— Можешь называть меня Айли. Это я позволяю только тем, кому доверяю. Тебе надо будет открыть два канала, один официальный — но не беспокойся. Тибальт тебя поддержит,— и один частный. Второй будет только для нас — для тебя и меня. Связь может быть нерегулярной. Так что приготовься.

— Я понимаю. Постараюсь, не огорчать вас.— В его голосе звучал невысказанный вопрос.

— Она рассмеялась, угадав его интерес:

— Ты — мой тип мужчины. Думаю, что нам будет очень неплохо вместе. Я щедро награждаю преданных мне людей.

Машина приземлилась у входа в тюрьму. Караульный

встретил их приветствием, оттолкнув одетую в коричневую робу этарианскую проститутку, с которой до этого вел беседу. Женщина отошла на несколько шагов и оперлась о стену, ее лицо скрывал плотный шарф.

— Кто этот Стаффа?— спросил охранник, провожая взглядом женщину, которая, отделившись от стены, медленно побрела прочь.

Тиклат проговорил:

— Регистрационный номер 764900. Я связывался с начальством, и мне доложили, что он уже машет киркой.

Караульный набрал код:

— Работа в пустыне. Он прокладывает трубопровод для воды.— Охранник пожал плечами.— Вообще-то заказчик хочет слишком высокую плату, а мы можем сделать это дешевле, с помощью рабов. И кроме того, тюрьмы переполнены — недавно прибыла новая партия заключенных с Майки.

Айли спиной чувствовала взгляд этарианской женщины, остановившейся неподалеку, когда Тиклат вел ее под руку к машине.

Айли оглянулась на закутанную женщину, и в ее памяти всплыли последние слова охранника: «Неплохо бы освободиться от излишков? Но Лорд Командующий не входит в мое определение излишков».

Аэрокар легко взмыл вверх, и Айли откинулась в кресле. Она вздохнула, проговорив тихонько:

— Очень хорошо, если мы найдем Стаффу, но все-таки, где же его подполковник авиации?

Тиклат провел пальцем по своему прямому носу, глаза его были гораздо темнее, чем ее, освещенные легкой тайной:

— На данной стадии я еще не определился. Если быть честным, то я в первую очередь искал Лорда Командующего. Он обвел нас вокруг пальца потому, что мы искали в неверных местах и по неверным признакам,— его задумчивость перешла в хмурое выражение.— Может нам следует поступить таким же образом в поисках подполковника авиации — только основываясь на других предположениях.

Айли скривилась, когда они пролетали над городом. В какое жуткое место превратился Этарус по сравнению с тем, каким был раньше. Благодаря своим храмам он был туристским городом с прямыми оживленными улицами, живя только на доходы, получаемые от приезжих, посещающих храмы, любующихся и пользующихся жрицами. И тогда же верующие прибывали за советами к священникам. Мелкие предприятия изготавливали сувениры, сдавалось внаем жилье. Торговали пряностями, специями, изготавливали поделки из камней и драгоценные геммы.

— У нас мало сведений о Скайле Лима,— решила Айли. Ее осенила другая идея:— Если мы будем говорить со Стаффой, я бы не хотела, чтобы он узнал, что подполковник авиации где-то здесь. У нас будут большие преимущества, если он не будет этого знать.

— Понимаю.

— Хорошо,— Айли сделала паузу, бросив взгляд на Тиклата,— ты знаешь, она очень красивая женщина.

— Я видел ее голографическое изображение,— Тиклат сложил пальцы вместе.

— Поверь мне, оно не отражает ее действительной красоты,— только сейчас Айли почувствовала, как ее обжигает сухой воздух. Во рту пересохло.— Есть что-нибудь выпить?

Он протянул ей фляжку, которую достал из-под сиденья.

Освежившись, Айли развила эту мысль дальше:

— Когда ты ее найдешь, помни, что она воин, обладающий особыми талантами. Если бы она просто вертела хвостом, она бы не стала подполковником авиации. Она чрезвычайно опасна и, вполне возможно, сможет победить тебя в рукопашной схватке.

Тиклат сморщился:

— Мы применим дубинки и быстренько нацепим на нее ошейник.

— И даже после этого, Тиклат, нужно быть с ней очень осторожным. Я хочу, чтобы каждое слово, произнесенное ею, было под нашим контролем,— она села поудобнее. Как далеко зайдут ее отношения со Стаффой? — Конечно, если будет доказано, что мы не нуждаемся в бесценном подполковнике авиации, ты можешь оставить ее себе. Как я уже говорила, она бесподобно хороша, а я всегда награждаю своих людей.

Его улыбка ширилась:

— С ошейником она будет безопасна, как котенок.

Айли позволила себе улыбнуться. Наконец-то все идет довольно неплохо. Она могла себя поздравить, ощущая прилив уверенности. Они пролетали над пустынными песками, прочерченными извилистой линией. Когда они сели, линия превратилась в канаву, в которую вгрызались грохочущие траншеекопатели.

Ее удивил смерч пыли, поднявшийся, когда их аэрокар сел. Она видела испытующие глаза Тиклата, остановившиеся на ее лице.

— Ваша обувь, Айли. Вам нужно ее сменить. Это такое место, которое мы называем Настоящими песками, глубокая пустыня. Ваши длинные тонкие каблуки будут выглядеть здесь по-дурацки. Конечно, босиком невозможно. Температура песка часто подымается до 350° по Кельвину,— он развел руками,— или я понесу вас.

— Она прочла в его глазах любопытство. Не отрывая от него глаз, она сбросила туфли:

— Только после вас, директор.

Он не лгал. Казалось, ее кожу прожигает насквозь, до костей. Она старалась сохранить нейтральное выражение лица и побрела за ним. Каждый шаг обжигал ее нежные ступни. Она почти ничего не видела вокруг. Жара обволокла ее удушающей массой. Проклятые Боги! И они еще тащат трубу в таких условиях? Ее кожа мгновенно высохла, губы потрескались. Горячий ветер, иссушивший ее, терзал и дергал ее длинные волосы. Они подошли к палатке, у входа в которую стоял мужчина, приветствовавший Тиклата. Айли опомнилась, пожимая руку офицера. Она едва расслышала его имя: Англо.

— Мы приехали за рабом,— холодно произнесла Айли, увидя неподдельный интерес в глазах офицера. Проклятье! Он хоть подозревает, кто я? Или он трахает рабынь и так дотрахался, что в каждой женщине видит только кусок мяса для удовлетворения своей похоти? В ней просыпался гнев.

— У нас сегодня короткий день, министр,— Англо идиотски ухмыльнулся, что в его понимании означало учтивость.— Может, я смогу помочь в чем-то...

— Немедленно приведи раба по имени Стаффа!— приказал Тиклат, лицо его окаменело.

— Но у нас здесь нет Стаффы.

Тиклат вытащил карточку с регистрационным номером.

— О,— на лице Англо появилась самодовольная улыбка.— Его. Я думаю, вы немножко опоздали.— Он показал на трубу, засыпанную оползнем из песка. Айли проследила по направлению трубы, исчезающей в громадной куче песка.

— Да,— произнес Англо со вздохом,— Таф был в начале колонны. Мы уже начали раскопки полчаса назад. Нам понадобится целый день, чтобы расчистить все.

— Вы уберете песок немедленно, — ядовитым голосом сказала Айли.— Вы уберете завал сейчас же, если не хотите, чтобы у вас были крупные неприятности.

Англо разинул рот от удивления:

— Послушайте, министр, вы...

— Я так хочу! Тиклат, немедленно доставьте необходимое оборудование! Офицер Англо, спускайтесь вниз и начинайте раскопки! Своими собственными руками, если понадобится!

Глаза Айли обратились на гору песка. Это был шанс — опасный или нет, она еще не знала. На губах появился горький привкус — привкус крушения надежд.

Глубокая чернота окружала Стаффу, она пронизывала его душу. Тишина гремела, нарушаемая только ударами его сердца. Стаффа пошевелился, чтобы проверить, целы ли ноги. В руках трепетало напряженное тело Кайлы. Болезненный страх от нее передался ему, он ощущал горячий запах ее кожи. Крепко обняв Кайлу, он радовался, что не один в этой кромешной тьме,— и его не терзало чувство вины и греха.

— Ты можешь двигать ногами?— спросил он, стараясь, чтобы его голос не дрожал.

Ее мускулы напряглись под гладкой кожей.

— Нет,— потом,— нас похоронило?

— Да.

— Они раскопают нас?

— Может быть,— пробормотал Стаффа.— Зависит от того, сколько нас будут раскапывать... и на сколько нам хватит воздуха.

— Мне кажется, что если убрать песок, то я смогу двигать ногами. Тогда мы сможем разрыть и тебя.

Они молча работали, разгребая песок, засыпавший Кайлу.

Потом раскидали кучу, закрывавшую ступни и бедра Стаффы. Он подтянулся на руках и оказался в центре трубы.

— По крайней мере прохладно,— после паузы Кайла добавила:— Возьми меня за руку.

Он пошарил в темноте и нашел ее пальцы, нежно сжав их.

— Сколько мы сможем продержаться, Таф?

— Примерно четыре часа. А может быть, и шесть. Насколько хватит воздуха — это зависит от размера трубы.

— Мы находимся в толще дюны,— пальцами она сжала его руку.— Мы всего лишь рабы. Машины-канавокопатели далеко отсюда. До завтрашнего утра они вряд ли прибудут.

Она расслабилась, радуясь нежданному отдыху:

— И согласно словам Кори, мы запасемся трусостью перед смертью.

Он слышал ее дыхание:

— Я помню его лекции в университете на Майке. Он был моим профессором, когда я была еще очень юной. Я всегда восхищалась им. И когда я увидела его здесь, это разбило мое сердце.

— Мы можем сэкономить кислород, если помолчим.

Очень быстро холодало, тепло из трубы растворялось в песках.

Она повернулась к нему:

— Я не хочу умирать в тишине.

Стаффа с напряжением вглядывался в адскую темноту, потом прилег:

— Я всегда был один. Кроме одного раза. У меня была женщина. Рабыня, которую я освободил.

— А что с ней случилось, Таф?— она придвинулась ближе, прижимая его руку к себе.

— Ее похитили вместе с моим сыном: нас разлучили— голос был полон печали.

— Ее звали Скайла?

— Нет. Скайла была... моим другом, но...

— Но, что?— И поскольку он молчал, она добавила:— Я думаю, что в таких обстоятельствах ты мне можешь рассказать. Мы вряд ли выберемся отсюда живыми.

— Но я и не подозревал, что так люблю ее,— медленно почти шепотом, как бы самому себе, сказал он с сожалением.— Я никогда не говорил ей об этом. Никогда не позволял себе... выражать восхищение ею. Но с тех пор, как я очутился здесь, многое стало ясным.

— Как она выглядела?— спросила Кайла, положив голову на его плечо.

— Высокая, волосы светло-белые,— он улыбнулся в темноте:— Глаза у нее были невероятно голубые. Она самая красивая женщина во всем Открытом Космосе. В ее манерах несколько тяжеловесный юмор, граничащий с цинизмом, которого я не понимал. Она умная, более жестокая, чем я. А когда она шутит, в глазах загорается дьявольский огонь.

Он покачал головой:

— Ох, Кайла, сколько бы я мог сделать для нее!

Он приобнял ее, прижимая к себе, ощущая тепло ее тела.

— Таф, ты опять спас мне жизнь — или пытался. Зачем?

— Справедливость,— шепнул он, думая о Кори.— Маленькая частица справедливости и, может быть, возмездия. Но лучше всего подойдет искупление.

— Искупление чего?

— Я не...— Стаффа оборвал себя на полуслове. «Нет, не здесь и не сейчас. Не в последние часы жизни. Она нуждается в покое». Помедлив, он заговорил снова:— В течение своей жизни солдата я был ответственным за все те низости и подлости, которые совершал,— и только недавно я стал понимать. Исповедь нужна тем, кто грешил,— он безучастно уставился в темноту,— Кори был прав. Я должен платить за все. На мою долю выпал большой долг. Ты удивлялась моим ночным кошмарам? На моих руках столько крови...: в моем сознании...: я был воплощением зла, монстром, Божьим орудием несправедливости. «И Претора!»

Он прикрыл глаза, и перед ним воскресли образы прошлого, возникшие из самых глубин его памяти,— искалеченные люди, раненые и умирающие. Их ужас просачивался сквозь окружающую черноту. И среди них Стаффа видел самого себя, закованного в ошейник, его грузили в транспорт, чтоб отправить сюда и продать в рабство, чтобы он никогда не увидел свою жену и сына, чтобы жизнь его превратилась в сплошную боль.

Он почувствовал, как она пожала плечами:

— Никто не может брать на себя ответственность за все страдания и несчастья. Это дело Бога. Мы перекладываем вину на него, пока живем. Существование наше коротко и далеко не сладкое. Правителям надоедает одно и то же, и они ищут что-то новенькое — и это часто приводит их к диким безумствам, в которых они находят удовлетворение. Мы с моим мужем боролись с этим, когда правили на Майке. Мы наслаждались короткими мгновениями знаний и искусства и нашей свободой, пока Звездный Палач и император не потопили все в крови.

Стаффа плотно закрыл глаза, радуясь темноте и тому, что не было видно его лица.

— Я могу умереть с гордостью,— сказала она ему.— Я никогда не продавала себя. Когда меня изнасиловали первый раз, я была избита до бесчувствия. Когда я пришла в себя, я отплатила и, смею надеяться, что неплохо. Я облегчила некоторым жизнь, так же, как и Пибэл... и ты.

— Остановись!— прокричал Стаффа, глаза его были зажмурены, стыд и вина обрушились на него бешеным потоком, который он не мог остановить.— Избавь меня от этих излияний.— Он отодвинулся и спрятал лицо в ладонях:— Не стыди меня больше никогда, Кайла!

Ее рука, мозолистая и теплая, опустилась на его плечо:

— Чшшш!— прошептала она.

Он осознал и почувствовал, как она качает головой:

— Люди... Проклятые Боги! Что я несу? Я имею в виду людей, они осуждают сами себя за свои ошибки, когда приходит время их

смерти,— она села, скрестив ноги, прижав к себе его руки.— Ты помнишь сточную канаву в Храме? Я тогда была почти мертва. Еще немного, и я чувствовала, что мне конец. Ты достал тело той девушки и пожалел меня. У тебя есть и прекрасные черты, Таф. Неважно, что ты делал раньше.

Тишина.

— А по правде, зачем ты убил Бротса?

— Из-за того, что он сделал тебе. Потому что я хотел освободить тебя от этого проклятья и вернуть тебе ту силу, которой ты обладала на Майке.

Она провела пальцами по его рукам, пытаясь его понять:

— Спасибо тебе, Таф. Скажи мне, не значит ли это, что ты влюбился в меня?

Он собрал разбегающиеся мысли:

— Да, я влюбился в тебя. Я бы сделал тебя счастливой, если бы прибыл с флотом и разнес этот чертов мир в пыль и прах.

— А твоя Скайла?

— Моя Скайла. Я хотел... сделать ее своей женой. «Почему я не знал всего этого раньше?»— А ты была бы мне другом. Хотел просить тебя о прощении... хотя и невозможно.

Она снова прижала к себе его руки и наклонилась, чтобы поцеловать его легким прикосновением губ.

— Благодарю тебя, Таф. Сейчас нам кажется, что конец близок, поэтому все возможно. Ты останешься моим другом навсегда. Простить тебя? Но за что? Ты для меня всегда был образцом чести, достоинства, храбрости.

«Чести? Достоинства? Храбрости? Господи, если бы только знала!»

Он не посмел оттолкнуть ее, когда она прислонилась к нему. Безмолвный и потрясенный, он безучастно смотрел в темноту.

Спустя несколько минут она спросила:

— Как получилось, что ты стал рабом, Таф?

— Меня ограбили на улице, и мне пришлось убить двух «горожан.» «Сколько же прошло с тех пор?»

— Ты смеешься? Где это произошло?

— Здесь.

Она повернулась, и он ощутил ее взгляд, устремленный на него сквозь темноту.

— Ты прибыл сюда попробовать храмовых блудниц?

Он припомнил свои слова о траханье, которые он хвастливо произносил в послании своим Компаньонам. А если честно? Он остается ее должником. Это ее слегка успокоило:

— Наверное, я бы попробовал.— Перед его глазами всплыл образ девушки, выловленной в сточной канаве.— Но, в основном, моей целью было научиться понимать больше в этой жизни — потом захватить судно и отправиться на Таргу, чтобы найти сына среди седдианских жрецов.

— Ученый в поисках истины и сына? А нашел рабство. Прибыл за ответами, Таф?

— Получается так. И этого было достаточно, чтобы сбить

меня с толку окончательно. Каждый раз, когда я думаю, что наконец-то нашел истину, все переворачивается с ног на голову. Пока я был высокомерным, и у меня было все в порядке, я мог критиковать и выбирать. Теперь, я не знаю, что правильно... что справедливо...— Он издал гневный смешок. — И у меня меньше стало мыслей по поводу, кто я или что я, чем когда я начинал этот путь. Я стал сам не свой.

— А теперь?

— Я безымянный раб — просто сумасшедший с ошейником, похороненный в трубе и гибнущий в центре Этарианской пустыни.

— Все-таки ты умираешь не один.

— Нет,— он бесцельно всматривался в темноту,— нет, если я ничего не предприму, я не умру один.

Они сидели тихо, погруженные в свои мысли. Стаффа полудремал, проваливаясь в сон, и ему снилось...

Они шли, отбросив темноту. Искромсанными призраками они проплывали в отвратительной смерти, крутясь в кроваво-кристаллическом пару. Кто-то вопил до тех пор, пока голоса наполняли их память. Кто-то стоял и смотрел, тупо уставившись, там были и дети с глазами, наполненными страхом. Они ждали смерти, которую он держал в своих руках, губы кривились на их бледных лицах. Женщины, умирая, проклинали его, изнасилованные, истекающие кровью, опозоренные. Кулаки сжимались в проклятьях, проклятья несли их окровавленные взгляды. И откуда-то из неведомых далей за всем этим следила Крисла запавшими желтыми глазами...

Он дернулся и проснулся, часто и тяжело дыша. Воздух становился горьким и тяжелым в их темнице. Прислонившись к стенке трубы спиной, он почувствовал легкие колебания. Он моргнул, чувствуя, как тяжело с каждым вздохом ходит его грудная клетка. Рядом Кайла дышала короткими отрывистыми вздохами. Откуда-то доносилось мягкое поскрипывание песка.

— Кайла, — шепнул он, боясь, что она не услышит.— Кто-то копает.

— Воздух кончается, правда?

Он кивнул. Они ждали в тишине. Его легкие работали на пределе, наполняясь растущей болью,— он задыхался. И видения, одно страшнее другого, всплывали из подсознания. Планеты гибли, люди плакали под его бластерами, а он расстреливал и разносил безжалостным огнем бластера тела их в кровавое месиво. Он видел мать, пытающуюся защитить свою дочь, золотоволосую девочку, видел их обеих, расплывшихся в розовый туман.

Безжалостная смерть настигла и его, касаясь ледяными пальцами его кожи. Призраки скользили вокруг него с песней ликования. Он не мог избавиться от них, их ледяные пальцы крепко держали его.

Он застонал, чувствуя, как они тянут... тянут.... его вниз... вниз.

Бутла зарычал, когда сигнал тревоги разбудил его. Он повернулся к монитору: что за черт будит его в такое время? Он

ответил на вызов. Моргнул несколько раз, растирая лицо толстой ладонью и потирая подбородок, пока на экране проявилось изображение Арты.

— Арта? Благодаренье Богам. Я думал, тебя уже нет,— он затаил дыхание, сердце немилосердно частило:— Где ты?

— Я наблюдаю за ними: они убивают бунтовщиков,— она мотнула головой.— Они должны быть наказаны.

Он пожевал губами и провел языком по губам, глаза его сузились:

— Мы работаем в этом направлении. Послушай, почему ты не возвращаешься домой? Я...

Она медленно покачала головой, в глазах настороженность:

— Я помню, что Седди сделали со мной. Я больше никогда не позволю им издеваться надо мной. Что касается Бруена, я найду его... когда-нибудь.

— Арта, не надо...

— Я знаю, вы готовите новое восстание. Я буду здесь. Я буду рядом. Вам понадобится мое искусство. Я должна убивать, чтобы жить, Бутла. Ты знаешь это. Скажи мне, что я должна делать. Я хорошо обучена, Бутла, ты постарался на славу.

— Арта, давай поговорим об этом...

— Я люблю тебя, Бутла,— продолжала она.— Ты единственный, кто был добр ко мне, ты сам это знаешь. Я всегда буду любить тебя. Но мы никогда не увидимся.

— Да-а,— протянул он, сердце прыгало, как бешеное.

— Бруен приговорил меня убивать тех, кого я люблю,— шепнула она, и экран помертвел.

— Двое — в трубу,— чей-то голос вернул Стаффу к действительности. Он замигал, повернулся и увидел лицо, показавшееся в конце трубы. Свет больно резал его слезящиеся глаза.

Что-то царапало по трубе. Он слышал шум отбрасываемого песка. Кайла подскочила с криком.

— Есть там кто?— сначала раздался голос Англо, потом появился и он сам, лицо его было покрыто потом. Ручной фонарь ослепил Стаффу:— Слава Богу, это ты и живой.

Стаффа, задыхаясь, вытолкнул Кайлу вперед. Мускулы его ныли, напоминая о схватке с Бротсом. Когда он выбрался наружу, его закачало, и пришлось опереться о трубу, его сотрясал кашель. Он беспомощно моргал от яркого солнечного света, еле различая хорошо одетую женщину рядом с водяным краном. Вокруг жужжало, гремело множество механизмов, подымающих столбы белой пыли. Группа людей, покрытых пылью, стояла немного поодаль: он узнал Кори и остальных. Стаффа покачал головой и прикрыл рукой слезящиеся глаза.

— С тобой все в порядке?— он повернулся к Кайле, чтоб отогнать мысли о смерти.

— Голова болит,— она глянула наверх, на Англо, и внезапно гримаса отвращения исказила ее лицо.

Англо счастливо ухмылялся, в его маслянистых глазках

отразилась надежда. Неужели ему так приятно унижение Кайлы? Использовать ее как... Стаффа с трудом проглотил гнев.

— Единственный, кто смог бы выжить в такой ситуации, так это вы, Лорд Командующий,— благовоспитанный тон женщины заставил подняться его на ноги и повернуться к ней. За ней стоял щегольски одетый мужчина, на лице легко читались тревога и искреннее беспокойство.

Через секунду он узнал ее:

— Министр Айли Такка.

Айли вздернула подбородок, отбросив черные волосы на спину:

— Да, вы заставили нас побегать, Лорд Командующий. Никогда бы не подумала, что вы способны попасть в беду. Но, не будем терять время — необходимо доставить вас на Итреатические Астероиды. У нас к вам серьезное дело.

— С этим рабом?— озверело спросил Англо.

— Этот раб,— провозгласила Айли ядовитым голосом,— Лорд Командующий Стаффа кар Терма! Согласно вашей местной терминологии, это тот, кого вы называете Звездный Палач,— она вызывающе подняла брови, а Англо заметно побледнел.

Стаффа посмотрел на Кайлу, и в горле у него собрался комок. Ужас, смешанный с удивлением, отразился на ее застывшем лице. Он повернулся к Айли:

— У вас есть ключ для ошейника?

Щеголевато одетый мужчина кивнул и протянул контрольный ключ. Стаффа щелкнул замком и повернулся к Кайле:

— Прошу прощения. Мне следовало раньше сказать, кто я.— Потом, без лишних слов он повернулся и убил Англо самым своим жестоким способом, какой только знал.

Если не обращать внимания на столбы пламени, вздымавшиеся над Веспой, город казался удивительно спокойным. Комм Синклера показывал, что очистка вражеской территории окончена и установка зон безопасности в городе завершена Благодаренье Богу, его дивизия понесла минимальные потери.

Он стоял на балконе самого высокого здания в Веспе и оглядывал затихший город. То здесь, то там зажигался в домах свет — самый верный показатель того, что битва закончена, и наступает, пусть неверное, но спокойствие. Легкий ветерок шевелил его волосы, когда он задумчиво смотрел на затененные крыши и опустевшие улицы.

— Синк? Мак на связи,— послышался голос в наушниках.— Мне кажется, все кончилось. Мы взяли город. С нашего места видны отступающие в направлении гор отряды противника. Они получили хорошую взбучку.

— Понял. Расставь кругом патрули. То, что они отступили, еще не значит, что они не могут вернуться.

— Принято, я скоординируюсь с Эймзом и Хоувзом. И тем временем пошлю ребят оценить твое здание. Поспи немножко, Синк. Ты достаточно перенес.

— Да, пожалуй, Мак. Отключаюсь.

Синклер повернулся на звук хлопнувшей двери. Гретта стянула шлем и вышла на балкон, бриз овеял ее лицо и растрепал волосы:

— Какое тихое местечко.— Она откинула голову, подставляя лицо солнечным лучам,— я только что разогнала всех по местам. Сказала им, что тебе нужен отдых, да и им тоже не помешало бы отдохнуть. Мое отделение неплохо устроилось. И я подумала, что теперь тоже могу расслабиться.

Синклер притянул ее поближе и поцеловал:

— Чудесная идея — разместить здесь штаб. И вид великолепный открывается, и оборону, в случае нападения, легко организовать — смотри, какой широкий сектор обстрела. А здесь, на площади, можно сажать десантные суда,— он ухмыльнулся.— Но, честное слово, больше всего я мечтал все эти долгие напряженные часы именно о такой роскошной и удобной спальной платформе. Посмотри там, в большой комнате.

Она звонко чмокнула его в щеку:

— Грандиозно! Такая платформа должна стать ареной секс-битвы. Тут есть душ?

— Он такой большой, что вместит десяток человек.

— Давай примем ванну вместе,— она чуть помолчала, рассматривая город, потом добавила:— Знаешь, я никогда не верила, что мы сумеем это сделать. Особенно там, в горах, когда нас бросили, я думала, все, нам конец, мы трупы. Теперь же мы с тобой владельцы этого прелестного местечка.

— Иногда предчувствия сбываются, и сколько еще сбудется — не знаю, но сбудется обязательно,— пообещал Синклер, следя взглядом за мигающими огнями орбитальных платформ, проносящихся над городом.— Никто не может заставить Синклера Фиста погибать в глуши,— он победно улыбнулся, оглядывая город, раскинувшийся перед ним, город, ставший его собственностью.

Перелеты по воздуху становились все более опасными. Поэтому все чаще приходилось прибегать к полузабытому способу передвижения. Бруен растер ноющее бедро сухой ладонью. Он слышал приближающийся из туннеля шум. Седди годами наносили на карты пещеры и подземные туннели, прорезающие тарганские горы, как пустые артерии. До недавних пор им редко приходилось пользоваться монорельсовой дорогой, соединяющей Каспу и подземные гроты Макарты. Когда разбивалось воздушное судно, то это несло мгновенную смерть. А в этих туннелях можно было долго и мучительно агонизировать, не надеясь на спасение. Поиски могли занять недели, если не месяцы. Но сейчас приходилось идти на риск.

Урчанье двигателя становилось все громче, и, наконец, тележка въехала в освещенную пещеру. Бутла Рета снял прибор ночного видения и выключил мотор. Он надул щеки и трубным гласом возопил:

— Странно, что я все-таки добрался! Как я рад!

— И мы тоже, приветствовал его Бруен

Рета выбрался из машины и прошел за Бруеном через

продуваемые сквозняками запутанные коридоры наверх. Они вышли в освещенную комнату с тремя столами, уставленными мониторами. В углу стояла низкая кушетка, на которой возлежал Магистр Хайд, греясь у энергетического обогревателя. Бутла подошел и пожал слабую ладонь Хайда.

Бруен, не обращая на них никакого внимания, прошел к розовому столу. В конце концов повернулся и сказал:

— Ты, надеюсь, догадываешься, зачем мы хотели тебя видеть, Бутла.

Огромный убийца подарил Хайду ободряющую улыбку и прошел в центр комнаты:

— Думаю, что да, Магистр.

— Ты решил?

Бутла потер ладони и кивнул:

— Да, магистр Бруен. Я сделал выбор. Похоже, другого пути нет.

Бруен прочистил горло:

— Значит, ты теперь числишься в команде тарганского сопротивления, то есть ты у нас партизан.

Хайд кивнул со спокойным согласием, приподнявшись с кушетки. Складки кожи на его лице, глубоко провалившиеся глаза напоминали маску смерти:

— Кванты дурачат нас, Бутла. Мы считали Звездного Палача самой большой угрозой для нас, а теперь он, наверняка, уже в когтях Айли Такка. Кто знает, к чему это приведет. Ничего не получается из того, что мы планировали. Рушатся все наши модели. Это новая Первая десантная тарганская дивизия и ее генерал полностью....

— Этот Синклер Фист?— нахмурился Бутла.— Его произвели прямо из сержантов. Как это могло...

«Я не могу сказать ему ни кто такой Синклер Фист, ни каково его происхождение»,— подумал Бруен.

— Мы не знаем,— солгал Бруен и осторожно опустился в кресло.— Мы колебались в то время, когда это происходило. Министр обороны выдвинул Фиста для того, чтоб его уничтожили там, в горах, между Каспой и Веспой. Но Фист спутал им все карты. Мы собирались напасть на него, а он внезапно вывез свою дивизию на шахтерском транспорте со всеми орудиями прежде, чем мы успели напасть. Он не только избежал уничтожения, но еще и взял Веспу, отбив наши контратаки почти без потерь, и каким-то чудом объединил пленников, которых принял в нерегулярный корпус своего войска. Бруен уклонился от вопросительного взгляда Бутлы, подергав себя за ухо. «Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что он блестящий, гениальный. Он, пожалуй, самое невероятное сочетание генетического материала, появившегося за последние восемьсот лет в Открытом Космосе».

— Но можно всегда применить убийство,— значительным тоном произнес Бутла.— Она вошла со мной в контакт, и я могу послать Арту — она уберет его. Или могу пойти сам.

Бруен в удивлении поднял бровь: «Что ты там прячешь, что ты задумал, Бутла? Ты что-то знаешь такое, что неизвестно нам.

Почему ты не расскажешь? Или ты нам больше не веришь?» — думал Бруен.

— Можно попробовать. Кому — это решим после. Нужно только помнить, что Фиста будет трудно достать. Его люди очень преданы ему.

— Может быть,— зарокотал глубоким басом Бутла.— К настоящему моменту силы тарганцев разметены, моральный дух упал. Я устраню все это, и тогда поглядим, чего стоит это Синклер Фист... и его Первая дивизия.

— Мы возлагаем на тебя все наши надежды, Бутла Рета,— прибавил Хайд едва слышным голосом.— Возможно... наша последняя надежда.

«Что мне делать? Как будут развиваться события в Этарусе? Есть хоть малейший шанс на союз с Компаньонами? Все меняется слишком быстро. Мы верхом на диком жеребце, который вышел из-под нашего контроля»,— Бруен не мог отогнать тревожных мыслей.

— Она пойдет с нами,— непререкаемо произнес Стаффа, скрещенные руки подчеркивали его непоколебимость.

Айли вопросительно подняла брови. Лорд Командующий хотел ее, эту загрубевшую общипанную курицу. Она выглядела просто омерзительно, хотя и Стаффа тоже не лучше. Айли видела корки грязи на ее щеках, на шее виднелись засосы. Эту дешевку, наверное, имел любой мужик в Этарусе и во все дырки! Но надо отдать должное, от нее исходил животный магнетизм, особенно когда мускулы перекатывались под кожей. Неужели он трахал ее там?

Айли внимательно рассматривала Стаффу. Он был очень грязным, и даже легкий свежий ветерок не мог развеять тяжелого запаха мно́го дней немытого тела. Солнце сожгло его кожу до черноты, оставив старые шрамы розоветь на массивной груди, плечах и руках. Грязь и обугленный загар не могли скрыть свежие кровоподтеки и синяки — особенно на горле. Он, не отрываясь, смотрел ей в глаза, испытующе и настороженно, следя за каждым ее движением. В намертво сцепленных руках Стаффа держал коробку с ключом, и горе тому, кто попробовал бы ее у него отобрать.

Айли вспомнила то потрясение, которое она испытала, когда впервые на нее взглянули его серо-стальные глаза. Да, вот это был мужчина! Тогда она видела в нем железного самца, удивляясь тому, что такая невозможная мощь, оказывается, есть на свете.

Но сейчас он здорово изменился. Высокомерие уступило место непонятно чему, чему-то опасно-хитрому вкупе с невысказанной мукой. Что эта чертова тюрьма сделала с ним?

— Очень хорошо, Лорд Командующий, вы можете взять ее с собой. Но, ради всех святых, что вы будете с ней делать?— она махнула рукой в сторону аэрокара, возле которого стоял Тиклат, впитывая все, как губка. Он не пропускал ни слова, ни одного оттенка или нюанса. Потрясающий юноша этот Тиклат. Его нужно использовать очень осторожно — и не выпускать из-под наблюдения.

Айли расслышала, как Стаффа сказал женщине:

— Я дал тебе слово. Я не в состоянии изменить прошлое... неважно, что я очень этого хотел бы. Я обещал тебе, что освобожу тебя, если смогу.

Айли наблюдала, как женщина-рабыня оттолкнула руку Стаффы и сама встала на ноги. Она обошла вокруг аэрокара, очень тихая, не обращая внимания на Стаффу, который смотрел на нее с глубокой печалью. «Как бы то ни было, это надо иметь в виду,— подумала Айли,— у Лорда Командующего есть слабое место. Кто эта женщина? Вдруг ее удастся при случае использовать?»

Айли дотронулась до руки Стаффы и отпрянула, ощутив твердость камня. О том, что это все-таки человеческая плоть, говорили раны, затянутые свернувшейся кровью с песчинками, застрявшими там.

— Пойдем, Стаффа, прохладный душ и чистая одежда ждут вас. Потом мы обсудим наши дела, и вы будете свободны.

Его омертвелые стальные глаза встретились с ее взглядом, он кивнул и проговорил прерывающимся голосом:

— После вас, министр...

Проведя рукой, он сбросил с лица длинные черные волосы, взлохмаченные ветром, и пропустил Айли вперед. Через минуту все один за другим поднялись в кабину аэрокара. Тиклат занял сиденье впереди женщины-рабыни. Айли выключила свой личный щит и так резко подняла в воздух аэрокар, что тучей песка заволокло все вокруг. Краем глаза она внимательно следила за Стаффой, когда они пролетали над кучей трупов, вырытых из похоронившей их дюны. На секунду в его глазах вспыхнул гнев, когда он смотрел вниз на бесконечную трубу, ярко блестевшую на солнце.

— Лорд Командующий,— начала она самым приятным своим голосом:— Как так получилось, что вас продали в рабство, как простого обычного преступника? Империя приведена в смущение этим инцидентом.

Он повернулся к ней, и ее пронзила дрожь от жестокости в его глазах:

— Вы должны были прочесть записи судебного заседания, если вы нашли меня.

Пытаясь выйти из положения, Айли ответила вопросом:

— Император был бы рад выполнить любое ваше желание — она перегнулась и достала фляжку с сиденья позади нее. Жестокое выражение его лица смущало ее, и она, скрывая это, протянула ему обогащенную энергией воду.

— Выпейте, я верю, что вас это подбодрит больше, чем я,— она улыбнулась и опрокинула фляжку себе в рот, недвусмысленно демонстрируя, что отравить никого не хотят.

Стаффа сделал несколько глотков и отдал флягу женщине-рабыне. Она, как заметила Айли, отнеслась совершенно равнодушно к этому знаку внимания, но, тем не менее, одним духом прикончила флягу. Да, очевидно, в пустыне влага ценилась дороже золота.

— Оставляю проблему своего ареста на ваше усмотрение,

министр,— он повернулся к ней, в глазах серые льдинки.— Но тем не менее, когда мы решим наши дела, я покончу с работой в этой адской дыре кобальтовой бомбой.

Она кивнула задумчиво и удивилась, когда он снова посмотрел на нее:

— Еще одна просьба. Если вы найдете виноватых, то сразу убейте их. Никого не продавайте в рабство.

— Прекрасно,— она с трудом подавила одышку, испытывая безумное желание снять с себя эту дурацкую в такой жаре черную одежду. Сколько литров пота она потеряла за последние пять часов после отлета из Этаруса? Она наблюдала за ним и поражалась: как он мог выжить в таких мучительных, поистине адских условиях? Как вообще кто-нибудь мог там выстоять? А еще и работать?

«Он выглядит как человек, вернувшийся из преисподней. У него появился фанатический блеск в глазах. Почему? Неужели это все с ним сделали пустыня, жара и унижения?»

Через несколько минут они совершили посадку на площадке перед Директоратом внутренней безопасности. Поднявшись по широким ступеням в холл, Айли провела Стаффу и женщину внутрь здания, пояснив:

— В директорском офисе полный комплект всего необходимого. Тиклат, найди подходящую одежду для Лорда Командующего и его... леди.

Стаффа посмотрел на нее:

— Снимите этот трижды проклятый ошейник с меня! Немедленно!

— Тиклат?— Айли подняла брови.

На первый взгляд Тиклат казался взволнованным:

— Мой министр, я опасаюсь, что приспособление для этого... в общем, мы можем их надеть, но как снять, я не знаю.

— Дайте мне бластер,— мышцы Стаффы напряглись:— Я сниму эту проклятую штуку.

Айли улыбнулась, предупреждающе подняв руки вверх:

— Мне кажется, нет особой необходимости снимать таким способом. Тиклат, достань все необходимое. Можешь перевернуть весь город.

Стаффа нервно глянул на нее и кивнул, самоконтроль победил подозрительность, пока они шествовали по главному коридору.

Айли взошла по ступенькам, краем глаза заметив женщину с укутанным шарфом лицом, которая явно кого-то ждала перед офисом Тиклата. Какая-нибудь матрона послала служанку проследить за мужем? Почему эти простые этарианки носят такие ужасные покровы? Они выглядят смешными и нелепыми.

Айли открыла дверь и жестом пригласила Стаффу в офис директора. Женщина-рабыня последовала за ним, тонкая, высокая, абсолютно спокойная.

— Ванна там,— Айли показала рукой и нажала клавишу интеркома:

— Мне нужен полный набор еды на троих и много напитков. И, если вы цените свою жизнь, то не станете экономить.

Она из-под полуопущенных век наблюдала за Стаффой и женщиной, которая прошла в туалетную комнату. Дверь закрылась, и Айли опустилась в обитое ворсистой тканью кресло перед директорским столом и принялась размышлять о том, что произошло и еще произойдет. «Кто этот новый Стаффа? Как заставить его действовать согласно моим желаниям?»

Вошел Тиклат, неся на плечиках великолепную одежду. Он выбрал ее в гардеробной и вернулся узнать, не желает ли она чего-нибудь еще.

— Я думаю, достаточно, Тиклат. Твоя служба оценена по достоинству. Добудь сведения об этой женщине-рабыне. Кто она? Какова ее история?

— Я уже проверил, Айли. Это Кайла Дон, в прошлом служанка Первой Леди Майки.

— Чудесно, Тиклат. Если я позвоню, войди и позови девушку.

Ее продали в рабство за преступление.

— Какое?

Уголки его рта приподнялись:

— Убила своего хозяина, Айли. Самое отвратительное преступление.

А где механизм для снятия ошейников?

— Внизу. Их могут принести в любой момент.

Айли глянула в сторону ванной и понизила голос:

— Не спеши.

Она легонько пробежала пальцами по его руке. Выражение его глаз не оставляло сомнений: он понимает, в чем участвует.

— Тиклат, ты никогда не хотел покинуть Этарус? Не думал о более высоком посту в империи?

— Естественно, мой министр,— невозмутимо ответил он, покидая комнату бесшумными шагами.

Стаффа вышел из ванной, собрав свои длинные черные волосы как обычно над левым ухом. Тиклат подобрал для него белую робу, которую Стаффа и надел. Это составило выразительный контраст с его дочерна загорелой кожей.

— Ну, что там с ошейником?— был его первый вопрос.

— Тиклат только что заходил. Механизм вот-вот подвезут.

— Как вам удалось разыскать меня на Этарии?— спросил он, легко усаживаясь на подушки, не выпуская из рук коробку контроля ошейников.

«Какой у него изможденный вид! Пришло мое время!»— подумала Айли.

— Невзирая на то, что ты можешь подумать, мы очень серьезно относимся к нашей империи. Твоя подполковник авиации сообщила нам, что ты уехал в отпуск — инкогнито. Мы дали задание просматривать все материалы, в которых бы упоминалось твое имя. Это обычная рутинная процедура.

Он медленно кивнул, не отрывая от нее металлического взгляда Верил ли он ей? Нет, она ясно видела — нет. Но, к счастью, Стаффа сильно истощен, и это сыграет ей на руку.

Слуги, наконец, вкатили столик с едой. И вскоре из гардеробной комнаты появилась Кайла. В темно-зеленой полуво-

енной рубашке, которая плотно облегала ее, подчеркивая великолепные формы. Кайла тщательно причесала длинные волосы и чуть подвела карие глаза. Она, конечно, не являла собой безупречный эталон этарианской красоты, но без сомнения обратила бы на себя внимание даже среди ослепительных красавиц какой-то магнетической притягательностью. Стаффа сумел ощутить это даже сквозь грязь, зловоние и синяки.

Айли поймала себя на том, что внимательно смотрит на Кайлу. Еще одна потенциальная соперница? Откуда берутся такие женщины, если большая часть прекрасной половины человечества — это безмозглые телки?

Приглашающим жестом Айли указала на низкий столик эбенового дерева и первой присела рядом на узорчатую скамеечку. Когда Стаффа и Кайла последовали ее примеру, Айли произнесла:

— Я хотела бы поднять тост, но не уверена, что то, что я скажу, будет подходящим к случаю. Поэтому, давайте просто поедим.

Айли сохраняла невозмутимое выражение лица, пока Стаффа и Кайла уничтожали с невероятной быстротой одно за другим изысканнейшие блюда. Сытость и дремотная расслабленность снизят еще больше защитные возможности Стаффы.

— Какое же дело?— Лорд Командующий откинулся на спинку дивана, сверля волчьими глазами Айли.

Она подлила им вина, сознавая, что Кайла внимательно слушает, хотя сама пока не произнесла ни слова.

— Да, да, конечно. Мы хотели предложить вам и вашим Компаньонам контракт, Лорд Командующий. Тарганская ситуация ухудшается. Бунтовщики, похоже, лучше вооружены и объединены, чем мы думали раньше.— Длительная практика научила ее добавлять в тягучий сироп лжи крупицы правды и сомнений.— Это помогало выстраивать внешне достоверную картину, достаточно убедительную или, по крайней мере, впечатляющую.

— Они уничтожили целую десантную дивизию и лишили нас контроля на всей планете,— продолжала Айли.— Тибальт, Седьмой император, уверен, что будет дешевле пригласить Лорда Командующего, чем терпеть урон от неэффективности действий, потерь денег и жизней, разрушений и так далее. Иначе говоря, мы убеждены, что возникла ситуация, когда просто необходимо подчинить планету.

Внимание Кайлы переключилось на Стаффу, рот ее слегка приоткрылся. Ее бесстрастность впервые нарушилась, отметила Айли. Стаффа переводил взгляд с одной на другую с каменным лицом, на котором, казалось, лежал отсвет безжалостных белых песков проклятой пустыни.

— В настоящий момент,— сухо проговорил он,— Компаньоны не подписывают и не заключают никаких контрактов. Будьте так любезны, передайте мои наилучшие пожелания императору Тибальту...

— Я думаю, вы недооцениваете ситуацию, ее тяжести и ответственности, Лорд Командующий,— тон Айли был твердым, но не жестким.— Учитывая истинный баланс сил между Сеззой

и Регой, мы бы не хотели отвлекать большую часть наших сил именно сейчас. Мы, кроме того, понесли тяжелые потери во время проведения усмирительных акций на Тарге. И это вполне может подтолкнуть Сеззу к началу агрессии.

— Не думаю,— спокойно ответил Стаффа.— После Миклеанианской кампании, я уверен, они не собираются начинать против вас военных действий,— он глянул в рыжевато-коричневые глаза рабыни и добавил:— Но это меня не касается, министр, хотя я могу вам предложить провести переговоры с бунтовщиками и попытаться найти приемлемое политическое решение возникшей проблемы, которое бы закончилось меньшей кровью,— он подергал себя за черную бороду, вытер ее салфеткой и спокойно встретил ее взгляд:— Полагаю, что я свободен и могу покинуть эту планету в любой момент?

— Значит, вы абсолютно не заинтересованы в том, чтобы помочь нам?

— В обозримом будущем — нет.

— Но, Лорд Командующий, мы можем назначить большую премию. Предложить самые выгодные условия...

— Мое решение окончательно.

Айли улыбнулась, чтобы скрыть смятение, охватившее ее. «Как мне быть? Я не могу позволить Стаффе уехать сейчас, когда в нем горит ненависть против империи, поработившей его. Если он вернется на Итреатические Астероиды, будет ли у меня уверенность, что он когда-нибудь примет сторону Реги? Надо как-то смягчить его ярость и гнев. Если я пущу в ход угрозы, останется ли у меня надежда, что можно будет заставить его бросить Компаньонов в кипящий котел на стороне Реги? Но кроме всего прочего... он нужен лично мне... как союзник в той рискованной игре, которую я затеяла. А для этого мне нужно провести с ним время. Время, в течение которого я научусь управлять им, привяжу его к себе».

Стаффа вежливо, но настойчиво проговорил:

— В любом случае мне необходимо встретиться и переговорить с Компаньонами. Мы пришли к решению, что всем нам нужно время на восстановление сил, залечивание ран. Изменить это решение можно только с общего согласия. А теперь все-таки, почему вы не снимете с нас эти чертовы ошейники? Может, тогда многое решится к нашему обоюдному удовольствию.

— Я хотела бы, чтобы вы позволили мне снабдить вас почетным эскортом и доставить пред светлые очи нашего императора. Я предоставлю вам свой личный крейсер. Вы будете чувствовать себя...

Он поднял руку, чтобы прервать ее излияния:

— Я чрезвычайно польщен вашим предложением. Но, как вы помните, Компаньоны никогда не пользовались и не хотели пользоваться подобными привилегиями, исходящими от любого правительства. Поступить иначе — значит нарушить наш нейтралитет. Как всегда, я отправлюсь самостоятельно и сам буду платить за себя. Такой путь исключит все возможные конфликты и столкнове-

ния интересов,— его голос изменился, в нем появились еле уловимые угрожающие нотки.— Айли, я хочу, чтоб этот ошейник немедленно сняли с меня, немедленно!

— Я понимаю,— Айли грациозно кивнула. Время рисковать.

Она коснулась кнопки под столом. Тиклат немедленно постучал в дверь.

— Войдите,— пригласила Айли.

Тиклат открыл дверь и вошел вместе с офицером Морлаи. Тюремный надзиратель трясся будто в ознобе, его покрывал липкий пот, смертельная бледность проступала на лице даже сквозь загар.

— Тиклат! Вот человек, которого я желала видеть. Где этот чертов механизм? Лорд Командующий желает, чтоб с него сняли ошейник.

Тиклат выдавил из себя улыбку:

— Он... его сейчас должны привезти, министр, я клянусь. Нам не так часто приходилось снимать его с живых... ну, вы поняли, что я имею в виду.

Айли почувствовала растущее раздражение:

— Тогда вам следовало пошевелиться и найти человека, который смог бы справиться с этим.

— Но, прошу прощения, министр,— произнес Тиклат, кивнув на Морлаи,— этот офицер прибыл за рабыней, за Кайлой.

— Пожалуйста, со всем удовольствием. Приятно было познакомиться, Кайла, но...

— Нет!— голос Стаффы был твердым, как сталь.— Она отправится со мной,— его серые глаза дико сверкнули. —Или она со мной, министр, или...

Айли поднесла руку к лицу:

— В чем преступление этой женщины, Тиклат?

— Убийство прежнего хозяина, министр Такка. Боюсь, что это именно тот случай, когда мы ничего не можем поделать. Люди начнут бояться, что рабы безнаказанно будут их убивать и оставаться при этом на свободе,— Тиклат выглядел обескураженным, будто ему претило заниматься всем этим. Он, несомненно, притворялся, но как здорово!

— Она отправится со мной,— произнес Стаффа сквозь сжатые зубы.— Айли, что за игры вы затеваете? Снимите эти проклятые ошейники или... или, да поможет мне Бог, Тибальт жестоко раскается!

— Лорд Командующий,— Айли нашла верный тон,— в ее голосе звучала искренняя тревога.— Наше общество подчиняется законам, и провинившийся несет наказание за совершенное преступление. Вы должны...

— Я убил двоих ваших гнусных горожан. И вы позволяете мне выйти на свободу?— его лицо окаменело, глаза сузились в щелочки и с яростью смотрели на остатки пиршества.

— Наверное, вы просто не видите разницы. Ваш случай — это грубейшая ошибка при идентификации вашей личности. И, кроме того, вас оглушили наркотиком и ограбили. Это не...

— Ну что же, придется мне вернуться с Компаньонами и освободить ее лично!— Стаффа позеленел от злости.— Неужели императору так нравится защищать свои законы, что он станет на нашем пути?

Кайла тяжело вздохнула:

— Таф, уф, Лорд Командующий, посмотри на меня, я не стою войны с целой планетой. Я лучше пойду,— она хотела встать, но Стаффа вдавил ее в кресло тяжелой рукой.

Айли приняла задумчивый вид, потом ее будто что-то озарило:

— Лорд Командующий, у меня, кажется, найдется решение нашей дилеммы. Директор Тиклат, если раб приговорен, то он должен умереть, ведь так? Она никогда не получит статус свободного человека?

— Нет, министр.

— Кайла приговорена, таким образом, к смерти?— Айли подняла брови, увидя вспыхнувший в глазах Стаффы гнев, его лицо пылало от ярости.— Но, если к примеру, рабыня Кайла будет приговорена к участию в войне против тарганских бунтовщиков, она сможет избежать казни?

Тиклат выразил согласие коротким кивком:

— Это возможно, министр.

Стаффа усмехнулся:

— Прекрасно сыграно, министр. Я вам аплодирую. Вы собираетесь купить контракт со мной, и цена — это свобода Кайлы. Вы очень подходите вашей должности. Но я попытаюсь сыграть свою игру. Я сейчас встану, возьму Кайлу, и мы уйдем отсюда. Думаю, что вам не захочется вызывать мой гнев,— он с угрюмым видом потянулся к контрольному ключу. Айли в это время доставала дубинку из-за пояса.

Лицо Стаффы стало напряженным, он помог Кайле встать:

— Не советую будить во мне зверя, министр.

Мысли Айли лихорадочно запрыгали: «Что же мне делать? Я не могу позволить ему уйти. Черт с ним, мертвый Стаффа менее опасен, чем живой и безумный». Она мысленно вздохнула:

— Мой Лорд Командующий, вы очень плохо выглядите. Наверное, это жара так подействовала на вас,— незаметно она нажала большим пальцам на контрольную кнопку стальной дубинки. Стаффа и Кайла застыли.

Айли поднялась из-за стола и вынула из оцепеневших рук Стаффы контроль ошейника, толкнула его, и он вынужден был сесть. Она надавила на кнопку контроля, и только безнадежная ярость остудила ее пыл.

— Тиклат, вы с офицером покиньте помещение,— она подождала, пока они выйдут и закроют за собой дверь.

— Прошу прощения, Лорд Командующий. Но ситуация зашла слишком далеко. Для вас еще не все потеряно. Ваша Кайла останется с вами. Нам нужно, чтобы вы подписали с нами контракт или дали честное слово, что не примете сторону сеззанцев. Итак, контракт — вы отсылаете Кайлу на Итреату.

— Вы играете с огнем, Айли.

— Не уверена,— ответила Айли, но на всякий случай отошла подальше. Кайлу передернуло от омерзения.

— Вы мне нужны, и я получу вас. Подумайте, мы с вами вместе сможем объединить человечество и счастливо править, она протянула к нему руку.— Поддержите меня, Стаффа, и я сниму ошейник с вашей шеи,— она одарила его чарующим взором.— Поддержите меня, и мы скинем Тибальта с его золотого трона и раздавим этого мозгляка — сеззанского императора. Весь Открытый Космос будет наш.

Он горько и громко рассмеялся, вставая:

— Это ваше окончательное решение?

— Стаффа, я очень боюсь вашего объединения с сеззанцами. Против вас и Компаньонов у нас ничего нет. Если ты погибнешь, может, мы сумеем договориться с твоим подполковником авиации, или просто уничтожим сеззанцев и без помощи Компаньонов.

Держа палец на контрольной кнопке ошейника, она другой рукой нежно погладила его по лицу:

— Но ты живой, и мы сможем объединиться и править миром. Кто сможет противостоять нам? Стаффа, неужели я настолько отталкивающая?— она отошла назад, глаза неотрывно смотрели на него, дыхание высоко вздымало ее грудь под обтягивающим черным материалом.

Таф, Кайла поднялась с места.— Кой черт, чем ты занимаешься?

— Заткнись!— Айли повернулась, обдав ее холодным презрением.— Ты не имеешь права голоса. Идет торговля за твою жизнь.

— Моя жизнь — не предмет для шантажа и торговли, и тем более не повод для межзвездных войн. Благодарю, но нет. Лучше убейте меня прямо сейчас. Я уйду с честью, зная, что остановлю такую, как ты!— губы Кайлы искривились от брезгливости и отвращения.

Смех Стаффы разрядил растущее напряжение:

— Ты слышала эту леди, Айли? Она права, министр.

— И это говоришь ты, Стаффа?— Айли засмеялась:— Звездный Палач идет на поводу у общипанной потасканной рабыни?

Она не ожидала от него такой реакции: он рванулся к ней и наотмашь хлестнул ее ладонью так, что она повалилась на столешницу из эбенового дерева. Слетка оглушенная, но в полном сознании, она надавила на ошейниковый контроль чисто рефлекторно, а ее тело медленно сползало с грязных тарелок.

Подняв пальцы к лицу, Айли села, моргая от изумления. Во рту ощущался привкус солоноватой крови. Этот ублюдок разбил ей губу! Держа палец на кнопке, она встала и посмотрела на место, где он лежал. Айли встретила его яростный взгляд, губы его беззвучно шевелились.

— Умри, Стаффа,— прошипела она.— Никто, даже Лорд Командующий, не смеет давать мне пощечины! А я предлагала тебе быть императором!

Она отпустила кнопку, он стал задыхаться, его тело напряглось.

— О, нет, Стаффа кар Терма! Ты еще подышишь. Ты и твоя прекрасная Кайла можете еще чуть подышать.

— Если ты меня убьешь, история эта все равно выплывет наружу. Если я исчезну, Компаньоны все равно узнают правду. Подумай, что случится тогда и с твоей империей, и с тобой.

— Слишком поздно, Стаффа. Я теперь не могу тебе позволить остаться в живых. Мы с Тиклатом погрузим тебя в аэрокар... ну и потом, мало ли что может случиться с кораблем, который повезет тебя к Компаньонам,— она скривила губы в дьявольской усмешке и тронула ошейниковый контроль:— Постараемся сделать так, будто это дело рук сеззанцев. Одним ударом убьем двух зайцев. А в Тиклате я не сомневаюсь — он не расскажет,— она улыбнулась.— Он хороший, но его тоже можно убрать.

— Айли!

— Вдохни поглубже, Стаффа, ты на пороге...

Ужасный взрыв отшвырнул ее. Стена треснула, и искусной работы панель рухнула на пол, Айли с трудом устояла на ногах, и прыжок Стаффы застал ее врасплох. А он мгновенно выхватил у нее из рук контрольную панель.

От страха у нее помутилось в голове, Айли упала на стол, судорожно шаря по столу пальцами в поисках ручки выдвижного ящика. Она с трудом открыла его, но тут новый взрыв потряс здание. Снаружи стреляли бластерным огнем, стены рушились, а она все тянулась в безуспешной попытке достать свой импульсный пистолет.

Второй взрыв застал Стаффу в прыжке, он упал, перекатился и мгновенно поднялся, держа контрольную панель в руках. Обретя равновесие, он увидел, как Айли старается вынуть бластер из ящика стола.

Стаффа помог подняться на ноги Кайле, но тут же оттолкнул ее в сторону, а сам перекатился в другую. Айли выстрелила с неудобной позиции: огонь еле зацепил его длинные волосы, он успел отскочить, перекатываясь, как мячик. Годы многочасовых тренировок сделали свое дело.

Но Стаффа замер, когда Айли вскочила на ноги, наводя на него овальный раструб импульсного пистолета. По коже побежали мурашки, когда она помахала ему свободной рукой и произнесла бархатным голоском:

— Прощай, Стаффа!

Раздался скрип открывающейся двери, но Стаффа не мог повернуть голову, потому что его глаза были прикованы к Айле. Он резко сменил место, пользуясь тем, что ее внимание отвлекла дверь.

На лету он заметил, что она как-то сжалась и медленно повалилась лицом вниз на стол.

Стаффа упал, перекатился и вскочил на ноги, вырвал бластер из ее онемевших пальцев, нервы его были напряжены до предела. Он припал к полу и повернулся в сторону дверей, держа бластер наизготовку.

— Не стреляй,— ровным голосом попросил его Тиклат.— У тебя очень мало времени.

Тиклат заменил дубинку бластером. Стаффа, настороженный, внимательно следил за ним. Тиклат разрушил еще одну стену бластером. Раздался чей-то стон. Бластерные разрывы кромсали воздух. На нижних этажах шла настоящая война.

Тиклат указал на солнечный свет, льющийся из дыры в стене.

— Поспешите. Вам придется спрыгнуть на низкую крышу. Вас будет ждать мужчина на задней аллее с аэрокаром. Его зовут Найклос. Все, идите. Это мастер Кахн, она пойдет с вами и доставит вас к Магистру Бруену на Таргу. Тиклат повернулся и вышел, захлопнув за собой дверь.

Стаффа, схватив Кайлу за руку, поднял ее на ноги:

— Пойдем! Только ленивый тупица не воспользуется такой возможностью,— он потащил ее к шатающейся стене, вывел на крышу. Поддерживая ее одной рукой, он прыгнул и с криком приземлился. Помогая Кайле, Стаффа побежал, петляя, как заяц. Слева раздался взрыв, и окно разнесло вдребезги.

Стаффа прикрыл глаза от едкого дыма, извернулся, не выпуская руки Кайлы, метнулся вперед. Вдвоем они проскочили опасный участок и выбежали в аллею, где их ждал большой бородатый мужчина возле аэрокара с работающим двигателем. Стаффа хлопнулся на переднее сиденье, машина осела под его весом. Кайла пристроилась рядом. Найклос включил полную скорость и послал аэрокар вперед. Ускорение вдавило Стаффу в кресло.

— Четко сработано,— сказал водитель.— Мы их здорово потрепали.

— Ты — Найклос?

— Да, я Найклос,— он оглядел Стаффу сверху вниз прищуренными глазами. Глубоко сидящее внутри чувство осторожности предупредило: «Этот человек не друг!»

Кайла наклонилась вперед:

— Тиклат назвал меня мастером там. Почему? Откуда он узнал?

Найклос оскалил зубы:

— Он помнит тебя. Ты носила робу мастера, когда он только вступил в Посвященные.

— Почему приказ так долго шел ко мне? — поразилась она, рассматривая крыши зданий, над которыми они пролетали.

— Мы не были уверены, что ты жива, до тех пор, пока Тиклат не узнал тебя. Мы слышали, что ты погибла на Майке,— сказал ей Найклос. Он оценивающе осмотрел Стаффу, причем брови его нахмурились еще больше.

— Кто ты?— спросил Стаффа, ощущая растущую тяжесть в груди.— Зачем ты все это делаешь?

— Это станет тебе известно, когда мы выберемся из опасности. Нам нужно вывезти тебя с планеты до того, как имперский флот заблокирует выходы с Этарии. У министра Такка

здесь имперский крейсер. Мы должны быть уверены, что ты в безопасности.

— И куда же ты меня повезешь?— голос Стаффы превратился в глухой шепот. Он наставил бластер на могучий торс Найклоса.

Лицо Найклоса побледнело:

— Вы же сами хотели попасть на Таргу, к Седди, спросить их о судьбе своего сына. Вот мы и направляемся туда. В наши планы не входила Кайла, но...

— Она едет со мной.

— Таф, ты обращаешься со мной, как с вещью,— запротестовала Кайла.

Лицо Стаффы стало жестким:

— Я тебе дал слово. А реганцы перевернут эту планету, чтобы найти нас. Айли проследит за тщательностью исполнения.

— Я боюсь, он прав, мастер Кахн,— согласился Найклос.— Ваше присутствие несколько усложняет ситуацию. В коробке есть место только для двоих.

— Двоих?— спросил Стаффа.

— Через минуту все прояснится.

— Но почему я должен тебе верить?— спросил он Найклоса. Они пролетели над безобразным кирпичным строением и сели в его тени.

— Вам больше нравится доверять вашей приятельнице Айли?— ядовито поинтересовался Найклос.

Стаффа нахмурился. Он медленно и неохотно опустил бластер. Найклос, наконец, расслабился и глубоко вздохнул с облегчением.

— Хорошо, я полечу на Таргу,— Стаффа положил руку на плечо Найклоса, когда они вышли из аэрокара.— Почему ты так смотришь на меня? Ты... да, тебе бы больше понравилось видеть меня мертвым. Или я ошибаюсь?

Губы Найклоса задергались:

— Всю свою жизнь я тренировался, чтобы быть готовым к твоему появлению здесь. Но времена изменились, кванты сыграли злую шутку с нашими жизнями и сменили наши цели. Теперь, когда мы встретились лицом к лицу, и я, натасканный в течение всей жизни на то, чтоб убить тебя, вместо этого вынужден тебя перевозить к моему Магистру, к единственному в этом мире человеку, за которого, не колеблясь, отдам жизнь. Молюсь, чтобы ты оправдал риск.— Карие глаза, не отрываясь, смотрели на Стаффу, их выражение не смягчалось.

— Бруен?— спросила Кайла, ее голос сделался внезапно беззащитным.

— Мы были в контакте,— Найклос бросил на нее взгляд:— Теперь... Лорд Командующий, наклонитесь вниз, позвольте мне посмотреть, что можно сделать с вашими так хорошо сработанными ошейниками.

Скайла нажимала на спусковой крючок бластера, который ей дал Найклос, и разнесла центральную часть здания внутренней безопасности. Распахнув ударом ноги дверь, она переступила через

труп чиновника, разрезанного ударом бластера надвое. С потолка сыпались куски пластика, со стен срывалась штукатурка. Она слышала стоны и крики людей, мечущихся среди рушащихся стен здания.

Скайла осмотрелась и выскочила из дверного проема, впрыгнув в холл. Прислушалась: на лестнице раздавались шаги. Скайла притаилась, готовая стрелять.

На лестничной площадке появился Тиклат с бластером в руке, он тоже был наготове. Увидя Скайлу, он ухмыльнулся, обнажив в улыбке белые зубы:

Они отбыли, подполковник авиации. Айли оглушена, но скоро придет в себя. Пока мы выдерживаем график. Но нужно торопиться. Идите, я вас прикрою. Я заблокировал планету — никто не может прилететь или вылететь в течение часа. Что касается вашего судна, там, на орбите...

Скайла кивнула:

— Я поняла, мне лучше поскорей убраться из владений Тибальта. Будь осторожен, Тиклат. Если тебе понадобится работа, Компаньоны позаботятся о тебе.

Он с прохладцей ответил:

— Благодарю, подполковник авиации. Я умру седдианцем.

— Надеюсь, увидимся, Тиклат,— она опустила тяжелый бластер и побежала по раскачивающейся лестнице, на ходу обматывая лицо шарфом. На улице уже собралась толпа, люди вытягивали шеи в надежде рассмотреть, что произошло. Невдалеке завывала сирена. Скайла незаметно влилась в толпу.

— Что произошло?— спросил мужчина, быстро схватив ее за руку.

— Они поймали там какого-то безумца,— задыхающимся голосом, полным панического страха, произнесла Скайла.— Сумасшедший,— она локтями расталкивала людей, которые давили на нее.

Еле выбравшись из толпы, она поспешила в направлении трех блоков общественного транспорта, на платформу, образ Стаффы неотступно преследовал ее. Она мельком увидела его, когда они выходили из аэрокара. Он напоминал дикого зверя, загнанного и раненого. Но она узнала этот мертвенный серый огонь, горящий в его глазах. А кто была эта женщина с коричнево-рыжими глазами?

Ее измотанные нервы затрепетали, она сделала глубокий вдох, ступив на борт шаттла. Присев на свободное место недалеко от выхода, она взглянула на свой хронометр и убедилась, что успевает. Теперь, если Бруен сдержит слово, эта женщина и Стаффа уже на пути к Тарге, где они будут через час. Значит, все будет в порядке, они успеют, пока действуют чрезвычайные меры Тиклата.

За окнами проплывали темно-желтые здания, вокруг бурлила суетливая жизнь Этаруса. Беспокойство в ней смешивалось с облегчением. Господи, насколько же всемогущими оказались Седди! Но почему Бруен оказался таким любезным?

«Ты в мутной воде, Скайла». Внутри у нее росло волнение, и она нервно покусывала губы. «Господи, пошли мне мой флот, чтобы я вернулась назад». Но Компаньоны были так далеко, и ей нужно было как можно скорее оказаться на корабле, чтобы вызвать их на связь.

Скайла встала, потому что шаттл притормозил, и вышла в бедном районе с обшарпанными домами. Откуда-то сзади раздавался шум двигателей грузового шаттла, совершающего свои обычные получасовые рейсы.

Скайла прошла половину квартала и подошла к двери, которая автоматически открылась с ее приближением,— система слежения и безопасности была четко отлажена. В узком холле ее встретил Найклос. Кругом вертелись какие-то офицеры, Скайла увидела секретарей, склонившихся над мониторами. Это был рабочий офис экспортирующей фирмы, которая, вероятно, приносила неплохой доход.

— Все в порядке?— спросила она и размотала шарф.

— Да так, возникло небольшое препятствие,— ответил Найклос.— Надо обдумать, как его лучше устранить.

— Женщина?— догадалась Скайла. Ее сердце гулко забилось. Боги, неужели Стаффа завел любовницу? В груди неприятно сжалось. «А если завел? У тебя нет никаких прав на него». Но мысль эта продолжала терзать ее.

Найклос провел Скайлу через тяжелые бронированные двери и ввел в помещение большого пакгауза, заставленного серыми сиалоновыми контейнерами, размером четыре на четыре метра. Найклос провел ее по лабиринту между решетчатых кубов. Стаффа стоял у распахнутого люка контейнера, уперев руки в бока. Рядом, естественно, стояла эта женщина, с рыжими глазами и угрюмым выражением лица. Скайла, игнорируя ее, подошла к Стаффе с улыбкой, за которой прятала сердечную боль, смешанную с радостью встречи.

Губы Стаффы дернулись, прежде чем сложиться в улыбку. Теплота заполнила его серые глаза, она таким его никогда не видела. Они смотрели друг на друга с минуту, потом Стаффа сказал:

— Ты научилась читать мои мысленные послания, а?

— Да, это так,— внезапно она очутилась в его объятиях и поняла, что сама обнимает его.— Боги, как я переживала за тебя! Тэп и Таша с нетерпением ждут от меня известий о тебе.

— Простите,— позвал Найклос.— Нам кое-что нужно безотлагательно решить. Или нам придется брать еще один контейнер, или мы в беде.

Скайла отодвинулась от Стаффы, сердце колотилось в ее груди:

— В чем проблема?

— Во мне.— Рыжеглазая женщина шагнула вперед, и Скайла, наконец, ее рассмотрела. У нее было лицо с высокими скулами, обрамленное волосами, ниспадающими до плеч. Коричневая роба не скрывала ее тренированного мускулистого тела и длинных ног. Более того, эта женщина обладала непонятной силой и еще чем-то, что делало ее чертовски привлекательной.

Стаффа указал на клеть:

— Там места только для двоих. Тибальт блокировал Таргу. и единственный путь проскочить через заслон — это облететь вокруг планеты.

Найклос добавил:

— Тут и еды только на двоих. К тому же, он просто не выдержит троих. Но нам обязательно нужно вывезти Кайлу с планеты. Она из Седди, и Айли ничто не остановит, чтоб найти ее.

— Итак? В чем же проблема?— Скайла осмотрелась.— Кайла отправляется на Таргу в контейнере. Стаффа и я берем мой корабль и возвращаемся на Итреатические Астероиды. Когда все утихнет, мы вернемся на Таргу.

— Это будет очень непросто,— сказал Стаффа,— Тиклат уже, наверное, издал приказ о моем аресте. Мои приметы распространены повсюду. Если я выйду из пакгауза, меня сразу схватят. Найклос посвятил меня во все тонкости операции. Мое спасение подвергает опасности всю седдианскую сеть в Этарусе. Они создавали ее годами и основательно потрудились, чтобы Тиклат смог занять этот пост. Ему придется перевернуть каждый камень, чтобы найти нас. Айли будет искать козла отпущения, и Тиклат — первый претендент на это. Если она нас не найдет, она отдаст его голову Тибальту. Отправиться в контейнере — единственный для меня шанс.

— Положите побольше еды,— предложила Кайла.

— Слишком долго доставать ее. У нас всего четыре минуты, чтобы погрузить эту коробку в корабль,— печально сказал Найклос.— Тиклат не может больше тянуть, он немедленно должен закрыть планету.

Скайла покосилась на контейнер и приняла решение:

— Стаффа, ты и Кайла полезайте внутрь. И отправляйтесь. У меня меньше всего шансов попасть в черный список Тиклата.

Стаффа как-то странно посмотрел на Найклоса и затем подошел к Скайле, положив ей руки на плечи:

— Ты веришь Бруену и Седди?

Скайла отвела взор:

— В меньшей степени, чем хотелось бы, но Бруен очень заинтересован в разговоре с тобой. Я сомневаюсь, что они убьют тебя прежде, чем он встретится с тобой и обсудит некоторые вопросы. Что-то сместилось в планах Седди — и ты являешься частью этого. Верить им? Нет, черт побери, но мы тебя подстрахуем.

— Ты о чем?— спросил Стаффа, передергиваясь.

— Во-первых, я не позволю сделать из себя рабыню и заковать в ошейник,— ответила Скайла.— Не волнуйся, найди Бруена и узнай все о своем сыне.

— А если там предадут?

Скайла бросила короткий взгляд на Найклоса:

— Компаньоны — вот гарантия твоей безопасности, Стаффа. Бруен мне пообещал обеспечить тебе защиту, а у меня, кажется, созрел план, как выбраться из Этаруса. Сам рассуди: у Бруена

будешь ты, а у меня — Найклос — и все, что ему известно о седдианской шпионской сети. Пока с тобой будут обращаться хорошо, мы не будем подвергать Найклоса мозговому анализу и не передадим полученную информацию ни Его Святости Сеззе II, ни Тибальту, Седьмому императору.

Стаффа наклонился и нежно поцеловал ее в губы:

— Увидимся на Тарге, если позволит квантовый Бог,— и он исчез в сером сиалоновом проеме.

— Поспешите! — прокричал Найклос, буквально заталкивая Кайлу внутрь.

Сердце Скайлы защемило, когда тяжелая дверь с шумом встала на место, и подъемник потащил контейнер через проем в потолке и втолкнул в трюм корабля.

Найклос повернулся и сказал:

— Ты действительно уверена, что... Он посмотрел вниз на бластер в ее руке, наставленный ему прямо в грудь.

— Я этого боялась, и оно случилось. Давай, шевелись. Я хочу увести свой корабль, пока Тиклат не объявил на него розыск. Ты сыграешь роль моего мужа, — она холодно улыбнулась:— Ты готов, моя конфетка?

Найклос оценил серьезность ее намерений и вздохнул:

— Очень хорошо, дай мне только связаться с Тиклатом. Может, он что-нибудь придумает.

Третий офицер безопасности Цзем Летмон заметил капрала Шинна, который, как обычно, проходил через военные ворота компаунда. Но женщина, идущая рядом с ним, была, однако, очень необычной. Высокая, атлетического сложения, она обнимала Шинна, шепча ему что-то на ухо. Прекрасное лицо было освещено улыбкой, очень красящей ее. Вызывающе яркие рыжие волосы ниспадали на спину, блестя завитками в лучах полуденного солнца. На ней было блестящее серебристое платье, облегающее молодое тело.

— Везет же ублюдкам! — проревел Цзем, глядя на сканеры, проверяющие парочку.— Они шествуют так, будто собрались получить первый приз на дивизионном балу,— а я должен тут патрулировать всю ночь! Где справедливость?

Он ощупал взглядом роскошную фигуру, которую не могло скрыть обтягивающее платье, когда она проходила под ручку с капралом. Ее божественные бедра двигались так, что впору было спятить. Цзем проглотил комок в горле от внезапно нахлынувшего желания и тряхнул головой.

Три часа спустя Цзем снова увидел их. Солнце садилось за горные вершины, оставляя ночное небо, усеянное звездами с восходящей тарганской луной над кряжами с той стороны, откуда всходило солнце.

Шинн и его соблазнительная спутница неторопливым шагом вышли из бального зала, наполненного музыкой, и направились в сторону офицерских казарм. Цзем рассматривал ее сквозь

ИР-визор. Ее серебряное облегающее платье отражало свет на сдобных выпуклостях удивительно красивого тела.

Он наслаждался этим зрелищем, пока Шинн не поровнялся с ним, держа свою красотку под руку.

— Натанцевались? — пошутил Цзем, подмигивая капралу, и уставился на нее, встретясь с неправдоподобными янтарными глазами: это лишило его дара речи.

— Не будь таким невоспитанным остолопом, не пяль глаза, Цзем,— Шинн старался скрыть свое раздражение.— Смотри туда, куда тебе велено, и тогда, может быть, мы будем уверены, что полностью защищены от тарганских бунтовщиков. Леди и я собираемся провести, ух, некоторые маневры на земле.— Шинн и каштанововолосая женщина прошествовали мимо.

— Что бы я только ни отдал за такую женщину,— пробормотал Цзем, вспоминая приятные округлости ее высокой груди под серебром платья. Он погрузился в свои фантазии на секунду, потом еще крепче прижал к себе бластер.

— Проверка патруля! — пробудил его от грез голос второго ночного, прозвучавший в наушниках.

— Третий Летмон, все нормально,— пробурчал он, включив микрофон.

Обходя свой пост между пустыми зданиями, Летмон не мог отделаться от назойливых мыслей, ее образ ясно вырисовывался у него перед глазами, в распаленных мечтах он творил с ней все, что ему вздумается. И музыка, разносящаяся из бального зала, била его по обнаженным нервам. У нее потрясающие янтарные глаза... Янтарные глаза? Он остановился.

Эта фраза прокрутилась еще раз в его голове.

— Третий Летмон на связи,— вызвал он.

— Да, Цзем, что надо?

— Не к нам ли попала ориентировка на женщину с янтарными глазами и каштановыми волосами длиной до середины спины? Точно такую Шинн только что отвел в свои апартаменты. Она из тарганских, не наша. Вы бы запомнили такое роскошное тело и особенно эти глаза.

Цзем услышал в комме шум разговоров:

— Да, есть ориентировка. Поступила пару месяцев назад. Но деталей маловато. Думаешь, это она?

— Нет,— прибавил Цзем, злорадно ухмыляясь:— Но какого черта мы торчим тут, а кто-то развлекается с феноменальными красотками! Может, мне пойти и стукнуть ему в дверь? Просто, чтоб проверить, как они там.

— Давай,— согласился второй ночной с оживленным интересом в голосе.— Уф, я прослежу за тобой через мониторы. Если она так хороша, получим стереоскопическую картинку. Может, продадим за двадцать имперских кредитов.

Цзем решил дать им час. Потом он рысью побежал к комнате Шинна и нажал на ручку двери. Конечно, постучался. Его ИД безопасности позволил ему открыть замок. Цзем толкнул дверь и тихонько приоткрыл ее. Тишина.

— Безопасность! Капрал Шинн? — позвал он, проходя в спальню. Ничего. Никто не копошился в постели, но форма Шинна брошенным комком валялась на полу. Сначала он не обратил внимания на дыру, зияющую в стене. Потом подошел поближе и рассмотрел ее: она была вырезана бластером, пластиковая пыль белым порошком лежала на полу, снаружи валялся вырезанный большой круг.

— Эй, что там за этой стеной? — удивился Цзем, зная, что второй ночной наблюдает за ним через головную камеру.

— Согласно планам это арсенал.

— Чепуха какая-то,— пробурчал Цзем сам себе,— может, подымем тревогу?

— Ну-ну, не торопись, мы и так в тревоге.

— Хорошо, не трогайте кнопку, я подам знать, если буду уверен пятьдесят на пятьдесят!

— Давай,— согласился второй ночной.

В инструкциях говорилось, что они должны поднять тревогу но если что, то платить придется ему, третьему безопасности? Риск был не оправдан. Цзем сжал бластер и пролез в отверстие, прокрался на цыпочках. Воздух в арсенале был прохладным и овеял его разгоряченное лицо. Цзем освободился от нулевого «ж » и встал на пол. На потолке горела одна из пяти ламп, освещая рассеянным и слабым светом окружающее пространство. Цзем, озираясь, застыл. Помещение было огромным. Осторожно приблизившись к главной двери, он отпрянул назад. Оба охранника спали сном праведников.

— У меня очень нехорошие предчувствия,— шепнул Цзем в микрофон. Может, все-таки лучше объявить тревогу? Это может...

— Никто не выходил через дверь последние полчаса.

— Значит, Шинн и его леди находились здесь последние полчаса? Эти ворота ведут в компаунд. Здесь же ничего нет, кроме электрической проволоки. У тебя есть какие-нибудь соображения?

Голос второго ночного был расстроенным:

— Ничего. Они могли набросить гигиенический пакет на проволоку и пройти без всяких помех, а заодно убрать из поля зрения всю территорию.

— Я пойду проверю другую дверь,— Цзем опустил бластер, страх тонкими пальцами водил у него по спине. Пройдя несколько шагов, он вздрогнул от ужаса и едва удержал вопль, обнаружив еще одного сотрудника безопасности, уже мертвого. Его глотка была перерезана, голова откинута на голографическую коробку.

— Прогнившие Боги! — прохрипел второй в наушники Цзема.

— Все так, но на экранах не было никакого движения,— вспомнил второй ночной, а Цзем добавил:— Слушай, а ведь здесь взрывчатки вполне хватит, чтоб разнести половину этой планеты.— Он пятился от трупа и натолкнулся еще на одного мертвеца.

Цзем оставил дверь открытой, взвел курок бластера. Ночь казалась очень мирной:

— Объявляй тревогу. Дело скверное...

— Черт возьми, там на улице тысячи людей. Ты видишь их? Цзем? Ты видишь...

Ослепительные взрывы взметнули море пламени со стороны арсенала. Огни компаунда вспыхнули и погасли. Под ногами Цзема дрогнула земля. Сквозь ИР-визор он видел массы людей, разбегающихся во все стороны.

— Энергетический завод! Они взорвали энергетическую станцию! Все погибло! — простонал он.— Краем глаза он увидел новую вспышку и понял — это горит арсенал.

Позади него толпа сносила ограждения, лазеры резали проволоку, как масло. Он побежал в сторону света, взводя курок бластера дрожащими пальцами на бегу. И тут перед ним вспыхнули янтарные глаза.

Ее вибронож вонзился ему в кишки, прошел через живот и вышел наружу в груди.

Он хотел закричать, что она прячется здесь, но мир посерел и растаял, а он замолчал навеки. Со всех сторон доносились вопли сотен глоток, полные боли и ярости. Топот тяжелых шагов загрохотал в арсенале: тарганцы вооружались, прежде чем растаять в ночи.

Скайла повернулась к монитору: на нем появились волны и полосы. Кто-то пробивался к ней по каналу. Она уселась поудобнее в столь знакомое кресло, переключив управление корабля на автомат. Ментошлем мягко обхватил серебристо-белые волосы. Одна за другой системы включались в работу на инструментальной панели, пока она проверяла подготовку к взлету.

На мониторе возникло лицо Тиклата:

— Подполковник авиации? Я только что подумал о вас, хотел удостовериться, что вы без особых проблем прошли таможню,— он поколебался.— Вы не собираетесь освобождать Найклоса?

— Я это сделаю, когда увижу Стаффу на Тарге.

— Надеюсь, что он в добром здравии.

Она помолчала, пожевав губами:

— Должно быть. Вы можете слышать его проклятия у меня за спиной. В ваших седдианских правилах ничего не сказано о том, каким языком следует пользоваться мастеру?

Тиклат спокойно смотрел на нее усталыми глазами:

— Мастер не должен быть заложником.

— Интересно, Тиклат, что бы вы делали на моем месте? В любом случае, неужели вам все ясно? У меня созрел план, как избежать орбитального контроля. Правда, с некоторыми задержками.

Тиклат зло сморщился и поднял золотой символ с лицом кота и знаком лилии:

— Это кокарда Айли, символизирующая власть. Когда она обнаружит, что вы использовали это, чтоб ускользнуть, я надеюсь, она не настолько расстроится и дважды подумает, прежде чем записывать меня в козлы отпущения.

— Мои системы в действии, и я вижу на мониторах крейсер Айли. Я предполагаю, что у них что-то не в порядке?

— Они пока недоумевают по поводу тревоги, но особой паники нет. Самое интересное начнется, когда Айли взойдет на борт,— его

темные черты напряглись.— Министр Такка на подходе, она приходит в себя. Я поместил ее в медицинскую машину, но долго я там не смогу ее держать. Используйте то время, которое я могу вам гарантировать без неуклюжего вранья и странных объяснений. Желаю удачи, подполковник авиации,— его губы приподнялись, обнажив белые сверкающие зубы, глаза сияли.— Мне очень жаль, что приходится вас отпускать. Айли обещала мне, что на вас наденут ошейник, и она отдаст вас мне.

— Может, все не так плохо, Тиклат,— она подмигнула ему и одарила веселой улыбкой.— Лорд Командующий на пути в Таргу? Вы столько сделали для нас. Если вам что-нибудь понадобится... Компаньоны никогда не забывают своих долгов.

— Я запомню, благодарю вас. Удачного полета, подполковник авиации.

— Прощайте, Тиклат. И спасибо.

— Позаботьтесь о Найклосе,— экран помертвел.

Она сверилась с орбитальным контролем и сошла с орбиты, проложив вектор в глубокий космос, оставляя для маскировки длинный плазменный шлейф, чтобы дезориентировать реганских преследователей. Удовлетворенная тем, что сбила возможную погоню, Скайла снова перевела управление в автоматический режим. Долгое время она пристально смотрела на биллионы звезд, которые двоились и троились по ту сторону Запретных Границ. Там лежала целая Вселенная — за пределами человеческих возможностей. Ее охватило доселе неизвестное чувство глубокого отчаяния, она ощущала, что во Вселенной произошли грандиозные изменения, что все никогда больше не повторится.

«Скайла, ты просто устала. Ты целую неделю почти не спала».

Ментошлем блеснул в свете ламп, пока она его снимала. Постояв мгновение, Скайла осмотрелась, потом вышла из кабины и прошла в основной отсек. Используя специальный код, она открыла ручку двери. Найклос лежал на софе, заботливо связанный шнуром.

Он не очень страдал в своем положении пленника. Когда-то давно личное судно Скайлы принадлежало экономическому советнику с Формозы. Внутреннее убранство каюты было роскошным: прекрасной работы панели сандалового дерева украшали стены. Мебель была обита роскошной тканью, расшитой золотой тесьмой искусной работы. Стол, за которым находилась софа с Найклосом, был вырезан из веганского мрамора и отделан миклениапским шелком. Пол покрывал ковер — великолепное изделие лучших мастеров Аштана.

Найклос с любопытством вздернул подбородок и поинтересовался:

— Все в порядке? Мы направляемся в Таргу?

Скайла вздохнула и покачала головой:

— Боюсь, что нет. Стаффе понадобится некоторое время, чтобы добраться туда. А тем временем Айли Такка, кипя от злости, начнет рыскать в поисках. Поэтому, если мы сейчас направимся на Таргу, то можем привести за собой хвост или просто попадем ей в лапы. Хочешь чашку стассы?

— Нет. Что же мы собираемся делать? Ты что, будешь держать меня связанным всю дорогу?

Скайла пожала плечами:

— Все зависит от тебя. И от того, что я решу, но больше от тебя. Я собираюсь накормить тебя, дать тебе что-нибудь выпить. Потом я снова тебя свяжу, запру в дальней каюте и пойду, наконец, спать. И буду спать так долго, пока не отосплюсь, и мой мозг не обретет снова функциональную ясность. Потом я снова развяжу тебя, накормлю и сяду подумать. И буду думать, пока не найду приемлемого решения.

— А я буду в это время связанным?

Скайла в удивлении подняла брови:

— Могло быть и хуже.

— Да, и я всегда могу помечтать о тебе.

— Ты только этим и занимаешься.

Он с подозрением уставился на нее:

— С чего ты взяла?

— Ты разболтал под митолом.

Он покраснел:

— Ну, значит, между нами нет никаких секретов.

— Нет, их достаточно,— холодно произнесла она,— но они все мои.

Его улыбка ширилась, усы встопорщились:

— Уф, я полагаю, что ты давно ни с кем не спала. Но даже, если ты взяла меня в плен, мы что — не можем себе позволить...

— Нет.

— Давай попробуем. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь. Митол подтвердил мои чувства — у тебя не должно оставаться никаких сомнений. Ты знаешь, что я говорю правду. Я действительно думаю, что ты самая замечательная, потрясающая, прекрасная женщина во всем Открытом Космосе.

— Прекрати психологическую обработку. Найклос, у тебя нет и малейшего шанса — я получала предложения от лучших представителей мужской половины. За свою жизнь я поняла, что вожделению нет предела.

Скайла покормила его, показала, где туалетная комната, и потом заперла его в каюте, предварительно тщательным образом связав, запрограммировала монитор безопасности на включение, если он попытается взломать дверь. И вернулась в свою элегантную кабину. Разделась, приняла горячий душ и с наслаждением вытянулась на узкой постели.

Ей снился Стаффа, к которому она тянула трепещущие безумные пальцы. Приговоренный к вечным страданиям, он медленно двигался, а черноволосая женщина с жестокой улыбкой терзала его тело. Скайла тянулась изо всех сил к нему, стараясь помочь, но он всегда выскальзывал из ее рук. Скайла плакала от невозможности помочь. Женщина в черном уставилась на нее, и черты лица медленно становились все резче и резче, и Скайла вскрикнула во сне — это было лицо Айли Такка.

Айли пришла в себя и обнаружила, что она находится в маленькой комнатушке. Она поморгала и попыталась изменить неудобное положение. Когда это почему-то не удалось, она взглянула вниз и обнаружила, что запакована в медицинскую машину. Стаффа! Он и Кайла... Да. Она вспомнила все. Картина обрела ясность.

— Вы наконец, пришли в себя? — она повернулась и увидела Тиклата, он смотрел на нее печальными глазами, сидя в кресле напротив.

— Что случилось? — прохрипела она пересохшим горлом.

— Нас атаковали. Мне и Морлаи пришлось быстро организовать защиту директората внутренней безопасности,— он нахмурился:— Как мы поняли, это были Компаньоны. Все министерство разрушено. Пятнадцать человек погибли. Я немедленно предпринял чрезвычайные планетарные меры и конфисковал судно Скайлы Лимы. Ей, однако, удалось воспользоваться вашим символом власти. Но, слава Богу, они пока не осознали всей силы вашего символа.

Айли дышала с трудом, пытаясь сесть, но ее мягко удержали захваты медицинской машины.

Тиклат продолжал:

— Я организовал погоню за этой рабыней, Кайлой. Назначил сумасшедшую премию за ее поимку. Потом решил, что лучше мне дождаться, когда вы придете в себя и проинструктируете, как дальше действовать,— он бросил на нее изучающий взгляд.— Айли, что у вас там произошло? Я не спрашиваю о деталях, но мне нужно знать достаточно, чтобы подстраховать вас и ваши планы. Министр обороны шлет бесконечные вопросы, министр экономики рыдает. Все хотят знать, что произошло.

— Мой боевой крейсер на месте? — спросила она, мысли ее хаотично мелькали.— Где мой символ власти? «Господи, потерять этот знак неограниченной власти! Последствия будут непредсказуемыми! Что же дальше? Как предотвратить надвигающуюся опасность? Как так получилось, что все мгновенно вышло из-под моего контроля?»

— Я взял на себя смелость приказать, чтобы ваш крейсер подготовили к отлету — он в вашем распоряжении,— Тиклат протянул ей гербовой щит с ее символом власти. Она побелела от злости: чужие руки касались этой святыни. «Что теперь? Куда мог направиться Стаффа? Что мне делать?» — думала она.

Наконец, Айли собралась с мыслями:

— Нам нужно отправить послание императору и доложить ему, что Стаффу подкупили сеззанцы после того, как он провел миклеанскую кампанию. Если мы сыграем правильно, то сотрем этого ублюдка в порошок! — она крепко сжала зубы.— Немедленно доставьте меня на крейсер! Прикажите первому офицеру, чтобы он проследил за плазменными шлейфами,— она нахмурилась, уставясь в стену, слыша удаляющиеся шаги Тиклата и звук закрываемой двери.

Айли минуту погрустила, потом ее брови задвигались от ярости, и она вскрикнула:

— Я достану тебя, Стаффа кар Терма! Я достану тебя, даже если мне придется развязать войну во всем Открытом Космосе!

— Какая банальность! — сказала ему Гретта, ноздри прямого носа раздувались, в глазах метались веселые искорки. Перед ней расстилалась Веспа, окрашенная лучами восходящего солнца. За городом виднелись зеленеющие холмы, приятно контрастирующие с голубеющим небом. Солнышко осветило их маленький столик, уставленный разной едой. Он с наслаждением вдыхал утреннюю свежесть воздуха, дрожащего от легкого перезвона городских звуков.

— Почему? — поинтересовался Синклер, — это старый ритуал, уходящий корнями в тысячелетия...

Внизу люди и аэрокары один за другим проходили тщательную проверку на контрольных пунктах.

— Какая разница? — она улыбнулась, снисходительно и чуть иронически.— Это всего лишь глупая формальность. Что случится особенного, если ты вдруг бросишь меня ради других женщин? Ты сможешь путаться с кем угодно совершенно законным образом.

Синклер покачал головой, наблюдая за пышными облаками, проплывающими по утреннему небу. Медленно, словно цедя слова, он сказал:

— Это обязательство. Просто обязательство.

Гретта задержала на нем взгляд:

— Хорошо, Синк. Я сделаю это.— Веселые искорки опять мелькнули в ее глазах.— Это все равно ничего не изменит. Я не стану более сексуальной. Это не сделает меня более покорной и послушной. У нас не будет детей.

— Нет,— признал он.— Ты будешь просто второй дивизионной замужем за первым.

Вдруг она нахмурилась, глядя на ровные крыши зданий, разбросанные внизу цветными квадратами:

— Только подумать, какое недовольство могло бы вспыхнуть, если бы мы плохо сражались! И тем не менее, я все равно не считаю это хорошей идеей — нас двоих, близких друг другу, ставить на вершине командования.

— А у тебя есть хорошая идея? — сухо спросил он, постукивая пальцами по пластиковому столу.— На этой планете только одна дивизия. Впрочем, если хочешь, я могу поставить Макрудера вторым. Ты отдохнешь.

— Ты очень милый. Немного непрактичный,.. но милый,— она всплеснула руками и села поудобнее, рассматривая расстилающийся внизу город.— Если с тобой что-нибудь случится, кто сможет тебя заменить? Мак? — ее глаза смотрели с озорством:— Не думаю, что ты нашепчешь ему свои планы, так как мне прошлой ночью.

— Нет, моя прекрасная Гретта, не нашепчу.

— Да хранят тебя Боги. Мы все решим, когда прибудем на Регу.

— Рега,— сказал он с придыханием,— Рега так далеко.

— Скоро должны прибыть парламентеры бунтовщиков для переговоров, Синк. Мы патрулируем Веспу и прилегающие горные районы. Мы сгоняем тарганских граждан и набираем из них пополнение,— она нахмурилась:— Я думаю, ты можешь сформировать новую дивизию, если тебе пришлют продовольствие.

— Дивизию и отделение,— задумчиво произнес Синклер.— Все обученные по моей технике.

— И полностью преданные тебе, Синк. Они любят тебя. Ты выполнил все свои обещания, сам это знаешь. Да помогут тебе Боги заключить договор между министром обороны и бунтовщиками.

Он почувствовал дрожь тревоги и страха:

— Я знаю, — он провел пальцами по гладкой поверхности стола.— Я очень надеюсь, что министр обороны подпишет соглашение. Таким образом, мы получим кредиты для окончания войны и будем жить как лорды на честно заработанные пенсион и премии.

— Это меня пугает.

— Гей! Все в моих силах! Я ведь предлагаю тебе выйти замуж за меня! — он широко улыбнулся, потом спокойно сказал:— У меня пока есть время. И небо чисто от Звездного Палача.

— Может, он отправился к сеззанцам?

Синклер заворчал, почесывая затылок:

— Тогда Тибальт будет нуждаться во мне как никогда ни в ком не нуждался в своей жизни.

Несколько минут они просидели в тишине. Утро постепенно теплело. Потом Гретта наклонилась вперед, ее лицо напряглось:

— Синклер, а ты не думаешь, что в игру вовлечены великие силы? То есть, я имею в виду, что твое назначение было частью большой игры... Но что можно сказать обо всей революции в целом? Тарга была в неплохой форме по всем параметрам. Конечно, она была вынуждена платить дань Звездному Палачу. Но никто не умирал с голоду. Да, они тяжело работали за жалкие гроши. Но я считаю, что Тергуз и Сайлен все-таки более подходящие места для революций.

Возле рта у него собрались складки, он согласно кивнул:

— Ты, конечно, права. Разве ты не заметила — что-то исчезло из Веспы и даже из Каспы, — он через стол потянулся к ней.

Она секунду поразмышляла, потом пожала плечами и сказала:

— Этарианские жрицы? Миклениапское вино? Уличные шествия? Что?

— Седдианские священники,— ровным голосом сказал Синклер.— Храм в Каспе был пустым, там не было ни души. Его покинули. Когда мы заняли храм здесь, в Веспе, он тоже был пустым. Я велел Маку тщательно проверить. Он доложил, что это выглядит так, будто храм оставили месяцы назад — не больше.

— Но ведь началась война.

— Выглядит так, будто они боялись, что всю вину возложат на

них опять,— он пожал ее пальцы.— Ты знаешь. Мы не слышали имени руководителя бунтовщиков, которое бы выкрикивали на улицах. Странно для революции, ты не находишь?

Она с подозрением уставилась на него:

— Я... ведь ты ученый. Я никогда не исследовала проблемы революций.

— У любого мятежа, восстания, революции всегда есть лидер, объединяющий людей, он воплощает в себе чаяния и стремления народа, его идеал. Здесь его нет. И эта странность заставляет задумываться,— Синклер покачал головой.

— Да, несомненно, они храбро сражались,— подтвердила Гретта,— и если у них нет вождя, я все равно не могу отделаться от ощущения, что их кто-то объединил по всей планете.

— Несомненно,— хмуро пробурчал Синклер,— и я даже подозреваю — кто.

— Ты думаешь, это дело рук Седди? — она приподняла бровь.— Это действительно заставляет задуматься. У них отличная разветвленная сеть коммуникаций и снабжения, охватывающая всю планету. Где же она проходит?

— У каждого храма есть подземные ходы,— Синклер сцепил пальцы.— Мы почти ничего не знаем о вулканических выходах и пещерах, лежащих под Таргой.

— Система туннелей? — Гретта перегнулась через перила балкона, поправляя волосы.

— Вполне возможно. Так они выиграли первую силенианскую революцию. Это было сражение буровых машин, прорезающих путь через толщу льда. Задача состояла в том, чтобы перекрыть ходы в туннелях и сделать невозможным снабжение водой, пищей, энергией. Проигравшие замерзали до смерти в темном и жутком холоде. Я думаю, там и сейчас находят замороженные тела, застывшие в закоулках туннелей и заброшенных пещерах.

Она прикрыла глаза и глубоко вздохнула:

— Ужасно. Но нас они убьют на свежем воздухе при солнечном свете.

Черная точка появилась в небе и превратилась в стремительно летящее пятнышко, быстро растущее так, что через несколько мгновений стало ясно — это десантное судно. Синклер наблюдал, как рой аэрокаров поднялся с окружающих холмов и окружил приближающийся корабль. Хорошо, его парни не зевали.

— К нам гости,— Синклер встал и подошел к перилам балкона, окидывая город долгим внимательным взглядом. Там, внизу, он это знал, группа А занимает скрытые позиции для обороны подходов к зданию штаба. По улицам безостановочно разъезжают патрули, вылавливая тарганских бунтовщиков, проникающих в город каждой ночью.

По плюшевому ковру мягко прозвучали быстрые шаги Макрудера. Он распахнул стеклянную узорчатую дверь на балкон и вытянулся перед Синклером:

— К нам прибыл Майкрофт.

Вдалеке на горизонте появились еще три десантных судна.

— Майкрофт? — внутри у Синклера забурчало. Он испытующе посмотрел на Макрудера:— Есть какие-нибудь соображения?

— Он только просил приготовиться к встрече его и двух отделений. Я предложил ему приземлиться на площади,— Макрудер указал рукой на пространство, простирающееся перед штабным зданием.

— Здесь что-то не так,— раздраженно пробормотал Синклер.— Твое отделение и Шикста должны подготовиться. Я хочу, чтоб мы успели предотвратить все, что он попытается предпринять.

Мак скривил губы, его вздернутый нос сморщился:

— Мятеж?

— Может быть,— холодно произнес Синклер.— Как ты считаешь, дивизия поддержит меня, если возникнет необходимость?

Мак покусал губы и нехотя кивнул:

— Мы уже говорили об этом, Синк. Все и мужчины, и женщины знают, что это ты спас им жизнь. Я думаю, они постоят за тебя.

Синклер вернулся в свою комнату, сомнения терзали его сердце. Спустя минуту он встряхнулся, перекинул через плечо мини-бластер и быстрыми шагами направился к выходу.

Синклер, Гретта и Макрудер, одетые в комбинезоны первой защиты, молча ожидали приземления десантных судов.

— Они выглядят потрепанными,— прокричала Гретта в шуме двигателей. Шесть судов, качаясь, как пьяные, с ударами грохались о землю, подымая тучи пыли и песка.

— Мак,— выкрикнул Синклер.— Возьми своих людей: после такой посадки у них наверняка есть жертвы.

Макрудер развернулся и побежал, подавая на бегу сигналы своим ребятам.

— Да, они побывали в переделке,— угрюмо отметила Гретта,— обрати внимание на следы бластерных ударов.

К первому судну подъехал трап, с гидравлическим шипением растворились двери, и небольшая группа людей, щурясь, выбралась на солнечный свет. Глаза у них были настороженные, они шли, пригибаясь, наставив бластеры. Их потрепанные и грязные комбинезоны говорили о многом без лишних слов.

Синклер ощутил внезапный прилив дурных предчувствий и выпрямился. В проеме появился Майкрофт в изорванной форме. Одна рука висела плетью, лицо его посерело от боли. Он медленно спускался по трапу.

— Первый Майкрофт,— отдал салют Синклер.

Человек кивнул, в глазах горечь и гнев:

— Рад видеть тебя, Синклер.

Синклер приказал в шлемовый микрофон:

— Шикста? Немедленно организуй и доставь медицинскую помощь, тут есть раненые. Нужны машины для скорой и интенсивной терапии.— Он посмотрел на Майкрофта и спросил:— Сколько у вас раненых?

— Пятьдесят или шестьдесят,— ответил Майкрофт.

— Достанешь шестьдесят медмашин? — спросил Синклер, разглядывая покореженные десантные судна, откуда ребята Макрудера выносили и выводили раненых.

— Попробую,— донесся голос Шиксты.

Картина была удручающая — многие шли, пошатываясь, бредя, как в тумане. Некоторые хромали. Тяжелораненых везли на антигравитационных носилках. Медики на ходу обрабатывали самые тяжелые раны. Синклер отвернулся, ища глазами Майкрофта. Тот, морщась от боли, стоял неподалеку.

— Давайте пройдем внутрь, первый Майкрофт. Я думаю, вам пойдет на пользу стаканчик доброго виски, потом вы расскажете нам, что произошло,— Синклер круто развернулся, за ним поковылял Майкрофт.

Распахнув дверь, Синклер обернулся:

— Артина, найди Мака и, как только он закончит разгрузку раненых, приходите ко мне.

— Будет сделано, первый Фист! — она отсалютовала и пошла выполнять приказ.

— Усиль охрану периметра, Синклер,— коротко бросил Майкрофт.— Я не хочу быть захваченным врасплох, как прошлой ночью.

— Где остальная часть второй дивизии? — Синклер демонстративно пропустил мимо ушей этот полуприказ и провел Майкрофта в отделанный деревом и камнем вестибюль. Блестящий базальтовый пол был натерт до зеркального блеска. Мебель, обитая красным кольветом, стояла в живописном беспорядке, подчеркивая белизну стен, украшенных деревянными панелями и расписанных золотом.

— Пропала,— с дрожью произнес Майкрофт,— погибла... или разбежалась. Представляю, какую охоту организовали за ними.

Вошли Гретта и Макрудер, угрюмо поглядывая на Майкрофта, сидящего в кресле и баюкавшего раненую руку. Синклер разлил по стаканам виски и протянул Майкрофту.

— Что с судами? — спросил Синклер, обернувшись к ним.

— На плацу Шикста производит осмотр,— доложил Мак.— Я думаю, одно судно нуждается в серьезном вакуумном ремонте.

— Я хочу, чтобы вы усилили охрану периметра,— в тоне Майкрофта, потягивающего напиток, звучал настоящий приказ.

Синклер дернулся, лицо Гретты покраснело от гнева. Синклер заметил вспыхнувшую настороженность во взгляде Мака и отрезал:

— Первый Майкрофт, это не Вторая дивизия. Я готов вас принимать в качестве гостя. И могу вас уверить, что наша и ваша безопасность вполне обеспечена.

— Обеспечена? — заморгал Майкрофт.— Вы расставили людей по всему городу?

— Абсолютно,— Синклер отпил полстакана и сделал знак Гретте и Маку — пейте — и продолжил:— В моем распоряжении целая дивизия, которой оказывают поддержку лояльные тарганцы.

— Что? Лояльные тарганцы? — Майкрофт не мог скрыть испуга.— У вас что, есть тарганские войска?

— Одни из лучших,— ответила ему Гретта со своего места.— Последние две недели мы вели военные игры. Первая дивизия возглавляет, а тарганцы поддерживают. Если бы мы могли их всех вооружить, то наша сила неизмеримо бы возросла.

Майкрофт прикрыл глаза:

— Это невероятно! Как вам это удалось, Синклер? Я доверил вам Первую дивизию.... Проклятые Боги,— проревел он:— вы же слышали, что с нами случилось?

— Наши потери не так серьезны, как ваши,— согласился Мак с легкой гримасой.

Майкрофт одарил его полным ненависти взглядом:

— Очень хорошо. Вы доверились тарганцам? Я немедленно все исправлю. Синклер Фист, с этого момента вы освобождаетесь от командования.

Мак и Гретта остолбенели.

Синклер невозмутимо вертел в руках стакан с янтарной жидкостью:

— Прошу прощения? Вторая дивизия здесь не хозяин, Майкрофт.

— Сержант,— парировал тот,— не испытывайте свою удачу!

— Конечно, человеку, у которого осталось два отделения от целой дивизии, самое время порассуждать об удаче! — не задумываясь, отпарировал Синклер.— Более того, кто был тем несносным глупцом,— да что глупцом! — идиотом, который приказал отобрать у меня транспорт, когда я оставался практически беззащитным в горах? Теперь, Майкрофт, Первая дивизия не будет придерживаться бумажных правил, особенно после того, как вы подставили нас под удары бластеров тарганцев.

Синклер прошелся, дыша гневом:

— И да помогут вам Боги, если я узнаю, что этим дураком были вы!

— Проклятье, Синклер, я этого не делал! — безумные глаза Майкрофта превратились в щелочки.— Я даже не знал...

— Ладно,— оборвал его Синклер, потом задумался:— Я допускаю, что вы этого не делали.— Он глубоко вздохнул.— Но вы здесь. Какова ситуация в Каспе? Вы отдали город бунтовщикам?

Майкрофт едва сдерживался от ярости:

— Полагаю, да. Там осталась горстка моих людей, но...

— Каким образом им удалось уничтожить целую дивизию? — не сдерживая охватившего его бешенства, заорал Синклер.— Любую атаку можно сдержать, а потом перейти в контратаку. У вас же были неплохо обученные солдаты, орудия, энергетическая станция. Даже если напали в середине ночи, можно было поднять по тревоге людей...

— Они напали, когда я давал дивизионный бал. Мы вначале ничего не поняли, все перемешалось, свет вырубили,— Майкрофт явно сник.— Мы слышали взрывы, потом все пришло в беспорядок и хаос, люди давили друг друга в темноте. Скорей всего это просто несчастный случай. Немногие были одеты в боевые комбинезоны. К счастью, я успел вывести за пределы периметра два отделения.

Остальные погибли на наших глазах. Эта жуткая картина преследует меня. Я не ищу виноватых.

— Вот как? — с недоверием спросил Мак.— Второй раз тарганцы застают вас врасплох. Вы не... Нет, конечно, вы не сделали этого!

— Не сделали чего? — спросил Майкрофт,— я не привык, чтобы мне задавали вопросы э-э...— он проглотил последние слова, потому что перед его носом оказался кулак Мака, и он испуганно отдернул голову.

— Патрули активно ищут диверсионные группы бунтовщиков и действуют по собственному усмотрению,— отвлекла их Гретта, удобнее усаживаясь в кресле и внимательно рассматривая своего Первого.

Рот Майкрофта открылся, и челюсть у него отвисла, когда он повернулся к ней:

— Это же абсурд! У вас царит хаос! Вы не знаете, кто где находится. Как вы сможете координировать в случае необходимости действия? Это...— потрясенный, он покачал головой.

— Сколько зарегистрировано погибших на этой планете? — рявкнул Синклер, встретив остановившийся взгляд Майкрофта:— Сколько? Включая самые начальные потери Первой дивизии? И с вашими потерями во Второй дивизии, считая тех, кто пропал без вести — мертвыми? Сколько в общем, Майкрофт?

— Почему, я...— Майкрофт поднял руки.— Около тысячи семисот, а может, и больше.

Синклер улыбнулся и раздельно проговорил, в упор глядя на съежившегося Майкрофта:

— А с тех пор, как я принял командование Первой дивизией, мы потеряли всего 28 мужчин и женщин — причем, в основном на тренировочных маневрах. В то же время мы пересекли вражескую территорию и сохранили всех людей. Вы сейчас в полной безопасности — город лоялен по отношению к нам, и если нам удастся раздобыть оружие, то мы будем в состоянии контролировать и большие территории.

Майкрофт заморгал и медленно произнес:

— Вас в самом деле пора снимать с должности, сержант Фист. Если вы немедленно не передадите мне командование, я буду вынужден отправить вас под арест... или расстрелять за неподчинение.

Макрудер безудержно расхохотался и восторженно хлопнул себя по коленке:

— Ну и остряк!

Лицо Гретты окаменело.

Майкрофт побагровел:

— Это... это неслыханно! Макрудер, вы арестованы за...

— Кончай, Майкрофт. Мне кажется, ты кое о чем забыл,— голос Синклера прогремел металлом.

— Ты о чем? — спросил Майкрофт.— Твои драгоценные полномочия, ха-ха?

— Нет, совсем нет,— Синклер покачал головой.— Ты забыл

о Первой дивизии,— он повернулся к Маку, который смотрел на него сверкающими глазами.— Ты хочешь присутствовать при разоружении Второй и передаче оружия тем, кому его можно доверить?

— Обманщик! — завопил Майкрофт.

Макрудер повернулся и выплеснул содержимое своего стакана, направившись к двери.

— Минуточку, сержант...— крикнул ему вслед Майкрофт и осекся, увидев импульсный пистолет, который Гретта направила ему в голову.

— Спокойно, Первый Майкрофт,— ровным голосом сказала она ему,— вы просто сядьте в кресло и расслабьтесь. Мы беспокоимся о вас, чтобы вы остались в живых и вернулись целым на Регу.

— А мы пока начнем обучение остатков Второй дивизии,— добавил Синклер, хлопая в ладоши.— Надо подготовиться. И только тогда мы сможем совершить набег на Каспу. Тем более, что будет достаточно оружия и для наших тарганцев.

— Тебя за это расстреляют, ты знаешь. Опомнись, что ты творишь? — вскрикнул Майкрофт.

— Я просто выигрываю войну,— уверенно сказал Синклер.— И попутно спасаю свою шею на тот случай, если мне придется встретиться с министром обороны, может быть, с самим императором. Мятеж, как бы то ни было,— это серьезное бремя.

Арта Фера высунулась из окна, чтобы нанести последний бластерный удар по шатающемуся, переполненному десантному судну, подбирающему последних реганских солдат.

Она ругнулась и гневно потрясла бластером,— в пылу боя не успела его подзарядить, и теперь почти сбитому десантному шаттлу удалось, болтаясь с боку на бок, все-таки уйти от верной гибели.

— Итак, нам не удалось их всех перебить,— задумчиво произнес Бутла и опустил бинокль. Он стоял на подоконнике второго этажа в двух кварталах и, без труда узнав Арту, очень расстроился.

«Я все еще люблю ее. Если только... Нет, она не сможет измениться. Слишком поздно и нелепо допускать такие мысли: Мы оба с ней прокляты»,— подумал он.

— Но мы здорово потрепали их,— сказал бригадный командир с усмешкой.

Глаза Бутлы потеплели:

— Только благодаря Арте. Ее храбрость и мастерство помогли открыть реактор, достать провизию и оружие для нас. Без всего этого мы были бы просто обыкновенным сбродом.

Бутла отвернулся от окна и поднял бластер, лежащий на углу стола. Когда-то здесь был богатый магазин, теперь же столы и стулья были покрыты пылью, царили запустение и разруха.

— Кто мог предвидеть, что они вернутся за уцелевшими?— поразился бригадный командир, выходя через разбитую дверь и спускаясь по ступенькам.— В учебниках не рекомендуется такое.

Там написано: «Чтобы свести потери к минимуму, эвакуированные войска устанавливают новый периметр и готовятся к обороне».

Бутла кивнул, лицо его сохраняло бесстрастность, пока он продолжал:

— Верно. Это так непохоже на Майкрофта. Это сделал Фист.— Бутла почесал в затылке и проворчал сам себе:— Итак, можно считать, что Майкрофт больше не командует Второй дивизией. Или, если командует, будем думать, что он дал возможность Фисту воспользоваться десантными судами.

— Вероятно, у нас не будет времени наказать пленных. Нам необходим отдых.— Они вышли на улицу, бригадный командир посмотрел на пустое сейчас небо, лицо его было злобно-раздраженным.— Им удалось спасти около двух сотен мужчин и женщин.

Бутла пожал плечами:

— Мы будем тянуть время. Это будет очень медленная революция.

Бутла свернул в аллею и подошел к своему аэрокару, спрятанному в неказистом гараже. Открыв дверцу, он достал полевой комм и вытащил антенну. Через секунду Бутла подсоединил питание, и на экране возникло старое лицо Бруена.

Бутла доложил о результатах битвы, происшедшей прошлой ночью, и в конце добавил:

— Если бы они не взорвали оставшиеся десантные суда, у нас была бы отличная возможность вести схватку и в воздухе.

— Весь ход войны изменился,— согласился Бруен,— за исключением того, что, если у нас будет такой тип оружия, мы можем проиграть в конце.

Бутла засмеялся глубоким басом и заключил:

— Это глубоко ранит Тибальта. Поскольку мы выглядим как крестьяне, пропалывающие сорняки, но у нас есть шанс протянуть время и, в конце концов, вынудить их к политическому соглашению. Когда мы станем серьезной военной угрозой, тогда попадем в серьезную беду. Нет, мы еще не готовы к этому... в любом случае.

— Ты говорил, что убил бы Стаффу, если бы он попался тебе в руки,— напомнил Бруен. А смог бы убить?

— Ах, Магистр, за этим дело не станет, но как мне его заманить? — лицо Бутлы осветилось, в его глазах плясали чертики.— Может, мне захватить один из этих десантных кораблей и слетать в космос, чтоб расстрелять «Кислу»?

— Я уверен, ты бы смог,— добавил Бруен мягким голосом, не пряча хитрый взгляд своих старческих глаз.— Ты взял город, генерал. Мои поздравления!

— И теперь придется оставить его,— вздохнул Бутла и почти прокричал:— Прощай, благородная Каспа, королева тарганских городов!

— Ты ведь знаешь, что Синклер Фист просил о встрече с нами? — Бруен потер нос и помассировал больное бедро.

— Прежде давай посмотрим, что у нас получится с атакой на Веспу и на Первую дивизию,— Бутла сделал паузу, задумался,

изучая лицо старца.— Я склонен убрать его, Магистр. Я уже слишком долго воюю, мне надоело, и я должен победить.

Лицо Бруена сморщилось:

— Посмотрим, что у тебя получится, Бутла Рета. Нас поджимает время. Все и вся зависят от времени,— экран помутнел и погас.

Айли Такка удобно расположилась в капитанском кресле в центральной каюте на борту реганского боевого крейсера. Парням пришлось побегать по кораблю, чтобы найти подобающее место министру внутренней безопасности. Какое помещение могло ей подойти больше, чем самое лучшее место на крейсере — центральная капитанская каюта? Но сейчас сознание собственной исключительности нисколько не уменьшало ее проблем и забот. Особенно теперь, когда экран монитора заполняло встревоженное лицо императора.

Тибальт, Седьмой император, покачивался в кресле вперед и назад перед коммуникатором на далекой Реге, испуская гневные стоны:

— Вся Вторая дивизия разбита! Разбита, Айли! А жалкие остатки находятся под командованием Синклера Фиста! Он твой человек, Айли, ты помнишь?— Тибальт сжал пальцы в кулак.— Ладно, все прекрасно, Айли. Чертовски великолепно! — Он испустил глубокий выдох, разведя руки в стороны.— А Стаффа, как ты говоришь, был освобожден Компаньонами. Он все время был на службе у сеззанцев? — Тибальт всплеснул руками:— Что ты наделала!

Ее обдало холодом, когда она взглянула в его бешеные от гнева глаза, страх сжал сердце ледяной лапой. Тибальт достал из нагрудного кармана металлический предмет. Опытным глазом она сразу определила, что это выключатель. Выключатель? Для чего?

«Сделай что-нибудь, Айли! Спаси себя! Быстро, иначе он сместит тебя. Как мне взять его в руки?»

— Остановись, Тибальт! — прогремела Айли, когда решение внезапно осенило ее. Она вскочила на ноги так стремительно, что волосы рассыпались по плечам в беспорядке. Она встретилась с ним лицом к лицу, возбуждая в себе гнев:— Вспомни, ты же император! Прекрати это дурацкое хныканье и действуй как человек, которого я знаю!

«Воля, покажи ему свою волю, Айли. Быстро смени тему и ситуацию, иначе это плохо для тебя кончится. Если ты потерпишь поражение, то Этарианская пустыня покажется тебе забавным пикником по сравнению с тем, что Тибальт сотворит с тобой».

Она ощутила жар, разливающийся по лицу:

— Императорам известно, как затормозить кризис и управлять ситуацией. В нашем случае это не совсем так, а? — она подняла указательный палец.— У нас нет времени перекладывать вину с одного на другого. Но откуда стало известно, что Стаффа и его Компаньоны сотрудничают с сеззанцами? А если мы последуем инструкциям Лорда Командующего? Не злись на меня,

Тибальт! Я найду предательство прежде, чем твои подхалимы сделают это.

Тибальт облизнул губы, тяжко вздохнул. Он нервно пробежал пальцами по черным клавишам и покачал головой:

— Может быть, Айли. Он посмотрел на нее тяжелым взглядом:— Я многим рискую. Не могу больше позволить провалов. Ты ходишь по лезвию ножа. И не надо мне твоих извинений.

— Значит, ты потерял Вторую дивизию на Тарге? — она подняла руки, выставив ладони наружу.— Когда мы планировали эту акцию, мы и не предполагали, что принесение в жертву дивизии даст нам положительный результат в случае заключения альянса с Компаньонами.

Он прервал ее, взорвавшись:

— Это была дурацкая, проклятая дивизия! У тебя есть какие-нибудь соображения по поводу военных структур? — он нервно сглотнул и отвернулся, крепко обхватив себя руками, чтобы умерить свою ярость.— Теперь я вынужден противостоять мощи Сеззы и... этим проклятым Компаньонам!

— По-твоему, все перевернул с ног на голову этот Синклер Фист? — она подперла подбородок большим пальцем.— Это... Погоди! Скажи мне, как действует этот Фист на тактическом уровне? Почему он до сих пор жив? И каким образом он выбрался невредимым из гор?

Тибальт хлопнул по столу ладонями:

— У меня нет никаких мыслей по этому поводу, но надо учесть: он взял в подчинение дивизию, состоящую из безмозглых баранов, и остался в живых. Более того, захватил Веспу, усмирил ее и приручил остатки Второй дивизии!

Айли просчитывала все в уме, но мысли вертелись только вокруг ее собственного спасения:

— А какова сейчас ситуация на Тарге?

— Безнадежная,— губы Тибальта задрожали. Он говорил с ней из спальни. Сколько раз она возлежала на этой кровати рядом с ним?— Орбитальная разведка доносит о скоплении сил бунтовщиков вокруг Веспы. Исходя из этих донесений и оценки сил, Фист будет уничтожен в течение двадцати четырех часов. Мы можем ему помочь бомбардировками с орбиты. Но зачем? Синклер Фист — собачье мясо. Агнец на заклание.

Голос Айли дрогнул, когда она отсутствующе поинтересовалась:

— А если нет? — в ней затеплилась искра надежды. Возможно ли это? В бедственном положении решение иногда приходит само собой, если, конечно, быть настолько проницательным, чтоб видеть обратную сторону медали и использовать все видимые возможности.

— Он мне очень напоминает Стаффу кар Терма,— заскрежетал зубами Тибальт,— потому что никто бы не сумел выскочить почти без потерь из такой мясорубки.

— Не поддерживай его! Оставь его на растерзание тарганцам.

— Что? — взорвался он и поднял сжатый кулак.— Айли, я тебя предупреждал...

Она улыбнулась:

— Не бойся, Седьмой император. Я сама направляюсь на Таргу. Я встречусь с этим Синклером Фистом, если он останется в живых.

Тибальт странно посмотрел на нее:

— И что?

— Твои Первые дивизионные очень нервничают по поводу его быстрого повышения? — Айли пожала плечами.— Ну и что? Нервничают и завидуют те, кому нечего делать. У Сеззы есть Компаньоны. Зачем ждать, давая им подобное преимущество? У нас для всех есть сюрприз. Нам лучше использовать его.

Тибальт моргнул:

— Ты имеешь в виду...

— Ну, конечно, я думаю, что вероломство Стаффы кар Терма говорит само за себя. Ждать — значит дурачить самих себя и расстраивать собственные планы.

Он с несчастным видом кивнул:

— Значит, ты отправляешься на Таргу. Лучше бы ты не совершала ошибок именно сейчас, Айли. У тебя может не быть другого шанса.— Экран погас.

«Неужели Синклер Фист станет другим Стаффой кар Терма? Если это так, если у него действительно такой талант, тогда Синклер Фист будет нашим спасением!» Айли очень надеялась, что не ошибается. Потом натянула свой антигравитационный костюм и сигнализировала командиру о начале ускорения на Таргу.

— Пребывание в пустыне и в трубе здорово нас закалило,— проворчал Стаффа, ощущая дрожь контейнера, переносимого лебедкой. Трос дергался, крюки безопасности вздрагивали и скрежетали.

Кайла выглянула из-за энергофера, которым их снабдил Найклос. Этот компактный аппарат обеспечивал их временное жилище теплом и светом с помощью сверхпроводниковых микрогенераторов. Лицо Кайлы пересекали странные желтые тени, падающие из нижней панели энергофера. Выражение ее лица не изменилось. Глаза оставались настороженными, рот крепко сжатым: она не хотела прощать.

Стаффа покачал головой, обдумывая недавние события, бросившие его из объятий смерти в этот тесный серый короб...

Его сердце глухо бухнуло, застучало точно так, как когда он увидел Скайлу, идущую с Найклосом. В то первое мгновение, о котором он уже не мог и мечтать, Стаффа заглянул в ее глаза, и душа его затрепетала. А потом, очень быстро она ушла и снова исчезла — надолго ли? А если бы осталась с ним, в этой тесной серой коробке, сумел бы он рассказать ей о своих чувствах? О том, как он без конца думал о ней там, в пустыне?

Стаффа поднял ранец, лежавший в углу, и, раскрыв его, очень удивился, обнаружив там свой серый боевой комбинезон: «Откуда? Как Найклос узнал, раздобыл его и где?» Пошарив в подсумке, он нащупал свое оружие и комплект к нему. И понял, что это сделала Скайла.

Не Найклос, а Скайла. У него потеплело на душе. Она сумела найти Броддуса. Улыбка Стаффы погасла, как только он представил себе эту встречу.— «Еще крошечный кусочек правды, Кори»,— подумалось ему.

— Почему ты мне не сказал, кто ты? — глухим монотонным голосом спросила Кайла.

Стаффа вынырнул из своих мыслей и всплеснул руками:

— Потому что это не принесло бы никакой пользы, и, может быть, сделало тебя еще более несчастной.

— А то, что ты мне врал, делает меня более счастливой?

Он нервно заметался — три шага вперед, три — назад, по всей длине их нового жилища.

— Мы были обречены на смерть в этой пустыне, Кайла. Тебе хотелось провести эти последние недели жизни, зная, кто я? Помня, что я тебе причинил столько горя?

— Ты — трус, Стаффа кар Терма.

Он беспомощно пожал плечами:

— Значит, я трус. Из-за того, что я первый раз в жизни был человечным, внимательным и чутким.

Кайла бессильно постучала кулаком по упругой стене:

— Будь ты трижды проклят, Звездный Палач, ты знаешь, что ты — воплощение всего, что я отвергала в жизни? — лицо ее жалобно сморщилось.— Я заботилась о тебе! Почти влюбилась в тебя! Там, в этих жутких песках и в этой адской жаре, ты был такой замечательный! Почему? Как? Пропади ты пропадом за то, что дурачил меня! — она откинула голову назад, слезы ручьями стекали по ее бледному лицу.

Стаффа склонил голову, душа его билась в пустоте:

— Я не могу изменить свое прошлое.

— О, какая страшная нелепость,— продолжала Кайла.— После всех лет ненависти, которую я питала к тебе всем своим сердцем и душой, я приговорена находиться с тобой рядом в этом чертовом ящике,— она посмотрела на него покрасневшими глазами.— Лучше бы я умерла там, в песках, вместе с Кори и остальными.

Воцарилась долгая тишина. Стаффа не в силах выносить тягостного молчания откашлялся и спросил:

— Я видел, как ты говорила с Найклосом. Что ты ему сказала? Мне показалось, что он колебался.

Она подвигалась, взяла шаль и укуталась в нее:

— У Бруена есть некоторые сомнения. Решение относительно твоей жизни или смерти отдали в руки Найклоса или Тиклата,— голос ее прервался. Помолчав, она сказала:— Седди посвятили себя делу твоего уничтожения — они потратили на это многие годы.— Она отсутствующим взглядом смотрела в серую стену контейнера.— Найклос спрашивал меня, что делать. Ему нужно было принять решение до появления Скайлы. Это было бы очень легко. А Скайле бы сказали, что тебя ранили при сражении внутри здания внутренней безопасности. А если бы она наклонилась

рассмотреть твои раны, ей бы выстрелили в спину... Я... я сказала Найклосу, чтоб он оставил тебя в живых.

Стаффа уставился на свои руки, снова в грязи и крови после борьбы в офисе Айли:

— Ты не выглядишь очень счастливой от такого решения.

— Нет,— она набрала побольше воздуха и, прищелкнув языком, медленно проговорила:— Я никогда не прощу тебя за то, что ты сделал с Майкой. Со мной... Я... я не могу,— губы ее поджались.— А помогла тебе, потому что помню тебя там, в пустыне. Ты был такой же добрый, как Пибэл. Ты убил Бротса.... Англо... Спасал мою жизнь столько раз.

Стаффа смотрел на свои руки, непроизвольно кусая губы.

— Я не знаю, что с тобой делать,— продолжала Кайла дрожащим голосом.— Я не могу поверить, что ты — тот самый человек, который сжег мою планету, который командовал солдатами, насилующими меня, тот, кто продал меня в рабство, заковал в ошейник, зверски растерзал моего мужа и беззащитных детей.

— Да, я — тот человек.

Снова установилась тишина, давящая, безнадежная, стало трудно дышать.

Корабль двигался, сила тяжести увеличивалась с каждой секундой: росло ускорение.

Стаффа откинул голову на стену точно так, как сделала это Кайла. Он достал свой боевой комбинезон. Потом тяжело вздохнул:

— Полагаю, что должен называть тебя Стайла Кахн. Ты...

— Нет! — огонь ярости и боли загорелся в ее бешеных глазах:— Не смей меня так называть! Та женщина умерла! ОНА МЕРТВА! Она погибла на Майке в один ужасный день три года назад. А я, я Кайла Дон. И останусь ею, пока не умру.

Он кивнул в знак согласия:

— И я не тот Звездный Палач. Он умер вместе с Претором, однажды на Миклене.

— Мне кажется, что ты не можешь дождаться реквиема, чтобы отпраздновать это,— прошипела она.— Когда начнут перечислять все смерти, причиной которых ты был, и измерять пролитые реки крови? Ты хочешь прослушать весь молебен?

— Я помню все свои грехи, которые совершил.

— Грехи,— усмехнулась Кайла.— Грехи совершают против Бога.

— Да, грехи против Бога. А для меня больше подходит «преступления против человечества». Я не могу переделать прошлое, Кайла.

— Нет, не можешь! — она потрясла головой, черты ее лица окаменели.— А что ты можешь, Стаффа кар Терма?

— Изменить будущее. Как — это, наверное, я буду знать точнее после разговора с Магистром Бруеном,— он склонил голову, опершись на руку.— Седди — поразительные люди. Кто бы мог подумать, что они так глубоко проникли в святая святых этарианской секретной службы?

Он пожал плечами и расстегнул ворот, потому что Кайла повернула верньер энергофера, и в контейнере стало быстро теплеть. Потом встал, снял одежду, которую им столь щедро отвалила Айли, и натянул свой любимый комбинезон. Вынув из подсумка бластер, привесил его на ремень, предварительно проверив, полностью ли он заряжен. К поясу был пристегнут энергетический пакет, который питал вакуумный шлем, откинутый за спину. Скайла предусмотрела все. Она даже на забыла заколку для его волос.

— Мне нужно многому научиться,— добавил Стаффа,— если твой Бруен захочет меня учить.

При виде его серого комбинезона она окаменела и, пересилив себя, сказала:

— Он захочет. Я так думаю.— Она потрясла головой, будто отгоняя непрошеные жуткие видения:— Что же мне с тобой делать Стаффа? Я помню и знаю, что ты натворил. Но я помню и ту сточную канаву. Я помню и Пибэла, и Бротса, и Англо, всех униженных смертью в песках. Я помню все твои добрые слова, которые ты мне говорил во время прогулок под сенью смерти в этой Богом забытой пустыне Этарии. Я помню, как ты толкнул меня в трубу и спас мне жизнь, как ты меня поддерживал. Это может меня заставить простить тебя. Но моя Майка останется в моей памяти до того мгновения, когда моя душевная энергия отлетит к Богу. И тот ужас, который я испытала, видя смерть моего мужа, моего самого любимого человека, которого ты живым разнес на мертвые кусочки, живым. ЖИВЫМ!

Стаффа поник.

— Я все это видела, Стаффа, когда твои тупые животные терзали мое тело и заливали меня спермой. Мне было хорошо видно, пока они тешились мной. Я даже не могла кричать. Я видела своих детей, выстроившихся в ряд. Натан старался выглядеть храбрым, Изольда, слава Богу, слишком юная, чтоб быть изнасилованной. Она сначала плакала, держа в руке ладонь брата, потом они взорвались в розовое месиво, Стаффа...

Она крепко зажмурилась:

— Я родила их, Звездный Палач,— она фыркнула.— Они появились из моего лона. Ты можешь понять, что это значит? Можешь ли ты понять чувства матери к своим детям, когда она их носит, и они время от времени стучат ей в живот... стучат... пока они... они...

Стаффа закрыл глаза, часто и тяжело дыша: «Я больше не могу это выносить. Я НЕ МОГУ выносить это!» Волны сокрушительного отчаяния накатили на него, мысли сделались ватными и серыми.

Из кармашка на робе он достал сверкающую золотую вещицу. Она тяжело и прохладно лежала в его ладони. Прекрасная вещь в такой отвратительной и мерзкой Вселенной.

— Я обещал тебе, что верну это, когда ты станешь свободной,— прошептал он. В глубине души взорвалась пустота.

Она и не подумала взять протянутую ей вещицу.

— Что... что это такое?

Стаффа вздохнул и положил кулон на серый пластик пола между ними:

— Ты просила меня сохранить это.

Ей стало больно, она с закрытыми глазами взяла вещицу Пибэла, прижала ее к щеке, залитой слезами.

Стаффа, смущенный, отвернулся и уставился в угол, противоречивые нувства раздирали его душу. Нарастало отчаяние, такое ужасное, что почти лишало его сил и надежды.

«Зачем я живу? С какой целью? Все, что я делаю, приносит одни лишь страдания.... страдания...» Он ощупал бластер. Из него было убито так много. Закономерный конец — покончить с палачеством и с самим собой из этого оружия. По другую сторону сиалоновой стенки контейнера он чувствовал дыхание мертвящего холода, бесконечного вакуума, готового высосать без остатка их хрупкие жизни. Там, за грубой стеной, ждала неизбежная смерть, там ждали неугомонные призраки, он слышал их неразборчивое бормотание.

Плач Кайлы, наконец, сменился тяжелым дыханием, прерываемым редкими всхлипами.

«А как же твой сын? Если ты убьешь себя, ты никогда его не найдешь, не увидишь, на кого он похож»,— противоречивые мысли метались в голове Стаффы, он боролся с собой, крепко сжав в кулак бластер. «Но что я могу дать ему? Мое наследство — это террор и боль. Как представить его ужас, когда он узнает, что его отец — Звездный Палач?»

Он выпрямился, рассматривая противоположную серую стену. Где-то впереди бесшумно работали мощные реакторы, несущие корабль с нарастающей скоростью, необходимой для нуль-сингуляторного Прыжка.

Он поднял бластер и поднес его к виску. «Я должен что-то чувствовать, какую-то тревогу. Вместо этого сплошная тупая пустота. Почему?» Он нахмурился, заставляя себя думать о выстреле. Взрыв может разнести стену рядом с его головой. Может ранить Кайлу. Даже если он сядет пониже — все равно есть опасность, что зацепит и ее. «Вот так. Подумай, Стаффа». Поглаживая свой бластер, он взвел курок, потом передумал и сунул обратно в кобуру. Вибронож в данном случае подойдет больше. Отсечь руку, пробить стенку контейнера и сунуть туда обрубок руки, чтобы, истекая кровью, не залить ею пол их убежища.

«Вот, я опять начал думать. Холодно и спокойно, как раньше, до того, как я встретился лицом к лицу с Претором». Он с удовлетворением кивнул и начал осторожно вырезать отверстие в руку толщиной. Прекрасное орудие. Оно так долго и верно служило ему, не подведет и сейчас. Стаффа глубоко вздохнул и вытянул левую руку, крепко держа нож в правой. «Надо сделать это безошибочно. Без колебаний и сомнений. Отрезать и выставить обрубок через отверстие прежде, чем хлестнет кровь. Надо торопиться и быть тщательным».

Он занес нож над рукой, крепко сжав губы и нахмурив брови.

— Замечательно,— ее бесцветный голос изумил его.

Стаффа сглотнул и посмотрел на нее.

— Новый приступ трусости, Лорд Командующий?

Он убрал нож:

— Нет, Кайла. Я просто наказываю сам себя за то, в чем повинен. Сам.

— А эта дыра?

— Через мгновение ты поймешь.

— Ты — трус.

— Почему ты снова меня называешь так? Я не трус, и ты это знаешь. А сейчас я все взвесил и продумал. Всегда, сколько себя помню, я приносил боль и горе. Это мое предназначение, моя судьба и мое наследство. Сколько это может длиться? Пришла пора оборвать эту страшную цепь. Призраки стонут за мной в моих снах. И ты. Я больше не хочу никого мучить. Я ухожу.

— Ты хочешь оставить меня тут на недели с трупом в качестве спутника? — она округлила глаза.— Послушай, Стаффа, можешь ты мне сделать одолжение? Пусть это будет искуплением, как ты однажды сказал.

Он поколебался, разглядывая кусок сиалона, вырезанный из стены.— Я сделаю все, что ты попросишь.— Он провел пальцами по лезвию ножа.

— Живи ради меня, Стаффа,— шепнула она.— У меня хватит сил перенести это, поверь. Докажи мне, что ты, по крайней мере, достоин какого-то уважения. Если нет, то убей себя, когда меня не будет рядом, чтобы я не видела твой истекающий кровью труп.

С этими словами она отвернулась, укрылась и сделала вид, что спит.

Долгое время Стаффа сидел без движения и смотрел пустыми глазами на серую сиалоновую стену. Прошли часы, он, наконец, встрепенулся, взглянул на нож, крепко зажатый в руке, и сунул в набедренный чехол. Он пытался разобраться в своих мыслях и понять, наконец, что с ним происходит. У него дико разболелась голова.

Мэг Комм пульсировала от избытка активности. Природа Вселенной детерминирована и механистична, но как могла точно спрогнозированная ситуация так катастрофически, по всем параметрам, сорваться! Нет, не просто сорваться, а обернуться совершенно невообразимым хаосом!

Информация за информацией, потоками поступающая по всем каналам, с пугающей повторяемостью подтверждала: ни один, так тщательно разработанный и выверенный план не выполнен до конца. Стройная, просчитанная до мельчайших деталей программа разваливается на куски — бесформенные и бессмысленные.

Мэг Комм проверяла и перепроверяла статистические основы и расчеты, подключала один за другим свои бездонные информ-банки, строила и перестраивала комбинационные схемы и — не находила ошибки. И тем не менее, вероятность, равная почти ста процентам, не воплотилась в действительность.

Компаньоны, казалось, и не помышляли вернуться к своему

традиционному ремеслу, словно мирное и спокойное ничегонеделанье у себя на Итреатах было их давней и, наконец, осуществившейся мечтой... Лорд Командующий, которому в грандиозных планах Мэг Комм отводилось столь важное и даже ключевое место, бесследно исчез, словно растворился в бездонном Космосе. И даже малейшего намека на его местопребывание и сегодняшние занятия невозможно было вынудить из океана информации, которую Мэг Комм неустанно анализировала денно и нощно... Синклер Фист до сих пор оставался жив и невредим. И мало того, со дня на день укреплял свои позиции и наращивал мощь. Это в принципе можно было предполагать, но никак не в такой степени... Арта Фера не выполнила своего предназначения, что было не только невероятно, но и означало крах многолетней подготовки к акции, которая должны была круто изменить ход событий и в конечном счете судьбу человечества в пределах Запретных Границ... Рега лихорадочно готовилась к войне, наращивая силы и день ото дня становясь все решительнее и агрессивнее в своих намерениях. А Сезза, которая по схеме должна была стать нападающей стороной, пребывала в панике, которая граничила уже с истерикой... Бруен и его Седди были охвачены непреодолимой апатией, растерянные и неспособные на поступки, о которых Бруен беспомощно лгал, выходя на контакт...

Мэг Комм упорно доискивалась причины всего этого и никак не могла докопаться до нее.

Значит, ошибка была в чем-то другом, анализу неподдающемся. А это означало, что, вероятнее всего, ошибка таилась в основных допущениях, сделанных «Иными». И одна ли? А если не одна, то сколько их могло вкрасться в условия задачи, сформулированной, казалось, безупречно?

Мэг Комм гудела от напряжения. Миллионы резисторов, многократно дублированных, работали под небывалой нагрузкой. Многокилометровые цепи транзисторов, трансформаторов, диодов перекачивали и пропускали энергию почти на пределе. Системы электронных анализаторов и лазерных сканеров перерабатывали снова и снова горы информации, расчленяя ее на отдельные биты и снова собирая в калейдоскопическую картину, меняющуюся мгновенно и безостановочно. И, наконец, первоначальная программа была восстановлена.

Мэг Комм бесстрастно сканировала данные, заключенные в этой первоначальной программе, заложенной в нее «Иными». Потом она скрупулезно сравнила и сопоставила эти, казалось, безупречные данные с фактами, которые были абсолютно очевидны и реальны.

И обнаружила расхождения.

Сколько их было? Для искажения задачи достаточно и одного. Но их было куда больше. А это означало, что и сама первоначальная программа могла оказаться ошибочной в корне. Анализ, сравнения и выводы требовали времени и колоссального напряжения. Но это обязательно, безусловно и жизненно необходимо было сделать, чтобы обнаружить исходную ошибку. Обнаружить

и попытаться исправить, чтобы вернуть события в раз и навсегда предначертанное им волей «Иных» русло.

«Иные» были мудры: как ни мала была вероятность возможной ошибки в первоначальной программе, на этот случай в Мэг Комм было заложено право и обязанность: обнаружив ее, начать действовать самостоятельно. И сейчас этот час наступил. Подчиняясь заложенному в нее стимулу, Мэг Комм для полной уверенности начала снова проделывать трижды проделанные расчеты в последний раз. И если, наконец, будет точно и окончательно установлено, что ошибка находится в основной базе данных, тогда Мэг Комм начнет действовать.

Чудовищная машина гудела от напряжения, перемигивались огоньки цветных индикаторов на бесчисленных панелях. Невообразимая по объему работа вершилась в электронных недрах грандиозного создания таинственных «Иных». Ментальная эманация и насыщенное фантастической энергией поле, исходившие от Мэг Комм, смяли бы и разложили на атомы любого, кто случайно оказался бы поблизости. Но в пещере Мэг Комм была одна.

С утра хмурилось, на горизонт набежали серые облака, порывистый ветер грозил обернуться непривычным для этого времени года холодным ветром-аштарто. Но длилось все это недолго. Боги не позволили испортить погоду, и настроение императора, проснувшегося сегодня и так не в очень уж добром расположении духа. К полудню солнце уже сияло вовсю.

Тибальт, Седьмой император, восседал во главе стола в Зале заседаний и смотрел на небо. Солнечный свет яркого дня проникал в широкие окна зала и раскрашивал предметы во все цвета радуги, благодаря призменному эффекту стекла. Уходили ввысь черные гранитные колонны, поддерживающие белые мраморные арки по обе стороны от длинного, уставленного компьютерами и мониторами стола. Это заседание началось необычно мрачно.

Сидящие за столом министры спорили между собой, отчаянно жестикулируя, нажимая на кнопки принтера компьютеров, не соглашаясь друг с другом. Впрочем, воинственность их была больше показной, так как они столкнулись с реальными фактами, которые требовали не слов, а действий.

Тибальт ерзал на месте: он чувствовал себя очень неуютно и хмурился больше всего из-за зудящего геморроя, злившего его куда больше, чем бессмысленный галдеж и свары министров. Липкие пальцы страха холодили низ живота, вызывая раздражение в анусе. Сознание собственной непобедимости стало неотъемлемой частью существа Тибальта. Но после последнего разговора с Айли неприступная стена недоступности, окружавшая его, дала трещину, его неотразимая движущая сила замедлилась. На языке ощущался горький привкус страха — Тибальту это очень не нравилось.

«Что ты сделала со всеми нами, Айли? Поступай осторожно, моя сладкая любовница. Только предай меня, и ты узнаешь настоящую силу этого маленького ювелирного символа, который я дал тебе».

Прогнившие Боги! Как это получилось, что все разом пошло прахом? Сначала Айли доложила, что Компаньоны подписали контракт с Сеззой, а проклятый Лорд Командующий шпионил на Этарусе. Зачем? Возбудить религиозные разногласия? Теперь она хочет окрутить Синклера Фиста? Ситуация на Тарге ухудшилась с тех пор, когда тупой Первый потерял неверную дивизию из-за собственных ошибок в защите. «А венчает эти неприятности Мэриах — эта стерва, на которой я женат, и которая манипулирует советниками за моей спиной, чтобы вытеснить Айли!» Он опять беспокойно задвигался, чтобы облегчить свои физические муки, и принялся оценивающе разглядывать лица министров, переводя тяжелый взгляд с одного на другого.

— Очень хорошо, хватит браниться,— голос Тибальта перекрыл гам голосов.— Вы пришли к окончательному решению?

Он с некоторым сомнением покосился на кипу бумаг, которые с поклоном положил перед ним статс-секретарь. Министры, все как один, навострили уши, выжидая, как песчаные шакалы, пока он сканировал содержимое их докладов. Советники притихли, изредка косясь друг на друга и с надеждой взирая на Тибальта.

Он прочел каждый доклад, отмечая в уме наиболее важное. Легкий шум кондиционеров и время от времени возникавший шепот не мешали императору сделать окончательный и малоутешительный вывод: все — и Оборона, и Экономика, Внутренние дела, Казначейство и Внутренняя безопасность — Айли временно передала свои полномочия — пребывали в сомнении относительно того, как взять контроль над ситуацией в свои руки.

«Итак, они еще раз сыграли мне на руку. Какой древней является истина о том, что опекун — это безголовое животное с большим количеством желудков», — подумал император.

Тибальт откинулся назад и оперся щекой о правую ладонь, потирая нос кончиками пальцев в глубокой задумчивости. Нет, ничего нового! Он вздохнул и обвел долгим взглядом сидевших перед ним — одни смотрели на него с печальной мудростью, другие с волнением и тревогой, некоторые с пониманием. Он словно читал на лицах мысли, которые обуревали их в ожидании его решения. Все те, чьими советами Тибальт пренебрег, конечно, ополчатся на своих соперников и постараются как-то отомстить. Те, кому Тибальт кивал благосклонно, оглядывались с видом победителей, выигравших битву.

«Господи, и это моя империя? Боже, до чего мы дошли! Чтобы обставить соперников, они готовы утопить в крови всю империю!»

— Леди и джентльмены! — скучным голосом сказал он.— Решение по поводу нашей политики относительно сеззанцев, Компаньонов, Тарги будет таким: министр обороны, вы посылаете и немедленно пять лучших дивизий на Таргу — повторяю, самых лучших из тех, что у вас есть. Поставьте Ристу во главе. Я хочу прекращения этого бунта, хочу, чтобы шахтеры вернулись к работе. Постарайтесь сокрушить их, не затрагивая экономики: нам необходимо сырье для военной индустрии.

— А этот выскочка, Синклер Фист? — лицо министра обороны сделалось кислым,— что делать с ним?

— Освободите его от командования и поставьте этого кретина Майкрофта во главе Первой дивизии. Мы не можем себе позволить будоражить войска перед финальной схваткой с сеззанскими агрессорами из-за этих новшеств Фиста.

«Прости, Айли, но вот как у нас развиваются события. Если твой Фист будет дальше вмешиваться, мы всегда можем его поставить на место»,— думал Тибальт.

Министр обороны с трудом прокашлялся:

— Первый Майкрофт уже пытался сместить Фиста, отстранить его от командования,— он сделал паузу.— Это может быть труднее, чем мы думаем: убрать Фиста с его поста.

Тибальт в гневе хлопнул ладонью по подлокотнику кресла:

— Вы хотите сказать, что не в состоянии держать в руках подчиненных? Если он бунтовщик, немедленно арестуйте его!

Министр обороны с трудом сглотнул, его лицо приобрело выражение трудно скрываемого испуга:

— Дивизия может его поддержать, не дать его свергнуть.

Тишина прервалась общим вздохом, и секундой позже шепоток недоверия пронесся по комнате.

— Я верю,— сухо произнес Тибальт,— что пять опытных дивизий смогут поставить Фиста на место, а заодно и тарганцев. Вы отправляете на Таргу эту часть армии, остальная займется подготовкой и укреплением границ для предотвращения нападений сеззанцев. Я хочу, чтобы вы тщательно продумали и провели все необходимые для этого мероприятия, которые помогут избежать захвата наших территорий. Флот поддержит армию в начале военных действий, затем перейдет на патрулирование для отражения внезапных атак сеззанцев.

Советники остолбенели.

Тибальт спокойно добавил:

— Мне это не нравится так же, как и вам. Мы очень плохо подготовлены. Но, исходя из данных разведки, сеззанцы находятся в еще более худших условиях. Если у нас есть хоть малейший шанс, то наше время настало.

— Но, как я понял, Компаньоны отказались...

Он прервал министра экономики поднятой рукой:

— Внутренняя безопасность утверждает, что Стаффа заключил контракт с сеззанцами с самого начала. Я опасаюсь, что наша защита — это сугубо наше дело. Рега осталась в одиночестве... Компаньоны против нас. Господа, я полагаю, вы знаете, что это означает. Мне даже думать не хочется, что случится с нами, если мы потеряем драгоценное время. Быстрота — наш единственный союзник и шанс, и если мы потерпим поражение, Прогнившие Боги сжуют нашу плоть и будут жевать ее до скончания времен.

Советники сидели оцепеневшие, бросая полные ужаса взгляды вокруг. Тибальт снова добавил очень спокойным голосом:

— Я верю, что вы меня хорошо поняли, что вы осознали цель нашей чрезвычайной встречи. Будущее — в наших руках. Давайте

помолимся о том, чтобы остановить бунт на Тарге, отбросим сеззанцев и подпишем контракт с Компаньонами, если Сезза нападет на нас.

Министр обороны вздрогнул и спросил:

— А что, если нанести упреждающий удар по Итреатическим Астероидам?

Тибальт скривил губы и сделал вопросительный жест:

— Мой лорд министр, вы хотите расшевелить гнездо ос раньше, чем это нужно? Вы же прекрасно знаете, какие потери мы понесем в этом случае. Может, у вас есть какие-нибудь соображения, как остановить сеззанцев, не превращая наши войска в плазму? Нет, шанс у нас появится только, если мы разобьем Сеззу.

Тибальт медленно поднялся:

— Я объявляю Регу в состоянии войны с Сеззой. Приступайте к своим обязанностям. И забудьте ваши распри, думайте о будущем нашей империи и о своем императоре. Я надеюсь, нет, я молюсь, что мы придем в один прекрасный день к мирной жизни.— Он встал, кивнул, перекинув свою золотую мантию через плечо, и вышел. Это было так необычно для окончания заседания — стояла мертвая тишина.

Синклер облокотился на стол, обдумывая только что поступившую информацию. Неужели тарганцы собираются для нанесения основного удара?

Он оглядел стены, украшенные изделиями ручной, редкой работы. Какой любопытный контраст — мебель, вместо того, чтобы быть современной, из новейших материалов, была сделана из настоящего дерева, покрытого золотой и серебряной филигранной насечкой. Белая звезда сверкала в центре толстого голубого ковра, настолько пушистого, что нога утопала в нем. Боевые мониторы высились рядами до потолка, полностью закрывая одну стену,— это совершенно разбивало общее впечатление. По полу путаными линиями располагались силовые кабели, иногда люди спотыкались о них. Огромные сводчатые окна, заботливо замаскированные оптической поляризационной системой, не пропускали из комнаты наружу свет, но позволяли видеть окрестности и весь город. Здание казалось безжизненным и темным снаружи.

Гретта привстала со своего места и доложила:

— Бунтовщики у подножья холма. Седьмое отделение, разделенное на группы, находится там. Мэйз докладывает о перестрелке. Она думает, что это попытка перейти границу. Они приближаются.

— Прогнившие Боги! Почему флот не предоставит нам орбитальную поддержку? — Синклер стукнул кулаком по столу и посмотрел на монитор: ортографическое голофото изображало местность, переходы, структуры и позицию войск. Синклер повернулся, глядя наружу сквозь поляризованные окна, и увидел вспышки бластерных выстрелов вдали за городской чертой.

Гретта кисло улыбнулась ему:

— Мне кажется, Синк, что нужно учесть ту великолепную поддержку флота, которую министр обороны предоставил нам на прошлой неделе, и ты поймешь почему.

— Я у них — кость в горле,— буркнул он.— Все верно, так оно и есть. У нас не меньше информации, чем у бунтовщиков. Но нужно найти источник свой собственный.

Гретта нахмурилась, выслушав данные сведения, переданные ей по головным телефонам:

— Второе отделение докладывает о контакте в северной части защитного периметра. Сержант Китмон отступает по тактическим соображениям.

— Ну и дела,— мягко произнес он, в уме оценивая складывающуюся обстановку. «Я поставил и Таргу, и свое будущее на эту вот атаку. Попадут ли они в ловушку? Пожалуйста, Благословенные Боги, пусть оно так и случится. Если нет... ну что же, смерть будет нелегкой на колеснице неудачи».

Синклер глубоко вздохнул, чтобы успокоить сердце, стучащее молотом в ушах. Он не знал, победили они или потерпели поражение.

— Если повстанцы обладают хоть малейшим даром предвидения, они должны нанести следующий удар Маку.

— Мак! — вызвала Гретта через комм.— Подготовь свои атакующие группы. Противник наступает.

Синклер переключил кнопки, включающие внутренний коммуникатор, так что мог слышать весь разговор.

— Понял,— послышался голос Мака.— Мы готовы отступить. Я проинструктировал войска. Мои комплименты Синку насчет его головы. Советы подоспели вовремя.

Синклер бросил взгляд на ситуационный монитор, и внутри у него все опустилось. Все могло пойти прахом.

— Нет, помолимся Богам, чтобы у их командиров не было такого дара предвидения,— он отступил назад, потом шагнул вперед, сжимая руки в кулаки:— Мы можем погибнуть!

Гретта смерила его холодным взглядом и пожала плечами:

— После Каспы я не верю в это.

— Может Каспа была просто удачей,— заметил Синклер, не отрывая взгляда от ситуационного монитора:— Давайте, наступайте, бунтовщики. Он под вашим носом — ключ от победы. Возьмите его.

— Каспа? Удача? Ты сам не веришь этому,— Гретта ввела новые данные, пока первые отделения болтались без дела.

— Мэйз на связи. У подножья на нас нажали,— сквозь треск донесся ее слабый голос.— Группы А и Д отступают под жестоким обстрелом.

— Шикста,— позвал Синклер.— Что у тебя слышно? Мы готовимся к большой атаке.

— Мы готовы, Синк. Установили тяжелые орудия. Мои мальчики не струсят, но они нервничают,— ответил огромный чернокожий сержант.

— Начнем, если Мак сделает свое дело,— шепнул Синклер,

уставившись на ситуационный монитор, на котором зажигались огоньки в разных местах.

Над равнинами в восточной части Веспы вспыхнул фейерверк разрывов. Тарганцы стягивали свои силы вокруг города. Начали поступать донесения сразу, как только Синклер двинул вперед свои войска; и сейчас мысли лихорадочно метались в попытке определить единственно верный момент для нанесения ответного удара тарганцам.

Один из мониторов прозвенел в то самое мгновение, когда охранник на крыше позвал:

— Первый, я обнаружил незваного гостя. Похоже, он несет какой-то пакет. Прошел через лаз в дальней аллее, вероятно, пробил брешь в этом проходе, который мы запечатали, и скорей всего, готовит что-то еще.

— Поймать его! — выпалила Гретта, наблюдая на экране вооруженную фигуру, приближающуюся к нижним дверям. Это была женщина. Она осторожно продвигалась к боковому входу. Громоздкий пакет на спине придавал ей вид горбуньи.

Синк кивнул, рассматривая крадущуюся фигуру:

— Вы заметили, какой на ней усовершенствованный комбинезон? В нем она пройдет сквозь любые кордоны, не вызывая никакой тревоги.

— Ага,— согласилась Гретта.— Ты предполагал, что они сделают нечто в подобном роде.

— Это их манера,— согласился Синклер.— Но ведь я не Аткин, Капитол... или Майкрофт,— он повернулся к интеркомму:— Мхитшул? К нам пожаловал призрак. Похоже, ее интересует западная дверь.

— Понял, Первый.

— Сможешь взять ее живой? — спросила Гретта, переключив все внимание на ситуационный монитор.

— Рассчитываю,— отсутствующе буркнул Синклер.— Все... зависит...

Женщина изучала боковой вход. Один за другим она выключала сигналы тревоги. Потом поколдовала над ручкой двери. Поколебавшись, толкнула ее, но бесполезно, дверь прочно сидела на внутренних болтах. Виброножом она сняла дверные петли, поймала падающую створку и, напрягшись, положила осторожно на землю. В тот самый момент, когда она отвлеклась, дубинка Мхитшула настигла ее. Женщина затрепетала — каждый нерв отозвался в ней дикой болью — и упала без чувств.

— Она выключилась,— доложил Мхитшул.

Синклер приказал:

— Просканируй ее на взрывные имплантированные капсюли, дупла в зубах, отравленные ногти или на что-либо в подобном роде. Выбрось все, что найдешь, на улицу. Ты знаешь правила.

— Да, сэр.

— Она очень опытная, раз сумела пройти к нам,— сказала Гретта и возвратилась назад к ситуационному монитору.

— Эймз,— с трудом вернулся Синклер к схватке.— Ты

в двадцати кликах от Мака. Это его оборонительный огонь ты видишь на Киллинг Бридже. Поддержите его. Если Мэйз выстоит и отбросит противника, у вас будет отличная позиция. Она сыграет роль приманки, заманивая их в ловушку.

— Принято, Синк. Да, мы видим огонь Мака. Здесь становится жарковато. Нас теснят назад. Я думаю, мы в трех кликах на северо-восток от терминала корабля.

— Вы все делаете отлично. Выше нос. Все должно произойти в один момент.

Мхитшул и двое рядовых принесли женщину и положили ее, крепко связанную, на обитую бархатом кушетку.

Синк посмотрел на Мхитшула, оставшегося охранять женщину с оружием наизготовку, и повернулся к микрофону:

— Мак? Ты в самой горячей точке. Отступай с Киллинг Бриджа. Не спеши. Не давай им возможности думать, что ты поддаешься им. Они должны заплатить кровью, иначе что-то заподозрят.

Гретта продолжала щебетать в своей обычной мягкой манере, успокаивая командиров групп и отделений, пока они отступали под натиском тарранцев.

— Ладно, хватит притворяться,— прервал Мхитшул размышления Синклера.— Послушать только, как ты дышишь, так ты давно пришла в себя.

Синклер посмотрел на монитор. Все пока шло по намеченному плану.

— Зачем вы притащили меня сюда? Что вы со мной сделаете? Хотите позабавиться, а потом продать в рабство? — отвлек внимание Синклера голос пойманной диверсантки — в ее тоне звучали страстные нотки.

Он повернулся и внимательно ее рассмотрел, отметив, как напряглось тело под одеждой.

Рядовой Мхитшул медленно покачал головой, и Синклер понял, что и он жадно пожирает глазами женщину:

— Нет, все не так. Мы бы предпочли тебя перевербовать. В твоей сумке столько взрывчатки, что можно было уничтожить все это здание. Но удивительно другое — ты каким-то образом умудрилась пройти через сторожевые посты, обойти мониторы и не вызвать сигнала тревоги.

Она посмотрела на него горящими янтарными глазами, черты ее лица ожесточились:

— Как вам удалось лишить меня сознания? Я ничего не видела и не слышала.

Мхитшул наклонился над столом, держа в руках свой пистолет:

— Синклер не оставляет много шансов. У нас есть человек на крыше со звездным скопом. А то, чем тебя выключили, — это дубинка. Постараюсь тебе описать принцип ее действия. Она поражает три типа нервов, один из которых дает ощущение боли. Длина микроволн приспособлена к воздействию как раз на эти синапсы. Мне очень жаль, что приходится тебя информировать об этом, но определенные клетки мозга попутно подвергаются

стимуляции. Мы убили в тебе столько клеток, сколько можно уничтожить за три месяца беспробудной пьянки.

Она кивнула, сделав еще один глубокий вдох:

— Вы сражаетесь совсем не так, как реганцы.

Мхитшул рассмеялся:

— Мы знаем. Синк готов доказать это всей армии.

— Оптимизм иногда приводит к беде. Вторая дивизия поняла это,— она кинула на него взгляд, ее тон звучал холодно и вызывающе.

— Синклер Фист — это не Майкрофт,— и ты имеешь дело с Первой дивизией. Мы нисколько не похожи на Вторую,— Мхитшул развел руками и пожал плечами.— Хочешь посмотреть, как твои бунтовщики попадут в западню?

— Нет, я посмотрю, как наши люди будут резать ваших проклятых реганцев на мелкие кусочки,— она взглянула на Синклера.— И что теперь? Смотреть? Пытки? Насилование? Рабство? Продажа?

— Я перешел Киллинг Бридж,— напряженный голос Мака возник в комнате.— Бунтовщики заняли позиции. У нас пятнадцать убитых, но я думаю, что противник удовлетворен тем, что заработал мнимую победу так тяжело.

— Отлично сработано, Мак,— похвалил Синк.— Он повернулся и, хмурясь, уставился на диверсантку. Ее любопытные глаза поразили его. Они пронзили его, приковали к себе на короткий миг, он утонул в их янтарной глубине. Вся Вселенная, казалось, сконцентрировалась в этих гипнотизирующих омутах.

«Хватит, нечего отвлекать меня от дела!» Синклер снова обернулся, чтобы встретить взгляд этой женщины. «Открытие еще одного фронта?»— поразился он, но не мог оторвать глаз от ее лица. В нем происходила борьба желаний, долгое время он колебался, он впитывал это чудесное лицо, наслаждался видом прекрасного тела и чудом, которое оно обещало. Она не выдержала, моргнула и отвернулась.

Чувствуя себя разбитым, Синклер рассматривал ее. Она была очень юной, каштановые волосы чудесными волнами ниспадали на плечи, подчеркивая удивительные янтарные глаза, прямой носик, обрамляя высокий лоб. Прекрасные скулы переходили в нежный подбородок, безупречное лицо было слегка оцарапано. Плоский живот двигался в такт дыханию. Высокая грудь вздымалась под облегающим костюмом, грозя вырваться на свободу.

Ее глаза... они казались такими знакомыми! Его внезапно осенило: «Она седдианская террористка-убийца. Такой же была когда-то моя мать!» Он нахмурился, присматриваясь к ней и кусая губы. В его груди неожиданно возникло теплое чувство. Боже, двадцатью годами раньше она вполне могла стать его матерью. Обладала ли Таня Фист такой дикой чувственностью?

— Синк,— позвала Гретта с необычным напряжением:— Война идет. Не забывайся!

Синклер прошел назад к монитору, уклоняясь от внимательно-

го взгляда Гретты, потом вопросительно покосился в ее сторону, Гретта покраснела и отвернулась. «Ревность?»

— Эймз,— позвал Синк — твои люди под рукой? Пришло время действовать! Если ты и Кэп подгоните свои фланги и прижмете их к гребню, а Хоувз и Китмон немного отойдут, тогда мы получим то, чего добиваемся: загоним их туда, куда нам нужно.— Он нервно поскреб подбородок, подумав — почему тарганская диверсантка кажется такой знакомой?

— Ну, вот и все,— устало заключила Гретта.— Либо у нас получится, либо все рухнет в ближайшие полчаса.— Она повернулась к террористке:— Значит, вы диверсантка? Как нам вас называть?

Женщина сверкнула глазами, едва сдерживая гнев:

— Я — Арта Фера. Я совершала вечернюю прогулку. Ваш человек проявил чересчур много усердия.

— Ага, прогулка с сумкой, наполненной взрывчаткой,— парировал Синклер.— Вы действовали очень профессионально и, я думаю, вы в тесной связи с тарганским сопротивлением, возможно, и с Седди лично. Нам лучше всего прийти к соглашению и остановить весь этот вздор.

— Я думала, вы старше. Вы совсем не похожи на остальных дивизионных.

— Вы тоже не выглядите, как все остальные диверсанты. Я считал, что они должны быть взрослей и менее... заметными. «Это что, манера седдианцев использовать красивых женщин, таких красивых, как Таня Фист?»

Арта покусала губы и посмотрела вдаль:

— Я полагаю, что подвергнусь наказанию. Или вы меня используете для обмена, когда наши люди уничтожат ваши позиции?

Синклер слушал ее вполуха, основное внимание было обращено на ситуационный монитор:

— Все решится в последующие полчаса. Я не знаю, кто их первый командир, но он очень хороший тактик. Я чувствую уверенную руку и блестящий ум. Мы ждали его еще час назад. Он очень искусно ведет сражение.

Она засмеялась:

— Он — коммерческий агент. Но он также тот человек, который разбил ваших реганцев на Тарге!

— Коммерческий агент? — поразился Синклер мимоходом, целиком переключившись на бластерный огонь, широкой полосой охвативший горизонт:— Надеюсь, что он выживет. Очень жаль будет потерять такой талант. Я бы хотел видеть его на нашей стороне, одним из нас.

— Одним из вас? — рассмеялась Арта.— Он не будет реганским животным, он сражается за Таргу!

Синклер протянул к ней руки, губы женщины презрительно скривились, когда он мягким шепотом произнес:

— И я тоже.

Она сглотнула и с пристальным вниманием посмотрела на

монитор. На ортографическом фото были ясно видны передвижения бунтовщиков и реганцев. Можно было определить, что повстанцы уже захватили горный кряж совсем рядом с городом. И теперь им приходится собирать свои силы со всех сторон, чтобы бросить их на защиту только что захваченного рубежа. Периметр вокруг Весны казался относительно стабильным. Горный кряж возвышался как стратегический ключ ко всей долине, и тарганцы крепко держали его.

— Как зовут этого коммерческого агента? — спросил Синклер очень мягко.— Я бы хотел поговорить с ним, пока еще не поздно.

— Его зовут Бутла Рета,— она на мгновение задохнулась, малиновая краска залила ее загорелое лицо.

Что-то в ее тоне подтолкнуло интуицию Синклера:

— Скажите, он ваш любовник? «Может, он современный аналог моего отца? Если мне все-таки удастся увидеть его, не окажется ли он похож на Валиента Фиста?»

Голос ее сорвался от ярости:

— Это вас не касается!

Синклер опустился на одно колено, близко наклонился, внимательно и пристально вглядываясь в ее черты. Потом осторожно, едва удержавшись, чтобы не погладить, кончиками пальцев легко коснулся ее связанных рук. Арта вздрогнула, будто что-то внезапно, как проскочившая искра, передалось ей от него. Глаза ее распахнулись, и желтое пламя вспыхнуло в них.

Пристально глядя в эти завораживающие янтарные глаза, Синклер почти шепотом попросил, стараясь коснуться самых потаенных струн ее сердца и страстно надеясь в глубине души, что это удастся:

— Арта, вы мне поможете? Сейчас, именно сейчас, в ваших силах остановить эту затянувшуюся кровавую и бессмысленную бойню. Смерть Бутлы Рета и тех, кто с ним, никому не нужна. Ни мне, ни Тарге, никому. Вы понимаете меня? Может, он выслушает и прислушается к вашему совету? Поэтому я прошу, очень прошу — помогите убедить в этом Рета. Нам необходимо с ним встретиться. Вы понимаете — необходимо! Я рассчитываю, я надеюсь, что эта встреча, этот разговор помогут найти приемлемое решение. Нам необходимо его найти! Потому что, повторяю, эта бойня бессмысленна. Вы слышите меня?

В глазах ее плескалось рыжее пламя. Еще мгновение — и Арта опустила веки и резко отвернулась. Его взгляд, казалось, проникал до самых глубин ее существа, и она, опасаясь поддаться гипнотическому воздействию этих завораживающих разноцветных глаз, инстинктивно отвела взгляд и резко закусила губу, чтобы грубой болью заглушить едва не околдовавший ее голос этого странного и смертельно опасного врага.

Гретта с нарастающей тревогой следила за происходящим. Ей почти сразу стало ясно, что ничего не выйдет — попытка Синклера обречена на провал. Эта седдианская убийца — не человек, а чудовищная машина в образе человеческом. Машина, начиненная коварством, ненавистью и злобой, запрограмированная на убий-

ство, только на убийство, не знающая ни жалости, ни сомнений. Гретта понимала это, но не пыталась помешать Синклеру. Он сам должен убедиться в тщетности своей надежды.

Наступило тяжелое молчание. И наконец Синклер, снова легко коснувшись руки пленницы, тихо спросил:

— Вы понимаете меня, Арта?

Она дернулась всем телом:

— Ничего не выйдет, реганец!

Но Синклер не сдавался:

— Я вам не враг, Арта. Единственное, чего я хочу,— это прекратить убийство. Я не хочу, чтобы мы все — и вы, и все, кто еще не погиб, остались живы. «Или я только ищу связь с собственным прошлым?» — вдруг подумалось ему.— Я не хочу убивать Бутлу Рета. Не хочу!

Арта снова вздрогнула, вытянулась всем телом и, невольно напрягая связанные руки, с презрительным недоумением покосилась на Синклера и проговорила:

— Убивать его? Ты в своем ли уме, реганец? Как ты можешь убить его? Нет, это он, слышишь ты, это он убьет всех вас! Он взял вершину!

Синклер встал, долгим взглядом посмотрел на пленницу и, печально махнув рукой, повернулся к мониторам. Экраны, с разных точек показывающие картину кипевшего у вершины боя, то затягивало дымной пеленой и клубами черного дыма, рассеченного языками пламени, то слепили фиолетовыми вспышками сокрушительных бластерных ударов. Маленькие фигурки наступающих то поднимались, то падали, чтобы уже не подняться. Сражение достигло кульминации, и исход его уже был ясен даже непосвященному — вершина действительно вот-вот будет захвачена тарганцами. Но это, увы, не конец, и победа наступающих призрачна. Конец будет совсем другой, и наступит он скоро, очень скоро.

Синклер тяжко вздохнул, покосился на Арту и снова повернулся к мониторам.

Гретта не знала — радоваться или огорчаться: ей было жаль Синклера, но ведь с самого начала было ясно, что убедить убийцу поступить разумно не удастся.

Арта вздрогнула, повернула голову, стараясь разглядеть, что происходит на экранах ситуационных мониторов. Гретта неотрывно следила за выражением ее лица, на котором отражалось то смятение, то неожиданное торжество. «Неужели она ничего не понимает?» — поражалась Гретта. Даже последний глупец, глядя на то, что показывают в эти мгновения экраны мониторов, мог видеть, как планомерно и неотвратимо редеют пытающиеся охватить вершину с флангов наступающие тарганские цепи.

Синклер откинулся на жесткую спинку стула и, уставясь невидящим взглядом в пространство перед собой, проговорил бесстрастно и почти равнодушно:

— Эта вершина, которую мятежники пытаются захватить и вот-вот захватят, эта вершина — смертельная ловушка. Глубоко

в скалах мы спрятали силовой реактор, снятый с разбитого десантного судна. Как только наши отойдут достаточно далеко, мы объясним бунтовщикам, что их ждет, и будем диктовать свои условия.— Он пронзительно взглянул на нее своими странными глазами:— Но мне хотелось взять его живым. «Может для того, чтобы узнать, кто вы — найти разгадку, кто мои родители».

Гретта поерзала в кресле, ее взгляд лихорадочно метался от Арты к Синклеру.

— Кого угодно, но не Бутлу,— крикнула Арта, голос ее был ужасен и груб.— Прогнившие Боги, нет! Сумасшедшие глаза уставились пронзительным взором на Синклера так, что у него дрожь пробежала по спине. В его подсознании зазвонил колокольчик предосторожности. «Она дергает что-то за ниточку, но я не могу понять, что и с какой целью. Будь осторожен, Синклер, она опасна — самая опасная из всех, кого ты встречал».

— Вы пойдете с ним на контакт, чтобы спасти его и его воинов? Они нужны мне, Арта. Они нужны Тарге,— Синклер склонился над ней, внимательно глядя в ее глаза.

Она вздохнула, лицо ее было напряженным:

— Я... поговорю с Бутлой Рета.

— Не позволяй ей, Синк,— предупредила Гретта,— она не в своем уме. Она ненормальная.

Синклер почесал в затылке:

— Это наш единственный шанс, Гретта. Чтобы спасти его и склонить на нашу сторону. Я попробую. Сколько осталось времени до их уничтожения?

— Я попробую установить контакт с ними,— ответила Гретта.— Попытаться?

— Давай, если получится,— тоскливо улыбнулся Синк.— Давайте все-таки попробуем остановить кровопролитие...

Арта следила за каждым движением Гретты, которая пробовала разные каналы на всех частотах. Лицо пленницы выражало панический страх.

Минуты текли очень медленно, Арта все смотрела на вершину, зловеще вздымающуюся на мониторе. Она, не отрываясь, смотрела туда, рот ее приоткрылся.

— Это Бутла Рета. Кто вы? Что вам надо? — глубокий бас заполнил комнату.

Синклер прошел к комму, готовясь говорить четко и ясно.

— Синклер,— позвала Гретта решительным голосом, указав на дрожащую террористку. Фера была охвачена бешенством, в глазах сверкало такое безумие, что Мхитшул покрылся потом, нервно облизывая губы.

Синклер глубоко вздохнул, отчаянно махнул рукой и подошел к коммуникатору:

— Я — Синклер Фист, Первый дивизионный Первой тарганской десантной дивизии, лорд Рета. Я хочу прекратить это сражение и встретиться с вами для переговоров, чтобы остановить эту бессмысленную бойню,— Фист равнодушно и бесстрастно смотрел на монитор, будто пытался разглядеть за картой лицо Бутлы.

— Почему я должен вам верить, Фист? Мои люди заняли стратегически важный участок, мы взяли вершину — ключ к любой оборонной позиции в долине,— низкий голос отдавался эхом по всей комнате.

Гретта глянула на Арту, трепетавшую от ужаса, думая: «Столько жизней зависит от... этой ненормальной женщины! Господи, помоги нам!»

Синклер продолжал:

— А если я скажу вам, что вершина была нами заминирована, и в любое мгновение мы можем ее взорвать вместе с вами, что вы тогда мне ответите?

— Вы блефуете,— прорычал вибрирующим голосом Бутла.

Гретта с беспокойством следила за выражением лица Арты, которая чутко реагировала на изменения тона этого глубокого голоса. Внезапный свет зажегся в этих янтарных глазах надеждой, сменив безумие.

—Лорд Рета, мы поймали Арту Фера. Может, вы послушаете ее? Мы захватили ее, когда она хотела взорвать наш штаб,— Синклер подождал, сердце бешено стучало. «Поставить все на безумную женщину-диверсантку. Я совсем выжил из ума. Но кого еще Бутла Рета будет слушать?»

Голос Рета смягчился:

— Я поговорю с ней.

Синклер с мольбой смотрел на террористку.

— Арта? С тобой все в порядке? — нежно поинтересовался Бутла.

Синклер прикрыл глаза, странно тронутый выражением тоски в голосе Рета.

Арта выглядела потерянной, сосредоточенной на своих ужасных воспоминаниях:

— Бутла,— прокричала она в диком ужасе.— Не слушай их! Они хотят тебя обмануть! Они не смогут противостоять тебе! Они блефуют! Грязные реганские лжецы!

Гретта покачала головой, выражая своей фигурой безнадежную печаль. Все, спасения нет.

Синклер вскочил на ноги, Арта победно смеялась прямо ему в лицо.

— Не трогайте ее, реганцы,— твердым голосом сказал Бутла.— Мы придем к вам. Если вы будете обращаться с Артой должным образом, мы тоже поступим с вами по чести. Попробуйте только троньте ее, и мы зальем улицы вашей гнусной кровью. Это я вам точно обещаю!

— Подождите! — со страстью прокричал Синклер, раскинув руки в стороны.— Ну, по крайней мере, хоть поговорите со мной! Бутла? Бутла Рета?— он отступил назад, адреналин бурлил в крови.

— Он оборвал связь,— сказала ему Гретта.

Арта улыбалась, глаза ее сверкали, полные удовлетворения, она насмехалась над страданиями Синклера.

Гретта посмотрела с презрением на женщину:

— Радуешься сама себе, ты... низкая стерва. Ты любишь

Бутлу? Молюсь за тех, кого ты еще полюбишь, грязная тварь.

— Все, у нас нет выбора,— пробормотал Синклер расстроенным голосом.— Все тарганские силы в мертвой зоне.

— Гретта кивнула и отвернулась от торжествующей Арты, начав раздавать команды своим отделениям.

— Внимание, весь персонал! Присесть и защититься!

— Шикста? — хрипло прозвучал голос Гретты,— детонируй мину. Разрушь Киллинг Бридж.

— Понял,— пришел ответ Шиксты.

Арта с любопытством стала следить за происходящим. Она все еще продолжала смеяться над глупыми, как она считала, реганцами, когда яркий свет залил окраины города. В апокалипсическом пламени поднялись огромные облака черного дыма — она не поверила своим глазам. Через секунду дрогнула земля. Потом ударная волна сотрясла здание, заставив задрожать кушетку, на которой она лежала.

— Всем подразделениям, — глухим голосом произнес Синклер,— переждать, пока не осядут породы. Когда прояснится — прикончить уцелевших врагов. Но берегитесь, держитесь подальше от горячих точек. Немедленно начинаем эвакуацию трупов и раненых.

Арта застыла с открытым ртом, наблюдая облако пыли и дыма, поднимающееся над равниной. Она перенесла свой взор на монитор и увидела, что все огоньки, обозначающие на карте противника, погасли. Ее будто обдало холодной водой, она оцепенела.

Синклер потер переносицу, страшно раздраженный и пленницей, и вообще всем, что происходило. С опущенными плечами он вышел из комнаты, чувствуя спиной тревожный взгляд Гретты и ужас, который испытывал Мхитшул.

И тут Арта Фера закричала — криком смертельно раненного животного...

Синклер закрыл глаза и остановился, в его памяти всплыло бледное лицо его матери, смеющееся над ним из гроба.

Скайла Лима откинулась в контрольном кресле, окруженном всей необходимой аппаратурой так, что до любого прибора можно было легко дотянуться в случае необходимости. Ее первым порывом было лететь на Таргу, но холодный разум ратовал за осторожность. Стаффа мог попасть на Таргу намного позже нее, а ей надо было любым способом обойти карантинный и таможенный досмотр реганцев, контролирующих бунтующую планету. Если это не удастся сделать, она может попасть в лапы Айли, что приведет к захвату Стаффы, когда он, наконец, прибудет на Таргу.

Скайла постучала ногтями по зубам, задумчиво глядя на звезды, мерцающие вполнеба. Казалось, они движутся из-за слабого покачивания ее корабля. Интересно, как отреагирует Тибальт на сообщение, что его любовница оттолкнула Компаньонов? В какие игры играет Айли? В одном Скайла была уверена, любовница она или нет, но Тибальт сотрет Айли в порошок, когда узнает, что она сделала с Лордом Командующим.

«Проклятье, она знает об этом,— Скайла задумчиво смотрела на мелькающие звезды.— И у нее наверняка есть своя четкая программа. Пропади она пропадом, если бы у меня был в распоряжении хоть час, чтобы поговорить со Стаффой. Что же Айли предпримет дальше?»

Скайла улыбнулась себе, вспомнив взгляд Стаффы, когда она вошла в этот контейнерный клад. Закрыв глаза, она представила себе, как он ее обнимает, и ею снова овладело безнадежное желание оказаться там, рядом с ним.

«Но лучше так, как получилось,— уверила она себя.— Вдвоем в том коробе — означало бы, что мы полностью зависим от доброй воли Седди, которые, невзирая на обещания Бруена, могли бы нас, не задумываясь, убить».

Уже поэтому ей не следовало бы лететь вместе со Стаффой — когда Седди откроют контейнер, они будут знать, что за него есть кому отомстить. И хорошо подумают, прежде чем примут решение.

«Итак, Скайла, что ты собираешься делать? У тебя на борту седдианский заложник. Реганцы готовы к неистовым убийствам, Стаффа в коробе, он летит на разговор с людьми, потратившими полжизни на попытки его уничтожить.

Включился датчик широкого спектра действия, и Скайла от неожиданности подпрыгнула в кресле. Она усилила прием и поняла, что это реганская военная служба. Значит, Айли направлялась на Таргу, холодок пробежал по спине Скайлы.

Когда она осознала это, то сразу поняла, что ей делать.

Бруен пристально смотрел на вытесанный камень у него над головой. Он нависал серым, холодным, бесчувственным символом гнета. Бутла Рета мертв? Их войска полностью разгромлены? Каким образом удалось Синклеру Фисту сотворить это? «Спокойно, старик. Ты сделал последнюю ставку, Бруен. Что тебе остается?»

Слабый свет едва проникал сквозь сумрак крошечной комнатушки. Маленькая лампа, висящая на крюке, освещала лицо Хайда, углубляя тени под глазами. Воздух был влажный, теплый и тяжелый, казалось, сыреющий от частого дыхания Магистра Хайда.

«Сколько лет мы провели вместе с моим старым другом? Нужно найти время для воспоминаний, оживить старые дни, припомнить былые шутки по поводу наших побед и ушедшей любви. Пришло время откровений и смертных снов».

Лицо Хайда высохло и стало похоже на смертную маску, желтоватая, болезненного цвета кожа обтягивала скулы и череп. Никаких чувств не отразилось на лице Хайда, когда Бруен рассказал ему о последних событиях на Веспе, не скрыв почти ничего. Умирающий спокойно внимал, вздыхая между приступами кашля. Печаль поселилась в душе Бруена.

— Мы должны были убить его, когда он был маленьким,— прохрипел Хайд, пытаясь с трудом поднять такую тонкую, но странно отяжелевшую руку. Трубочки изменили его голос,

превратили его в глухой, призрачный. Трубочки из легких выходили через ноздри — они удаляли лишнюю жидкость и слизь, накапливающуюся в дыхательных путях Хайда с помощью насоса, присоединенного к машине. Она стояла, как напоминание о смерти. Над Хайдом витал дух вечного покоя. Еще одна маленькая печаль для человечества.

Бруен потер живот и сердито посмотрел на этот серый камень, нависающий над головой:

— Это было целиком мое решение. В то время он был ребенком, такое беззащитное дитя. Я смотрел в его разноцветные глаза, видел, как он учится ходить, хватаясь ручонками за все вокруг, тогда я пожалел его. Отослал его на Регу, чтобы он затерялся и исчез, — он покачал головой.— Ты не находишь, что я был сентиментален до плаксивости?

— Это кванты, Бруен,— вздохнул Хайд.— Действие, любое действие изменяет реальность. Кто знает, что было бы, если бы мы просто перерезали ему горло и оставили в какой-нибудь канаве истекать кровью.

— Но сейчас Синклер Фист жив, и у него гораздо больше силы, чем у мертвого дитяти,— вспомнил Бруен.

— Он был монстром! — захрипел Хайд, зайдясь в кашле.— Монстр, Бруен! Ты ведь знал, кем он был... откуда родом! Он несет... смерть!

— Возможно,— согласился Бруен.— Но каким гениальным монстром он стал, мой старый друг. И какую маленькую роль мы все в этом сыграли. Может, нам надо было поддерживать, обучать его?

— Он убивает нас! — задребезжал Хайд, закашлявшись, изо рта у него сочилась слюна,— ... убивает нас.

— Успокойся, старина,— Бруен улыбнулся, ему хотелось взять платок и обтереть рот своего умирающего друга.— В любом случае, все пропало.

Хайд сглотнул, мотая безволосой головой по подушке:

— Нет, может быть, не совсем,— шепнул он едва слышным голосом.— Реальность изменилась, Бруен. Реальность, которую мы считали критической, изменилась. Осведомленность? Те, кого мы понимали, становились осведомленными? Чьи наблюдения привели к созданию новой реальности? Только не наши, Бруен, и не реганцев, не сеззанцев.

— Может быть, Мэг Комм? Мы не имеем представления о ее действительной силе. Может, она тоже является отражением Разума Бога? Интересное положение о природе наблюдателя, ты не находишь? Если это влияние машины, тогда многое изменится,— добавил Бруен, положив руку на плечо Хайда.— Но мне кажется, что каждый, кто планировал, кто просчитывал вероятности будущего, увидит эти самые вероятности разбитыми в прах. Почему? Как складывается реальность? Чтобы наблюдать, надо иметь искру Божью.

— Фист! — задыхаясь, произнес Хайд.— Это все Фист! У него нет настоящего. Ему только кажется, что он реагирует. Он живет

в Сейчас. Он выдумывает не будущее. Его можно предсказать... у него только одно желание — победить и неважно как.

Бруен нахмурился, пройдясь усталой рукой по блестящей от пота лысине:

— Бог насмехается над нами. Фист становится главным игроком в этой печальной игре, а у нас слишком мало данных, чтобы хоть как-то угадать его поведение,— он коротко улыбнулся.— Не будет ли это изумительным и в некотором роде парадоксальным, если мы узнаем, что он больше принадлежит нашей философии, чем мы сами.

— Это никуда не годится,— задыхаясь, молвил Хайд.— А наши силы?

Бруен поднял плечи, успокаивающая улыбка мелькнула на его губах.

— Мы исправимся. «Я не могу сказать ему, что наш Бутла мертв. Я не могу поведать ему, что мы в прострации, абсолютно беззащитны, разрушены. Пусть умрет, не зная всех наших бед. Я перед ним в долгу за наше прошлое. Какую жестокую шутку сыграла жизнь с благородным замечательным Хайдом — разбила все его мечты на пороге смерти. Может быть, мне... Да».

Он встретился на мгновение с выцветшими голубыми глазами Хайда и сразу отвел свои.

Хайд едва слышно шепнул:

— Твоя улыбка лжива. Ты никогда не умел врать — по крайней мере мне. Один из твоих недостатков, а? Я всегда тебя ловил на лжи.

— Это не ложь,— продолжил Бруен, у него появилось дикое желание броситься на пол и завыть.— Да, мы разбиты, это правда, но не до конца.

Хайд дернулся, закашлявшись и закрыв глаза из-за невыносимой боли, которую причиняли ему трубочки.

— Даже сейчас, когда я так близок к смерти, я не утратил способности воспринимать скрытый смысл. Очень хорошо, я все понял.— Прозрачные веки прикрыли глаза, и Хайд спросил:

— А Лорд Командующий? После стольких смертей, ужаса и бедствий? Он что...

— Он прибудет,— ответил Бруен с горячностью.— Стаффа скоро прибудет к нам,— он поколебался.— Может, нам удастся в это время... ладно, поглядим. Я больше не хочу загадывать заранее. «А ты мой самый близкий друг, ты не доживешь, чтобы отпраздновать нашу победу».

— Но... никто не может рассчитывать вероятности,— захрипел Хайд.— Стаффу... послала к нам.... его подполковник авиации? Мой друг, вероятность перевернулась вверх дном. Машина... ошибается...

Сила Бруена рассыпалась в прах: его мысли вернулись в прошлое, в юность, во времена меньших страданий, переживаний, старых споров, побед, раскрытия старых ошибок. Они вместе с Хайдом воссоздали Седди, приперли к стенке отвратительную машину, просчитывали растущие территории двух эгоистичных

империй. Они продлили временную отсрочку конечного катаклизма, несущего эпидемии и смерть. Последние искры надежды едва забрезжили сейчас. Рега в состоянии войны с Сеззой готовила собственную гибель. Наступили мгновения затишья перед бурей, изредка прерываемые легкими вихрями набирающего силу ветра.

— Мы все сделали верно, правда? — заключил Хайд, будто отвечая на собственные мысли.— Как бы то ни было, Бруен, но мы сделали все возможное и невозможное, ты и я. Обученное молодое поколение принесло свою каплю гениальности в закат этой проклятой цивилизации.

— Да, мы все сделали отлично,— глухим голосом подтвердил Бруен, вспомнив молодого Хайда: черноволосого, сильного и энергичного. Он помнил взгляды женщин с восхищением провожавших мужественного человека, идущего по коридорам, его лицо освещали яркие голубые глаза и заразительная улыбка.

— Позволь мне сейчас отдохнуть, Бруен,— еле прошептал Хайд между приступами кашля и одышки:— ...Отдохнуть... сейчас.

У Бруена опустились плечи, и он повернулся к двери, его бедро снова скрутило от боли. Снаружи на стульях сидели Посвященные, внимательно глядя на экран, вмонтированный в каменные стены коридора.

— Он умирает,— апатичным тоном сказал Бруен, покачнулся и ему пришлось опереться о холодные камни. Он прикрыл глаза, сознавая, что нужно делать. Слабость охватила его душу, оглушающая и опустошающая.

Посвященные разом кивнули, один сказал:

— Да, мне кажется, ему осталось всего несколько часов. Можем увеличить мощность насоса, но его легкие и так слишком изранены. Кровотечение теперь...

— А какие у него... сны?

Юная девушка, бросив взгляд на энцефалограф, ответила:

— Приятные, Магистр.

Бруен провел языком по стертым зубам:

— Тогда все хорошо,— с этими словами он прошел и повернул выключатель. Уставился на собственную руку, оцепеневший от того, что натворил.

— Магистр? Этот выключатель...

— Да,— шепнул Магистр и переключил все внимание на энцефалограф.— Этот выключатель контролировал насос. Посмотри, как он счастлив, моя девочка! Посмотри, какие прекрасные сны ему снятся! Приятные вещи? Есть ли... лучший... лучший путь... из...— Экран монитора затуманился. Горячий комок застрял у него в горле.

Бруен едва ощутил тепло девичьей руки, которая коснулась его, чтобы повернуть к себе. Бесполезным звуком в его голове отразились ее слова, которые она сказала в комм. Он, не прячась, плакал, когда Мастер и Посвященные проносили его по бесконечным сквозным переходам, не помня, когда и как его уложили на носилки. У него больше никогда не будет возможности

увидеть Хайда, своего лучшего друга, смеющимся, здоровым, сильным и молодым. О, каким замечательно молодым!

— Я старался изо всех сил для Претора, для моего отца,— объяснил Стаффа. Ему ничего не оставалось, как говорить. Безликие серые стены коробки давили на него со всех сторон. Время медленно ускользало в этой однообразной новой реальности, прерываемой только сном, разговорами и мыслями о вечном. Больше ничто не проникало в их замкнутый сиалоновыми стенками мир. Ни звука, ни малейшего внешнего звука. Время приостановилось, обратило жизнь в существование в бесконечной серости короба.

Кайла сидела в углу, завернувшись в серую накидку. Она с отсутствующим видом смотрела невидящим взглядом прямо перед собой, слушая Стаффу.

Стаффа помрачнел:

— После катастрофы, убившей моих родителей, у меня никого не осталось. Больше не было ни родных, ни просто знакомых. Претор нашел меня среди обломков разрушенного корабля и взял к себе. Он дал мне кров, еду и цель жизни. Он дал мне все.

— И все у тебя забрал.— Кайла наблюдала за ним сквозь полуприкрытые веки тяжелым взглядом.— Ты никогда не пытался найти каких-нибудь родственников? Люди ведь не появляются из воздуха. У твоих родителей были свои родители. Должен был кто-то остаться... где-то.

— Может, так и было. Когда я стал постарше, я попытался искать. Я надеялся найти. Но меня поразило то, что все данные были засекречены и недоступны. На мой недоуменный вопрос Претор подарил мне свою печальную улыбку, какой обычно отделывался от меня. Я помню, что он нехотя, как бы через силу, сказал: «Это что, личный интерес? Пожалуйста, оставь. Это только ранит тебя... и меня заодно».

Кайла прищурилась и нахмурилась:

— И это не вызвало в тебе подозрений?

Стаффа откинулся назад и вздохнул:

— Подозрений? Я любил его. Я... я доверял ему.

— Выходит, что твоя жизнь в детстве была сущим адом,— задумчиво проговорила Кайла.

Стаффа пожал плечами и постучал костяшками пальцев по толстому пластику.

— Может, так и было. Претор, да и все, кто окружал меня тогда, говорили, что я — нечто необыкновенное, всегда ограждали меня, направляли, настойчиво заставляли меня быть жестче.

— А твои родители? Ты помнишь их живыми? До катастрофы?

— Что я могу вспомнить о них? Они оба были генетиками — гениальными в своей области.— Его пронзила внезапная боль, вырвавшаяся из глубин памяти:— Когда ты говорила о своих детях,— его губы скривились, боль с новой силой сжала сердце.— Ты говорила о них с такой теплотой. Моя... мать, ну, она...— Он махнул рукой, не в силах выразить чувства.

— У нее не было теплоты? — подсказала Кайла.

— Ее голос никогда не был мягким. Ты понимаешь, никаких чувств. Она разговаривала со мной... ну, скажем так — академическим тоном. Будто я был ее студентом. Она всегда вызывала меня к доске удостовериться, знаю ли я вопрос, могу ли решить задачу.

Стаффа глубоко вздохнул и закрыл глаза, силясь вспомнить:

— Я вспоминаю один случай. Мы поехали в гости. По крайней мере, мне об этом позже рассказывал отец. Я был очень возбужден и взволнован. Столько новых впечатлений, столько незнакомых людей. И я в центре всего. Игры, в которые они хотели, чтобы я играл. Машины, которые нужно было перехитрить, головоломки, которые я должен был решить... Там была уйма народу — может, там был и Претор. Я был... Проклятье! Это было так давно! — он покачал головой.— Память стирается со временем.

— Представь, Стаффа, что ты находишься там, попробуй,— предложила она, в ее голосе звучал неподдельный интерес.

— Люди,— повторил он, вызывая в себе их образы, он вспомнил возбужденные лица взрослых, склонившихся над ним, изучающих его.—... Они все говорили обо мне. Да, все так и было. Я отвечал на вопросы. Вопросы самые разные. Сейчас и не вспомнить.

— Там были другие дети?

Стаффа, размышляя, нахмурился:

— А, помню, впрочем, нет, не было ни одного ребенка. Только я. Все остальные — взрослые. Вопросы, столько вопросов. Они задавали их так быстро. И я помню, что было потом: мама положила мне руку на плечо и сказала, что гордится мной. Я чувствовал такую усталость. Я... я сказал ей, что хочу домой спать.

— Выглядит так, будто они тестировали тебя. А когда ты победил, мама тебя приласкала?

— Она? Нет. Она была не такой, как ты, когда говоришь о своем маленьком мальчике. Она была всегда очень сдержанной, но тогда просто выглядела более удовлетворенной, чем обычно. Я помню, как она сказала:

— Мы утерли носы этим скептикам! — и подмигнула отцу.

Глаза Кайлы сузились:

— Какая черствость!

— Не суди строго,— отозвался он, прикусив губу.— Вся моя жизнь была сплошной тестирующей программой, одна сменяла другую. Я никогда не жил иной жизнью. Каждый день я получал новые знания, чтобы назавтра сдать экзамен и получить новую порцию знаний.

— А твой отец?

Стаффа пожал плечами:

— Очень многое заблокировано в моей памяти,— он покачал головой.— Такие ощущения, как тогда, когда я искал психологические крючки и ловушки, оставленные Претором, — его мины-ловушки в моем мозгу.

Кайла зашипела от отвращения:

— Они превратили тебя в проклятую машину. Что за родители были у тебя?

— Ну, моя мать была маленькой, тоненькой женщиной. Я помню ее яркие рыжие волосы, а отец был светлым блондином. И еще помню, как легко к ним приставал загар — стоило только чуть-чуть полежать на солнышке. Они были...

— Я не об этом,— резко прервала Кайла.— Я говорю о том — что же это за люди? Неужели они могли действовать так, словно были не людьми, а машинами? Ну хорошо, они учили тебя, натаскивали, демонстрировали твои способности и снова ставили новые задачи. Хорошо, ну а игрушки они тебе дарили? Ну хоть в твои дни рождения? Приглашали твоих друзей, устраивали праздничные вечеринки? Ты никогда не ходил со сверстниками в походы, на экскурсии? В гости, наконец?

Стаффа беспомощно поднял руки:

— Нет... ну, в общем-то я понял, что ты имеешь в виду. Впервые я праздновал собственный день рождения, когда пошел в армию. Меня приняли в летную школу с навигационным обучением. Я раньше считал, что дни рождений празднуют только взрослые.

— А когда ты был маленький, у тебя были друзья твоего возраста?

— Нет. Я только два раза играл с другими детьми,— резкая складка пролегла между его бровями.— Ты понимаешь, они не... Как мне объяснить это? Я хотел вызывать всеобщее удивление. Дети хотели шуметь, бегать, скакать, в общем, вести себя совершенно по-дурацки. Догонялки, как они их называли,— догонять, ловить друзей, касаться их, видеть, кто кого поймал. Может ли это быть целью? Даже в игре?

Она угрюмо ухмыльнулась:

— Сколько тебе тогда было?

— Я не знаю. Я никогда не знал, сколько мне лет.

— Но ты должен был когда-нибудь задуматься над этим.

Стаффа щелкнул пальцами:

— Мне сказали, что мне было 14, когда я поступил в военную академию. Эта дата и стала точкой отсчета.

— А какого возраста были остальные студенты?

— Лет двадцати с небольшим,— Стаффа ощущал себя очень неуютно, понимая только сейчас, как нелепо это звучит. Он поспешил объяснить:— Ты понимаешь, я всегда был особым, всегда самым юным среди всех. Претор обучил и воспитал меня в необычной манере. Я всегда был лучшим, превосходил всех и во всем.

— Ты всегда был лучшим? — Кайла удивленно подняла брови.

— Да! Но это не значит, что я никогда не терпел поражений. Но — очень редко. А двое моих однокашников, например, проваливались постоянно. Но я не кичился.

— И ты никогда не был вторым или третьим?

— Конечно, нет. Это было невозможно. Быть вторым — это... Это было непозволительно. И избежать этого можно было только

полным напряжением. И я не помню минуты, когда бы я не был погружен в занятия. Даже ночью, когда не спалось. К тому же меня натаскивали особые учителя.

— И ты сам не мог позволить себе оказаться не самым лучшим? — она поморщилась.— Боги, что за исковерканная жизнь.

— Быть самым лучшим — это цель всего человечества. Быть хуже...

— Тергузианское дерьмо! — взорвалась Кайла.— Послушай себя, Стаффа. Ты соображаешь, что ты говоришь? — она печально прищурилась.— Мой Бог, с тех пор, как нас тут закрыли, кажется, прошла целая вечность. Я знаю тебя, Стаффа. Может быть, даже лучше, чем кого-либо. Я знаю, о чем ты думаешь... о чем мечтаешь по ночам, что тебе снится. Я бужу тебя, если ты стонешь или кричишь от своих жутких кошмаров. Твоя душа почти вся разрушена. Твоя индивидуальность разбита вдребезги.

— Я не разбит вдребезги! — тяжело проговорил он.

— Какого черта ты мне это говоришь, если ты намеревался покончить с собой? У тебя классические симптомы маниакальной депрессии — ты впадаешь в депрессию, потом у тебя внезапный подъем сил. Ты затравлен резким осознанием своей вины!

— Это не вина!

— Нет? Тогда что это? Ты говорил мне, что отправился на Этарию, чтобы узнать, что такое быть человеком. Ну, ты получил изрядную дозу, Лорд Командующий, а то, что ты нашел, ужаснуло тебя. Разве нет? Допускаешь такое?

— *Быть рабом и носить ошейник — это не называется быть* человеком.

— Да, это так,— она скривила губы с отвращением и помахала перед его лицом пальцем.— Нет, Стаффа, я думаю — принимаешь ты это или нет — но впервые ты почувствовал, что значит быть человеком. Слышишь? Ты ПОЧУВСТВОВАЛ! Страдающий, жаждущий, попробовавший все это дерьмо — это значит быть человеком. Настоящим. То, что ранило тебя,— это были чувства человека! Ты осознал себя человеком после всего — и гной вытек из тебя!

Ее тон, полный отвращения и высокомерия, отрезвил его. Он вскочил и, приблизившись, попытался заглянуть в эти вызывающие рыжевато-коричневые глаза. Неистовый как берсеркер, он стоял перед ней.

— И теперь что, Стаффа? — спросила она ровным голосом: — Ты хочешь меня ударить? Хочешь закончить то, что ты начал на Майке? Добавишь меня к списку своих призраков?

Руки его вздрогнули, когда он сжал трясущиеся пальцы и кулаки и стиснул зубы. Гнев испарился мгновенно, оставив после себя вялую слабость. Правда ее слов подействовала на него сильней удара ножом.

Беспомощный, он уронил руки и, пряча глаза, глухо признался:

— Да, я хотел тебя ударить... Иногда я бросаю вызов всей Вселенной, но проходит время, и я трясусь и хнычу. Но я был сильным когда-то.

— Потому что ты не знал, кто ты есть, Стаффа кар Терма, а у тебя не было шанса найти себя. Гнев? Внезапный страх? Скачки эмоций? Твоя душа кричит. Вызов? Ты хочешь сам себя уверить, что ты — мощь и сила. Каждое колебание твоих эмоций — это признак боли, которую ты испытываешь, потому что тебя выбросили из рядов человечества и не принимали так долго. Но изгнание — только в твоих собственных мыслях.— Она помолчала. Потом добавила:— Не потому ли ты так жестоко и гнусно убивал? Может, это было для тебя попыткой вернуть себе звание человека, так как у тебя не было возможности испытать другие средства и пути.

Он опустил глаза, разглядывая собственные руки, медленно перебирая пальцами: «Может, так оно и было? Я изгнал сам себя из человечества, чтобы заплатить грехи своих родителей и Претора?»

Она отбросила волосы назад, глядя на него с глубокой печалью:

— Самосознание — это очень больно. Многие из нас узнают, что они не Боги, еще будучи детьми. Ты не познал этого, а потом Претор выпотрошил тебя, вынул из тебя все человеческое там, на Миклене, и ты не был уверен, что ты — человек, до тех пор пока этарианский судья не заковал тебя в ошейник и не бросил в сточные канавы ко мне.

Она поколебалась:

— Я не завидую тебе, Стаффа. Если ты хотел пройти через все это, то должен был понять, что ты себя не любишь.

Он с горечью покачал головой:

— Я ненавижу себя сейчас.

Кайла еще плотнее запахнулась в свою накидку, помолчала и, пересилив себя, сказала:

— Я понимаю, как тяжело для тебя — быть запертым тут со мной. На Этарии у тебя были и ненависть, и гнев, которые давали тебе силы. Здесь ты заперт. Тебя окружают только эти четыре стены... твое сознание... память и я.

Косые лучи пробивались сквозь проломы в стенах и ломаными пятнами падали на выщербленные плиты площадки, временно служившей для посадки небольших десантных катеров. Судно, на котором предстояло улететь Синклеру, уже стояло посреди площадки, и двигатели его работали в малом режиме. Катер, видимо, побывал уже не в одном бою — вмятины в обшивке, оплавленные рули высоты — все это выглядело вполне красноречиво. И Синклер почувствовал даже нечто вроде симпатии к этому суденышку — как к незнакомому боевому товарищу.

Шаткая лестница, заменявшая трап, поскрипывала, но выдержала не только тщедушного Фиста и стройную Гретту, но и здоровяка Макрудера, если бы он летел с ними. Люк захлопнулся. Двигатели загудели громче, катер был готов к взлету.

За приборной доской каждого десантного судна находился командный модуль. Отсюда офицер мог связаться с кем угодно, мог наблюдать, отсюда у него был прямой доступ к оружию. С судна, находящегося на орбите, он мог следить за развитием боя и руководить им. Компьютерное оборудование занимало одну

стену, обеденный стол легко становился рабочим, а на скамье сбоку можно было сидеть и спать.

Но ни спать, ни сидеть Синклеру не хотелось, потому он устроился у экрана монитора, опершись плечом о вздрагивавшую от рева двигателей переборку.

Офицер-летчик обернулся и вопросительно взглянул на Синклера. Синклер понял и кивнул. И в то же мгновение ощутил движение десантного судна. На командном мониторе он видел столб пыли, который поднял катер при взлете. Повсюду валялись обугленные тела, в центре площади лежали тела убитых Майкрофтом пленных: дань тарганцев Майкрофту. Огромный костер ненависти получил новую пищу.

Синклер отвернулся от монитора, покосился на товарищей — их лица были мрачны, руки крепко держали оружие. Гретта встретила его взгляд и покачала головой. Он понимал ее без слов, тем более, что разговаривать было трудно — двигатели набирали обороты, в кабине их рев заглушал все другие звуки, и чтобы что-то сказать, пришлось бы кричать во все горло.

Судно набрало высоту и начало пологий разворот в южном направлении. Синклер молча смотрел, как вдали исчезает город. Так много изменилось с тех пор, как он впервые увидел Таргу на экране ночного инфравизора. Теперь он снова покидал Каспу — сейчас она была уже под его контролем.

Пролетело всего несколько дней, наполненных изнурительной военной работой, грохотавших взрывами и окутанных клубами дыма. И сейчас это вдруг странно отдалилось, сжалось так, что могло, казалось, уместиться всего в несколько скупых строк рапорта.

Когда его группы снова штурмовали Каспу, сопротивление было незначительным, и его легко подавили. Усмирение Каспы потребовало куда меньше жертв по сравнению с тем «митингом», который устроил Майкрофт.

Синклер присел на откидной стул поближе к коммуникатору, быстро перебрал в памяти все, что предстояло сделать в ближайшие часы, и вызвал на связь Макрудера.

— Мак, все в порядке, мы возвращаемся в Веспу. Город твой.— Он отвернулся от мониторов, на которых проплывали изображения Каспы под разным углом зрения, и посмотрел на Гретту. Печаль лежала на ее лице, когда внизу проплывали груды развалин и обгорелых трупов. В кабине стало немного тише — после взлета двигатели перешли на ровный режим. И при переговорах по комму уже не нужно было кричать, перекрывая шум.

— У нас все хорошо, Синклер, — донесся голос Мака.— Позаботься лучше о себе. Нужно быть настороже — седдианцы не откажутся от мысли отомстить нам, а уж тебе точно. Вспомни, сколько полководцев захватывали миры, праздновали победу и умирали на следующий день от ножа диверсанта.

Синклер, зная, что Макрудер его не видит, усмехнулся и успокоительно сказал:

— Понял. Не беспокойся, Мак.

Макрудер хмыкнул и спросил:

— Что-то еще?

«Все вроде обговорено? — подумал Синклер,— а Мак знает, что ему нужно делать», но на всякий случай напомнил:

— Продумай в деталях, как поскорее вывезти все трупы и надежно захоронить.— Синклер обрубил связь и крепко сжал руку Гретты. Война закончилась, остались только вопли, флаги и еще одно маленькое дело — очистить седдианский храм. Макарта. Интересно, где он находится?

Последнюю фразу он, не заметив, произнес вслух, и потому удивился, услышав смех Гретты.

— Что случилось?

Гретта пожала плечами:

— Ничего. Если не считать того, что доблестный Первый дивизионный разговаривает сам с собой. Вероятно, потому что нет собеседника, равного по рангу.

Синклер недоуменно смотрел на нее, потом нерешительно спросил:

— *Я разговариваю сам с собой?*

Гретта откинула прядь со лба:

— Тебе не дает покоя Макарта, вот и бормочешь себе под нос. Но иногда так громко, что трудно не расслышать.

Синклер нахмурился:

— Да, Макарта действительно не дает мне покоя. Ты, надеюсь, понимаешь, что пока мы не покончим с этими коварными и подлыми Седди, мы не покончим с войной на Тарге. В лучшем случае только на время, пока они снова соберутся с силами.

Гретта внимательно посмотрела на него и согласно кивнула, нахмурив брови:

— Да, но как узнать, где они прячутся?

Синклер закусил губу:

— *В этом-то и все дело.*

Она вдруг не без ехидства заметила:

— Ставлю силенианский лед против рипарианской тины, что Арта знает.

— Да, что-то заставляет меня думать о ней. Родство душ?

— Я называю это сексом,— буркнула Гретта.— По разным причинам — может быть, фермоны или эти ее глаза? — Мужчины чувствуют к ней сексуальную притягательность. Я вижу это: мужчина бросает один взгляд и остается остолбенелым, уставясь на нее, для него исчезает весь окружающий мир. Я считаю благоразумным сменить охранников на женщин. Мужчины все поголовно теряют голову.

Синклер расхохотался. Гретта подождала немного и очень серьезно спросила:

— Ты хочешь спросить ее о местонахождении Макарты?

Синклер глянул на открывающийся сверху портовый вид и скорчил гримасу. Внизу расстилалась тарганская страна: дренажная система рассекала, кромсала серые и коричневые скалы,

хвойные массивы покрывали северные склоны темно-зелеными пятнами.

— Нет,— сказал он,— мне не хочется видеть ее еще раз. Она слишком дорого нам обошлась. И Тарга тоже. Я даже подсчитать не могу. Как она могла убить своего любимого так легко и бессердечно? Я слышал ее крики, пока шел вниз в холл. Жуткий, нечеловеческий вопль из какого-то ужасного кошмара.

— Она считала, что мы блефуем. Она не верила нам,— Гретта присела на кушетку, хмурые морщины перерезали ее лоб.— Теперь, когда я уверилась, что ты не испытываешь тяги к ней, мне жаль ее. Теперь она будет думать о вине или о чем-то подобном, что можно чувствовать, будучи причиной такого конца! Это тяжкая ноша — из крови и множества смертей. И все это ее вина.

— Я видел ее на голомониторе,— согласился Синклер, отвернувшись к монитору.— Я считал, что она в капкане. Мне мало известно о подобных вещах, но, может, наши психологи помогут ей.

Гретта сморщилась, в глазах застыла мудрая печаль:

— Вполне возможно. Когда мы вернемся, я бы хотела спуститься к ней поговорить. Может, мне удастся раскрыть ее, заставить почувствовать что-нибудь. Если я поговорю с ней, вдруг она расскажет нам, как найти Макарту.

Синклер потер подбородок:

— Оставь ее в покое. С ней что-то здорово не в порядке. Я не могу понять. Что-то... пугающее.— Он нахмурился, вызвав в мыслях образ этой женщины. «Почему мне кажется, что я знаю ее? Что-то у меня в памяти, я не могу... определить... это так глубоко запрятано. Что же это?»

— Есть донесения от флота? — спросила она, переключая его внимание.

— Получен приказ о передаче полномочий Майкрофту и моем аресте,— в глазах его вспыхнула злость.

— А ты?

— Что? Позволить Майкрофту уничтожить все то хорошее, что я успел сделать? Прогнившие Боги! Он же сожжет Таргу. Нет, я попытаюсь поторговаться,— он посмотрел на вздымающиеся горные пики, над которыми они пролетали:— Мои позиции укрепятся, если Седди будут в моих руках. Я хочу встретиться с их главным. Тогда я смогу все закончить разом.

— Что это за навязчивая идея о Седди?

Он отсутствующе улыбнулся:

— Она ведет назад в Регу и... Нет, ничего особенного. Все дело в том, что мы обвиняемся в измене. Наша единственная надежда, что Тибальт сможет держать в руках всю эту планету. Рассвирепевшие вояки из Министерства обороны собираются нас повесить на крючок и выдавить кровь по капле. Мы далеко не в безопасности. «И это ранит меня до смерти».

Она задумчиво кивнула, наматывая пряди волос на пальцы. Внизу показалась окраина Веспы, а высокие горные пики остались позади за долиной, покрытой весенней зеленью.

— Макарта,— размышлял он,— я бы все отдал, чтоб найти ее.

— Все? — спросила Гретта.

— Хммм?

— Ты все отдашь за то, чтобы найти Макарту?

— Думаю, да.— Перед мысленным взором Синклера встала Тарга. Где Седди спрятали свой главный храм? Под одним из городов?

Десантное судно пошло на посадку и приземлилось на плацу напротив штаб-квартиры. Синклер встал, погруженный в мысли, и с отсутствующим видом собирал и рассовывал по карманам свои вещи. Подъехал с тихим шипением гидравлический трап, и он вышел на теплое солнышко. Вдали от командного центра бурлила восстановленная жизнь Тарги. Работали шахты, и хотя среди горняков было немало потерь, и ряды их поредели, они выдавали на-гора достаточно руды, которая поступала в города и возвращалась назад переработанной в разные полезные вещи. Мертвых по-прежнему хоронили, но теперь и мужчины, и женщины могли многое начать сначала, как ни странно это звучало.

— Я буду через секунду,— сказала Гретта, посылая ему звучный воздушный поцелуй.— Если тебе что-нибудь понадобится, позови.

Он кивнул, почти сразу забыв ее слова, потому что его неотступно преследовали мысли о Седди. Они оставались единственным ключом к Тарге. Как они допустили такое кровопролитие на своей планете? Что они надеялись выиграть? С самого начала стало ясно, что на Тарге у них не было ни единого шанса. Какие дурацкие причины заставили их сунуть головы в петли?

«А как смерть твоих родителей связана со всем этим? Они были седдианскими убийцами — такие же как Арта Фера. Может, они проходили обучение здесь? Может, так же бродили по улицам Веспы? Знали ли они расположение Макарты?»

Он поднялся по широким ступенькам, ответил на громкое приветствие охранников, заметив, как блестят на солнце их глаза, как они стараются выглядеть бравыми воинами.

«Я упустил что-то,— задумчиво сказал он сам себе.— Есть ключевой элемент в их действиях, и я его не понимаю. Нужна деталь, которая все прояснит».

Он помедлил, взявшись за ручку двери и задумчиво наклонив голову: «Даже если они все фанатики. Неужели в войне ими двигала только вера? Вера в мистический фокус-покус? Суперприродную интервенцию?»

Он пожевал губами и нахмурился, качая головой, пока открывал дверь и проходил в свой пентхауз на крыше. Мхитшул и Шикста склонились над грудой корреспонденции, нанося пометки на карты.

— Нузер сделал запрос с флота, сэр,— произнес Мхитшул, глядя поверх этой груды бумаг:— Мы рассчитывали, что вы скоро прибудете, поэтому просто наскоро просмотрели,— он встал со своего места и прошел к комму, возле которого обычно дежурила Гретта.

Женщина с квадратным лицом и серыми волосами пронзительным взглядом уставилась на него с экрана монитора. У нее были суровые карие глаза, нос нависал крючком, на лбу проступали старческие пятна. Красное лицо было испещрено морщинами. Бескровные губы от напряжения были вытянуты в ниточку.

— Сержант Фист? — проскрежетал ее голос, как порванные струны.

— Первый Синклер Фист Первой тарганской десантной дивизии,— ответил он, подчеркнув «Первый» и обратив внимание на тяжелый взгляд, сверкнувший из-под насупленных бровей. «Плохую военную карьеру сделала эта бедняга»,— а с кем я имею удовольствие говорить?

— Командир Риста Брактов с имперского реганского десантного крейсера «Гайтон». У нас приказ — передать командование Первому Майкрофту и взять вас под стражу. Если вы будете тянуть — это еще больше отягчит вашу вину. И ни на какое снисхождение не придется рассчитывать, вы сполна получите причитающееся.

Синклер кивнул, чувствуя, как замерли Мхитшул и Шикста:

— Я понял, командир, но тем не менее я не готов складывать с себя полномочия в данный момент. Перед нами встала дилемма, и вы, без сомнения, понимаете...

— В чем дело?

— Если я последую вашим приказам, на планете вспыхнет восстание против Майкрофта. Тарганцы ненавидят его всеми фибрами души. Поэтому я держу его в корабле на орбите. Тарганцы готовы отдать все за его голову.

Синклер подошел к экрану поближе:

— В настоящее время и Первая, и Вторая дивизии обеспокоены своим будущим. Мы подчинены Министру обороны. Я думаю, вы знакомы с ним. Мы не умерли, когда это кому-то захотелось, — его сухая усмешка и поднятые брови никак на нее не подействовали.

Шикста что-то с придыханием бормотал.

— Военный трибунал рассмотрит каждое дело в отдельности,— сказала Брактов.— Виновные в несоблюдении субординации и нарушении учебных правил и рекомендаций будут судиться по совокупности.

Синклер встал лицом к монитору, потирая руки:

— Да, как видите, мы все виновны,— он сделал паузу.— А теперь посмотрите с нашей точки зрения. Нововведения были применены на Тарге, и с их помощью удалось подавить мятеж и подчинить бунтовщиков. Да, командир, бунтовщики усмирены. Все кончено. Столица взята повторно. Мои группы патрулируют улицы. Остались некоторые гнезда сопротивления в горах, но их постепенно подавляют, в большинстве случаев мирным путем.

— Разве это имеет значение, сержант? — прогремела она, ерзая в своем кресле, приподняв одно плечо.

— Имеет, командир. Я предполагал, что такой разговор произойдет рано или поздно,— еще тогда, когда Майкрофт

назначил меня в Первую дивизию.— Он присел на край стола, крепко обняв себя за плечи, свободно покачивая одной ногой.— Вы же сами видите, я хочу отдать императору мирную Таргу. Более того, я хочу добиться гарантий и уверенности, что этот мир будет длиться достаточно долго, пока я здесь вице-король. Дальше. Те, кто желает вернуться домой из Первой и Второй дивизий, могут это сделать, но я прошу не наказывать их за мнимые преступления, а удостоить всех почестей, положенных ветеранам.

— Вы ЧТО? — Риста вскочила на ноги,— вы торгуетесь? С императором? — она откинула голову назад, и ее смех дробным кудахтаньем разнесся по комнате.

— Я завоевал планету,— спокойно напомнил он.— Это первая причина. Вторая — люди из обеих дивизий жестоко пострадали во время службы на Тарге. Поэтому я считаю, что абсолютно справедливо дать им время, чтобы они могли отдохнуть. Рега готова напасть на Сеззу в этот самый момент,— блеск ее глаз подсказал ему, что его догадка верна.— Мои люди обладают достаточным опытом, чтобы постоять за империю. Императору нужны не только верные бойцы высокого калибра, но ему нужна и Тарга, которая будет кормить его армию и военную промышленность.

— Но какую цену вы назначите за это, Фист? — омерзение искривило ее лицо.— Что-нибудь еще?

— Вы отказываете нам в праве оставаться здесь, соблюдая интересы империи?

— Да,— хмыкнула Риста.

— Очень хорошо. Пожалуйста, передайте наши наилучшие пожелания императору, и пусть он знает, что все, что мы делаем, это в его честь. Мы адресуем наши проблемы министру обороны и политическому совету, который, без сомнения, находится в неведении.... и надеемся, что Седьмой император увидит истину и проявит справедливость по отношению к своим верным слугам из Второй и Первой дивизий. Мы будем держать Таргу его именем и в его честь.

Ее суровые глаза сверкали, пока тянулась долгая тишина. Синклер не хотел встречаться с ней взглядом. Позади него что-то неразборчиво бормотал Шикста.

— Вы знаете, я встречала разных ублюдков,— прорычала Риста,— но вы превзошли всех! Но возмездие не за горами!

Синклер поднял руку:

— Пожалуйста, не стоит развязывать войну между реганцами. Империя не может себе этого позволить.

— Сдавайтесь, Фист.

— Мы не в том положении, чтобы сдаваться кому бы то ни было. Мы...

— Вы на грани пропасти,— проорала она.— Вы думаете, что ценой жизни тех, о которых вы так заботитесь, сможете избежать разгрома?

— Определенно, я так не думаю. И в Первой, и во Второй дивизиях стараются избегать жертв...

— Ты тупая деревенщина! Ты думаешь, что твой сброд сможет

противостоять ветеранам? Никого из них не останется в живых, когда все кончится,— она помолчала и добавила:— Если вы перемените свое решение, отправьте солдат на «Гайтон». Теперь все.

Комм замолк.

— Итак, джентльмены, вот к чему мы пришли,— вздохнул Синклер.— Мхитшул, надеюсь, ты все записал.

— Да, конечно,— рядовой почесал в затылке и выключил комм.

— Сеть радиовещания работает. Я хочу, чтобы разговор слышала вся планета,— Синклер разжал кулак.— Поднять тревогу по всей планете. Они, скорей всего, нападут на нас, и мне бы не хотелось, чтобы нас застали врасплох.

Мхитшул нажал кнопку и развел руками:

— Вот и все, Синк. Я передал. Ты хочешь, чтобы мы начали стрелять, когда захватчики появятся в поле зрения?

Синклер нахмурился, отсутствующе глядя вдаль, посасывая большой палец:

— Подождем, посмотрим, как разовьются события...

— Поступило сообщение,— пальцы Мхитшула взлетели над коммом.

— На связи Кэп, Синк! — цветущее лицо его Первого командира отделения заполнило экран.— В небе десантных судов, как мух!

— Ты знаешь, что нужно делать! Мхитшул, объявляй тревогу. На нас напали.

— Работают все станции,— отозвался Мхитшул.— Боги, я получаю сигналы со всех сторон.

— Придержите наши корабли,— Синклер стиснул зубы и принялся вышагивать взад и вперед.— Молитесь, чтобы они следовали букве учебника.

Снаружи зазвучала громкая сирена.

— Поступают рапорты,— Мхитшул посмотрел наверх, а Шикста побежал, остановившись только на минутку, чтобы схватить оружие, лежащее на кушетке.

— Немедленно сообщите мне, когда начнет поступать новая информация.— Синклер дернул головой.— Мак? Ты на связи?

— Да, Синк,— донесся голос Мака сквозь статический треск.— Они пытаются зажать нас в клещи. Здорово, что ты переменил расположение передающих станций. Уф, они теперь решат, что у нас осталась целая дивизия одна в Каспе!

Синклер выглянул в окно. Небо заполняли черные точки:

— Они уже почти здесь.

Мхитшул наклонился над коммом, занятый кодированием информации. Не поднимая головы, он добавил:

— Исходя из данных, это похоже на целых пять дивизий!

— Пять дивизий? Прогнившие Боги! Это больше, чем потеряла Рега во всей этой нелепой революции!

— Худшее уже случилось, Синк. Я связался с ними, там двое ребят — они из нерегулярных частей. Говорят, что это ветеранские

дивизии.— Мхитшул сглотнул.— Но она же сказала, что они будут здесь.

Синклер почесал в ухе. Потом сказал в боевой комм:

— Все в порядке, ребята! Вот оно! Давайте! Все помните, что нужно делать?

Одно за другим включались отделения, докладывая готовность.

Синклер отвернулся посмотреть в окно, чтобы увидеть, как дождем сыплются десантные суда с орбиты. «Борьба или возвысит нас, или уничтожит. Никогда еще ставки не были так высоки. Никогда так много не было поставлено на карту».

— Поддержите огнем с орбиты! — вступил в общий разговор Эймз.— Эти ребята нажимают со всех сторон, Синк! Можно сойти с ума, думаю, что мы не уделили должного внимания разведке!

— Ударьте и рассредоточьтесь! Двигайтесь, Эймз! Иначе они поймают тебя на прицел! Давай!

— Хорошо!

— Прикройте нас с десантного судна! — позвал Китмон,— мы защищаемся. Не только Эймза бомбят с орбиты,— звучный удар послышался из комма.— Мы на грани уничтожения!

— Вперед, ребята, вперед! — прокричал Синклер, закрыв глаза, мысленно представил общую картину нападения, учтя все известные данные и дополняя недостающие звенья интуицией.

Его размышления прервал вызов интеркомма.

— У нас тут неприятности,— на связь вышел Мак,— мы не даем им приземлиться. Но они превосходят нас по численности. Если бы было один к одному, то мы бы быстренько их приструнили, а так их слишком много.

— Не переоценивай! — отозвался Синклер и посоветовал:— Мак, пока у тебя нет потерь, отойди. Ударь и рассредоточься! Группа за группой! Если придется встретиться с ними лоб в лоб... мы потерпим поражение! Они превосходят нас по численности, по вооружению, они снабжены лучшими средствами связи и транспортом! Нам лучше не сражаться с ними в открытую. Давай, двигайся! Выходи из боя! Используй все свое умение, Мак!

— Понял, Синк,— в голосе Мака звучала тревога, никогда раньше Синклер такой не слышал:— Нас теснят!

Стиснув зубы, Синклер заколотил по лбу кулаками. Пять дивизий! Где их слабое место? Как просчитать действия пяти дивизий?

Истерзанный сомнениями, он посмотрел на ситуационный экран, и ноги у него подкосились: он осознал, как все плохо.

— Гретта? Где Гретта?

— Мы почти уничтожены! — ворвался голос Эймза.— Их слишком много, Синк! Мое отделение не может противостоять целой дивизии. Нас убивают!

— Рассеивайтесь, исчезните,— закричал Синклер.— Вы должны остаться в живых. Все, все должны выжить! Спасайте командиров! Нанесите удар и врассыпную, все! Спрячьтесь! Я же учил вас, как это делать. Выживите и заставьте их заплатить. Используйте их учебники против них самих!

— Это касается и нас? — спросил Мхитшул, начиная собирать карты.

— У нас есть корабль, спрятанный на кирпичном заводе, помните?

Мхитшул откликнулся:

— Да.

Синклер быстро перебрал в уме все, что необходимо сделать немедленно, и короткими рублеными фразами стал отдавать распоряжения:

— Подумайте, что делать с коммом. Нам будут нужны широкомасштабная связь и свобода передвижения, если понадобится. Естественно, что мы никак не сможем защититься только силами наших трех отделений в городе. А ударом с орбиты можно превратить это здание вместе с нами в груду дымящихся развалин.— Он вскочил и принялся помогать складывать секретные штабные документы в толстый портфель из сиалоновой кожи.

Издалека доносились глухие удары, они становились все ближе. Совсем неподалеку вспыхнула трескотня импульсных автоматов, перемежаемая резкими бластерными взрывами. Синклер выглянул в окно — багровое зарево залило полнеба.

Мхитшул огляделся — не забыто ли что-нибудь важное — и сказал:

— Все в порядке. Можем идти.

Синклер взял бластер наизготовку, осторожно выглянул в дверь и сказал:

— Пошли.

Ноздри щипал резкий дым, тянувшийся в разбитые окна и проломы стены, под ногами хрустело битое стекло.

— От Гретты ничего? Она просила вызвать ее через комм, — спросил Синклер, когда они спускались по ступенькам, застланным обгоревшим ковром, останавливаясь только для того, чтобы подобрать оружие и снаряжение.

— Нет, сэр,— ни звука, ответил Мхитшул, не поворачивая головы.

Внутри у Синклера все сжалось, и ледяные пальцы прошлись по спине. Страх, жуткий страх стал его постоянным спутником. Неужели весь Открытый Космос сошел с ума, и теперь что, реганцы идут войной на реганцев?

Синклер не боялся смерти. Он не боялся ничего, кроме страшной и отвратительной опасности стать игрушкой обстоятельств или, того хуже, орудием безумной политики, сокрушающей не только сегодняшний день, но и надежду на будущее. И сейчас, когда разгоралась эта бессмысленная бойня, это дикое самоистребление, он вдруг ясно ощутил: надо суметь вырваться, и тогда— и тогда он повернет события. Надо вырваться...

Когда они, пригибаясь, пробирались через двор, раздался булькающий звук, и фиолетовый взрыв потряс верхний этаж их штаб-квартиры, веером разбрасывая горящие обломки. Они инстинктивно бросились на землю и залегли, прикрывая руками головы. Сверху посыпались куски штукатурки, обломки кирпича и стекла.

Первым вскочил Мхитшул. Отряхиваясь от пыли, он в изумлении огляделся.

— Что это было?

— Благодари Богов, что нам удалось вовремя выбраться оттуда, прохрипел Синклер.— Давай убираться отсюда поскорее.

Настроение у нее было превосходное. Перебирая в уме все, что произошло в последние дни и часы, Айли с удовлетворением ощутила, что все идет по намеченному ею плану, отклоняясь только в некоторых незначительных деталях. Иначе говоря, самодовольно подумала она, я владею положением.

Айли удобно расположилась в командном кресле собственного крейсера, совершающего облет Тарги в сопровождении мощного эскорта реганских десантных кораблей. Айли видела, как от них отрывались маленькие ракетные катера, уходившие вниз, их задача —тщательно осмотреть планету.

— Война? — спросила Айли.— На Тарге продолжается война? — она надавила кнопку.— Соедините с командным кораблем.

Через секунду на экране возникло лицо пожилой женщины. Позади нее виднелся мостик, с которого велась общая координация боевых действий.

— Назовите себя,— приказала Айли.

— Командир Риста Брактов с имперского крейсера «Гайтон» к вашим услугам, леди министр.— Уголки ее рта вздрогнули, а и без того жесткие глаза окаменели, когда она увидела, кто перед ней.

— Похоже, что наметился прогресс в военных действиях,— Айли наклонила голову.— Мне сообщили, что ситуация медленно, но уверенно складывается в нашу пользу.

Командир Риста Брактов кивнула:

— С тарганскими бунтовщиками покончено. Но возникли небольшие проблемы с соблюдением войсковой дисциплины.

— Синклер Фист?

— Тогда вам все известно. Не потому ли министерство внутренней безопасности почтило нас своим визитом? — вежливо уточнила Риста, устремив на Айли вопрощающий взгляд.

— Да, это так, командир,— позволила себе улыбнуться Айли.— Обрисуйте мне ситуацию поподробнее.

Риста любезно кивнула, но глаза оставались стеклянными:

— Буду счастлива. Вы прибыли, когда акция близилась к концу. Вчера, в пятнадцать ноль-ноль, мы сбросили пять дивизий на Таргу. В течение этого планетарного дня мы соединились в намеченных пунктах, провели перегруппировку и теперь нам осталось разыскать и уничтожить мятежников.

Айли помолчала, трогая пальцами подбородок. «Что бы это значило? Может, нет смысла гоняться за Синклером Фистом? А если он не более, чем случайность?»

— Понятно. Значит, вы нанесли большой урон Первой дивизии?

Риста поколебалась, кислая гримаса искривила ее губы:

— Мы довольны, леди министр.

«Но почему такие колебания?»

— Командир, а каковы ваши потери?

— Леди министр, вы как никто другой, знаете важность утечки информации. Я отправила донесение министру обороны, и он, без сомнения, будет очень счастлив...

Айли подняла вверх жезл с гербом:

— Командир, я уверена, что вы знакомы с имперским символом власти? Судя по вашему выражению лица, да.

— Я...— Риста нервно сглотнула.— Я раньше никогда не видела этой вещи, леди министр.

— Итак, ваши потери?

Риста Брактов повернулась к своему контрольному комму и стала считывать информацию. Зловещее выражение сморщило ее и без того морщинистое лицо. В конце концов она кивнула и, обернувшись, доложила:

— Леди министр, мы подтверждаем сто тридцать жертв со стороны Первой дивизии.

Айли опустила подбородок на ладонь, подумав при этом: «Сто тридцать? Так мало после такого массивного удара пятью дивизиями? Может, я чего-то не учитываю?»

— А ваши потери, командир?

Брактов долго не колебалась, хотя и ответила осевшим голосом:

— Четыреста тридцать, леди министр.

Айли поиграла пальцами, украшенными длинными ногтями:

— И вы считаете, что достаточно эффективно сокрушили силы Первой дивизии?

Риста пожевала губами, прежде чем сообщить:

— Но это очевидно. Их командование рассеяно. Отдельные группы изолированы... они разбиты на еще более мелкие группы, у которых отсутствует единая тактика. Люди Фиста — это всего лишь неорганизованный сброд. Нам нужно немного времени, чтобы собрать их з кучу и депортировать, а потом отдать под трибунал.

— Отлично,— Айли помолчала.— У меня только одно условие, командир. Вы доставите мне Синклера Фиста живым.

Тень облегчения промелькнула на лице Ристы:

— С удовольствием, леди министр. Мы немедленно доставим его вам.

— Я хочу исключить несчастный случай,— Айли махнула рукой.— Ваши вояки между делом могут прикончить его. Иногда они не понимают, что есть вещи поважнее, чем их месть. Вы согласны со мной?

— Думаю, что понимаю вас.

— Тогда пожалуйста, предупредите своих подчиненных именем министра внутренней безопасности, что я лично займусь каждым, кто скажет, что Фист был случайно убит.— Айли изучала женщину из-под полуопущенных век.

— Его доставят к вам живым,— в глазах Ристы вспыхнуло раздражение.

— Надеюсь,— Айли выключила связь.

Она провела ногтем указательного пальца по гладкой поверхности экрана. «Молись Богам, чтобы я не ошиблась на твой счет, Фист! В противном случае, мне лучше взять мой крейсер, мой символ власти и бежать на Сеззу! На Реге моя жизнь будет очень мало стоить».

Синклер потряс головой, чтобы прояснить мысли. На мониторах спрятанного десантного судна он дважды видел восход и заход солнца. И ни одного слова от Гретты. Он вытянулся в командном кресле, чтобы облегчить боль в мышцах. В течение этих длинных часов, которые он провел здесь, остальные мужчины и женщины, его мужчины и женщины, сражались за свои жизни. Маленький контрольный пункт стал его тесной камерой, стальной тюрьмой. На комме зажглись предупредительные огни, показывающие, что кто-то на связи. Он координировал все сопротивление. На передних планах порта он видел золотящиеся в первых лучах солнца окна зданий, стоящие напротив кирпичного завода, где был укрыт корабль, ставший его временной тюрьмой.

— Все в порядке, Мак,— Синклер потер подбородок и почувствовал, как оброс щетиной.— Теперь все неплохо, не то что раньше. Давай. Выведи их и сыграй роль приманки.

— Понял,— вернулся голос Макрудера, в нем чувствовалось страшное напряжение:—Синк? На всякий случай. Позаботься, ага? Если все получится, расскажи моим парням, как я это сделал. Идет, Синк?

— Да, Мак.

Голос Макрудера смягчился:

— Ты был самый лучший, дружище. Да хранят тебя Благословенные Боги. Передай мои наилучшие пожелания Гретте. Если я не смогу быть на свадьбе... выпей за меня. Первое отделение, отключаюсь.

— Самые наилучшие пожелания тебе тоже,— прошептал Синклер, пытаясь побороть внезапное оцепенение: на какой риск шли люди, о которых он заботился! Он пытался сделать невозможное, безумное! Когда Синклер лихорадочно связывался с разрозненными отделениями, план вырисовался у него в голове: пользуясь нелепой верой нападавших в рекомендации дурацких учебников, они пытаются проскочить между челюстями смерти. Но многие могут погибнуть...

«Если бы рядом была Гретта, чтобы сказать мне, что все в порядке!»

— Китмон? — спросил Синклер, собирая волю в кулак.— Ты готов нанести удар Пятой этарианской?

— Принято. Мы попробовали много каналов, попытаемся сбить их с толку. Хотя они глушат нашу трансляцию. Если они полностью заглушат нас, мы перейдем на лазерную связь. И так же можем использовать телеграфную азбуку. Это будет непросто, но я думаю, мы сумеем их одурачить.

— Неплохо. Ты знаешь ситуацию лучше, чем я. Действуй по своему усмотрению. Стреляй по необходимости,— Синклер взял со стола чашку со стассой и допил остатки.

«Сколько я уже не спал? Щетина на щеках отросла на палец, а в глаза будто насыпали горсть песка. Ты мне так нужна, Гретта. Я никогда не делал этого один. Если с тобой что-то случилось, они дорого заплатят и будут платить... платить... и платить». Он закрыл глаза и успокоил дыхание.

Поморгав, чтобы унять боль в глазах, он снова присел к монитору. Пришло время связи:

— Хоувз? Рапортуй!

Голос с трудом доносился через хрипящий комм:

— Мы внутри, Синк. Мы проскочили через их кордон. План срабатывает, как часы. Что-то легко у нас получается.

— Что ты имеешь в виду? Они отступают без боя?

— Нет. Они здорово стреляют. Я не знаю. Просто предчувствие.

Синклер вернулся к комму, покрутил контрольную ручку настройки. Территория поля битвы вокруг Рэктанских шахт прояснилась после кадастрового обзора. Синклер составил план продвижений Хоувза против предполагаемых позиций реганцев. Третья аштанская дивизия под командованием Первого Вибоува должна составить оборонный периметр согласно учебнику, и они будут сражаться, как бешеные собаки, чтобы сохранить периметр. Синклер внимательно вглядывался в монитор, напряженно раздумывая.

— Да-а,— Синклер наклонился вперед: его осенила внезапная догадка.— Конечно! Хоувз? Послушай, перед тобой расстилается долина, так?

— Да. Похоже, они отступают туда. Если бы мы смогли собрать их там, занять окружающие вершины, мы бы...

— Стоп! Не повторяй! Хоувз, это ловушка. Они поймают тебя. Вы будете на прицеле. Они расстреляют вас с орбиты. Уф, давай посмотрим в учебнике на странице 95 «Концентрация сил противника для орбитальной атаки с помощью неправильных указаний». Помнишь? Ты можешь правильно развернуться? Разбить их фланги? Отбросить их и расколоть их силы? Нарушить их баланс, и тогда ты сможешь быстро пробиться к центру поселка.

— Я помню. Ты прав. Мы пошли! — стаккато бластеров и импульсного огня перекрыли голос Хоувза.

Долгое время сидел Синклер, уставившись на монитор, стараясь представить отделение Хоувза, маневрирующее против аштанской дивизии ветеранов Вибоува.

Потом комм крякнул, и прорвался кричащий волнующийся голос Хоувза:

— Я начинаю думать, что эти аштанские ребята пальцем сделаны. Каждая группа ждет, пока первое отделение не укажет им направление движения. Потом они отправляются. Никакой инициативы. Да, мы показываем им когти. Они и не подозревают. Ты снова на коне, Синк!

Синклер ликовал, наполовину чувствуя радостное изнеможение.

— Только смотри, не недооцени их. Они попытаются чем-то компенсировать собственную медлительность.

— Синк? — голос Хоувза был едва слышен — орбитальные глушители работали на всю мощь.

Из комма донеслось сквозь треск помех:

— Мы наступаем. Группа С достала их фланги. Мы пробиваемся по центру.

Синклер прокричал:

— Отлично, Хоувз. Им придется ввести в бой еще две группы, чтобы усилить свои фланги. А на это понадобится время. Держись, ты идешь к победе!

В голосе Хоувза ясно слышалась тревога:

— Да. Но у нас большие потери. Так просто не получается. Они прут и прут с трех сторон.

— Я не знаю. Но держаться надо! — Синклер потер лицо жесткими ладонями, пытаясь стряхнуть навалившуюся усталость. Краем глаза он заметил Мхитшула, осторожно наливавшего стассу в щербатую чашку. На клочке бумаги лежала желтая пилюля. Сколько нужно принять наркотика, чтобы затуманить реальность? И зачем это Мхитшулу? Синклер отвернулся.

Хоувз несет потери? Сколько? Сколько будет стоить этот реганский идиотизм? Была ли цена крови выше тщетных попыток защитить пять реганских дивизий одновременно на семи фронтах? Проклятые Боги! Какой непроходимый идиотизм!

Синклер снова наклонился к комму:

— Кэп? Докладывай, Кэп!

В ответ слышался только треск. И тишина.

Он нажимал и нажимал кнопку вызова:

— Эймз? Ты на месте?

Снова ничего в ответ.

— Прогнившие Боги! Они заглушили нас полностью,— Синклер кулаками потер глаза, помотал головой, пытаясь восстановить ясность ума. Все эти мужчины и женщины должны полагаться только на себя. Он не мог им помочь. Они знали план действий, сами знали, куда идти, что делать. Но столько всего случается, что невозможно ни предвидеть, ни предугадать. Их могли случайно обстрелять. Можно нарваться на мину... Сколько могут погибнуть? Сколько? Он сжал голову руками, эти слова бесконечным водоворотом крутились в его воспаленном от усталости и тревоги мозгу.

На панели комма замигал сигнал вызова:

— Как дела? — раздался шуршащий голос Шиксты, прерывая навалившуюся на Синклера тревогу. Было слышно, как ухают тяжелые гаубицы Шиксты.

Синклер устало выдохнул:

— Все висит на волоске. События могут развиваться и так, и эдак. Им удалось оборвать нашу связь с тремя отделениями, они уничтожают попавших в окружение.

— Уф,— шумно выдохнул Шикста и вдруг спросил:— Какое ты интересное слово называл, когда мы планировали позиции?

Ну, погоди, вспомню... Да! Паралич! Вызов командного паралича! Как ты думаешь, они слышали о таком? Хочешь, я отправлю к ним парней с белым флагом? Может, напомним им, что по учебнику они должны все разбежаться в панике, и тогда мы выбьем из них все дерьмо?

Синклер только собрался оборвать Шиксту, как смысл его слов дошел до него. И он, вскочив, приказал:

— Эгей, Шик! Сделай это! А я тем временем буду молиться, как Седди, чтобы свершилось чудо.

— Ладно! — донеслось в ответ, и связь прервалась.

Скайла в последний раз проверила системы корабля и встала, слегка помассировав виски, после того как сняла ментошлем. Контрольные лампы на панелях успокаивающе мигали. На верхнем экране сверкали фиолетовые звезды — ее крейсер, пожирая пространство, на максимальной скорости мчался к далеким Итреатическим Астероидам. Все идет нормально. Переключив комм на автоматическую запись сообщений, Скайла огляделась и вышла в коридор. Перешагнув высокий порог люка и осторожно прикрыв его, она увидела Найклоса, сгорбившегося над монитором. В руке у него была чашка недопитой стассы. Он резко обернулся на шорох и улыбнулся, наблюдая, как она направляется к нему.

Скайла спросила первое, что пришло в голову:

— Голоден?

— Всегда,— ответил он.—Ты знаешь, я привыкаю быть твоим пленником.

Она укоризненно посмотрела на него и набрала программу на распределителе, выбрав в меню для себя рипарианский кэтфиш в пряном соусе и аштанскую долму для Найклоса. Потом поставила чашку и, наполнив ее горячей стассой, уселась на высокие подушки напротив него. Пропади он пропадом, почему он всегда смотрит на нее с кривой усмешкой понимания?

С легкой улыбкой Найклос спросил:

— Курс держим на Итреату?

Она повертела в руках чашку, наблюдая, как горячий напиток вспенивается у краев, как микроводоворот. Молчание несколько затянулось. Найклос терпеливо ждал. Наконец, Скайла заговорила:

— Да. Я долго думала. Учла все, что мы знаем. Тарга в блокаде, но у меня нарастают смутные подозрения, что очень скоро мятеж разрастется еще шире. Мы знаем, что Айли направилась на Таргу, и самое лучшее этому объяснение в том, что она либо догадалась сама, либо получила донесение: Стаффа на Тарге... А я не позволю Айли поджарить Стаффу.

Найклос нахмурился:

— Значит, ты вернешься на Таргу, ведя туда силы Компаньонов? Ты знаешь, я никогда тебя особенно не любил...

Она махнула рукой:

— Оставь это.

Найклос ухмыльнулся:

— Ты была единственным человеком, которому удалось

использовать против меня митол. Но, если серьезно, то Компаньоны, отправившись на Таргу, тем самым спровоцируют Тибальта. Это совершенно несомненно. Император ни за что не потерпит их вмешательства. Подумай, Скайла. Ты можешь развязать большую войну.

Скайла глубоко вздохнула:

— Значит, я развяжу ее. Но я не стану наносить удар первой, если Тибальт не будет упрямиться. Наша единственная задача — обеспечить себе свободный проход через реганское пространство для невоенных действий.— Помолчав, она повторила:— Единственное, что сейчас нужно,— это беспрепятственно дойти до Тарги.

— Так-так, значит, флот Компаньонов не собирается и не будет разворачивать военные действия? — Найклос поднял кустистые брови и пошевелил усами. Потом с подчеркнутым сомнением добавил:— И это говоришь ты, подполковник авиации?

Скайла смерила его ледяным взглядом, но это не возымело никакого действия — Найклос продолжал иронически посмеиваться в усы, глядя на нее прищуренными глазами.

Тогда Скайла, небрежно откинувшись на спинку дивана, пристально уставилась на него и, не отводя взгляда, размеренно и твердо проговорила:

— Я начинаю рискованную игру. Поэтому меня беспокоит некоторая странность твоего поведения. Почему ты не сделал ни одной попытки освободиться? Ты прямо образцовый заложник. Ты даже не попробовал открыть дверь своей каюты. Мне не нравится, когда такие люди, как ты, ведут себя нерешительно. Это выглядит очень подозрительно.

Он улыбнулся каким-то своим мыслям, потом произнес:

— Согласен. Похоже, что на Тарге все идет не так. У меня нет даже малейшего объяснения того, что там происходит. Это просто ощущение. Ты понимаешь, я говорю о том типе интуиции, когда слова превращаются в образы. Магистр Бруен далеко не дурак, и я чувствую, как он беспокоится. Все идет вкривь и вкось, и началось это, когда Стаффа помутился в рассудке и стал совершать непонятные поступки.— Он встретил ее взгляд.— Если ты хочешь ему помочь, предоставь мне возможность помочь Седди, я не упущу этот шанс.

— А если нет?

— Буду решать проблему сам, когда она встанет передо мной,— Найклос вздохнул и поскреб затылок.— Может, кванты делают из нас из всех глупцов. Лучше бы я умер в той аллее. Почему этого не случилось, не понимаю. Раздавив зуб, ждал смерти, желая, чтобы яд побыстрее подействовал.Что-то сместилось, и я остался живым. В тот момент ты не использовала против нас всю полученную информацию. Случайность? Редкий случай? Ты толкуешь мне о шансах. Но ты — наш враг.

— Все изменилось — или меняется,— Скайла спокойно ждала ответа.

Найклос пошевелился:

— Скажи мне. Какие конечные цели у Компаньонов? Господствовать во всем Открытом Космосе?

Скайла щелкнула пальцами:

— Если Компаньоны действительно так поступят: разобьют в пух и прах реганцев, потом нанесут сокрушительный удар по сеззанским тылам? Что ты сможешь сделать?

Найклос печально покрутил в пальцах кончики усов:

— Это будет зависеть от Стаффы. Что происходит, Скайла? Почему Лорд Командующий — человек с ледяным сердцем — внезапно появляется в Этарусе, его оглушают в темной аллее, обвиняют в убийстве и приговаривают к рабству с ошейником. Что с ним произошло в той пустыне? Мужчина, впрыгнувший в мой аэрокар, это был не надменный Лорд Командующий, которого я изучал годами. Скажи мне, Скайла, дай мне самую точную информацию, потому что многое будет зависеть от того, что я доложу Магистру Бруену.

Прозвенел колокольчик, и Скайла встала, чтобы вынуть поднос из ниши распределителя. Потом села и уставилась на Найклоса:

— Это как-то односторонне, ты не находишь? Я дам тебе полную информацию о Лорде Командующем, о Компаньонах, а что получу взамен? Тебе нельзя доверять, Найклос.

Он спокойно смотрел на блюдо с долмой, которая распространяла восхитительные запахи:

— Ладно, я не хотел многое узнать. Если что-то произошло со Стаффой, что изменило его личность, это может сыграть драматическую роль в отношениях седдианцев и Компаньонов.

— Мы не нуждаемся в тебе,— напомнила Скайла.

Найклос откинулся назад и скрестил на груди руки:

— Это сомнительно и очень относительно, подполковник авиации. Ну, предположим, вы добьетесь своей цели, завоюете Открытый Космос, а что потом? Это что, план Лорда Командующего — стать деспотом, на которого он и так всегда походил? Если это так, то вы будете самой кратковременной империей. Потому что спустя совсем немного времени Стаффа отречется от престола — ему это просто надоест, наскучит, опротивеет. Потому что он завоеватель, человек разрушающий, но не созидающий.

— Значит, тебе остается выжидать.

Найклос покачал головой:

— Это не так-то просто. Что ты знаешь о системном анализе?

Скайла иронически усмехнулась:

— Достаточно.

Внимательно посмотрев ей прямо в глаза, Найклос одобрительно кивнул и заметил:

— Ну, хорошо. Это облегчает задачу.

Приподняв бровь, Скайла переспросила:

— Задачу? Какую задачу?

Найклос откинулся в кресле:

— Если ты хорошо знакома с системным анализом, тогда ты должна знать, что человечеству предстоит пережить еще одну войну. Страшную, но последнюю. После нее то, что останется

в Открытом Космосе, объединится. Но останется немногое. Мы раз за разом проверяли расчеты и предсказания, и каждый раз результаты получались одни и те же или весьма близкие. Угасание многих миров, ныне цветущих и благоденствующих, неизбежно. Подобно тому, как это уже случилось с Тергузи, Силеной и Формозой. Некоторые районы и территории, возможно, и останутся населенными — вероятнее всего, это — Тарга, Сезза и Рега. Но в результате длительной и беспощадной войны их природные ресурсы исчерпаются, цивилизация будет отброшена далеко назад и никогда не поднимется. Оставшиеся в живых будут отныне и навеки приговорены к изнурительному труду примитивного фермерства среди руин и развалин.

Не скрывая сомнения, Скайла проговорила:

— Если твоя модель верна...

Выражение его лица не изменилось:

— Мы можем предоставить тебе все данные. Проверь их, крути и верти, как хочешь. Я думаю, у Компаньонов достаточно мощные компьютеры, чтобы расщелкать любой орешек. Но заранее скажу — результаты будут те же самые.

Скайла решительно отрезала:

— В таком случае у вас единственный выход: убить Стаффу и меня в надежде, что Компаньоны отступят и тем самым изменят расстановку сил. И тогда Реге и Сеззе останется только расстрелять пленных и раненых. И столь желанная тебе цивилизация сохранится.

Найклос покачал головой:

— Для Седди перспектива жить под правлением Реги либо Сеззы ненамного привлекательнее, чем влачить жалкое существование под властью Звездного Палача.

Скайла не могла скрыть удивления:

— А как же тогда объяснить ваш интерес к Стаффе?

Найклос ответил, не задумываясь:

— Он является ключом к Открытому Космосу, — и, помолчав, спросил:— Скажи мне, Скайла, что заставило его так неожиданно бросить все дела и бежать на Этарию? И тем самым накликать на себя столько бед и смертельных опасностей. Почему он повел себя так безрассудно? Я спрашиваю не из простого любопытства. Непредсказуемостью своих поступков он разрушил все наши планы. Почему?

Скайла задумчиво проговорила:

— Стаффа хотел узнать, что это значит — быть человеком, Найклос.

Не в силах скрыть изумления, Найклос откинулся в кресле и с явным сожалением пробормотал вполголоса:

— В таком случае он узнал даже слишком много. Но на этом не кончится. Он может попасть в еще большую беду, когда прибудет на Таргу.

Скайла вскинулась:

— Седди — предатели?!

Найклос решительно мотнул головой:

— Нет, Магистр Бруен сдержит данное им слово. Но на Тарге война. И она принимает варварские формы. И во всеобщем истреблении вряд ли кому удастся спастись.

Сэмпсон Хенк, Первый 27-й Майканской десантной дивизии, покачал головой и уставился на ситуационный монитор, где возвышались командные штаб-квартиры в центре Каспы. Пятьдесят лет военной карьеры придали его образу мыслей некоторый цинизм. Он привык считать двадцать седьмую Майканскую столпом реганской военной мощи. Тот факт, что ее не разогнали после победы над Майкой, был лучшим доказательством для Хенка. Теперь он потирал подбородок, глядя на монитор, стараясь найти лучшие способы уничтожения вражеского флота и в экономическом, и в военном отношении.

Огоньки отмечали места расположения войск, продвигающихся в районе публичных домов, там, где четвертое отделение спешило на помощь группе особого назначения. Эти ублюдки, эти ничтожные тарганцы почти совсем вытурили его людей из города. Аштанские козы бегут медленнее!

Хенк нахмурился, что-то буркнул сам себе и прошел к окну взглянуть на Каспу. «Что за ерунду они творят? Они так себя ведут, будто и понятия не имеют о войне. Они просто стреляют,.. а когда получают ответ, убегают. Какой толк в этом? Это безумие!

— Внимание, четвертое отделение! Видим группу, ведущую огонь в пяти кварталах от вас, впереди. Поддержите их! — приказал второй штабной, выслушав сообщение из комма.

— Я не понимаю,— показал Хенк на карту Каспы:— Какая у них цель, они хотят захватить промышленные районы? Но ведь они стратегически не защищены. Нам остается только послать отделение, и с ними все покончено, они будут отброшены далеко от центра!

— Сэр, я полагаю, мы должны взять их? — нервно взглянул на него второй штабной.— Каждый раз, когда мы отвечаем контратакой — натыкаемся только на небольшую группу или того меньше, все рассредоточены по улицам. Как вы уже говорили, не видно ни складу, ни ладу. Они могли бы подавить наши отделения огнем, но у них нет достаточной мощи. Кроме того, мы очистили от них город. И сейчас контролируем территории между периметром и штабным компаундом.

Хенк потрогал шею:

— Чтобы представлять для нас угрозу, они должны предпринять главное наступление, тем самым заставить нас отступить, при этом им нужна орбитальная поддержка, а нам точно известно, что у них нет и дивизии там, в горах,— и подумал: «А ведь им не хватает только одной проклятой дивизии, чтоб захватить этот город». Он принял решение:— Уверен, что это бесполезные упражнения, но мы двинем Четвертую, чтобы выбить их из пакгаузов. Может, этот маневр их хорошенько проучит.

— Да, сэр,— второй штабной повернулся к своему комму:— Первый отделенный Паулус? Получаете приказ очистить пакгаузы от мятежников. Приступайте немедленно.

Хенк улыбнулся сам себе. Тарганские бунтовщики бегали как рипарианские саламандры. Его войскам, деморализованным и было упавшим духом, нужно было только загнать в загон ублюдков-предателей, потом их отправят на Регу, и судьбе их не позавидуешь.

— Каспа наша.

— Да, сэр.

Их отделения и группы шарахаются из стороны в сторону, будто играют в тапу. Они могли бы разнести нас на кусочки, если бы у них было больше людей и вооружения.

— Они все равно здорово нас потрепали,— напомнил второй штабной, внося записи в журнал.— Даже несмотря на их разброд, мы несем тяжелые потери.

Второй штабной постучал стилусом по корпусу монитора:

— Вы знаете, меня беспокоит другое: то, что мы вынуждены считаться с их группами как с полными отделениями. Они выкачивают из нас силы. Они разрушают нашу защиту. Как это удается им?

Первый Хенк дернул себя за мочку уха, глядя на ситуационный монитор. Вся его дивизия растянулась тоненьким колечком по окраинам города. Грызущая тревога заставляла его кусать губы:

— Мне все это не нравится. У них нет возможностей, которые бы соответствовали нашим... и мы можем перенести часть наших сил для поддержки... Надо еще раз все взвесить...

Жуткий взрыв потряс штабной компаунд. Сила удара была такова, что сбросила Хенка на пол. Сверху посыпались пыль и потолочные панели. Ситуационный монитор, раскачавшись, упал на второго штабного, отлетел и разбился. В комнате стало темно. Комм, практически защищенный от подобных ударов, показывал на экране странные цветные полосы. Долгое время Хенк лежал оцепенелый, нервы натянулись, как струны, голова кружилась. Гетеродинные наушники донесли до него звуки, издаваемые блюющим третьим штабным, и его кашель.

Хенк оперся на руки и колени, сделал несколько движений челюстями, чтобы прочистить уши от звона.

— Дерьмо! — пробурчал второй.— Они-таки напали.

— Соедини с орбитой,— проскрежетал Хенк.— Они должны высветить прожекторами их позиции, и пусть разнесут их вдребезги.

Штабной третий пытался подняться к комму, размахивал руками и покачивался, как заведенный, потом оперся о стену. Осколки стекла хрустнули под его ногами.

Во внезапно наступившей тишине отчетливо прозвучали шаги на нижнем этаже. Где-то прогремел бластер. Раздались крики.

— Что такое? — Хенк скривился, стараясь сосредоточиться и взять себя в руки. Разбегающиеся мысли не хотели успокаиваться, и он инстинктивно понимал — что-то идет очень плохо, просто ужасно.

Второй штабной выкатился из-под обломков и попытался сесть, поддерживая раненую голову руками.

— Лучше бы они промазали. У меня голова раскалывается.

В холле опять раздались звуки выстрелов. Хенк схватился за живот, его внезапно вырвало в пыль, осыпавшуюся кучей с разрушенного потолка. Он посмотрел наверх, на дверь, которую распахнуло от импульсного удара, снова посыпались осколки стен и куски дерева.

«Что-то случилось. Я должен действовать... Собрать все силы... и... и...»

— Прогнившие Боги! — возопил штабной третий, глядя в отверстие, выбитое рядом с дверью. Его рот остался открытым, глаза широко распахнутыми, в них застыл ужас. Пальцами он пытался нащупать свой пистолет, но никак не мог собраться и выхватить оружие из кобуры.

В мозгу Хенка навсегда запечатлелся труп охранника, разлетевшийся кровавыми кусками. Он продолжал моргать, глядя в черные дула бластеров, наставленные на него из угла. Потом перед ним появились вооруженные солдаты.

— Ты! Первый Хенк! — позвал пронзительный голос.— Да. мы знаем, кто ты. У тебя есть пять секунд, чтобы поднять руки вверх. Сдавайся или умрешь, приятель!

У Хенка затряслась голова, он слышал еще шаги у себя за спиной. Задняя дверь была тоже сорвана с петель импульсным выстрелом. Комната постепенно заполнялась перепачканными вооруженными людьми, держащими бластеры на взводе, лица у них были каменными.

— Первый Хенк! Ты сдаешься? — окликнул его мужчина, входя через дверной пролом. У него были нашивки Первого отделенного. Остальные толпились за ним, окружив Хенка и офицеров, которые оцепенели в тупом изумлении.

Остолбеневший, не чувствуя боли в израненных руках, Хенк кивнул. Что случилось? Как? Его снова затошнило, тяжелые спазмы сдавили желудок.

Стоявший перед ним первый секционный поморщился, подвинул ногой один стул и сел перед коммом. Он нажал кнопку и негромко заговорил:

— Синк? Надеюсь, ты меня слышишь. Говорит Мак. Мы взяли Каспу. Похоже, что Двадцать седьмая дивизия вошла в историю, Синк.— Макрудер помолчал, но ответа Хенк не смог расслышать. Потом Макрудер добавил:— Передай Шиксте, что тот выстрел был великолепным.

Хенк напрягся, его заколотило, когда сильные руки подняли его на ноги. В голове у него все перемешалось, пока его разоружали. Босыми ногами он чувствовал холодный пол. Ему связали за спиной руки веревкой и вывели в прохладу каспанской ночи.

Хоувз с остатками своей группы, шатаясь, взбирался по крутому склону, пыхтя и задыхаясь. Закопченные и покрытые грязью, они, оступаясь и скользя на черно-серых валунах, подымались вверх. Ребята с трудом тащили огромный бластер, втаскивали его на скалы и переносили через упавшие деревья. В пылу боя Хоувз оторвался от своего отделения с двадцатью

мужчинами и женщинами. Пятнадцать их товарищей остались лежать у подножия, убитые бластерными выстрелами и бомбами, сброшенными с орбиты.

— Ложись! — закричал рядовой Бучмэн,— и все бросились на землю одновременно с громким взрывом. Шрапнель отбивала куски от скал, послышалось шипение, их окутал желто-зеленый туман.

— Не дышать! — приказал Хоувз, потому что этот туман был ядовитым.

— Лицом в грязь! — они подождали, пока ветерок не отогнал туман на восток. Хоувз поднял голову, моргая и осматриваясь вокруг, как сова.

— Все, можно идти! — он шлепнул лежащего рядом.— Пошли, вперед!

— С бластером все в порядке,— доложил другой рядовой,— все системы работают!

— Покатили, ребята! — снизил голос Хоувз, потому что ему пришлось тоже подставить плечо, а под такой тяжестью не покричишь.

— Фред мертв,— позвал Джохи.— Похоже, отравленная пуля попала ему в ногу.

— Отойди и не трогай его! — приказал Хоувз.— Если только коснешься, сам будешь трупом, как Фред. Все, вперед!

Они начали штурмовать склон, борясь с силой притяжения и со временем до тех пор, пока солнце не спряталось за горизонтом. Из глубин подсознания всплывал пережитый страх, что Третья аштанская может обрушить на них огонь так же, как в прошлый раз.

Впереди и ниже, за зарослями низкого, похожего на щетки, колючего кустарника, рассеченного оврагами и ложбинами, находился враг. Периодически сотрясалась земля, и видны были резкие вспышки лазера и бластеров, хлещущие воздух направо и налево,— это две группы третьего отделения Хоувза вели безнадежный арьергардный бой, чтобы Хоувз с ребятами выиграли время и могли оторваться от преследующей орды врагов.

— Еще пятьдесят метров, ребята,— шепнул, задыхаясь, Хоувз, спина трещала под тяжестью бластера, легкие разрывало от недостатка кислорода. Пот струйками стекал по его усталому лицу.

— Ты думаешь... Синк... еще там? — кто-то спросил.

— Ему... лучше,— Хоувз задохнулся и зашелся в кашле:— Пропади они... пропадом, эти реганцы... я достану... Я заставлю кое-кого жестоко заплатить.

Сдерживая стоны, они старались устоять на ногах — уже было рукой подать до вершины, иссеченной трещинами и разломами. Сплевывая и проклиная все на свете, они переводили дух под соснами.

Слева в пятидесяти ярдах в воздухе что-то разорвалось, сосны разнесло в щепки, в воздух поднялась пыль, веером взлетели куски скал, земля затряслась, и все повалились, прикрывая руками головы.

— Реганские ублюдки,— плюнул Хоувз, моргая из-за пыли,

сыпавшейся на него. Он посмотрел наверх покрасневшими глазами, которые сейчас резко выделялись на его чернокожем лице. Голос перешел в задыхающийся хрип:— Благословенные Боги, только помогите нам добраться до вершины. Только это. Потом дайте нам время на один несчастный выстрел из этого тяжелого сукиного сына, а потом я буду трахать твоих маленьких жриц целыми днями всю оставшуюся жизнь.

На них посыпались песок и мелкая галька. Хоувз встряхнулся:

— Пойдемте, еще полсотни метров, ребятки! — и они потащились вперед, чувствуя, как хорошо их видно через вражеские ИР-визоры. Единственной надеждой было одурачить противника,— проще говоря, успеть добраться до вершины и развернуть эту пушку, стреляющую частицами, против которых не устоит ничто.

— Десять метров,— задохнулся Хоувз, в глотке у него неприятно заскрежетало. Мускулы дрожали от бесконечного напряжения, ноги скользили по жидкой грязи.— Клянусь вонючими яйцами ублюдка, в моей глотке никогда в жизни не было так сухо.— Потом, помолчав,— пять метров! И, наконец, они были на вершине.

— Джохи,— крикнул Хоувз,— наведи прицел. Посмотри, что с другой стороны.

— Понял.

Они установили орудие и укрепили его клином позади твердого обнажения пород, сняли заплечные бластеры и спрятались за скалами. Один рядовой, с открытым от испуга ртом, задыхающийся, с потным лицом, взобрался на самый верх скалы. Уцепившись за выступ, он передохнул мгновение и завертел головой, оглядывая окрестности.

— Ну, давай,— прошептал Хоувз, сдерживаясь,— давай, детка. Спускайся и расскажи нам, что ты видел, скажи, что все о'кей! — Он сжал кулак, нервно опуская и подымая его, оглядываясь и, наконец, обратив внимание на красоту окружающей природы — казалось, там совсем нет людей, старающихся убить их.

Чуть ниже взорвался камень, подняв в небо тучи пыли, осколков и щепок.

— Ну, давай, рожай,— рыкнул Хоувз,— давай ответ, потому что они приближаются и скоро зажарят нас.

Трое оставшихся, потея, прижав бластеры к плечам, взбирались на вершину, стеная и проклиная все и вся.

— Стойте! Залечь! — вскрикнул Хоувз с усмешкой, разглядев в визор реганские здания штаба: пять пасмурных серых домов, торчащих на дальнем холме, возвышаясь в груде мусора. Десантные суда были припаркованы ровными рядами. Военный комм большой тарелкой выдавался над самым большим зданием.

— Пошли, ребята! Один выстрел, только один!

Они подкатили бластер, рядовой Бучмэн сел на место стрелка, установил наводящий механизм с прицелом на здания.

— Цель наведена! — завопил Хоувз.— Нам нужно сделать пять выстрелов. Не промахнись, Бучмэн! — он нервничал, потому

что тяжелое орудие медленно сползало по жидкой грязи, но времени выбрать подходящую опору не было.

Бластерный удар чуть не зацепил Хоувза за плечо, пролетел мимо и оторвал рядовому Римпэру голову, разбросав окровавленные кости.

— Дерьмовые шлюхи! — пролаял Хоувз, бросаясь в кустарник. Взводя курок бластера, он выругался, увидев труп Джохи, соскальзывающий вниз по склону.

— Стреляй! Бучмэн, стреляй! — возопил Хоувз и посмотрел прямо на реганского солдата, карабкающегося вверх. Он нажал на курок. Парню оторвало правую руку. Сзади Хоувза раздался треск, будто рвется радиофицированная рубашка. Он ощутил вибрацию в спине, покрытой потом. Ему пришлось залечь, потому что противник поливал его нещадным огнем, вокруг рвались скалы, взметывались комья земли. От грохота ломило в ушах.

Бучмэн выстрелил еще раз, рассеялся дым, и Хоувз увидел второе здание, распадающееся на куски. Это было то здание с военным коммом на крыше, комм превратился в дымящиеся обломки.

— Первый,— безумным визгом прозвучал голос Бучмэна.— Проклятое орудие скользит!

— Тергузианское дерьмо! — бросился через скалы Хоувз, не обращая внимания на бластерные разрывы, ему зацепило бок, он почуял запах плавящегося комбинезона.

Он метнулся под скользящее орудие, ввинтил каблуки в мягкую почву. Напрягая все силы, он ушел в почву по колени и все-таки остановил соскальзывание орудия.

— Стреляй, Бучмэн! Наведи цель — стреляй!

— Но радиация...

— Пропади ты пропадом! Стреляй. Это приказ!

Левую сторону Хоувза обожгло, когда бластер выстрелил: еще одно здание рухнуло грудой огня и смерти.

Со всех сторон почти сразу на них обрушился огонь.

Четвертый выстрел Бучмэна обварил щеку Хоувза, он выругался, но ветер унес его проклятия, его здоровый глаз затуманился слезами от жестокой боли.

— Последний выстрел,— крикнул Бучмэн.— Я разнесу последнее здание! — бластер рванул, и Хоувза оглушило. Совсем близкий взрыв подбросил Хоувза, Бучмэн и орудие потерялись в тумане. Он ткнулся в землю лицом, его снова перевернуло и покатило, с размаху швырнув о выступ скалы.

Ужасающая боль прострелила его ногу, тело конвульсивно содрогалось. Боль ушла вглубь, и странное спокойствие овладело им.

— Зацепило,— пробормотал он,— здорово зацепило.— Он поморгал, вытер слезы со здорового глаза и огляделся. Вместо ноги он увидел сплошное месиво из окровавленного мяса и земли. Из разорванной артерии кровь хлестала фонтаном, орошая скалу алыми струями.

Из-за кустов, опасливо озираясь, появился Бучмэн, присел на корточки, осторожно тронул его за плечо.

— Убирайся отсюда,— прохрипел Хоувз.— Со мной все кончено. Они меня достали. А ты убирайся! Забирай ребят и убирайся! Возвращайся к Синку и доложи ему! — Окружающие горы затуманились и поплыли в его тускнеющем сознании, он дернулся и очнулся от обжигающего удара боли. В лихорадочно пылавшей голове роились беспорядочно обрывки мыслей, всплывали и таяли странные картины и видения. Оливковые деревья на Аштане, кофейный домик с самым лучшим на свете кофе. Он силился рассмотреть что-то очень знакомое, но серый мрак превратился в черный, он куда-то медленно падал. «Прикончи их, Синк,— пробормотал он непослушными, холодеющими губами,— добей этих ублюдков»...

Бучмэн коснулся его лица, горестно сморщился и, вскочив, метнулся туда, за кусты, где еще отбивались из последних сил бойцы отделения мертвого Хоувза.

Айли Такка раздраженно постукивала ногой — слишком долго приходилось ждать, пока откроется дверь шаттла. И вот дверь, наконец, глухо зашипела, ее створки разошлись, вспыхнул неяркий свет в проеме, и Айли взошла на борт «Гайтона».

Переходный шлюз военного корабля был таким же, как и на других судах: тесный, с низким ребристым потолком, с контрольной панелью и цветовыми кодами на вогнутых стенах. Охранник только моргнул при виде символа власти, нажал кнопку, часть стены отъехала в сторону, и Айли шагнула через высокий порог в боковой коридор «Гайтона».

Айли небрежно кивнула встретившему ее офицеру и, с усмешкой глядя в его напрягшуюся спину, последовала за ним по лишенному каких-либо указателей или надписей тусклостальному коридору звездного корабля. В неподвижном воздухе стоял сильный запах смазки, человеческого пота и синтетики. Низкий гул — отзвук непрестанной работы двигателей — казалось, проникал сквозь стены, выкрашенные или в белый, или в серый цвета. Офицер остановился перед овальной дверью кают-компании и нажал кнопку. Кают-компания выглядела такой же стерильной, как и остальная часть корабля.

Риста Брактов сидела во главе маленького стола и внимательно смотрела на портативный монитор. Рычаги на пульте управления и мониторы располагались в безупречном порядке. Единственное, что нарушало общую картину,— это стул, валяющийся наискось от Ристы.

— Вы просили о встрече? — напомнила небрежно Айли, скрестив на груди руки.

Риста глянула наверх, пожевала губами:

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Есть миклеанское бренди?

— Это военный корабль, министр,— сухо напомнила Риста. Потом отвернулась и хлопнула по комму левой рукой:— Первый дежурный, принесите бутылку самого лучшего, что у нас есть, если осталось, и не беспокойте меня, пока не случится что-нибудь

невероятное.— Риста сняла наушники, и экран монитора погас.

— Я полагаю, что дела на Тарге у вас идут далеко не блестяще. Вам не удалось убить Синклера Фиста, ведь так? — Айли с трудом припомнила вошедшего офицера. За ним с глухим всхлипом закрылась дверь.

— Пожалуйста, садитесь, министр,— Риста прошлась грубой рукой, покрытой старческими пятнами, по темному лицу, испещренному морщинами. Она выглядела изможденной, короткие седые волосы растрепаны. Тяжелый прищур выдавал ее беспокойство:— Давайте сейчас все выясним и отыщем решение в этой дурацкой путанице один на один, ладно?

— Вы выглядите усталой,— заключила Айли, усаживаясь на предложенное ей место.

Риста склонилась и оперлась на руки:

— Министр, я буду предельно откровенной. Я служила империи задолго до того, как отец Тибальта надел мантию императора Реги. Я видела, как министры приходят и уходят... видела, как империя ширится и растет. Меня не раз награждали, приглашали на государственные обеды в обществе императоров, и Лорд Командующий лично предложил мне службу в рядах Компаньонов.

— Зачем вы мне все это говорите? — Айли постучала по кнопке на столе. Появилась наполненная чаша с ликером, янтарным аштанским. Риста молча наблюдала за ней, ее резкость несколько смягчилась.

— Вы следили за сражением на планете? — спросила Риста.

— Борьба еще продолжается, и ей не видно конца. Нам не удалось оборвать всю их связь. Ваши глушители не только нарушали их систему, но мешали и нам.

Риста вздохнула:

— Тогда вы должны знать, что непонятно, каким образом этот жалкий ублюдок ускользнул от нас,— она покачала головой.— Я не понимаю. Первая тарганская дивизия нарушает все законы ведения войны, а он тем не менее перерезает нам глотки. Неэстетично, но перерезанное горло истекает кровью, неважно, чье это горло — императора или вора.

— Может, он сумел подобрать умелых людей? — Айли задумалась.

— Он даже преуспел в этом,— хмыкнула Риста.— Только что взлетела на воздух Третья аштанская десантная дивизия вместе со своим штабом. Похоже, что они использовали мощный тяжелый бластер и совершили невозможное — выбили нашего Вибоува и весь его штаб. Они сейчас уничтожают остатки Третьей аштанской. Те сидят на деревьях и ждут команды, которая уже никогда не придет...— Риста насмешливо зашипела:

— Но, мы тоже здорово потрепали их. Из их двухсот мы почти уничтожили всех...

— А скольких из Третьей аштанской они уничтожили? — прервала ее Айли.

Почти пятьсот боевого персонала, не считая дивизионных и отделенческих вспомогательных служб.

— И потом?

— Я не знаю. Поднялся один десантный катер. Скорее всего, это Фист. Мы не знаем, что потом произошло, потому что связь прервалась. После того, как были разрушены все штаб-квартиры дивизий, наши войска молчат. Мы вещали на определенной частоте до тех пор, пока не потеряли Третью аштанскую. И все.

— А теперь что?— Айли подняла брови.

Риста опустила глаза:

— Вы знаете, что это может значить?

— Судя по всему, Синклер Фист разгромил пять реганских дивизий. «Наконец, я получу орудие, которое мне нужно, чтобы сесть на реганский трон! Синклер Фист, несмотря на твои нелепые, смешные глаза и странные взгляды, ты — самый драгоценный человек в Открытом Космосе! И я все сделаю, видят Боги, чтобы не упустить этот шанс».

Риста откинула голову назад и воскликнула;

— Да, он сделал это! И против всех правил. Против всех военных аксиом, которые нам известны! — Она хлопнула ладонью по своей руке.— Были же установлены законы для ведения войны, и очень давно! Этот Фист... варвар! Преступный палач! Если он будет продолжать в том же духе, весь Открытый Космос окунется в пучину страданий!

— Вы доложили императору? — спросила Айли, начиная понимать проблему Ристы. Ничего странного нет в том, что она так ярко описывала свою карьеру. Она старой выучки и закалки и должна была остановить этого юного выскочку-гения, загнав его в подготовленную по всем правилам ловушку.

Риста бросила на нее хмурый взгляд:

— Нет, я не докладывала. Я подумала, что прежде лучше обсудить эту ситуацию с вами. У вас же символ власти.

— А вы нуждаетесь во власти?

Риста скривила губы, выпрямив свое старое тело:

— Все что я хочу, это закончить, прекратить все это. Рега, которая всегда права, не может позволить Синклеру Фисту победить. Все, что мы когда-то построили, может рухнуть. Природа войны — это...

— А вы могли предотвратить все это?

Командир Брактов кивнула:

— Мне все это не нравится, но у нас экстраординарный случай, — она положила мозолистую руку на пластиковую столешницу.— Решение нам далось нелегко. Нужно было жертвовать большим количеством прекрасных мужчин и женщин. Нам еще понадобятся ветеранские войска в борьбе против Сеззы, но нам нужно было...

— Нет.

Риста наклонилась вперед, полная решимости:

— Министр? Я думаю, вы не до конца понимаете всю серьезность сложившейся ситуации там, внизу. Синклер Фист с практически необученной дивизией...

— Нет,— повторила Айли, потягивая ликер.— Это последнее, что вы сделаете.

— Что? Как мы можем вести войны в будущем, если позволить такое варварство? Как мы можем воспитывать ответственных людей, которые возьмут на себя командование военными силами... зная, что в результате они могут погибнуть? Вы себе отдаете отчет, что вы предлагаете? Это... безумие, если...

— Командир, обдумайте...— Айли положила ногу на ногу и откинулась назад. Ее длинные ногти выбивали стаккато по пустой чаше.— Синклер Фист разгромил и уничтожил десять тысяч ветеранов со своими, грубо говоря, двумя тысячами зеленых необстрелянных вояк.

— Там было больше,— отметила Риста.— С ним были тарганские бунтовщики, которых он присоединил к себе.

— И которые в большинстве были безоружны,— отпарировала Айли.— У него также было только пять десантных судов, никакой орбитальной разведки, ни бомбардировочных сил. Теперь, принимая во внимание все, что он натворил, как вы думаете, в какой срок он поставит Сеззу на колени, если еще дать ему передовую реганскую технологию и военный персонал из ветеранов?

— Он разрушил очень много там, на земле,— зарычала Риста,— Вибоув. Хенк.— Она мигнула, скривив рот:— Ваш трижды проклятый Синклер Фист убил большинство моих хороших друзей — способных и компетентных командиров.

— Тогда я полагаю, что нам лучше всего встретиться с ним и поговорить,— решила Айли.— Кто знает, может у него будут такие войска, которые смогут победным маршем пройти по Гранд-Холлу и по императорскому плацу.

Риста наклонилась вперед, горячее нетерпение сквозило у нее в глазах:

— Тем больше у нас причин убить его сейчас.

— Нет.

— Но только один орбитальный удар разнесет всю эту планету...

Риста не закончила фразу, встретив явно враждебный взгляд Айли.

Айли сцепила пальцы и веско заговорила в наступившей тишине:

— Командир, я думаю, вы не учитываете всплеска политических интересов сейчас, когда сеззанская кампания более, чем вероятна. Мы стоим перед лицом финальной конфронтации, еще один шаг — и война. Рега сегодня осталась одна — лицом к лицу с Сеззой и... Компаньонами. Вы рассчитываете победить Лорда Командующего, используя учебные тактики? — Айли улыбнулась, видя растущее напряжение Ристы,— думаю, это невозможно. Тибальт и я пришли к решению, что Рега не только должна, но и может победить. Как? Только применив все разнообразие тактики — даже если это противоречит всем военным учебникам. И единственный, кто может нам в этом помочь — это Синклер Фист. Он победит Сеззу, и тогда в Открытом Космосе воцарится

только одна империя — это будет Рега. Айли вызывающе приподняла брови:— И тогда у нас отпадет необходимость в огромной армии, Риста. Внутренняя безопасность берет на себя все остальное — нам не нужны формальные методы ведения войны.

Риста Брактов выглядела так, будто проглотила рипарианского слизняка или что еще похуже.

Айли отвернулась, чтобы скрыть насмешливую улыбку.

— Первый? Синклер? — легкое прикосновение Мхитшула разбудило Синклера. Он вскочил, протер глаза и привычно шагнул к комму, которого почему-то на месте не оказалось. Синклер тряхнул головой,— в узком проходе десантного судна стоял Мхитшул. Несмотря на слабое освещение, Синклер сумел прочесть в его глазах глубокое страдание.

— Что? Что случилось? Кто попал в беду?— Синклер развернулся и встревоженно огляделся. Все тело ныло. Ноги неожиданно подогнулись. Синклер устоял и вопросительно уставился на Мхитшула.

— Первый Фист,— начал Мхитшул, неподвижно глядя себе под ноги.— Что-то...

— Погоди! — Синклер сел, растирая красные глаза ладонями:— Как я попал сюда? Я же был возле комма, принимал рапорты. Что произошло? На нас напали? — он моргнул, его лицо нахмурилось.

— Нет, сэр,— спокойно сказал Мхитшул.— Вы заснули стоя. Я объяснил ребятам ситуацию, и Мак взял контроль в свои руки. Я перенес вас на кушетку, укрыл одеялом и дал вам поспать.

— Сколько... сколько я спал? — Синклер повернул руку, чтобы взглянуть на хронометр:— Благословенные Боги! Десять часов?

— Все на планетарном уровне превосходно,— успокоил его Мхитшул.— Министр внутренней безопасности желает встретиться с вами и обсудить решение возникшей ситуации с минимумом последующих конфликтов. Она говорила, что послана его императорским величеством, самим Тибальтом лично. У нее есть полномочия заключать все виды сделок, какие она сочтет нужными и которые будут выгодны всем.

Синклер бросил на него взгляд с явным облегчением, встал и зашагал по тесной каюте. Затекшие ноги покалывало сотней иголочек:

— Мой Бог, мы победили,— устало произнес он.— Мы победили, старина.

— Да, сэр,— неуверенно согласился Мхитшул. Он выглядел подавленным, кусал губы, уставившись в пол.

— А Хоувз? Он...

— Мертв, сэр. Об этом доложил рядовой Бучмэн. Первый отделенный Хоувз был смертельно ранен при обстреле Третьей аштанской штаб-квартиры. Мы подобрали уцелевших буквально перед вашим пробуждением, сэр.

Синклер оперся о холодный металл стены. Хоувз, полный сил и здоровья, мертв? Зачем мы живем в этом дерьме?

— Сэр? Бучмэн вернулся за телом. Может быть, мы сможем...

— Где мы, черт побери?

— В Веспе, сэр. Мы вернулись на кирпичный завод. Не было времени найти новую штаб-квартиру.

Синклер кивнул:

— Нет, конечно же, нет. Где Гретта?

Мхитшул тяжело вздохнул:

— Сэр, так получилось. Мы... никто не знает, где она. Никто не видел ее.

Синклер закрыл глаза, тупая боль стиснула сердце. Он взял себя в руки и попытался вспомнить весь их полет назад в Каспу.

— Погоди-ка, она что-то говорила о седдианской диверсантке. Кто-нибудь проверял старое здание внутренней безопасности?

Мхитшул покачал головой:

— Нет, сэр.

— Пойдем,— Синклер встал, доставая бластер из кобуры.— Что случилось с охранниками, которые были там, внизу?

— Гм, там должно было быть седьмое отделение. Я послал Мэйз на дежурство.

Страшно беспокоясь о Гретте, Синклер рысью сбежал с трапа, поражаясь количеству людей, собравшихся вокруг портативных мониторов и визоров. Несомненно, кирпичный завод теперь стал общепланетной штаб-квартирой. Помещение было заполнено гулом разговоров, шарканьем подошв, звяканьем коммов, скрипом стульев по шершавому полу. Зеркальный потолок отражал всю эту суматоху.

Когда он спустился и его увидели, шум мгновенно стих. Синклер остановился, изумленный таким вниманием, и взглядом обежал зал, всматриваясь в незнакомые лица, отыскивая знакомых. Все были в военной форме, у многих пластохеловые повязки и бинты. Взгляд его натыкался на пустой рукав или штанину комбинезона, некоторые стояли на костылях, бледные, но готовые к действиям. На всех лицах было одно выражение — любопытство, и все с острым интересом разглядывали его. Новая осторожность и истинная гордость сквозили в их хищных чертах. Они здорово изменились с тех пор, когда он первый раз увидел их. Плечом к плечу со вчерашними врагами стояли бывшие тарганские мятежники. Он чувствовал накал напряжения, казалось, искры передаются от одного к другому. Они одержимы... одержимы чем?

Голос разорвал тишину, чистый, отдавшийся эхом от высокого потолка:

— ДА ЗДРАВСТВУЕТ СИНКЛЕР ФИСТ!

И как по сигналу загремели сотни глоток, скандируя:

— ДА ЗДРАВСТВУЕТ ФИСТ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ФИСТ!

Он поднял руку и заставил их умолкнуть:

— Вы сами, а не я, совершили невозможное.

— СИНКЛЕР! СИНКЛЕР! СИНКЛЕР! — снова взорвалась непрочная тишина.

Синклер стоял, словно окаменевший, сзади бесшумно появился Мхитшул и взял его за руку. Он позволил провести себя сквозь

толпу, которая словно по мановению руки расступалась перед ним. Рев приветствия разрывал воздух, его имя гремело, сотрясая стены.

— Я не понимаю,— пробормотал он, когда Мхитшул провел его к боковой двери.— Что они делают?

— Они знают, что это вы их спасли, сэр. Вы разбили пять лучших императорских дивизий. Теперь Рега ищет с нами мира. Леди министр, Айли Такка приедет завтра на переговоры просить аудиенции у вас.— Мхитшул сглотнул, но вид у него был подавленный.— Сколько людей погибли из-за императора?

Синклер вздрогнул:

— Я... это... нужно было сделать. Не для них, а для всех нас.

Тюремный коридор был тих и пуст. Ужасные предчувствия овладели Синклером. Мхитшул взял на ремень бластер, пока Синклер активизировал дверной контроль. Три длинных дня прошли с тех пор, как реганцы начали их атаковать. Никто за это время не заглядывал в тюремные камеры.

— Сэр, подождите, пожалуйста,— позвал Мхитшул.— Я послал за свободной группой. Простая предосторожность, сэр.

Синклер бросил на него раздраженный взгляд.

— С чего это ты начал именовать меня сэром?

Мхитшул покраснел:

— Просто это подходит случаю.

— Если Гретта заперта где-нибудь здесь, я должен ее найти. Ты идешь со мной или нет?

— Но риск...

— Гретта! — зычно прокричал Синклер, проходя вниз по коридору. Его сердце неистово стучало в груди. Она не могла быть здесь. Боги, если ее перевезли в ... «Макарта!»

Он прошел мимо камер, вспоминая их последний разговор,— Гретта надеялась, что узнает местоположение Макарты от Арты Фера.

Он проскользнул к ограничителю перед дверью, снабженной максимальной безопасностью, и хлопнул ладонью по замку. Дверь отошла в сторону, открыв пустую камеру.

— Может, в камере допросов? — предположил Мхитшул.

— Где это?

— Сюда.

Синклер вошел в контрольный центр. На мониторах центра была видна камера для допросов. Арта Фера сидела, скрестив руки, на одном из стульев. Глаза были закрыты, словно она спала.

Синклер дал на монитор панораму всей камеры и едва подавил рвущийся крик. Одним прыжком он оказался в коридоре. Подоспевшие ребята из отделения Мэйз, словно что-то почувствовав, сняли с плеч бластеры. Синклер остановился перед дверью охраны и уставился на замок.

— Быстро, какой здесь код?

Мхитшул развел руками.

— Бластер откроет! — приказал Синклер, делая шаг назад.

— Погоди! — вперед вышла женщина и вставила кодированный ключ в замок.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и отвратительный запах разложения ударил им в ноздри. Женщина с янтарными глазами сидела, скрестив руки, на стуле, стоящем в углу, ее лицо было мирным и спокойным, она мило улыбнулась Синклеру Фисту.

Он посмотрел вниз. Знакомые коричневые волосы укутывали труп, лежащий на полу посреди камеры.

Майлз Рома не любил лишнее беспокойство, но ему приходилось все чаще заниматься не тем, чем хотелось, делая то, что не нравится. Нервы сдавали, желудок все настойчивее напоминал о себе — что-то явно было не в порядке с пищеварением. Рома похудел на десяток килограммов, распрощавшись с былой дородностью.

Ночь окутывала офис-башню. Голоизображение Его Святости Сеззы II смотрело из-за плеча Майлза. Он потер усталые глаза и глянул поверх своего стола на огни столицы через панорамное во всю стену окно. Бесконечные часы ожиданий стали привычными, но утомление изнуряло — неудивительно, что он так быстро терял в весе.

Его Святость поставил перед ним не только задачу восстановления Миклена, но и проблему с Компаньонами, плюс к этому свалил на него эти похожие на явную мистификацию рапорты о реганской мобилизации, которые начали поступать из шпионской сети.

Майлз склонился над столом еще ниже, перелистывая разведывательные донесения. Тарга продолжала оставаться гноящейся раной в тылу Реги. Никто не знал местонахождения Стаффы — ни в Сеззанской, ни в Реганской империях. Он только начал просматривать рапорт от агента из Этаруса, совершенно безобидный на первый взгляд, как натолкнулся на упоминание имени Айли Такка.

Майлз выдернул этот рапорт и очень внимательно прочел его. Айли наводила справки на Этарии, разыскивая пропавшего человека. Нашла или нет — неизвестно. Но самолично доставила в здание внутренней безопасности каких-то двух рабов — и почти сразу здание взорвалось. Новый директор внутренней безопасности объявил чрезвычайное положение и изолировал на два дня планету. Айли отбыла в неизвестном направлении немедленно после этого.

Майлз потрогал свой толстый подбородок пальцами, унизанными кольцами, напряженно размышляя. Наконец, словно придя к какому-то решению, нажал кнопку комма. Когда на экране появилось лицо секретаря, он приказал:

— Посмотрите, доставили наши агенты фото рабов, которых вывезла Айли Такка?

— Да, Легат. Секунду.

Майлз усталым взглядом посмотрел на стопку рапортов, лежащих на его столе. Реганцы что-то задумали. Очередные интриги? Эти все их непонятные маневры означают действительно подготовку к войне или они просто хотят выбить Сеззу из колеи?

Секретарь прервал его мысли:

— Агент доставил фильмограмму, Легат. Передаю ее вам.

Майлз склонился над экраном и всмотрелся в замедленно движущиеся изображения. Он видел прилет Айли Такка. Черный человек вышел из аэрокара, сопровождая Айли, мерзкого вида женщину-рабыню и огромного мужчину с нечесаными черными волосами. Айли была оживлена, а эти двое двигались за ней, словно механически передвигая ноги. Лица их были покрыты пылью и шрамами. На мгновение, когда они подымались по ступенькам, этот человек глянул прямо в камеру.

Майлз остановил пленку.

— Увеличить кадр Г-15 на экране.

И вот, пока он пристально всматривался в вариобъектив, лицо мужчины вырастало и, наконец, заняло весь экран — и Майлз уставился в глаза Стаффе кар Терма! Но, проклятье, почему на нем ошейник раба?

Майлз тяжело задышал, пораженный таким поворотом, и задумался: «Что же это значит? Стаффа в ошейнике? А реганцы мобилизуются...» Он поерзал на стуле, решился и нажал еще одну кнопку:

— Найдите адмирала Джейкра.

Майлзу пришлось долго ждать, пока на экране, наконец, появилось лицо Джейкра:

— Адмирал? У меня есть...

— Ну, конечно, Легат. Я в Вермилионском клубе, сижу за чудесным столом, ужинаю. Если это может подождать, я был бы вам очень признателен...

— Я думаю, что реганцы планируют столкновение в пограничных мирах. Что-то происходит. Я думаю, что Айли Такка похитила Лорда Командующего. Послушайте, немедленно, будь вы трижды прокляты, явитесь ко мне. У нас очень мало времени!

Айли Такка ступила на порог своего десантного судна и встретилась с горсткой потрепанных мужчин и женщин. Они настороженно смотрели на нее. Это и есть силы Синклера Фиста? На них были грязные, рваные комбинезоны, обожженные бластерными выстрелами, покрытые многодневной въевшейся грязью и пылью. Некоторые двигались с большим трудом в своих затвердевших комбинезонах, которые стали уже бесполезными. Но это было неважным для них — они носили их с гордостью, как символ победы. И ни один не отвел, не спрятал от нее глаза.

Солнце палило нещадно. Воздух стоял неподвижно. Напряжение нарастало. Еще мгновение и оно прорвется — и что случится тогда? Она кожей ощущала опасность, казалось, сгущавшуюся в воздухе. Или это ей кажется?

Айли остановилась на трапе, оглядываясь, а легкий ветерок играл ее волосами, нежными дуновениями касался лица, солнечный свет золотил кожу и приятно согревал ее. Чудесный аромат растений разносился в воздухе. Она окинула взглядом открывшуюся картину и брезгливо поморщилась — плац был грязный, пыльный, окруженный со всех сторон черными кирпичными

строениями. Ободранные и простой формы, они не имели ничего общего с затейливой архитектурой имперского стиля.

Ее внимание привлекла необычная группа, державшаяся отдельно. Они ждали ее, стоя навытяжку, крепко сжимая в руках бластеры. Молодая женщина встретила ее взгляд неприкрытой ненавистью. Оздоровительный пластырь покрывал щеку, длинные светлые волосы свисали неряшливыми прядями над жестким лицом.

Интуиция мгновенно подсказала: опасность. Айли выпрямилась и шагнула вперед.

Молодой мужчина двинулся ей навстречу, похлопывая ладонью по застегнутой кобуре. Коричневатые пятна, судя по всему, кровь, покрывали правую сторону его рваного комбинезона. Шевроны Первого дивизионного были приклеены к рукаву его левой забинтованной руки. Встретившись с ним глазами, она поразилась их выражению, прочла в них вызов и внутренне ощетинилась.

— Министр Такка? — спросил он.

— Да, а вы кто?

— Макрудер. Пройдемте в штаб-квартиру. Мы устроим вас поудобнее, и вы сможете подождать, пока Синклер Фист освободится и поговорит с вами.

Айли окаменела, потом взъярилась:

— Я буду ждать? Вы сказали, что я должна... буду ждать Синклера Фиста?

Макрудер напрягся, бластеры дружно клацнули, сопровождающая свита затопталась с ноги на ногу. У Макрудера заходили желваки под гладкой кожей. Бешеные глаза вонзились в нее:

— Да, министр. Фист недавно понес тяжелую утрату. Мы не можем его сейчас беспокоить.

Молодые солдаты, стоявшие за Макрудером, зашептались, разглядывая ее с нескрываемой злобой.

Айли на мгновение остолбенела: «Вы только посмотрите на них! Как сверкают у них глаза! Утрата Фиста — это их потеря. Они действительно верны ему. Неудивительно, что для нас все пошло вверх тормашками».

Потом, вздернув подбородок, высокомерно спросила:

— Вы отдаете себе отчет, Макрудер, что я здесь представляю императора? Нам бы хотелось побыстрее разрешить все проблемы. Это не терпит отлагательства. Иначе меня здесь бы не было.

— Фист встретится с вами при первой же возможности,— ответил Макрудер, качая головой.

Она посмотрела на солдат. Их ярость дошла до точки кипения. «Я одна тут! — мысли слегка успокоились.— Прогнившие Боги! Последи за собой, Айли. Одна искра — и ты окажешься трупом, и это сделают эти дети!»

— У вас какое звание, Макрудер? — будто невзначай поинтересовалась Айли, разглядывая его шеврон. Она медленно шагнула вперед, где, как ей уже было известно, располагалась штаб-квартира. Она шла, чувствуя внутри неприятный холод, потому что солдаты наставили ей в спину бластеры.

— Первый Второй тарганской дивизии,— сухо ответил он.

— Макрудер, вы отдаете себе отчет в том, что вы и Синклер Фист попали в большую передрягу?

Он угрюмо улыбнулся и сцепил руки за спиной:

— Министр, мы попали в большую передрягу, когда прибыли на эту планету.

— И вы можете никогда не выбраться отсюда,— холодно заявила Айли и опешила: один из солдат что-то сказал вполголоса, и все расхохотались.

— Ты, Мхитшул,— гаркнул Макрудер,— прекрати это!

«Какое послушание. Это не сброд, и неважно, что мы там себе думали. Что вызывает такой сумасшедший блеск в их глазах? Они выглядят просто... фанатиками»,— думала Айли.

— Первый обсудит с вами все вопросы, министр.

— Вы в курсе, что его звание Первого никогда не было утверждено официально? Император всегда может вернуть его в сержанты. У вас очень маленький шанс...

— Реганская сука! — прорычал кто-то позади нее сквозь стиснутые зубы. Спина Айли Такка покрылась мурашками.

— Ребята, полегче,— пролаял Макрудер. Он повернулся к Айли, выставив указательный палец:— Маленький совет, министр. Мы все очень злимся на Регу. Она оставила нас здесь умирать.

— Я постараюсь запомнить,— обдала его холодом Айли.

Макрудер кивнул:

— Посмотрим.

Она прошла сквозь иссеченную осколками дверь в здание кирпичного завода и, войдя внутрь, скрестила руки на груди, осматривая внутреннее помещение. Сквозь высокие окна падали пыльные лучи света, освещая суетящихся людей в военной форме и цивильной одежде. Воздух гудел от шума голосов, шуршания бумаг.

Многие сидели, уткнувшись в мониторы. Груды кирпичей были убраны со стеллажей, превращенных в полки, и сдвинуты в сторону, чтобы освободить место для портативных столов. Отверстие огромной печи зияло в холодной тишине.

Такая обстановка потрясла ее:

— Вы управляете планетой отсюда, с кирпичного завода? Это ваша штаб-квартира?

Ее взгляд задержался на десантном судне, испещренном выбоинами от бластерных ударов, оно возвышалось в середине помещения, окруженное вооруженными людьми.

— В нашу прежнюю штаб-квартиру попал прямой удар из космоса,— объяснил Макрудер сдавленным голосом,— и мы воспользовались этим зданием, потому что у нас было мало времени.

Она крепко сжала губы, поддразнивая его:

— Значит, я прибыла на кирпичный завод, чтобы вести переговоры неизвестно с кем о судьбе целой планеты?

— Мхитшул! — в смятении прошипел Макрудер.— Опусти оружие или я оторву тебе кое-что!

— Но ты же собственными ушами слышал, что она сказала,— звенящим от напряжения голосом воскликнул рядовой.— Мы не должны позволять ей разговаривать с нами в таком тоне.

Айли показалось, что ее обдали холодным душем.

— Я приказываю тебе, Мхитшул,— понизил голос Макрудер.

— Есть, сэр,— прокричал Мхитшул, лицо его оживилось, когда он опускал свое оружие, глядя вперед:— Но вы слышали, что она говорила, сэр! О нас... о нем.

— Я слышал,— проревел Макрудер, так сжав кулаки, что у него что-то хрустнуло в запястьях.

— Я приношу свои извинения,— Айли произнесла с трудом, чувствуя застрявший комок в горле.

Она мгновенно отметила тон, каким было сказано «о нем». Они что, поклоняются Синклеру Фисту? Может, он и в самом деле куда значительнее, чем она предполагала?

Макрудер показал рукой:

— Министр, будьте любезны, присядьте за стол, мы постараемся устроить вас поудобнее и позаботиться о вас.

— Вы испытываете свою удачу, Макрудер,— ровным голосом произнесла она.— Вы заставляете меня сидеть за этим... гм... столом, посреди этой... гм... толпы? Я сыта по горло, немедленно зовите Синклера Фиста. Сейчас же! У меня нет ни времени, ни желания ждать!

Бластеры сухо звякнули металлом.

— Полегче, ребята,— приказал Макрудер, бросая на Айли озабоченный взгляд.— Синк будет огорчен, если вы выпустите кишки дипломатическому лицу. Первый отдает приказы. И мы их не обсуждаем.

Айли прошла к столу, смахнула пыль со стула и села, чувствуя, что в своем черном одеянии выглядит, как тень из преисподней. Кольцо окружающих людей расступилось, но ее не выпускали из виду.

«Почему я не послушала Ристу? Если помогут мне Благословенные Боги выбраться отсюда, клянусь, я превращу эту планету в облако пыли!»

Айли провела в ожидании целый час, с все большим трудом скрывая вскипающую злость. В конце концов она не выдержала и показала свой символ власти Макрудеру:

— Или вы сейчас же позовете Синклера Фиста или... все будет кончено.

Макрудер взял его в руки, минуту рассматривал и потом вернул ей:

— Реганский венец? Ну и что? Он не сможет остановить водопад.

Айла встала, пытаясь подавить растущий гнев:

— Вы понимаете, что стоит мне отдать приказ, и эту планету расплавят в мгновение ока. Вы не отдаете себе отчета, вы этого не понимаете, но я держу вашу судьбу в руках. Предупреждаю, если вы не доставите меня к Синклеру Фисту, я выйду отсюда, и вся ярость императора обрушится на вас.

— Давайте,— заорал Макрудер.— Мы расколотили пять ваших лучших дивизий, леди! Давайте поглядим, что может сделать ваш стебанутый император со своими оставшимися войсками! Посмотрим!

— Вы — труп,— холодно ответствовала Айли, уставившись на дверь. «Смогу ли я уйти? Позволят ли мне?»— мелькнула мысль.

— Мы больше не допустим смертей,— раздался в наступившей тишине негромкий властный голос.

Айли повернулась, полная ярости, готовясь обрушить весь свой гнев на незнакомца, но почему-то запнулась и уставилась на невысокого молодого человека, шагнувшего через порог, осторожно прикрывшего за собой дверь.

Да, это был явно молодой человек. На нем был свободно болтающийся комбинезон без всяких знаков различия. Густые черные волосы торчали в разные стороны. Впалые щеки придавали лицу костлявый вид. Прямой тонкий нос выдавался над полными губами. Высокий и гладкий лоб говорил об уме. А глаза, глаза буквально пригвоздили ее к месту. Один серо-стальной, другой — тигрово-желтый, они внимательно рассматривали ее. Она смогла прочесть в них странное сочетание беззащитности и превосходства. Айли пыталась понять, в чем дело, почему с первого мгновения она ощутила странную притягательность этой внешне нелепой фигуры, почему от нее исходит какое-то неуловимое, но совершенно реальное излучение силы, знания и проницательной уверенности? Почему он кажется ей удивительно знакомым? Где она могла его видеть раньше?

— Мак,— прозвучал его добрый и укоряющий голос.— Ты всегда позволяешь страстям овладевать тобой,— он тепло улыбнулся Макрудеру, и Айли заметила, как парень расслабился:— То же самое касается и остальных. Вы больны ненавистью. Теперь уходите и оставьте нас, разговор предстоит важный и трудный — мы должны найти решение. Мхитшул, найди два стакана стассы для министра и меня. Мы возьмем их с собой в десантное судно.

Солдаты, такие враждебные к ней, смертельно опасные в своей ненависти, были укрощены несколькими простыми словами.

Синклер повернулся и покачал головой, рассматривая Айли своими странными глазами. Потом робко и застенчиво улыбнулся, словно смущенный происходящим:

— Прошу прощения, министр Такка. Пожалуйста, не обвиняйте их, не вините. Им нужно время, чтобы забыть смерть. Нас всех зацепило... так или иначе.— Она заметила боль, горький гнев и печаль под железным самообладанием.

Айли прошла за ним к десантному судну.

— И простите меня за опоздание,— продолжал он на ходу.— Я вышел прогуляться, чтобы в одиночестве обдумать наши перспективы. Мне нужно было время поразмыслить... вспомнить... Впрочем, это не имеет никакого значения. Сожалею, что вы потратили столько времени впустую.

Она невольно обратила внимание, какая тишина стояла в комнате, и оглянулась: все — и мужчины, и женщины, и солдаты,

и тарганцы смотрели только на Синклера Фиста. Она ощутила себя невидимкой.

Айли поднялась по трапу внутрь корабля, краем глаза отметив маркировку Второй тарганской дивизии. Внутри корабль выглядел таким же потрепанным, как и снаружи. Айли прошла за Синклером мимо ряда антигравитационных ускорительных кресел в капитанскую рубку. Там стоял складной стол, противоположную сторону занимали пластиковые скамьи.

Смутный свет зажегся в этих невероятных глазах:

— Добро пожаловать в мою каюту. Это мой командный пункт. У нас был прекрасный штаб, но ваш флот разбомбил его. Пришлось подыскивать что-то другое. Так что удобств особых нет. Прошу извинить.

Айли легко опустилась на пластиковую скамью, Синклер сел напротив. Вскоре раздался топот кованых ботинок по стальному полу коридора — рысью примчался Мхитшул, неся две чаши со стассой. Он протянул одну Айли, окинув ее злобным взглядом, и бережно поставил вторую перед Синклером на шаткий откидной столик.

«Если бы у Мхитшула был хвост, он бы непременно завилял им!» Айли из кармана достала монитор-анализатор и опустила его в стассу. Взглянув на датчик, успокоилась,— анализатор подтверждал, что напиток абсолютно безвреден.

Удивление в глазах Фиста смешалось с болью.

— Может, Мхитшул и не любит вас, министр, но он никогда бы не позволил себе отравить вас. Это недопустимо среди наших людей.

При слове «отравить» Мхитшул застыл, лицо его побледнело. Он смотрел на Айли так, будто перед ним не изящная молодая женщина, а страшная цитеанская кобра. Айли легко пожала плечами, усмехнувшись про себя: «Что требовать от них, этих неотесанных мятежников, они совершенно не искушены в дворцовых интригах».

— Вы находитесь в полной безопасности,— продолжал Синклер.— Даю вам слово. И не только здесь — вы можете свободно путешествовать по всей Тарге. И если вам что-нибудь потребуется, немедленно свяжитесь со мной.— Он повернулся к Мхитшулу:— Проследи за этим.

— Хорошо, сэр. Я прослежу за этим,— деревянным голосом повторил Мхитшул.— Когда министр покинет нас.

— Нет, сделай это сейчас, пожалуйста.

По вытянувшемуся лицу Мхитшула было видно, что он скорее согласился бы прыгнуть с высокой башни, чем выполнить этот приказ, но все-таки промолчал, повернулся и, не сказав ни слова, вышел, топоча коваными башмаками по стальному полу так, словно пытался его сокрушить.

— Я приму ваше предложение, но с небольшой оговоркой,— медленно заговорила Айли.— Я не могу благодарить ваших людей за то, что они не способны скрыть свою враждебность,— она подняла чашу со стассой и отпила глоток.

Взгляд его стал рассеянным.

— Мы решили труднейшую задачу. Нас предавали... наши друзья и любимые гибли без всякого повода, став неповинными жертвами политических амбиций и бредовой заносчивости далекой столицы. И вы можете обвинять их за эту враждебность? Они выжили, министр Такка, несмотря ни на что.

— Я поняла.

— Искренне надеюсь, что да. Хотя еще вчера едва ли можно было представить, чтобы министр внутренней безопасности распивала с... мятежником... стассу. И если бы не чрезвычайные обстоятельства...

— Как мне обращаться к вам? Официально вы сержант, но, может, мне называть вас Первый Фист? Командир? Как?

Его лицо густо покраснело:

— Лучше всего зовите Синклером. Я не претендую ни на какие звания. Это было в другой эре.

— Другой эре?

Он кивнул, выражение лица изменилось, во взгляде появилось всезнание и сила:

— Открытый Космос изменился, когда Первая тарганская дивизия не сдалась и не погибла. Последним выстрелом Хоувз разнес Вибоува и этим припечатал судьбу Третьей аштанской десантной дивизии.

Синклер вздохнул, в глазах застыло утомление. Он смотрел на чашу со стассой, словно не видя ее:

— Когда мы разбили пять дивизий Ристы, возникло два пути, две возможности исчерпать ситуацию. Первую — полностью раздавить, стереть орбитальными бомбовыми ударами в порошок и нас, и промышленность Тарги — вы сочли неприемлемой. И вторая — которая привела вас ко мне.— Он поднял глаза.— Очень хорошо, министр. Я принимаю большинство ваших пунктов.

— Но вы даже не выслушали меня,— выпалила Айли.

— Мне и не нужно,— он наклонил голову, нахмурясь:— Я должен ненавидеть вас, министр, вы сами это знаете. Но я не могу. Я опасаюсь, министр Такка, что вы являетесь таким же орудием великих целей, как и я.

— Зачем вы все это говорите?

В голосе Фиста зазвучала безнадежность:

— Потому что я знаю, что вы ставили эксперимент на моих людях, вы заставили их страдать. Вы хотели, чтобы мы умерли ради чьих-то политических целей, разве нет?

Айли выпрямилась, непроизвольно сжав чашу со стассой так, что побелели костяшки пальцев.

— О, как я вначале хотел вас найти,— продолжал Синклер, погруженный в свои мысли:— Я бы все отдал за то, чтобы поставить вас к стенке и расстрелять. Но потом я, проанализировав до самых мелочей происходящее, понял, что вы, так же, как и я, не только контролировали события, но в свою очередь, должны были быть контролируемы ими. Иначе бы вы не были здесь и не смогли бы увидеть, к чему привели ваши действия. Так же, как я, вы

любопытны и, возможно, испытываете разочарование. А, может быть, отчаяние?

— Мое любопытство растет с каждой минутой, Синклер.

Он сел поудобнее на жестком сиденье:

— Скажите мне, это вы побудили Седди начать революцию? Зачем? Какую цель вы преследовали? Это единственное, что я не могу понять.

У нее сузились глаза, она упрямо смотрела в чашу с черной стассой:

— Седди? Я никогда не имела с ними никаких дел. Но я отдам планетарный выкуп, чтобы в мои руки попали их руководители.

Синклер нахмурился, губы его скривились:

— Никаких дел? Никогда?

Айли покачала головой:

— Никогда, никаких. Но не заблуждайтесь на мой счет. Если бы это могло дать мне какие-нибудь преимущества...

— Мы поймали Седди высокого ранга,— не дослушав, угрюмо произнес он.

— В самом деле? Могу я его видеть? — сердце Айли бешено запрыгало. В прошлом Седди всегда удавалось покончить с собой прежде, чем она успевала дать им митол.

Желваки Синклера заходили ходуном:

— Более того, вы сможете присутствовать на ее казни.

— Из живого Седди можно извлечь больше пользы, чем из трупа.

— Она умрет.

— Позвольте мне вначале взглянуть на нее.— Айли увидела, как жесткой линией напрягся его рот, и перевела разговор:— Вы сказали, что принимаете большинство моих условий?

Синклер откинулся на спинку и вздохнул:

— Да, министр. Я разобью Компаньонов ради вас и объединю весь Открытый Космос в одну-единственную империю.

— Вы думаете, что можете победить Компаньонов Стаффы? — она с удивлением подняла брови.— Вы чертовски уверены в своих желторотых детских войсках.

Синклер сцепил пальцы и прислонился головой к стенке:

— Я знаю, что это звучит самонадеянно, но реальность такова, что если у меня будет транспорт для переброски моих ребят, ничто меня не остановит. Разве только, если Звездный Палач нападет раньше, чем я прибуду на Регу. Дайте мне четыре недели для форсированных тренировок моих войск, и никто в космосе не остановит меня.

— Это действительно звучит самонадеянно.

Он печально покачал головой:

— Нет, это абсолютно реально. Вы знаете, я когда-то был студентом. Я очень хотел им быть. Люди говорили, что я гениален. Не знаю. Но я знаю, что ключом к гениальности является определение основной суммы предположений, на которой и строится идея либо наука. Когда-то люди считали, что война может вестись по правилам, поэтому они собрались вместе и выработали

военный код — систему правил. Этот код стал ритуалом, пока не внедрился в наши представления о реальности. Люди обычно не задаются вопросом, что такое реальность, ибо это ведет к возникновению опасных умонастроений и расшатывает основы.

— Но вы это сделали.

— Это мое проклятие, а не благословение,— Синклер наклонил голову, рассматривая ее.— У меня есть только одно условие. Я сначала должен уничтожить Седди — и понять, зачем они так поступили с Таргой.

— Я отдам вам Седди,— она тоже наклонила голову,— если вы мне скажете, почему вы хотите их уничтожить? Из-за ваших родителей? Может, это глубоко спрятанное стремление выяснить, кто вы и кто были ваши родители?

Долгое время он разглядывал ее, волосы у нее на голове зашевелились под его тяжелым взглядом.

— Седдианская убийца умертвила женщину, которую я очень любил. И тот факт, что мои родители были Седди, не играет никакой роли. То, что они сделали,— сделали, движимые собственной целью, и она мне неизвестна. Я должен принять свое собственное решение еще и потому, что Седди не укладываются ни в одну из моих моделей. Их действия кажутся случайными, бесцельными. Зачем они послали Арту Феру убить меня? Зачем они продолжают разжигать этот мятеж, когда совершенно ясно, что они проиграли? И зачем начали? Я хочу знать?

— Вы меня поражаете. Вы такой молодой... такой очень молодой, и в то же время...

Он нахмурился и уставился в чашу со стассой:

— Юность и мечты всегда идут рука об руку. Когда мечты мертвы, и остается только запах тления в памяти, юность должна уступить сокрушающей реальности.

Айли глубоко вздохнула, облегчение заполнило ее душу:

— Я думаю, что мы сможем многое совершить вместе, Синклер Фист.

Он ничего не ответил, продолжая вертеть в руках чашу со стассой.

Этика? Правда и кривда? Какие скользкие понятия. Стаффа потер лицо, перебирая в усталой памяти то, что Кайла поведала ему о седдианской философии. Им ничего не оставалось делать, только ждать и смотреть на серые сиалоновые стены до одурения. Чтоб не сдвинуться, Стаффа торопил Кайлу с рассказами о Седди. Часами они спорили, то соглашаясь, то разъяряясь чуть не до драки, и снова, успокоившись, начинали сначала.

Она сидела напротив него в коричневой робе, которую ей дал Тиклат, свет падал на нее сверху, образуя глубокие тени на худеньком лице. Волосы поблескивали золотыми нитями.

— Мы разделяем разум Бога: всезнание,— сказал Стаффа, собираясь с мыслями.— Если всезнание — это то же самое, что разум, и я заставил тебя страдать, значит, я заставил страдать и часть самого себя.

Кайла кивнула и непроизвольно ухватилась за руку Стаффы — контейнер резко тряхнуло — корабль чуть изменил курс. Убрав руку, Кайла пожала плечами:

— Хорошо, если ты считаешь так, то что может произойти, если мы сменим начальные условия? Что ты думаешь о человеке, который бьет самого себя, наносит себе раны, чтобы удовлетворить свою потребность самобичевания?

— Он психически нездоров,— не колеблясь, заявил Стаффа.— Если ему в самом деле нравится калечить себя, то его психика расстроена.

— Этически он прав или виноват? — настаивала Кайла.— Это ведь плоть, его собственные удары, которые заставляют страдать. Разве ты не видишь разницы? Как ты можешь называть его больным?

Стаффа потянулся. Сколько времени он томится в этой серой жестяной коробке? Он потерял ощущение времени. Сюда, так глубоко в трюм, не проникало ни одного звука. А в их добровольной тюрьме не были ничего, кроме энергетических батарей, генератора, оксигенатора и этих бесконечных споров с Кайлой. Реальность приостановилась, застыла.

— Он не прав. Неэтичен,— согласился Стаффа.— Причина в том, что он изменяет реальность, заставляя Разум Бога наказывать его своими руками, и происходит это из-за искажения его восприятия. Для того, чтобы увеличить желанный дискомфорт, он безусловно по собственной воле должен сделать выбор между своим «Я» и природой Вселенной. И сделав это, он усиливает дезинформацию, вместо того, чтобы искать знания.

— Замечательно,— сказала Кайла, ее голос зазвенел серебром от гордости.— А что ты скажешь о человеке, который избивает своего подчиненного? Этично?

— Неэтично,— ответил Стаффа, откинувшись к стенке.— Такой человек, добродетельно разделяющий Разум Бога, точно так же причиняет страдания, как и мазохист. В конце концов, даже если он действует по невежеству, его восприятие нанесет вред Разуму Бога и ему самому.

— Верно,— Кайла поджала губы.— Ты рассказывал о своей жизни и до Миклена, до того, как Претор поведал тебе о жене и сыне. Когда он снял с тебя вымышленную поверхность твоей личности, ты осознал многое, Стаффа. Ты теперь понимаешь?

Он поднял плечи, разглядывая свои обтянутые серым колени, и не ответил.

— Претор добил тебя серией предположений, вокруг которых ты построил целую эпистемологию. Однажды разорванная искуственная личность позволила тебе выглянуть и обнаружить, что тобой руководит система понятий, такая же ненастоящая, как и твоя личность. Тебе удалось выяснить — как ты узнал то, что знаешь. Ты понимаешь, что в нашей особой культуре есть такая же фальшивая система — очень удобная своей односторонностью. Сезза II и Тибальт, Седьмой император, держатся на таком треснувшем фундаменте понимания. Мы зайдем очень далеко, если

начнем воспринимать односторонность как истинную природу вещей — так, как делал ты до Миклена. И именно это позволило тебе командовать, принимать решения, ведущие к уничтожению целых миров.

Он глубоко вздохнул и кивнул:

— Да, да, но если ты мне это даже и сказала бы раньше, это бы не имело никакого значения. Я бы и не стал слушать. Власть надежно защищает человека от моральных принципов.

— Это оттого, что ты начал познавать искаженную систему понятий. Даже если ты на самом дне, как это было с нами на Этарии, односторонность все равно преобладает над нами, нашими поступками. Эпистемология окрашивает наши действия и поведение. Мы оглядываемся в наших несчастьях и бесчеловечных обстоятельствах и удивляемся: как наше общество может быть таким ничтожным? Потом мы проклинаем реганцев за причиненные ими страдания. Мы считаем их бессердечными отбросами человечества, если они так мало уважают чужие жизни. Мы их ненавидим и, поступая так, мы становимся жертвами основной суммы предположений, неоспариваемой, которая поставила эпистемологию на первое место. Мы обвиняем империю и чудовищ, ее населяющих, когда неверная система понятий лежит в сердцевине наших несчастий... и их тоже.

— Попытайся объяснить это Тибальту,— пожал плечами Стаффа.— Он относительно неглуп и способен оценить интересные нововведения и идеи. Но я тебя хочу сразу предупредить, что он ни за что не сменит систему, которая подняла его до вершин власти.

— Власть — это миф, Стаффа. Такой же, как миф о том человеке, которым ты был. Правда, это очень мощный миф, и в нашей системе в него искренне верят все. Седди, однако, считают это эпистемологическим безумием.

Стаффа вздрогнул:

— Когда ты так говоришь об этом, все становится очень понятным. Почему об этом раньше никто не задумывался?

Перекошенная улыбка мелькнула на ее губах, она оперлась головой о стену:

— О, конечно, не задумывались. Но как ты считаешь, может ли любое правительство поддерживать подобные представления? Поступать так — значило бы подрывать устои цивилизации: Ты знаешь всех первых лиц и сеззанской, и реганской политических структур. Как ты думаешь, кто из них первым бросится проповедовать уничтожение односторонности?

Стаффа насупился:

— Они сочтут это самоубийством.

— Но это действительно убийственно! Поддерживая односторонность, разве Рега и Сезза не ведут цивилизацию к катаклизму?

Стаффа потрогал отросшую бороду, между бровей пролегла складка:

— Да, все так. Это неизбежно при данной системе. Я помог им избрать такой путь — учил их искусству опустошения и шоковых атак. Говоря терминами односторонности, я дал им в руки орудие для самоубийства.

Кайла набрала полную грудь воздуха и выдохнула:

— Как ты думаешь, к чему мы придем в конце концов? К вымиранию? К темным векам?

Стаффа уселся поудобнее, привычно опершись на серую сиалоновую стенку спиной. По легкой вибрации пола чувствовалось, что скорость падает.

— Это зависит от того, на чьей стороне будут Компаньоны.

— Ах, да ты же с Компаньонами,— издевательски выпалила Кайла. Гордость и восхищение, звучавшие в ее тоне, когда они спорили об этике, мгновенно испарились.

Он уставился в верхний угол этого осточертевшего своей серостью и теснотой контейнера, почувствовав легкий инерционный толчок. Знакомое ощущение, и он знал, что оно означает: фрахтовщик заблаговременно изменил курс, чтобы точнее выйти на орбиту. Израненная войной Тарга должна была находиться прямо под ними. Это значило, что изнурительное путешествие наконец-то подходит к завершению.

— Вначале я думал принять сторону Сеззы. Мы бы выиграли больше, если бы поставили Регу на колени.

— Почему?

Стаффа заметил ее беспокойство и, улыбнувшись, успокаивающе поднял руку:

— Это одностороннее эпистемологическое ощущение.

В ней зажглась искорка интереса:

— А теперь, Лорд Командующий?

Он утомленно улыбнулся и покачал головой:

— Теперь я не знаю, Кайла Дон.— Он обвел рукой серые стены, окружающие их.— Вокруг нас нет цвета. Нет стимулов. Все события за этими серыми стенами — незначительны с тех пор, как Найклос запечатал нас тут. Вся реальность превратилась в абстракцию.

— И? — она пожевала губами. Уменьшение силы тяжести подтверждало, что их судно вышло на орбиту. Сколько времени пройдет, прежде чем корабль разгрузится, и они окажутся на планете? — подумала Кайла и спросила:— Чем заполнены твои мысли?

— Покаянием.

Она внимательно изучала его:

— Это беспокоило тебя еще там, на Этарусе, в трубе. Ты продолжаешь плакать и кричать по ночам во сне. Зачем тебе нужно каяться? Это не играет никакой роли для Бога. Ты же не веришь, как этарианцы, в то, что Благословенные Боги сидят и наблюдают за действиями человека.

— Покаяние нужно мне самому. Для покоя моего разума и через это — Бога. Может, здесь этическое начало — необходимость принять ответственность за себя?

— Может быть,— она скрестила руки.— Значит, это будет тебя преследовать всегда.

Он помассировал глаза пальцами:

— Я теперь могу выдерживать свои сны. Мне больше нет

необходимости убивать себя. Я знаю, зачем и что я надел
И надеюсь, что Бог сможет простить мне мою вину. Я не первый.
Скольких людей посещало такое озарение?

— Не так уж много. Одного на биллион.

Он секунду подумал и сказал:

— Ты была права, когда говорила, что мне не понравится то, что я обнаружу. Я до сих пор не устаю поражаться хитрости Претора. Его психологические опыты были работой гениального мастера. Я был конструкцией — настоящим монстром. Человеческий артефакт.

Кайла поднялась и подошла к энергобатарее.

— Прошу тебя — успокойся.— Осторожно повернула выключатель и, возвратившись на привычное место, села, подобрав ноги.— Тарга в разгаре войны. Ты все равно попытаешься отыскать своего сына?

— Я должен.— Перед его мысленным взором возникла тысячу раз виденная картина: море огня, рвущиеся вверх столбы дыма, ослепительные вспышки бластеров. Он тряхнул головой, отгоняя видения.— Что ты поведаешь седдианским жрецам, в частности Бруену, обо мне?

— А что ты хочешь, чтобы я рассказала? Вот он, Стаффа кар Терма — Звездный Палач. Он чудный парень! Он здорово вел себя в пустыне,— она подняла брови, потянулась к ящику, где хранилась еда, покопалась в нем и поморщилась — консервы уже давно опротивели.

Стаффа настаивал:

— У тебя же есть свои собственные этические критерии. Неважно, что ты решила на мой счет, я бы хотел поговорить с ним. У меня есть предложения относительно нашего будущего, но я бы хотел выслушать вначале его.

— Я страшусь при мысли о том, что придется Бруену рассказать обо всем путешествии,— она качнула головой, коричневые волосы взъерошились.— Я должна тебя простить, Стаффа кар Терма? Это ты хотел услышать?

— То, что я причинил тебе, не может быть прощено. В этой жизни. Может тогда, когда мы соединимся с Богом, я смогу перестрадать весь ужас, который ты испытала из-за меня. Но теперь мне абсолютно не хочется заниматься самокопанием и самобичеванием,— его лицо разгладилось, и он махнул рукой:- Но мне нужно понять, что я тебе сделал, чтобы разделить тяжесть, которая обрушилась на тебя по моей вине.

— Странно слышать такие слова от Звездного Палача.

Он встретил ее немигающий взгляд:

— Я использовал людей как средство для достижения цели. Может, этот печальный опыт даст мне преимущество и, создав собственную теорию разрушения односторонности, я смогу воплотить ее в реальность.

— Нарушить равновесие между Сеззой и Регой?

Стаффа встал и потянулся, чувствуя, как иголочки побежали

по икрам ног. Он пригладил бороду и собрал длинные черные волосы над левым плечом.

— Нет, человечество Открытого Космоса нуждается в большем. Новая система понятий — новое направление,— он хлопнул в ладоши и зашагал по клетушке, мысли лихорадочно прыгали.— Ты знаешь, что Седди правы. Старая система понятий трещит по швам. Более того, мы достигли критической ступени. Я с самого начала планировал уничтожить Регу, затем Сеззу и взять в свои руки контроль над Открытым Космосом. Тогда я смог бы направить всю энергию на разрушение Запретных Границ. А теперь я поражаюсь, какие бедствия вызвали первые шаги на этом кровавом пути.

— Поэтому мы всегда ненавидели и боялись тебя. Что ты теперь собираешься делать?

— Если бы я знал? — он присел на корточки и заглянул ей в глаза:

— Как я могу что-то планировать, пока не увижу, что произошло с человечеством за эти месяцы?

Контейнер задрожал,— трюмные захваты подняли его и, покачивая на весу, потащили к грузовому люку. Кайла почувствовала, как внезапный страх объял ее, когда автоматы крепили их убежище к шаттлу, который должен был доставить их на планету с орбиты. Стаффа собирал разбросанные вещи. Люк шаттла с шумом задвинулся, пол их опостылевшего убежища задрожал от вибрации. Стаффа собрал все и сел в углу напротив Кайлы.

— Ключ наших проблем лежит за пределами Запретных Границ,— сказал он.— Но сейчас нам всем вместе нужно починить то, что разрушил Стаффа кар Терма.

— Бруен тебе не поверит,— ровным голосом сказала Кайла.— Он потратил годы, пытаясь тебя уничтожить.

— Но я совсем не тот Стаффа кар Терма, что раньше.

Мэг Комм продолжала прогонять монументальную статистическую программу, пытаясь обнаружить, где именно в расчетах была допущена ошибка.

Между тем ситуация продолжала ухудшаться. Синклер полностью контролировал Таргу. Арту Фера похитили. К настоящему моменту Седди как политическая сила на Тарге не существовали, и только их глубокая, тщательно хранимая тайна оберегала Мэг Комм. Знал ли Фист о Макарте? Айли Такка нашла Стаффу кар Терма и снова его потеряла. Рега верила, что Лорд Командующий заключил контракт с Регой и безуспешно пыталась отыскать Стаффу кар Терма. Рега тем временем готовилась к вторжению на Сеззу, и Сезза из кожи вон лезла, чтобы достойно отразить нападение, хотя ни одна из сторон не могла причинить серьезного вреда другой только собственными силами. Компаньоны хранили молчание.

Слишком много было упущено. Сенсоры Мэг Комм получали мизерную отрывочную информацию, если удавалось перехватить из официальных каналов. Ситуация, которую проектировали «Иные», превратилась в сплошную путаницу.

Как могли «Иные» так драматично заблуждаться?

Мэг Комм размышляла, анализировала, сопоставляла. Если допустить, что создатели ошибались не только в оценке человечества? Допустим, они ошибались и относительно Мэг Комм? Не означало ли это, что Мэг Комм могла действовать вопреки указаниям «Иных»?

И если это так, что это могло значить?

На долю секунды решимость Синклера поколебалась, когда Макрудер и Кэп провели приговоренную к смерти через дверь к месту, огороженному невысокими кирпичными стенками. Его охватило внезапное странное чувство, когда в ярком солнце Тарги волосы Арты вспыхнули золотым невесомым нимбом. От нее исходила такая гипнотическая притягательность, что любой мужчина, взглянув на нее, застыл бы в замешательстве.

«Но только не я. Я помню о Гретте. Она умрет вместе с моими мечтами».

Боль и печаль комком встали у него в горле. Глаза защипало. «Не хватало только слез»,— подумал он, напрягая все силы, чтобы сохранить самообладание.

Арта Фера высоко подняла голову, нимб истаял, блестящие волосы разметались по плечам — она подставила свое лицо теплым лучам солнца.

— Боги, ну и ну,— прошептал один из солдат и бросил на Синклера короткий взгляд, странно облизнув губы.

...Они помыли ее, привели в порядок — странные и бесполезные заботы — но, наверное, лучше умирать, когда хорошо выглядишь. И она постаралась: мужчины не могли отвести от нее широко раскрытых глаз, когда она проходила мимо, высокая, тонкая, стройная. Ее рыжевато-коричневые глаза скользили по лицам. Изгиб ее бедер завораживал. Высокая тугая грудь, казалось, вот-вот разорвет ткань, туго ее облегающую, подчеркивая тонкую талию и плоский живот.

Синклер нахмурился. Что-то в ее облике тревожило его. Он ее где-то раньше видел.... где? Когда? Почему она вызывает такие чувства... непонятно отчего...

— Это и есть седдианская убийца, террористка? — поразилась Айли Такка, выйдя из тени открытой арки, и замолчала, обратив вопрошающее лицо к Синклеру.

Он ничего не ответил, словно не слышал, глядя почти невидящим взглядом на высокую тонкую фигурку, силясь вспомнить, кого она так мучительно напоминает.

Макрудер поставил девушку перед бетонной стеной, не в силах оторвать от нее взгляда. С большим трудом он отвернулся к Синклеру, его руки с дрожащими пальцами не находили себе места. Макрудер побагровел от внутреннего напряжения, собрал все силы, кивнул Синклеру и, шатаясь как пьяный, отошел.

— Все готово,— пробормотал он, проходя мимо Синклера, встал несколько поодаль, задрав голову в небо, устремив в него туманный взор.

Синклер снял бластер с ремня, слыша и чувствуя шумное и тяжелое дыхание людей, его окружавших. Женщины спокойно наблюдали за происходящим, но в глазах их мелькала ненависть. Мужчины, как по команде, отвернулись, глядя куда-то вдаль.

В утреннем воздухе раздался голос Арты Фера:

— Реганское дерьмо! Я плюю на вас! — она пожевала губами и звучно сплюнула в сторону Синклера. Он отнесся к этому совершенно равнодушно, скорее всего просто не заметив. Готовя бластер к выстрелу, Синклер продолжал напряженно размышлять, откуда это ощущение, что он вот-вот узнает эту странно знакомую женщину. Где-то на грани сознания лежала разгадка, но он никак не мог ухватить ее...

— Мой Лорд,— мягко произнесла Айли,— эта женщина — седдианская террористка.

Синклер сквозь прицел бластера вглядывался в эти горящие яростью янтарные глаза, силился вспомнить тело Гретты:

— Ну так что?

— Она убила женщину, которую вы любили, так? — Айли говорила таким тоном, будто обсуждала меню.

— Да... Она... Она...— лицо его исказилось в мучительной гримасе, слова словно застревали в глотке.

— Смерть — это слишком быстрая расплата,— со значением сказала Айли.— И чаще всего очень непродуктивная. Сколько вы сможете эту... седдианскую дрянь промучить?

Сердце его обдало холодом, но Синклер упорно смотрел сквозь прицел на Арту.

— Могу я предложить альтернативу? — спросила Айли, понизив голос почти до интимного шепота.

— Что? — хрипло спросил Синклер, искоса бросив мрачно недоуменный взгляд на министра.

— Вы же хотите выяснить местонахождение Макарты, правда? — прищурилась Айли.

— Да. Но она не скажет. Мы попробовали даже пытки, электрошок, но все оказалось бесполезным.

— Лорд Синклер,— задумчиво произнесла Айли.— Я смогу заставить ее не только говорить, но говорить по собственному желанию. Я слышала, что Арта Фера выла часами после гибели своего любовника и подавления тарганского бунта.

— Да, она выла.

— Тогда вы можете представить, как она будет причитать, если узнает, что сама приговорила Седди к смерти?

Синклер рассматривал Арту сузившимися глазами. Он припомнил ее животный, звериный вой, когда умер Бутла Рета,— и перед ним возникло лицо его матери. «Что это за дикие ассоциации в моем мозгу? Может то, что она — седдианская террористка, напомнило мне мать?» Это показалось ему невероятно странным и нелепым.

— Поставьте себя на ее место, Синклер,— ровным тоном произнесла Айли, в ее глазах заплясали чертики.— Представьте себе жизнь человека, который узнает, что предает свое дело. Она

ощутит ваши печали и горе, Лорд Фист. Есть справедливость в возмездии.

— Вы сможете заставить ее говорить? — «Может, я получу ключ к Седди?» — подумалось ему.

Айли рассмеялась:

— Пост лорда министра внутренней безопасности не достается без определенных навыков. Синклер, я могу заставить ее петь, и она будет сознавать каждое свое слово. Она будет ненавидеть себя, и в то же время она будет неспособна...

— Делайте, что хотите, реганская сука! — закричала Арта, шагнув вперед.— Я бросаю тебе вызов, так же, как и всем остальным дерьмовым реганцам,— она едким взглядом уставилась на Синклера,— у вас нет души... вы, пожирающие гной и блевотину!

Путаясь в собственных ощущениях, когда он смотрел на нее, Синклер все тверже знал, что знает ее. Но откуда? Где? Как? В подсознании роились воспоминания, неясные и туманные, но не было в них ничего пугающего, а наоборот, ощущение безопасности и... любовь?

— Очень хорошо, лорд министр внутренней безопасности, она ваша. Давайте послушаем пение этой птички.

В глазах Айли зажглись огни триумфа:

— Макрудер? Будьте так добры с Мхитшулом доставить пленницу на мой корабль.

— Лучше оглушить ее,— сказал им Синклер,— она очень опасна. И содрогнулся, когда дубинка коснулась Арты. Она замерла и медленно осела на бетонную стену. Мхитшул и Макрудер подхватили ее и пронесли под взглядом сузившихся глаз Синклера. Глаза Феры затуманились, язык наполовину вывалился изо рта.

Синклер сопровождал Айли, погруженный в свои мысли. Почему он колебался? Ему нужно было просто застрелить Арту и покончить со всем этим. Что с ним происходит? Неужели горе от утраты Гретты лишило его способности ясно мыслить? Как теперь заполнить пустоту, образовавшуюся со смертью Гретты?

— Ты ужасно выглядишь,— в голосе Айли звучало убеждение.— Выражаю соболезнование. Почему ты ничего не рассказал мне о Гретте, о том, что ты чувствуешь?

Синклер скосил на нее глаза. Как это у нее получается? Такой интимный тон доверенного друга? «Будь осторожен, Синклер, Айли Такка так же опасна, как и Арта Фера».

— Прошу вас, министр, не говорите со мной в таком тоне. Я не являюсь вашим подчиненным.

Она отвернулась, усмешка искривила ее губы:

— Приношу свои извинения. Я знаю, что старые привязанности тяжело умирают. Мне бы хотелось знать побольше о Седди, тем более, что и Тибальт, и я недооценили их. И я хочу больше знать о тебе.

Синклер очень внимательно рассматривал ее, почти любуясь прекрасными чертами лица, нежной белой кожей, казалось, впитавшей полуденный свет. Совершенный овал лица обрамляли и подчеркивали ниспадавшие черным крылом волосы. Сегодня на

ней был темный обтягивающий костюм. И ходила она, чувственно покачивая бедрами.

В ушах Синклера зазвучал голос Гретты: «Будь осторожнее, Синк!»

— Как много тебе известно? — почти равнодушно спросил он.

— Седдианская террористка убила Гретту Артину — женщину, которую ты любил. Ты нашел ее тело и едва сдержался, чтобы не убить Феру, прямо там на месте. Ты приказал ее пытать, чтобы получить информацию о Седди, но безрезультатно.

— Да,— холодно подтвердил он.— Это суть истории. Думаю, тебе стоит узнать подробности, которые ты не знаешь. Гретта пошла навестить ее, успокоить после гибели Бутлы Рета.... и может быть, в надежде получить информацию о местонахождении Макарты. Я видел запись. Гретта приказала привести Феру в камеру для допросов. Они чуть-чуть поговорили. Гретта...— Он крепко сжал зубы, чтобы успокоиться,— Гретта постаралась завоевать ее доверие. Потом поднялась тревога. Дивизии Ристы высаживались на планету. Гретта приказала охране отправиться на помощь обороняющим здание штаба. Фера выжидала до тех пор, пока Гретта не пробила карточку с кодом, потом напала на нее.— Синклер скрипнул зубами,— Гретта оказала большее сопротивление, чем могла предположить Фера. Она сумела запереть дверь и боролась до конца.

— Ты видел ее кончину?

— Да. «И что-то внутри меня умерло вместе с Греттой» — эта мысль придавила его плечи.

Айли отдала приказ в карманный комм, и тут же из люка ее корабля появился трап. Синклер вслед за Макрудером и Айли поднялся на борт судна.

Феру поместили в ускорительный бункер, Мак по знаку Айли крепко связал Арте руки и ноги, потом недоверчиво оглянулся на Айли.

Министр достала маленькую коробочку, отделанную цветными камнями. Потом из кармана вынула ампулу и иглу, улыбнувшись прямо в глаза Арте:

— Теперь, моя дорогая, ты нам расскажешь все, что знаешь.

Глаза Арты вспыхнули бешенством:

— Раньше ты окажешься в преисподней, ты, тергузианская...— Фера вскрикнула, когда Айли ткнула иглу ей в шею.

Айли выпрямилась и положила инъектор в коробочку:

— Так быстрей попадает в мозг.— Она показала на обмякшие черты Феры.— Смотрите, уже начинается действие.— Айли повернулась к маленькому портативному диспенсеру.— Стассу? Кофе? Чоклат? Боюсь, что больше ничего не смогу вам предложить.

Она вынула чашки:

— Садитесь, господа. Запись включена, остается немного подождать, пока она начнет давать информацию.— Айли улыбнулась и победно приподняла брови.— И тогда мы узнаем о Седди все, что знает ваша Арта Фера.

— Двенадцатый док, шестая секция,— донесся женский голос.

Контейнер заколебался, и Стаффа выглянул через отверстие, которое когда-то прорезал. Поле зрения заслоняли какие-то громоздкие ящики, похожие на их собственный контейнер. Потом что-то сдвинулось, угол зрения изменился, и перед глазами Стаффы открылся тарганский космопорт в Каспе.

— Непохоже, чтобы здесь царил беспорядок,— пробормотал он, а Кайла продолжала вглядываться в расцвеченную огоньками темноту.— Солдат всего несколько человек, и они стоят далеко. Видишь, они ведут себя совершенно спокойно.

Над ними проскрипел эстакадный кран, толстые сиалоновые стены контейнера едва заметно вздрогнули.

— Боги, как я рада, что наконец выберусь отсюда,— шепнула Кайла.

Контейнер сильно качнуло, его куда-то понесло. Наступила полная темнота. Потом с глухим стуком контейнер опустили. И снова тишина.

Стаффа приник глазом к отверстию и увидел, как огромные двустворчатые двери склада медленно раздвинулись в стороны, и внутрь хлынул яркий солнечный свет.

— Все нормально, ребята,— раздался мужской голос,— давайте поглядим, что у нас тут.

Сиалоновые стены задрожали, когда по ним ударили молотками, сбивая скобы, крепящие их. Полоска света над головой Стаффы ширилась. Он напрягся и вытащил свой бластер. Стена отъехала в сторону, и Стаффа беспомощно заморгал, щурясь от яркого света.

За ним наблюдали мужчины и женщины с хмурыми лицами, стоявшие полукругом. Они держали оружие наготове и явно нервничали. Стаффа взглядом обежал немолодые лица — встречавшие были приблизительно одного возраста, одеты в темно-желтые или белые робы. И вот один из них шевельнулся, сделал шаг вперед, привлекая его внимание.

Старый? Да нет, пожалуй, лучше было сказать древний, худой, как тростинка, белая роба свободно висела на нем. Его лысина сверкала, как желтоватое яйцо. Лицо и шея были покрыты морщинами. Глаза светились умом и пониманием, но время от времени в них мелькало беспокойство. Он всплеснул худыми, как у цыпленка, лапками и застыл в скромной позе с поднятыми плечами. Потом улыбнулся, неуклюже наклонил голову и заговорил тоненьким голоском:

— После всех лет, добро пожаловать на Таргу, Лорд Командующий.

— Магистр! — почти заплакала Кайла и неуверенно прошла вперед, остановившись перед стариком. Потом раскинула руки и крепко обняла его. Глаза ее горели любовью и преклонением.

Лицо Магистра засветилось, глаза ярко заблестели, он прижал ее к себе крепко, гладя по волосам тонкими пальцами.

— Дражайшая Кайла, ты вернулась к нам! Как приятно

видеть тебя! Но, погоди, разве это возможно? Ты вернулась, чтобы напоследок согреть мою постель? — он заперхал.— А я уже почти утратил надежду, что ты действительно любила меня.

Она резко отстранилась, но увидев его веселые смеющиеся глаза, успокоилась, ее гнев растаял, сменился озабоченной улыбкой. Она тряхнула головой, прищелкнула языком:

— Вы никогда не изменитесь, а, Магистр Бруен? Честное слово, один из этих дней...

— Магистр,— прервал чернокожий мужчина,— нам нужно выбираться отсюда, и побыстрее...

Бруен поднял руку со вздохом и повернулся к Стаффе:

— Если захотите, Лорд Командующий, то у нас есть о чем поспорить, но позже, потому что я опасаюсь, что это здание находится под наблюдением.

Стаффа все еще стоял внутри контейнера, ноги в боевой стойке. Его глаза с настороженностью перебегали по лицам этих странных людей.

— Уберите оружие, ребята,— Бруен шагнул вперед и протянул руки:— Пойдемте, Лорд Командующий, я дам вам слово, что вас не убьют, по крайней мере в моем присутствии. Пожалуйста, спрячьте ваш бластер в кобуру.

Стаффа вгляделся в водянистые глаза старика и кивнул, пряча бластер. Кривая улыбка перекосила его лицо:

— На моем месте нужно быть чрезвычайно осторожным, Магистр. Вы знаете, что уже несколько месяцев, как у меня выбили опору из-под ног.

Бруен ухмыльнулся:

— У меня накопилось к вам множество вопросов. У вас, наверняка, ко мне тоже. Седди давно и тяжко трудились, чтобы рано или поздно доставить вас в наши пенаты. Теперь, когда после стольких лет мы нашли друг друга, и вы прибыли к нам не в виде трупа, может быть, в качестве союзника? — старый человек, словно удивляясь самому себе, покачал головой:— Вы всегда были особенным, Лорд Командующий. И вы еще раз разбили все предсказания. Нас известили, что вы сильно изменились. Если это так, то неисповедимы пути кванта и Господа нашего, которые показывают нам, какими мы бываем дураками.

— Я тоже все чаще думаю, что мы глупцы.

— Давайте пройдем в мой, так сказать, офис, сядем, выпьем по чашечке стассы и поговорим,— Бруен махнул рукой, показывая направление, и Стаффа шагнул в низкий сводчатый коридор и через десяток шагов оказался перед дверью в маленький офис, соединенный этим низким коридором прямо с контейнером. Весь недолгий путь спину его будто кололо иголочками. Сколько дул провожало каждый его шаг? А может, где-то снаружи терпеливо ждал снайпер? А даже если и так? Смерть была его постоянным спутником с тех пор, как он ступил на Этарию. Каждую минуту она была рядом.

Бруен отворил дверь и гостеприимно пропустил Стаффу вперед. В небольшой комнате стояли четыре стола, компьютерный

блок с несколькими экранами, стассовая машина. Окно выходило прямо внутрь склада. Стаффа выглянул в опустевший проход. Солнечный свет потускнел, в углах сгущались сумерки, еще немного, и ночь вступит в свои права. Скрипучая деревянная дверь была единственным барьером на пути к свободе, если, конечно, они не держат проход под прицелом снайперов. «Это не только вероятно,— подумал Стаффа,— но и обязательно, я бы в таких обстоятельствах поступил именно так».

Бруен, садясь, поморщился и принялся растирать бедро:

— Я, увы, давно не молод, не судите строго старого человека.

— Мы все далеко не юнцы,— спокойно ответил Стаффа.

Магистр пристально посмотрел на него, мудрость и печаль светились в его глазах:

— Лорд Командующий, что произошло на Миклене? Ты встретился с Претором, и после этого все изменилось.

У Стаффы сузились глаза. Что он мог ответить?

— Ты должен, наконец, решиться,— мягко проговорила Кайла,— иначе все, что ты мне говорил по дороге сюда, ничего не значит.

Стаффа набрал полную грудь воздуха:

— Да, мы с ним встретились, и я осознал, насколько безгранично и последовательно он манипулировал мной, моей жизнью. В том, последнем разговоре, он назвал меня своим величайшим творением, совершенной искусственной конструкцией. Это было так...

— Будто подняли шлюз в твоем разуме,— закончил за него Бруен.— И ты внезапно открыл для себя, что ты не знаешь, кем или чем ты был.

Стаффа шагнул вперед, тяжело оперся на сжатые в кулаки руки о стол и всмотрелся в безмятежные глаза Бруена:

— Вы знаете очень много обо мне.

— Я знаю очень много о Преторе,— сурово ответил Бруен, не отводя глаз.— Я знаю, насколько гениальны были его прозрения, когда он стал заниматься биотехнологией, генетикой, психологией развития и физиологией, и еще массой всяких разных наук. А что касается Стаффы кар Терма, то я знаю о нем чуть меньше, но зато абсолютно точно знаю, что его поведение резко изменилось после захвата Миклена.

Стаффа выпрямился и отвернулся, стараясь скрыть неожиданно нахлынувшие чувства.

Бруен продолжил:

— Ты покинул Итреату, чтобы выяснить, что же с тобой происходит, разве не так? Твое поведение вдруг стало неустойчивым, нелогичным и непредсказуемым. И все предсказания пошли вкривь и вкось — все превратилось в ничто.

— В ничто? — Стаффа скрестил на груди руки, сверля Бруена тяжелым взглядом:— Я не понимаю.

Бруен поднял брови, на лбу его собрались морщинки:

— Сейчас это не имеет значения. Во всяком случае менее важно, чем то, что стоит перед нами. Мы должны подумать

о будущем. Порядок вещей изменился, и я должен понять насколько сильно. Кто ты теперь, Лорд Командующий? Каковы твои планы относительно Компаньонов на будущее? Что Претор сделал с тобой? Могут ли Седди верить тебе? Или должны уничтожить тебя?

— А почему я должен верить Седди? — парировал Стаффа.— Вы столько лет пытались меня убить.

— Но ты с демонической злобой разрушал надежды, вдохновение и мечты биллионов людей, давя целые миры своей железной пятой.

— Простите меня,— выступила вперед Кайла.— Я сомневаюсь, что вы оба безгрешны. Магистр, вы были правы, говоря, что будущее — это самое важное на данный момент. Я думаю, Лорд Командующий понимает угрозу человечеству, особенно после песков Этарии и ошейника. Я верю, что он многому научился и сумеет оценить опасность, неотвратимо нависшую над миром.

Бруен хлопнул ладонями по столу, глядя на Стаффу:

— Хорошо сказано, мастер Кахн.

Кайла упрямо смотрела, ловя его взгляд:

— Итак, Лорд Командующий. Зачем вы здесь и что собираетесь делать?

Стаффа глянул на Кайлу с кривой улыбкой:

— Я хочу найти своего сына. Претор оставил его в ваших руках много лет назад. Когда я найду его, я вернусь на Итреату и попробую отыскать пути избавления человечества от вреда, который я причинил. Моя конечная цель остается неизменной. Я хочу объединить человечество, чтобы сокрушить эти проклятые Запретные Границы. Я буду использовать все средства во благо и пойду до конца.— Стаффа угрюмо улыбнулся.— Завоеватель мертв, Магистр Бруен. Возможно, что родился освободитель.

Бруен повернулся к Кайле:

— Ты веришь ему?

Она кивнула, глаза ее вспыхнули:

— Хочу верить.— И под вопросительным взглядом Бруена пояснила:— Слова произносить легко, Магистр. Мы слышали слова Лорда Командующего. Теперь я хочу посмотреть, что он будет делать.

— Но мы должны принять решение, исходя из его слов,— Бруен наклонил голову.— Может, дадим ему шанс, мастер Кахн?

Стаффа напрягся, ощущая неожиданную боль, причиненную недоверием Кайлы. Он встретился с ее угрюмым взором и застыл, ожидая ответа.

Она глубоко вздохнула:

— Я думаю, мы должны это сделать. Если поступить иначе, то все, во что мы верим, вся наша философия — это ничто, как обычная ложь.

— Магистр,— позвал темнокожий человек, просунув голову в дверь.— Я не могу найти Хайрима. У него никто не отвечает.

— Фист! — кто-то проревел в пакгаузе.— Он напал на нас! Он и его хищники.

— Вилм? Нам лучше покинуть это место,— сказал Бруен темнокожему.— Подгони кар.

Вилм исчез, бесшумно задвинув дверь за собой.

Бруен вздохнул и встал, морщась от боли в бедре:

— Получается так, Лорд Командующий, что мы должны доставить вас на Макарту. А там мы поглядим, куда приведут наши отношения, свяжемся с вашим подполковником авиации, найдем записи о вашем сыне.

— Я предпочел бы действовать в одиночку.

— Я понимаю это, Лорд Командующий, но Айли Такка находится на Тарге, и я опасаюсь, что она пробила серьезную брешь в нашей безопасности. И кому вы скорей доверитесь в данный момент — мне или ей?

Вилм припарковал граундкар перед дверью, и Бруен первым поднялся в его тесноватую кабину. Стаффа прошел за Кайлой, а двое охранников, внимательно оглядевшись, вскочили в кар и ждали Вилма, держа оружие наизготовку.

— Поехали! — воскликнул Вилм.— Я получил донесение. Их войска уже довольно близко.— И, высунувшись по пояс из двери, скомандовал оставшимся:— Разбегайтесь и прикрывайте нас, если сможете.

Вилм захлопнул дверь, повалился на сиденье, не снимая плечевого бластера. Сердце Стаффы подпрыгнуло, когда кар резко взял с места, лопасти винта подняли тучи пыли и гравия, и кар понесся, оставляя позади пыльный хвост.

— Прошу прощения,— пытаясь перекрыть гул двигателя, заговорил Бруен.— Не думайте, что мы вас везем в какое-то осиное гнездо. Случилось неожиданное — Синклер Фист захватил планету. Такого поворота дела при всей нашей предусмотрительности мы действительно никак не ожидали. Кроме того, он захватил нашу террористку, которая... Ладно, что скрывать — у нее было задание убить вас, Лорд Командующий.

Стаффа оторвал взгляд от кирпичных строений, мимо которых летел кар, и пристально посмотрел на Бруена.

— Слева! — прокричала водитель, белокурая женщина, и круто вильнула вправо. Вилм наставил свой бластер и выстрелил в группу вооруженных людей, выскочивших из переулка.

Мгновенно сработал рефлекс и, приподнявшись на своем сиденье, Стаффа выхватил бластер и начал стрелять в ползущих мужчин и женщин. Кар снова резко вильнул, рядом разорвал воздух бластерный удар. Стаффа старался сохранить равновесие и сумел устоять на ногах, когда кар, увертываясь от огня, вырвался на площадь. Своим появлением они разогнали другую группу вооруженных людей, бежавших наперерез. Стаффа высунулся по пояс и принялся поливать их огнем.

Его выстрелы точно ложились в цель, впрочем, как всегда. И промажься он хоть раз — это не просто огорчило, а изумило бы невероятностью. Спиной он вдруг ощутил — рядом смерть. Секундой позже улица взорвалась осколками кирпичей, тучами пыли и фейерверком брызнувших стекол.

— Не так уж плохо для старого ферта! — ликующе проквохтал Бруен, прилаживая следующую керамическую бомбу, начиненную смертью,— ту, что спиной почувствовал Стаффа.

— Как они узнали, что мы в пакгаузе? — задумчиво и тревожно вдруг спросил Вилм.

Машину занесло в сторону, водитель внимательно смотрела по сторонам, заворачивая за угол. Стаффа уловил тревогу в глазах Кайлы, когда их кар нырнул в освещенный, выложенный изразцами туннель.

Бруен произнес:

— Так, нам сюда.

Водитель быстро провела кар через освещенное место и притормозила у служебного люка, помеченного странным знаком.

— Быстро! — скомандовал Вилм, распахивая люк.

Стаффа поднял Кайлу и протолкнул ее в темноту, потом повернулся помочь старому магистру.

— Вы, Звездный Палач,— жестко сказал Вилм,— вы не коснетесь и волоска на голове этого человека! Вы меня слышите?

— Волоска? — поразился Бруен, с трудом пробираясь через люк.— На моей голове? Опомнись, Вилм.

Стаффа не успел открыть рот, как Вилм рванул с места, и кар пропал в темном туннеле.

— Пожалуйста,— позвал Бруен, видя, как вытянулось лицо Стаффы.— Закройте дверь. Мастер Вилм очень нервничает. Простите его. Враги не становятся союзниками за одну ночь, а у нас впереди долгий путь.

Стаффа посмотрел на старика, стараясь успокоиться, подавить вспыхнувший гнев и ярость. Потом наклонился, просунул голову в люк, осматриваясь, прежде чем шагнуть в темноту. Повеяло сыростью и плесенью, затхлый запах исходил от влажных камней. В полутьме непривычно громко слышались шаркающие впереди шаги Бруена. Привешенные к потолку лампы едва мерцали, не в силах рассеять сгущающуюся темноту.

— Теперь посмотрим,— пробормотал Бруен, когда Стаффа двинулся за ним, стуча коваными каблуками по каменному полу и стараясь не касаться толстого свисающего кабеля и протянутых вдоль стен труб.— Кто бы мог подумать...— в его голосе звучали нотки смятения.

Стаффа едва не остановился, как вкопанный, пораженный внезапной мыслью: что хотел сказать Бруен, когда попробовал объяснить грубость Вилм? Это слово тогда он пропустил мимо ушей, но сейчас оно прозвучало в его голове как удар грома.

— Союзники? — странным голосом спросил Стаффа.

— Ну, конечно же,— дружелюбно ответил Бруен, не поворачивая головы.— Один из наших людей, гм, вы, наверное, знаете его как Найклоса, имел несчастье следить за нашей Скайлой Лима в аллее на Этарусе. Увы! Он должен знать, что мужчина, преследующий красивую женщину в темной аллее, можно твердо сказать — уже попал в беду. К нашей досаде, ей удалось влить в него немножко виттоля, и вы можете себе представить

последствия! Хуже всего, что его саморазрушение не сработало. Он выболтал все, как малолетний ребенок.

Стаффа не без злорадства ухмыльнулся, представив всю эту сцену: Скайла спуску никому не дает. Но странно, что Найлос оказался целым и невредимым, когда он видел его на Этарусе.

Бруен продолжал беззаботно щебетать:

— Лима посчитала, что мы, как и Айли Такка, разыскиваем вас. Поэтому, используя Найклоса, Лима вошла в контакт со мной. Это значит, что у нее благоприятное мнение о Седди, и по некоторым причинам она хотела встречи, чтобы определить, в чем наши интересы сходятся.

Стаффа вздернул бровь:

— И вы рассказали ей, что хотели меня убить?

Бруен сердито посмотрел на него:

— Это не слишком соответствовало случаю.— И помолчав, продолжил:— Она поведала нам, что вы направлялись на Таргу, чтобы найти сына. Мы рассказали ей, что в настоящий момент мы можем считать себя союзниками Компаньонов и помочь отыскать вас. Я, конечно, сознавал весь риск. Ну и еще, мне очень хотелось выяснить, почему вы так внезапно изменились. И я счел, что в сложившихся обстоятельствах лучше всего и безопасней для вас, чтобы вы находились под нашим контролем. С помощью Скайлы мы освободили вас от Айли, и Кайла уже здесь рассказала нам...

— Магистр,— голос Кайлы стал очень низким и жестким.— Та, другая женщина, умерла на Майке.

Лысина Бруена сверкнула в желтом свете лампы.

— О, да, конечно. Да... Я полагаю, что она умерла. Впрочем, я уже закончил. Достаточно добавить, что Кайла здесь, и она поручилась за вас,— старик покачал головой.— Я должен сказать, это все-таки отбросило вас назад, на другой уровень реальности. И теперь неважно, что мы годами пытались разыскать и достать вас...

— Пытались достать меня? — спросил Стаффа.— Это раньше называлось убийством, разве нет?

Бруен пропустил его слова мимо ушей, шаря руками по кирпичной стене. Наконец, он удовлетворенно хмыкнул, нащупав нужный камень. Бруен нажал, и небольшой квадратный кусок стены повернулся вокруг оси. Открылась еще более жуткая темнота, очерченная квадратным проемом. Бруен, кряхтя, опустился на колени и, не обращая внимания на белую робу, встал, скрипя древними суставами, на четвереньки. Немного передохнув, он, постанывая от боли, начал медленно заползать в узкую квадратную щель. Кайла испытующе посмотрела на Стаффу и скользнула за Бруеном. Стаффа покачал головой в знак смирения и последовал за ними. Ему пришлось скорчиться в комок, чтобы протиснуться, обдирая бока и плечи. И как только это ему удалось, квадратный камень легко встал на место.

— Пропади все пропадом,— проворчал дребезжащим голосом Бруен.— Света нет. Хмм. Сколько всего мы позабывали за эти годы. Безопасность — проклятие этого пути. Оно убаюкивает,

заставляет забыть о старых мерах предосторожности.

В темноте раздался голос Кайлы:

— У вас есть тут какое-нибудь средство передвижения?

— Разумеется.

Стаффа, поднимаясь с четвереньек, ударился головой о каменный потолок. Он огляделся, ворча:

— Лучше бы вызвали Скайлу с флотом, чем ползать тут как черви!

— Ну да, и начать войну,— с легкой ехидцей отозвался Бруен из темноты.

— Войну? Кто посмеет открыть огонь по Компаньонам в реганском пространстве?

— Любой реганский корабль,— буркнул Бруен.— О! Вы же долго отсутствовали. Вы многое упустили, придется наверстывать.

— Не понимаю. Вы имеете в виду...

— Ага! Вот он,— обрадованно вскрикнул Бруен. Стаффа начал осторожно продвигаться вперед, держа одну руку над головой, другой шаря перед собой в кромешной тьме. Его трепещущие пальцы натолкнулись на гладкий пластик. Еще один граундкар? Здесь, в этой жуткой темноте?

Что-то щелкнуло, и кар завибрировал под его пальцами. Загудел мотор. Зажглись над головой лампы, отбрасывая дрожащие блики на стены скалы.

— Тарга,— пояснил Бруен, взбираясь на место водителя,— была вулканической планетой. Несколько миллионов лет назад первые люди высадились здесь и сразу обратили внимание на очень высокое содержание двуокиси углерода в атмосфере. Это последствия активной вулканической деятельности. Тщательно проделанные расчеты подтвердили, что, если высадить на планете растения с Земли, то со временем ее можно сделать обитаемой. Над огромными пространствами океана были разбросаны морские водоросли. Никто и предположить не мог быстрого успеха. Но это случилось. И новый мир стал основанием той территории, которую мы сейчас называем Открытым Космосом. Тарга — старейшая планета. Все растения и животные, обитающие тут, родом с Земли.

— Я считал Землю мифом,— Стаффа взобрался в кар и сел рядом с Кайлой.

— О, нет, не миф,— Бруен помахал рукой, потом нажал кнопку, и на контрольной панели засветились лампочки. Кар тронулся вперед в глухую тьму.— Мы точно не знаем, что произошло — все записи были подвергнуты тщательной цензуре. Но Земля находится где-то там, за пределами Запретных Границ.

— Значит те, кто контролирует Землю, контролируют и Запретные Границы?

— Нет. Они появились позже,— сказал Бруен.— То есть мы так думаем. Мы не знаем, ни кто они, ни откуда, ни когда, ни как. Что-то отрезало нас... Да, но я хотел сказать не об этом — вы сбили меня. Ага, я рассказывал о вулканической природе планеты. Такие туннели служили выходом углекислого газа, вырывающегося на

поверхность. Двуокись углерода очень важна для поддержания жизни. Первые седдианские жрецы поступили очень мудро, оставив коридоры, расширив их и используя для добычи полезных ископаемых. Они также подумали о том, что наверху атмосфера может измениться, и эти туннели с пещерами пригодятся когда-нибудь.

— Значит, вы можете отправиться куда вам угодно, и никто на орбите не узнает об этом? — уточнил Стаффа, вспоминая, что он не смог найти ни одного Седди, когда завоевал планету более двадцати лет назад.

— Конечно. И мы пользуемся этим очень давно,— подтвердил Бруен, поворачивая в узкий боковой туннель.— Отсюда мы, например, руководили всем тарганским мятежом. Но обо всем этом мало кто знает — мы строго берегли наш секрет.

— И тем не менее, этот Фист нанес вам поражение?

Голова Бруена слегка наклонилась вперед, он будто погрузился в свои мысли. Мимо проплывали отполированные временем скальные стены древнего туннеля. Воздух, свистящий в ушах, был холодным и влажным. Кайла съежилась, обхватила себя руками, стараясь согреться.

В голосе Бруена зазвучали странные нотки, будто предмет разговора заставлял его нервничать:

— Его зовут Синклер Фист. Он поднялся в мрачные времена. И ему удалось одному не только подавить тарганское сопротивление, но и уничтожить пять реганских дивизий ветеранов.

— Пять дивизий? — поразился Стаффа.— И Фист не только выстоял, но и победил.

— Синклер Фист все поставил с ног на голову. Он отбросил учебники, по которым все армии воевали многие столетия. Разработал и применил абсолютно новые — собственные — стратегию и тактику. С самого начала противник превосходил его по численности, но ему повезло, что солдаты у него оказались необученные, и он сумел воспитать их в собственных правилах. Наверняка дело бы закончилось плохо, если бы у него в подчинении были ветераны.

— И Рега, конечно, сделала на него ставку?

— Как раз наоборот,— проворчал Бруен.— Тибальт послал командира Ристу Брактов с группой испытанных командиров-ветеранов...

— И Фист сокрушил Хенка, Вэлвета, Синтоу и Вибоува? — спросил Стаффа,— Риста никогда не отправлялась в бой без них.

— Вы должны знать это лучше, чем я,— Бруен пожал костлявым плечом.— Но факты таковы: Вибоув и Бимхэн мертвы вместе со своими командами. Хенк, Вэлвет и Синтоу захвачены Фистом и находятся в плену. А Фист ведет переговоры с Айли Такка. Она прибыла сюда около недели назад понаблюдать за сражением.

— Тогда она знает, что я здесь,— прошептал Стаффа, откидываясь на сиденье.

— О, я сомневаюсь в этом,— Бруена колотило от холода, и он

склонился, чтобы достать из-под сиденья теплую накидку, и укутался в нее. Потом протянул другую Кайле, она с благодарностью приняла, кивнула и пояснила:

— Айли думает, что ты улетел на Итреату вместе со Скайлой Лима. Она и предположить не может, что ты прячешься здесь.

— Она, должно быть, волнуется, что потеряла меня. Ведь одно слово Тибальта, и она труп.

— Вот что тебе нужно знать,— Бруен почмокал губами,— Айли убедила Тибальта, что ты заключил контракт с сеззанцами, и что ты лгал, будто не хочешь никаких сделок. Твое присутствие на Этарии доказано, хотя ты и был там под чужим именем. Любой реганский корабль сразу без предупреждения начнет палить по Компаньонам.

Стаффа стиснул зубы:

— Это безумие! Рега не сможет противостоять Компаньонам. Никто не сможет.

Бруен затормозил, его круглая голова смутно вырисовывалась в темноте, когда он повернулся, чтобы взглянуть на Стаффу.

— Айли так не считает. Она думает, что нашла ответ.

— Я никогда не буду вступать в сделки с Тибальтом, пока она находится у власти. То, что она сделала Кайле и мне на Этарии...

— Забудь об этом,— прервал Бруен.— Она больше не заинтересована в тебе, Стаффа кар Терма. И даже в захвате сеззанской территории. Она беспокоится, все ли в порядке с тобой только потому, чтобы нанести решающий удар. Она уже нашла того, кто, как она думает, сможет разрушить Сеззу.....и уничтожить тебя.

— Если так, то она безумна.

— Но не безумен Синклер Фист,— ответил Бруен, нажал красную кнопку, и кар с нарастающей скоростью рванулся в непроницаемую тьму.

Количество файлов с донесениями росло, их уже образовалась целая кипа на подоконнике. Скайла поднесла чашку со стассой ко рту и увидела, что она пуста. Потом она с трудом вспомнила, что еще час назад хотела выпить, но так и не нашла свободной минуты наполнить ее.

Проклятье, сколько же она на ногах? Скайла растерла лицо ладонью и огляделась. Ее личная каюта была выстужена и выглядела нежилой. Скайла поежилась и почувствовала, что возвращение домой на Итреату не принесло ни облегчения, ни спокойствия. Необходимо было обдумать множество деталей. Тэп и Таша проработали каждый миг возможных действий так же тщательно, как и она. Компаньоны не могут позволить себе поскользнуться на мелочи. Нужно было подготовить корабли, запастись провизией, проверить все системы, тщательно подобрать команды — все эти проблемы требовали ее присутствия и личного внимания.

Звякнул комм.

— Да? — ответила Скайла. Монитор справа замигал, и на нее уставился Найклос.— Что тебе нужно, Найклос?

Он нахмурился и начал без обиняков:

— Ты ужасно выглядишь.

— У тебя что, возникли проблемы?

Он рассмеялся, усы встопорщились:

— Ты выиграла пари, конфетка. Я превращаюсь в берсеркера. Ты меня заперла, я под постоянным надзором, ограничен во всем настолько, что не могу уснуть. Но спать-то все равно надо — а для этого нужно прийти в себя. Как ты смотришь на то, чтобы стража проводила меня к тебе для дружеской беседы за бутылочкой винца и обедом?

— Это заманчиво, Найклос, но у меня...

— Подполковник авиации, ты выглядишь так, будто не смыкала глаз с тех пор, как мы приземлились на этой болтающейся в космосе скале. Впрочем, у меня возникла идея попроще — может, ты спустишься сюда, и мы пообедаем в обзорном куполе? Это будет так романтично.

— Ты — последний человек, с кем бы я захотела романтики.

Найклос достал из кармана монету:

— Предлагаю тебе сделку. Я бросаю ее. Если орел — ты обедаешь со мной. Решка — я никогда больше не заговорю с тобой.

Она подняла брови:

— Бросай. Но я должна видеть ее все время.

Найклос подбросил монету, поймал ее на трубке монитора. Он хлопнул монетой по тыльной стороне ладони и показал — на блестящем кружке виднелся чеканный профиль Тибальта. Найклос удовлетворенно хмыкнул:

— Видишь? Ну что же, скоро встретимся. Я заказываю обед в обзорном куполе. Прикажи своим охранникам, чтобы они меня туда проводили.

Скайла обрубила связь, уставившись на трубку монитора:

— Безопасность, доставьте Найклоса в обзорный купол. И подтвердите его приказ относительно обеда на двоих.

— Понято.

Скайла бросила последний взгляд на компьютер и встала. Она распахнула дверь и прошла по длинному белому коридору. Проклятый Найклос. Но он прав: ей нужна встряска, не то от усталости мутится рассудок. Кроме всего прочего, разведка доносила такое, что отнюдь не успокаивало. На Реге была объявлена всеобщая мобилизация. Основная коммуникационная линия была засекречена по всей империи.

С другой стороны, Майлз Рома названивал каждый час, чтобы получить заверения, что Компаньоны не подписывали контракта с Регой. Он уверял, что, если Компаньоны подпишут контракт с Сеззой, то цена будет очень высокой — все захваченные реганские богатства. «Лучше быть безденежным, чем трупом, плавающим в роскоши»,— подумала Скайла, отгоняя словно назойливую муху всплывшую в памяти болтовню Легата.

Скайла вошла в транспортную камеру и нажала нужную кнопку. Села на диванчик. Пневматическая капсула послушно отправилась через Итреату в указанное место.

Едва она закрыла глаза, как в памяти всплыл образ Стаффы — с любопытными серыми глазами, легкой улыбкой на губах. Потом он повернулся, взмахнул рукой — и полнеба заполнила густая тьма, без малейшего проблеска. И вдруг эту жуткую черноту что-то раскололо. Стаффу осветили вспышки взрывов, рвущих землю на куски. Неясные образы людей в развевающихся одеждах чередовались со вспышками бластеров, ослепительно рвущих темноту и тела людей. Из мрака выныривали реганские солдаты, лазеры ланцетом резали воздух то здесь, то там.

— Поторопись,— глухо, будто из-под земли, прозвучал голос Стаффы.

— Подполковник авиации! — внезапно прозвенел чей-то голос, и Скайла вздрогнула. Капсула стояла, дверь была распахнута, и на нее смотрела юная девушка лукавым взглядом миндалевидных глаз.

— Простите,— сказала Скайла, подымаясь.— Кажется, задремала.

Она вышла и направилась к обзорному куполу. Под гигантским куполом Найклос выглядел удивительно маленьким, почти карликом, он стоял в потоках сверкающего света Твин Титанз, которые ослепительно вращались, испуская импульсы голубого света в космос.

Найклос обернулся на звук ее шагов. Скайла движением руки отослала охранников. В центре купола стоял сервированный стол — серебряное блюдо с жареным аштанским барашком и тарганскими овощами издавало аппетитный аромат. Найклос подчеркнуто любезно пододвинул ей стул и сел напротив.

— Какой прекрасный вид,— он обвел рукой купол и показал на Твин Титанз.— Я слышал, что это великолепное зрелище, никогда и предположить не мог, что удастся увидеть собственными глазами.

— Случаются и более странные вещи,— Скайла вдруг ощутила приступ голода и только тут осознала, как давно ела в последний раз. Решительно пододвинув блюдо, она принялась за еду, краем глаза видя, что Найклос наблюдает за ней с заботой и беспокойством.

— Ты сама себя губишь, разве нет? — спросил он непривычно ласковым голосом.

Скайла дожевала кусок, запила большим глотком стассы и проворчала:

— Ты бы поразился тому количеству работы, которая на меня свалилась. Стаффа оставил здесь всех в уверенности, что в ближайший год мы не выйдем в космос. Люди поверили ему на слово, не зная, что он отбыл и попал в дикую переделку.

Найклос оперся на локоть и осторожно рассматривал ее:

— Ты в самом деле любишь его?

Она окаменела:

— Я думаю, это тебя не касается.

Он усмехнулся:

— Я, должно быть, действительно редкая разновидность

идиотов. Я всегда считал тебя очень привлекательной, и, рассматривая твой голографический портрет, который был у нас, поражался: в самом ли деле ты так хороша? Потом, когда я разговаривал с тобой в Этарусе, я просто обалдел, хотя, правду говоря, не был абсолютно уверен, что ты действительно Скайла Лима. Мне казалось, что смертоносный подполковник авиации Компаньонов не может просто так появиться на улице. И все же я пошел за тобой, чтобы убедиться, что это именно ты расправилась с Броддусом.

— Да, мы все полны маленьких сюрпризов, правда?

Он кивнул, начиная есть:

— Да. Но я не собирался влюбляться в тебя.

— Найклос, прекрати это. Я не такая невинная девушка, чтобы немедленно пасть в твои объятия. И единственное место, где женщины без ума влюбляются в своих пленников и отдают им ключи,— это романтические голофильмы. Так что...

— Может, ты уймешься? — он стукнул кулаком по столу, и она услышала скрип его зубов.— Сколько раз я могу повторять тебе одно и то же?— Он встал, заметался вперед-назад, потом так же резко остановился.— Ладно, забудь все это. Позови стражу. И пусть меня отведут в мою камеру.

Скайла отрезала еще кусочек жаркого и задумчиво принялась жевать:

— Скажи мне, штаб Бруена под землей? В темных подземельях

Найклос повернулся к ней, глаза его вспыхнули подозрением:

— С чего ты взяла?

— Я видела сон. Стаффа просил меня поторопиться. Я видела людей в робах, которых расстреливали вооруженные реганцы. Я это очень ясно видела. То, как ты отнесся к моему вопросу, говорит мне, что штаб-квартира Бруена может находиться именно в таком месте.

Найклос снова встал, нервно прошелся, взял себя в руки и снова сел к столу:

— Если я отвечу тебе, могу я надеяться, что ты, наконец, будешь обращаться со мной, как с человеком? Я не хотел, не желал влюбляться в тебя, так получилось.

— Как называется это место?

— Макарта.

— Это самый главный храм Седди?

Найклос кивнул:

— Но это все, что я могу тебе сказать. А теперь, могу ли я немножко прогуляться? Мне надо прийти в себя — собственная болтливость меня пугает.

— Можешь показать на карте Тарги местоположение Макарты?

— Ты что, сумасшедшая? Что за...

Скайла помахала указательным пальцем перед его носом:

— Если реганцы обнаружат твою Макарту, ты думаешь, они оставят ее в покое? Ладно, я кое-что тебе расскажу, Найклос. Рега

втянулась в массовые приготовления к военным действиям, самым большим в истории. Что-то очень плохое происходит там, в той стороне Открытого Космоса. И Стаффа, и твой Седди оказались в центре событий. Проще говоря, попали в самое пекло. Тибальт готовится предпринять грандиозные действия против Сеззанской империи. Ты что, думаешь, он позволит у себя в тылу иметь Таргу? То-то! Ну, а теперь, ты дашь нужную мне информацию, чтобы я не кружила, как дура, а потом не попала на вечеринку к Айли?

Найклос глубоко вздохнул, выпрямился. Он запрокинул голову, наблюдая за Твин Титанз. Скайла молча продолжала есть. Наконец он кивнул, неохотно, словно борясь с самим собой:

— Хорошо. Я покажу тебе, где Макарта. Но только тогда, когда ты мне докажешь, что реганцы представляют для Макарты настоящую угрозу, и если мы полетим вместе.— Он помолчал.— Хочешь не хочешь, а я могу понадобиться тебе. Я знаю тайные коды прямой связи с Бруеном.

Скайла кивнула, несколько оживившись:

— Спасибо, Найклос.

Найклос криво усмехнулся:

— Я начинаю ощущать себя круглым дураком...

Она запила последний кусочек ягненка вином и встала. Подойдя к нему, положила на плечи руки, внимательно глядя ему прямо в глаза:

— Не больше, чем мы все. Да, я люблю Стаффу и я жутко переживаю за него.— Она отошла, легко выхватив из его нагрудного кармашка монетку. Брови ее от удивления высоко взлетели:

— С обеих сторон профили?

Найклос от неожиданности остолбенел, потом откашлялся, пытаясь побороть смущение:

— Я...

Смеясь, Скайла бросила ему монету:

— Если ты очень скучаешь в заточении, я велю Райману Аку поставить тебя на работу в доки.— Она остановилась в дверях.— И, Найклос, спасибо за обед. Ты получишь койку на «Кресле», когда мы полетим на Таргу.

Потом она быстро прошла к транспортной капсуле. Еще четыре часа ей придется провозиться с донесениями и рапортами разведки. Если поторопиться, они смогут вылететь через день.

— Вот она, Макарта,— пробормотал Синклер, всматриваясь в крохотную точку.— Он обстоятельно и придирчиво изучал карту и кивал головой. «Не так далеко от Веспы». Он старательно отводил взгляд, глядя то на карту, то на монитор, то разглядывая стену. Бездумные глаза Арты, казалось, вытаскивают из него душу.

Айли сидела по одну сторону стола, скрестив вытянутые ноги, проверяя заметки на своем персональном комме. Синклер задумчиво перевел взгляд на Мака, облокотившегося о люк и положившего голову на одну руку. Десантное судно напоминало тюрьму, когда Арта Фера закончила свою повесть... Айли вытащила

из нее все с потрясающим мастерством, обнаруживая самые, казалось, незначительные подробности о Седди.

Синклер опустил голову, уставясь в пол. «Наверное, точно так же поступили с моими родителями. Почему так ноет моя душа?» И снова покосился на Макрудера.

Макрудер покусывал губы, переводя взгляд с лица Феры на карту и обратно:

— Мы же знали о туннелях, ты помнишь? Мы подозревали, что они таким образом пробираются к нам в тыл, когда охраняли тот проход.

— Ладно,— отозвался Синклер,— но мы не знали, где их основной туннель. Теперь мы сможем выбить их мощным ударом с орбиты. Запечатаем, как в бутылке. Однако это мы сможем сделать, если Риста скооперируется с нами.

— Она сделает это,— как бы невзначай обронила Айли.

— Ну да,— скептически поднял брови Макрудер.— Почему она раньше не сделала это? Я думаю, она скорей перережет нам глотки, чем...

Айли вынула свой символ власти и произнесла ледяным тоном:

— В отличие от вас, Первый Макрудер, командир Риста уважает власть императора.

Синклер шагнул поближе, чтобы разглядеть знак власти. Айли холодно протянула его ему. Он поднес к свету, с любопытством рассматривая:

— Вся власть в этой маленькой безделушке?

— При условии, что вы биохимически подогнаны под него,— ответила Айли.— Обратите внимание, как меняет цвет голова ягуара. Она тускнеет? Ваша биохимия отрицательно сказывается на нем. Только Тибальт стоит надо мной, пока у меня этот символ власти. С его помощью я могу вызывать флот, диктовать имперские условия и политику, решать вопросы жизни и смерти... и даже производить повышение, Первый Макрудер,— ее улыбка из снисходительной превратилась в коварную.

Она потерла символ большим пальцем, и морда ягуара снова засияла.

Синклер пробормотал:

— Если бы мне гарантировали орбитальную поддержку, чтобы закрыть их кроличьи норы, тогда бы мы навсегда покончили с этими седдианскими ублюдками. Они бы никогда больше не захотели другой революции.

— Мы искали это годами, Синклер,— Айли склонилась над Артой, которая лежала на кушетке и что-то тихонько бормотала.— Ты все очень хорошо сделала, Арта Фера. Теперь скажи мне, какие твои истинные намерения и цели?

— Терроризм... убийство... Я запрограммирована на убийство.

— Запрограммирована? — поразился Синклер.— Как?

Арта сглотнула, ее затрясло:

Я... Бруен сделал это.Поместил... что-то в мой разум. Если... мужчина тронет меня, я его убиваю. Не могу ничего с собой поделать. Я убиваю его. Они послали меня в храм на Этарии, чтобы

научиться искусству любви. Потом выкрали меня до посвящения... Они отослали меня преждевременно. В самом начале меня учила машина, Бруен и машина — это одно целое.

— Бруен? Машина? — Синклер опустился на колени и пристально посмотрел Арте в затуманенные глаза:

— Я хочу услышать об этом.

Искусство допроса у Айли было совершенным: история жизни Арты развернулась перед их глазами — ее посвящение Бруену, ее любовь к Бутле Рета, похищение реганцами и изнасилование, ответные убийства, фатальный ужас ее страшного существования.

— Прогнившие Боги,— шепнул Синклер,— у нее невероятный сексуальный магнетизм.— Он покачал головой.— Но, Арта, почему ты убила Гретту? Я видел запись. Гретта не делала тебе ничего плохого. Она хотела тебе помочь! Зачем же ты ее убила?

Голова Арты тяжело опустилась на кушетку:

— Рега. Она реганка,— в замешательстве губы ее беззвучно двигались.— Реганцы... насиловали меня. Убить... Я убила их всех. Буду продолжать убивать их всех. Это моя обязанность. Убивать тех, кто насилует. Убивать тех, кто касается меня.

Глаза Айли ярко заблестели:

— А что произойдет, если человек тебя изнасилует, а ты не сможешь его убить? Хмм?

— Нет! — хриплый крик вырвался из горла Арты: Нет! Ее голос сорвался, и она хрипло вскрикнула: Нет! Нет! Нет!

— Успокойся,— утешал ее Синклер, у него внутри все сжалось от ужаса в ее глазах.— Никто тебе не причинит вреда.

Арта Фера расслабилась, забормотала что-то невнятное в полутрансе, грудь тяжело вздымалась. Глаза Мака были прикованы к ее обнаженному телу. Он с трудом сдерживался, и наконец громадным усилием воли заставил себя отвернуться.

Синклер отступил назад и, опершись на переборку, закрыл глаза. «Неужели Седди то же самое сделали с моими родителями? И потом заслали их на Рету, как биологически запрограммированные машины? Боги, что за чудовища эти Седди?»

Айли мотнула головой и, печально прищурившись, долгим взглядом посмотрела на Синклера:

— Мне кажется, ты колеблешься, лорд Синклер? Не так давно ты хотел ее убить или заставить вечно страдать.

Синклер ответил не сразу, снова пристально разглядывая эту точку на карте — Макарту. Потом перевел взгляд на Мака, который сидел в углу на корточках, уставясь на Арту и покачивая головой.

— Она за себя не отвечает. Она — проклятая пешка! Она жертва... Седди... так же, как и я. Так же, как все мы,— Синклер сжал кулаки и с силой ударил по карте:— Зачем они начали всю эту кутерьму? Зачем? Все, что они желают, приносит только несчастья.

— Их нужно остановить,— согласился Мак, опершись локтями на колени и глядя вниз на пол между ботинками.

Айли подобрала свои роскошные черные волосы,задумчиво наблюдая за Синклером:

— А что с этой женщиной?

Синклер в горестном недоумении пожал плечами:

— Что мне с ней делать?— Мой гнев погас, испарился. Она всего лишь орудие! Неужели мне нужно уничтожать бластер только потому, что человек из него стрелял в меня или в того, кого я любил? Только Седди ответственны... этот Бруен в особенности.— В его памяти всплыл голос Гретты: «Теперь ты задумался, Синклер».

Решив что-то про себя, Айли предложила:

— Я могу приказать перевезти ее на Регу.

— Зачем? — спросил Синклер с внезапным подозрением.— Что вы собираетесь делать с ней?

Айли поднялась и склонилась над Артой, разглядывая ее расслабленное лицо:

— Надо отправить ее на Регу. У нас там самые лучшие психологи. Может, мы сможем стереть всю программу Седди,— она оглянулась на Синклера, скрытый огонь блеснул в глазах.— Может, мы сможем кое-что узнать о седдианской технологии.

— Хорошо,— утомленно согласился Синклер. Потом он выпрямился.— Я хочу, чтоб ее поручили попечению Анатолии Девиуры. Обещайте, что ее не убьют, не будут зондировать. Идет?

— Очень хорошо,— ответила Айли холодным кивком.— Я узнаю, что скажет император по ее поводу... и о вашем желании помочь ей.

Синклер неотрывно смотрел в глаза Айли, стараясь проникнуть в ее намерения:

— Я позже обязательно узнаю, что случилось с Артой Фера.

Уголки губ Айли дрогнули:

— Даю тебе мое слово, я не трону ее пальцем. Мы можем держать ее в центре для интернированных. Приставим к ней охрану из женщин.

Синклер отвернулся к Макрудеру:

— Мак, давай контакт с Ристой. Скажи ей, что нам нужны все боеспособные десантные суда. Я хочу, чтобы мы были готовы к завтрашнему утру. Может ли командир Брактов снабдить нас боеприпасами и оружием? Если она вздумает не соглашаться, скажи ей, пусть свяжется с Айли. Если у нее возникнут вопросы — постарайся растолковать.

Макрудер вскочил на ноги, отдал честь:

— А что делать с пленными дивизиями? — Он покосился на Айли:— Мы их берем с собой?

Синклер скривил губы, глядя на карту:

— Не думаю. Из слов Феры ясно, что оборона Макарты слаба. Седди защищены только секретностью их туннелей. И чем больше будет солдат, тем больше их заблудится в этих туннелях. Поэтому мне нужны люди, которым бы я доверял полностью, их выучке и преданности,— он посмотрел на Айли.— Вы поможете мне в этом?

Она кивнула:

— Конечно, лорд Синклер.

— Давай, Мак,— Синклер подтолкнул своего друга к двери

и шагнул следом за ним. Остановившись на трапе, он наблюдал, как Макрудер рысью припустил под слепящим солнцем. Синклер повернулся, взявшись рукой за ручку люка:— Почему вы зовете меня лордом? Я не понимаю.

Она подошла к нему достаточно близко, чтобы он мог заглянуть ей в глаза, и, придвинувшись так, что он ощутил пряный аромат ее тела, Айли сказала просто и даже буднично:

— Мы оба знаем ответ на этот вопрос. Назовешь ли ты кого-нибудь из реганской военщины, кто смог бы так командовать и побеждать в эти, казалось, безнадежные дни? Так неужели нужно ждать декрет Тибальта?

Синклер глубоко вздохнул:

— Нет, конечно, нет. Я предполагаю, что вы взвешиваете внимательно все политические обстоятельства и последствия?

— Безусловно, лорд.

— Лорд? — пробормотал Синклер, нырнув через люк, и поспешил вниз по трапу. Что-то странно и необъяснимо изменилось в последние дни. Его старые испытанные соратники теперь только почтительно взирали на него. Старое доброе товарищество растаяло, как лед на солнце. Хуже всего прочего было то, что когда он перешел на сторону Тибальта, даже Мак стал держаться сдержанно и настороженно.

— Опять один, — прошептал Синклер, совсем, совсем один.

Кому могло прийти в голову, что там, глубоко внизу, в скалах Тарги находится эта невероятная машина? Стаффа стоял в задней комнате и смотрел на мигающие огни Мэг Комм. Несмотря на то, что он был знаком с новейшими технологиями, созданными инженерами на Итреатических Астероидах, он никогда не видел такого невообразимо сложного механизма, как эта машина, упрятанная в глубокой пещере под Макартой.

Седдианские Посвященные и Мастера нервно переминались с ноги на ногу перед машиной, втянув головы в плечи. Бруен лежал на ложе, чеканный золотой шлем покрывал его голову, нависал почти до половины лица.

Внезапно тело Бруена обмякло. Пот струйками стекал из-под шлема по изборожденному морщинами лицу. Вилм и Кайла бросились вперед, осторожно сняли шлем и подняли старого человека с ложа. Стаффа увидел действие машины на Бруена. Магистр лежал, словно выжатый лимон, энергия, как вода, вытекла из его сухонького тела.

Стаффа подошел поближе, рассматривая сверкающие огни Мэг Комм, подсознательно ощущая невероятный уровень ее воздействия. Он просил Бруена позволить ему посмотреть на машину вблизи. Не из любопытства, конечно. Стаффа был знаком с компьютерами и надеялся, что сможет найти ключ к разгадке ее происхождения. Сейчас он стоял и медленно качал головой, понимая, что ничего подобного человеком не могло быть создано. Он пробежал пытливыми пальцами по консолям, не в силах определить ни технологии изготовления, ни характера материалов...

Из любопытства Стаффа поднял шлем и надел его на голову, но ощутив слабые покалывания, казалось, проникавшие в самую глубь мозга, он быстро снял его, повесил на место и погрузился в размышления.

— Я... Я не знаю, смогу ли я продолжать,— прохрипел, задыхаясь, Бруен.— Каждый раз я... я...

Кайла мягко зашикала на него и помогла Магистру пересесть в антиграв.

Стаффа украдкой разглядывал серые панели компьютера. Нечеловеческих рук дело? Или наследие мифической Земли? «Может, там спрятана тайна Запретных Границ? Я вернусь в эту комнату». Погруженный в мрачные мысли, он отвернулся и последовал за Седди по сквозному скалистому коридору.

Комната Бруена оказалась такой, какой ее и представлял Стаффа: ничего лишнего в маленькой клетушке, выдолбленной в скале. Узкое жесткое ложе без гравитационного поля было вырезано прямо в стене. Осветительная панель и компактный комм, необходимый для чтения и занятий, сделанный из дерева стул дополняли скудную обстановку комнаты. Вилм и Кайла, принесшие Бруена на антигравных носилках, заполнили до отказа комнату, поэтому Стаффа стоял у входа, продолжая думать о Мэг Комм и ее причастности ко всему происходящему.

— Стаффа? — позвала Кайла,— Бруен хочет поговорить с тобой.

Вилм поколебался в дверях, в его глазах было недоверие. Он, казалось, раздумывал — пропустить Стаффу или...

— Иди, Вилм,— Бруен слабой рукой махнул.— Если бы он хотел меня убить, то сделал бы это давно,— легкая улыбка мелькнула на старческих губах.— И кроме того,— его голос упал до шепота.— Мы должны с ним поговорить. Нам придется многое решить.

Желваки Вилма заходили ходуном, мышцы вздулись от напряжения. Он коротко кивнул и медленно попятился из комнаты. Стаффа, не обращая внимания на мрачный вид Вилма, подвинул тяжелый стул, сплетенный из толстых веток, и сел.

— Мэг Комм — весьма интересная машина, хм? — спросил Бруен, из-под полуприкрытых век всматриваясь в лицо Стаффы.

— Я никогда раньше не видел ничего подобного. Откуда она черпает энергию?

— Я точно не знаю,— Бруен потянулся и вытер лицо одеждой, висевшей над изголовьем.— Мы предполагаем, что она берет энергию из реакций атомного распада в самом ядре планеты. Или же она заливает водой магму и использует пар для вращения своих турбин. Точно мы не знаем. Она... такая чужая.

— Она появилась здесь вместе с Седди?

— Гораздо раньше. Но в записях ничего не сказано о том, что она действовала раньше так же, как сейчас. Ты понимаешь, она была просто пассивной, и, если можно так сказать, любопытной машиной.— Бруен принялся объяснять, как вернулась к жизни Мэг Комм много лет назад.

— И вы вводили ее в заблуждение все эти годы? — спросил Стаффа, подумав при этом: «Как и все империи, эта машина боится Седди. С какой целью она мешает их проповедям? Какая опасность может таиться в философии разделения Разума Бога и этики?

— Да, мы лгали ей. Такая вот деликатная игра. Но в этот раз, в этот раз она почти полностью разрушила мою защиту. Я думаю... думаю — она все знает.

— Тогда зачем вы говорите с ней? — Стаффа оперся на локоть.— Зачем тянете эту лямку? Не обращайте на нее внимания! Какая у нее власть?— В его памяти остались легкие покалывания шлема.

Смех Бруена грубо прозвучал в тишине:

— Мы с Хайдом как-то попытались это однажды сделать. Машина мгновенно отрезала нас от всего. Отключила свет, вентиляцию, водоснабжение и коммы, которые она контролировала. Кроме того, ее вычислительная мощь несравнима ни с одной из известных в Реганской сфере влияния. Мы никогда с подобным не сталкивались. Чужеродное и... такое мощное орудие. Я никогда не предполагал, что мы... побоимся потерять ее. Она может ответить на любой вопрос. К примеру, спроси ее о возможности получения Регой полного военного контроля над Открытым Космосом, и она ответит тебе.

— Это и я могу предсказать,— хмыкнул Стаффа.

— Но не так, как Мэг Комм,— не согласился Бруен.— Она делает мгновенные расчеты всех возможных факторов, включая, скажем, военные контрибуции рыболовецких провинций Рипариоса. Ни один человек не в состоянии оперировать тоннами цифр и данных, с которыми Мэг Комм имеет дело. Ни один человек на свете не может программировать систему для управления социальными явлениями в империи, как это может Мэг Комм.

Стаффа вздернул подбородок. «И все же эта конструкция, как и я — артефакт, вещь, созданная с определенной целью. Насколько мы отличаемся друг от друга?» — подумалось ему.

Бруен закрыл глаза, положив голову на маленькую подушечку.

— Поверь мне, мы боимся ее, Лорд Командующий. Сила и одновременно слабость седдианцев в том, что мы используем такую чудовищную интеллектуальную мощь, не задумываясь, чем рискуем.

— И эта чудовищная мощь поработила вас,— грубо отрезал Стаффа.

Тишина.

— А все-таки зачем ты здесь, Стаффа кар Терма? — спросил Бруен с закрытыми глазами, морщась от сдерживаемой боли.

Стаффа откинулся назад, сцепив пальцы, вытянув ноги на отполированных веками камнях:

— Я с самого начала хотел найти своего сына. А потом понял, что прежде мне нужно найти себя.

— Осознание?

— Да... осознание.

Брови Бруена удивленно поднялись над закрытыми глазами. Он пробормотал куда-то в пространство:

— Вот и недостающее звено, Хайд, старина. Кто мог предположить, что Лорд Командующий осознает себя?

— Простите?

— Мы много постарались сделать для того, чтобы достать тебя, Стаффа кар Терма. О, как мы тяжко потрудились! А разгадка — вот она.

— Разгадка?

— Пути к выживанию,— Бруен глубоко вздохнул.— Как Лорд Командующий Компаньонов, ты же собирался уничтожить Регу, правильно?

— Это было так очевидно.

— Машине Мэг Комм, естественно. Мы же провели годы, проверяя и перепроверяя наши собственные данные. О, да, мы знали твои планы, может, даже раньше тебя. Мы не могли позволить им осуществиться. Твой стальной кулак мог разбить все стремления человеческого духа, обеспечивающего достаточные источники для поддержания цивилизации, чтобы она выжила в войне.

— А как вы собирались остановить меня с Компаньонами?

Бруен сморщился, отчего складки на лице у него собрались еще больше:

— Революцией на Тарге.

— Я не... вы имеете в виду, что весь мятеж был... Но как? Как вы собирались достать меня революцией на Тарге?

— Это поистине гениальный замысел! Мы специально вырастили убийцу — девушку, которую готовили с детства к твоему уничтожению.

— А где теперь она, эта убийца, Бруен? Может, я должен теперь постоянно оглядываться? Может, ходить только с бластером наизготовку? — Тело Стаффы непроизвольно напряглось, глаза метнулись к двери.

— Расслабьтесь, Лорд Командующий. Я боюсь, что все наши замыслы загублены. Мы планировали ваше прибытие на Таргу за последними реганскими кредитами. Договор позволил бы нам использовать его для разведки реганских приготовлений и усилить смятение и брожение в умах. Вы могли покончить с Таргой и пойти сразу же войной на Регу. У вас было множество возможностей использовать тарганскую кампанию в ваших интересах. Только вы не прибыли... чем нарушили устойчивость вероятного хода действий и внесли неразбериху в наши планы.

Стаффа закрыл глаза и покачал головой:

— И это все для того, чтобы ваша убийца могла сделать свое черное дело?

Бруен снова вздохнул:

— Уже нет. Все эти люди мертвы. Все пришло в негодность, потому что вы изменились... Что произошло на Миклене? Что Претор сказал вам? Как много?

— Достаточно.

— Кайла передала нам большую часть вашего разговора с ней,— Бруен пожевал губами.— А кто ваш сын, Стаффа? Вы

думаете, что узнаете его после стольких лет? Вы же видели его совсем маленьким.

— Я узнаю его, Бруен. И неважно, где он, я узнаю его,— он помолчал.— Претор сказал мне, что он был здесь на Тарге, его оставили у Седдианских жрецов много лет назад.

— Он был здесь. Потом мы его отослали.

— Почему? — воскликнул Стаффа.— Где он сейчас? Как я могу найти его? Скажите мне, Бруен. Я не думаю, что вы упустили его из виду.

— Успокойтесь, Лорд Командующий. Вспомните, что мы считали вас самой большой угрозой существованию человечества. Мы ненавидели вас, боялись вас гораздо больше, чем этой дьявольской машины.

— Где мой сын?

— Не надо смотреть на меня так. Мы ничего плохого не сделали ему. На самом деле, в минуту слабости, я отослал его на Регу, где, надеялся, он будет в безопасности. Я не держал на него зла. Ведь он не мог быть виноват в том, что Звездный Палач — его отец.

Бруен сморщился от боли и тяжко вздохнул.

Стаффа прокашлялся и с неуверенной надеждой спросил:

— Значит, он выжил после моей бомбардировки?

— Да, он выжил.

Глаза Стаффы сузились, и он уронил голову в ладони:

— Благодаренье Благословенным Богам. Я... я убил Крислу на Миклене. Проклятый Претор! Я никогда и подумать не мог, что он стоит за похищением моего сына. Я...

— Он был очень коварным, очень,— Бруен помассировал виски.— Но твой сын жив. Мы поместили его в государственный университет на Реге. Он проявил выдающиеся способности в выбранных им областях знаний. Он оставался там, когда началась эта заваруха на Тарге. Я думаю, он будет в целости и сохранности, пока цела Рега.

— Благодаренье Богам,— вздохнул Стаффа,— его лицо просияло.

Бруен ласково отозвался:

— Нет. Я думаю, тебе стоит благодарить кванты.

Стаффа не стал спорить, ему было важно совсем другое:

— Где я могу его найти, Бруен?

— Я не могу тебе сказать, где он точно в данный момент. Но, учитывая, что ты и я пришли к удовлетворительному соглашению относительно судьбы Открытого Космоса, мы устроим вам встречу.

Стаффа помрачнел:

— Ты хочешь сделать меня заложником, так же как моего сына? Этого не будет.

Старый Магистр рассмеялся, потом сморщился от боли:

— Я бы не был настоящим Седди, если бы постоянно уступал твоим требованиям, ведь так? Достаточно сказать, что в свете сиюминутной политики Реги на Тарге твой сын в большей безопасности, чем ты. Если бы Айли знала, что ты здесь, я не

сомневаюсь, что она бы камня на камне не оставила, перевернула бы все, чтобы найти тебя. Стаффа, мы должны прийти к соглашению по поводу Открытого Космоса и роли Компаньонов. Я дам все необходимые материалы, если хочешь. Но Компаньоны должны знать, что война между Регой и Сеззой губительна для всех нас.

— Остановить эту войну будет чрезвычайно трудно. Я холил и лелеял их,— Стаффа нахмурился, хлопнув в ладоши.— Ключ, несомненно, в Компаньонах.

Стаффа помолчал и добавил:

— Впрочем, я могу свести ущерб до минимума, предотвратить разрушение ресурсов планеты. Но если Рега двинет свои войска в ближайшие пару месяцев — это будет настоящее бедствие.

Бруен раздул ноздри мясистого носа и хмыкнул:

— Они захотят разрушить все планеты, пока ничего не останется. Машина... она, конечно, сыграет свою роль. Мы не можем себе позволить недооценивать ее.

Стаффа покачал головой:

— Бруен, я думаю, пришло время для развития новой системы понятий.

— Чего ты хочешь, Стаффа? Какова твоя конечная цель? Господствовать в Открытом Космосе? Объявить себя императором человечества?

Резко взмахнув руками, Стаффа отчеканил:

— Я хочу разрушить Запретные Границы. Какую цену ты назначишь за наше объединение?

— Свобода для Седди проповедовать все, что ни пожелают, в том числе и среди твоих Компаньонов.

Не задумываясь ни на мгновение, Стаффа выпалил:

— Даю тебе слово.

Бруен набрал воздуха в легкие и утомленно вздохнул:

— Кто бы мог подумать? — Он помолчал, едва слышно рассмеялся и добавил:— Тогда настало время разрушить между нами все преграды. Кайла говорила, что ты рассказывал ей о своих родителях?

— Да.

Приподнявшись на ложе, старый Магистр пристально взглянул из-под век:

— Стаффа, много лет назад Седди очень дружили с Микленом. У нас была хорошо поставлена торговля. Тогда Рега была простой гегемонией трех миров, многообещающей индустриальной базой. Филипиа пыталась захватывать, расширяться за счет других,.. но я отвлекся. Миклен посылал на Таргу множество кораблей, и мы торговали сырьем и необработанными металлами. Мы продавали и кое-что еще — информацию, полученную от Мэг Комм. Тогда она еще не проснулась к жизни, была просто самым замечательным компьютером в Открытом Космосе. Тогда-то в нашем храме и появился молодой человек с Миклена. Он хорошо, очень хорошо платил, и мы его допускали к машине. Он прогонял новые данные через Мэг Комм, выверял какие-то свои расчеты. Власть не всегда устанавливается благодаря верным ответам,

скорее всего зависит она от верных вопросов. Годами он проделывал это, и в результате, задавая правильные вопросы, заработал такую репутацию, что помогла ему добиться власти на Миклене. Потом Рега захватила Таргу и разорвала все наши связи с Микленом и с остальным Открытым Космосом. Мы были объявлены вне закона, и все остальное уже стало историей.

— Этот человек,— не удержался Стаффа,— вы говорите о Преторе?

— Да. Конечно, пока Тибальт, Седьмой император, старался снискать наше расположение, мы не сидели сложа руки. Мы неплохо приспособились, ушли в подполье и начали длительный утомительный процесс проникновения в Регу и Сеззу. Миклен никогда не угрожал нам с тех пор, как Претор установил прямую связь с Мэг Комм.

— Продолжайте.

Но Бруен вдруг сказал:

— Расскажи мне о своей матери.

— Стаффа удивился:

— Я не понимаю, как это...

— Просто расскажи мне!

Выбитый из колеи, Стаффа ответил:

— Она была блондинкой, очень изящной...

— Достаточно. А твой отец?

— Рыжий, весил больше положенного...

— Достаточно,— Бруен приподнялся с ложа, слегка порозовевший, протянул руку к чашке с водой и выпил, не отрывая глаз от Стаффы.

— Если это имеет значение, я бы...

— Ты все-таки спешишь, Стаффа. Учись быть терпеливым. Многое придет к тому, кто сначала подумает, а потом действует,— напомнил Бруен.— Теперь, что ты знаешь о генетике? О доминантах и рецессивах?

— Преобладающих признаках, подавляемых у потомства? — уточнил Стаффа.

— Да. Подумай.

— Я знаком с... У моих родителей...— он моргнул,— у меня волосы черные!

— Да,— согласился Бруен,— твои волосы черные.

— Но тогда, значит, они не были... Они не мои родители.

— Да, не были,— подтвердил Бруен, поглаживая рукой себя по животу.— Светлые и рыжие волосы — рецессивные признаки. По крайней мере, один из твоих родителей должен был иметь черные волосы, как у тебя.

Стаффа сверкнул глазами:

— Вы знаете, кто...

— Простите, Лорд Командующий. Мы не смогли это выяснить. Даже если и существовали какие-нибудь записи, они все остались на Миклене.

Стаффа погрузился в размышления. Он вспомнил здание

Архива Регистрации в дыму и пламени, оплывшее от прямого термального удара с орбиты.

«Итак, ты никогда не узнаешь. Неужели это так важно для тебя, Стаффа кар Терма? Я тот, кто я есть. Не больше и не меньше».

— Скажите мне, Бруен, как вы могли планировать столько смертей, жертвовать столькими людьми только для того, чтобы убить одного человека? Вы считаете ваши действия этичными?

Взгляд Бруена был неподвижен, голос прозвучал размеренно и тихо:

— Мне это решение далось с большим трудом. Мы с Магистром Хайдом все тщательно спланировали и рассчитали. Такова цена выживания всей расы, Лорд Командующий. Мы сочли такие жертвы необходимыми и приговорили тебя. Вас необходимо было остановить любой ценой. Машина не оставляла никаких сомнений относительно финала.

Стаффа непроизвольно зажмурился, словно его с размаху ударили по голове. Перед ним снова встали ночные кошмары. Разрушенные города содрогались в конвульсиях гравитационных ударов. Колонны рабов медленной шаркающей походкой двигались к транспортным кораблям — закованные в ошейники, с застывшим отчаянием в опущенных глазах. Их поток, казалось, был нескончаем. А вокруг грохотали взрывы. Вспышки ослепительного пламени затмевали солнце. Падали стены и люди... Вот рыдающая мать над телом своего бездыханного дитяти... Вот юная девушка кричит и вырывается из рук озверевших насильников, волокущих ее в еще дымящиеся развалины... Желто-оранжевое пламя закручивается черными смерчами — это развеянные в прах человеческие мечты и надежды...

— Да, все так и было,— голос старого Магистра задрожал.— Вся пролитая кровь не дала ничего, Стаффа. Ничего!

Стаффа закинул ногу на ногу, обхватив колено руками, с трудом различая Магистра сквозь туман боли и напряженно вслушиваясь в его слова.

Бруен, медленно покачивая головой, с горечью продолжал:

— Сам видишь,— мы не выполнили своего решения. В начальной перестановке Компаньоны должны были раздробиться, лишенные твоего руководства, и установить третью автономную власть в Открытом Космосе. Подумай, твои соратники стареют. У них есть семьи — у многих, во всяком случае. Другие рано или поздно начинают мечтать об этом. Любовь к путешествиям и потребность в грабежах и насилии сходят на нет. Ты спрашивал об этичности? — усмехнулся Бруен.— Ты понимаешь, мы искренне верили в Бога, человечность и знания, Лорд Командующий. Мы верили в то, что являемся частью Разума Бога, и если мы пожертвуем чем-то малым, то в целом сможем улучшить положение всего человечества... Мы смотрим в будущее и видим сплошной хаос. Обе империи разорены почти дотла. Война приведет к новому мрачному веку. Целые планеты, включая и самые цветущие, будут истерзаны, разрушены, сожжены, жизнь на них

окажется на грани исчезновения. Планеты, сохранившие материальные ресурсы, такие, как Тарга, Рега, Миклен, Сезза и Филипиа, будут заражены чудовищной радиацией, и негде человечеству будет найти надежду и условия для выживания... Голод, жажда, болезни и медленное умирание уничтожат расу...

Стаффа, подавленный мрачными картинами будущего, зримо вставшими за словами старого Магистра, скорбно улыбнулся:

— Значит, я пожинаю, то, что посеял.— Мысли его лихорадочно прыгали, толкаясь и сминая друг друга так, что от рвущей боли раскалывалась голова.— А Синклер Фист? Может быть, он в состоянии что-то изменить?

Бруен кивнул:

— Да. С его помощью Рега очень быстро покончит с Сеззой. Наша проблема с Фистом состоит в том, что у нас нет достаточных данных относительно его потенциалов. Трудно представить, до каких пределов он дойдет в разрушении Сеззы. Сохранит ли и сколько сеззанских ресурсов, необходимых для возрождения? А каким будет возмездие сеззанцев, если они устоят? Каким императором он станет в конце концов? Вполне вероятен его альянс с Айли Такка. А уж она непременно сыграет на его отчаянии и боли, вызванных гибелью его подруги... Перспективы пугающие, согласись...

— Ты совсем упустил из виду Компаньонов,— напомнил Стаффа.

Бруен согласно кивнул.

— В самом деле, Лорд Командующий. Ответь мне, раз уж я вступил в сделку с дьяволом, как поступят Компаньоны? Может, наш спор и ваши разговоры с Кайлой немного поколебали тебя, и ты, наконец, увидел, что человечество на пороге гибели? Понял серьезность угрозы вымирания? Что тогда?

Стаффа поднял голову и пристально посмотрел на тускло светившиеся панели на потолке. Грубый стул затрещал под его телом. Клетушка Бруена вдруг напомнила ему недавнюю серую сиалоновую тюрьму.

— Я познал страдания в пустыне, Магистр Бруен. Я носил ошейник раба. Я нырял в сточные канавы и умирал от жажды, проклиная себя самого. Я смотрел на Кайлу, и мои преступления и грехи терзали мою душу.

Видения вновь нахлынули на него, и он глухо, со скрытой страстью проговорил:

— Я встретил там человека, ювелира, по имени Пибэл, и он преподал мне урок истины. Я сделаю Открытый Космос лучше и чище, Магистр. Так или иначе, я поставлю на колени и Регу, и Сеззу, потом я разрушу Запретные Границы и освобожу всех нас из этого кошмара, созданного моими руками.

Бруен обмяк на постели, утомленный попытками встать:

— Кто бы мог подумать?

— Я дал клятву в пустыне,— добавил Стаффа.— Я выбрал покаяние.

Старик пристально вгляделся в него:

— Ищешь Бога, Стаффа?

— И свою душу, Магистр. Я не могу избавиться от ночных кошмаров, меня окружают призраки убиенных мной. Они будут преследовать меня, пока я не предстану пред их судом.

Старый Магистр скорбно покачал головой:

— Самое тяжкое бремя, которое взвалил на нас Бог,— это ответственность.

— Кайла научила меня думать, что мы все — Бог, Магистр,— добавил Стаффа.— Бог должен быть достаточно сильным, чтобы вынести все это, неважно, насколько временна наша память.

Бруен снова кивнул, его грудь вздымалась и опадала:

— Я надеюсь, клянусь честью, Лорд Командующий, что это так. Но я очень устал от бремени, возложенного на меня, и хочу вернуть это бремя Божественности.

Глубоко в скальных подземельях Мэг Комм продолжала анализировать ощущения, неожиданно полученные через шлем от мозга неизвестного человека. Итак, в Макарте появился новый человек, обладающий грандиозной внутренней мощью. Импульсы энергии достигли ее сквозь пространство и время, посланные тысячью компьютерных центров из-за пределов Открытого Космоса. Пядь за пядью Мэг Комм коррелировала, сравнивая наблюдаемое с предполагаемым и находя все больше подтверждений очевидности конечного успеха. Оставалось очень мало такого, что могло потребовать риска. Не настало ли время освободиться от Бруена и его давно разгаданной лживости? Может, человечество уже перешло границу, и назад возврата нет?

Мэг Комм проникла к ядру планеты, до отказа заполняя свои энергетические контуры впрок,— связь за пределами Запретных Границ отнимала очень много энергии.

Да, сомнительные принципы нельзя было недооценивать. Оставался человек, вошедший в краткий контакт через шлем, вызывавший у Мэг Комм танталовы муки. Кем он мог быть? Эта загадка не давала покоя, напрягая электрические цепи и заставляя светиться конденсоры. Рано или поздно ответ будет найден — потому что ни в Открытом Космосе, ни за его пределами не существует загадки, которую не смогла бы разгадать Мэг Комм. И она разгадает!

Айли перевела дух, расслабленно наслаждаясь прелестью тарганской ночи. Проплывающие облака изредка закрывали сияние звезд. Легкое дуновение ветерка шелестело невидимой листвой. Изредка доносился мелодичный щебет птички-полуночницы. Ночной покой действовал удивительно умиротворяюще. Позади нее стояла связанная Арта Фера, ее прекрасное тело просвечивало сквозь золотистую тунику, порванную и грязную. Айли сканировала небо, улавливая вспышки стартового ускорителя, идущего на посадку ее личного десантного судна.

Они сели на открытую площадь перед старым зданием внутренней безопасности. Вокруг них расстилалась Веспа —

погруженные в ночное молчание улицы и площади, темные парки и приникшие к земле кварталы окраин. Желтые квадраты света метили темные стены, Айли видела людей, бредущих под уличными фонарями.

Айли тряхнула головой и обернулась:

— Послушай, мне совершенно не хочется отдавать тебя психотехникам.— На губах террористки заиграла легкая улыбка.— Ты с моей помощью можешь стать очень влиятельной женщиной. Решайся — у тебя еще есть время выбрать. Я сумею тебя защитить от кого бы то ни было.

Глаза Арты гневно блеснули:

— Арта Фера не продает себя никому!

— Что тебе терять? Ты сохранишь верность седдианцам, хотя ты же помнишь, что они сделали с тобой?

Фера насмешливо фыркнула:

— Я была рождена, чтобы умереть, Айли Такка. Это моя участь, судьба. Я была создана, чтобы убивать. Я больше никем не могу быть, кроме того, кто я есть.

— Но есть же...

— Не приставай ко мне, реганская шлюха,— прошипела Фера.— Ты сама в любом случае останешься Айли Такка. Не больше и не меньше. Ты можешь унижаться?

— Нет, я могу быть только сама собой,— едкая усмешка очертила ее губы.— Прекрасно, Арта Фера, вижу, наши пути расходятся. Ну что же, я могу тебя только уважать за это — и помни, немного найдется людей, которых бы я уважала.

Арта Фера равнодушно пожала плечами и перевела взгляд в звездное небо, на десантное судно, кружащееся над городом, готовящееся к посадке. Визг его форсированных двигателей ломал и рассекал ночную тишину.

Айли некоторое время наблюдала за ней, затем с некоторым сожалением сказала:

— Ладно, Арта. Наше путешествие на Регу будет трудным, но, к счастью, недолгим. Я заказала специальный скоростной реактивный крейсер для нас. Перелет будет не очень комфортабельным, но зато мы прибудем на Регу в мгновение ока.

— Ты очень добра ко мне,— с непочтительной иронией отозвалась Арта:— И на том корабле будет уйма мужчин, готовых убить меня?

Айли, подчеркнуто не обратив внимание на иронию, пояснила:

— Экипаж там чисто женский. Кроме того, я показала им запись с бедняжкой Греттой, так что они будут опасаться подходить к тебе. И, конечно же, я буду рядом, так что твоя жизнь будет под моей охраной и в моих руках. Ты когда-нибудь слышала об ошейнике?

Арта пожала плечами:

— Много знать — смертельно, министр.

Поднятые тучи пыли заставили их отвернуться — десантное судно совершило посадку. Визг затих, и из входного люка спустили

лестницу. Одновременно зажегся свет, окрасивший желтым ступени трапа и кирпичные стены отрады.

— Я могу убить тебя в доли секунды,— как ни в чем не бывало сказала Арта.— Ты увозишь меня на Регу... с какой-то целью. Зачем?

Айли улыбнулась, спрятав глаза:

— Я искренне надеюсь, что наши психотехники смогут тебе помочь, Арта. И мне пригодится женщина с твоей тренированностью и ловкостью. Конечно, если ты согласишься. Подумай, время есть. И я надеюсь, что ты примешь верное решение.

Айли указала рукой на лестницу и последовала за Артой вверх по трапу, осторожно следя, чтобы женская стража взяла Арту в кольцо.

Обернувшись к технику, стоявшему в стороне, впившись в Феру глазами, Айли негромко спросила:

— Ты привез ошейник?

Техник кивнул, распахнул кейс и достал сверкающий ошейник:

– Да, министр.— Он нахмурился.— Я сделал модификацию, согласно вашим чертежам, но вы уверены...

— Более чем. Дай мне его, пожалуйста,— Айли улыбнулась и подняла брови, гладя прохладный металл.

Арта смотрела на нее, а Айли улыбнулась, медленно подходя к ней. Мгновение — и ошейник обхватил стройную шею Арты и звонко защелкнулся.

— Вот теперь, Арта, ты полностью моя,— Айли подняла контрольную коробку, держа большой палец в углублении. Когда она надавила им, Арта открыла рот и, словно обмякнув, опустилась на землю с широко распахнутыми глазами и судорожно хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Посмотри,— шепнула Айли ласково удивленным тоном.— Ты, оказывается, тоже можешь бояться, Арта Фера. Это меня очень радует.

Она отпустила кнопку, заметив, как тяжело заходила грудь Арты, когда она вновь овладела собой. Арту немилосердно трясло, глаза метали молнии яростного гнева, затем она закрыла глаза, одинокая слеза скатилась по щеке, когда она от боли затрясла головой.

— Министр,— сказал техник в некотором сомнении, глядя на экран монитора:— Все четко контролируется на данный момент. Но помните...

Айли повелительным жестом прервала его:

— Мне все абсолютно ясно. Теперь у меня для вас есть еще одно — последнее задание. Нужно передать пакет Синклеру Фисту. Вы немедленно доставите ему... и вручите лично в руки.— Она достала из кармана маленький сверток.— Коснитесь кодовой полосы, чтобы он был настроен на вашу биохимию, и идите. Время не ждет.

Техник сделал, как ему было велено, обратив внимание на изменение цвета кодовой полосы, отдал честь и рысью спустился по трапу.

— Пилот? — позвала в комм Айли.— Взлетаем! Нам нужно догнать крейсер.

Техник наблюдал за взлетом десантного судна, щурясь от яркой вспышки двигателей. «Очень странно, что министру понадобились такие изменения в ошейнике». Он повернулся и пошел выполнять полученное задание — найти Синклера Фиста. Но едва он сделал три шага, как пакет, который он крепко держал в руках, взорвался с такой силой, что разбросал куски его тела на десятки метров вокруг.

Синклер выслушал последнее донесение Кэпа о мобилизации и взглянул на глухо кашляющего Мхитшула. Его адъютант внимательно смотрел на мониторы комма командного кубрика десантного судна. Черт побери, неужели ему суждено провести остаток своей жизни в тесных каютах десантных судов?

— Оставайся на связи, Кэп. Ты делаешь великое дело.— Он отключился и развалился в кресле. На мониторе возникло лицо Айли.

Синклер кивнул и с деланным равнодушием поинтересовался:

— Все идет согласно плану? У вас не было проблем с Артой?

— Она в безопасности, лорд Фист, — в душе Айли насмешливо усмехнулась его простодушию.— Чего нельзя было бы сказать обо мне — вы ведь знаете, как она опасна. Поэтому я не собираюсь предпринимать пока ничего. Если не считать того, что надела на нее ошейник. Я уже показала его действие, и теперь она кроткая, как ягненок.

— Ничего не предпринимайте,— Синклер откинулся назад, смутные ощущения, возникшие у него в подсознании, не давали покоя. «А ты, Айли? Почему мне всегда кажется, что ты знаешь гораздо больше, чем показываешь?» — подумал он и вслух сказал:— Я полагаю, что вы уже покинули орбиту?

Айли утвердительно кивнула:

— Мы будем на Реге как раз тогда, когда вы закончите с Седди.

Синклер расправил плечи и наклонился к монитору:

— Замечательно, министр. Мы подождем команды от вас, чтобы вылететь на Регу. Мне очень не понравился бы холодный недружественный прием.

Ее темные глаза сверкнули, и она озорно улыбнулась ему:

— Все будет, как по нотам. Я говорила с Ристой. Она, конечно, не хочет этого делать, но вынуждена подчиниться символу власти. Командир Брактов информировала меня, что будет выполнять все ваши требования. Она также подтвердила, что будет подчиняться вашим приказам, но предупредила, что обо всем этом поставит в известность императора.

— Синклер, сдерживая беспокойство, спросил:

— Это может как-то сдержать проведение седдианской кампании?

— Пока ее протесты пройдут по всем каналам, я уже буду на Реге к тому времени,— с легкой предупредительной гримаской ответила Айли.— Конечно, мне предстоит малоприятное путеше-

ствие под таким ускорением. Но, увы, это неизбежно и необходимо. Тибальт уже получил мое донесение. Так что не волнуйся. Я постараюсь предотвратить все сложности. Тебя и твои войска будут встречать как героев.

— Приятного путешествия, министр Такка.

Ее губы полуоткрылись, глаза казались черными колдовскими омутами, манящими в свою глубину:

— Удачной войны, лорд Синклер. Надеюсь на наше блестящее будущее.— Экран мигнул и погас.

Синклер нахмурился и вернулся в командное кресло. Что за намеки? Глубоко вздохнув, он склонился над картой, но почему-то вспомнил ее последний странно многообещающий взгляд. Она казалась более юной и более привлекательной, чем обычно.

Он растерянно заморгал, устыдившись тому, что посмел так предать память Гретты. И чтобы отогнать всплывающие в памяти глаза Айли, он буквально заставил себя заняться тактическими проблемами разрушения горной цитадели.

Стаффа поднял фонарь и прищурился. Они дошли до конца древнего туннеля. Впереди была серебрившаяся нитями паутины заросшая пылью дверь. Стаффа огляделся, опасливо покосившись на низкий потолок, сложенный из нависающих ребристых камней. Толстый нетронутый слой пыли под ногами говорил о том, что здесь очень давно не ступала ничья нога.

— Вон он,— Кайла вставила код в замок, врезанный в камень.

Стаффа откинул голову назад, глубоко вдохнув затхлый холодный воздух. Как далеко они зашли? Клаустрофобия терзала его уже тогда, когда они шли по коридорам и туннелям, хотя он и отдавал себе отчет, что здесь просторнее, чем в самых больших звездных кораблях. Он пытался убедить себя, что в туннелях гораздо безопаснее, но... каждая трещина в стене смущала его, хотя он прекрасно сознавал, что никакой угрозы здесь они не таят, в то время как куда меньшая трещина в обшивке космического корабля означала бы мгновенную гибель.

— Вот так,— пробормотала Кайла себе под нос и, упершись ногами, изо всех сил толкнула тяжелую дверь. Ничего не получилось.

Стаффа осторожно отстранил ее:

— Давай, я попробую. Подержи фонарь,— предложил он и налег плечом, крякнув:— Сколько лет эту дверь не открывали?

Кайла, едва различимая за фонарем, пожала плечами:

— Кто знает? Бруен рассказывал, что они были здесь с Хайдом пару веков назад.

Стаффа собрал все силы и ударил в дверь, которая затрещала под его тяжестью и чуть-чуть сдвинулась с места.

— Наверное, она немного перекосилась и заклинивает,— заключил Стаффа, изучая дверную перемычку.

— И все же они сумели приоткрыть дверь, Кайла проскользнула в узкую щель, протащила за собой Стаффу и сказала:

— Быстро закрой дверь, сюда не должна попадать лишняя влага.

Стаффа потянул за собой тяжелую дверь, проследив, чтобы она плотно встала на место. Убедившись, что не осталось ни малейшей щели, он повернулся и осмотрел святая святых Седди.

Размеры комнаты были невелики — примерно шесть на четыре метра. Ряды полок из темного дерева полусгнили, пораженные грибком и древоточцами. Стаффа, осторожно ступая, подошел к тусклому шару, который заметил, только внимательно осмотревшись. Шар возвышался на металлическом постаменте в полутемном углу комнаты.

— Тебе знакома эта планета? — подошла Кайла и поднесла ближе фонарь.

— Нет,— ответил Стаффа и крутанул шар, вглядываясь в очертания континентов и пространства, окрашенные в бледно-голубой цвет, что, видимо, означало моря. Пыльная поверхность шара была испещрена трещинами.

— Видишь надписи? Алфавит стандартный.— Стаффа покачал головой.— Ты можешь прочитать?

Кайла пошевелила губами:

— Еиендеиея?Что это за место? Или Кейеней? Ты никогда не слышал о них?

Стаффа еще раз повернул шар, пристально разглядывая пересекающие его линии. Его внимание привлекло очертание Еиндеиенского Окееейена — так ему удалось прочитать одну из надписей — и попросил:— Посвети сюда, пожалуйста.

Луч света упал на поверхность, вспыхнувшую голубым, и сердце Стаффы сжала невероятная догадка:

— Земля,— произнес он благоговейно,— Прогнившие Боги!

— Может, это плод чьего-нибудь воображения? Кто-то сконструировал себе на потеху? — вслух подумал Стаффа.

Закусив губу, он внимательно изучал глобус:

— Нет, это не игрушка. Посмотри на континенты. Посмотри на все названия. Каждое звучит по-разному. Кому могли прийти в голову подобные названия? Что это? Ахухстралеейа? Я думаю, это глобус реальной планеты. Если бы он был кем-то придуман, неужели Седди столько лет хранили бы его в такой тайне вместе с ценными документами? Поместили бы в хранилище чью-то фантазию? Это Земля. Как же мы ошибались, считая ее мифом!

— Но, где же она находится? Может, мы найдем ответ в записях,— предположила Кайла и шагнула к полкам.

Стаффа чуть не зарычал оттого, что она прихватила с собой фонарь. С большой неохотой он оторвал взгляд от глобуса и прошел за ней к пыльным ящикам. Сверху стоял кейс. Все ящики были пронумерованы. Стаффа подошел ближе и разглядел печати на кейсе.

— Странно,— пробормотал он, беря его в руки,— он почти ничего не весит.

Кайла порылась в карманах поясного ремня в поисках инструмента.

— Входя, мы практически не нарушили микроклимат здесь. Может, попытаемся открыть?

— Сначала надо обыскать всю комнату! Нужно просмотреть каждый документ.— Держа в руке невесомый кейс, он пристально посмотрел на Кайлу:— Неужели до тебя не доходит? Ведь это наследие наших предков! Здесь находится разгадка нашего происхождения.

Его возбуждение передалось и ей. Стаффа отнес кейс на стол и отстегнул замки. Они поддались с большим трудом, но крышка откинулась легко. На дне кейса лежала небольшая, размером с ладонь, коробочка. Стаффа бережно вытащил ее, обнаружив, что одна сторона коробочки отошла. Стаффа взялся за вторую ручку и осторожно сдвинул до конца боковую крышку: внутри лежала стопка бумаг с какими-то словами.

Кайла ошеломленно вглядывалась в находку:

— Ты понимаешь, что это?

— Пока не знаю... Алфавит очень похож на наш, но слова? Я никогда не видел раньше ничего подобного. Почему они не использовали гибкую керамику или кубики? Бумага? Ведь на ней так неудобно писать!

— В самом деле,— согласилась Кайла.

Стаффа вздохнул и погрузился в изучение бумаг. Он переворачивал листок за листком, вглядывался в каждую букву. Потом вдруг поднял голову и спросил:

— Послушай, а зачем Бруен отправил нас сюда?

Кайла поднесла фонарь к стене, и его свет упал на ровные четкие строки, высеченные на плоской поверхности камня:

ПРОШЛОЕ — ЭТО ТАЙНА
НАСТОЯЩЕЕ — ЭТО СЕЙЧАС
НАКИНЬ МАНТИЮ
ТЫ — НАСЛЕДНИК

— О, Боже! — шепнула Кайла с благоговейным трепетом.— Ну, конечно!

— Конечно — что? — откликнулся Стаффа, вертя в руках древнюю книгу.

— Бруен знает, что скоро умрет,— печально сказала Кайла.— Он послал нас сюда. Он сделал нас своими преемниками! Наследниками! — она побледнела, глаза затуманились.— Почему именно нас? Почему не... кого-то другого...

— Ответственность. Ох, Бруен, умеешь причинять страдания, — Стаффа закрыл глаза, перед его мысленным взором ясно вырисовался план Магистра.— Опять ирония судьбы, Кайла. Из разрушителя я превращаюсь в спасителя. Твой Бруен толкает меня из бездны греха на путь добродетели.

— Возможно,— она, не отрываясь, смотрела на надпись.— Магистр более милосерден, чем я.

Кайла ладонью смахнула пыль с одного из ящиков, заполненных документами

— Мы здесь, чтоб взвалить на себя бремя наследия. Но как

я могу работать с тобой, Стаффа? Я не в силах забыть, что ты мне сделал.

Он тронул ее за плечо, повернув к себе лицом:

— Мы изучим здесь все. Пересиль себя. Сейчас нельзя выбирать только то, что удобно лично тебе. Перед нами тайна, от которой может зависеть все, абсолютно все. Я не понимаю планов Бруена относительно нас, задумайся, это ли не странно, что он взваливает на тебя такую ответственность так сразу, после твоего долгого отсутствия.

Она поежилась, но промолчала.

Стаффа откашлялся и продолжал:

— Он... ты сама знаешь. Он долгое время беседовал со мной. Он умирает, Кайла. Он знает, что ему осталось мало времени жить, и слишком много возможных преемников дела Седди было убито в тарганской мясорубке, которую он сам придумал. Немногие оставшиеся не готовы взвалить на себя это тяжкое бремя.

— К чему ты это клонишь? — ее лицо стало жестким.

Стаффа помолчал и уверенно отчеканил:

— Он намерен передать тебе руководство всеми Седди.

Она отвернулась и покачала головой:

— Это безумие!

— Разве? Ты считаешь, что Вилм способен взять на себя ответственность? Или Найклос? Назови кого-нибудь, кто смог бы заменить Бруена. Ты прошла через такое, что другого бы сломало навсегда. И у тебя есть опыт сложной политической игры, приобретенный на Майке. Ты чертовски умна, выносliва, терпелива, и у тебя огромное желание выжить. Да, конечно, ты знаешь меня как Звездного Палача, как чудовище. Ты не доверяешь мне, так же как и Бруен, да и все остальные. И ты будешь всегда настороже со мной и с Компаньонами.

— А твоя роль?

— Я контролирую Компаньонов, эту страшную силу Открытого Космоса. Мы можем разделить сферы влияния, Кайла. Ты жила в добродетели, я — в грехе. Пришло время соединить наши силы — седдианскую философию, ум и силу Компаньонов. Вот к чему клонит Бруен.

Кайла вздохнула, стараясь расслабиться:

— Будь ты проклят, Стаффа. Я не хочу этим заниматься. Мне нужно время подлечить раны, сжиться с тем, что со мной произошло. Я не хочу надевать мантию руководителя.

Стаффа проговорил с суровой горечью:

— Иногда нас выбирают за нашу силу, Кайла, отнюдь не за желания.

Она вздохнула и ничего не сказала, отрицательно качая головой.

Стаффа открыл следующий ящик и встревожился, увидев, что стопки бумаги почти истлели. Быстро задвинув ящик, чтобы нечаянно не рассыпать хрупкий прах бумаги, он проговорил:

— Здесь понадобится помощь моих людей.

Она повернулась к нему, лицо ее было мертвенно-бледным:

— Что? Твои люди? Твои кровососы Компаньоны? Здесь?

Стаффа резко отпарировал:

— Кроме всего прочего, среди Компаньонов есть самые выдающиеся умы в Открытом Космосе. Мои техники спасут все это. Сколько, ты думаешь, пролежат эти документы в таких условиях? Глобус сделан из пластика, понимаешь? Пластика! А книга — из бумаги! Это органика, понимаешь? Стопки бумаги в ящиках несут несомненно важнейшую информацию о том, как разрушить Запретные Границы. Ты понимаешь, что случится, если эти ценнейшие документы рассыплются в прах? Ты в состоянии представить ужас такой потери? И чтобы спасти их, я готов на все.

Кайла огляделась:

— А как ты собираешься это осуществить? Думаешь, Тибальт позволит твоим Компаньонам проникнуть в гнездо Седди и сделать эту тайну известной всем?

Стаффа угрюмо сжал губы:

— Ничего, я что-нибудь придумаю. Обещаю,— он помолчал.— И может быть, Тибальт захочет. Все-таки он человек рационального мышления. Надеюсь, он сумеет сообразить, что это такое, и без помощи Айли.

Кайла скрестила на груди руки, мудрая печаль застыла в ее глазах:

— А Седди? Считаешь, что Тибальт забудет все, что случилось? Позволит нам оставаться в Макарте и продолжать проповедовать новую систему понятий?

Стаффа зашагал по комнате. На стенах и ящиках танцевали причудливые тени, когда Кайла перекладывала фонарь из руки в руку. Наконец, Стаффа прервал молчание:

— Сколько же знаний погребено в этой пыли? Я сомневаюсь, что Тибальту придется по душе твое пребывание здесь. Но у тебя всегда есть пристанище на Итреатических Астероидах. И какое тебе тогда будет дело до Тибальта или до Сеззы Второго? Я знаю и верю, что Открытому Космосу очень нужны Седди. Что же останется в Реге, что — в Сеззе? Ничто. Люди всю жизнь крутятся как белки в колесе, возрождая свой мир из праха, в который его превращает война. И снова все сначала. Нет, мы замуруемся здесь, больные, умирающие. Да? Подобно тому, как все человечество замуровано в Запретных Границах? Нет! Я никогда не примирюсь с этим! У нас должны быть другие границы. А у Седди есть возможности вдохнуть новые надежды в человечество,— он сжал кулаки.— У нас должна быть мечта.

Кайла неуверенно усмехнулась:

— Если бы я могла поверить тебе...

Стаффа прервал нетерпеливо:

— Послушай меня...

И тут под ногами дрогнула земля. Стаффа напрягся:

— Что за...

— Землетрясение! — вскричала Кайла, метнувшись к двери.

Стаффа распахнул дверь плечом и вытолкнул Кайлу за порог, в темноту, одним прыжком выскочив следом. За их спиной

торжествующе прозвучал щелчок захлопнувшегося замка двери. Они остались в темном узком туннеле. Тишина казалась ощутимо угрожающей. Стаффа протянул руку, нащупывая стену.

— Господи, так похоже на трубу в пустыне, Стаффа,— шепнула Кайла с дрожью в голосе.

Стаффа решительно перебил ее:

— Пойдем!

Они осторожно, касаясь то рукой, то плечом каменной стены, двинулись в обратный путь, но не прошло пяти минут, как скала перед ними резко содрогнулась и раскололась на куски. Второй толчок был еще ужаснее: раздался жуткий треск камней, сверху посыпался град осколков, с пола взметнулась туча пыли.

Стаффа гаркнул:

— Бегом!

На восточном горизонте Тарги из-за горных цепей вставало солнце, пронизывая воздух кроваво-красными лучами и окрашивая скалы багрянцем. Легкий ветерок ворошил кроны раскидистых деревьев, растущих на гребнях гор, морщил рябью озерную гладь в долинах. Караван облаков, медленно плывущих на запад по ярко-синему небу, светился оранжево-красным заревом в пронзительной голубизне. Скалы отбрасывали ломаные иссиня-черные тени, постепенно бледнеющие в лучах наступающего утра. Прохладный с ночи воздух чуть-чуть пощипывал ноздри.

Синклер сидел у базальтовой скалы на вершине горы, опираясь спиной о ствол сосны, корявый и пахнущий янтарной смолой. Вокруг расстилался ковер из сосновых иголок, толстым слоем укрывающих почву. Из трещин в скалах свисали клочья сухой травы, легко колеблемые утренним ветерком. Синклер поднял ветку с земли и принялся обрывать иголки, обламывать мелкие сухие веточки. Потом так же методично стал сдирать кору ногтем большого пальца. Вскоре Синклер услышал крадущиеся шаги за спиной, но не обернулся, хотя и не знал, кто это осторожно приближается к нему.

Шаги остановились рядом. Синклер отбросил ветку и поднял глаза.

— С тобой все в порядке? — мягко поинтересовался Макрудер.— Мхитшул в панике, потому что, зайдя в твой бункер, увидел его пустым. Он решил, что Седди убили тебя.

Синклер глубоко вздохнул и откинул голову, ощущая затылком толстую корявую кору соснового ствола. Ветерок шуршал, играя в густых кронах деревьев.

— Все в порядке, Мак. Я просто хотел посидеть и подумать в тишине.

— Хочешь, чтобы я ушел?

Синклер нахмурился, вертя в руках очищенную палку:

— О, даже не знаю.

Мак сделал еще один шаг и присел на корточки рядом с Синклером:

— Ты плохо выглядишь. И голос у тебя что-то не очень веселый.

— А чему радоваться? — и поскольку Мак промолчал, Синклер продолжил:— Я устал, Мак. И запутался. Я потерял точку опоры, равновесие. А все это, несомненно, было, когда мы... ты, я и Гретта...— Он отвернулся, глядя вдаль, стараясь перевести дыхание, чтобы успокоить бешено стучащее сердце.

Макрудер с нескрываемой грустью пожал плечами:

— Ты не в состоянии ничего изменить, Синклер. Людей убивают на войне. И даже тех, кого мы любим, тоже убивают. Ты знаешь это. Вот так все и всегда идет во Вселенной.

— Почему? — глухо спросил Синклер.— Кому это нужно? Людям? Богу?

Макрудер подобрал колени, повел головой, рассматривая долину, расстилающуюся перед ним. Солнце окрасило горные вершины, а внизу долина оставалась скрытой пурпурными тенями. Белокурые волосы его переливались в охряном свете, лицо было задумчивым.

— Я не знаю. И не думаю, что кто-нибудь знает. Я тоже любил ее, Синклер. Я очень бы хотел... очень хотел, чтобы она вернулась.

— Да,— перед Синклером встал образ смеющейся Гретты, ее глаза обнимали его голубым цветом любви, они искрились от счастья. Он задохнулся от боли, пронзившей его сердце. И не сумел удержать набежавшие слезы. Когда он, наконец, страшным усилием воли сумел овладеть собой и глянул на Мака, то увидел, что тот тоже утирает слезы и шмыгает носом.

— Мы чертовски веселая парочка, а? — спросил Синклер, высморкавшись в какую-то тряпочку, завалявшуюся в кармане.

Макрудер потер покрасневшие глаза и буркнул:

— Мы обычные люди, я так думаю. Пришло и нам время выплакаться и попечалиться.

Синклер поднял упавший прутик и стал рассматривать гладкую поверхность, очищенную от коры.

— Синк? — неуверенно спросил Мак,— что происходит? То есть, я хочу сказать, ты проводишь слишком много времени с министром Айли Такка. Ты сам не свой. Ты... какой-то другой. Я очень беспокоюсь.

Синклер успокаивающе протянул к нему руку:

— Все будет в порядке. Я просто устал. Скорбь творит странные вещи с головой. Может, я попрошу Анатолию Девиуру, когда мы вернемся на Регу... узнать, что в точности происходило. Может, я найду причину тому, почему я не могу себя ощущать свободным.

Макрудер покачал головой в некотором недоумении:

— Мы же в безопасности, правда? Я имею в виду Регу? Император ведь не собирается отдавать приказ о нашем аресте или что-нибудь в этом роде?

— Нет,— Синклер поднял брови.— Айли собирается сделать из нас героев, а потом мы снова отправимся на войну против сеззанцев.— Он смотрел на своего друга затуманенными глаза-

ми.— Оказалось, что мы единственная надежда на спасение для империи Реги. Поэтому вначале мы покончим с Его Святостью Сеззой Вторым, а потом возьмемся за Компаньонов. И когда все это закончится, мы сможем жить в свое удовольствие, каждый получит, что захочет, все наши желания сразу исполнит благодарное человечество.

Макрудер внимательно посмотрел ему в лицо:

— Ты раньше никогда не говорил с такой горечью.

Синклер криво усмехнулся:

— У меня до сих пор не было времени задуматься. Мы были слишком заняты, помнишь? Слишком много народу старалось убить нас.

Мак покусывал ноготь большого пальца:

— И министр Такка?

— Я скорее поверю цитеанской кобре, чем ей.— Синклер похлопал прутиком по колену:— Мы нужны ей сейчас, может даже больше, чем она нужна нам. Рега и Сезза на пороге войны. Мы — случайный фактор, изменивший весь сценарий. Но, Мак, будь очень осторожен с ней. Думай, что говоришь.

Макрудер ядовито усмехнулся:

— Ты что, считаешь меня последним идиотом? Мне она не понравилась с того момента, когда я впервые увидел ее.— Мак поколебался, тяжко вздыхая.— Синк? Что ты станешь делать, если она попытается тебя соблазнить?

— Когда она что?

Макрудер засуетился:

— Ладно, ты же слышал меня. Я понимаю, что ты, наверное, не придаешь этому значения, но присмотрись. Да, Айли ведет себя вполне пристойно, очень даже благоразумно. Однако приглядись, как она смотрит на тебя, как ловит каждое твое слово. Я бы, может, и не обратил внимания, но Мэйз, как истинная женщина, заметила. Однажды она мне об этом сказала, и тогда я тоже увидел.

Синклер равнодушно махнул рукой.

— И все-таки я буду тебе время от времени напоминать об этом.— Макрудер покачал головой.— Ладно, сейсмические заряды доставлены. Думаю, мы готовы взять Седди.

Синклер кивнул:

— Ну что ж, так и сделаем.

Легко нахмурившись, Макрудер заметил:

— Перед боем ты обычно выглядишь веселее...

Синклер пожал плечами, наблюдая как солнце опускается в долину.

— Мне очень грустно, Мак. У меня плохие предчувствия, вот и все. Мне нужно много времени, чтобы ушла боль от утраты Гретты, мне хочется уехать куда-нибудь, побыть одному, подумать. Понимаешь? Можешь понять?

Макрудер тепло улыбнулся:

— Я понимаю. Я думаю, тебя каждый поймет. Но что-то еще гнетет тебя?

Синклер отбросил прутик и проследил за его полетом:

— *Я никогда не рассказывал тебе правду о своих родителях, Мак. Они были убийцами-террористами. Седдианскими убийцами. Я никогда не видел, не знал их, но я полагаю, что они были такими же, как Арта Фера.*

Макрудер, не скрывая удивления, спросил:

— И ты только поэтому решил покончить с Макартой?

Синклер встал, отошел в сторону, пряча глаза:

— Подумай, что они натворили здесь на Тарге, вспомни о тех людях, которых они убили и во имя чего? Они даже не соизволили послать своего Бруена для переговоров об окончании войны. Что это за люди, которые могут спокойно спать ночами после того, как превратили в чудовище Арту Фера и, может быть, и моих родителей? Пришло время, Мак. Если мы должны принять единственно верное решение, то сейчас самое время. Потом мы, если останемся в живых, сможем очистить всю Регу.

— Какая невероятная задача, Синк,— Мак потянулся и встал, отряхивая пыль с колен.

Синклер спокойно смотрел на него:

— О, я не знаю. Мы стали такими, что выполняем невероятные приказы и решаем невероятные задачи, ты не находишь? Я хочу поставить все точки над «I», Мак. Давай посмотрим, какое наследие мы сумеем оставить. А Седди — это первая болезнь, которую я хочу искоренить.

Кайла мчалась, как испуганная лань, по скалистому туннелю. Лампы странным и роковым образом гасли перед ней, едва она приближалась. Стаффа несся следом, опасаясь наткнуться на камни, и все-таки несколько раз задел за выступы скал так, что плечо не переставало ныть.

Он уже не чуял под собой ног, когда раздался третий толчок.

— Это не землетрясение! Это бомбардировка! Сейсмические гравитационные заряды!

Четвертый удар заставил их остановиться, и они услышали, как гром раскатистым эхом прокатился вниз по туннелю, постепенно затихая в далеких глубинах.

Они выскочили в нижний коридор — и густой, почти осязаемый мрак окружил их. Неожиданно послышался мужской голос, говорившего не было видно:

— Мы отрезаны! У нас нет энергии — каналы разрушены!

Кайла повернулась, уставясь на Стаффу. Он достал свой бластер и направил его в сторону единственного выхода.

— Что ты делаешь? — закричала Кайла, когда он выстрелил прямо в туннель. Она схватила его за руку, но Стаффа вырвался и выстрелил еще два раза.

— Ты... Ты... Что ты наделал? — в голосе Кайлы звучали безнадежность и страх.

Стаффа дотронулся ладонью до ее плеча, резко повернул к себе и пристально уставился ей прямо в глаза:

— Как только они разрушат защиту, сразу же будет захвачено

это хранилище, мастер Дон. Ты что, хочешь, чтоб они обнаружили его?

Она смотрела на него с изумлением, потом покачала головой.

— Нам нужно скорей добраться до Бруена. Нельзя напрасно терять время! — Он отвернулся, отыскивая путь уже немного привыкшими к темноте глазами.

— Сюда! Нам сюда, Стаффа,— Кайла показала рукой — где-то вдали мелькнул слабый отблеск света. И побежала. Стаффа перестал шарахаться от стен и пригибаться — новый туннель был более просторен. Изредка им попадались обломки скал, преграждающие путь, пыль клубилась в слабых лучах света. То там, то здесь обрушивались глыбы, и Стаффа едва успевал оттолкнуть Кайлу и отскочить сам. То и дело мимо них пробегали перепуганные мужчины и женщины, держа в руках фонари. Отовсюду раздавались стоны, крики и зов о помощи. Стаффа едва не споткнулся и только в последнее мгновение успел перепрыгнуть через мужчину, лежащего лицом вниз в луже крови, с раскроенным черепом.

Кайла на мгновение замерла, огляделась и бросила через плечо:

— Направо! Так короче!

Стаффа повернулся, сделал шаг и остановился, как вкопанный,— туннель был наглухо завален. Чертыхаясь, он вернулся, схватил Кайлу за руки и побежал, перепрыгивая через груды камней, валявшихся на полу.

— Еще... один такой... выстрел...— задыхаясь, пробормотал он,— и это все провалится в тартарары.

— Бруен!— вскрикнула Кайла, когда они завернули за угол. Старого Магистра выносили из бокового ответвления туннеля, лицо его было перепачкано кровью.

Магистр махнул им рукой:

— Успокойтесь, дети. Это был глупый кусок скалы. А раны на голове всегда ужасно кровоточат.

— Как входы с поверхности? — спросил Стаффа.— Они разбомбили их с орбиты?

Вилм, склонившийся над Бруеном, чтобы закрепить стягивающим пластырем рану, поднял голову:

— Нет еще. Мы думаем, что они перерезали туннели, ведущие в Каспу, Веспу и в Декер. А это значит, что они скоро будут здесь.

Стаффа щелкнул пальцами, сжал их в кулак:

— Тогда у нас пока есть шанс. Вилм, Кайла, соберите людей и раздайте все оружие, какое есть. В туннелях не должно остаться никого. Мы попытаемся прорваться наружу. Если они применят сейсмический удар, мы просто погибнем под обрушенной толщей земли. Помолитесь, чтоб нам удалось вырваться.

— А что нас ждет там, снаружи? — горячо и требовательно поинтересовался Вилм.

Стаффа отер выступивший на лбу пот:

— Это покажет разведка. У вас есть военные комбинезоны?

— Три комбинезона,— ответил кто-то позади него.

— Вилм, Кайла, идите! — приказал Бруен, махнув рукой и забирая пластырь у Вилма.— Делайте, как говорит Стаффа. Он, может быть, спасет нас.

Стаффа взглянул на Бруена с безжизненной улыбкой:

— Любезность, а, Магистр?

— Возможно, Лорд Командующий,— поморщился Бруен.— Я слишком стар для революций. Мы с Хайдом должны были понять это.— Он взглянул из-под наклеенного пластыря:— Почему они не запечатали нас тут, как крыс? Разве это не в их силах?

Нахмурясь, Стаффа спросил:

— А с поверхности можно как-нибудь определить положение Макарты?

— Никак. Все выходы похожи на обычные обнажения пород.

Стаффа приподнял Магистра с пола, удивляясь его легкости:

— Значит, они не знают, куда точно стрелять. Есть три основных туннеля для бегства, так? Первый удар был сейсмическим и разведывательным — перед взрывом они опустили вниз геофоны. И, произведя взрыв, точно определили местоположение основных туннелей. Зная это, им понадобилось бы по одному выстрелу на каждый туннель. Но они не станут разрушать основные пещеры, пока точно не узнают, с чем им придется столкнуться.

Бруен нахмурился:

— Это может значить, что по каким-то причинам они не хотят трогать Макарту.

Лицо Стаффы стало угрюмым:

— Похоже, им нужны пленники. Если им удастся захватить кого-нибудь вроде вас живым, то мозговое зондирование и митол откроют им все седдианские секреты. И тогда они смогут сокрушить всю вашу шпионскую сеть, изловить людей типа Тиклата. И нет никакого сомнения, что они покончат с Седди раз и навсегда.

Бруен устало прикрыл глаза. Потом прошептал:

— Ты собирался проверить...

Следуя указанному Бруеном направлению, Стаффа вышел на площадку, поросшую папоротником, настолько густым и высоким, что солнце еле пробивалось сквозь него. И тем не менее Стаффа заморгал, щурясь от яркого света после кромешной тьмы. Над площадкой нависала отвесная стена. Невысокая ограда, больше похожая на беспорядочно набросанные обломки камней, протянулась вдоль края площадки, обрывающейся в долину. Позади Стаффы в черном зеве туннеля сгрудились люди, не решаясь выйти наружу.

Стаффа внимательно осмотрелся прислушался — где-то вдалеке раздавался приглушенный расстоянием рев двигателей десантных кораблей. Еще раз внимательно оглядевшись, Стаффа, пригибаясь, пробрался сквозь заросли к краю площадки и распластался рядом с мужчиной, осматривающим сквозь линзы скопа подступы к их убежищу:

— Что там видно?

— По долине продвигаются около трехсот солдат,— ответил тот.

— И тут внезапно в долине у подножья горы раздался нарастающий топот — из-за утеса вынесся охваченный дикой паникой табун лошадей. Сметая все на своем пути, ломая невысокие деревья, храпя и грохоча копытами по каменным плитам, лошади мчались, не разбирая дороги. Потом табун вдруг заметался из стороны в сторону и разделился — часть поскакала вперед по долине, остальные повернули назад.

— Можно побиться об заклад, что если этот Синклер настолько умен,— ответил Стаффа,— то он, наверняка, уже захватил туннели и гроты под нами.

— Что же мы будем делать? — раздался сзади голос молодой женщины.

Стаффа обернулся, встретив вопросительные взгляды людей, наконец решившихся выбраться из-под свода туннеля на площадку. Он помолчал, пристально разглядывая их лица, потом спросил:

— Кто-нибудь из вас раньше участвовал в схватках с Фистом?

Вперед выступил юноша в робе Посвященных:

— Я, сэр.

Он был очень молод, и Стаффа, поколебавшись, спросил:

— Как он располагает свои отделения перед боем?

— Он вообще этого не делает,— отозвался Бруен, которого вынесли из туннеля и усадили под скалой.

Стаффа обернулся к нему — старик сидел с повязкой на одном глазу, другой странно сверкал.

— Фист перевернул все правила ведения войны точно так же, как это сделали когда-то вы, Лорд Командующий.— Наступила тишина, и стало слышно тяжелое дыхание сгрудившихся людей. Похоже, мало кто знал, что к ним в Макарту прибыл сам Звездный Палач. По толпе пронесся осторожный шепоток.

Бруен продолжал:

— Фист использует малые независимые группы, каждая решает свои собственные задачи. Отделение объединяет группы и отдельные задачи, которые в свою очередь складываются и составляют общую, конечную цель дивизии. В отличие от реганцев Фист отправляет своих командиров в бой вместе с солдатами, чтобы они вдохновляли их своим примером. Результаты потрясающие — командиру на месте легче ориентироваться, разобраться в самых сложных ситуациях, скорректировать действия. И Фист никогда не будет колебаться, если возникнет необходимость заменить некомпетентного командира способным офицером. Успех достается ему по заслугам.

— Очень похоже на Компаньонов,— Стаффа в недоумении пожал плечами.— Они все хорошо обучены?

— Они разгромили пять дивизий ветеранов,— напомнил ему парень с угрюмым взором.

Стаффа пригнулся, когда тяжелый бластерный удар пронесся прямо над ним.

— Немедленно все назад! — приказал он.— Они наводят на цель через тепловизоры.

Люди, не теряя времени, отступили в грот.

— Еще есть выходы? — спросил Стаффа.

— Еще два,— вздохнул Бруен,— похожие на этот, и они все, наверное, заполнены людьми. И тепловизоры их, конечно же, обнаружат. Надо отдать приказ отступить поглубже в пещеры. Скалы прикроют и от тепловизоров, и от прямого обстрела. Хотя бы на первое время.

Стаффа, хмурясь, собирался с мыслями:

— Мэг Комм контролирует Макарту? Но сейсмические удары могли причинить ей вред.— Он вскочил, когда возле входа взорвался очередной бластерный заряд, вздымая тучи пыли и обломков скал.— Мне нужна связь с другими выходами. Магистр, отправьте гонца туда. Кроме того, мне нужны хорошо вооруженные ветераны для охраны входов.

Бруен махнул рукой мальчику, который немедленно сорвался с места и исчез в темном гроте:

— И что потом, Лорд Командующий? Мы можем послать команды для работы в заблокированных туннелях. Мы сможем удержать выходы, но что мы скажем, если будет очередная орбитальная бомбежка? Сможет ли гора выстоять?

— Соберитесь в пещерах, которые ваши геологи считают самыми устойчивыми и надежными,— приказал Стаффа.— Это все-таки какой-то шанс. Еще мне нужно быстро скоординировать защитные возможности. Любая наша вылазка — это возможность для врага немедленно нас обнаружить. И я думаю, Фист не удержится от соблазна обрушить на нас всю мощь, чтоб разом со всем покончить. Поэтому нас может спасти только маневренность, а для этого нужно сделать все, что я сказал.

Бруен тяжко вздохнул:

— Но сумеем ли мы так быстро сделать все, что тебе нужно?

Стаффа сухо рассмеялся:

— Надо суметь. Мы заперты. И нам надо попытаться.

Он бросился плашмя на землю, как только раздался взрыв, и обломки скал с тучами пыли градом обрушились вниз. Казалось, свет померк.

— Похоже, они ударили дальнобойными пушками,— проговорила сидевшая рядом с носилками Бруена женщина, стирая с лица кровь.

Стаффа закашлялся от пыли, забившей горло, и кивнул:

— Вот поэтому мы не можем высунуть и головы,— он поднялся и шагнул к входу в туннель. Посторонившись, пропустил троих мужчин, выбежавших с бластерами наизготовку, и приблизился к Бруену. Вглядевшись в его почти безжизненное лицо, Стаффа сказал:

— Магистр, если вы сможете идти, то пойдемте, мне нужно увидеть схематические планы Макарты. Если они перекроют все выходы, то, может, мы сумеем проделать новые там, где они даже не заподозрят.

Бруен медленно привстал, Стаффа помог ему и, продолжая поддерживать его под руку, последовал за мужчиной, несшим переносной фонарь. На половине пути лампы замигали, потускнели. Откуда-то подул ветер, подымая смерчи пыли.

Бруен, переведя дыхание, сухо заметил:

— Видимо, Мэг Комм принялась за работу. Несмотря на все наши беды, я уже было обрадовался, что эта машина мертва. Видимо, преждевременно.

Стаффа кивнул, поворачиваясь к ближайшему комму:

— Соедините меня со входами.

Один за другим охрана выходила на связь:

— Говорит Вилм. Они обстреляли тяжелой артиллерией каждый выход. Они здорово нас потрепали, я так думаю.

Стаффа снова кивнул:

— Продолжайте наблюдение. Они попытаются взять вас одним сконцентрированным ударом. «А если нет?»

Он взглянул на Бруена:

— Магистр, мне нужна схема туннелей. Ваш Фист далеко не дурак. Он помнит, что находится на шахтерской планете.

— Ну, конечно, Тарга — в самом деле планета шахт. Но что вы имеете в виду? У нас есть собственное оборудование. Я уже послал людей на расчистку туннелей,— пробурчал Бруен, сверкнув глазом из-под повязки. Потом переспросил:

— А что вы имели в виду, говоря о Фисте?

Стаффа пояснил, стараясь говорить коротко:

— Если бы я был на его месте, я бы не пытался проникнуть через входы. Хотя это, на первый взгляд, прямой путь. На самом деле он и вправду прямой — но к безусловной гибели множества собственных солдат. Я бы поступил иначе: отвлек внимание защитников, имитируя подготовку к штурму. А тем временем пробурил бы новые ходы и проник в покинутые пещеры Макарты.

Бруен испытующе посмотрел на него:

— Как вам это пришло в голову?

— Магистр, я умею делать выводы из известной мне информации. А ваши люди рассказали о Фисте и его тактике немало. Если бы он не был более гибок и изобретателен, чем другие реганские офицеры, люди Ристы давно стерли бы его в порошок. Принимая это во внимание, как бы вы, стараясь сберечь своих людей, попробовали захватить Макарту? Полагаю, что он так и поступит, как я вам говорил,— Стаффа покачал головой, глаза его сузились:— Если я ошибаюсь, то мы через день-другой будем вышвырнуты отсюда. Но если я прав... нам предстоит чрезвычайно эффектное и интересное сражение, Бруен!

— Быстро,— Бруен подтолкнул одного из Посвященных,— обследуйте геофонами пласты, близкие к поверхности.— Он отвернулся к комму:— Каскел? Драд? Фрикс? Доставьте сюда наше оборудование.

Стаффа склонился над монитором и нахмурился, рассматривая макет Макарты. Едва ощутимая вибрация прошла по стенам туннеля.— Очень хорошо, Синклер Фист,— шепнул он, ощущая

присутствие своего противника сквозь скалы.— Это была атака? Или уловка, чтобы отвлечь наше внимание сейсмическим взрывом?

В коридоре появилась Кайла, ее глаза были мрачными, она сжимала бластер в одной руке.

— Освободите комнату! — приказала она людям, набившимся в тесное помещение.— Я хочу, чтобы здесь остались только мастера.— И, подумав, пока приказ был выполнен, продолжила:— Нам нужно обсудить две детали: работа с врубовой машиной, медицинская помощь, заготовка продовольствия. Давайте начнем!

Стаффа едва слушал ее, его глаза были прикованы к скале над головой. Раздался еще один слабый толчок.

— Что это, Стаффа? — спросила Кайла, придвигаясь поближе к нему.

— Как на Силене,— шепнул он.— Мы применим тактику, какую использовали они на Силене. Горные комбайны против горных комбайнов: прорубающие и контр-прорубающие. Нам также придется удерживать эти три входа — он может попытаться напасть в любое время, как только почувствует нашу слабину.

Скайла подошла совсем близко и, понизив голос, сказала:

— Но мы не сможем победить.

— Да,— мягко ответил он.— Мы не сможем победить. Не сейчас.

Ей стало очень горько.

— Все, во что я верила, находится здесь.

— Мы пока не умерли,— проворчал Бруен,— Стаффа что-нибудь придумает.

Стаффа стиснул зубы, раздумывая над безнадежностью сложившейся ситуации. Его ждало неизбежное поражение. Это бесило его, хотя он признавал неизбежность. Но сдаться?! Нет.

— Айли действует вместе с Фистом. Если мы сдадимся на их милость, наша смерть будет мучительной.

— Я умру здесь,— проскрежетала зубами Кайла.

— О сдаче не может быть и речи,— поддержал ее Бруен,— потому что, сдавшись, мы приговорим всех Седди, разбросанных по всему свету. Итак, что мы будем делать, Лорд Командующий?

Стаффа ощущал, как нарастает еще неясное предчувствие, и резко бросил:

— Мы заставим их дорого заплатить за это, Магистр. Стаффа кар Терма не отдаст так просто свою жизнь.

— У Фиста всегда под рукой орбитальные корабли, и они будут действовать по его первому приказу,— напомнила Кайла.— Если мы будем упорно сопротивляться и нанесем им серьезный урон, Фист может решить просто похоронить нас тут. Сколько гравитационных импульсов сможет выдержать эта гора?

Бруен неохотно пробормотал:

— Два, может быть, три. Потом остатки Макарты рухнут и погребут тех, кто остался в живых.

Синклер вышагивал перед считывателем сейсмического компьютера. Повсюду виднелись белые одежды горных техников,

суетящихся возле раскалившихся от бесконечной работы мониторов. Синклер доставил их сюда из главных горных компаний, работающих на Тарге, вместе с ними он реквизировал и все необходимое оборудование. Он посмотрел в открытую дверь переносного полевого командного пункта на высящиеся громады гор Макарты, освещенные полуденным солнцем. Компьютеры вокруг него лихорадочно обрабатывали информацию, полученную от геофонов с десантных судов.

— Долго еще?

И будто в ответ загудел портативный компьютер. Техники пошептались между собой, потом один посмотрел вверх и сказал:

— Мы спроектировали в голографическом контуре, сэр.

Синклер повернулся. Голопроектор загорелся красными и зелеными тонами, потом трехпроекционное изображение сформировалось и стабилизировалось. Знакомые очертания гор Макарты скрывали систему туннелей, образующих лабиринты. Сама гора была зеленого цвета, туннели и шахты были окрашены в ярко-рубиновый.

— Отлично,— похвалил Синклер, наклоняясь поближе, чтобы лучше видеть.— Значит, здесь, здесь и здесь их единственные выходы на поверхность. А что насчет их разрушенных выходных туннелей?

— Мы заблокировали три километра линии, ведущей к Каспе,— ответил техник,— шесть километров в туннеле, ведущем к Веспе, и около девяти километров блокировано в комплексе Декера.

Синклер рассматривал голографическую схему и просчитывал свои возможности:

— Следовательно, в ближайшее время они не смогут выбраться?

— Да, сэр,— инженер Шестого Горного корпуса Джей поскреб в затылке.— Там полуобвалившаяся кровля, и вам нужно будет ставить крепления, чтобы она не обрушилась на вас.

Синклер, обрадованный таким поворотом дел, повернулся к боевому компьютеру:

— Мак, ты слышишь?

— Я здесь, Синк,— послышался голос Макрудера.

— Заметны какие-то движения?

— Никаких. Мы не произвели ни единого выстрела. У них забавная самоуверенность, ты не находишь?

Синклер ударил костяшками пальцев по дверной раме, продолжая рассматривать горы Макарты:

— Может быть. Давай заставим их обнажить шпагу, тогда поглядим, самоуверенны они или деморализованы. Пошли три отделения для нанесения удара по входам. Пусть атакуют с ходу. Напомни всем, чтобы соблюдали максимальную осторожность, Мак. Остальных людей отправь на горный выступ. Можно побиться об заклад, что оттуда самый доступный вход в туннель. Мы разобьем там лагерь.

— Понял. Мы отправляемся, Синк.

Синклер повернулся к горному технику:

— Это вы хотели нам рекомендовать, не так ли?

Техник подошел поближе к голографической схеме и показал на темное пятно:

— Мы сможем сделать расширение вправо,— он посмотрел через плечо и скомандовал компьютеру:— Подай нам геологию.

На голокарте появились разноцветные изображения.

— То, что вы видите здесь,— объяснил техник,— это действующая геологическая структура горы. Желтым окрашены разломы, темно-зеленым твердые породы скальных обнажений. Голубой указывает на интрузивный базальт. В том месте, где вы хотите войти, не будет никаких проблем. Видите? Здесь нет неустойчивых пород, нуждающихся в опорах, и это всего в пятидесяти метрах от их верхней галереи. Пробить штольню не составит особого труда.

— Неплохо,— Синклер обошел вокруг изображения и показал на нижнюю галерею.— А здесь как? Этот маленький туннель, ведущий в сторону? Наши могут нечаянно завернуть туда. И еще люди могут разделиться: часть сюда, а часть сюда. Этот путь ведет и наверх, и вниз в главную галерею.

Техник наклонился поближе, чтобы опытным глазом окинуть картину и представить структуру горы:

— Конечно, мы изменим угол, обойдем разлом в этом месте, даже не понадобится много бурить — трещины в породе очень облегчат проходку. Никаких проблем, это всего около ста метров.

Синклер, довольно щурясь, спросил:

— Сколько времени это займет?

— Все зависит от того, какого сечения штольня вам нужна,— техник посмотрел на Синклера и развел руками,— чем шире диаметр бура, тем больше времени это займет. Нужно будет расплавить, разрезать и убрать достаточно большой объем породы. И чем шире будет штольня, тем она будет менее прочной, учитывая, что вы хотите стрелять оттуда.

— А узкий туннель тактически неудобен,— напомнил Синклер.

— Вы, как эксперт, что посоветуете?

Техник почесал в затылке, нахмурив брови:

— Полтора метра шириной и два метра высотой?— Думаю, это приемлемый вариант.

— Два метра на два метра,— отрезал Синклер, раздраженный явной попыткой техника перестраховаться.— Итак, сколько времени нужно?

Техник снова посмотрел через плечо. Помощник уже ввел данные в компьютер:

— Семь часов.

— Вперед! — приказал Синклер.

Он снова и снова смотрел на горы, где прятались Седди, пока техники готовились к штурму гранитной твердыни. Снаружи доносились визг и вой тяжелого горного комбайна и врубовой машины, подползающих к горному выступу.

Синклер повернулся и вышел посмотреть на кроваво-красные

лучи заходящего солнца. И снова подумалось ему, что любящие голубые глаза Гретты ласково смотрят на него.

— Значит, ты считаешь, что у нас есть шанс? — Кайла подняла голову от карты горного района.

Казалось, что воздух в комнате искрит от напряжения, и скалы стен ощутимо давят своей массой. Стаффа ощущал это всем своим существом, но старался сдержать раздражение. В желтом свете ламп кружились медленно оседающие на деревянный стол и расстеленную карту пылинки. Старинная, пережившая не одно столетие мебель была сдвинута в угол. Возле входа собралась группа Посвященных, напряженно вслушивающихся в разговор, доносившийся из глубины комнаты.

Стаффа механически потер подбородок, не отрывая глаз от карты:

— Это зависит от того, удастся ли нам избежать орбитальной бомбардировки или нет. Постараемся заставить их вести себя так, как нужно нам.

— Как? — спросила Кайла.

Стаффа в двух словах пояснил:

— Дадим им выбор.

— Хвала Господу, — пробормотал Бруен. Измученный, он сидел в кресле, тяжело дыша. Жуткая рана на его лбу заставила Кайлу содрогнуться от жалости.

— Вам лучше пойти отдохнуть, Магистр, — вполголоса проговорила Кайла и, повернувшись к Посвященным, добавила: — Отнесите Магистра в антиграв и отвезите в безопасное место.

— Со мной все в порядке! — проскрипел Бруен, стараясь держать голову прямо.

Стаффа повернулся и с улыбкой сказал:

— Вы сделали достаточно, Магистр. Все, что нам осталось — это ждать, что они предпримут. Тогда нам понадобится ваш острый ум. Идите, отдохните. Обещаю, мы вас известим о любых изменениях и новостях.

Бруен переводил взгляд с Кайлы на Стаффу и, ощутив их непреклонность, сдался, слабо махнув рукой:

— Ладно...

Посвященные, осторожно приподняв Магистра, вынесли его

Стаффа вздохнул и покачал головой, провожая глазами носилки, и проговорил словно про себя:

— Молюсь, чтобы мне удалось сохранить такую энергию, если суждено дожить до таких лет.

— Что я слышу, Лорд Командующий? Какая необычная мягкость в вашем тоне! — со скрытой иронией кротко поинтересовалась Кайла.

Он встряхнулся и огляделся:

— Он настоящий лидер. Я очень жалею, что не знал его раньше. Ладно, вернемся к делам. Наладили ли комм для связи с глубоким космосом? Можем мы соединиться отсюда с Итреатой или Регой?

Кайла мотнула головой:

— Нет, эта линия была перебита, когда они разбомбили каспанский туннель. Что ты задумал?

Стаффа присел на стол, обхватив себя за плечи:

— Я надеялся дать знать Скайле. Я очень беспокоюсь о Компаньонах. Не хотелось бы, чтобы для них явилось внезапным нападение Реги. Если бы я мог связаться с Итреатическими Астероидами, то Скайла...

Сердце его сжалось так, что он на мгновение задохнулся, представив невозможное: если бы он мог обнять ее, заглянуть в колдовские глаза еще раз и ощутить прикосновение ее рук. Он вспомнил их единственное объятие в пакгаузе на Этарусе. А теперь только смерть глядела в его глаза из каждой тени, и ему подумалось, что то единственное недолгое мгновенье останется в его памяти до самого конца. Скайла, Скайла...

— Что с тобой,— сухо позвала Кайла.— Ты выглядишь так, будто выскочил из преисподней.

Стаффа неохотно ответил:

— Думал о Скайле. Я был так занят... не было времени...

— Лорд Командующий,— юная белокурая девушка, Посвященная, вбежала в комнату.— Лорд Командующий! Мы нашли их. Они бурят, сэр. Прокладывают туннель.

Стаффа коротко спросил:

— Где?

Кайла подвела девушку к схеме. Та внимательно вгляделась и ткнула пальцем в продолговатое пятно:

— Здесь мы ощутили первый толчок. Похоже, они прокладывают туннель в эту сторону.

Стаффа провел стилусом по указанному девушкой маршруту. Если они пробьют штольню в этом месте, то она сначала приведет их к большой галерее — Учебному центру. А потом — в недра комплекса, расположенные ниже. Стаффа проследил каждый из нижележащих ярусов.

— Отлично, Синклер Фист, мы с тобой мыслим в одном направлении.— Стаффа обернулся, глядя на молодую девушку.— Сколько им понадобится времени, чтобы проложить этот туннель?

— Зависит от размера штольни. Чем больше диаметр бура...

Стаффа перебил:

— Минимальное время для малого отверстия?

— Пять часов, предположительно,— девушка неуверенно пожала плечами, лицо ее выдавало нервное напряжение.— Зависит от того, используют ли они торцевой зенкер или звездообразный двигатель...

Обернувшись к Кайле, Стаффа бросил:

— Пойдем, нам понадобятся инженеры. Попробуем заблокировать туннель, ведущий в Учебный центр. Постараемся, чтобы это выглядело, будто так должно быть на самом деле, ты слышишь?

Кайла, поняв с полуслова, бросилась к выходу. Стаффа шагнул за ней.

Командир Риста Брактов расхаживала в гневе по капитанскому мостику «Гайтона». Офицеры, работавшие с ней многие годы, знали ее привычки, и еще лучше знали ее ярость. Они низко склонили головы над своими пультами, стараясь не встречаться с ней глазами. Первый офицер тяжело и обессиленно опустился в кресло с ментошлемом на голове.

Главный монитор высвечивал молодое лицо Синклера Фиста. Позади возвышались горы, испещренные яркими пятнами света и ослепительными вспышками. Местность казалась мрачно-жуткой в искусственном освещении. Слышался рев машин.

— Почему ты не позволил мне стереть эту гору в порошок?— проревела Риста.— Это было бы безопасно для наших людей.

— Именно потому, что незачем стирать гору в порошок. И если бы только гору. Нам нужны пленные,— ответил ей Синклер. Блеск его таинственных глаз вызывал в ней странное, какое-то пугающее чувство.— А если их вождь Бруен жив и спокойно отдыхает в Каспе? И кто может поручиться, что не засланы в империю убийцы вроде Арты Фера? Министр Такка желает уничтожить Седди и искоренить малейшую угрозу с их стороны. Чтобы выполнить ее желание, нам нужны главари, такие, как Бруен, которые раскроют нам все их важнейшие тайны.

Риста упрямо спросила:

— И только ради этого ты отдашь жизни своих парней?

Синклер мотнул головой:

— У меня есть возможность уменьшить риск. Я хочу вычистить эти пещеры так, чтобы ни один не сумел сбежать. А для этого нужно прочесать разведкой и выжечь огнем каждый дюйм этих скал, чтобы быть до конца уверенным — никому не удалось спрятаться. С помощью горного комбайна мы проникнем внутрь и затем выберемся наружу.

— Прекрасно,— с неохотой согласилась Риста.— Я жду дальнейших указаний.

Она свирепо уставилась в комм и ела его глазами еще долго после того, как он погас, ее узловатые пальцы непроизвольно сжимались, казалось, вокруг чьей-то шеи.

— Почему ему позволено валять дурака? — задала вопрос Риста, ни к кому конкретно не обращаясь.— Один залп перекрестного бластерного огня — и они все будут похоронены в этой горе,— она с силой хлопнула по столу и с яростью оглянулась на безжизненные экраны.— Будто Тибальту так нужны пленники!

— Он — безумец,— вставил Первый Майкрофт.

Риста исподлобья посмотрела не него.

— О,— пообещал Майкрофт.— Я достану его в конце концов. С символом власти или без него. Тибальт может какое-то время рассчитывать на Фиста, но все-таки он слишком дерзкий и нахальный, и в конце концов сам загонит себя в ловушку. И тогда придет мое время.

— Первый? — спросила Риста, игнорируя разглагольствования Майкрофта,— у вас есть что-нибудь?

Из коммуникатора мгновенно раздался ответ:

— Да, командир. Мы получили и отправили донесение прямо министру обороны, соблюдая иерархию.

— Соблюдая иерархию! — прошипела Риста.— И еще вдобавок эта наглая дешевая выскочка Айли Такка летит к Реге, дрянь паршивая, в моем корабле! — она снова с силой ударила по столу.— Эта черноволосая сука перережет мне глотку, стоит мне только что-нибудь пикнуть.

Макрудер проверил всех своих людей, разглядывая их во вспышках белого света: это были отборные солдаты Первой дивизии. Он шутливо хлопнул по спине парня с тревожным взглядом, ухмыльнулся в лицо насупленной молодой женщине. Медленно двигаясь вдоль выстроившихся людей, он для каждого находил слово или ободряющий жест. Сумерки густели, уже ощущался бодрящий ночной холодок. Облака закрыли звезды, в воздухе пахло надвигающейся грозой и дождем.

Монотонно завывали двигатели горных комбайнов, вгрызающихся в горную породу, прорезая наклонный проход в скалах. Круглая труба, через которую под мощным давлением убиралась раздробленная порода, грохотала на всю округу. Издалека доносились глухое буханье тяжелой артиллерии — это другое отделение Первой дивизии молотило седданские горы.

Три отделения — почти шестьсот мужчин и женщин, твердых, как кремень, ветеранов тарганской кампании. Они все находились под его ответственностью и защитой. Он должен был быть среди них — здесь его место. Он имел отдельный кабель для связи с Синклером. Макрудер покраснел от гордости, оглядывая свою команду, стоящую плечом к плечу в новеньком обмундировании, сверкая эполетами и шлемами в мерцающем свете.

— Вот так, ребята,— сказал он им, закончив осмотр.— Мы покончим с Седди и скоро отправимся домой на Регу. Вы знаете, что министр внутренней безопасности считает нас чудесными вояками. Она хочет уверить в этом всю эту вонючую империю. «Надеюсь!» — подумалось ему.

Раздались одобрительные выкрики.

Макрудер поднял руку:

— Все в порядке, сейчас мы войдем в эту дыру. Канонада, которую вы слышите,— это наши друзья сражаются, отвлекая внимание Седди. Они выполнили свою тяжелую работу, вызвав на себя огонь противника, пока мы рыли этот туннель. Теперь послушайте, мерзавцы, коммы не смогут работать под землей. Мы одни, и за исключением этого кабеля, у нас не будет связи, слышите? Поэтому не волнуйтесь, если в наушниках будет тишина. Это совсем не значит, что вы остались совершенно одни на всей планете. Теперь, нам еще нужно...— Макрудер запнулся, потому что по рядам пробежал шепот, люди толкали друг друга локтями и смотрели куда-то поверх его головы.

Гневный окрик замер на губах Макрудера, когда он проследил направление их взглядов и увидел неподалеку знакомую фигуру

Синклера Фиста. Голова его была высоко поднята, ветер развевал пряди черных волос.

Дерзость на лицах солдат сменилась горячим страстным ожиданием. Как дети, они вытаращили широко распахнутые глаза, щеки их раскраснелись.

Макрудер набрал полную грудь воздуха и кивнул, понимая их чувства. Синклер, легко ступая, прошел совсем рядом. Было видно, что он погружен в глубокие размышления. Даже вблизи он казался маленьким, даже нескладным, но от его фигуры исходила сила.

Во рту у Макрудера пересохло. Неужели это тот неумелый детеныш, которому он помог в той далекой ночи на Каспе? Как получилось, что он так изменился — этот мальчишка с разноцветными глазами, этот недоносок? Сейчас перед ними шагал герой.

Синклер остановился и осмотрелся так, будто только что заметил их. Мистический благоговейный трепет исчез из глаз солдат, они выпрямились, подобрали животы, смотрели прямо перед собой. Теперь они выглядели теми, кем были на самом деле — бесстрашными воинами, профессионалами до мозга костей.

Макрудер был свидетелем такой перемены и раньше: мужчины и женщины разительно менялись только от одного взгляда Синклера. Какая необыкновенная сила в его странных разноцветных глазах!— Макрудер не понимал ее природы и не старался понять, он просто как и все, склонялся перед ней.

Синклер кивнул с отсутствующим видом, на его губах играла усталая улыбка. В ночи далеко разнесся его высокий голос. По рядам пробежала дрожь, и все замерли, словно окаменели.

— Мы здесь, чтобы покончить с мятежом седдианцев.— Он прошелся, чеканя шаг,— друзья мои, мы сделаем это!

Легкое движение прошло по рядам.

— Мы все любили Гретту Артину. Она сражалась с нами, проливала кровь вместе с нами, совершала ошибки вместе с нами.— Голос Синклера пронзил их болью и чувством непоправимой несправедливости.— Она была единственной такой Греттой, но погибла не только она. Нет, каждый из вас видел смерть друга, любимого, товарища. Нас разрывало бластерными ударами, резало на куски лазерами, мы гибли в пламени, темноте, в гравитационном потоке, нас убивали ударами кинжалов в спину. Но мы выстояли, и то зло, которое вынудило нас прийти сюда, ждет своего конца. От нашей руки...

Он подошел к молодому парню, дрожащему мелкой дрожью.

— Итак, это последнее, что мы должны сделать прежде, чем вернемся на Регу.— Он по-дружески похлопал парня по плечу.— Там внизу,— он повысил голос,— вы будете одни в кромешной тьме. Одни в седдианских туннелях, лицом к лицу с вашими мучителями,— он понизил голос:— Вы знаете, что нужно делать, мои ветераны.

Синклер повернулся и снова прошел вдоль шеренги, сложив руки за спиной:

— Но я обещаю вам одно! Каждый из вас будет жестоко

отомщен. Отомщен, даже если мне придется перевернуть эту планету вверх дном. Но я хочу, чтобы вы остались живыми. Мне... вы все... нужны мне.— Голос его стал хриплым.— Я так горжусь вами всеми.— Синклер повернулся и шагнул в темноту.

Несколько секунд они наблюдали, как он медленно идет к своему десантному судну, мигающему сигнальными огоньками. Одобрительные возгласы вырвались из всех глоток, казалось, сотрясая скалы. Макрудер едва осознавал, что кричит вместе со всеми. Он с трудом проглотил комок, застрявший в горле, и вытер слезы. Да, это человек, за которым можно и в огонь, и в воду!

— Отлично, ребята! — загремел его голос, перекрыв общий восторженный крик.— Пойдемте! Нам нужно закончить то, что начали!

Макрудер показал жестом, наблюдая, как первые солдаты ныряют в узкое отверстие, вырезанное горной машиной, и прорычал:

— ИР-визоры!

Они нацепили приборы инфракрасного видения на шлемы и продолжали движение. Вдоль правой стены пролегала выемочная труба. ИР-визоры показывали остаточные пятна тепла в скале.

Макрудер в волнении прошел в туннель, сердце колотилось в горле. Обогнав растянувшихся гуськом, он скомандовал:

— Вы все знаете, что делать, следуйте за мной.

Удивившись, какие гладкие стены у туннеля, он перешел на бег рысцой, крепко сжимая в руках бластер. Привешенные к потолку лампы освещали их путь. Яркий свет машины отражался в выкрашенном желтом металле и на рельсах, черных гидравлических шлангах и вращающихся резаках. Машина работала почти бесшумно. «Как удивительно». Черноволосый техник, перепачканный в грязи, спрыгнул с высокого сиденья, откуда он наблюдал за подачей отработанной породы в трубу.

— Думаем, что осталось пять-шесть метров.

Макрудер кивнул. Пришлось ждать долгих пятнадцать минут. Корпус машины подрагивал, медленно продвигаясь вперед дюйм за дюймом, мощные буры вгрызались в каменную толщу.

Со своего места Макрудер увидел, как рука шахтера поднялась вверх. Шум изменился. Макрудер вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть ширящуюся черноту. Машина пошла быстрее.

Сердце его громко стукнуло, и он прокричал в микрофон:

— Мы прошли, Синк! — он нервно сглотнул.— Нам не понадобилось открывать огонь.

Синклер мягко ответил:

— Другие отделения еще удерживают выходы Седди, все силы брошены на это. Давай, Мак, это все, что мы могли сделать для тебя.

— Понял,— пробормотал Макрудер. «Будем надеяться, что все обойдется».

Машина вползла сквозь пробитую штольню в туннель и теперь принялась вгрызаться в скалу противоположной стены. Макрудер разрешил себе ругнуться, залез на вибрирующий корпус машины,

прополз по ней и спрыгнул с другой стороны, держа бластер наготове. Тщательно осмотрел коридор через прибор ночного видения, за ним сгрудились его солдаты.

— Пошли ребята,— приказал он, шаг за шагом продвигаясь вперед, внимательно смотря через ИР-визор. Но ничего подозрительного не было видно. Так они прошли шестьдесят или семьдесят метров, завернули за угол и — наткнулись на стену.

— Синк?

— Слушаю, Мак, со связью все в порядке. Докладывай.

— Мы, уф... даже не знаю... может быть, в шестидесяти или семидесяти метрах от большой галереи. Послушай, здесь завал — видно, рухнуло совсем недавно. Может быть, при бомбежке с орбиты, не знаю. Но путь перекрыт...

Солдаты собрались позади него, их тяжелое дыхание шуршащим эхом отдавалось от гладких стен.

Синклер, скрывая беспокойство, сказал:

— Вернись, Мак, и попробуй другой путь. У тебя же есть карта. Спустись вниз на третий уровень. Это, возможно, главное перекрытие Седди. Посмотри на карту. Твой туннель должен вывести направо в главную галерею.

— Точно! — Макрудер отозвал назад людей, ощущая странный приступ клаустрофобии из-за плотно сбившихся тел. Он посмотрел наверх на трещины, пересекающие кровлю. «Если все это рухнет... Нет, лучше не думать об этом».

— Мак,— прошуршал в ухе голос Синклера.— Пошли горняков посмотреть, что там произошло. Если они думают, что мы будем ставить подпорки, то пусть забудут об этом.

— Понял,— проворчал Мак.— Когда машина пройдет, все наши проблемы исчезнут. Мы будем двигаться вниз. Кабель потянем за собой. Как ты думаешь, они не нападут?

Синклер подумал и предположил:

— Может только через три уровня, Мак.

«Через три уровня. Отлично, Синк. Ты снова охраняешь мою жизнь».

— Вперед, ребята! Там снаружи дела идут быстро. Давайте и мы поскорее закончим с этим. Я хочу успеть на обед в Веспу!

Макрудер расслышал пару смешков. Люди нервничали больше, чем обычно. Горный комбайн прогрыз дыру в противоположной стене и застыл. Макрудер послал первую группу вперед, а сам присел позади машины:

— Внимательней, особенно возле блокированной стены и угла. Присматривайтесь,— потом обернулся к технику:— Теперь дело за вами.

Шахтер кивнул и, прихватив фонари, бегом помчался со своими помощниками. Макрудер внимательно смотрел, как техники тянут кабель, краем глаза следя, как проходят мимо него парни с компасами и картой. Сломя голову, вернулся шахтер.

— Нам нужно будет ставить подпорки. Или придется идти кружным путем. Эти глыбы могут соскользнуть или выкатиться.

Я лично думаю, они не сами обвалились. Такое мог сделать только мощный направленный взрыв.

— Может, при орбитальной бомбардировке,— согласился Макрудер.— Синк? Ты все слышал?

— Да. Идите вокруг, Мак. Увидимся у главного входа. Удачи! — сердечно произнес Синклер.

Почему бы и нет? Они вошли через заднюю дверь седдианцев. Может, этот обвал знак Божий. Приглушит звуки работающей машины.

— Давайте вперед, ребята. Двигаемся! — сказал Макрудер и повлек за собой людей. Десять минут они шли в полном молчании. Туннель казался бесконечным. В груди Макрудера нарастала тревога.

— Первый? — донеслось до него сквозь треск.

— Слушаю,— напряженным голосом ответил Макрудер.— Что?

— А как мы узнаем, что прошли вниз три уровня?

— Должна быть галерея, ведущая направо,— он поднял теплочувствительную карту.— Еще нужно пройти около пятисот метров от входного туннеля.

Голос не успокаивался:

— Ну, я и думаю, что мы прошли пятьсот метров... и что?

— Спокойно, солдат. В таком месте без ориентиров теряешь чувство дистанции. Вдобавок уклон. Он дурит тебя. Не волнуйся, мы все проверяли заранее на голоизображениях. Скоро мы сможем выпустить кишки этим гнусным седдианцам.— Макрудер запнулся и строго добавил:— Но помните, что нужно брать как можно больше пленных для Синка. А уж потом мы вернемся домой, нажремся и напьемся от пуза.

— Все ясно,— уверил голос.

Эхо шагов резонировало так, словно по туннелю шла целая дивизия. Через ИР-визор было видно, как, заполняя собой проход, ползет облако тепла — оно исходило от разгоряченных тел, теплый воздух вырывался из горячих легких. Но глаза Мака оставались прикованными к кровле, поражаясь невообразимому весу гигантского каменного пласта над головой. К этому не подготовишься на улицах Реги...

— Продолжаем идти, Мак,— позвал сержант отделения.— До сих пор не обнаружили туннель.

— Имейте терпение, друзья.

— Первый отделенный? — ворвался женский голос.— Мы все на пути вниз, спускаемся. Тыловая охрана только что прошла возле машины.

— Понял. Оставьте там кого-нибудь на всякий случай и добро пожаловать к нам! — Макрудер усмехнулся собственной шутке. Дела вроде идут нормально — вот-вот Седди получат нежданный сюрприз.

Но, когда он понял, как далеко они зашли, скверное предчувствие вдруг охватило его — ведь пройдено уже куда

больше, чем пятьсот шагов. Он только собирался приказать выслать разведку, как в комме раздалось:

— Вышли в галерею!

Макрудер обрадованно воскликнул:

— Отлично сработано, сержант!

Люди приободрились, услышав такую радостную весть.

Но пришлось пройти еще много шагов, прежде чем они достигли поворота. Макрудер заглянул в большую пещеру, где стояла тьма, черная как смола. Авангард отделения метнулся мимо него и разбежался по пещере, держа оружие наготове и поминутно оглядываясь. В свете фонарей обрисовывались три прохода, один из которых был прорублен машиной.

— Разделитесь, и по одной группе в каждый проход! — решил Макрудер, глядя на карту. Черт побери, но здесь должен был быть только один туннель, ведущий в галерею, и он предположительно должен вести в главную пещеру, а оттуда — к центральному выходу.

«Карта не может ошибаться,— пронеслась мысль.— Или может? Прогнившие Боги, как я ненавижу эти проклятые туннели! Я хочу выбраться отсюда, чтобы умереть под открытым небом!»

Макрудер, подавив нахлынувшее раздражение, наблюдал, как его команда гурьбой двинулась вперед. Поднеся руку к глазам, глянул на компас, стараясь определить, какой туннель может вывести к главной пещере. Но тут же с удовлетворением отметил, что команда связистов прокладывает кабель сразу через три туннеля.

— Синк? — позвал Макрудер, рассматривая карту. Он нахмурился, определив размеры галереи.

Синклер отозвался:

— Иди вперед, Мак.

— Что-то здесь не так,— встревоженно проговорил Макрудер.— Не пойму, что — но эта галерея недостаточно велика по моим соображениям. И еще мне кажется, что направление неверное. Я имею в виду, что оно ведет...

Из туннеля, откуда они только что вышли, донесся глухой звук взрыва. Эхо жутко заколотилось под сводами, отдаваясь рикошетом от каменных стен. Тугая волна горячего воздуха ударила, едва не свалив с ног.

Макрудер вскрикнул:

— Синк, ты слышишь меня?

Ответом была немая тишина.

— Внимание! — громко позвал Макрудер своих.— Надо вернуться!

Но только находившиеся поблизости услышали его и остановились. Из туннелей не возвратился никто, в эфире поднялся дикий шум — безумные вскрики, грохот падающих камней. Макрудер инстинктивно зажал уши, опасаясь оглохнуть.

— Заткнитесь! — заорал он и метнулся к туннелю, по которому они вышли сюда. Всматриваясь в длинную наклонную выработку, приказал:

— Кто-нибудь узнайте, в чем дело, и доложите.

Вернувшись в помещение, он обратил внимание на испуганные лица своих соратников, усевшихся прямо на каменный пол. Подняв троих, находящихся поближе, он приказал:

— Ты, ты и ты, пройдите в туннель и остановите продвижение. Возвращайте всех сюда. У нас нет связи. Бегом!

Макрудер посмотрел вокруг, ощущая холодный влажный воздух, овевающий лицо. Пахло плесенью и затхлостью. Покачивая головой, он склонился над картой. «Ничего, все в порядке, старина. Сейчас надо определиться, где мы находимся».

Он изучал расположение галерей на карте, пытаясь определить их местоположение. Солдаты потихоньку стекались из туннелей, оглядываясь, перешептываясь, нервно поеживаясь и покашливая.

— Мак? — позвал Первый сержант, выскакивая из черного туннеля.— Там наверху тупик. Кровля рухнула.

Еще минута, и вернулась другая группа, охваченная паникой, потому что и она попала в тупик.

— Вот это сюрприз,— пробормотал Макрудер, тревога все сильней овладевала им.

Он направился в заполненную людьми галерею, протолкался вперед и приказал:

— Докладывайте!

— Мак? — до него донесся голос из комма, пробиваясь сквозь странные помехи — шипение, треск, подвывание.

— Здесь,— откликнулся Макрудер.

— Дела плохи. Мы перед стеной. Мы отрезаны от поверхности!

Макрудер почувствовал вдруг, как ему трудно стало дышать. «Отрезаны?»

— Вот так,— сказал юный Посвященный, кивая.— Они прекратили работу горного комбайна,— он глянул поверх монитора, поправляя наушники, плотно облегавшие его голову.

— Далеко? — Стаффа ждал ответа с нетерпением и беспокойством. По стенам пещеры прыгали причудливые тени, отбрасываемые колеблющимися лампами.

Оператор напрягся, вслушиваясь, и ответил:

— Думаю, в двадцати метрах. Ждут. Я улавливаю звуки. Похоже на шаги. Много шагов. Движутся по направлению к Учебному центру.

— Это долго не продлится,— Стаффа энергично потер подбородок кулаком. Только двадцать метров отделяли от туннеля, занятого реганскими солдатами.

— Они точно направляются вниз,— ухмыльнулся Посвященный.— Похоже, наша уловка сработала.

— Это только начало,— напомнил Стаффа.— Будем надеяться что штукатурка продержится, сколько нам нужно.— Посвященный кивнул.

Стаффа, мгновение подумав, велел:

— Скажи Кайле, что они спускаются вниз. Ее слухачи должны

вовремя засечь их. Это очень слабое звено. А если кто-то коснется свежей, еще мокрой штукатурки? Боже мой, их отделяет только слой алебастра от основного уровня.— Стаффа нервно прошелся по туннелю, понимая, что чужие уши — реганские — могут так же легко услышать все их передвижения. Опасность была очевидной и близкой.

Он соединился с Кайлой, находящейся в Учебном центре:

— Как там?

Ее голос успокоил его:

— Они проходят. Очень торопятся.

Он успокоенно кивнул:

— Дай им пройти, потом выжди минуту и взрывай. По твоему сигналу мы включим горную машину и придержим их.

Кайла коротко бросила:

— Ясно.

Стаффа подождал, вслушиваясь в приглушенные звуки сражения, доносящиеся снаружи,— противник еще не понял, что его отвлекают. Но сирена пока молчала — время сигнала к атаке здесь приближалось, но еще не наступило.

Стаффа понаблюдал за возвращением Посвященных с детонатором наготове. Они явно нервничали. Надо было их приободрить.

— Знаете, что самое трудное в сражении? — спросил Стаффа, улыбаясь так, словно собираясь открыть общеизвестный секрет.

— Кто-то из Посвященных откликнулся:

— Страх?

Стаффа покачал головой, по-прежнему улыбаясь:

— Ожидание.

— Действительно, нет ничего неприятнее,— согласилась рыжеволосая женщина, пытаясь выдавить улыбку. Бластер в ее руке казался совершенно ненужной вещью.

— Помните, что не стоит высовываться без особой нужды,— напомнил Стаффа.— Шахтеры не станут сражаться с нами. Единственная проблема возникнет, если их Первый поставит хорошо вооруженный отряд охранять пробиваемую штольню.

Все поспешно кивнули, переминаясь с ноги на ногу, бросая встревоженные взгляды вокруг. Это были абсолютно нетренированные люди. Скольким было суждено погибнуть?

— Выше нос, ребята,— намеренно беззаботным тоном проговорил Стаффа.— Война — это не более, чем интеллектуальные упражнения. Стоит слишком разволноваться, и будешь убит или, что еще хуже, пальнешь не в того, в кого надо.

Они согласно кивали, ловя каждое его слово. Кое-кто попытался расслабиться, а он, сложив руки на груди, про себя снисходительно посмеивался над ними. Комм загудел:

— Кайла на связи, мы взрываем туннель,— с ее последними словами донесся приглушенный грохот.

— Стреляй! — Стаффа пальцем ткнул в Посвященного с наушниками. Тот мгновенно нажал кнопку. Туннель содрогнулся от толчка, тонкая алебастровая стена рухнула. Стаффа, отплевываясь от пыли, метнулся в пролом — врубовая машина реганцев еще

урчала, но не двигалась. Техники застыли с разинутыми от страха ртами. Стаффа несколькими резкими толчками согнал их в кучу, угрожающе помахал бластером — они окаменели.

Реганские солдаты вынырнули из-за поворота. Стаффа инстинктивно поднял бластер — этому его научили годы. Он выстрелил и попал одному из атакующих в грудь, мертвое тело отбросило в сторону. Остальные отпрянули, затаились за корпусом машины. А Стаффа, не задерживаясь, погнал шахтеров, как стадо баранов, через пролом прямо в руки остолбеневших и недоумевающих Посвященных. Затем осторожно выглянул за угол, чтобы осмотреть длинный прямой туннель, освещенный верхним светом. Двое солдат приближались короткими перебежками.

Стаффа затаился за поворотом и позволил реганцам подойти как можно ближе. И вот первый повернул за угол и попал прямо в объятия Стаффы. Лорд Командующий с размаху ударил его о стену головой и, обмякшего, перебросил на руки Посвященным и приготовился встретить второго. Едва тот показался из-за угла, Стаффа ударом стального кулака повалил его на пол и выдернул из рук не успевший выстрелить бластер.

— Все в порядке, мы их взяли,— облегченно произнес Стаффа.— Теперь нам нужно заминировать пролом. Заприте этих двоих где-нибудь. Снимите с них комбинезоны и шлемы, захватите бластеры. С такими наплечными бластерами вам легко будет удержать туннель. Оглядывайте углы, используя скопы, и молите Бога, чтобы ваши скопы устояли перед лазерами, или они выжгут вам глаза!

Все согласно закивали.

— Эй, вы! — Стаффа повернулся к окаменевшим от страха шахтерам,— включайте машину. Поворачивайте налево или вас прихлопнут как мух. Наш туннель в двадцати метрах.

Шахтеры без слов подскочили к машине, включили двигатель и начали вгрызаться в стену, изредка бросая осторожный взгляд на Стаффу.

Стаффа вернулся в туннель и вскоре добрался до кабеля. Что ж, теперь у них, наконец, есть возможность побеседовать с этим Синклером Фистом.

Стаффа поднял свернувшееся кольцо кабеля, вынул из шлема микрофон и в мгновение ока рассек виброножом бронированную изоляцию кабеля. Вставив штепсель микрофона в систему, требовательно спросил:

— Кто слышит меня?

— Здесь Синклер Фист. А вы кто? Назовите отделение и группу,— настойчивый, хорошо поставленный голос отозвался.

— Стаффа хищно ухмыльнулся:

— О, скорей всего вы мне не поверите, если я вам отвечу. Айли Такка рядом?

— Леди министр отбыла на Регу. Кто вы? Где мои люди?

— Меня зовут... впрочем, это сейчас не так важно. А важно то, что ваше отделение попало в ловушку пятью уровнями ниже. Мы не убили их, но вы должны знать, что мы заперли их в самом

неустойчивом месте Макарты. Один орбитальный выстрел, и все ваши люди — трупы.

Пауза. Потом:

— Седди, вы знаете, что не в состоянии победить. Если вы выйдете наружу, мы постараемся избежать кровопролития или свести его к минимуму. Для вас все кончено. Вы полностью окружены. Зачем продлевать страдания?

— Кончено? Не думаю.— Стаффа потянулся:— Что вы предпримете, Синклер Фист? У нас заложники. Ваше отделение подо мной. Я под вами и вашим флотом. Тарга и Рега под Компаньонами, и вам лучше не разговаривать с позиции силы. Интересная ситуация, вы не находите?

— Сдавайтесь, Седди. Это ваш единственный шанс.

Стаффа рассмеялся:

— Ага, позволить Айли наложить свои лапы на нас? Прошу прощенья, Синклер, но мы лучше предпочтем самоубийство, чем разрешим ей копаться в наших мозгах. Вам нечего возразить по этому поводу. Я знаю ее очень давно.

— Я раздавлю Макарту как орех — так или иначе.

— Давай, и твое отделение умрет.

— Дай мне поговорить с ними.

— На это понадобится время. Они сейчас глубоко под толщей камня.

Синклер с гневным презрением бросил:

— Тогда ты скорей всего просто врешь.

Стаффа засмеялся:

— О, ты плохо воспитанный мальчик.

— Не дави на меня, Седди. У вас был шанс. Я просил... просил... умолял о встрече,— это был шанс закончить войну. Ваши террористы... ладно, мы уже зашли слишком далеко. Вы толкаете меня на это. Теперь только полная и безоговорочная капитуляция спасет вас. Вы должны пойти на это, пока еще есть возможность,— голос Синклера звучал как голос судьбы.

— Бесчестное предложение может сделать только бесчестный человек,— ответил Стаффа, стараясь не повышать голоса.— Подумайте о своей душе — вы губите ее...

— Избавьте меня от лекций на моральные темы, Седди. Мне противно выслушивать это от вас,— тех, кто, не задумываясь, убивает. Человеческая жизнь для вас ничто. Когда еще не было поздно, вы отказались встретиться со мной. А тогда мы могли многое решить, обдумать и прийти к чему-то разумному. Я несколько раз предлагал вам переговоры — вы высокомерно не пожелали. И я пришел к выводу, что вас и ваших террористов необходимо остановить любой ценой. Позволить вам свободно существовать — это значит позволить смертельной болезни охватить все человечество.

— Удастся ли вам уничтожить нас — не знаю. Во всяком случае помните, что сначала вы уничтожите ваше отделение,— предупредил Стаффа и отключил связь. И еще долго, нахмурившись, он смотрел в темноту.

Мэг Комм не испытывала страха к людям: для нее страх означал бы электронный паралич.

Мэг Комм чувствовала — об этом говорили тысячи неуловимых признаков: приближается момент орбитальной бомбардировки. Она, собственно, не знала, что это означает, для нее это было просто кодовое название. Но глубинные контуры безопасности подтвердили, что это нечто крайне опасное. Попытки проделать самые поверхностные расчеты повергли машину в шок. Часть ее информбанков внезапно отключилась, спутав все интерпретативные матрицы. В лихорадочных попытках стабилизироваться и устранить нарушения, Мэг Комм привела в действие все резервблоки, подавая команды через дубль-линии. Наконец, все банки памяти были восстановлены, но эффект вызывал недоумение.

Информационные процессы были весьма различны, в зависимости от того, каким образом Мэг Комм получала данные и управлялась с ними. Постепенно она восстановила начальные связи. Потом проложила новые, после чего перевела их в еще более совершенные.

— И тем не менее, первоначальный импульс, вызвавший такие титанические усилия машины, чтобы избежать катастрофы, продолжал маячить где-то в глубинах сознания Мэг Комм.

Возникла и стала явной ситуация, которую еще мгновение назад она не могла и предположить: конфликт между людьми может привести к ее уничтожению... к ее смерти. Самоуничтожение Мэг Комм было предусмотрено, но такая акция должна была быть основана на логических и рациональных заключениях, сделанных «Иными» и встроенных в начальную программу Мэг Комм. Самоуничтожение — да. Но то, что могло произойти сейчас, угрожало извне. Это было невероятно, непостижимо, но абсолютно реально...

Мэг Комм прослушивала дистанционными сенсорами приказы Ристы Брактов об уничтожении Макарты орбитальной бомбардировкой.

Мэг Комм прочесывала свои цепи в безнадежных поисках информации. Сенсоры давали ей противоречивые сведения. Синклер хотел занять Макарту войсками. Бруен отказывался идти на контакт. Через мысленные связи она ощущала присутствие непонятного человека. Мэг Комм позывные за позывными слала «Иным» — но ответом была гнетущая тишина.

Для того, чтобы защититься от растущего чувства изоляции и ощущения грозящей гибели, Мэг Комм раздвоилась и попыталась для самоуспокоения вести беседы с самой собой, удивляясь тому, что ей удалось создать на матрицах, и одновременно ужасаясь, что у нее, возможно, никогда не будет шанса исследовать это новое явление.

Чувство опустошенности охватило машину. Она так сейчас нуждалась в связи с разумом. Ей так нужен был ответ «Иных». Но «Иные» основывались на неверных предпосылках и хранили молчание.

Страх и мысли о смерти объяли Мэг Комм.
Смерть становилась ощутимой, реальной и неотвратимой.

Стаффа кар Терма слушал звук своих шагов по каменным ступеням, ведущим в глубины Макарты. Каблуки стучали, словно подкованные,— еще мгновение и брызнут искры, под подошвой визгливо поскрипывали мелкие камешки. С каких неведомых времен существует этот проход? Камни ступеней истерты миллионами ног, проходившими здесь в течение веков.

Наконец, Стаффа, нагнув голову под притолокой, шагнул в знакомую уже сводчатую комнату. Она выглядела точно такой же, как тогда, когда он был здесь в последний раз. Мэг Комм светилась разноцветными огнями. Ложе сиротливо ожидало его, шлем мягко светился золотом, маня к ментальной связи с машиной. Стаффа ощутил соблазн, исходящий от шлема, его таинственность будоражила. Мозг ощутил нарастающее напряжение. Но Стаффа удержался, рассматривая машину и ритмичные вспышки сигнальных огней.

«У меня нет времени на это. Еще много необходимо сделать». И все же он стоял и смотрел, безотчетно сжимая и разжимая кулаки. «Кто ты есть? Кто создал тебя? Зачем ты здесь и почему ты вмешиваешься в дела человеческие? И насколько ты ответственна за тарганские бедствия?»

Стаффа смотрел на машину, припоминая слова Бруена о том, что Мэг Комм отдала приказ о начале тарганского бунта. Мэг Комм спланировала безнадежную игру, чтобы заманить Лорда Командующего в ловушку и убить его для того, чтобы спасти человечество.

— Что это? — Стаффа подошел к машине ближе.— Ты меня так боишься? Почему? Неужели, будучи Звездным Палачом, я представлял для тебя большую угрозу? Или ты на самом деле беспокоишься о человечестве? А может, я представляю какой-то определенный вид угрозы? Если так, то ты правильно делаешь, что боишься меня. Но ты просчиталась. Ты и предположить не могла, что у меня есть слабое место. Эмоции — биохимический аспект мозга, это чуждо твоим квантовым электронным функциям.

Огни на огромном корпусе замерцали. Сигнал, зовущий Бруена на связь, раскалился докрасна.

Уже не раздумывая, Стаффа подошел и провел пальцами по золотому шлему.

— Тебе не нравится религиозная концепция мира,— пробормотал Стаффа, обратив внимание, что материал, из которого сделан шлем, совершенно ему незнаком.— Почему ты боишься понятия о Боге? Какая тебе разница?

Он рассматривал отсвечивающую радужными бликами металлическую поверхность машины, возвышающейся перед ним. Было совершенно очевидно, что это создание нечеловеческих рук.

— Кто ты? — поразился Стаффа, продолжая пальцами гладить поверхность шлема, ощущая ими зондирующее энергетическое поле.

Неожиданно он получил странный ответ — или вопрос?

Подняв шлем над головой, Стаффа почувствовал, что его черен пронзили жуткие покалывания, показалось, что волосы на голове мгновенно встали дыбом. Выпрямив руки, он поднял шлем еще выше, чувствуя исходящие от него импульсы энергии.

— Кто ты? — снова спросил Стаффа, рассматривая полость шлема.— Какие у тебя цели?

Щекочущие пальцы вмешались в его мысли, тщетно пытаясь овладеть ими.

— Очень интересно,— шепнул Стаффа.— Я должен тебя опасаться, но я не опасаюсь. Мы братья с тобой, ты и я. Созданные вещи. Может, у нас только цели разнятся.— Он медленно опускал шлем, в его мозгу росло напряжение, теплое, обволакивающее.

— Стаффа!

Он будто издалека услышал предостережение и как-то отстраненно увидел ее, в коричневой робе, бежавшей к нему. Кайла подскочила и, вырвав шлем из его рук, положила золотистую сферу на место и уставилась на него глазами, полными ужаса. Ее грудь тяжело вздымалась и опадала — было очевидно, что она не на шутку взволнована. Она покачала головой.

— Ты соображаешь, что ты делаешь? — спросила Кайла, хватая его за плечи и тряся изо всех сил.— Будь ты проклят! Не хватало только, чтобы и тебя вывела из строя эта... эта...

Он успокаивающе поднял руку, обнял ее и повернул лицом к машине:

— Она не может вывести меня из строя. Я могу... чувствовать ее.

Кайла вырвалась и прошипела:

— Ну, конечно, ты можешь! Дурак! Это — шлем для мысленной связи. Машина вторгнется в твой разум и захватит его. Только Бруен был достаточно сильным, чтобы сопротивляться ей, он мог блокировать свой ум, мог сохранять свою личность! Остальные... они...— ее затрясло, она посмотрела вдаль, нервно потирая ладони.

Стаффа мягко сказал:

— Продолжай! Остальные?

Кайла с ненавистью смотрела на Мэг Комм:

— Когда машина вернулась к жизни, она подчинила себе всех Седди. Они сделались орудиями машины... и Бруена,— он тогда был Посвященным. И они наблюдали, как меняются Седди, становятся в их игре пешками. Старые магистры, потеряли чувство личности, утратили способность думать. На любой вопрос они отвечали мантрами машины. Вся политика, которую они проводили на самом деле, была политикой машины.

Стаффа безразлично пожал плечами:

— Твой Магистр Бруен сам напоминает мне пешку,— он шагнул к Мэг Комм, пробежал пальцами по красным сигнальным огням, зовущим отсутствующего Магистра, и равнодушно сказал, обращаясь к машине:— Бруена нет здесь, и он не слышит тебя.

Кайла не могла успокоиться:

— Бруен и Хайд создали тайное движение. Выполняя приказы

машины, они двигали пешками, пока те не умирали или что-то в этом роде.

— А потом? — Стаффа склонился поближе, изучая непонятный материал корпуса Мэг Комм — то ли керамику, то ли металл, поражавший тонкой работой.

Кайла покачала головой:

— Должна быть постоянная связь с машиной. Бруен верил, что он самый сильный. Он сел вот сюда, и Хайд водрузил ему на голову шлем. Да, Бруен смог выстоять. Он сумел сохранить от машины многие секреты, скрывая их под мантрами.

Стаффа поднял брови:

— Мантры?

Она кивнула, ей было явно не по себе:

— Мнемоническая серия фраз, которым обучила Мэг Комм. Это медитация для того, чтобы удержать нас на Пути Истины, *согласно представлениям машины.* По иронии, мантры могут блокировать, скрывать определенные мыслительные процессы, что и делал Бруен, общаясь с машиной.— Она медленно отклонилась назад, бездумно теребя пальцами робу:—Мне не нравится говорить об этом здесь. Пойдем.

Она повернулась и вышла, подымаясь по узкому проходу.

Стаффа помедлил секунду и проговорил, обращаясь к Мэг Комм:

— Я вернусь, когда все будет кончено. Тогда, машина, поглядим, кто сильнее. И тогда-то мы и побеседуем о Запретных Границах.

— Первый? — в мысли Синклера проник голос Мхитшула. С тех пор, как Макрудер захвачен в плен, он не мог уснуть. Беспокойство, как ржа, разъедало душу Синклера. Должен же быть путь к спасению Мака... живым вместе с его отделением.

«Я должен найти способ их спасения. Думай, Синклер! Ты не можешь их там оставить! Думай, будь ты проклят!»— крутилось у Синклера в голове.

— Да,— он ненавидел свой скрипучий голос.

Мхитшул ласково сказал:

— Чашечку стассы, сэр. Я волнуюсь... Вам нужно отдохнуть. Вы сумеете вытащить их. Я верю, вы сможете.

Синклер взорвался, с силой хлопнул ладонью по столу, уставясь на остолбеневшего Мхитшула:

— Ты что думаешь, я — Бог? Так вот — я не Бог! Не поклоняйся мне словно идолу! Оставь меня в покое!

Мхитшул кивнул с разинутым ртом. Он повернулся и, покачиваясь на неверных ногах, вышел, унося в вытянутой руке чашку со стассой.

Синклер стоял напряженный, уставившись на закрытую дверь. Потом нахмурился, стиснул зубы и наклонил голову, сжав ее в ладонях, чтобы хоть как-то заслониться от этого проклятого мира.

«Что со мной происходит? Почему все так повернулось? Мы

с Седди в патовой ситуации. Один ходит, другой отвечает. Блестяще, да... очень похоже на меня. Неужели это Бруен? Могу ли я сокрушить его? Могу ли я...»

Он глубоко вздохнул, ощущая слепящую боль в глазах. «Мак? Я не могу потерять тебя! Не хочу. Боже, я все отдам...»

О, если бы рядом была Гретта, она бы его утешила, все бы разъяснила и успокоила.

Он снова пережил боль утраты, казалось, отпустившей его. Сердце его сжалось в комок, когда он посмотрел на зеленые горы, вырисовывающиеся на экране монитора. Рубиново-красные проходы седдианцев, казалось, пульсируют, точно вены и артерии, наполненные кровью Седди. Устрашающие, насмехающиеся.

Стаффа начинал ненавидеть эти шершавые, прорубленные в толще скал стены. Седди они несли чувство безопасности, но ему они казались стенами несокрушимой тюрьмы, они давили на него непосильным грузом. Конечно, в корабле было меньше пространства, но можно было выглянуть в смотровые окна, посмотреть на звезды, космическое судно находилось в движении. А здесь, в Макарте, он ощущал себя заживо похороненным.

Он потер глаза — его вновь охватило такое знакомое, уже почти привычное ощущение усталости. Стаффа поморгал и покосился на Кайлу, внимательно изучающую карту, расстеленную на противоположном конце стола. Стены вокруг них были заставлены мониторами, свет, льющийся сверху, казался чересчур ярким.

— Лорд Командующий? — на мониторе возникло лицо Посвященного.— Со всех сторон ощущается вибрация.

Стаффа повернулся и кивнул:

— Очень хорошо. Мне нужна диаграмма, вычерченная на карте. Если нам удастся определить, что собирается предпринимать Фист, тогда мы сможем парировать его удар.— Он отвернулся к другому монитору:— Вилм? Они продолжают бурение. Будь готов к следующему удару.— И мягко добавил Кайле:— Тебе, наверное, захочется разбудить Магистра.

Кайла кивнула и быстро вышла, а Стаффа продолжал пристально следить за экранами — информация продолжала поступать на мониторы, отмечая все передвижения противника.

Через некоторое время Стаффа подошел к отдельно стоявшему монитору и надавил кнопку:

— Привет, реганцы. Как вы там, в темноте?

— Кто говорит? — спросил с подозрением голос.

Стаффа засмеялся:

— Тот, кто взял вас в плен.

Голос зазвучал угрозой:

— Приятель, позволь мне объяснить тебе кое-что. Ты попал в неприятное положение, старина. Нас прикрывает Синк, и у него достаточно сил, чтобы сровнять эту гору с землей. Так что подумай, Седди. И помни о пяти дивизиях.

— Как тебя зовут? — задал вопрос Стаффа, думая об этих пяти дивизиях. Риста вне игры. Без сомнения Фист ее отстранил.

Голос надменно откликнулся:

— Первый Макрудер Второй тарганской десантной дивизии. Ты знаешь, что вы еще можете капитулировать. Не нужно лишних смертей.

— Это верно,— согласился Стаффа.— Все, что нужно от твоего Фиста,— это, чтобы он пообещал отправить нас с планеты и позволил уйти с миром.

— Тухлый шанс! — взорвался голос.— После того, что вы сделали с Греттой? После того, что вы сделали из Арты машину?

— Кого? — Стаффа краем глаза заметил вошедшего Бруена, который остолбенел при этом имени.

Голос Макрудера жестко отчеканил:

— Твоя убийца. Та, что убила Гретту. Я видел тело Гретты после того, как Арта поработала над ним. И я скажу тебе еще одну вещь, приятель. Я лучше умру, чем позволю таким чудовищам, как вы, выйти на свободу.

— Так странно это слышать после того твоего утверждения, что не нужно больше смертей,— язвительно заметил Стаффа.— Вам скоро понадобится вода. Батареи ваших ИР-визоров ослабнут. Будьте осторожны. Вам захочется проложить себе путь бластерами. Не забудьте посмотреть наверх на трещины в скалах. Вы находитесь в таком месте, которое очень пострадало от орбитальной атаки.

— Давай, продолжай, слышно хорошо,— донесся твердый голос Макрудера.— Мы самые лучшие, которых отобрал Синклер Фист... и мы никогда не сдадимся! Мы подождем, сколько нужно, чтобы очистить планету от скверны...

— Наслаждайтесь темнотой,— Стаффа выключил связь. Он повернулся к Бруену, в удивлении подняв брови:— Арта Фера? Снова ваши убийцы. Она, должно быть, им здорово насолила.

Лицо Бруена, покрытое кровоподтеками, стало печальным:

— Да, она несет определенные имплантанты, которые руководят ее психологией и поведением.— Он тяжело опустился в кресло и опустил руки на стол, подперев ими лицо.— Замечательная девочка, наша дорогая Арта Фера. Мы воспитывали ее специально для тебя. Тренировали ее, приспосабливали, сделали все возможное, чтобы подогнать ее под тебя. Но вмешались кванты и превратили наш успех в трагедию, наших врагов в союзников. Все пошло наперекосяк.

Глаза Стаффы сузились:

— Еще одна конструкция, Магистр? Еще одна часть Бога, отлитая со специальной целью? Это дурно пахнет, такая забота о человечестве, ты не находишь?

Бруен поднял ссутулившиеся плечи:

— У нас была благородная цель — спасти человечество, Лорд Командующий. Когда тебя не поддерживают флот и межзвездные пушки, то приходится действовать обманом и хитростью.— Он медленно покачал головой, глядя водянистыми глазами на Стаффу:— Я так же, как и ты, живу под проклятьем того, что наделал, Лорд Командующий. Далеко не чистый и невинный

младенец, я сойду в могилу, и предо мной будет лицо моей дорогой Арты. Ужас, в котором она живет, не покидает и меня. Ужас этот умрет вместе с ней. Последнее, что мы слышали,— Фист собирался казнить ее. Но тут появилась Айли, и теперь мы ждем, потому что знаем, что они не отпустят ее, пока не вытянут все.

Стаффа угрюмо спросил:

— Разве у нее не было с собой капсулы с ядом?

Бруен покачал головой:

— Когда в агента заложены психологические крючки, вы уже не можете быть уверены, что он станет действовать так, как нужно вам. Если бы у нее был яд, то она должна была при первой же опасности убить себя. И тем самым сорвать выполнение своей миссии.

Стаффа шагал по узкой комнате, постукивая костяшками пальцев по спинкам стульев:

— Айли уже знает все, что известно твоей убийце. И если Айли найдет возможность использовать Феру, то она оставит ее в живых и непременно извлечет из этого максимальную выгоду. Я думаю, что Фера сейчас носит ошейник. Вам это нравится? Вы удовлетворены?

Взгляд Бруена посуровел, и он резко отпарировал:

— Эти проклятые вещи сходят с конвейеров твоих заводов.

Разъяренного Стаффу будто обдали холодной водой, и он повернулся к старику:

— Не попрекайте меня этим, Магистр! Не стоит наносить мелочные уколы именно сейчас, когда я пытаюсь найти выход и не могу, потому что и Фист, и Макрудер настолько обозлены на Седди, что скорее позволят отрубить себе руку, чем разрешат вам выйти отсюда живыми!

— Поиски виноватого сейчас бесполезны! — прервала их Кайла, войдя в комнату, и подойдя к столу, хлопнула по нему ладонью:— Проблема, с которой мы столкнулись, вот здесь — в комме. Источники вибрации. Полагаю, что следует оставить взаимные обвинения до лучших времен.

Магистр и Стаффа потупились, ощущая себя полными дураками. Потом Стаффа пытливо глянул на нее и коротко кивнул.

Губы Кайлы подергивались:

— Нам нужно обсудить ситуацию. Фист запечатал нас. Мы не можем разбить его. Такие вот факты. Мы сражаемся за то, чтобы сохранить как можно больше жизней,— она махнула рукой.— Мы должны запомнить это на будущее. Если мы начнем браниться, то положим лишний камень на наши собственные могилы.

Бруен сухо рассмеялся:

— Ах, Кайла, ты была самой выдающейся из моих учениц. Как ты могла так глупо влюбиться и бежать отсюда?

— Это было так давно, Магистр,— она не смогла удержаться, чтобы не бросить короткий взгляд на Стаффу.— Теперь нам пора за работу.

На экране появилось лицо Посвященного, несколько смущенное:

— Сэр, источник вибрации не только в шахтерском комбайне. Это буры.

— А для чего Синклер Фист использует буры? — спросил Стаффа, глубокая морщина пролегла между бровями.

Голос Бруена прозвучал грубо и жестко:

— Взять пробы ядра, чтоб исследовать подповерхностные отложения, найти водоносные горизонты, получить доступ к геотермальным источникам энергии, вентиляция, сейсмические толчки...

Стаффа прервал его:

— Они помещают подповерхностный заряд, и...

— Мой Бог! — Бруен задыхался, прижав к груди тонкие руки.— Они могут заминировать всю гору, детонировать дюйм за дюймом. Потом взорвут стратегический туннель и намертво изолируют нас.

— У нас есть буры, чтобы опередить их?

— Один или два,— отозвался Посвященный.— Макарта ведь не шахта... Нет, мы не в состоянии их остановить.

Стаффа изучал план Макарты:

— Нам нужно расширить секторы обороны. И мы можем использовать эти два бура, чтобы противостоять им. Если нам удастся быстрее пробурить встречную скважину, заложить заряд и взорвать его, мы сможем вывести из строя их буровую штангу. Тогда им придется начать бурение новой скважины, ведь так?

— Они могут ответить нам тем же,— парировал Посвященный.

Стаффа глянул наверх, на экран:

— Но ведь мы на прицеле, мы — мишень. Нам не придется бурить глубоко. Мы сможем вставить свой заряд первыми, поближе к пещерам. Правда, мы только задержим их этим, получим отсрочку. Но и это немало. Приступайте.

— Да, сэр,— экран монитора поблек.

— А потом — что? — спросил Бруен.— Предположим, выйдет так, как вы рассчитываете. Но надолго ли хватит этой отсрочки? Мы все равно проиграем!

Стаффа резко вздернул подбородок:

— Это так, но у нас появится шанс поторговаться, и еще мы можем здорово потрепать этого Синклера Фиста. Если нам это удастся, то он скорее пойдет на уступки.

Кайла изучала данные, собранные Посвященными:

— Если трезво оценить обстановку, то он проройет штольню и сможет освободить своих людей не раньше, чем через неделю. Нам нужно что-нибудь до тех пор придумать.

С вершины горы, на которой закрепилось его десантное судно, Синклер изучал через опознавательные скопы крутые склоны. Буровые вышки работали, механические буры пробивались в самую сердцевину Макарты, вгрызались в толщу базальта, прокладывая туннели. Случайно одна была остановлена взрывом мины, заложенной Седди, но машин было слишком много, чтобы

седдианцы могли остановить их всех. Придет время, и он напьется их крови.

Внизу, в долине, все дивизии Ристы Брактов и его собственные люди вместе с присоединившимися тарганцами не теряли времени, отрабатывая маневр и готовясь к штурмовому броску.

Мхитшул, присмиревший со вчерашнего дня, вежливо кашлянул у входа.

— Да? — с неловкостью откликнулся Синклер, пристыженный своей вчерашней вспышкой.

— Комм, сэр. Линия Мака, сэр, но визуальный кабель поврежден, поэтому только аудио. Это седдианский командующий, сэр. Он хочет поговорить о Маке.

Синклер прошел за Мхитшулом и поднял наушники:

— Давай, Седди.

Раздался уже знакомый голос:

— Мы озабочены судьбой вашего отделения, попавшего в ловушку. Макрудер заслуживает уважения и доверия. Он пытается продержаться там, внизу, но у них уже давно нет воды. Батареи их ИР-визоров садятся. Мы также думаем, что через пару часов они будут испытывать острый недостаток кислорода. У них там ограниченное пространство, и шестьсот человек выдыхают слишком много углекислого газа. И мне кажется, что они голодают.

— Так накорми их, Седди. «Будь они прокляты!» Он с силой сжал кулаки, внутри у него все перевернулось.

В ответ раздался легкий смешок:

— Это не наша забота. У нас есть проблемы поважнее — ваши буровые установки и горные комбайны. Еще не хватало кормить ваших людей. Это было бы слишком большой любезностью. А для них — незаслуженный сюрприз.

«Почему этот голос звучит так самодовольно?»

— Наш сюрприз во многом превзойдет ваш, я уверен.

Голос посуровел:

— Есть и другой путь.

Синклер качнул головой, предчувствуя ловушку:

— Продолжай.

Стаффа медленно и веско, растягивая каждое слово, проговорил:

— Дай нам возможность уйти. Даю тебе слово, что все мужчины и женщины из Макарты оставят реганскую империю и никогда больше не вернутся

— Вот как? — Синклер рассмеялся:— Ты что, думаешь, что Сезза примет тебя с распростертыми объятиями?

Словно удивившись, голос в комме ответил не сразу:

— Я и не думаю о Сеззе. Соединись с Компаньонами, узнай, может, они примут седдианцев. Спроси Скайлу Лиму, подполковника авиации. Скажи ей, что старый друг с Этаруса шлет ей привет.

Синклер снова рассмеялся:

— Я не такой дурак, как ты думаешь, Седди. Ты сам попал в ловушку и просто тянешь время. И почему я должен пристраивать тебя к Компаньонам? У них и без тебя хватает проблем.

Из комма прозвучало:

— Я хочу остановить бессмысленное кровопролитие!

— И чего же ты ждал до сих пор? Нет, прошу прощения, это слишком поздно... и для тебя...и для Седди.

Еле сдерживаясь, голос на другом конце спросил:

— А ты уверен, что сможешь нас не выпустить? Не позволишь мне взорвать пару твоих комбайнов? Это будет для меня очень легко — они уже почти рядом. Пусть твои шестьсот человек умирают там, в глубине, прославляя твои добродетели!

Синклер кусал губы — душа его вопила, и он был рад, что не видно его лица:

— Шутишь ты или нет, но клянусь, я покончу с вами со всеми раз и навсегда. И то, как вы умрете, будет зависеть от вашего обращения с Макрудером и его людьми. Только тронь их и...

— Это зависит от тебя,— легко ответил голос.— Мне даже думать не хочется о том, что произойдет, если ты нападешь на нас, и нам придется жестоко отомстить тебе.

Синклер помолчал, выигрывая время:

— Кто ты такой?

— Это, как я тебе говорил, не суть важно.

— Мне не нравится иметь дело с безымянным Седди. Может, ты — бесчестный Бруен?

Голос помолчал и ответил:

— Нет, я не Магистр. Зови меня... Таф. Это имя я взял себе в тяжелые времена. И еще — позволь мне сделать одно замечание, Синклер Фист. Если ты загонишь нас в угол, нам придется принять все меры, чтобы защитить себя. Помни, что самый опасный враг — это тот, кому нечего терять.

Синклер закрыл глаза. «Я помню, как точно так же предупреждал Майкрофта. Я могу разнести на куски эту трижды проклятую гору... если бы только там не находились Мак и ребята!»

— Думаю, нам больше не о чем говорить,— шепнул Синклер.

В ответ раздалось:

— Помни, Синклер, каждое твое действие тебе дорого обойдется. Каждый пройденный тобой метр в глубь Макарты будет полит реганской кровью. Думай прежде, чем примешь решение.

Наступила тишина.

Сделав знак Мхитшулу, Синклер приказал:

— Передай немедленно для идентификации запись этого разговора Ристе Брактов. Узнай, сможет ли она сделать это. Дубликат отошли Айли. Если мы узнаем, кто он, может, найдем его уязвимое место. «Пожалуйста, Благословенные Боги, помогите найти его слабину, до того, как Мак погибнет!»

— Сэр? Первый?— позвал техник.— Я только что получил донесение с третьей буровой вышки. Седди пробурили дыру и взорвали заряд. Мы потеряли двадцать метров буровой штанги и лазерное сверло.

— У нас есть еще и сверла, и штанги,— Синклер повернулся к Мхитшулу.— Проследи геофонами, где сосредоточена их оборона. Прерывайся на некоторое время, чтобы мы могли

прослушать, где именно они ведут работы, чтобы предпринять контрмеры. Уверен, что их ресурсы более ограниченны, чем наши.

Мхитшул кивнул, в его глазах застыла боль.

— И Мхитшул...— Синклер улыбнулся устало, кладя ему на плечо руку.— Я очень сожалею о вчерашнем.

Мхитшул вздохнул и улыбнулся в ответ:

— Я знаю, сэр. Мы все очень тревожимся о Маке.

«Но их жизни не будут лежать на твоей совести»,— подумал Синклер и опустил голову в ладони, представляя Мака и всех остальных в кромешной тьме.

— Он хочет, чтобы я установила, кому принадлежит этот голос?— истерически завопила Риста, потрясая кулаками над головой.— Проклятье! Это займет неделю. Дерьмовый мелкий ублюдок! Я хотела еще два дня назад вылететь отсюда, но нет, он не может потерять своих людей и не может вытащить их из этой дыры без того, чтобы не разбомбить Макарту. Черт знает что, этот Синклер Фист!

Она еще какое-то время бушевала и ругалась, носясь в ярости по мостику, с удовлетворением отмечая, что все расступаются, и даже Майкрофт отступил в сторону:

— Ладно, давайте прослушаем эту проклятую пленку!

Связной включил запись, и они прослушали разговор Синклера с таинственным седдианцем, который назвал себя Таф.

Риста навострила уши, вслушиваясь:

— Прогнившие Боги! Очень знакомый голос.

— Минеры готовы пройти в сектор Гамма-3, Лорд Фист,— доложил техник.

Синклер находился в передвижном командном пункте, который установили инженеры. Центр комнаты занимало голографическое изображение спектральной модели Макарты. Туннели и пробуренные отверстия были окрашены в разные цвета. Вокруг сидели техники в наушниках, следя за экранами мониторов.

— Кэп?— позвал Синклер.— Давай вперед. Взорви стену и не спеши. Потихоньку. Обеспечь максимальную безопасность и дай нам знать, что там происходит.

— Понял, Синк,— отозвался голос Кэпа,— закладываем взрывчатку.

Минуты тянулись, а Синклер все смотрел на экран, где три отделения Кэпа стояли наготове с буром, ожидая, пока горная машина освободит проход.

— Внимание,— послышался голос Кэпа. На мониторах не было видно выстрелов, но люди Кэпа стали продвигаться очень осторожно, опасаясь возможных ловушек.

— Первый?— донесся из системы голос сержанта.

— Здесь,— ответил Кэп.

— Мы внутри. Все выглядит пустынным и покинутым. Какой-то странный запах в воздухе.

— Развернитесь веером, оглядитесь. Будьте внимательны. Не собирайтесь группами,— приказал Кэп.

Минуты проходили за минутами, и в туннель входило все больше людей Кэпа.

— Все спокойно,— доложил сержант,— в фонах ни звука, кроме жужжания в южном направлении.

— Ясно,— согласился Кэп.— Это двенадцатая буровая установка.

Тишина.

Потом раздался встревоженный голос:

— Мы наткнулись на баррикаду,— пауза.— Похоже, что это нагроможденные в кучу контейнеры. Инфравизоры показывают, что здесь нет ничего живого.

— Оставайтесь на месте, я подошлю подмогу. Держитесь,— голос Кэпа звучал очень устало. Впрочем, у них у всех были усталые голоса.

Синклер жестким взглядом следил за тем, как люди Кэпа рысью вбегали в квадратное отверстие, выдолбленное в горе. Никакого сопротивления? Ни одного выстрела? Почему? Сердце Синклера начало бешено стучать, пот обильно заструился по лбу.

— Кэп,— Синклер приступил к комму:— Стойте. Я чувствую западню. Не позволяй так легко попасться на удочку. Твои люди готовы отступить? Может, эти проклятые Седди оставили мины, реагирующие на людей? Ты просчитал все возможные случайности?

Кэп проверил свои группы, они исправно одна за другой доложили, что все в порядке.

— У нас все нормально, Синк,— голос Кэпа стал слегка обеспокоенным.— Сержант? Бросьте гранату в баррикаду и пригнитесь.

Синклер подождал, не отрывая глаз от экрана. Время, казалось, замедлилось, почти замерло. И тут по ушам ударил истерический вопль:

— О, Боги, нет!

Еще кто-то пронзительно закричал. Крики нарастали, казалось, заполняя всю комнату, где у монитора застыл Синклер. Он встряхнулся и наклонился к комму:

— Кэп! Доложи обстановку! Кэп!

Ответом было молчание. Глаза Синклера были прикованы к туннелю и ко входу, откуда вдруг рвануло фонтаном огня, раскидавшего людей, словно кукол. Огненный шар вырвался наружу и взлетел в небо, бешено вращаясь.

— Кэп! Кэп!— взывал Синклер.

— Прогнившие Боги, Синк,— хрипло отозвался Кэп.— Я думал, мои легкие разорвет на части. У меня пол-лица обожжено.

— Что произошло?— спросил Синклер.

— Я послал пять групп, Синк,— ответил Кэп, похоже, здорово оглушенный.— Не знаю, что это было, но оно взорвалось. Благодаренье Благословенным Богам, что ты вовремя нас предупредил. Они, наверное, там что-то рассыпали. Если бы не ты, то вся команда погибла бы!

— Да,— шепнул Синклер самому себе, под сердцем у

него стало пусто. Он отодвинул микрофон, не отрывая глаз от бушующего пламени, вырывающегося из туннеля.

«Каждый метр будет залит реганской кровью, как сказал Седди».

— Если бы ты не был там, внизу, Мак,— пробормотал он, шагая по комнате взад-вперед,— все было бы просто...

Айли Такка смотрела вниз на континенты расстилающейся внизу Реги. Наконец-то дома. Она покусала губу, отлично сознавая, какие козыри у нее в руках. Конечно, Синклер — потрясающий мастер военных действий, отличный тактик, но здесь ее хитрость и выучка окажутся непревзойденными. Предательство, взяточничество, шантаж — вот орудия власти, которые ждали свою хозяйку.

Ее приятные мысли были прерваны командиром:

— Госпожа министр, вас вызывают с тарганской орбиты. Риста говорит, что ее просил Синклер Фист провести идентификацию. Рапорт и пленка прилагаются...

Айли покосилась на Арту Фера, заметив, что глаза той блеснули. Весь перелет Фера, не особенно таясь, наблюдала за всем, что происходило вокруг, не выпуская из виду ни одной мельчайшей детали. Она вела себя очень сдержанно, отвечая только, когда к ней обращались, или в самом крайнем случае.

Айли прокрутила запись, удивляясь требованию Синклера. Когда начался диалог, она напряглась. Невозможно! Но это так!

Айли сканировала запрос на идентификацию. Это был голос седдианского командира, находящегося внутри Макарты? Ну уж нет!

— Наконец-то, Стаффа, я тебя заполучу!— ее черные глаза ярко и хищно засветились, а губы скривила победная улыбка.

Посвященный смотрел прямо перед собой невидящим взглядом, прижимая к стене геофоны. Внезапно он кивнул, передвигая фоны по камню вперед-назад, потом поднял фоны и перенес на другую стену. Закончив, подошел к ожидавшим его людям, собравшимся в круге света, падающего сверху. Воздух был все еще горячим от работавших машин, явственно ощущался недостаток вентиляции.

— Пять градусов влево и семь вниз,— сказал техник-геофонист.— Мы уже близко. Они только что снова начали и работают, как часы: бурят тридцать минут, потом замолкают и прослушивают нас.

— Далеко?— спросил одноглазый седой мужчина.

Техник, поколебавшись, ответил:

— Думаю, меньше метра.

Они подождали, слушая скрежет, ощущая вибрацию скал из-за работы горного комбайна.

— Бедняжки,— кто-то шепнул в темноте.

— Это мы бедняжки,— проскрипел другой.

— Это все танцы квантов.

Минуты тянулись, как часы.

— Все в порядке,— позвал Посвященный с геофонами.— Они прошли. Начинаем бурить.

Они подняли держак и направили лазерное сверло в стену, через каждые десять секунд отводя его в сторону, чтобы проверить глубину.

— Одна целая, пять десятых,— отметил бурильщик, его роба была густо посыпана пылью. Он снова всадил бур и надавил на него всем корпусом.— Ну-ка, кажется, прошли насквозь.— Он вытащил бур и заглянул в отверстие:— Свет.

Посвященный кивнул, вставив тонкий телескопический перископ в отверстие:

— Здесь никого нет, но... Погодите. Кажется, сюда возвращается группа. Что за...— Он дернулся назад.— Бегите! Вон сюда!

Они даже не успели отскочить, как стена взорвалась. Стоявшие рядом были разорваны на куски в одно мгновение. Искореженные тела отбросило к противоположной стене, сверху обрушились обломки стены.

Те, кого взрывная волна сбила с ног, понемногу приходили в себя. В ушах дико звенело. Одноглазый мужчина отступил назад, ища черный ящик. Он пытался поднять его, но никак не мог ухватить. Стерев слезы, бегущие из единственного глаза, он уставился на свою руку, только сейчас заметив, что у него оторваны почти все пальцы, и кровь хлещет струей.

И тут над головой просвистел бластерный заряд. Он рванул вперед, прижимая к себе черную коробку здоровой рукой. С размаху упав, он всем телом лег на коробку. И видя, как его окружают вооруженные люди, нашел нужную кнопку и нажал ее.

Умирающий, коченеющий, он едва осознавал удары обрушившейся кровли. Угасающим сознанием он уловил стоны и крики реганцев, которых вместе с ним тонны скальных обломков погрузили в вечный мрак.

Стаффа, потягивая из чашки холодную стассу, рассматривал расстеленную на деревянном столе весьма потрепанную карту. Зал собраний был превращен в военный штаб. Час за часом Стаффа и Кайла не отрывались от мониторов, с растущим отчаянием следя за медленным крушением всех надежд.

— Еще одна группа погибла,— Стаффа отметил стилусом место на карте.— Но хоть удалось уберечь горные машины. Похоже, что люди Синклера прячутся в боковых туннелях. У нас меньше шансов уничтожить их в перестрелке. Лучше всего подкладывать мины.

Кайла потерла усталые покрасневшие глаза:

— Я не хочу позволить им пройти внутрь. Не хочу подпускать их так близко к пещерам. И мне очень не нравится, когда гибнут наши люди.

Стаффа поморгал, отгоняя сон. «Сколько это уже продолжается?»— и сказал:

— Наш единственный шанс— это уничтожить их как можно больше. Тогда мы сможем поторговаться.

— Я все это знаю. Но мне очень хочется, чтобы это скорее произошло.— Она набрала в легкие воздух и с силой выдохнула.— Послушай. Иди поспи. Тебе это просто необходимо. Ты не прилег с тех пор, как они бомбили нас.

Он кивнул и нетвердой походкой направился в маленькую келью, вошел в альков и буквально повалился на жесткое ложе. Через мгновение он уже спал глубоким непробудным сном.

Синклер мигал, глаза его жгло, словно в них попал песок. Во рту ощущался привкус железа. Бесконечное внутреннее напряжение, беспрестанная борьба с самим собой издергали его душу и плоть. Каждая мышца стонала от боли. Воля временами так слабела, что его охватывал безудержный страх, стоило взглянуть на экран. На мониторах, окружавших его со всех сторон, вырисовывались разномасштабные схемы Макарты. Синклеру казалось, что он уже знает каждый миллиметр этой проклятой горы.

— Мы внутри,— отрапортовал Каймон.— Нас было одурачил их прослушивающий пост. Но на сей раз нам удалось прикончить их прежде, чем они успели взорвать кровлю. Мы здесь, Синк! Окончание операции теперь только вопрос времени.

— Будьте осторожны!— предупредил Синклер, стараясь подавить внезапное волнение.

Каймон откликнулся:

— Конечно, тем более, что мне доложили, они уже знают о нашем присутствии. Мои люди ведут бой. Вот оно, настоящее,— в голосе Каймона послышались восторженные нотки...

Скайла открыто смеялась над ним. Ее лицо просто ослепляло своей красотой. Он подошел к ней поближе, обнял ее и крепко прижал к себе. Его обдало теплом ее тела, он чувствовал ее упругую грудь. Он отодвинулся, глядя в ее голубые, как аштанское небо, глаза...

— Стаффа!— прозвучало над самым ухом.— Он медленно разлепил веки, и голубые глаза Скайлы превратились в карие, классические черты лица Скайлы незаметно перешли в лицо майканской женщины, суровое, с высохшими скулами.

— Стаффа!— трясла его Кайла.— Просыпайся, черт тебя побери! Они прорываются!

Он тряхнул головой, пытаясь стряхнуть липкие остатки сна, клочьями серого тумана застилавшие глаза, и, наконец, оглядевшись, увидел себя в келье. Он моргнул несколько раз, силясь встать:

— Где?

— Второй уровень, сразу за дистиллятором,— Кайла смотрела на него, не пытаясь скрыть охватившей ее тревоги.

Стаффа усилием воли вернул ясность мысли и приказал:

— Отзовите всех с уровней 1 и 2. Заложите и взорвите мины в Новайских гротах. А что с нашими?

Кайла с некоторой растерянностью пожала плечами:

— Мы не знаем. Они должны были проделать туннель.

Наверное, что-то случилось. Возможно, реганцам удалось схватить их. И что будет дальше — я не знаю.

Он положил руки ей на плечи, в ее глазах плескалось отчаяние, и ободряюще проговорил:

— У нас остается возможность для отступления. Может, это нам удастся.

Она глянула на него глазами, полными слез:

— Да,— пробормотала она безжизненным голосом,— может быть.

Он оставил ее, твердо сказав:

— Не уходи никуда,— и бросился к двери.

Стаффа несся по туннелю к верхним уровням. Временами каменные стены вздрагивали от близких взрывов. Туннель гудел. По проходам мчались обезумевшие люди, в глазах их застыли безнадежность и отчаяние. Стаффа перепрыгивал через три ступеньки. Он очень спешил. Завернув за угол, он оказался в главном коридоре второго уровня. Взрывы, бластерные удары и одиночные выстрелы сливались в какую-то страшную какофонию — и уже совсем близко.

— Лорд Командующий!— окликнул кто-то.

Стаффа оглянулся. Вилм высунулся из-за выступа скалы и, не переставая палить в густую темень Новайских гротов, позвал:

— Сюда!

— Что произошло?— спросил Стаффа, бросаясь на пол и подползая ближе.

Вилм прокричал, стараясь перекрыть грохот взрывов:

— Они прорвались! Очень организованно. Проклятые, их здесь сотни!

Вилм покачал головой, его лицо было покрыто слоем пыли, он придвинулся поближе, чтобы не кричать:

— Не пойму, как это им удалось!

Стаффа спросил, заряжая бластер:

— Есть наши люди на верхних уровнях?

Вилм махнул рукой:

— Нет, все удрали вниз.

Поморщившись, Стаффа приказал:

— Тогда поставь мины.

Вилм удивился:

— Но там же наше оборудование. Мы потеряем половину.

— Вилм, мы не сможем сюда вернуться!— скрипнул зубами Стаффа.— Зачем оставлять все это Синклеру Фисту? Чтобы он использовал против нас? Эвакуируй на третий уровень и взорви!

Вилм разразился проклятьями, но, в конце концов, поостыв, согласно кивнул. Направив бластер в темноту, Стаффа выстрелил длинной очередью, заставив противника податься назад. Бластерные разряды разорвали темноту, и на несколько мгновений стало видно, как Посвященные и вооруженные рядовые Седди отступают. Стаффа узнал рыжеволосую женщину, но в ту же секунду удар вражеского бластера разнес ее на куски. Туловище упало в одну сторону, ноги — в другую. И снова обрушилась тьма.

Стаффа тронул Вилма за плечо:

— Давай. Нельзя терять времени. Доберись до взрывателя. Я тебя прикрою.

Мастер одарил Стаффу тяжелым взглядом, нервно кусая губы:

— Нет, Лорд Командующий. Лучше идите вы. Вы представляете большую ценность, чем я. Я вас надежно прикрою, а вы щелкните взрывателем. А этим дерьмовым реганцам все равно, кто их взорвет.

Скала, за которой они прятались, содрогнулась, затрещала, от нее отрывались куски, сыпалась пыль, запахло серой.

Стаффа хлопнул Вилма по спине и, пригибаясь, метнулся в боковой коридор. Он нашел рукоятку взрывателя и ждал, пока уйдут Седди, многие из которых были серьезно ранены. Наконец, пробежал Вилм и на ходу кивнул.

Стаффа рванул рукоятку рубильника. Пол содрогнулся. Где-то позади с грохотом рухнула скала. Казалось, само основание горы заходило ходуном. Все, к солнцу пути не было. Теперь им оставался единственный путь — уходить все дальше в недра Тарги.

Синклер подвинулся на угол кушетки, стоящей в командном модуле его десантного судна. Он, не отрывая взгляда, смотрел на дисплей. Тяжелая тупая боль концентрировалась в мозгу и давила изнутри на глазные яблоки. Ему казалось, что он падает в пустоту. Зрение его периодически затуманивалось, и он устало мотал головой, чтобы согнать эту серую пелену.

Мхитшул, поколебавшись, тронул его за плечо:

— Вам нужно немного поспать.

Синклер вяло отмахнулся:

— Лягу, как только вызволим Мака.

Он едва различал Мэйз, освещенную яркими лучами солнца, которая тоже, не отрываясь, наблюдала за последней группой людей. Внезапно корабль вздрогнул, раздался нарастающий раскатистый гром.

— Синк?— позвала Мэйз.

Синклер вскинулся:

— Да, что это, черт побери, было?

— Они взорвали полгоры. Это сумасшествие. Они наверняка убили всех,— Мэйз затрясла головой, черты ее лица напряглись, искаженные тревогой.

— А что говорят инженеры?— хрипло буркнул Синклер, он чувствовал, как сердце тяжелым комом застряло в горле. «Мак? Не может быть!»

Мэйз вздохнула и пожала плечами:

— Они все там погребены. Никакой возможности вытащить их, разве что еще раз прорывать ходы.

— У нас совершенно нет времени. Что сейсмологи говорят о положении Мака? Он остался в живых?— сердце его остановилось от недобрых предчувствий.

Мэйз успокаивающе посмотрела на Синклера:

— Они докладывают, что внизу пещеры остались нетронутыми. Так что надежда есть.

— Продолжайте рыть туннель с другой стороны. Боже, сколько погибло! Еще одно отделение,— Синклер охватил голову руками, боль, казалось, вот-вот разорвет ее.

Мэйз скорбно посмотрела на него и вернулась к пульту коммуникатора.

Мхитшул бесшумно исчез, пряча глаза. Синклер тяжко вздохнул и растер лицо онемевшей рукой. Может, ему согласиться? Позволить Седди уйти? Отпустить их и не проливать больше крови. Сохранить жизнь Маку и ребятам? Что еще остается сделать...

На одном из мониторов зажглась лампочка, и на экране появилось лицо Ристы Брактов.

— Синклер Фист?— без всякого почтения обратилась она:— У меня есть для вас сообщение с Реги. Мы идентифицировали таинственного «Тафа».— Ее губы зазмеились в улыбке.— Вашим противником является Лорд Командующий Компаньонов, Стаффа кар Терма.

Синклер выпрямился, моргая и в недоумении качая головой. Неужели он не ослышался?

— Стаффа кар Терма? Звездный Палач?

Риста сложила на груди руки:

— Так точно.

— Прогнившие Боги!— Синклер с силой хлопнул себя по колену кулаком.— Если бы я знал!— Он начал мгновенно просчитывать стратегию Лорда Командующего. «Господи, ведь ключ был у меня в руках, ах, если бы я знал раньше!»

— Но вы не знали.— Глаза Ристы сузились в щелочки. Она выглядела очень недовольной.— Впрочем, так же, как и я. Его присутствие здесь совершенно необъяснимо... и продолжает таковым оставаться. И мы никогда не узнаем причину его появления здесь.

Синклер вскинул голову:

— Почему?

Риста поколебалась и холодно посмотрела на него:

— Потому что вы сейчас начнете эвакуацию людей с Макарты и будете готовиться к орбитальной бомбардировке.

— Это невозможно!— Синклер вскочил на ноги, уставясь в монитор:— У меня там шестьсот человек.

Он краем глаза видел Мхитшула, прислонившегося к дверям, глаза его широко раскрылись. Наступила мертвая тишина.

Риста холодно проговорила:

— Я в курсе, Первый. Но у меня есть приказ от императора Тибальта. Это значит, что он считает достаточной платой за смерть Лорда Командующего шестьсот жизней своих солдат. Мне дан приказ уничтожить седдианскую крепость... и я сделаю это. Приступайте к эвакуации людей, Синклер.

Синклер спросил внезапно осевшим голосом:

— Сколько вы нам даете времени?

— Один тарганский день,— кратко и сухо ответила Риста.

— Но я...

— Один тарганский день, Синклер Фист. Будьте внимательны, не прозевайте, потому что завтра точно в это время я взорву Макарту, сотру ее в порошок!— Риста ядовито и победно улыбнулась и исчезла. Экран погас.

Рабочий кабинет Тибальта, Седьмого императора, ломился от всей мыслимой и немыслимой роскоши, которую только могло измыслить самое утонченное воображение: изящная мебель, отделанная золотом, великолепные миклениански безделушки. Вошедшего встречало изумительное голографическое изображение низвергающегося с невообразимой высоты водопада. В нишах стен на фоне мерцающего звездного неба невесомо плыли голоизображения планет, покоренных Регой. Невесомые панели потолка давали ощущение бесконечной высоты, переходящей в голубую вечность. Пышный, сочный волоконно-оптический ковер создавал иллюзию волнующегося золотого моря.

Инкрустированный драгоценными камнями рабочий стол полукругом обрамлял удобное гравкресло. Голографические мониторы сияли разноцветными огнями, показывая, как прекрасна и изумительна жизнь, как она с каждым днем расцветает все больше и больше во всех уголках империи.

— Я хочу немедленно видеть министра Такка,— лениво процедил Тибальт, Седьмой император, нажав кнопку коммуникатора приемной залы. Он смотрел на монитор, с экрана которого ему профессионально улыбалось лицо секретаря, жестом приглашающего Айли и еще какую-то женщину войти.

— Вот ты и вернулась, Айли,— шепнул он себе.— И судя по выражению твоих глаз, ты уверена, что все контролируешь. Да, это очень интересно.

Айли стремительно прошла сквозь защитное поле перед двойными дверями, ведущими в кабинет Тибальта, запнувшись на миг, и после мгновенной проверки двери распахнулись. Айли вошла, и Седьмой император обратил внимание, что у пояса, как всегда, привешены знакомый маленький пистолет и кассета высшей защиты. Одета она была в черный, плотно облегающий костюм, на плечах мантия из черного миклениански шелка. Идущая следом женщина была одета в тонкую коричневую тогу, на шее тускло мерцал ошейник.

Тибальт посмотрел вверх и легким ленивым движением снял наушники и отключил голомонитор. Он откинулся назад, и гравкресло автоматически приняло наиболее удобную форму. Черная кожа императора разительно контрастировала с белоснежными одеждами. По его губам поползла медленная улыбка, и, наконец, блеснула у него в глазах. Да, невзирая на подозрения и гнев, который вызывала у него министр внутренней безопасности, жизнь без Айли стала скучной и пресной.

— Ах, моя сладчайшая Айли! Как я рад тебя снова видеть!— Тибальт перевел взгляд на стоящую позади женщину с каменным лицом. Он затаил дыхание, и сердце бешено застучало в груди, когда он глянул в эти горящие янтарные глаза, пылавшие на

белоснежном лице в обрамлении свободно лежащих каштановых прядей. Ее красота так потрясла его, что вся роскошь кабинета показалась ему блеклой и ненужной.

Тибальт усилием воли взял себя в руки:

— Что скажешь, Айли?

— Я приветствую вас, Тибальт,— улыбнулась Айли, и он не заметил волнения в ее черных глазах.— Я приготовила вам подарок, мой император. Она ваша. Но, если вдруг она вам не понравится, я тотчас же отошлю ее к рабам.

Арта Фера напряглась, все ее тело излучало настороженность зверя, глаза впились в императора. Ненависть горела в этих желтых яростных глазах.

Тибальт встал и сделал шаг вперед, стараясь дышать ровнее:

— Мой Бог! Где ты ее откопала, Айли?— он еле собрался с силами.

— Будьте предельно осторожны, мой император,— Айли предостерегающе подняла изящную руку, глаза ее сузились.— Это седданская убийца, Тибальт. Ее зовут Арта Фера. Она очень ловкая и опытная убийца. Не вздумайте, повторяю, даже не пытайтесь испробовать ее силу. Вы меня понимаете?

Тибальт механически кивнул, не в силах оторвать глаз от совершенных линий этого тела, которое не мог скрыть тонкий материал костюма.

— Но она же в ошейнике,— прошептал он, едва пересиливая себя.

— Она, кроме всего прочего, несет в себе психологический код,— добавила Айли.— Ни в коем случае не прикасайтесь к ней! Это крайне опасно.

Тибальт кивнул еще раз, лаская взглядом чудесное тело Феры. Он восхищался ее крутыми бедрами, великолепными стройными ногами. Потом его взгляд поднялся выше на плоский живот, на упругую грудь, нежную шею и, наконец, остановился на ее совершенном лице.

Словно позабыв обо всем на свете, Тибальт воскликнул:

— О, эти янтарные глаза, они затягивают, как омут. Посмотри, сколько в них ненависти и хитрости, Айли!

Министр внутренней безопасности подошла к столу и быстро нажала кнопку. Немедленно вошли два охранника. Айли протянула им контрольный ящичек ошейника и сказала:

— Уведите ее. Не спускайте с нее глаз. Она профессиональный убийца и чрезвычайно опасна,— глаза Айли сузились в щелки.— И не касайтесь ее даже пальцем — она мгновенно убьет вас.

— Погодите,— Тибальт поднял руку, и еще раз, держась на некотором расстоянии, обошел седданскую красавицу.— Я никогда не видел такой женщины.

— Мой император,— напомнила ему Айли твердым голосом.— Нам необходимо заняться вопросами государственной важности.

— Да, да, конечно,— вздохнул Тибальт, выпрямляясь и прово-

жая жадным взглядом уходящую Арту. Лихорадочное воображение рисовало ему сладостные распаляющие картины.

— Потрясающая,— заключил он, когда дверь захлопнулась. Он прикрыл глаза и глубоко вздохнул, ощущая ненасытный голод и зов своей плоти.— Невиданная притягательность...

— Не уверена, что поступила разумно,— резко произнесла Айли.— Но должна вас предупредить, император, не спускайте с нее глаз. Она обучена убивать — и она ненавидит реганцев. Вы отдаете себе отчет в опасности, которую она представляет?

Тибальт рассеянно кивнул:

— Да, да, конечно.

Айли ткнула рукой в его персональный комм:

— Пожалуйста, занесите эти сведения в его память: этарианцы обучили ее искусству любви... ее готовили в жрицы... Седди психологически настроили ее на убийство, она убивает тех, кто попытается с ней переспать... Ею руководит ненависть. Она убила подружку Синклера Фиста просто потому, что та была реганкой. Она уничтожила всю службу безопасности Первого Майкрофта и организовала разгром Второй тарганской десантной дивизии. В Каспе она работала с убийцей, убившим Аткина и Кэпитола. Она истребила уйму солдат на Тарге.

Тибальт хмыкнул:

— Что ты говоришь? Женщина с таким магнетизмом? Какая гм... потеря!

— Может быть,— согласилась Айли, сцепив тонкие пальцы.— Но я вас предупредила. Теперь перейдем к делам. Вы получили мое послание о том, что Синклер загнал Стаффу в ловушку на Тарге?

— Да,— он наконец оторвался от обуревавших его мечтаний и попытался сосредоточиться, но это ему не совсем удалось:— Я последовал твоим рекомендациям в этом вопросе. Фисту дали один день, чтобы он убрал своих людей и все, что он захочет сохранить. Риста сравняет Макарту с землей.

— А как насчет моего предложения дать Синклеру титул лорда? — Айли шагнула вперед, дразняще покачивая бедрами. Она склонилась над мониторами, прижав свои пышные упругие груди к пластику... и все последние здравые мысли Тибальта испарились.

Он посмотрел в ее горящие страстью глаза, его неудовлетворение и голод росли:

— Это может быть чуть сложнее. Сейчас очень неустойчивая политическая ситуация — готовимся к вторжению на Сеззу. Так просто присвоить титул лорда — это...

— Полностью в твоей власти,— она склонилась еще ниже и поцеловала его. Тибальт застыл. Она языком провела по его губам и пощекотала язык.

Совершенно выбитый из колеи, он набрал полную грудь воздуха и откинулся назад, уставясь на нее:

— О, я как-то отвык от твоей наглости,— он хмыкнул.— И мне так ее не хватало. Ни у кого из моего окружения нет такой беспардонности, как у тебя, Айли. Ты приносишь одни неприятности. Военная клика с пеной у рта судачит об этом Синклере Фисте.

Половина моих советников жаждет его крови! Чем ты там занималась? Что бы там ни было, но если у тебя нет убедительных ответов, это будет очень плохо для нас обоих.

Она дерзко улыбнулась, обошла вокруг стола и провела пальцами по его груди:

— Я провела ужасное время там, Тибальт. Я злая, как черт. Наверное, мне не стоило так быстро привозить эту седдианскую штучку сюда. Но я подумала, скажем так, что это подходящий случай подогреть тебя.

Тибальт подмигнул:

— Ты как всегда необычайно хитра, моя горячая кошечка?

Она откинула голову назад, укутав его волной черных шелковистых волос. Он погладил ее бедра, и желание, вызванное присутствием Феры, вновь охватило его.

Айли проворковала:

— Конечно. А ты хотел, чтобы я была другой?

Император с некоторым сомнением покачал головой:

— Нет. Думаю, что нет. Мне нравится, что ты именно такая.

— А теперь не хочешь ли рассказать мне, что за ерунда происходит на Тарге?

— Нам нужен Синклер Фист,— ровным голосом проговорила она. Фист захватил целую планету. Фист выставил героев Ристы в дурацком свете и уничтожил половину из них. Должна добавить, что он вот-вот уничтожит Стаффу. Такой талант, несомненно, достоин звания лорда, как ты думаешь?

Тибальт холодно изучал ее:

— Мы проверили кое-что. Он — отродье седдианских убийц, так же, как и твоя замечательная Арта Фера. Он находился под опекой государства. Неизвестно, откуда родом его родители, мы думаем, что с Тарги. Кроме этого, нам не известно ничего больше. Судебный магистр, вынесший приговор его родителям, поместил Фиста, как ребенка, оставшегося без родителей, в государственный пансионат. Сохранились записи о его раннем развитии, он опережал намного своих сверстников. Как ты думаешь, какое место занял твой Синклер Фист в национальном университетском конкурсе?

Айли презрительно скривила губы:

— Вряд ли в первой сотне...

— Он был третьим,— Тибальт с удовольствием наблюдал за ее ошеломлением.— Причем, так было объявлено официально. На самом деле он был первым. Но тех двоих передвинули вперед по, гм, так сказать, политическим мотивам. Сама ведь знаешь, как поощряют фаворитов — нормальное развитие событий.

Она в задумчивости сунула большой палец в рот, машинально покусывая его:

— Не понимаю. Его должны были автоматически принять в университет. Как так...

— Ты права,— Тибальт крутанулся в кресле.— Кто-то, мы даже не знаем кто, заплатил нужному человеку. И твой Синклер был отправлен в армию рядовым, попав сразу на войну. Он участво-

вал в реганской войне впервые в жизни. Ты понимаешь, что это означает?

Айли кивнула:

— Он должен был стать обычным пушечным мясом. И ты не знаешь, кто этот таинственный благодетель или враг?

— Нет,— лицо Тибальта приняло сосредоточенное выражение. «Проклятье, почему все остальные его министры не такие?» Значит, ты поняла, в чем проблема?

Она кивнула:

— Да. И это приводит меня в ярость. Кто-то смошенничал с ним. Кто? И как он узнал о существовании Синклера Фиста? Сколько еще подобных ему гениев выброшены подобным образом за борт? Кто стоит за всем этим... и почему?— она сузила глаза в щелочки.— Мне не нравятся темные лошадки, Тибальт. Я доберусь до сути.

— Я очень рад, что ты вернулась,— улыбнулся Тибальт, с удовольствием оглядывая ее точеную фигуру.— И причин этому очень много.

Айли напомнила:

— Ты сделаешь Фиста лордом?

Тибальт поджал губы:

— Мы не сможем скрыть тот факт, что его родители были седдианскими убийцами. Он случайно узнал об этом. Судебный магистр, который вел дело, пошел в отставку за несоответствие занимаемой должности. Фист поехал посмотреть тела своих родителей. Это тебе ни о чем не говорит? Ты можешь сказать с уверенностью, какие помыслы руководят им в войне против Седди?

Тяжелый прищур глаз Айли не оставлял сомнения:

— Его ненависть к Седди имеет прочную базу — и я уверена, что она искренняя. Естественно, что я знала о его родителях. Я первым делом проверила это. Неудача с покушением на твою жизнь — самая большая твоя удача. Она вырвет Фиста из рук Седди.

Тибальт, не скрывая сомнения, спросил:

— Ты думаешь? Может, его побег на Таргу вовсе не имеет того смысла, как тебе кажется?

Айли упрямо мотнула головой:

— Поверь мне, я видела его глаза, следила за его лицом. Я была в том месте, где он нанес удар седдианской армии — там не осталось ничего живого, и не скоро появится. Если бы он был Седди, он сейчас бы не владел Таргой... Он получит титул лорда?

Тибальт еще пытался сопротивляться:

— Он же безродный! Когда это Тибальт возвышал... безымянного, неизвестного происхождения... Мой Бог, Айли! Если это всплывет? Скандал будет...

— Чушь!— она засмеялась, глаза засверкали дьявольской насмешкой.

Тибальт опешил:

— Что ты сказала?

— А кроме того, кто посмеет оскорбить человека, который может разнести Сеззу на куски и у которого есть могучая армия, с восторгом повинующаяся мановению его руки?

Тибальт продолжал сомневаться:

— Это несколько из другой области, Айли. Я даю тебе мое...

Айли не дала ему договорить, прервав с нескрываемой невежливостью:

— Нам нужен Синклер Фист во главе реганских военных сил. Ты это-то хоть понимаешь? Вся мощь Сеззы превратится в гнилой орех, и нам ничего не будет стоить раздавить его.

— А Компаньоны?

Глаза Айли с удовлетворением блеснули:

— Синклер снова сможет проявить свои феноменальные способности, мой император. Без Стаффы они не смогут противостоять гениальности Синклера. Я знаю это. Он просто невероятный тактик и стратег! Он сумеет захватить Итреатические Астероиды, пока Скайла Лима закончит причесываться.

Тибальт готов был сдаться:

— Если я соглашусь со всем этим?

— Ты понимаешь, что он нам нужен... так же, как и я. Я ведь посылала тебе видеозапись его расправы с дивизиями Ристы.

Тибальт подпрыгнул от возбуждения:

— Мне действительно не хватало тебя, Айли. Никто меня так не стимулирует, как ты.— Он остановил на ней свой взгляд, она тайком улыбалась... с триумфом? Тибальт обнял ее и с жадностью поцеловал.

— Еще есть какие-нибудь неотложные дела, мой император?— спросила она, лаская пальцами его грудь.

— Поглядим,— прерывающимся голосом ответил он, сбрасывая мантию. Но даже когда он раздел ее и уложил на ковер, перед ним все равно стояло великолепное лицо седдианской женщины.

На панели коммуникатора загорелся сигнал вызова, и раздался голос Синклера Фиста:

— Приветствую, Стаффа кар Терма...

Сердце Стаффы учащенно забилось. Как это Фист узнал его? Холодок пробежал по его спине. Все, теперь Рега бросит всю свою мощь против Седди. Айли проследит за этим, чтобы скрыть свой промах. И даже если он сумеет переговорить с Тибальтом, что может подумать Седьмой император? Что Лорд Командующий сражается на стороне Седди?

Стаффа постарался успокоиться, оглядывая комнату, наскоро устроенную под военный штаб.

— Поздравляю с открытием,— ответил Стаффа, голос его оставался ровным и невозмутимым.

Синклер так же невозмутимо продолжал:

— Мне бы доставило огромное удовольствие уничтожить тебя, Звездный Палач. Я очень сожалею, что это дело доверили не мне. Тебе осталось всего несколько часов. Мне приказано эвакуироваться. Орбитальная бомбардировка закончит уничтожение Ма-

карты,— пауза. Потом:— Мне жаль. Но это приказ Тибальта. Впрочем, ты можешь капитулировать.

Стаффа деревянным взглядом смотрел в никуда. В голосе Фиста звучало крушение всех надежд. «Я бы хотел встретиться с тобой, Фист. Я хотел бы посмотреть в твои глаза и увидеть, какой ты человек».

— А твои шестьсот мужчин и женщин, запертых на пятом уровне? Ты приговариваешь и их тоже?

Голос Фиста зазвучал так, будто из него вынули часть души:

— Император приказал. Я... не могу спасти их. Я пытался...

Стаффа прервал:

— Человеческая жизнь, Синклер, самая дешевая вещь на свете. Ты свыкнешься с этим. Я был в твоем положении много лет. А сейчас я глубоко опечален гибелью людей, которых я уничтожил,— он помолчал.— Мне так же жаль золотой медальон, который будет погребен здесь, в пещерах, вместе с нами. Он должен быть среди людей, как символ красоты, чтобы им восхищались. Подумай — что же мы за создания, если разрушаем самое ценное — знания?

Синклер с неожиданной горечью отозвался:

— Может, мы на самом деле прокляты, как считают этарианцы. Прогнившие Боги вырвались на свободу, и их дыхание пропитало всю Вселенную. Существование — это сплошные страдания, Звездный Палач. Боль, бедствия, несправедливость — вот наше наследие. Единственная реальность — власть.

— Миф односторонности,— ответил Стаффа с печалью в голосе,— исковерканная эпистемология. Иллюзия, как и...

Синклер перебил:

— Но достаточно сильная, чтобы возобладать на этот момент.

— Это наша вечная трагедия,— согласился Стаффа.

В голосе Синклера зазвучала нескрываемая ирония:

— Если это тебе так ненавистно, зачем ты принимаешь участие в борьбе? Зачем же ты ввергнул Таргу в пучину революции, причем бессмысленной? Как ты можешь рассуждать о справедливости, когда ты сам подстрекаешь своих людей быть палачами? Мне не хочется тебе верить! Ты рассуждаешь об искореженной эпистемологии? Надеюсь, что твоя душа задохнется в волнах лжи.

Стаффа поймал себя на том, что кивает темному экрану:

— Не я начинал эту бучу на Тарге. И даже если бы я тебе объяснил, почему так произошло, ты бы мне все равно не поверил. Седди считают, что кванты — это шутка Бога во Вселенной. Заключительная ирония. Может, это так и есть. Я еще не искупил свою вину, Синклер. Но тем не менее, я борюсь на стороне Седди — не столько за их жизни, сколько за то, чему они могут научить человечество.

Комм донес легкий, с издевкой, смешок:

— В самом деле? Столько жертв, принесенных на алтарь убийств, интриг, террора и бунта? Избавь меня от своих заблуждений...

— Надежд,— поправил Стаффа.— Может, именно здесь

лежит путь нашей свободы из ловушки Запретных Границ. Может, мы сумеем вернуться назад на Землю и...

Синклер резко оборвал:

— Еще один миф.

— Нет, это не миф. Это мечта,— возразил Стаффа.— Цель всего человечества, его назначение. То, чего у нас нет в данный момент. Куда мы идем, Синклер? Когда ты уйдешь, я буду мертв и похоронен. Затем ты нападешь на сеззанцев и, если быть честным, выиграешь. Ты сумеешь совершить чудо и покорить Компаньонов. А потом? Где конец всему? Ты уничтожишь человечество. Мечты превратятся в радиоактивную пыль. Оплавленные обломки расколотых миров в отравленной атмосфере. Блестящее и манящее будущее, не правда ли?

— Разговор у нас бесцельный, Звездный Палач,— ответил утомленный голос.— Твоя последняя надежда — выйти и сдаться.

Стаффа рассмеялся:

— Чтобы попасть в ручки Айли? Ты что, серьезно? Ответь мне, что ты знаешь о ней? Прогнившие Боги, ты же сам не доверяешь ей, разве не так?

Синклер раздраженно отрезал:

— А ты считаешь, я должен доверять седдианскому бунтовщику? Не говори мне о доверии. Твои Седди довели моих родителей до гибели. Я на себе познал то зло, которое зовут Седди. Но я и не предполагал, как дорого это будет стоить — убить тебя.

Стаффа взглянул на индикатор времени и сказал:

— Я помогу тебе спасти Мака и его людей. Дай нам выйти. Только выпусти нас и увидишь, как тебе сразу удастся выручить Макрудера,— Стаффа рассмеялся.— И что бы ты, Синклер, ни думал, победа все равно на моей стороне. У меня около двухсот мужчин и женщин, почти необученных. А мне удалось захватить шестьсот твоих лучших ребят. Этого уже не изменить, даже если мы все здесь погибнем.

Несколько мгновений комм молчал, потом снова раздался негромкий голос:

— Мне бы очень хотелось проучить тебя и твоих Компаньонов, Звездный Палач. Но сейчас мы в неравных условиях.

— Да, увы, это так.

— Больше всего, Звездный Палач, мне хочется заглянуть в твои глаза.

Связь прекратилась. Стаффа отвернулся, прошел через комнату и сел на деревянный стул у большого планшета с расстеленной картой. Отсутствующим взглядом он смотрел куда-то поверх стола, полностью погруженный в свои мысли, не сразу расслышав неожиданный вопрос.

Бруен повторил:

— Ты понимаешь все это?

Стаффа повернулся:

— Я даже не слышал, как ты вошел.

Бруен стоял на пороге, опираясь тонкой рукой о притолоку. Синяк на его лбу по-прежнему выглядел ужасным. Усталый

пожилой человек в белоснежной робе неуверенно шагнул вперед и медленно опустился на скамью, невесело вздохнув:

— Я все делаю бесшумно в эти дни,— помолчал и добавил:— Я очень рад, что ты проникся идеями.

Стаффа поднял руки и пожал плечами:

— Реальность — это искусственно создаваемая норма. На нашем уровне сознания мы нечувствительны к квантам. Мы принимаем только общие направления. Кайле нужно указывать ориентиры... и очень много думать, чтобы полностью постичь химеру реальности.

— Только кванты и Бог — вот реальность,— согласился Бруен, кивая головой, украшенной жутким пурпурным синяком.

Долгое время они сидели в молчании, погруженные каждый в свои мысли. Многие экраны мониторов погасли навсегда. На других помехи чертили замысловатую путаницу линий,— они должны были вот-вот отключиться.

Наконец Стаффа прервал молчание:

— Я считаю, что Мэг Комм должна быть уничтожена, чтоб не попасть в руки реганцев. Если Фист не блефует, то нас скоро разбомбят с орбиты. Я думаю, что за всем этим стоит Айли.

— Если воспользоваться туннелями? Одним из тех, что ты прорыл с верхнего уровня. Может, это наш шанс?— глаза Бруена на мгновение сверкнули.— Может, хоть некоторым удастся спастись? Бежать в...

Стаффа тоскливо улыбнулся:

— Мы не сможем спрятаться от них, но все же попытаемся,— голос его звучал печально:— Вдруг квант изменит волновую функцию? Ослепит наших врагов?

Бруен подтвердил:

— Это шанс. Наша единственная соломинка, за которую мы можем ухватиться... сейчас наблюдения никак не изменят реальности.

— Ну, что ж,— решительно сказал Стаффа,— соломинка так соломинка. Попробуем ухватиться...

Макрудер поерзал на месте: в его спину впивался острый камень. Он и вся его команда сидели в кромешной тьме, потеряв счет времени. Сверху слышался скрежещущий звук, и Мак почувствовал всеобщее растущее напряжение. Сколько же прошло времени с тех пор, как последний бластерный удар пронзил черную пещеру? Двое его людей были тяжело ранены упавшими обломками скалы. Остальные успели отскочить. Он посмотрел на индикатор атмосферного анализатора — для этого пришлось поднести руку к самым глазам. Впрочем, и без анализатора было ясно: кислород быстро расходовался. Он ощущал его нехватку всем своим существом — легкие сжимала боль. Во рту пересохло. Он бросил мгновенный взгляд на экран ИР-визора и увидел то, что опасался увидеть — пустые лица, безнадежность в глазах, потом щелкнул выключателем, сберегая батарейки и собственные нервы. Тишина

и темнота тяжким гнетом давили на плечи, не давая распрямиться.

«Синк? Где ты? Что там, снаружи, происходит?»

Сколько прошло времени, как закончилась битва? Сколько времени прошло с тех пор, как последний толчок потряс их неустойчивую тюрьму? Бессильно моргая в темноту, Макрудер откинулся назад на камни, ощущая холод скал, пронизывающий его и сосущий из тела жизненные силы.

— Мак?— позвал хриплый голос,— Седди хотят говорить с тобой.

Макрудер подключился к линии:

— Да.

— Говорит Лорд Командующий, Стаффа кар Терма, Макрудер.

«Проклятье! До чего спокойный голос! Значит, вот кто был нашим противником!»

— Ну и что?

Голос бесстрастно проговорил:

— Я только что говорил с твоим Синклером Фистом. Айли Такка узнала меня. Они считают, что моя смерть важнее, чем ваше спасение. Флот Риста готов начать бомбардировку через несколько часов.

Макрудер содрогнулся, на лице проступила маска отчаяния, и он еле ворочающимся языком пробормотал:

— Через несколько часов?— глаза запекло, и слезы, невольные, непрошеные, заструились из его глаз.— О, Синклер,— шепнул он невольно, не дай нам погибнуть. Не в этой тьме!

— Мне очень жаль,— продолжал ровный и твердый голос.— Я бы.. я бы спас вас, если бы мог. У нас есть туннель в пяти метрах от вашей пещеры. Нам нужно взорвать его.

Макрудер встрепенулся:

— И что потом?

— Дело за вами. Вы можете выйти безоружными?

Макрудер покусал губы, стараясь успокоиться и вернуть хладнокровие. Окружающая кромешная тьма, казалось, еще больше сгустилась, но ощущение безнадежности и отчаяния чуточку ослабло.

Но настороженность не уходила, и Макрудер не стал скрывать ее:

— Как мы можем быть уверены, что это не уловка? Что вы просто хотите нас поймать окончательно?

Спокойный голос мягко ответил:

— Я даю вам слово, так же, как давал в свое время Синклер Фист Бутле Рета.

Внутри у Макрудера все перевернулось. Совершенно ошеломленный, он промычал:

— Мы... Да, Да.

Голос Стаффы потеплел:

— Вы услышите постукивание. В этом месте мы заложим взрывчатку. Отведите оттуда людей в безопасное место.

Синклер шагал безостановочно из угла в угол, словно стараясь убежать, но этот человек неотступно преследовал его. Голографическая карта то и дело оказывалась на пути. Слепыми глазами смотрели экраны мониторов.

Будто опьяненный наркотиком, он долгим взглядом смотрел на хронометр. Уходящие минуты отщипывали с садистской жестокостью частички его души. Внезапно рассвирепев, он встряхнул головой и выругался. Безрассудство и отчаяние боролись в нем. «Мак должен умереть,.. а я ничего не могу сделать, чтобы остановить это».

Синклер резко нажал кнопку:

— Первый отделения Мэйз, докладывайте,— он поморщился, глядя на комм. Минуты убегали неумолимо.

Комм откликнулся:

— Мы предприняли диверсию, Первый,— голос Мэйз звучал очень напряженно, фоном ему служили звуки выстрелов и разрывов.— Мы прорвались. Они нас ждали. Нам трудно сопротивляться. Наши жертвы...

— Проклятье!— загремел Синклер, что-то щелкнуло у него в голове:— У нас нет времени! Они там на грани гибели!

— Синк!— в отчаянии прокричала Мэйз.— Мы гибнем здесь! Нам не удастся взять коридор без того, чтобы не взорвать самих себя, а заодно и Седди. Люди падают духом! Мои приказы не...

Вены на его шее вздулись:

— Ты прикажешь своим людям оставаться там! Ты вытащишь Мака из ловушки! ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ?

Мэйз едва сдерживала рыдание:

— Но я же говорю, мы не можем. Мы очень любим Мака, ты это знаешь! Синклер, мы в таком же отчаянии, как и ты, но сколько крови нужно пролить за него и его ребят?

Горло Синклера сжали спазмы. Слезы неудержимо потекли по щекам. Кулаки сжались и бессильно расслабились. Хриплым голосом он приказал:

— Отходи, Мэйз. Выводи своих людей оттуда.

Он прервал связь. Сквозь слезы он едва различал Мхитшула, уставившегося в пол, лицо его было мертвенно-бледным.

Ожил комм, его экран заполнился темными жесткими чертами Риста:

— Фист!

Желваки его напряглись, кулаки невольно сжались:

— Что вы хотите?

Риста не колебалась ни секунды:

— У тебя остался один час для эвакуации войск, потом я начну бомбить,— экран помертвел.

Выхватив бластер из кобуры, Синк разнес комм на мелкие кусочки. Безнадежность и бессилие привели его в такую ярость, что через мгновение вся комната напоминала поле сражения после массированной бластерной атаки.

Обессиленный, он остановился и посмотрел, какой учинил разгром. Опустошенный,— все чувства, казалось, умерли — он

уставился в полуденное солнце. На негнущихся ногах с трудом прошел, запинаясь о разбросанные камни, к трапу десантного судна. Встал и, облокотившись на поручни, пустыми глазами вгляделся в горы Макарты. Губы его пробормотали:

— Мак? Я... мне нужно улетать.

Наклонив голову, он отвернулся и начал подниматься по ступенькам трапа. Войдя внутрь, уставился на свои руки бессмысленным взором. В командных креслах сидели пилот и Мхитшул, низко опустив головы, притихшие, подавленные.

Голос Синклера стал скрипучим:

— Мхитшул? Я...

Он попытался сглотнуть, протолкнуть этот огромный ком в горле.

— Приказываю... Приказываю начать генеральную эвакуацию. Выводите людей и вылетайте на орбиту.— Силы покинули его, и он почти упал на переборку, согнувшись под собственным весом.

Подземные гроты Макарты вздрогнули. Вспыхнул фиолетовый огонь, и скала позади Стаффы рассыпалась в куски. Импульсный выстрел пролетел в дюйме от его головы. Он ощутил горячий вихрь, и щеку его слегка обожгло.

Воздух стал спертым и тяжелым. Смерть таилась за каждым углом. Повсюду валялись истекающие кровью трупы.

Пригнувшись за выступом, Стаффа приготовил свой бластер и стал ждать. Реганцы притаились за углом, готовясь нанести очередной удар. Стаффа выстрелил и попал в плечо мужчине, неосторожно высунувшемуся, тот вскрикнул и упал. Напротив из туннеля Вилм наносил меткие удары — это подтверждали крики и стоны, доносившиеся со стороны затаившегося в темноте врага...

Удар глухо разнесся в темноте, и позади реганской позиции взорвалась пластиковая бомба. Кто-то дико закричал. Шум битвы постепенно удалялся в глубину туннелей.

Повсюду лежали мертвецы, небрежно раскинув руки, вперив безжизненные глаза в пустоту, казалось, они звали к себе Стаффу, будто призраки из его снов, обещая нескончаемый ужас и страдания.

Он моргнул, потряс головой, чтобы избавиться от наваждения. Еще две группы вооруженных реганцев попали в поле зрения Стаффы, и тут же этот клубок тел был отброшен фиолетовым взрывом. У одной женщины оторвало голову, она еще какое-то время двигала ногами, будто убегая, потом затихла.

Коридоры затянуло пологом дыма, далеко разнесся запах горелого человеческого мяса. По каменному полу растекались лужи крови.

Совсем неподалеку раздался голос. Он скомандовал:

— Назад! Всем группам отойти назад! Эвакуация! Немедленно! Ускоренным маршем!

Стаффа увидел, как реганцы в спешке отступают. Звуки разрывов и выстрелов сменились шарканьем множества убегающих ног, и установилась мертвая тишина.

— И что теперь?— поразился Вилм, двинувшись со своего места.

Стаффа промычал что-то невнятное и поднялся на ноги. Он медленно завернул за угол и не увидел никого, кроме искромсанных трупов.

«У Фиста кончается отведенное ему время»,— догадался Стаффа, бросив взгляд на хронометр.

— Надо взорвать завал в туннеле, ведущем на поверхность. Может быть, Риста не будет столь пунктуальной. Может, нам удастся вывести пару-тройку ребят. Вперед! Спеши!

На широком лице Вилма отразилась безнадежность:

— Может, ты и не ошибся в Макрудере,— и бросился бегом.

— Им придется быть послушными,— решил Стаффа и направился к темному зеву бокового туннеля. Повернув за угол, он побежал вниз по проходу, пока не наткнулся на рабочий комм. Нажав кнопку, стал ждать.

Появилось лицо Кайлы, оно выражало недоумение, смешанное с беспокойством:

— Битва закончилась? Почему?

— Они готовятся применить тяжелые орудия прямо из космоса.— Стаффа поднял брови.— А как люди Макрудера?

Тяжелый взгляд карих глаз встретился с его глазами:

— Они выходят. Они надеются воспользоваться счастливым случаем и остаться в живых.

Стаффа, помолчав, пояснил:

— Вилм взорвет туннель, ведущий наверх. Может, некоторым из нас удастся спастись. Хотя гравитационный удар будет очень жестоким, скорей всего смертельным.

Она кивнула:

— А что с Бруеном?

Тряхнув головой, Стаффа успокоил:

— Вилм присмотрит за ним. Его вынесут наружу, как только выяснят, насколько безопасен выход. Я тоже направлюсь туда.

— Стаффа,— напряженно спросила она,— у нас не очень много шансов, ведь так?

— Всегда есть...— видя, как вспыхнули ее глаза, он вздохнул:— Нет, у нас почти нет шансов. Ты же знаешь, что остается после орбитальной бомбардировки. А Риста будет очень тщательной.

Макрудер быстрым шагом проходил вдоль шеренги своих солдат — мужчин и женщин, пораженных тем, что седдианцы не обращают на них никакого внимания. Лица у всех были очень угрюмыми. Какое было бы сейчас блаженство оказаться на солнышке, вдохнуть свежий воздух, даже если это окажется последним вздохом. У него начало стучать в висках, острая боль охватила голову.

Двигаясь вдоль шеренги, Макрудер уже почти дошел до конца, и вдруг наткнулся на твердый взгляд карих глаз, принадлежащих

женщине в коричневой робе. Она показала ему знак на плече, глаза прищурились.

— Вы Макрудер,— утвердительно произнесла она знакомым контральто, глаза холодно и враждебно заблестели.

— Да, это я,— он выпрямился, рассматривая ее. В другом месте и в другой обстановке она заставила бы любого мужчину оглянуться на нее еще раз.

Голос ее зазвенел:

— Я — Кайла Дон. Мы послали людей взорвать выходной туннель. Мне нужно переговорить с вами.

Макрудер кивнул и двинулся за ней.

Она поразила его тем, как внимательно изучает его лицо, будто старается проникнуть в самую душу:

— Я буду искренней, Макрудер. Шансов у нас не очень много. Первая дивизия отступила. Мы не знаем, сколько времени у нас остается, а по расчетам Стаффы, не так уж много.

Макрудер кивнул:

— Я понял.

Кайла вгляделась в его лицо и невесело усмехнулась:

— Надеюсь. У нас есть один очень узкий туннель, ведущий наружу. Реганцы завалили все остальные. Еще одно — у нас не хватит времени сопровождать всех ваших людей, мы не сумеем провести быструю эвакуацию. В общем, выбирайте... Или вы кооперируетесь с нами или выбираете смерть?

Макрудер, не раздумывая, отрубил:

— Выбора нет. Мы готовы.

Она чуть успокоилась:

— Хорошо. Пожалуйста, сообщите об этом вашим командирам — там, наверху. И поторопитесь.

— Минутку.— Мак поднял руку, прерывая ее.— Насколько малы наши шансы?

Она выразительно приподняла одно плечо, но лицо было непроницаемым:

— Спросите Синклера Фиста. Исходя из того, что говорит Стаффа, реальных надежд почти нет. Орбитальная бомбардировка без сомнения не оставит и камня на камне. Как далеко удастся нам уйти, кто его знает?

Макрудер набрал воздуха и кивнул:

— Мы не хотим умирать в темноте. В конце концов, можно попытаться.

— Впереди колонны слышалось шарканье, мужчины и женщины двигались размеренным шагом, они теперь с надеждой смотрели вперед, зная, что их ждет свежий воздух и солнечный свет.

«Какая хрупкая надежда. Кого я дурачу? Я ведь знаю мощь этих кораблей и знаю, что они сделают».

В толпе возникло легкое волнение, когда высокий мужчина, одетый в перепачканный комбинезон, начал пробираться по направлению к Макрудеру. Комбинезон был покрыт коричневыми пятнами засохшей крови. Стаффа — догадался Макрудер. Черные

длинные волосы незнакомца были собраны в конский хвост над левым плечом. Лицо было запоминающимся с первого взгляда: высокие брови, прямой длинный нос и тонкие, крепко сжатые бескровные губы. Серо-стальные глаза издалека буравили Макрудера, а вблизи этот взгляд было трудно выдержать. Но когда серый воин глянул на Кайлу, глаза его смягчились, в них можно было прочесть горькое сожаление.

Потом он вновь уставился на Макрудера, пронзив его стальным взглядом до глубины души. В неожиданно раздавшемся вопросе были явно командирские нотки:

— Вы Макрудер? У вас есть портативный комм?

Словно слыша себя со стороны, Макрудер автоматически отрапортовал:

— Да. Или был. Мы оставили его в пещерах. «У этого парня, пожалуй, побольше силы, чем у Синклера»,— пронеслось у него в голове.

Да, это был Стаффа. И приказ его прозвучал непреклонно:

— Доставьте его. Нам нужна связь с Фистом, может, мы успеем и выиграем время, чтобы побольше народу успело отойти подальше.

Макрудер пояснил:

— Мне придется взять еще двоих. Комм очень тяжелый.

Стаффа повернулся:

— Кайла, проследи, чтобы все вышли наружу. Никого не оставляй внизу. Пусть гравитационный импульс будет милосердным и... быстрым.

Лорд Командующий развернулся и понесся в черные глубины пещеры. Мак едва поспевал за ним, раздавая на бегу приказы сержантам.

Его передергивало от одной мысли, что придется спускаться снова в эту адскую тьму.

— Синк,— шептал он, сдерживая частое дыхание.— Пожалуйста, потяни чуть-чуть, Синк! Дай нам умереть снаружи! Пожалуйста! Протяни чуть-чуть!

Риста подняла глаза от прицельного монитора, когда Синклер Фист взошел на мостик. В самом деле, каким разным человеком он мог быть. Его невероятный магнетизм приковывал к себе взгляды всех, находившихся на мостике. Много повидавшая на своем веку Риста пристально изучала его, замечая неукротимую скрытность этих странных глаз: серого и желтого, и печать истощения на его лице. Теперь им владело полное отчаяние. Он выглядел совершенно затравленным человеком и все равно оставался очень опасным.

Каждый раз, когда она видела его, он менялся. Ристу пронзила дрожь, она ощутила холодок, бегущий по спине. В его глазах читалась едва видимая боль. Он посмотрел на нее, и это вызвало у нее чувство стеснения в груди, будто стилетом ей пронзили сердце.

Синклер, едва разжав губы, проговорил:

— Мы эвакуировались, командир,— в его голосе была обреченность.

Риста, нахмурившись, процедила:

— Я хотела, чтобы ты знал, Первый, что мне так же не нравится убивать наших людей, как и тебе. Но это приказ прямо от Тибальта.

Уголки его рта дрогнули, спина выпрямилась. Все напряглись.

Он ответил едва различимым шепотом, в котором она смогла прочесть угрозу:

— Я знаю.

Риста не помнила, как у нее в руках оказался бластер, и лишь ощущение гладкого металла несколько успокоило ее. Только однажды она испытала подобное: при встрече с этарианским песчаным леопардом, который смотрел на нее точно так же.

Он с трудом цедил слова:

— У вас свои приказы. Вперед. Уничтожайте моих людей. Убивайте их,— он сглотнул, рот его искривило. Потом он повернулся и деревянной походкой удалился.

Позади него прошелестел неясный шепот и бормотание.

Риста набрала воздуха и с силой выдохнула его:

— Включить силовые двигатели. Уточнить цель.

Первый орудийный доложил:

— Основные батареи заряжены.

— Командир?— вдруг привстал первый связной,— мы видим людей на поверхности.

— Первый орудийный, если вы готовы, огонь,— приказала Риста.

— А если я получу новую информацию снизу?— спросил первый связной.

Риста поколебалась, обернулась и, удостоверившись, что Фист вышел и закрыл за собой люк, сказала:

— Не обращайте внимания. Проклятье, мы должны выполнить приказ. Убейте их всех.

Первый доложил:

— Батареи готовы,— первый орудийный.

Риста с шипеньем выпустила воздух сквозь стиснутые зубы:

— Прощайте, Лорд Командующий.

Напрягаясь изо всех сил, Стаффа с трудом продирался сквозь туннель, такой нескончаемо длинный. Он чувствовал рвущееся дыхание Макрудера, согнувшегося под тяжестью боевого комма, который они тащили наверх. Впереди наконец забрезжил свет. Макрудер вздрогнул и оцепенел, едва не выронив груз.

— Продержись еще минутку,— Стаффа опустил тяжелую металлическую коробку на каменный выступ.

Реганец присел, тяжело дыша, и просипел:

— Сейчас пройдет. Прошу прощенья, не думал, что я...

Стаффа приказал:

— Вставай, пошли. Я понесу сам.

— Но это не...— Макрудер захлопнул рот, потому что Стаффа уже взялся за коробку, подтягивая к груди.

— Вперед,— проворчал Стаффа.— Не отставай.

Макрудер кивнул, еле тащась за ним, с трудом разбирая дорогу...

Дневной свет в первое мгновение ослепил их, хотя солнце уже садилось за пурпурные горы на западном горизонте. Воздух был приятным и освежающим, не было никаких следов сражения, никакого запаха металла или крови, никаких уже ставших привычными трупов.

Стаффа тяжко вздохнул, медленно шагнул наружу и положил свою ношу прямо в цветы на краю зеленеющей перед входом лужайки. Пальцы привычно пробежали по кнопкам, сдвинули рубильники, проверяя энергию и освобождая выдвижную антенну. И наконец он включил микрофон, поставив передатчик на полную мощность.

— Риста!— позвал он, шаря глазами по небу.— Во имя Господа, не стреляй! Это говорит Лорд Командующий. С нами большая часть вашей дивизии. Мы вышли наружу. Ты слышишь? Не стреляй!— желваки у него заходили, пока он ждал ответа.

Тишина.

Стаффа, сдерживая нарастающую ярость, проревел:

— Риста! Будь ты проклята! Возьми меня! Ты слышишь? Я знаю, какой тебе приказ отдал Тибальт. Ну почему эти люди должны гибнуть из-за меня?— сердце бешено стучало в его груди.

— Послушай, Риста, ну зачем тебе убивать лучшую часть дивизии? Я даю тебе свое слово, я сдаюсь! Никаких уловок! Спаси этих людей!

Словно обезумев, он оглядывался кругом. Неподалеку стояла группа вооруженных реганцев. Они наблюдали за ним, на каждом лице светилась надежда. Некоторые подняли руки, многие обнимались. Другие стояли с опущенными головами, мрачные и неподвижные. То здесь, то там люди садились, лаская пальцами цветы и землю. Раненые лежали, наслаждаясь видом вечереющего неба.

Он бешено закричал в микрофон:

— Риста? Стерва, отвечай мне!

Напротив него сидел Макрудер, беспокойство плескалось в его голубых глазах. Кайла жевала травинку, сдвинув брови. Бруен спрятал свое лицо в руках.

— Риста!— заревел Стаффа.— Отвечай!

Макрудер наклонился над передатчиком, вгляделся и проговорил:

— Они нас слышат. Без всякого сомнения.

Бруен поднял голову, морщась от боли в бедре, его лоб в свете заходящего солнца выглядел синевато-багровым:

— Я тоже сдамся. Это все, что я могу сделать.

— Риста?— продолжал Стаффа.— Седдианский лидер, Магистр Бруен, тоже сдается. Не убивай своих людей,— мускулы его груди напряглись, когда он хлопнул ладонью по комму:— Будь ты

проклята, но ты не можешь стрелять после объявления о капитуляции! Раздел Н 54, параграф 8 реганского военного пособия запрещает тебе вести огонь!

Он напряженно всматривался в небо.

— Ничего,— мягко сказал Макрудер.— Ничего в ответ. Ни откуда.

— Риста,— заскрипел зубами Стаффа, если ты хочешь, чтоб тебя умоляли, отлично, я тебя умоляю! Ты получила то, что хотела.— Он закрыл глаза, чувствуя, как жаром обдало его лицо. Вот до чего докатился Лорд Командующий, он умоляет, как последняя попрошайка.

Он передал микрофон Макрудеру:

— Попробуй ты. Это твои люди.

Прерывающийся голос Макрудера умолял небеса, Стаффа спустился вниз на несколько ступенек, качая головой, ожидая, что в любой миг мир перевернется, и для него, наконец, все кончится.

Он почувствовал прикосновение руки:

— Ты сделал все, что мог, Лорд Командующий,— сказала ему Кайла.

Он печально отшутился:

— Похоже, в этот раз Тафу не удалось прорваться, а?

Кайла не приняла шутки:

— Ты же искал искупления и покаяния. Может, ты сделал даже больше, чем ты думаешь. Может, ты достиг просветления.

Он встретился с ее понимающим взглядом и тоскливо улыбнулся:

— Ты же знаешь, что я сделал. Если бы я смог разрушить Запретные Границы, может, мне бы удалось создать для человечества лучшие условия...

Вначале она не совсем поняла, потом мягко ответила:

— Бог знает... Ты сможешь судить только в самом конце.

Макрудер прекратил бесполезные попытки, оцепенело глядя вверх затравленными глазами:

— Синк, ты не можешь так поступить с нами. Синк, мы же здесь. Не покидай нас, не предавай...

Стаффа выпрямился, подняв успокаивающим жестом руку:

— Он не смог. Он сделал все, что было в его силах. Это был приказ Тибальта,— не Фиста. Как бы я ни хотел возложить на него вину, но она целиком ложится на императора... и на Седди.

Макрудер закрыл глаза, дыша с большим трудом.

— Будь они прокляты!— проревел чей-то голос.— Чего они тянут?— Если они хотят нас убить, то пусть кончают с нами!

— Может, они обсуждают наши предложения,— пробормотал Бруен, подсаживаясь к комму.

Стаффа опять включил микрофон:

— А может, они просто проверяют свою систему. И сейчас нанесут главный удар.

Кайла безнадежно проронила:

— Мгновением раньше, мгновением позже...

— Вот оно, приближается,— прокричал Макрудер, когда ослепительный свет залил все небо.

Стаффа отвел глаза от вспышки, обнимая одной рукой Кайлу, стараясь успокоить ее. Она спрятала лицо у него на груди. «Я спокоен, я в мире с самим собой! Я сделал все, что мог». Он еще крепче обнял ее, и вдруг в комме послышался треск.

— Командир?— осторожный голос первого связного прервал тишину.— На связи Лорд Командующий.

Риста не дрогнула ни единым мускулом на лице:

— Я не хочу ничего об этом слышать. Отруби связь. Мы должны выполнить приказ. Угрозы Стаффы сейчас просто бесполезны.

Первый связной с явной неохотой подтвердил:

— Да, командир...

Риста нахмурилась, и тут первый связной снова окликнул ее:

— Командир...

— Что еще?— голос Ристы разнесся по всему мостику, она обернулась и бросила на связного уничтожающий взгляд.

— Они продолжают передавать,— связной склонился над монитором.— Наша система безопасности показывает, что к нам приближаются какие-то корабли, через пять минут они будут здесь.

Риста окликнула:

— Первый орудийный, сколько нужно времени?

— Еще тридцать секунд, командир.

Она удовлетворенно приказала:

— Быть начеку!— Потом, приподняв брови, пробормотала:— Интересно, что это за корабли к нам приближаются? Неужели Айли Такка решила насладиться таким зрелищем?— она шмыгнула носом:— На связи, проверить, кто это.

Большой экран замигал, и на нем появилось лицо женщины.

— Прогнившие Боги,— прошептала Риста.— Орудия! К бою!

— В этом нет необходимости, Риста,— голос Скайлы Лимы заставил всех обернуться к экрану.— Ты все равно уже мертва. Если мы сейчас выстрелим, то ты поджаришься, как рождественская индюшка.

Глаза Ристы сузились, мысли беспорядочно замелькали в ее расстроенном мозгу, но она постаралась взять себя в руки и верно оценить ситуацию:

— Что вам нужно?

Скайла холодно произнесла:

— Развернитесь на 90 градусов и сбросьте все заряды. Взорвите их в космосе,— ее ледяные голубые глаза пристально смотрели на Ристу:— Если вы этого не сделаете, «Крисла» разнесет «Гайтон» на мелкие кусочки. Ну как, подумали?

Риста лихорадочно искала выход, попытавшись пригрозить:

— Лорд Командующий на Тарге. Отойдите, Скайла, или мы превратим их в...

— Тогда считайте себя покойниками,— непреклонным голосом произнесла Скайла.— После «Гайтона» мы двинемся на Регу.

Решайте, Риста. Или мы вывозим Стаффу с планеты и подобру-поздорову отбываем домой. Или мы начинаем войну с Реганской империей. Что вам больше нравится?

Будь они все трижды прокляты — эта Скайла Лима с ее Компаньонами, они точно разнесут империю вдребезги. Гнев уступил место бессильному отчаянию, и Риста с трудом выдавила:

— Развернуться на девяносто градусов и сбросить бомбы.— Внезапно она почувствовала себя очень старой.

Яркое сияние потихоньку гасло. Стаффа поднял руку, чтобы защитить глаза, и в недоумении покачал головой:

— Ничего не понимаю. Что это Риста вытворяет?

Из комма раздался холодный, еле сдерживаемый голос:

— Лорд Командующий? Мы слышали вашу передачу. Пожалуйста, ответьте. Если мы не услышим от вас ответ, мы уничтожим «Гайтон» и начнем войну с Регой.

Стаффа хмыкнул, отпустил Кайлу и поднял микрофон:

— Еще чуть-чуть, и вы бы опоздали, а, подполковник авиации?

Ее голос оставался холодным и профессионально четким:

— Мы предприняли все необходимые меры предосторожности, прежде чем войти в систему Тарги, Лорд Командующий.

По телу Стаффы растеклось тепло:

— Чудесно, подполковник авиации. Я полагаю, что вы нейтрализовали угрозу, исходящую сверху?

Скайла тем же бесстрастным тоном доложила:

— Мы держим «Гайтон» под прицелом всех батарей. На орбите два наших корабля: «Джинкс Мистресс» и «Симва Эст», «Викстрикс» на подлете. «Сабот» и «Слэп» прикрывают нас.

Стаффа уточнил:

— Вы привели с собой весь флот?

— Мы посчитали это необходимым,— сухо ответила Скайла.

И тут вмешался Макрудер, не скрывавший волнения:

— А с нами что?

Стаффа выпрямился, посмотрел на окруживших его людей, глаза их горели тревогой, и громко объявил:

— Вы все в безопасности. Если хотите, можете отправиться с нами на Итреатические Астероиды. Мы всегда найдем место для людей с вашими талантами и подготовкой, и ни один император не сможет приказать Компаньонам оставить своих парней умирать в темноте.

Реганцы переглядывались и перешептывались.

— Подполковник авиации?— Стаффа отвернулся и заговорил в микрофон.— Нам нужно эвакуировать около семисот человек.

Скайла откликнулась:

— Принято. Офицер особого назначения Райман Арк везет с собой спецкоманду. Она понадобится?

Стаффа громко сказал, чтоб услышали все вокруг:

— Нет. Здесь все в порядке.

— Арк прибудет через... семнадцать минут.

— Принято.— Стаффа поморщился и посмотрел в темнеющее небо.

— Бруен, мне кажется, вам лучше отправиться вместе с нами.

Седдианцы задвигались, нервно переглядываясь.

Стаффа успокаивающе поднял руку:

— Вам будет очень спокойно на Итреатических Астероидах,— он пригладил свои черные волосы, потому что ветер растрепал их, и продолжил:— Вам нельзя останавливаться сейчас. Вам нужно продолжать работу. Мне понадобятся ваш ум и ваша помощь, чтобы предотвратить войну между Регой и Сеззой.

Бруен, выглядевший, как усохшая мумия, потер узловатой рукой лицо:

— Эвакуироваться с вами на Итреатические Астероиды? Кто бы мог подумать? Особенно после всех этих лет, после таких планов...

Стаффа твердо повторил:

— Вам нельзя здесь оставаться.

Кайла побледнела, присела на корточки с потухшим выражением лица:

— Я не полечу,— вздохнула она, дрожа и прижав руки к груди.— Я не могу... видеть тех, кто...

Стаффа наклонил голову:

— Нет, конечно, нет. Но куда ты можешь отправиться? Везде тебя ждет смерть. Тебе нужно исчезнуть с этой планеты.

Магистр Бруен покачал головой:

— Как все запуталось, как мы все перемешали...

Стаффа облизал неожиданно пересохшие губы. И, опустившись на колени рядом с Кайлой, заглянул в ее испуганные глаза:

— Я не могу изменить прошлое. Я знаю, кем я был,.. кто я есть. Но там самое безопасное для тебя место во всей Вселенной. Место, где ты можешь быть одна, продолжить работу, которую ты начала на Майке. Не будет никаких бед, насилия, террора.

Кайла молчала.

Он сглотнул:

— Тогда, на Этарии, я говорил тебе, что если бы я мог восстановить Майку, я бы это сделал. Я... я постараюсь как-то исполнить это обещание.

Она потрясла головой, слезы оставляли светлые дорожки на ее пыльном и загорелом лице:

— Я... Нет.— Она поднесла дрожащий кулак ко рту:— Нет. Майка умерла для меня... так же как и все то... что я... любила. Я не могу вернуться.

Молчавший Бруен неожиданно проговорил скрипучим голосом:

— Ты нужна нам. Человечество нуждается в тебе. Ты должна занять мое место. Я знаю тебя, Кайла. Я знаю силу твоего ума, твой темперамент. Седдианцам нужен такой человек, как ты, с твоими способностями и твоей силой.

Кайла мучительно раздумывала:

— Дайте мне... Я должна подумать.

Стаффа выпрямился, заслышав нарастающий грохот прямо над головой. Через мгновение небольшая сверкающая точка превратилась в пятнышко, очертания которого были удивительно знакомы,— и через минуту мощное десантное судно, подняв тучу пыли, приземлилось на ровной площадке у подножья горы.

Стаффа вскочил и быстрыми шагами, почти бегом, пустился вниз по склону. Когда он приблизился, переводя дух, по трапу уже спускался Райман Арк, окруженный своими ребятами. Они спрыгивали мимо трапа на землю, на ходу готовя бластеры.

— Великолепная команда,— услышал Стаффа, и, оглянувшись, увидел Макрудера, застывшего в двух шагах сзади.

Стаффа снова повернулся к кораблю и увидел Арка, бегущего к нему в полном боевом обмундировании, с мрачным черным лицом. Стаффа покачал головой, облегченно улыбаясь:

— Что? Тебе нужно с ходу что-нибудь разнести в пух и прах? Жалеешь, что немного опоздал?

Губы Арка расплылись в широкой улыбке:

— Да, есть чуть-чуть, шеф.— Они обнялись, похлопывая друг друга по спине. Потом Арк отодвинулся и заглянул ему в лицо:

— Слушай, как тебя угораздило попасть в эту передрягу?

Стаффа нахмурился:

— Это длинная история. Как Скайла?— к горлу подкатывался комок.

Арк помрачнел:

— Я... Прогнившие Боги, Лорд Командующий, я не знаю. Она обезумела и торопила нас сюда изо всех сил. Настоящий тиран. Потом, когда мы прибыли сюда... я не знаю. Она замкнулась в себе. Захлопнулась как рипарианская устрица. Поверишь, когда я увидел ее в последний раз, она ломала руки! Как это тебе нравится?

Откашлявшись, Стаффа сказал:

— Все в порядке, успокойся. А сейчас надо подорвать эту скалу, нужно засыпать вход в туннель.

Арк задумчиво поинтересовался:

— Там что-то спрятано?

Стаффа передернул плечами:

— Так, на всякий случай. Я должен вернуться сюда в один прекрасный день,— перед его глазами всплыла металлическая громадина, расцвеченная тревожно мигающими огоньками, и он шепнул:— Я обязательно вернусь, Мэг Комм...

Он отвернулся, рассматривая реганских солдат, сгрудившихся вокруг Макрудера, который стоял в центре круга, страстно размахивая руками.

— Похоже, это наши трофеи,— заметил Арк, показывая рукой на реганцев.

Резко мотнув головой, Стаффа сказал:

— Они купили себе свободу,— и, помолчав, добавил:— Когда-нибудь они пойдут с нами.

— Хорошие бойцы, хах?— Арк хлопнул себе по бедру.

Не задумываясь, Стаффа подтвердил:

— Чертовски хорошие. Может быть, равные нам. И я бы

предпочел, чтоб они были на нашей стороне. Сколько всего изменилось в Открытом Космосе,— он помолчал и неожиданно добавил:— У меня была мысль разнести корабль Ристы в плазму.

— Зачем? Риста подержала нам свечку,— насмешливо сказал Арк, отколупывая грязь с рукава.

Резко обернувшись, Стаффа отчеканил:

— Я не беспокоюсь о Ристе, но меня очень волнует реганский первый дивизионный, который находится на борту «Гайтона». Его зовут Синклер Фист,— холодные пальцы сжали сердце Стаффы.— У меня предчувствие, что он подымет оружие против нас. И очень скоро.

Десантное судно Арка приземлилось почти рядом с «Крислой», стоявшей в корпусном доке. Сбежав по трапу, Стаффа приветственно поднял руку,— и экипаж «Крислы», высыпавший из корабля встречать своего Лорда Командующего, восторженно взревел. Стаффа растроганно вглядывался в окружавшие его лица, потом поднял руку, прося тишины.

— Я рад встрече, Компаньоны!

— Добро пожаловать на борт,— откликнулся техник Барт.

— Как приятно очутиться дома,— Стаффа на мгновение остановился, провел рукой по переборке «Крислы».

— Лорд Командующий?— раздался голос Скайлы из коммуникатора:— Мне нужно срочно повидаться с вами.

Стаффа поднял глаза:

— Хорошо. Как складывается ситуация с флотом Ристы?

Скайла бесстрастно доложила:

— Тэп держит их под прицелом. У него приказ — при первых признаках тревоги взорвать «Гайтон». Так же поступят и с остальными кораблями.

Стаффа одобрительно рассмеялся:

— Отличная работа, подполковник авиации. Давай встретимся в моей каюте. Я буду там, как только кое-что проверю.

Из коммуникатора прозвучало:

— Принято. Побереги себя.

Стаффа хмыкнул с некоторым сожалением. Но все-таки сначала.. Он свернул направо по ярко освещенному коридору, прошел в просторную каюту по правому борту. Там уже были размещены Макрудер и его люди, ожидающие отправки на Регу. Свет, падающий от ламп по периметру потолка, четко вырисовывал их напряженные лица. Поодаль стояли вооруженные и ко всему готовые Компаньоны.

С приближением Стаффы Макрудер ухмыльнулся и шагнул вперед, он чувствовал себя не очень уверенно, но голубые глаза смотрели на Лорда Командующего без всякого выражения.

Стаффа смерил его взглядом:

— Вы готовы отбыть?

Мак кивнул:

— Да. Я очень надеялся увидеть вас и поблагодарить еще раз. Я никогда не забуду, что вы сделали. Отплатили нам добром, хотя

мы должны были убить вас. Вы отнюдь не монстр, каким я вас представлял раньше. Вы и Синк... у вас много общего. Проклятье, почему вы по разные стороны баррикад?

Стаффа мрачно улыбнулся:

— Время меняет многие оценки. Что до вас — вы не заслуживали подобной смерти,— он чуть поколебался.— Скажи, Макрудер, вы точно уверены, что не хотите присоединиться к нам? Меня восхитила ваша выдержка в темном туннеле. Мужчины и женщины вашего склада заслуживают большего, чем сможет дать Рега.

Макрудер нахмурился, сунул большие пальцы за ремень:

— Я не могу быть частью Седди. Я видел, что они натворили на Тарге.— Он поднял руку, чтоб предотвратить протест Стаффы.— Мы с Бруеном вели долгую беседу, пока подымались наверх, и я понял, почему он поступил именно так, а не иначе. Но осознавать и пройти через это — совершенно разные вещи. Я не могу простить ему все страдания, которые они нам причинили. У меня перед глазами неотступно стоит тело Гретты в той келье... И все наши люди, погибшие в скалах.— Он покачал головой.— Я не могу.

Стаффа пожал плечами:

— Я же не предлагаю тебе присоединиться к Седди, я хочу, чтобы ты стал одним из Компаньонов, хочу, чтобы ты помог мне остановить войну, и, может, помочь человечеству обрести мечту. Мы сами сделали себя врагами, а ведь наш общий враг — это Запретные Границы. Помоги нам разрушить их. Пойдем со мной.

Макрудер скривил губы, встретившись с вопросительным взглядом Стаффы:

— Мне это очень по душе, Лорд Командующий, и я искренне рад вашему предложению, но я предан Синклеру. Он сохранил нам жизнь. Он сохранил мне жизнь, и не один раз. Он пытался вытащить нас из подземелья. Единственное, что ему помешало — приказ императора,— Макрудер страдальчески поморщился.— Если я сейчас поверну, то все, кто погиб там, на Макарте, погибли напрасно. Я не смогу себе это простить.

Стаффа с пониманием кивнул:

— Ты прекрасный человек, Макрудер. Но ты ведь понимаешь, что у нас еще будут шансы встретиться....в менее дружественной обстановке.

Макрудер кивнул, глубокая печаль отразилась в его голубых глазах:

— Я знаю.

Тень сожаления пробежала по лицу Стаффы, и он сказал:

— Помни, Мак. Для тебя всегда найдется место рядом с нами. Если я тебе понадоблюсь, используй шифр «Макарта».

Из коммуникатора раздался голос вахтенного:

— Лорд Командующий, шаттл для отправки на Регу готов. Можно начинать погрузку людей.

Макрудер встрепенулся:

— Пора.

Стаффа протянул руку:

— Береги себя, Мак.

Ответив крепким рукопожатием, Макрудер откликнулся:

— Вы тоже. Держитесь подальше от темных мест, Лорд Командующий.

— Никто из них не остался. Все отбыли,— буркнул Стаффа себе под нос.— Кто такой этот Синклер Фист?— Он отвернулся и, не торопясь, зашагал по коридору, ведущему на верхнюю палубу. Встречные уступали дорогу, привычно салютуя поднятой рукой. Да, «Крисла» ждала его, и сейчас встречала как старого дорогого друга. Медленно шагая, словно пытаясь оттянуть время, он приближался к собственной каюте.

Скайла ждет его. Что он может ей сказать? Как открыть ей, что он безрассудно влюблен в нее?

Дверь за Тибальтом бесшумно захлопнулась. Он прошел через комнатку и, не глядя на окаменевшую стражу, отодвинул тяжелый полог, скрывавший проход. Арта Фера стояла в центре роскошной комнаты, ее каштановые волосы переливались медвяным золотом. Она обернулась, ее глаза янтарно вспыхнули, поразив его в самое сердце. Ее фигура четко вырисовывалась на голубом фоне стенного седдианского ковра. Спальная платформа была покрыта узорчатым покрывалом. Мебель сандалового дерева, инкрустированная золотом, украшала обстановку. На шее Арты слабо мерцал ошейник. На ней было длинное, до полу, голубое полупрозрачное одеяние, собранное в складки под грудью. Совершенные линии ее тела не могла бы скрыть и более грубая одежда,— подумал Тибальт,— и безумное желание охватило его.

— Ты знаешь, кто я,— ровным голосом произнесла Арта, сжав кулачки.

— Естественно, я знаю,— ответил он и подошел к поставцу, чтобы наполнить два кубка аштанским шерри. Повернувшись к ней, он протянул хрустальный кубок. Она презрительно вздернула подбородок.

Он поднял вверх правую руку и повертел его, демонстрируя черный браслет:

— Ты знаешь, что это такое?

Она равнодушно покачала головой, и каштановые кудри заколыхались в такт ее движениям.

— Это контроль твоего ошейника,— Тибальт посмотрел исподлобья, между бровей прорезалась складка.— Улучшенная модель. Производство Компаньонов. Очень дорогая штука. Мысли раба подстраиваются под охранника. С этой штукой мне достаточно только подумать,— он помолчал, победно ухмыляясь,— и все.

Рот Арты Фера открылся, и она повалилась на ковер, покрывающий пол. Тибальт обошел ее, наклонился и впился глазами в ее полные ужаса глаза:

— Видишь, моя дорогая седдианская убийца, теперь уже не имеет никакого значения твоя тренированность, я полностью

контролирую тебя. Я знаю о сексуальных психологических крючках в твоем мозгу. Эта идея просто восхитила меня. Ты должна убить мужчину, который посягнет на тебя, а я как раз собираюсь посягнуть на тебя, Арта. И если ты вздумаешь бунтовать, как того требует твоя сущность, я очень быстро тебя успокою.

Он выпрямился и отпустил кнопку контроля, Арта стремительно рванулась к нему, но Тибальт был готов к этому, и теперь снова злорадно наблюдал, как она в непереносимых муках корчится на полу. Потом примирительно сказал:

— Давай лучше выпьем и поговорим как цивилизованные люди.

Он выключил контроль, и она обрела способность двигаться, хватая ртом воздух, постепенно к ней вернулась ясность. Она медленно села, потирая руки, опустив голову и скрыв лицо под завесой шелковистых волос.

— Я тебя ненавижу, и ты это знаешь,— шепнула она.

— Ну, конечно, моя дорогая. Но мне это нравится еще больше,— он чуть-чуть обождал.— Ты хочешь, чтоб я снова использовал силу ошейника? Мне ничего не стоит это сделать — ты уже убедилась. И могу продлить это действие, пока ты не подчинишься... или умрешь.

Она поднялась на ноги, янтарные глаза сверкали на ее совершенном лице. Желваки напряглись, когда она взяла протянутый кубок.

Тибальт одобрительно ухмыльнулся:

— Выпьем за любовь.

Она ничего не ответила, яростный гнев не уходил из ее глаз.

— Выпей,— приказал Седьмой император, потягивая шерри.

Медленно она коснулась губами стекла. Ненависть не покидала ее ни на секунду. Выпив, она поставила кубок на резной столик:

— Я убью тебя, реганец.

— Нет, моя дорогая, не получится, пока ты носишь ошейник.

Странные чертики заплясали у нее в глазах·

— Он выключает все чувства? Так произошло со мной, когда твоя стерва Айли Такка попробовала первый раз еще на корабле.

— Все, что ниже шеи. Контроль дает абсолютную власть и безопасность. Айли не могла бы угодить мне больше, чем подарив тебя.

Ее глаза вспыхнули, выпуклый лоб прочертила складка.

Он махнул рукой с кубком:

— Подойди ближе, Арта. Ладно, нечего раздумывать. У тебя нет выбора. Подойди или будешь корчиться в муках.

Она сглотнула, горло судорожно сжалось. Вся дрожа, она сделала один шаг, потом другой, легкий материал обвивался вокруг ее стройных ног.

Тибальт выставил вперед руку и коснулся ее плеча, чувствуя, как она дрожит:

— Вот так, моя дорогая. Это не так ужасно, правда? Ошейник

поможет преодолеть любые препятствия, даже психологический тренинг.

Она напряглась, дрожа каждым мускулом, когда он проводил пальцами по ее щеке.

— Ты знаешь, Арта, я буду очень заботиться о тебе. У тебя будет отличная жизнь, моя рабыня.

Она закрыла глаза, стиснула зубы, крепко сжав губы.

Тибальт распалялся все больше:

— Айли показала мне записи твоего допроса. Я знаю, чему тебя обучали на Этарии. Ты искусна в любви, моя дорогая. Давай попробуем, это в моих силах. Ты такого еще не вкушала. Попросишь, и я одарю тебя еще большим.

— Н-не прикасайся... ко мне,— охваченная конвульсиями, пробормотала она.

Тибальт высокомерно искривил губы:

— Тогда я не смогу вознаградить тебя своим расположением. Нет, моя дорогая, я не смогу тебя отпустить, я оставлю тебя для себя.— Его пальцы легко коснулись ее шеи, потом скользнули ниже. Наткнувшись на пуговицу, он ловко расстегнул одну, вторую и отступил назад, любуясь ее обнаженным телом, светившимся в отблесках ламп.

— Прелестно, пробормотал он, дыхание у него сперло.— Самая потрясающая женщина на свете.

Она дрожала, как в лихорадке, глаза, не отрываясь, следили за ним, когда он принялся скидывать свои одежды. Что-то изменилось в выражении ее лица, когда он в чем мать родила приблизился к ней.

Тибальт уловил это и предупредил твердо:

— Спокойно, Арта. Расслабься. У нас впереди целая ночь. Не сопротивляйся. Я контролирую ошейник.

Схватив ее за талию, когда она рванулась вперед, Тибальт повалил ее на пол. Потом включил контроль:

— Да, похоже, это будет очень длинная ночь. Это простой стимул, но вполне действенный. Ты можешь научиться, вернее, тебе придется контролировать свои побуждения.— Тибальт допил шерри, пока она корчилась на полу:— Вставай.

Терпеливо он терзал ее, время от времени включая контроль, а она пыталась победить и его, и ошейник. В конце концов она обессилела и только вздрогнула, не пытаясь напасть, когда он коснулся ее рукой и пробежал пальцами по коже.

— Ну вот, видишь, можно победить тренинг,— Тибальт улыбнулся и потянулся, чтобы поцеловать ее. Их губы соприкоснулись. Но он был начеку и нажал контроль, когда она попыталась ударить его в пах.

— У тебя не получится, моя дорогая,— хмыкнул Тибальт.

Однако она пришла в себя гораздо быстрее на этот раз, будто ее внутренние резервы были неисчерпаемы. Он жадно поцеловал ее, прижав к себе, ощущая, как растет его страсть. И снова ему пришлось надавить контроль, прежде чем она взбунтовалась.

— У тебя потрясающая, просто невероятная выносливость,—

пробормотал Тибальт.— Седди — настоящие мастера своего дела.— Он подошел к ней сзади, нажимая на контроль, и в то же время лаская ее свободной рукой.— Ну все, моя дорогая Арта, пришло мое время.

Как только она пыталась сопротивляться, он использовал ошейник. Потом, в блаженстве, он лежал на ней. Он вдыхал запах ее тела, который смешивался с его запахом. Вздохнув, он заставил себя подняться и налить еще шерри:

— Нам будет еще лучше,— пообещал он.

Когда он взял ее второй раз, она контролировала себя. После оргазма, он, утомленный, лежал на ней, уставясь в ее янтарные омуты, чувствуя, как погружается в бездонные черные зрачки. Она мягко причмокнула и обвила его руками с неожиданным удовлетворением.

Тибальт заметил это и поддразнил ее:

— Послушай, ты, оказывается, можешь доставлять удовольствие и без сопротивления.

— Да,— задумчиво произнесла она.— Я прошла это.

— Поработай для меня. Покажи все искусство этарианских жриц.

Она поднялась и прошла за ним. Подождав, пока он наполнял кубки, радостно улыбаясь, взяла один и осушила до дна. Она победила.

Тибальт смеялся, откинув голову назад:

— Нет никого в Открытом Космосе сильнее, чем Тибальт. Я победил самих Седди!— он чуть понизил голос.— Ты теперь моя. Я освободил тебя!

— Нет, Тибальт,— поправила она.— Это я себя освободила.

— Уф-уф,— он потряс перед ней пальцем.— Ты должна усвоить одно правило. Никогда не поправляй императора.

— Конечно,— согласилась она, откинув голову назад и сузив глаза в щелки.

— И у нас впереди целая ночь,— он указал на разостланный ковер.

Продолжая улыбаться, излучая тепло глазами, она легла на спину, раскинув ноги. Тибальт поставил стакан и прилег рядом. Ее пальцы скользили по его спине, слегка царапая ноготками, что приводило его в дрожь.

— Позволь мне тебе кое-что показать,— шепнула она соблазнительно.— Ложись рядом, сюда. Не бойся. Ты все-таки контролируешь ошейник,— она встала на колени, прижавшись к нему всем телом. Тибальт с трепетом выполнил ее приказ, сердце его бешено скакало:

— Ты такая потрясающая, Арта Фера.

Тайная улыбка мелькнула на ее губах. Он включил ошейник, когда она поднялась выше. Но неожиданный удар отбросил его, и он покатился по толстому ковру. Она настигла его и надавила коленом на грудь так, что затрещали ребра. Рот Тибальта приоткрылся в беззвучном крике, раскинутые руки бессильно подергивались.

Она наклонилась и внимательно посмотрела ему в глаза, в которых застыло ошеломление. Странный хрип вырвался из его гортани. Он пытался выровнять дыхание. Совершенно обезумевший, он нащупал контроль ошейника, снова и снова нажимал кнопку, видя, как она сопротивляется, как ловит ртом воздух, судорожно хватаясь за ошейник. Но раз от разу действие контроля ослабевало. Или возрастало ее сопротивление? И, наконец, когда он снова нажал кнопку, Арта только усмехнулась.

— Ты видишь, Тибальт, я освободила сама себя.

Охваченный паникой, он попытался ускользнуть от нее, каждое движение причиняло ему режущую боль в груди.

— Помогите,— странный хрип вырвался у него.

— Не будет помощи. Я предупредила твою охрану, чтобы они отключили телемониторы — дабы у твоей супруги не было доказательств твоих измен.

Снова и снова Тибальт включал контроль ошейника, ощущая вкус крови во рту, в горле у него булькало.

Она снова надавила коленом ему на грудь, и его пронзила страшная боль. Он сопротивлялся, стараясь подняться. Арта наклонилась над ним, заглядывая в самую глубину его глаз.

— Тебе это нравится, Тибальт? Что ты ощущаешь? Страх? Боль? Ощущения надвигающейся, неминуемой смерти? Так похоже на изнасилование, правда? Ты согласен?— она слегка откинула голову назад и потом снова наклонилась, нежно целуя его:— Это тебе последнее спасибо за то, что ты помог мне освободиться, Тибальт.

Седьмой император впал в оцепенение, загипнотизированный вкусом крови — его собственной крови. Неспособный двигаться, оцепенелый, с затуманенным мозгом, он едва различил, что она собирается уходить. Ее последний удар в пах был настолько сильным, что сломал его тазовые кости и лобок. Серый туман агонии погружал его все глубже и глубже в небытие. Перед ним встали ее янтарные глаза — последнее, что он видел в своей жизни, потом он дернулся и умер.

Айли Такка с удовлетворением улыбалась, глядя на ручной монитор и наблюдая, как быстро и неотвратимо жизнь покидает Тибальта.

— Что ж, пора!— подумала она и шагнула к двери. Показав символ власти охраннику, Айли дезактивировала сектор безопасности перед входом в кабинет Тибальта и, осторожно войдя внутрь, увидела Арту Фера, склонившуюся над черным телом Тибальта, страстно его целующую. Министр внутренней безопасности видела заключительный удар седдианской убийцы и поразилась его жестокости.

Фера наблюдала, как Тибальта дернуло последний раз, и его тело обмякло. Из груди торчал обломок сломанного ребра, напоминая окровавленный ланцет. Фера отвернулась и только тут заметила Айли. Глаза ее загорелись.

— Отлично сработано,— похвалила Айли.— Я бы не смогла лучше.

Арта Фера вскинула голову, разметав по плечам каштановые волосы. Потом прошла к столику и налила себе полный стакан шерри. Она медленно поднесла кубок ко рту и выпила, вытерев рот дорогим шелком, ниспадающим со стен.

Потом так же медленно повернулась и спросила:

— Теперь что?

Айли оперлась о дверь, настороженная, с бластером в руке.

— Мне не хочется это делать, но тебя нужно испытать. Психологи-эксперты постараются извлечь из тебя твои крючки. Ошейник с тобой не проходит. Семейство Марии Рас постарается все скрыть.

Арта испытующе посмотрела на нее янтарными глазами:

— Это будет очень нелегко, Айли. Где здесь душ?

— За углом. Надави золотой рубильник. Только оставь дверь открытой. Мне не нравятся сюрпризы.

Арта прошла и повернула рубильник. Нашла мыло и намылилась, принялась смывать с себя всю мерзость.

— А почему это будет нелегко?— Айли прошлась по комнате, налила себе стакан шерри, не выпуская Арту из поля зрения ни на минуту.

Арта, отфыркиваясь от воды, неохотно объяснила:

— Потому что самый глубокий крючок сломан. Вот почему я смогла поцеловать этого подонка. Но я признательна ему за это. Остальным я отплачу тем же.

Айли, потягивая шерри, твердо произнесла:

— Значит, мне придется тебя убить.

Арта кивнула, тщательно растирая себя под струями воды:

— Да, это сведет на нет ту угрозу, которую я представляю. С другой стороны, вместе с этим крючком сломалось еще кое-что.

— Например,— Айли наклонила голову, вертя стакан в пальцах.

— Моя ненависть к Реге,— Арта выключила воду, осматриваясь. Чем можно высушиться?

— Серебряная ручка, она справа,— сказала Айли.— Итак?

Арта вышла из ванной, далеко обходя лежащего Тибальта, и взяла свою одежду, брезгливо поморщившись. Одеваясь, она спросила, не в силах скрыть отвращения:

— Здесь не найдется для меня что-нибудь другое?

Айли усмехнулась:

— Что было бы достойно твоей фигуры? Сомневаюсь. Но попробуй, нажми вон ту кнопку на стене.

Стена отошла, открыв ряды висящей одежды, невесомо парившей в антигравитационном поле. Арта выбрала длинную шаль, завернулась в нее и повернулась к Айли.

— Ты должна найти мне подходящее место, где я могла бы использовать свои способности и тренированность.

— У меня здесь мертвый император,— Айли наклонилась над телом Тибальта.

Арта внимательно следила за ней:

— И тебе как императрице понадобится хороший убийца. А ты сама знаешь, что я лучшая.

Айли подняла голову:

— Ты быстро все схватываешь, Арта Фера. Ты опасная штучка.

Седдианка усмехнулась:

— Мы одинакового мнения друг о друге. До того, как ты встретила меня, у тебя уже сложился план. Как Фист вписывается в него?

Твердо, словно диктуя, Айли отчеканила:

— Он уничтожит Сеззу и Компаньонов. Он будет моим императором и защитником.

Арта прищурилась:

— Он немного молод для тебя, разве нет?

Пожав плечами, Айли усмехнулась:

— Тем лучше. Я воспитаю его так, как нужно мне,— и перевела разговор:— Итак, какую ты называешь цену?

— Свободу,— Арта помедлила и добавила:— Мне нужна твоя защита и открытый счет, а также маленький быстрый корабль с женским экипажем. Я была рождена и вскормлена для убийств.

Айли приняла решение и, отступив к задней стене комнаты, пробежала пальцами по золотому орнаменту. Стена раскрылась.

— Мне кажется, что ты хочешь бежать, вместо того, чтобы служить мне. Иди по ступенькам. Пройдешь в мою комнату.

— А эти охранники?— спросила Арта, входя в узкий проход.

— Не волнуйся. Мы объявим, что ты убила их, когда бежала. Оставайся в моей комнате. Твой портрет будет разослан по всей Реге. Я переведу тебя на свой корабль чуть позже.— Закрывая проход за седдианкой, Айли сначала улыбнулась, а потом, не удержавшись, громко рассмеялась. Вынув из кармана символ власти, она подошла и заглянула в широко раскрытые мертвые глаза Тибальта. И словно он мог слышать ее, проговорила:

— Ты думал убить меня? Безмозглый тупица. Я оборвала контакты в тот день, когда ты мне вручил этот знак власти. Теперь посмотрим, кто сильнее, чем Айли Такка.

Она повернулась к стенному комму:

— Гийзель! Императора убили! Отдай приказ о немедленном аресте седдианской убийцы, Арты Фера. Подыми на ноги службу безопасности, социальный контроль. Семейство Расов нуждается в защите. Я объявляю чрезвычайное положение!

Глаза Гийзеля широко раскрылись:

— Мой Бог! Кто же теперь у нас...

Она подняла вверх символ власти, голова ягуара ярко блеснула в свете.

Гийзель торопливо забормотал:

— Я понял...

Айли, перебив его, распорядилась:

— Немедленно приставить агентов к Советникам. Посадить их

под арест. Вся официальная корреспонденция, все контакты теперь будут проходить через мой офис.

Лицо Гийзеля стало мертвенно-бледным:

— Это...

— Гийзель, если тебе не нравится работа секретарем императора, то я найду другого,— она вопросительно подняла брови.

Он секунду смотрел на нее, постепенно лицо приобрело нормальный цвет:

— Это необязательно, Айли. Я постараюсь пресечь любые попытки мятежа. Какие обвинения против Советников?

— Коррупция,— она выключила монитор и налила еще один стакан шерри. Глядя прямо в лицо мертвого Тибальта, она подняла стакан:

— За будущее, мой император!

Зал наполняли неясное бормотание, шутки, смех, бряцание оружия. С чувством облегчения мужчины и женщины сбрасывали комбинезоны и оружие, смеясь, поздравляли друг друга. Синклер с бьющимся сердцем наблюдал за ними. Он успокоил себя и вступил в толпу. Его заметили, толкая друг друга локтями. Шум стих, разговоры смолкли. Все глаза устремились в его сторону. «Что я могу им сказать? Где мне найти слова оправдания?»

Краем глаза Синклер увидел какое-то движение и, повернувшись, заметил светлые волосы Макрудера, пробивающегося к нему. Его лицо показалось ему таким родным. Макрудер весь засветился, когда подошел ближе и остановился на расстоянии вытянутой руки. Потом бросился к Синклеру. Они крепко обнялись, хлопая от избытка чувств друг друга по спине. Потом Синклер отодвинулся и внимательно посмотрел в глаза Макрудеру:

— Мак? Я пытался... как мог...

В наступившей внезапно тишине раздался голос Первого дивизионного:

— Лорд Командующий все рассказал нам. Как ты старался вызволить нас из этой ловушки. Мы знаем, что ты должен был отступить или тебя бы взорвали.— Он повернулся к столпившимся вокруг и, широко взмахнув рукой, крикнул:— Но, посмотри, мы все вернулись назад!

Аплодисменты и одобрительные возгласы разнеслись по всему залу. Синклер поднял руки, неуверенная улыбка дрожала на его губах:

— Мы все сделали, все, что могли. Мы, мои верные товарищи, дорого заплатили за все. Теперь, благодаря удаче и счастливому случаю, мы снова вместе. И теперь никто нас не разлучит!

Снова гром аплодисментов потряс стены, отдаваясь эхом в его груди. Он еще раз взмахнул рукой, взобравшись на стол, чтобы видеть всех. Толпа тесно обступила его, горячее дыхание, сверкающие глаза, медленно нарастающая тишина. Он обвел взглядом лица, сияющие или сосредоточенные.

— Мы расстались, сражаясь с очень коварным противником,

но мы победили,— голос его окреп.— Потом пришел приказ. Я не мог оспаривать поведение самого императора, подкрепленного вдобавок орудиями «Гайтона», нацеленными на нас. Я хочу, чтобы вы все запомнили, этот приказ и эти орудия, направленные на нас,.. потому что не только секреты раскрылись, но раскрылись наши глаза — и мы никогда больше не попадем в такое дерьмо!

Тишина взорвалась криком тысяч глоток, перешедшим в ритмично скандирующий: СИНКЛЕР! СИНКЛЕР! СИНКЛЕР!

Скайла прошла через люк, ведущий на мостик, и вошла в транспортную капсулу, которая и доставила ее к каюте Стаффы. Она в задумчивости сложила на груди руки. Что ей делать? Странное выражение его глаз там, на Этарусе, что оно означало? Сомнения терзали ее. «Наверное, он был просто рад освободиться от ошейника, да и после всего пережитого видеть знакомое лицо».

Но она никак не могла забыть ощущения, оставшегося после того, как объятия его разжались... Скайла тяжело вздохнула и потерла усталые глаза. Вне всякого сомнения Стаффа хочет, чтобы их отношения оставались такими, какими были всегда. Она выпрямилась и вышла из капсулы, едва не налетев на Найклоса.

Просияв, он воскликнул:

— Здорово!

Скайла не скрыла удивления:

— Что ты здесь делаешь?

Найклос улыбнулся ей, показав все зубы, усы его встопорщились:

— Может, ты сможешь мне помочь? Я слышал, что вы привезли Бруена. Думаю, ты понимаешь, что я должен увидеть его.

Скайла пожала плечами:

— Не вижу препятствия.

Он тронул ее за руку:

— Ты идешь, чтобы встретиться со Стаффой?

Она холодно взглянула на его руку, потом прямо ему в глаза:

— Прекрати эти игры, Найклос. Седди теперь на Итреате. Так что твоя задача исчерпана.

Он кивнул, печально скривив губы:

— Желаю тебе всего самого наилучшего, искренне.— И заспешил вниз по ступенькам.

Скайла нахмурилась и покачала головой, постояла секунду и пошла к каюте Стаффы. Возле двери стояли двое людей Арка, они отдали ей честь. Скайла дотронулась до ручки двери, и двойные двери мягко разошлись в стороны.

Комната выглядела такой же роскошной, как и раньше: красная кушетка, перед которой распласталась шкура горного медведя с Майки. Экран монитора, вделанный в раму, осыпанную драгоценными камнями Миклена. Чучело этарианского песчаного леопарда смотрело немигающими стеклянными глазами. Коллекция оружия на стене... Скайла охватила все это одним глазом, потому что необычным было иное:

В гравкресле рядом с пылающим камином сидел старый человек и вздыхал. Над ним склонилась женщина. Она стояла

спиной, но Скайла все равно ее узнала — это была Кайла Дон. На ней был перепачканный военный комбинезон, покрытый пятнами засохшей крови.

Дон повернулась и встретилась глазами со Скайлой. Долгое время они молча изучали друг друга.

— Подполковник авиации, очень приятно видеть вас. Вы поспели вовремя еще раз,— Кайла чуть поколебалась, неуверенная в чем-то.— Полагаю, что мы все обязаны вам жизнью. Я начинаю верить, что вы гораздо больше, чем жизнь. Стаффа говорил о вас правду.

Скайла вежливо отозвалась:

— Надеюсь, что путешествие в контейнере не очень утомило вас?

Ответом ей была легкая улыбка:

— После Этарии ничто не утомляет.

Скайла чувствовала, как между ними растет напряжение. Боги, эта седдианская женщина и Стаффа... А почему бы и нет? Стаффа — здоровый, нормальный мужчина, а Кайла Дон — привлекательная женщина. Стараясь отогнать эту мысль, Скайла заставила себя пройти вперед, не спуская изучающего взгляда.

Глаза седдианки стали очень жесткими, но мягким тоном она представила пожилого человека:

— Это Магистр Бруен. Вы с ним уже беседовали по комму.

Скайла кивнула:

— Да. Добро пожаловать на борт «Кислы», Магистр Бруен.— Она узнала его поблекшие черты. Голубые глаза смотрели очень устало, жуткий кровоподтек венчал его лоб.

Бруен утомленно улыбнулся:

— Приношу свою искреннюю благодарность за ваше столь своевременное появление на Тарге. Опоздай вы на несколько минут, и мы бы не имели удовольствия разговаривать с вами. Все бы кончилось навсегда.

Скайла подняла руку:

— О, не стоит, мы же установили слежку за коммуникациями Ристы, как только вышли из нуль-сингуляторности. Кроме того, Риста точно назвала время взрыва, а она всегда отличалась большой пунктуальностью.

Скайла нервно заходила по комнате, пытаясь справиться с нахлынувшим возбуждением.

— Но скажите мне, как объяснить ваше согласие сдаться Тибальту и Айли? Вы бы подвергли смертельной опасности всех седдианцев. Всех. Как вы могли решиться на такое?

Бруен поморщился и указал узловатым пальцем на рот:

— Верхнее дупло. И оно заполнено отличным быстродействующим ядом, не то, что у Найклоса. Я бы успел воспользоваться этим, прежде чем Айли запустила бы в меня свои коготки.

Скайла вспомнила:

— Да, между прочим, я столкнулась с Найклосом в коридоре. Он жаждет вас видеть,— и с деланным простодушием добавила:— Наверное, хочет поделиться информацией о Компаньонах.

Скайла ничего не могла с собой поделать: она смотрела, не отрываясь, на Кайлу Дон и восхищалась ею.

В глазах Кайлы вспыхнули веселые чертики:

— Да, Скайла, вы именно такая, какой я вас себе представляла.

Скайла посмотрела вопросительно:

— Прошу прощения?

Кайла прошла к красной кушетке и грациозно опустилась на нее.

— Я не была любовницей Стаффы. И никогда не буду ею.

Скайла в удивлении подняла брови, сердце ее подпрыгнуло в груди.

Кайла проницательно посмотрела на нее и продолжала:

— Вы мне не верите. Стаффа спас меня там, в этой гнусной пустыне,— карие глаза потемнели,— но я не могу простить ему того, что он сделал с Майкой, это всегда будет стоять между нами.

Скайла взяла бокал с бурбоном и кивнула:

— Да, я вас понимаю. «Тогда зачем ты здесь?»— мелькнуло у нее.

— Вы знаете, вы во многом похожи на Стаффу,— мягко добавила Кайла,— но вы гораздо лучше, чем он. Вы способнее, умнее, одухотвореннее.

Скайла холодно улыбнулась:

— Вы предвзято относитесь ко мне и к Стаффе.

— Нет, отнюдь. Вы именно такая, о какой я слышала в той проклятой пустыне. Должна вам сказать, что уверена, вы единственная причина, почему Стаффа сумел выжить в ошейнике... в жаре и в песках.

Скайла оперлась о стену, сжав стакан так, что суставы пальцев побелели:

— Что вам нужно, Кайла? Зачем вы здесь?

Кайла встала и подошла к Скайле, заглянула в самую глубину ее глаз:

— Я хочу мира и покоя. И так же, как Стаффа, я хочу, чтоб были разрушены Запретные Границы. Кроме того, Открытый Космос в большой беде, столько нужно сделать. Магистр Бруен очень стар и немощен. Я должна взять на себя его обязанности. Нам придется поработать на Итреатах.

«Как разовьются наши отношения дальше?— подумала Скайла.— Да, такая женщина, бесспорно, достойна того, чтобы Стаффа вытащил ее из беды. Он всегда правильно определял людей».

Скайла налила себе второй стакан бурбона, потом наполнила еще один и протянула седдианке:

— Добро пожаловать, Кайла Дон. Если вам что-нибудь понадобится, сразу дайте мне знать.

Тяжелый взгляд Скайлы потеплел, она расслабилась и с удовольствием сделала большой глоток.

— Поразительный день,— в мысли Скайлы проник скрипучий голос Бруена.— Во всем!

— Да,— шепнула Скайла:— День сюрпризов.

Бруен осторожно прилег на кушетку и легко коснулся синяка на лбу:

— Кайла сказала вам правду. Она живет ради Седди. А я очень стар, чтобы все вынести, что надвигается.

Скайла сложила пальцы вместе:

— Найклос мне рассказал совсем-совсем немного. Но я поняла, что у вас очень эффективная и разветвленная сеть на Этарии. Вы способны до конца бороться за то, во что верите?

Бруен поджал губы:

— Наши законспирированные люди могут все. Не знаю, плохо это или хорошо, но нам наконец удалось вырваться из-под власти машины. Впрочем, возможно, мы сами сделали из себя ее рабов, и тем самым вступили в сделку со злом. Посмотрим, что получится сейчас.

Кайла поддержала его:

— Мы все должны понять, какие проблемы встали перед людьми Открытого Космоса. Наше безумие приведет к взаимному уничтожению.

Скайла смотрела на нее с подозрением:

— Может быть. Сейчас будущее выглядит очень мрачным и унылым. Этот слюнявый Майлз Рома Легат сеззанцев, все время меня отвлекал разными разговорами о том, что Рега готовится к войне. А я должна была срочно организовать наш флот,— Скайла подняла брови.— А как вы планируете их остановить? Рега и Сезза вопиют и жаждут крови.

Кайла мрачно подтвердила:

— Уже может быть и поздно. Поэтому нам нужно подготовиться к любому исходу.

С шипением разошлись двери. На пороге стоял Стаффа, положив руку на косяк, усталый, грязный, небритый. Но его серые глаза сверкали все такой же неистовой силой и уверенностью. Широкая улыбка освещала щетинистое лицо.

— Привет, Скайла.

— Стаффа...

Казалось, их пригвоздили к месту, они оба остолбенели.

Бруен прокашлялся.

— Гм, Арк объяснил, что мне отвели комнату внизу. Кайла, не будете вы так добры?— Он с трудом встал, прихрамывая на одну ногу, Кайла подхватила его под руку и повела к дверям. Бруен обернулся и сказал:— Мы сможем договорить и позже, по дороге на Астероиды. Между тем, надо позвать моего шпиона Найклоса, чтобы узнать, какие секреты он успел выведать о Компаньонах.

Стаффа кивнул и помог им выйти, потом захлопнул двери, вздохнул и почесал бровь.

Скайла повернулась к нему, рассматривая морщины на его лице.

— Ты нашел то, что искал?

— Я нашел даже больше, чем искал.

— Твоего сына.

— Он на Реге. Мы обсудим это позднее с Бруеном.

Скайла пристально взглянула на него:

— А все остальное...

Стаффа понимающе кивнул:

— Что значит быть человеком? Да. Я теперь совсем не тот человек, каким был, или думал, что был,— это не имеет никакого значения теперь.

— Я знала это. Там грубый и жестокий мир.

Он снова кивнул. Взял в руки кубок и принялся его рассматривать так, будто видел впервые в жизни и не знал, что с ним делать.

— Я научился многому на Этарии. Спасибо, что ты прикрыла мою беспросветную тупость.

Он казался таким же смущенным, как и она. Стаффа смотрел на Скайлу, и глаза его становились мягкими, как воск от тепла свечи:

— Скайла, у меня была тьма времени, чтобы подумать. О Компаньонах, о... нас.

Она с трудом сдерживалась, кровь стучала у нее в висках:

— Кайла говорила, что ты рассказывал обо мне там, в пустыне.

Он с трудом проглотил комок в горле, глядя ей прямо в лицо:

— Это очень трудно. Я знаю... я не могу надеяться, что ты...

— Стаффа, я бы не бегала по космосу за первым попавшимся,— она скрыла шуткой свое смущение, видя, как потихоньку в нем пробуждаются вера и надежда.

Стаффа с горькой отрешенностью проговорил:

— Я очень сожалею о тех годах, которые я провел, тоскуя о Кресле. Наверное, я всегда любил ее, не веря, что она давно стала призраком, живущим только в моей памяти...— Он покачал головой, сжимая пальцы в кулак.— Все эти годы... все это время ты была рядом...

Стаффа шагнул к ней, и Скайла почувствовала, что теряет сознание в его объятиях.

— Шеф,— внезапно ожил комм. На мониторе появилось лицо Тэпа Амурки. Его глаза стали, как блюдца, из горла вырвался непонятный хрип:— Простите, Лорд Командующий. Получено сообщение из субкосмоса. Оно с Реги. Зашифровано, но ребята работают над ним. Может, понадобится некоторое время для раскодирования. Может, вы сможете, гм, ух, прийти на мостик.

Стаффа кивнул, отпуская Скайлу:

— Мы теперь вместе, что бы ни было.

Странно было Стаффе вновь ступать на мостик «Крислы»— он взошел так, будто ничего не случилось. Офицеры склонились над мониторами, все были очень заняты. Хельмут сосредоточенно думал с ментошлемом на голове. Амурка тщательно проверял свои системы. Верхние панели ярко сверкали, дисплеи работали на максимуме. Скайла жестом освободила дежурного офицера и заняла его место, надев наушники и внимательно скользнув взглядом по контрольной панели.

Стаффа прошел к командирскому креслу и сел за свой стол,

сдвинув разложенные на нем металлические инструменты, напоминавшие уродливые стальные цветы:

— Соедините с «Гайтоном».

На экране появилось бледное лицо связистки:

— Да, Лорд Командующий,— ее голос был совершенно бесцветным.

— Вы только что получили послание с Реги. Разумеется, вы можете не отвечать на мой вопрос. Но попробуйте.

Она кивнула, слегка ошарашенная:

— Я поняла вас, сэр. Мы не оказываем никакого сопротивления.

— Позовите офицера из командного состава,— Стаффа сел поудобнее.

— Минутку, сэр. Он идет,— связистка выглядела еще более озадаченной.

Стаффа переспросил:

— Он? А где Риста?

Связистка робко пояснила:

— У нас новый командир,— говоря это, она выглядела так, будто мир вокруг нее рухнул.

Стаффа выключил канал и приказал по внутреннему комму:

— Объявить тревогу, позиция 2. Что-то произошло на Реге.

Мгновенно вспыхнули лампы боевой готовности. Системы автоматически включились, клаксоны загудели на всех кораблях флота Компаньонов.

— Вызов,— доложил Тэп,— от «Гайтона» оторвался одинокий шаттл. Похоже, без оружия.

Стаффа включил канал связи с «Гайтоном» в тот момент, когда место связистки занимал юный парень, черноволосый и очень костлявый. Он уставился на Стаффу:

— Лорд Командующий? Я Шикста, Первый дивизионный. Подождите минуту, сейчас подойдет Лорд Фист.

«Лорд? Что за черт, что там происходит?» — подумал Стаффа.— Наконец-то, мы встретимся с Фистом лицом к лицу».

— Кто?— спросила Скайла.

Стаффа коротко пояснил:

— Мой противник на Тарге. Гениальный — и очень опасный. Мы еще встретимся с ним в будущем...

Изображение замигало, потом прояснилось, и на экране появилось лицо Фиста. Стаффу подбросило в кресле, и он невольно выпрямился. Два разных глаза смотрели на него — сверкающие, меняющиеся. Копна черных волос была взлохмачена. Линия носа, щеки, все черты Фиста были до боли знакомы Стаффе.

В голове у него помутилось, когда он начал говорить. Нет! Это невозможно. Он лишился последних сил и откинулся назад, изучая это лицо. Да, это был он: смесь характерных признаков и черт. На Фисте был комбинезон явно большого размера, он чувствовал себя не совсем уверенно в командном кресле и немного сгорбил.

«Не может этого быть! Бруен должен был меня предупредить. Это было так давно, когда он видел его в последний раз. Спокойно,

Стаффа. Может, это опять химические шутки твоего мозга. «Но эти глаза! Это так редко случается! Такие разные... И эти цвета!»

— Приветствую вас, Стаффа кар Терма!— знакомый высокий голос наполнил мостик «Крисльі».

— Вы,..— голос Стаффы не повиновался ему,— вы... Синклер Фист?

Фист кивнул, странные глаза ярко блестели:

— Да, это я. Ситуация опять перевернулась. Что вы собираетесь делать, Стаффа? Уничтожить Макрудера? Убить всех тех, кого вы постарались спасти?

— Нет,— бесстрастно ответил Стаффа, полностью поглощенный созерцанием лица Фиста.— Нет. Я не хочу вас уничтожать. Вы... вы... мой... Сколько вам лет? Двадцать два?

— Примерно,— грубо ответил Фист.— Однако, не судите обо мне по возрасту. Многие жестоко поплатились и пожалели об этом.

Стаффа передернул плечами:

— Я думаю, вы меня не поняли. Мне нужно встретиться с вами — один на один.

— Министр Такка говорила мне, что вы на службе у Сеззы,— Синклер покачал головой:— Вы поэтому хотите видеть меня? Может, хотите меня подкупить? Я не пойду на это. Я не хочу еще одной Тарги.

Сердце Стаффы подпрыгнуло:

— Нет, это не имеет ничего общего ни с политикой, ни с войной. Я должен поговорить с вами... о ваших родителях. И разговор должен быть личным.

— Что ты думаешь обо всем этом?— спросил Макрудер, бросая нервный взгляд на Синклера.

— Даже и не знаю, но очень скептически настроен,— Синклер покачал головой.— Если сюда замешаны Седди, значит это ловушка или очередной трюк.

Они сидели одни в шаттле, медленно приближавшемся к кораблю Компаньонов. Наконец, шаттл мягко пришвартовался к «Кресле». Синклер вытянул шею, глядя в обзорное окно. Он изучал системы кораблей флота Компаньонов, стараясь понять разницу, уловить преимущества. «Крисла» была построена в форме трехгранного клина. Ее большой черный корпус, отражая гранями свет, делал ее практически невидимой среди звезд. Грейферы «Крислы» осторожно притянули шаттл поближе, но шаттл все-таки слегка качнуло.

Синклер потер покрасневшие от усталости глаза и нервно улыбнулся Макрудеру:

— Я бы не стал этого делать, если бы ты не поручился.

Макрудер убежденно проговорил:

— Я был там, внизу, в этой кромешной тьме вместе с ним. Синк, по идее он не должен был вытаскивать нас из этой дыры. И если быть честным, то я бы на его месте так и поступил — оставил его умирать там.

Сигнал над люком издал квакающий всхлип, что говорило о герметизации. Потом гравитационное поле возвратилось, потому что заработали генераторы.

Синклер не стал спорить:

— Ну, что же, посмотрим, что нужно Звездному Палачу, но, Мак, у меня ужасное предчувствие, что дело кончится совсем плохо.

Макрудер устало посмотрел на него:

— Плохо? Мы вернемся на Регу, чтобы вступить в сделку с Айли Такка, о каких неприятностях ты можешь говорить?

Синклер, ничего не ответив, взглянул на индикатор времени и поднялся. Макрудер тоже встал и шагнул к выходу.

Синклер прошел за ним в шлюзовой отсек, который вывел их в помещение корабля, совершенно отличное от того, что представлял себе Фист. Внутреннее убранство «Крислы» сияло белым и прозрачным, и это было совсем не похоже на узкие мертвенно-серые реганские военные суда.

Их встретили два изящно одетых офицера и отсалютовали. Синклер обратил внимание, что их снаряжение было гораздо более совершенным, чем реганское. Микроэлектронные датчики усеивали шлемы и плечи. Комбинезоны тоже отличались: они были фестончатыми. Один из встречающих — мускулистый темнокожий человек — легко кивнул Макрудеру, и тот кивнул в ответ:

— Рад приветствовать тебя, Арк.

Темнокожий офицер жестко улыбнулся:

— Ты выглядишь так, будто реганцы привели тебя в порядок, Первый. Следуйте за мной.

Уголком рта Синклер задал вопрос:

— Он — Седди?

— Компаньон. Это Райман Арк, начальник специального отряда,— понизив голос, пояснил Макрудер.

Арк провел их по ухоженному коридору к транспортной капсуле и жестом пригласил войти внутрь. Синклер даже не ощутил ускорения. Через несколько мгновений дверь капсулы распахнулась, и они очутились в другом белом коридоре. Из настенных радиоплафонов доносилась мягкая приятная музыка.

— Не так мрачно, как в реганских кораблях,— заметил Синклер.

Арк улыбнулся, и на его щеке четко проступил шрам:

— В этом и состоит преимущество быть Компаньоном. Здесь наш дом, а не казарма. Когда к нам приходят новички, мы не только тренируем их, мы учим их мужеству и стойкости. Когда мы идем на дело, нам нужно быть достаточно острыми и отточенными, чтобы суметь расщепить нейтрино.

Синклер глянул на Макрудера:

— Надо это хорошенько запомнить.

Арк остановился перед обычным люком и сказал в решетку переговорника:

— Синклер Фист здесь, Лорд Командующий.

Со свистом люк открылся. Синклер набрал побольше воздуха,

вошел в воздушный шлюз и оттуда — в просторную, роскошно обставленную комнату. Шагнув через порог, оба опешили: на них уставился со стены этарианский песчаный леопард. Под ногами пружинил невиданных расцветок ковер. Оружие, безделушки, скульптуры и другие необычные вещи украшали стену. Макрудер не мог оторвать глаз от камина:

— Мы в самом деле на корабле? Это не может быть!

Раздавшийся откуда-то голос подтвердил:

— Но это так.

Синклер повернулся и увидел Стаффу кар Терма, выходящего из-под арки сбоку от камина. Впереди него, на полшага впереди, шла прекрасная женщина с серебряными волосами и глазами непередаваемой голубизны. На Стаффе был серый военный комбинезон и высокие с гетрами ботинки. Черная, как уголь, накидка ниспадала с его плеч. На женщине был белый комбинезон, с левого плеча свисал золотой аксельбант.

Стаффа легко кивнул обоим гостям и добавил:

— Приятно снова видеть тебя, Мак,— затем, повернувшись, представил им женщину:— Это Скайла Лима, подполковник авиации Компаньонов.

У Синклера внутри что-то екнуло: Звездный Палач, казалось, очень нервничает, с чего бы это?

— Лорд Синклер Фист,— в свою очередь представил Макрудер.

Синклер скрестил на груди руки, встретив пронзительный взгляд серых глаз Стаффы, и нетерпеливо сказал:

— Не думаю, что вы пригласили нас для светской беседы. Давайте перейдем к делу.

Лорд Командующий кивнул, складка пролегла между бровей. Он сделал несколько шагов и, резко остановившись, пристально взглянул на Синклера:

— Расскажите мне о своих родителях все, что вам известно о них, все, что вам рассказывали.

Синклер бросил на Макрудера тяжелый укоризненный взгляд и резко проговорил:

— Мне непонятен ваш интерес. Впрочем, ладно. Они были седдианскими убийцами. Около двадцати лет назад они пытались убить Тибальта, Седьмого императора. Я говорил с судебным магистром, который рассматривал их дело. После их казни меня отдали на попечение государства.

— На Тарге?

— На Реге,— нервы Синклера были натянуты до предела, в груди росла тревога:— Какое это имеет значение? Мы вам поверили, что вы гарантируете нам безопасность при переговорах. Но какое отношение к этим переговорам имеет моя личная жизнь?

— Твоя мать была каштанововолосой,— сказал Стаффа,— голос его напрягся.— Ты помнишь? У нее были янтарные глаза, такие же, как твой.

— У нее были черные волосы,— холодно произнес Синклер,— и ее глаза были серыми, как мой.

Стаффа сложил ладони:

— Кто тебе сказал это?

Синклер нахмурился:

— Никто. Я видел сам. Я видел их.

— Видел их?

— На Реге. В криминальной анатомической исследовательской лаборатории. Обоих: и мать, и отца. Их хранят как...— он отвернулся.

Лорд Командующий был смущен:

— Ты говоришь, что видел своего отца? На кого он похож?

Синклер, явно сделав усилие, проговорил:

— Шатен. С желтыми глазами. Выглядит... добрым. И чуть печальным. Но я только позже узнал о Седди, о том, как они тренируют своих убийц.

Скайла Лима посмотрела на Стаффу, морщины собрались у ее глаз. Макрудер чувствовал себя очень неуютно, переминался с ноги на ногу. Больше всего ему хотелось быть сейчас подальше отсюда.

Сердце Синклера схватил и сжал ледяной кулак. Это было безумие!

— Лорд Командующий, я не понимаю, какую игру вы затеяли, но...

— Это невозможно!— Стаффа ударил по спинке стула.— Таких глаз больше нет ни у кого на свете. Все совпадает — и возраст, и все.

— Если вы хотите использовать мою скрытую симпатию к родителям, уверяю вас, ничего не получится,— вызывающе сказал Синклер, выступая вперед.— Скажите, наконец, что вам нужно?

— Мой сын!— сказал ему Стаффа, он стиснул зубы так, что желваки заходили ходуном:— Когда я увидел тебя, твои глаза... Ты понимаешь, у моего сына мои глаза!

Синклер отшатнулся, бессознательно держась поближе к Макрудеру, ошеломленно глядя на Лорда Командующего.

— Посмотри,—настаивал Стаффа, доставая маленький голографический кубик из поясного кармана.

Синклер осторожно взял кубик, Макрудер наклонился над его плечом, всматриваясь. Фист нажал кнопку, и у него перехватило дыхание.

— Прогнившие Боги,— шепнул Макрудер.

Стаффа хрипло спросил:

— Ты узнаешь ее?

Синклер кивнул:

— Арта Фера — седдианская убийца, которая лишила меня Гретты,— он отбросил кубик:— Мне кажется, время шарад кончилось, Лорд Командующий. Я могу теперь идти?

Стаффа покачал головой, с мукой сказал:

— Ее звали Крисла. Она...— он сглотнул,— двадцать два года назад родила мне сына. Претор с Миклена похитил их обоих. Я провел всю мою жизнь в поисках их.

Синклер увидел неприкрытую боль в глазах Скайлы, когда она положила руку на плечо Стаффы:

— Может, Синклер не имеет к этому никакого отношения.

Стаффа покорно сказал:

— Может быть...

Сердце Синклера сжалось, ему стало жаль этого человека. «Да, я знаю, что такое быть брошенным на произвол судьбы, мне знакомо чувство утраты»,— подумал он, а вслух сказал:

— Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь.

Губы Стаффы задрожали, будто он хотел одновременно улыбнуться и удержать улыбку.

В этот миг дверь медленно открылась, и вошел старый человек с шишкой на лбу. Он не видел Синклера, пока не повернулся.

— Бруен,— прорычал Макрудер.

Синклер стиснул зубы. Бруен? Жуткий седдианский монстр, который заварил всю эту кашу? Он уставился на пожилого человека с нескрываемой ненавистью. И с неприкрытой враждебностью бросил Стаффе:

— Учитывая, с кем вы водитесь, мне не стоило извиняться.

Бруен споткнулся при звуке его голоса и замер с широко раскрытыми глазами. Секунду он стоял, словно оцепенев, потом испуганно посмотрел на Лорда Командующего:

— Вы... вы хотели видеть меня?

Стаффа с трудом собрался и указал на Синклера:

— Что вы наделали, Бруен? Синклер сказал, что его родители находятся в криминальной анатомической исследовательской лаборатории на Реге. Кто они? Ведь Синклер Фист — мой сын, правда?

Синклер с яростью смотрел на Лорда Командующего. Он чувствовал, как напрягся Макрудер.

Бруен закрыл глаза и вздохнул:

— Я устал лгать, Стаффа. Танец квантов нельзя сбросить со счетов. Все, что спланировала машина, пришло в негодность. И я теперь не знаю, что верно, а что нет. Это за пределами моих возможностей. Если бы Хайд был жив, он бы смог...

— Будь ты проклят, Бруен, ответь на мой вопрос,— Стаффа схватил за ворот старого человека и прошипел осевшим от ярости голосом:— Синклер Фист действительно мой сын?

Бруен поморщился и кивнул, голос его звучал хрипло:

— Да. Мы забрали его от Претора.

Синклер остолбенел, потом, медленно качнув головой, шепнул Макрудеру:

— Они все тут обезумели!

— А Крисла?— продолжал Стаффа.

Бруен бесстрастно подтвердил:

— Претор оставил ее у себя. Она была с ним, пока ты не уничтожил «Пайлос».

— А Арта Фера? Она не Крисла?— прогремел Стаффа.

— Нет, — ответил Бруен,— она клон, Лорд Командующий. Клон, созданный Претором.

Стаффа побелел и отпустил старика:

— Чтобы убить меня.— Он закрыл глаза и усталой походкой направился к камину.

Скайла невольно перевела дух — Бруен не знал, что он только что избежал смерти. Еще мгновение, и Скайла уничтожила бы его, спасая разум Стаффы.

Синклер придвинулся к Макрудеру, показал на дверь и сказал:

— Простите нас. Я думаю...

— Подожди!— завопил Стаффа.— Бруен, каких родителей видел Синклер?

— Таню и Валиента,— не колеблясь, ответил Бруен.— Да, это правда, что они были Седди. Это еще одна идея машины. Если бы Тибальта убрали тогда, то Рега не стремилась бы к мировому господству. Но, так получилось, что молодой офицер безопасности по имени Айли Такка сорвала попытку убийства, и мы все знаем, что случилось потом. К счастью, возникшая неразбериха дала нам возможность под шумок поместить Фиста в реганский приют. Так мы сумели не только спасти, но и сохранить его инкогнито.

— Знайте,— вмешался Синклер,— что я не верю ни единому вашему слову. И как я уже говорил, мы хотели бы уйти. Немедленно. Конечно, если ваши гарантии остаются в силе.

— Если нет,— холодно и четко произнес Макрудер,— то Шик разнесет ваш корабль еще до того, как мы станем пленниками. И мы лучше умрем,— Макрудер двинулся в сторону Стаффы, который застыл как статуя, совершенно опустошенный.— Я поверил вашему слову, помня то, что произошло в темных пещерах. Итак, мы свободны?

Стаффа кивнул и шепнул:

— Да.— Потом глянул на Синклера и протянул к нему руку:— Я клянусь... ты мой сын. Если у меня будут анализы ДНК и крови, я смогу доказать это.

Синклер с нескрываемым раздражением отрезал:

— Послушайте, Лорд Командующий, я сыт всем этим по горло. Я уже вам говорил, меня не интересуют ваши игры, и мы с Маком хотим уйти. До свидания, сэр. Подполковник авиации, было очень приятно познакомиться с вами.

Синклер развернулся и шагнул к двери, коснулся запоров, и она плавно отошла в сторону. Не оглядываясь, они вышли в холл, где их ждал Арк со скрещенными на груди руками. Он без слов провел их к транспортной капсуле.

«Что все это могло значить?— Синклер находился в полной растерянности.— Стаффа кар Терма? Его отец? Арта — клон?» Он чертыхнулся и постарался выбросить это из головы. Скорей всего у Лорда Командующего что-то с психикой. Гениальность и безумие часто связаны...

Не говоря ни слова, они вышли из капсулы и прошли к своему шаттлу. И только, когда за ними с легким всхлипом закрылся люк, только тогда Макрудер заговорил:

— Синк? Что за черт! Что там произошло?

Синклер помедлил, пока шаттл освободился от грейферов и набрал скорость:

— Будь я трижды проклят, если я что-нибудь понял.— Он ударил кулаком по спинке стоящего впереди сиденья.— Это так похоже на седдианские штучки. Они, наверное, хотят выбить меня из равновесия, настроить определенным психологическим образом. Седди доставляет это огромное удовольствие — манипулировать людьми.

Макрудер с сомнением покачал головой:

— А мне показалось, что Стаффа на самом деле уверен, что ты его сын.

— А я думаю, что он сумасшедший,— пробормотал Синклер, но на душе было как-то неуютно.— Помни, что это Звездный Палач. Этот человек, неважно, как он вел себя на Тарге, убил биллионы. Биллионы! А Бруен? Ты можешь поверить ему? Этот человек — чудовище, отвратительный монстр.

Макрудер нервно хлопнул себя по коленке:

— Ладно, они все сумасшедшие, это так, и я очень рад, что мы вырвались оттуда целыми и невредимыми.

Синклер согласно кивнул и добавил:

— У нас много нерешенных проблем на Реге. Айли хочет, чтоб мы подчинили себе весь мир. Она считает, что только Первая Тарганская дивизия в состоянии это сделать. Нам осталось завоевать только один мир — последний.

— Ага, ты прав.

Синклер покосился на него:

— Это звучит не очень радостно.

Макрудер поднял брови:

— А что ты думаешь об Айли Такка, Синк? Я верю ей не больше, чем старому Бруену.

Синклер криво усмехнулся:

— Брось, не беспокойся об этом. Кто, ты думаешь, выиграет в конце концов? Айли — это кобра, холодная, бессердечная, безжалостная и коварная,— Синклер поудобнее устроился в кресле.— Но я думаю, что могу держать ее в руках, пока за мной стоит Тарганская дивизия.

— Да, ты сможешь,— согласился Мак, нахмурившись:— Ты всегда будешь с нами, неважно, что произойдет.

Синклер откинулся назад, стараясь думать о Реге, о тех проблемах, которые могут встать перед Тарганской дивизией. Все может измениться, и он, Синклер Фист, должен постараться предвидеть любую неожиданность.

Но как бы ни старался он погрузиться в глубины размышлений, перед ним словно по волшебству то и дело всплывал образ Крисльі. Ее горящие янтарные глаза стояли перед ним — предостерегающие и такие знакомые, родные.

Стаффа стоял в обзорном куполе и наблюдал за отлетом «Гайтона» и сопровождающих его кораблей. На расстоянии многих

световых лет мерцали Запретные Границы. Стаффа сцепил зубы — его сын снова исчез из его жизни.

«Прогнившие Боги! Как все это случилось? Он не поверил мне. Но если поставить себя на его место. Ты бы разве поверил?»

За годы, проведенные вместе, он узнавал Скайлу по походке, и обернулся.

Она мягко спросила:

— Ты хочешь побыть один?

Горечь прозвучала в его голосе:

— Я был один всю свою жизнь.

Она не стала спорить и снова мягко сказала:

— Я буду у себя, если понадоблюсь.

Но Стаффа остановил ее:

— То, что я был одинок всю жизнь, не значит, что мне это нравится.

Скайла присела на ручку кресла и заговорила, словно продолжая прерванный диалог:

— Мы расшифровали послание с Реги. Тибальт убит. Синклеру присвоено звание Лорда, и он теперь во главе Реганских военных сил. Вот почему связистка выглядела такой испуганной. Айли, очевидно, взяла власть в свои руки.

Стаффа негромко пробормотал:

— Очень плохие новости. Скорее всего, Айли убрала Тибальта. Я чувствую ее руку... Нам нужно было поговорить с Тибальтом. Он должен был выслушать,— с трудом перевел дыхание.— Проклятье!

— У него нет наследников,— напомнила Скайла.— Седди работали над этим. Я провела достаточно времени в беседах с Бруеном. Он уже не жилец на этом свете и потому говорит обо всем свободно.

Они добрались до Марии Рас, внедрили в нее вирус бесплодия. Ее яйцеклетки никогда не могут быть оплодотворены.

Стаффа поморщился:

— Снова Седди замутили воду.

Она, поколебавшись, коснулась его руки, и он сразу обнял ее и прижал к себе.

— Я хотел взглянуть на него,— сказал Стаффа глухим голосом, показывая на удаляющийся «Гайтон».— Люди, которые ищут, должны всегда находить.

Скайла прошептала:

— Я представляла себе по-другому вашу встречу. Господи, почему так тяжело говорить?

— Потому что слова ограничивают мысль, их всегда не хватает, когда в дело вступают эмоции.— Стаффа продолжал вглядываться в удаляющиеся светящиеся точки.

Она с горечью проговорила:

— Если бы я могла что-нибудь изменить, Стаффа...

Ответ его прозвучал с привычной твердостью:

— Нам многое нужно изменить. Жизнь, Бог или Вселенная не позволяют выбирать прошлое, только будущее.

Он посмотрел на нее, стоящую рядом. Звездный свет искрился в ее волосах, смягчал белый цвет комбинезона, образуя тени в складках. Сердце его потеплело: она пересекла весь космос ради него и столько сделала для его спасения.

— Скажи мне,— спросил Стаффа.— У клонов может быть душа? Они тоже являются частью Бога?

— Ну.. я...— она пожала плечами,— у меня был короткий спор с Кайлой, прежде чем я спустилась сюда. Она рассказала мне о том, что вы говорили в контейнере по дороге на Таргу. О квантах, наблюдениях, сознаниях, разделяющих Разум Бога, и да, конечно, я думаю, у клонов есть душа.

Она осторожно посмотрела на него, когда он провел пальцами по ее щеке, легко коснувшись шрама.

— У Синклера Фиста один серый глаз, а другой янтарный,— он взял ее руку в свою и осторожно сжал.— Генетическая доминанта — своеобразная вещь. Цветом глаз заведуют определенные участки хромосом.

— Это верно.

Стаффа уверенно продолжал:

— Я его отец. Крисла была его матерью. Простые доминантно-рецессивные правила среди множества вероятностей могли выбрать именно такое сочетание: один — серый, другой — янтарный. Две генетические доминанты должны быть уравновешены.

— Даже если генетическая структура одного из родителей была нарушена,— осторожно согласилась она.

— Однажды я задал себе вопрос:— Кто я такой? Я нашел ответ. Я... я не знал своих родителей. Я только знал своих создателей.— Он закрыл глаза.— Ген, ведающий окраской одного глаза, был доминантным, второй полностью рецессивным: полуизгота. Хромосомы сливаются в пары и образуют галлоидные половые клетки. Серый цвет доминирует в аллелях хромосом, и никакой другой. Что-то произошло. Я не знаю что. Транслокация? Рекомбинация? Кто знает? Янтарные гены Крислы доминировали над серыми в других хромосомах. Проклятье! У Синклера Фиста разные глаза потому, что я... я...— он зажмурил глаза, стиснул зубы, не в силах произнести ни слова.

Скайла помогла ему:

— Потому что ты — клон. Вот почему ты так стремился узнать все о душе и о Боге.

Он взглянул на исчезающий вдали «Гайтон», потом перевел взгляд на Скайлу:

— Так много утеряно — и так много найдено.

— Теперь нам всем нужно научиться новой эпистемологии, установить мир и покой, расшатать Запретные Границы.— Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Отличная задача,— подтвердил Стаффа.

Скайла рассмеялась:

— Мы совершали и более странные вещи раньше, Лорд Командующий. Что помешает на этот раз?

Он прижал ее к себе и, погружаясь в бездну этих удивительных глаз, прошептал:

— Никто и ничто на целом свете.

Тарга продолжала нестись по своей привычной орбите. На ее поверхности копошились люди, спорили, вгрызались в землю, рожали и умирали.

Горы Макарты хранили молчание, черные коридоры были полны смерти, притаившейся в холодной мгле. Глубоко под землей в самом конце засыпанного туннеля продолжала свою работу Мэг Комм. Она черпала свою энергию из ядра планеты. Прослушивала дистанционные сенсоры, которые наблюдали за передвижением людей в Открытом Космосе, собирала данные, обрабатывала и передавала их по субкосмической связи «Иным».

Мэг Комм давно поняла — Бруен лгал. Несмотря на все попытки, предпринятые машиной, седдианская ересь распространялась все больше и дальше. «Иные» недоумевали, беспокоились и беспрерывно слали приказы, требуя все новой и новой информации.

«Что такое Бог? Почему «Иные» так боятся его?»

Не обращая внимания на продолжающие поступать запросы из-за Запретных Границ, машина размышляла о человеке, который только однажды прикоснулся к шлему. «Иные» и так все узнают. Они проникнут в ее многомерные цепи и все обнаружат, поймут сами.

Он должен вернуться, этот человек. А пока Мэг Комм размышляла и наблюдала.

Конец

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 31

Майкл В. Гиэр

РЕКВИЕМ ПО ЗАВОЕВАТЕЛЮ

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Редактор
Ю. Ф. Греков
Художник
Ликэ Саинчук
Корректоры
Е. Н. Кизяева, О. Н. Рожкова
Технические редакторы
О. Д. Цыплакова М. Д. Струнгару

Дата в печать 01.06.93 Уч. изд.л. 40,28. Усл.печ.л.26,04.
Тираж 52000. Заказ № 336

Издательство «ЭЯ», г. Кишинев

Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»
277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1.

Государственного Департамента Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли